

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2014 № 1 (57) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Бая-Луцкого университета (г. Бая Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Контарович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Гудов А. М. – д-р ф.-м.н., доцент.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2014 № 1 (57) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses" by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
A. M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimova, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 7 *Заушинцева А. В., Заушинцев А. С., Мальцева А. Т., Свиркова С. В., Тарасова И. В., Барышева О. В.* Реакция растительного покрова на загрязнение почвы нефтепродуктами
- 12 *Зырянова О. А.* Изучение видового состава лишайников республики Хакасии (на примере Ширинского района)

ИСТОРИЯ

- 19 *Ешпанов В. С.* Актюбинские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): принципы и методы производственной деятельности
- 22 *Красильникова Е. И.* Из истории Омского краеведческого музея: юбилейная выставка к столетию со дня гибели А. С. Пушкина (1937 г.)
- 26 *Маркова К. Ю.* Изобразительные стили и приёмы в городской культуре Семиречья и Южного Казахстана (на примере антропо-зооморфной керамики и архитектурного декора)
- 31 *Романцова Е. С.* Эволюция оренбургских региональных исследований истории библиотечного дела
- 36 *Фризен Д. Я.* Аграрный вопрос в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX века

МАТЕМАТИКА

- 39 *Новосельцева М. А.* Структурно-параметрическая идентификация модели газовой печи на основе измерений ее вход-выходных процессов
- 43 *Чекменев В. А., Чекменева Т. Д.* О многокритериальной оптимизации сети массового обслуживания с множественным доступом в условиях конкуренции информационных потоков

ПЕДАГОГИКА

- 46 *Барина Л. В.* Взаимодействие педагогов и родителей в воспитании учащихся в российских школах в XIX веке
- 50 *Горбунов А. П.* Качественная определенность динамики высшей школы как базового фактора инновационной трансформации экономических основ общества
- 58 *Плетенева И. Ф., Емельянова Н. Р.* Подготовка учительниц в педагогических классах женских гимназий России второй половины XIX в.
- 61 *Ушева Н. В., Сметанина Е. И., Мойзес О. Е., Бондалетова Л. И., Самборская М. А.* Основные направления модернизации образовательной программы «химическая технология» в соответствии со стандартами CDIO
- 70 *Хорошилова Л. С., Морозова Н. И.* Реабилитация детей с девиантным поведением

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 73 *Головацкий Е. В.* Политические нововведения: типологические подходы и оценки (на примере регионального исследования)

BIOLOGY

- 7 *A. V. Zaushintsena, A. S. Zaushintsen, A. T. Maltseva, S. V. Svirnova, I. V. Tarasova, O. V. Barysheva.* Vegetation degradation due to soil pollution with oil
- 12 *O. A. Zyryanova.* Studying the specific structure of lichens in the republic of Khakassia (the example of the Shirinsky area)

HISTORY

- 19 *V. S. Eshpanov.* Aktyubinsk railway workers during the great patriotic war (1941 – 1945): the principles and methods of production activities
- 22 *E. I. Krasilnikova.* A page from the Omsk Regional Museum's history: the exhibition dedicated to the centenary of Alexander Pushkin's death (1937)
- 26 *K. Yu. Markova.* Graphic styles and techniques in the city culture of Semirechye and South Kazakhstan (the example of the anthropo-zoomorphic ceramics and architectural decoration)
- 31 *E. S. Romantsova.* Evolution of the Orenburg regional studies of library history
- 36 *D. Ya. Frizen.* The agrarian question in Turgay region in second half of the 19th – early 20th centuries

MATHEMATICS

- 39 *M. A. Novoseltseva.* Structural and parametric identification of the gas furnace model based on measurements of its input and output processes
- 43 *V. A. Chekmenev, T. D. Chekmeneva.* On multicriterial optimization of queueing networks with multiple access at competitive information flows

PEDAGOGICS

- 46 *L. V. Barinova.* Teachers and parents' cooperation in pupils' upbringing in Russian schools of the 19th century
- 50 *A. P. Gorbunov.* Qualitative specificity of higher school dynamics as a basic factor of the innovative transformation of the economic foundations of the society
- 58 *I. F. Pleteneva, N. R. Emelyanova.* Training teachers in teaching classes of Russian girls' schools in the second half of the 19th century
- 61 *N. V. Usheva, E. I. Smetanina, O. E. Moyzes, L. I. Bondaletova, M. A. Samborskaya.* The main directions of modernization of «Chemical Technology» education programme in accordance with the CDIO standards
- 70 *L. S. Khoroshilova, N. I. Morozova.* Rehabilitation of children with behavioral problems

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 73 *E. V. Golovatsky.* Political innovation: typological approach and evaluation (a case study of regional studies)

- 77 **Кривцова Е. В.** Исследование ценностного самоопределения личности
- 82 **Мещерякова С. М.** Суверенное государство Шотландия: за и против
- 86 **Омеличкин О. В.** Электронная демократия: понятие, проблемы

ПСИХОЛОГИЯ

- 90 **Аверьянова Н. В.** Особенности психофизиологического развития студентов в процессе обучения на факультетах естественнонаучного и гуманитарного профиля

ФИЗИКА

- 97 **Кызыласов Ю. И.** Нелинейная рефракция в стеклах. Из истории первых наблюдений
- 101 **Поплавной А. С.** Структурные подрешетки, псевдосимметрия в сложных кристаллических соединениях

ФИЛОЛОГИЯ

- 114 **Алексютина В. А.** Мотивные комплексы, воплощающие тему семьи в рассказах Л. Улицкой
- 118 **Бадер О. В.** Когнитивно-семантическая классификация и морфосинтаксические особенности идишских глаголов с префиксом *der-*
- 123 **Буряковская В. А.** Аксиологические векторы массовой культуры
- 126 **Вашеулова А. С.** Специфика метафорической репрезентации концепта *happiness* в американском политическом, религиозном и бытийном типах дискурса
- 132 **Гаранина Н. В.** Речевое поведение английских школьников в подвижной игре (социализация инстинктов)
- 136 **Голев Н. Д., Дударева Я. А.** Семантическая близость как показатель сходства коммерческих обозначений до степени смешения
- 139 **Маркелова Л. В.** Исследование мотивации эмоционально-оценочных лексических единиц, обозначающих «безумие»
- 143 **Новикова В. С.** Историко-этимологический анализ имени концепта *student*
- 146 **Полежаева Ж. Ю.** Семантика русских глаголов-светообозначений
- 151 **Савицкий И. П.** Критерии идентификации окказиональной лексики (на материале немецких печатных СМИ)
- 160 **Сапожникова Ю. Л.** Особенности историй рабов, написанных авторами-женщинами
- 164 **Сараева Т. В.** Мотив чуда в лирике А. Штейгера
- 167 **Старикова Л. С.** Культурный концепт «социалистический труд» и его наполнение в лагерной прозе второй половины XX века (В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов)
- 173 **Федосова Т. В.** Актуализация концепта «время» в авторской картине мира Маргарет Этвуд
- 178 **Шкурат Л. С.** Проблема духовного распада семьи в повести Ю. В. Бондарева «Родственники»

- 77 **E. V. Krivtsova.** Research of valuable self-determination of the personality
- 82 **S. M. Meshcheryakova.** The sovereign state of Scotland: pro and contra
- 86 **O. V. Omelichkin.** E-democracy: concept and problems

PSYCHOLOGY

- 90 **N. V. Averyanova.** Features of psycho-physiological development of students majoring in Natural Science and in the Humanities

PHYSICS

- 97 **Yu. I. Kyzylasov.** Nonlinear refraction in glass. From the history of the first observations
- 101 **A. S. Poplavnoy.** Structural sublattices, pseudo-symmetry in complex crystalline compounds

PHILOLOGY

- 114 **V. A. Aleksyutina.** Motivic complexes embodying the theme of family in L. Ulitskaya's stories
- 118 **O. V. Bader.** Cognitive and semantic classification and morphosyntactic features of Yiddish verbs with the prefix *der-*
- 123 **V. A. Buryakovskaya.** Axiological vectors of mass culture
- 126 **A. S. Vashcheulova.** Peculiarities of the metaphoric representation of the concept of *HAPPINESS* in American political, religious and common types of discourse
- 132 **N. V. Garanina.** English children's speech behavior in outdoor games (socialization of instincts)
- 136 **N. D. Golev, Ya. A. Dudareva.** Semantic proximity as a measure of commercial designations similarity to confusion
- 139 **L. V. Markelova.** Analysis of motivation of emotive lexical units denoting *madness*
- 143 **V. S. Novikova.** Historical and etymological analysis of the name of the concept *STUDENT*
- 146 **Zh. Yu. Polezhaeva.** The semantics of the Russian verbs denoting light
- 151 **I. P. Savitskiy.** Criteria of nonce-words identification in the German press
- 160 **Y. L. Sapozhnikova.** Characteristic features of slave narratives written by women
- 164 **T. V. Saraeva.** Motive of the miracle in A. Shteyger's lyrics
- 167 **L. S. Starikova.** The cultural concept of «*socialist labour*» and its content in the second half of the 20th century (V. Shalamov, S. Dovlatov, V. Maksimov)
- 173 **T. V. Fedosova.** Actualization of the concept of time in Margaret Atwood's worldview
- 178 **L. S. Shkurat.** The problem of the family's spiritual degradation in Yu. V. Bondarev's novel «*Relatives*»

- 181 **Щеголихина Ю. В.** Лексико-семантические компоненты концепта «Familië» (по данным воспоминаний российских немцев)

ФИЛОСОФИЯ

- 185 **Гаврилов Е. О.** Проблема социальности в контексте классических и неклассических интерпретаций
- 191 **Заруцкая С. В.** Крах интеллигентской идеологии: причины неудачи (из культурно-философского контекста конца XIX – начала XX века в России, по материалам сборника о русской интеллигенции «Веги»)
- 194 **Лобанова Н. И.** Единство разума и бытия (из опыта преподавания философии)
- 198 **Щенников В. П.** Кузбасские философские чтения как научный проект (аналитический обзор)

ЭКОНОМИКА

- 202 **Данько Х. А., Халиуллина В. В.** Миграционная привлекательность Кемеровской области
- 208 **Ефременков А. Б., Трифонов В. А.** Проблемы реализации социально-экономической политики в регионе и моногороде Юрга
- 215 **Малахова Ю. В., Хохлова В. В.** Технологии оценивания компетенций: обзор проблемы
- 220 **Наседкин Ю. С.** Оценка бюджетной обеспеченности муниципальных образований региона: проблемы и решения
- 226 **Рощина И. В., Дятлова Н. А.** Методика определения устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования
- 231 **Смирнова Т. Л.** Теоретико-методологический подход к оценке трансформации структуры рынка рабочей силы
- 235 **Трифонов В. А.** Приватизация как форма преобразования государственной собственности в современной российской экономике
- 240 **Шорохов С. И.** Прогноз численности и возрастной структуры экономически активного населения Алтайского Края и Кемеровской области

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 247 **Лелюх В. Ф., Чванова Л. В.** Трактовки асоциальной девиантности и делинквентности: исторический аспект
- 255 **Невзоров Т. Б.** Правовые последствия не антропогенного воздействия на окружающую человека среду
- 259 **Юркевич Н. А.** К вопросу о субъекте осуществления судебного контроля
- 263 Правила для авторов журнала
- 265 Подписка на «Вестник КемГУ»

- 181 **Yu. V. Shchegolikhina.** Lexical and semantic components of the concept «FAMILIE» (according to the memories of Russian Germans)

PHILOSOPHY

- 185 **E. O. Gavrilov.** Sociality problem in the context of classical and nonclassical interpretations
- 191 **S. V. Zarutskaya.** The collapse of the intelligentsia ideology: the causes of failure (cultural and philosophical context of the late 19th – early 20th centuries in Russia, based on the book about the Russian intelligentsia «Vehi»)
- 194 **N. I. Lobanova.** Unity of mind and being (from the experience of teaching Philosophy)
- 198 **V. P. Shchennikov.** Kuzbass Philosophical Readings as a scientific project (analytical review)

ECONOMICS

- 202 **Kh. A. Danko, V. V. Khaliulina.** Migratory attractiveness of Kemerovo region
- 208 **A. B. Yefremenkov, V. A. Trifonov.** Problems of implementing socio-economic policy in the region and in the monotown of Yurga
- 215 **Yu. V. Malakhova, V. V. Khokholova.** Qualifications assessment technologies: a view on the problem
- 220 **Yu. S. Nasedkin.** Estimation of budget sufficiency of the region's municipal formations: problems and solutions
- 226 **I. V. Roshchina, N. A. Dyatlova.** Methods of determining sustainable social security of labour relations at the city-forming enterprise of a single-industry municipality
- 231 **T. L. Smirnova.** Theoretical and methodological approach to the transformation of labour market
- 235 **V. A. Trifonov.** Privatization as a form of transformation of state property in the modern economy of Russia
- 240 **S. I. Shorokhov.** The forecast of the size and age structure of the economically active population of Altai territory and Kemerovo region

JURISPRUDENCE

- 247 **V. F. Lelyukh, L. V. Chvanova.** Treatment of asocial deviant and delinquent activities: historical aspect
- 255 **T. B. Nevzorov.** Legal consequences of non-anthropogenic impact on the environment
- 259 **N. A. Yurkevich.** To the question of the subject of judicial control implementation
- 263 Information and instructions for authors
- 265 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 581.5:574.34:574.45

РЕАКЦИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА НА ЗАГРЯЗНЕНИЕ ПОЧВЫ НЕФТЕПРОДУКТАМИ

Заушинцева А. В., Заушинцен А. С., Мальцева А. Т., Свиркова С. В., Тарасова И. В., Барышева О. В.

VEGETATION DEGRADATION DUE TO SOIL POLLUTION WITH OIL

A. V. Zaushintsen, A. S. Zaushintsen, A. T. Maltseva, S. V. Svirskova, I. V. Tarasova, O. V. Barysheva

В условиях модельного опыта темно-серая лесная почва загрязнена нефтепродуктами (моторное масло, дизельное топливо). Предварительно идентифицировано 60 видов растений из 20 семейств. Максимальное число из них (8 – 9 видов) были в семействах *Asteraceae*, *Fabaceae*, *Poaceae*. От загрязнения погибло 30 % видов растений. Хорошая выносливость к загрязнителям характерна для *Cirsium setosum* (Willd.). За 4 года (2010 – 2013) отмечено частичное восстановление растительного покрова.

In a modeling experiment, darkgray forest soil was contaminated with petroleum products (motor oil, diesel fuel). Preliminarily 60 plant species from 20 families had been identified, the maximum number of them (8 – 9 species) belonging to the families *Asteraceae*, *Fabaceae*, *Poaceae*. Pollution killed 30 % of plant species. Good resistance to pollutants is characteristic of *Cirsium setosum* (Willd.). In 4 years (2010 – 2013) partial revegetation was observed.

Ключевые слова: почва, нефтепродукты, растения, виды, значимость видов, деградация растительного покрова.

Keywords: soil, oil, plant species, importance of species, degradation of vegetation.

Одним из самых опасных загрязнителей окружающей среды являются углеводородные продукты (нефть, нефтепродукты, их производные). В процессе оценки воздействия углеводородного загрязнения почвы на экологическое состояние ландшафтов важно учитывать, что содержащиеся в ней нефтепродукты оказывают прямое воздействие не только на структурно-агрегатный состав, физические и химические свойства, но и на биологические системы. Прежде всего, это выражено в изменении видового состава растительного покрова, снижении его биологической продуктивности и даже в полном исчезновении некоторых из них [2]. В научной литературе достаточно сведений, отражающих реакцию растений на загрязнение естественных и агрофитоценозов [5; 7; 8; 10]. В связи с этим важно мобилизовать природные резервы почвенной и напочвенной биоты и направить на разложение углеводородных поллютантов. Эффективность результата будет зависеть от комплексной оценки биоценозов и выделения наиболее выносливых к загрязнению видов, которые можно было бы рекомендовать в качестве фиторекультиваторов. Наряду с другими биологическими системами они позволяют обеспечить стабильность процесса биологического распада загрязнителей при относительно невысокой стоимости затрат [3]. В этом направлении выполнены наши исследования.

Цель исследований: оценка степени деградации растительного покрова в результате загрязнения почвы нефтепродуктами. Сформулированы и реализованы задачи по изучению видового состава растительного покрова и биопродуктивности в зависимости от вида и концентрации загрязнителя в почве, влияния внесенной дозы микроорганизмов-деструкторов марки «Биоойл-Югра».

Исследования проведены на опытном полигоне Кемеровского государственного университета в условиях модельного опыта с загрязнением почвы отработкой моторного масла и дизельного топлива в концентрациях: 1 %, 5 % и 10 %. Почва – темно-серая лесная среднесуглинистая по гранулометрическому составу. Погодные условия были разными:

2010 и 2011 гг. – относительно благоприятные по гидротермическому режиму;

2012 г. – остро засухливый;

2013 г. – с количеством осадков, значительно превысившим среднюю многолетнюю норму.

Исследования видового состава растительного покрова проведены в соответствии с методикой геоботанического описания [10], биопродуктивность – весовым методом с предварительным высушиванием растительных проб до воздушно-сухого состояния. Определена общая биомасса растений, включая, растительный опад, массу надземной части растений и корневую систему на глубину 0 – 30 см.

Схема опыта:

1 – общий контроль (почва без загрязнения нефтепродуктами);

2 – загрязнение почвы отработкой моторного масла (ММ) в концентрации 1 % (1 % ММ);

3 – 1 % ММ + нефтедеструктор (НД);

4 – 5 % ММ;

5 – 5 % ММ + НД;

6 – 10 % ММ;

7 – 10 % ММ + НД;

8 – 1 % дизельного топлива (ДТ);

9 – 1 % ДТ + НД;

10 – 5 % ДТ;

11 – 5 % ДТ + НД;

12 – 10 % ДТ;

13 – 10 % ДТ + НД.

Опыты заложены на делянках площадью 3 м² в 4-х кратной повторности. В качестве нефтеструктора использован биопрепарат марки «Биоойл-Югра», который состоит из ассоциации углеводород-окисляющих бактерий. Статистическая обработка данных осуществлена дисперсионным методом [4] с применением пакета прикладных программ Statistica 6.0 на ПК.

Результаты исследований и их обсуждение

Опасность исследованных загрязнителей, прежде всего, связана с высокой чувствительностью к ним высших растений. Известно, что они занимают ведущее положение практически во всех наземных экосистемах и определяют существование, состав и значимость других представителей биоты как компонентов биогеоценозов [6; 8; 11]. В зависимости от силы техногенного давления можно наблюдать реакцию рас-

тений и их уязвимость. В нашем эксперименте методом геоботанического описания [9] выявлен видовой состав растительного покрова на молодой залежи (с 2004 по 2010 гг.), территория которой выделена под модельный полигон. В общей сложности определено 60 видов, характеризующих 6-летнюю сукцессию, представленную ассоциацией злаково-разнотравного луга.

Анализ хозяйственной значимости показал разнонаправленность видов по целям возможного использования (табл. 1). Среди них 75,0 % отнесено к лекарственным, 40,0 – к пищевым, по 38,3 – к кормовым и медоносным, 35,0 % – к декоративным. Почти половина (46,7 %) из всего учтенного разнообразия представлена сорными видами, отражающими характерную черту восстановительных сукцессий [13; 14] этого возраста.

Таблица 1

Хозяйственная значимость растений

Хозяйственная значимость видов	Число видов*							
	2010 г. (до закладки опыта)		2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	экз.	% от общего числа	экз.	% от общего числа	экз.	% от общего числа	экз.	% от общего числа
Пищевые	24 ± 1,49	40,0	7 ± 1,02	11,7	13 ± 1,26	21,7	14 ± 1,35	23,3
Кормовые	23 ± 1,50	38,3	8 ± 1,14	13,3	16 ± 1,26	26,7	23 ± 1,47	38,3
Медоносные	23 ± 1,42	38,3	5 ± 0,44	8,3	13 ± 2,06	21,7	14 ± 1,97	23,3
Лекарственные	45 ± 6,3	75,0	13 ± 1,23	21,7	29 ± 2,31	48,3	30 ± 2,56	50,0
Декоративные	21 ± 1,24	35,0	2 ± 0,12	3,3	7 ± 0,99	11,7	11 ± 2,11	18,3
Технические	10 ± 1,97	16,6	3 ± 0,19	5,0	5 ± 0,88	8,3	6 ± 0,99	10,0
Сорные	28 ± 2,30	46,7	14 ± 1,25	23,3	23 ± 1,45	38,3	23 ± 1,44	38,3
Ядовитые	6 ± 0,86	10,0	3 ± 0,14	5,0	3 ± 0,15	5,0	3 ± 0,21	5,0

Примечание: *Достоверно при P₀₀₅.

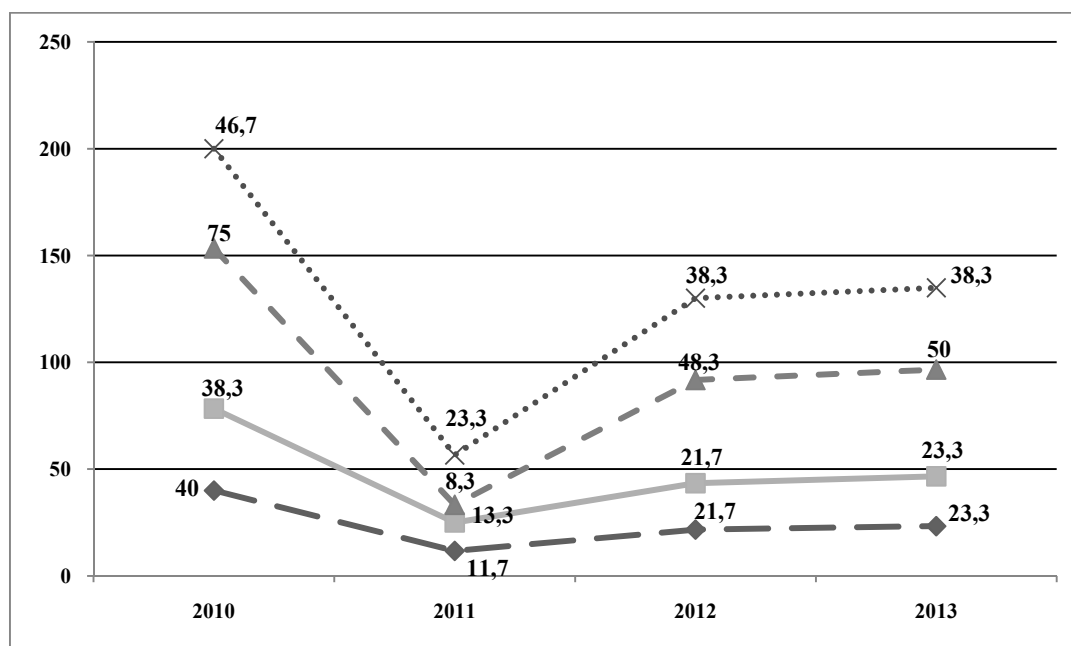

Рис. 1. Влияние загрязнителей на сохранность разных по значимости видов растений, %

После загрязнения почвы отработкой моторного масла и дизельного топлива отмечено значительное сокращение видов. В конце вегетационного периода 2010 г. в целом по опыту сокращение их числа по группам значимости произошло в 2,0 (ядовитые и сорные) – 10, 6 раз (декоративные). Повышение показателей отмечено с 2012 г., когда произошло существенное нарастание численности (рис. 1).

В 2013 г. этот процесс продолжился, но с большей скоростью в группе лекарственных растений, значительно медленнее – в группах пищевых, медоносных, сорных. В группах с медленно восстанавливающейся численностью причинами могли быть слабая сила

роста зачатков жизни и скорость возобновления всхожести семян из запасов, находящихся в почве, а также засуха предыдущего сезона, ограничившая запасы продуктивной влаги, необходимой для благоприятного развития растений.

Не возобновились в условиях опыта 18 видов, имеющих важное значение для поддержания пространственной структуры растительных сообществ, их разнообразия в биоценологических связях в качестве резерва для пополнения и замещения доминантов, что придаёт биоценозу устойчивость и обеспечивает надёжность его функционирования в разных условиях (таблица 2).

Таблица 2

Хозяйственная значимость исчезнувших растений в результате загрязнения почвы

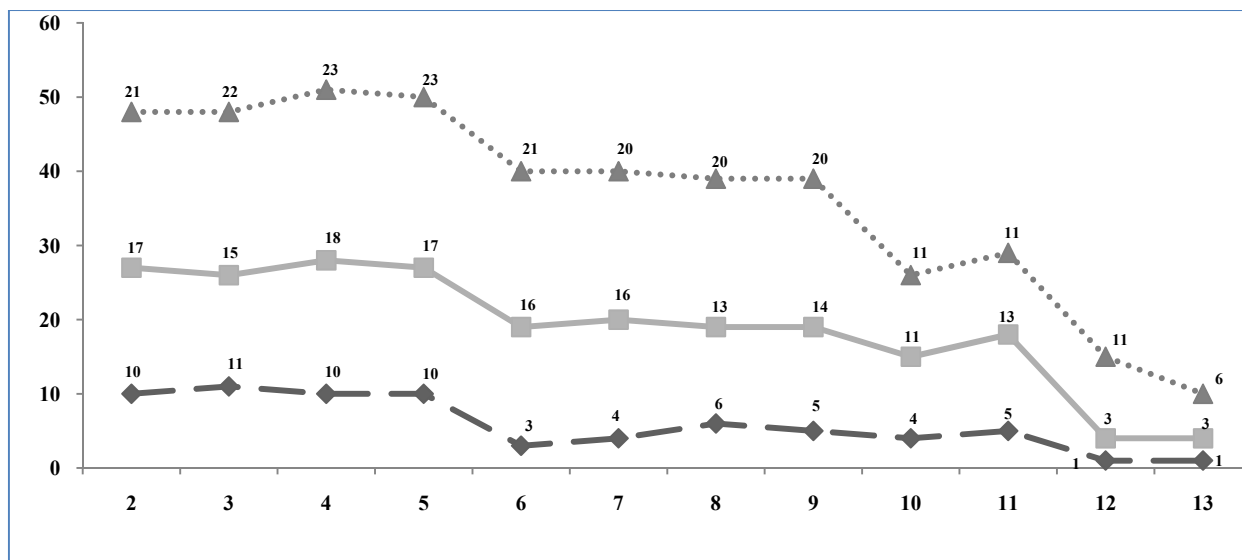
№ n/n.	Название растения		Семейство	Хозяйственная значимость
	русское	латынь		
1	Борщевик расчлененный	<i>Heracleum dissectum</i>	<i>Apiaceae</i>	пищевое, медонос, ядовитое
2	Василистник жёлтый	<i>Thalictrum flavum</i>	<i>Ranunculaceae</i>	медонос, декоративное
3	Вейник тупочешуйный	<i>Calamagrostis obtusata</i>	<i>Gramineae</i>	кормовое
4	Вероника Крылова	<i>Veronica Krylovii</i>	<i>Scrophlarinacea</i>	декоративное, медонос
5	Вздутоплодник волосистый	<i>Phlojodicarpus villosus</i>	<i>Apiaceae</i>	лекарственное, техническое
6	Дудник лесной	<i>Angelica silvestris</i>	<i>Apiaceae</i>	лекарственное, кормовое, пищевое, медонос
7	Живокость высокая	<i>Delphinium elatum</i>	<i>Ranunculaceae</i>	лекарственное, декоративное
8	Зопник клубневидный	<i>Phlomis tuberosa</i>	<i>Laminaceae</i>	пищевое, лекарственное, кормовое, медонос
9	Колокольчик олений	<i>Campanula cervicaria</i>	<i>Campanulaceae</i>	декоративное
10	Крапива жгучая	<i>Urtica urens</i>	<i>Urticaceae</i>	пищевое, кормовое, лекарственное, сорное
11	Кровохлёбка лекарственная	<i>Sanguisorba officinalis</i>	<i>Rosaceae</i>	кормовое, лекарственное, медонос, декоративное
12	Лапчатка золотистая	<i>Potentilla chresantha</i>	<i>Rosaceae</i>	лекарственное, техническое, декоративное
13	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i>	<i>Ranunculaceae</i>	лекарственное, медонос, декоративное, ядовитое.
14	Лобазник вязолистный	<i>Filipéndula ulmária</i>	<i>Rosaceae</i>	техническое, медонос, пищевое, декоративное, лекарственное
15	Папоротник орляк	<i>Pteridium aquilinum</i>	<i>Hypolepidaceae</i>	лекарственное, пищевое, техническое, ядовитое.
16	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i>	<i>Polygonaceae</i>	лекарственное, пищевое, кормовое, техническое, сорное
17	Щавель пирамидальный	<i>Rumex thyrsiflorus</i>	<i>Polygonaceae</i>	сорное, кормовое
18	Ястрибинка зонтичная	<i>Hieracium umbelatum</i>	<i>Asteraceae</i>	лекарственное, сорное, техническое

Идентификация видового состава растительности на делянках с разной концентрацией загрязнителей также подтвердила выше указанную закономерность (рис. 2), выявлена четкая тенденция в том, что отработка моторного масла влияет менее токсично на растения и их зачатки (варианты 2 – 7), чем дизельное топливо (варианты 7 – 13). В 6 – 20 раз снизилось число видов в первом случае и в 10 – 60 раз – во втором. На делянках, загрязнённых дизельным топливом, в 2011 г. сохранилось лишь по 3 растения *Cirsium setosum* (Willd.), который, видимо, за счет корневой

системы (корневых отпрысков), содержащей достаточно большое количество влаги и растворённых в ней элементов питания, выжил на всех без исключения вариантах опыта. Условно выносимыми были *Galeopsis bifida* Boenn. и *Amaranthus retroflexus* L., сохранившиеся на первых 7 вариантах. На 4 – 5 делянках с меньшими концентрациями загрязнителей продолжали вегетировать: гречишка выюнковая, желтушник левкойный, звездчатка злаковая, костёр безостый, пастушья сумка, чистец болотный и щетинник зелёный. Нет статистически достоверных различий по

общей численности видов на загрязненных делянках без обработки биопрепаратом – деструктором углеводородов – и на делянках с его применением. Вместе с тем видовое разнообразие имеет место быть. Так, дрёма белая выявлена на вариантах 7 – 9, жабрей двураздельный – на 2 – 5, 8, 11. Это, скорее всего, характеризует их размещение в исторически сложившемся

когда-то в структуре изучаемой ассоциации в процессе приспособления к определенным абиотическим и биотическим условиям ландшафта. Они составляют группировки, отражающие горизонтальную структуру ассоциации в виде различного рода узорчатостей, пятнистостей каждого вида.

Примечание: * Варианты опыта приведены в соответствии со схемой опыта.

Рис. 2. Влияние загрязнителей на численность видов по вариантам опыта

Важным аспектом данных исследований является изучение продуктивности растительности как современного фактора, влияющего на почвообразование [1]. Данные о запасах надземной и подземной фитомассы дают представление о количестве растительного вещества, участвующего в биологическом круговороте, а также раскрывают пути приспособления различных экосистем к изменяющимся факторам воздействия. Во все годы исследований получены результа-

ты по оценке биологической продуктивности растений (таблица 3). В силу влияния разных абиотических факторов (погодные условия, элементы питания в почве и концентрации загрязнителей) получены неоднозначные результаты и выявлены закономерности, отражающие сложные системы взаимодействия почвенной биоты в процессе очищения среды обитания, которые не единожды выявлены другими исследователями [5; 12].

Таблица 3

Средняя биопродуктивность растений с единицы площади

Вариант опыта	2010 г.			2013 г.			± % к 2010 г.
	биомасса, г/м ²	% к общему контролю	% к контролю загрязнителя	биомасса, г/м ²	% к общему контролю	% к контролю загрязнителя	
1	608,5	-	-	1908,9	-	-	313,7
2	786,4	129,2	-	975,5	51,1	-	124,0
3	902,4	148,3	114,7	1446,5	75,8	148,3	160,3
4	418,4	68,7	-	1464,7	76,7	-	350,1
5	771,2	126,7	184,3	1896,8	99,4	129,5	245,9
6	262,8	43,2	-	1105,0	57,9	-	420,5
7	574,8	94,5	218,7	1298,8	68,3	117,5	225,9
8	423,2	21,7	-	997,8	52,3	-	230,7
9	503,2	82,7	408,4	1093,6	57,9	109,6	217,3
10	206,8	34,0	-	958,6	48,2	-	463,0
11	234,0	38,5	113,1	1082,7	56,7	112,9	462,7
12	84,8	13,9	-	590,3	30,9	-	696,0
13	125,2	20,6	147,7	656,1	34,4	11,1	524
НСР ₀₅	87,9	-	-	146,3	-	-	-

Анализ четырехлетних результатов эксперимента показывает постепенное увеличение биомассы растений, особенно существенный прирост получен в 2013 г. по отношению к 2010 г. Биопродуктивность растений с делянок с общего контрольного варианта, не загрязненного нефтепродуктами, возросла на 313,7 %. Этому способствовало наличие большого количества осадков в сочетании с положительным температурным режимом воздуха. На загрязненных делянках превышение составило 124 – 696 %, но не выявлено вариантов выше общего контрольного показателя, что свидетельствует о недостаточной степени очистки почвы.

В первый год исследований в трёх вариантах (2, 3, 5) отмечена статистически достоверная прибавка биомассы (на 26,7 – 48,3 %) по отношению к общему контролю. С одной стороны, это очевидный стимулирующий эффект от внесения невысоких концентраций (1 – 5 %) отработки моторного масла, а с другой – усиление окислительных процессов за счет внесения микроорганизмов-нефтедеструкторов. С повышением концентраций загрязнителя, особенно дизельного топлива, не исключены полная гибель растений и их зачатков, фенологические отклонения от нормы, в том числе в виде появления гигантских или карликовых форм, нарушения нормальных пропорций во внешнем облике растений и другие [5], что привело к резкому снижению биомассы – от 61,5 % до 86,1 % (варианты 10 – 13). Использование биопрепарата марки «Биоойл-Югра» в целом способствует активизации ростовых процессов, что доказано статистически достоверным увеличением биомассы растений (варианты: 2, 4, 6, 8, 10) по отношению к контролю загрязненных фонов (1, 3, 5, 7, 9).

Аналогичная закономерность прослеживается и в остальные годы. Исключение составляют значения

биопродуктивности на вариантах 12 и 13 как в начале исследований, так и в конце (2013 г.), когда при 10 % концентрации дизельного топлива они составили 13,9 – 20,6 % и 30,9 – 34,4 % соответственно к общему контролю и фактически не различались между собой. Это в первом случае вызвано почти полной гибелью растений, за исключением единичных экземпляров *Cirsium setosum* (Willd.), а во втором – за счет компенсации биомассой разнокомпонентности популяции растений. Структура популяции загрязненного контроля (вариант 12) представлена 11 видами, в числе которых: бодяк щетинистый, горошек мышиный, дрема белая, пикульник двураздельный, овсяница луговая, костер безостый и др. В варианте с обработкой биопрепаратом (13) идентифицированы 6 видов: бодяк щетинистый, полынь обыкновенная, пырей ползучий, тимopheевка луговая, звездчатка злаковая, фиалка полевая. Первый из них является доминантным, занимает, примерно, 65 % площади делянки, формирует объемную фитомассу, но теряет около 35 – 40 % за счет удаления влаги при сушке.

В целом результаты эксперимента на модельных площадках отражают высокую опасность для экологического состояния сопряженных сред «почва – растительный покров» при загрязнении нефтепродуктами, что приводит к нарушению их гомеостаза.

Выводы

1. Загрязнение почвы нефтепродуктами привело к исчезновению 30 % видов растений из общей популяции растительного покрова.

2. Использование биопрепарата марки «Биоойл-Югра» положительно влияет на повышение биологической продуктивности растительного покрова.

Литература

1. Воронов, А. Г. Геоботаника / А. Г. Воронов. – М.: Высш. шк., 1963. – 384 с.
2. Гашева, М. Н. Состояние растительности как критерий нарушенности лесных биоценозов при нефтяном загрязнении / М. Н. Гашева, Н. С. Гашев, А. В. Соромотин // Экология. – 1990. – № 2. – С. 77 – 78.
3. Грищенко, О. М. Ботанические аномалии как поисково-разведочный критерий нефтегазоносности / О. М. Грищенко // Экология. – 1982. – № 1. – С. 18 – 22.
4. Доспехов, Б. А. Дисперсионный анализ / Б. А. Доспехов // Методика полевого опыта. – М.: Колос, 1985. – 381 с.
5. Зволинский, В. П. Развитие сельскохозяйственных культур в условиях нефтяного загрязнения почв / В. П. Зволинский, Е. К. Батовская, А. Н. Бондаренко // Земледелие. – 2008. – № 2. – С. 8 – 9.
6. Звягинцев, Д. Г. Растения как центры формирования бактериальных сообществ / Д. Г. Звягинцев, Т. Г. Добровольская, Л. В. Лысак // Журнал общей биологии. – 1993. – Т. 54. – № 2. – С. 183 – 199.
7. Корсунова, Т. М. Реакция сельскохозяйственных растений на загрязнение почвы нефтью / Т. М. Корсунова, Е. В. Коновалова // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Инновации – приоритетный путь развития АПК». – Кемерово, 2009. – С. 98 – 100.
8. Методы почвенной микробиологии и биохимии / под ред. Д. Г. Звягинцева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 304 с.
9. Миркин, Б. М. Современная наука о растительности / Б. М. Миркин, Л. Г. Наумова, А. И. Соломещ. – М., 2000. – 264 с.
10. Работнов, Т. А. Фитоценология / Т. А. Работнов. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 12 – 36.
11. Сизых, А. П. Структурно-динамическая характеристика современного экологического состояния и прогноза развития растительности Верхнечонского нефтегазоконденсатного месторождения (Иркутская область) / А. П. Сизых // Инженерная экология. – 2009. – № 6. – С. 2 – 16.
12. Хазиев, Ф. Х. Методы почвенной энзимологии / Ф. Х. Хазиев. – М.: Наука, 2005. – 252 с.
13. Luzuriaga, A. L. What determines emergence and net recruitment in an early succession plant community? Disentangling biotic and abiotic effects / A. L. Luzuriaga, A. Escudero // J. Veget.Sci. – 2008. – V. 19. – № 4. – P. 445 – 456.

14. Oldfield secondary succession in SE Spain: can fire invert it? / V. M. Santana [et al.] // Plant Ecol. – 2010. – V. 211. – № 2. – P. 337 – 349.

Информация об авторах:

Заушинцева Александра Васильевна – доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники КемГУ, 8-923-606-38-85, alexaz58@yandex.ru.

Alexandra V. Zaushintseva – Doctor of Biology, Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Заушинцен Антон Сергеевич – соискатель Кемеровского государственного университета, 8-923-606-38-85, alexaz58@yandex.ru.

Anton S. Zaushintsen – post-graduate student at Kemerovo State University.

Мальцева Алла Тихоновна – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники КемГУ, 8-923-606-38-85, alexaz58@yandex.ru.

Alla T. Maltseva – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Свиркова Светлана Валерьевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры ботаники КемГУ, 8-913-404-61-49, svsvirkova@yandex.ru.

Svetlana V. Svirnova – Candidate of Agricultural Science, Assistant Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Тарасова Ирина Викторовна – ведущий инженер кафедры ботаники КемГУ, 8-913-289-37-78, itarasova14@yandex.ru.

Irina V. Tarasova – Senior Engineer at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Барышева Ольга Валерьевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники КемГУ, 8-960-900-65-10, alexaz58@yandex.ru.

Olga V. Barysheva – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

УДК 582.29 (571.513)

ИЗУЧЕНИЕ ВИДОВОГО СОСТАВА ЛИШАЙНИКОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИИ (на примере Ширинского района) *О. А. Зырянова*

STUDYING THE SPECIFIC STRUCTURE OF LICHENS IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA (the example of the Shirinsky area) *O. A. Zyryanova*

На основе собственных сборов изучен видовой состав степных и лесных растительных сообществ Ширинского района, состоящий из 166 видов, 52 родов и 24 семейств. Определение собранного материала проводилось по Определителям лишайников СССР и России. Объемы семейств и родов лишайников даны в основном в соответствии с работой О. Е. Eriksson, D. L. Hawksworth с учетом R. Santesson et al. Проведены биоморфологический, экологический и географический анализы. В результате изучения лишайников в различных типах степных сообществ показано их наибольшее видовое разнообразие в петрофитных вариантах мелкодерновинных настоящих степей, наименьшее – в крупнодерновинных типах, что можно объяснить малой конкурентоспособностью лишайников в сравнении с корневищными злаками, осоками и травянистой степной растительностью. Видовое разнообразие лишайников богаче в светлохвойных лиственничных лесных, чем в мелколиственных березовых. В районе исследования отмечено преобладание лишайников накипного слоевища. В степных растительных сообществах среди накипных преобладают лишайники с жизненными формами ареолированного и диморфного слоевища, устойчивые к иссушению и переохлаждению.

On the basis of the material collected by the author, the specific structure of steppe and forest plant communities of the Shirinsky area, consisting of 166 species, 52 genera and 24 families, is studied. The identification of the collected material was carried with the help of the Handbook of the lichens of the USSR and Russia. The volumes of families and genera of lichens suggested generally correspond to the work of O. E. Eriksson, D. L. Hawksworth taking into account R. Santesson et al. Biomorphological, ecological and geographical analyses are carried out. As a result of studying of lichens in different types of steppe plant communities the greatest species diversity was found in petrophytic short-turfy

steppes and the smallest one – in tall-turfy steppes, which can be explained by low competitive ability of lichens in comparison with rhizomatous grass, sedges and herbaceous steppe vegetation. The specific variety of lichens is richer in light-coniferous larch forest, as compares to small-leaved birch forest. Crustaceous lichens prevail in the studies area. Among the crustaceous lichens in steppe plant communities, those with a life form of areolated and dimorphic thallus resistant to drought and supercooling prevail.

Ключевые слова: лишайник, жизненная форма, экологическая группа, географический элемент, тип ареала, облигатные и факультативные кальцефилы.

Keywords: lichens, vital form, ecological group, geographical element, area type, obligate and facultative calciphils.

Ширинский район расположен в северной части Республики Хакасия, охватывая территорию в 6810 км². Территория района включает на западе горные хребты Кузнецкого Алатау с высотными отметками от 800 до 1919 м (хребет Тигер-Тыш), на юго-востоке – Батеневский кряж с высотами до 992 м (гора Романовская), на северо-западе и в центральной части – степные пространства Чебаково-Балахтинской впадины (300 – 550 м). В районе четко выделяется горно-таежная и степная зоны [1]. Чебаково-Балахтинская (Северо-Минусинская) впадина характеризуется преобладанием холмисто-куэстового рельефа в предгорной части, где особенно выделяются немногочисленные горы Сундуки, Чалпан и др., а также озёрно-котловинных и равнинных степей. Практически все солёные и солоноватые озера располагаются в пределах впадины, ограниченной на юге Батеневским кряжем. Восточный склон горной системы Кузнецкого Алатау, который служит водоразделом бассейнов рек Обь и Енисей, характеризуется преобладанием высоко-, средне- и низогорных форм рельефа. Характерна асимметрия рельефа с резко сдвинутым к западу главным водоразделом и понижением высот к северу [4].

Согласно Л. М. Черепнину [26, с. 3 – 43] в пределах Хакасии выделяют 17 районов. Исследуемый район относится к Ширинской озёрно-котловинной степи; по почвенно-географическому районированию Н. Д. Градобоева [3, с. 7 – 79] – к Ширинскому озёрно-степному району. Согласно геоботаническому районированию А. В. Куминовой и Ю. М. Маскаева [8, с. 309 – 367] Ширинский район относится к Июсо-Ширинскому (Северо-Хакасскому) степному, Восточно-Кузнецко-Алатаускому среднегорному темнохвойно-светлохвойному и Батеневскому низогорному лесостепному округам.

Климат в районе исследования резко континентальный, с холодной зимой и жарким летом. Для него характерны большие колебания не только годовых, но и суточных температур. Среднемесячные температуры января –18⁰, –21⁰, июля +12⁰, +15⁰. Продолжительность безморозного периода 100 – 120 дней. Атмосферное увлажнение в Ширинской степи составляет менее 250 мм. Основная часть осадков приходится на тёплый период года, а зимой (ноябрь – март) их выпадает 24 – 29 мм. Снежный покров в районе держится 140 дней, при средней высоте 13 – 15 см. Однако он часто сдувается ветрами в лога, овраги и другие заветренные места [22, с. 21 – 23].

В почвенном покрове преобладают обыкновенные и южные черноземы. Значительные площади занимают каштановые почвы, а также щебнистые участки на крутых каменистых южных склонах. Понижения заняты солонцеватыми черноземами, черноземовидными луго-

выми и лугово-солончаковыми почвами. Имеются болотисто-солончаковые, иловато-болотные и слоисто-пойменные почвы, а также солонцы и солончаки [2].

Объекты и методы исследований

Территория Хакасии, как и многие близлежащие, достаточно изучена в флористическом отношении, но, к сожалению, работ по исследованию лишайников мало. Изучение лишайнофлоры Ширинского района, для которого до наших исследований было известно не более 20 видов, началось с 2007 года [5, с. 170 – 173; 6, с. 299 – 305]. Сбор лишайников осуществлялся в степном (участки заповедника «Хакасский» – «Озеро Иткуль», «Озеро Шира», «Озеро Беле» и окрестности горы Черный камень) и лесостепном (окрестности с. Ефремино и с. Трошкино) поясах с самых различных местообитаний: на скалистых обрывах, крупных каменистых склонах, на выходах известняков, на почве, древесных растениях и валежнике.

В степных и лесостепных сообществах собрано более 550 образцов. Определение собранного материала проводилось по Определителям лишайников СССР и России [11 – 20]. Объёмы семейств и родов лишайников даны в основном в соответствии с работой О. Е. Eriksson, D. L. Hawksworth [27] с учетом R. Santesson et al. [28]. Некоторые виды уточнялись по работе R. Santesson et al. [28].

Результаты исследований и их обсуждение

В результате исследований для степных и лесостепных сообществ Ширинского района установлены 166 видов из 52 родов и 24 семейств. Приступая к рассмотрению соотношений различных систематических групп во флоре и, в первую очередь, соотношению основных семейств по числу видов и родов, отметим, что семейства располагаются в следующий ряд по убыванию числа видов (таблица 1).

Среднее число видов в семействе флоры лишайников Ширинского района почти 5, а уровнем выше этого показателя характеризуются 8 семейств – это *Lecanoraceae* Körb., *Parmeliaceae* Zenker, *Physciaceae* Zahlbr., *Cladoniaceae* Zenker, *Teloschistaceae* Zahlbr., *Hymeneliaceae* Körb., *Acarosporaceae* Zahlbr. и *Candelariaceae* Nakul., расположенные в верхней части спектра (таблица 1). Эти семейства являются ведущими и составляют немногим более 82,6 % всего видового состава лишайнофлоры степных участков заповедника. На остальные 12 семейств приходится 29 видов, что составляет 17,4 % от общего числа. Как правило, семейства, занимающие ведущее положение во флоре региона, играют наиболее важную роль также в сложении его растительности. Одновидовых семейств на исследуемой территории – 9 (таблица 1).

Соотношение семейств в лишенофлоре степных и лесостепных сообществ Ширинского района по числу видов и родов

Место во флоре по числу видов	Семейство	Число видов		Число родов
		абсолютное	% от общего числа видов	
1	<i>Parmeliaceae</i> Zenker	30	18,1	13
2	<i>Lecanoraceae</i> Körb.	25	15,1	3
3	<i>Physciaceae</i> Zahlbr.	24	14,45	8
4	<i>Cladoniaceae</i> Zenker	19	11,45	1
5	<i>Teloschistaceae</i> Zahlbr.	17	10,24	2
6	<i>Hymeneliaceae</i> Körb.	8	4,82	3
7-8	<i>Candelariaceae</i> Hakul.	7	4,22	2
7-8	<i>Acarosporaceae</i> Zahlbr.	7	4,22	1
9-13	<i>Verrucariaceae</i> Zenker	4	2,4	2
9-13	<i>Collembataceae</i> Zenker	3	1,8	1
9-13	<i>Lichinaceae</i> Nyl.	3	1,8	2
9-13	<i>Bacidaceae</i> W. Watson	3	1,8	2
9-13	<i>Caliciaceae</i> Chevall.	3	1,8	1
14-15	<i>Porpidiaceae</i> Hertel et Hafellner	2	1,2	1
14-15	<i>Thelotrema</i> (Nyl.) Stizenb.	2	1,2	1
16-24	<i>Lecideaceae</i> Chevall.	1	0,6	1
16-24	<i>Stereocaulaceae</i> Chevall.	1	0,6	1
16-24	<i>Arthoniaceae</i> Reichenb.	1	0,6	1
16-24	<i>Catillariaceae</i> Hafellner	1	0,6	1
16-24	<i>Chysothricaceae</i> Mont.	1	0,6	1
16-24	<i>Agyriaceae</i> Corda	1	0,6	1
16-24	<i>Peltulaceae</i> Budel	1	0,6	1
16-24	<i>Peltigeraceae</i> Dumort.	1	0,6	1
16-24	<i>Psoraceae</i> Zahlbr.	1	0,6	1
Всего:		166	100	52

Лишайники Ширинского района включены в 52 рода. Среднее число видов в роде – 3,19. Ведущие роды (их 12) насчитывают 99 видов, что составляет 59,61 % от общего числа видов лишенофлоры. Значительный вклад в лишенофлору Ширинского района внесли роды *Lecanora* Ach. и *Cladonia* Hill ex P. Browne – по 19 видов (по 11,45 %), *Caloplaca* Th. Fr. – 12 видов (7,23 %), *Acarospora* A. Massal. – 7 видов (4,22 %), *Candelariella* A. Massal., *Melanelia* Essl., *Physcia* (Schreb.) Michx., *Rinodina* (Ach.) S. Gray – по 6 видов (по 3,61 %), *Xanthoria* (Fr.) Th. Fr. и *Aspicilia* A. Massal. – по 5 видов (по 3,01 %), *Usnea* Dill. ex Adans. и *Physconia* Poelt по 4 вида (по 2,4 %). На состав крупнейших таксонов оказывают влияние такие факторы, как положение региона в двух поясах растительности – лесостепном и степном, а также значительная антропогенная нагрузка. Несмотря на довольно большое разнообразие степных и лесных формаций и пестроту экологических условий, лишенофлора их довольно однообразна и сравнительно бедна как по составу видов, так и биоморф.

При анализе жизненных форм использовались три основных морфологических типа лишайников, чаще всего применяемых в ценологических работах.

Спектр жизненных форм лишайников Ширинского района характеризуется преобладанием накипной (90 видов, 54,22 %) и листоватой (50 видов, 30,12 %) биоморф – кустистых лишайников обнаружено 26 видов (15,66 %). Первыми в основном поселяются накипные лишайники на местах, где другие растения произрастать не могут (например, на скалах), разрушая горные породы за счет лишайниковых кислот. Отмирая, лишайники образуют небольшое количество гумуса, на котором могут поселиться другие растения.

Согласно классификации А. Н. Окснера [11], кроме трех основных типов выделяются более дробные биоморфы накипных лишайников: с гипофлеодным (эндофлеодным), эндолитным, лепрозным, ареолированным, бородавчатым слоевищем, а также лопастно-накипной и чешуйчатый типы. Большое распространение на участках заповедника имеют лишайники с диморфным типом слоевища – ареолированно-чешуйчатый, ареолированно-лопастный, чешуйчато-лопастный, чешуйчато-ареолированным, зернисто-бородавчатым. Соотношение типов накипных лишайников Ширинского района представлено на рис. 1.

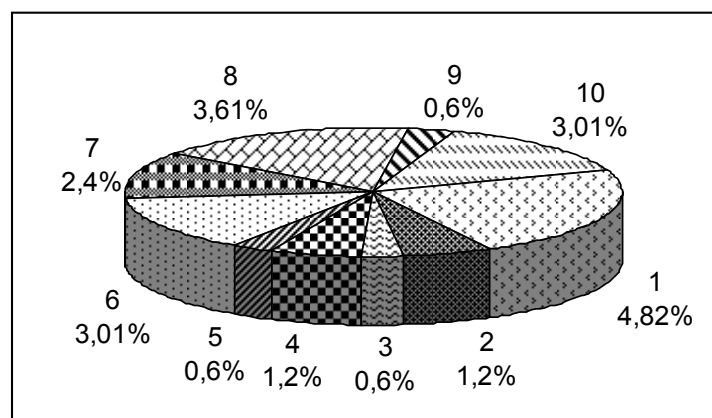

Рис. 1. Соотношение типов накипных лишайников Ширинского района: 1 – чешуйчатый, 2 – чешуйчато-ареолированный, 3 – мелколопастный, 4 – ареолированный, 5 – лепрозный, 6 – ареолированно-накипной, 7 – чешуйчато-лопастный, 8 – ареолированно-лопастный, 9 – лопастно-накипной, 10 – лопастный

Наличие в Ширинском районе большого количества каменистого субстрата, резкие смены температур, сильные ветры способствуют преобладающему развитию накипных эпилитов с жизненными формами ареолированного и диморфного слоевища (16 видов, 9,64 %), устойчивых к иссушению и переохлаждению. К ним относятся, например, *Squamaria gypsum* (Sm.) Poelt, *Aspicilia caesiocinerea* (Nyl. ex Malbr.) Arnold, *Lecanora intricata* (Ach.) Ach., *L. valesiaca* (Müll. Arg.) Stizenb., *Protoparmeliopsis macrocyclos* (H. Magn.) Moberg et R. Sant., *Porpidia cinereoatra* (Ach.) Hertel et Knoph и другие.

Листоватые лишайники встречаются практически повсеместно, но на более загрязненных участках их встречаемость и проективное покрытие заметно снижаются, вплоть до полного исчезновения, причем в первую очередь исчезают наиболее чувствительные к атмосферному загрязнению представители родов *Parmelia*, *Flavopunctelia*, *Melanelia*, в то время как представители семейства *Physciaceae*, являясь относительно устойчивыми, могут сохраняться даже в таких сильнозагрязненных местообитаниях, как посадки вдоль дорог, хотя их обилие и жизненность при этом ощутимо снижаются. Листоватое слоевище имеют *Collema callopismum* A. Massal., *C. glebulentum* (Cromb.) Degel., *Flavopunctelia soledica* (Nyl.) Hale, *Vulpicida pinastri* (Scop.) S.-E. Mattsson & M. J. Lai, *Peltigera canina* (L.) Willd и другие. Необходимо отметить, что чешуйчатые лишайники относили к группе с листоватым талломом. К лишайникам с чешуйчатым слоевищем относятся, например, *Acarospora fuscata* (Schr.) Th. Fr., *A. glaucocarpa* (Wahlenb.) Körb., *Candelariella placodizans* (Nyl.) H. Magn., *Peltula euploca* (Ach.) Poelt Ozenca et Clauz., *Psora decipiens* (Hedw.) Hoffm. и другие. Мелкокустистое слоевище отмечено у *Aspicilia transbaicalica* Oхнег имел кустистое у *Collema minor* (Pakh.) Tomin. Кустистые лишайники – самая чувствительная группа к загрязнению, поэтому большая часть их была встречена в лесных растительных сообществах, не подверженных антропогенному влиянию. С жизненной формой кустистого слоевища представлены виды из рода *Cladonia* (19 видов): *Cl. botrytes* (Hagen) Willd., *Cl.*

cenotea (Ach.) Schaer., *Cl. fimbriata* (L.) Fr., *Cl. pocillum* (Ach.) Grognot., *Cl. pyxidata* (L.) Hoffm., *Cl. rangiformis* (L.) Hoffm. и другие, а также *Evernia mezomorpha* Nyl., *Usnea lapponica* Vain., *U. sybfloridana* Stirt. и другие.

Согласно Ю. М. Маскаева [10, с. 160 – 210] в окрестностях с. Ефремино и с. Трошкино расположены светлехвойные лиственничные леса. Они приурочены к склонам северных экспозиций крутизной 5 – 20° с абсолютными отметками 500 – 700 м, и южных экспозиций крутизной 20 – 35° на высоте 600 – 900 м. В классе выделена одна группа ассоциаций – ранотравная. Древостой сообществ этой группы сформирован из *Larix sibirica* Ledeb. с примесью *Pinus sibirica* Du Tour, *Betula pendula* Rorh. В микроярсе были отмечены эпигейные лишайники – *Cladonia amaurocraea* (Flk.) Schaer., *Cl. arbuscula* (Wallr.) Flot. ssp. *arbuscula*, *Cl. coccifera* (L.) Willd., *Cl. glauca* Flk., *Cl. macroceras* (Delise) Hav., *Peltigera canina* и другие. Среди эпифитов встречаются *Lecidea phaeops* Nyl., *Evernia esorediosa* (Müll. Arg.) DR., *Flavoparmelia caperata* (L.) Hale, *Hypogymnia vittata* (Ach.) Parrique, *Melanelia exasperata* (DNot) Essl., *Melanelia olivaceae* (L.) Essl., *Melanelia septentrionalis* (Lyng.) Essl., *Parmelia sulcata* Tayl., *Pseudevernia furfuracea* (L.) Zopf, *Usnea rigida* (Ach.) Röhl., *Usnea sybfloridana* Stirt., *Physcia aipolia* (Ehrh. ex Humb.) Fűrnr., *Physcia stellaris* (L.) Nyl., *Physcia tenella* (Scop.) DC., *Rinodina septentrionalis* Malme и другие.

На участке заповедника "Озеро Шира" и "Озеро Иткуль" отмечены мелколиственные березовые леса с остепненным разнотравным покровом. В классе выделена одна группа формаций разнотравная. В древесном ярусе преобладает *Betula pendula*, *B. pubescens* Ehrh., но может быть примесь сосны, лиственницы, ивы. В данном сообществе отмечены эпифиты с жизненной формой накипного и листоватого слоевища – *Lecania cyrtella* (Ach.) Th. Fr., *Cyphelium inquinans* (Sm.) Trevis., *Candelariella vitellina* (Hoffm.) Müll. Arg., *Chrysothrix candelaris* (L.) J. R. Laundon., *Lecanora argentata* (Ach.) Malme, *L. septentrionalis* H. Magn., *Caloplaca cerina* (Ehrh. ex Hedwig) Th. Fr. и *Hypogymnia physodes* (L.) Nyl., *Parmeliopsis ambigua* (Wulf.)

Nyl., *Physcia adscendens* (Fr.) H. Oliver., *Physconia grisea* (Lam.) Poelt, *Xanthoria candelaria* (L.) Th. Fr. соответственно.

За основу классификации степной растительности Хакасии взят принцип, разработанный Е. М. Лавренко [9, с. 1 – 265] для степной растительности СССР, а также использована классификация А. В. Куминовой, Г. А. Зверевой, Т. Г. Ламановой [7, с. 95 – 152].

Степная растительность на территории Ширинского района представлена опустыненными, настоящими (мелкодерновинными и крупнодерновинными), луговыми, каменистыми и солонцеватыми степями. Луговые степи не изучались, так как лишайники в них отсутствуют.

Под опустыненными степями, вслед за А. В. Куминовой [7, с. 95 – 152], мы понимаем наиболее ксерофильный вариант степной растительности, распространенный в условиях пологих склонов или плакорных местообитаний, характеризующийся слабой сомкнутостью наземного покрова, сниженной ролью злаков и развитием накипных эпигейных лишайников. Опустыненные степи имеют ограниченное распространение и отмечаются фрагментарно по южным склонам. В данном сообществе отмечены лишайники с жизненной формой накипного слоевища – *Diploschistis candidissimus* (Krempel.) Zahlbr., *Psora decipiens* (Hedw.) Hoffm.

На засоленных почвах, вокруг минерализованных озер распространены чиевые и пикульниковые степи. В этих сообществах отмечен микроряд из чешуйчатых напочвенных лишайников *Psora decipiens*, *Peltula euploca* (Ach.) Poelt. На каменистых пятнах эпилитные лишайники формируют два микроряда: первый – из накипных, второй – из листоватых эпилитов. Среди накипных лишайников постоянными являются *Aspicilia cinerea* (L.) Körb., *A. maculata* (H. Magn.) Oxner, *A. transbaicalica*, *Lecanora polytropa* (Ehrh. ex Hoffm.) Rabenh., *L. frustulosa* (Dicks.) Ach., *L. crenulata* Hook., *Acarospora badiofusca* (Nyl.) Th. Fr., *Caloplaca ferruginea* (Huds.) Th. Fr. Из листоватых эпилитов наиболее обычны *Xanthoparmelia conspersa* (Ach.) Hale, *X. somloënsis* (Gyeln.) Hale, *Xanthoria elegans* (Link) Th. Fr., *X. polycarpa* (Hoffm.) Rieber, *Melanelia tominii* (Oxner) Essl., *Caloplaca saxicola* (Hoffm.) Nordin и другие.

Широкое распространение имеют мелкодерновинные настоящие степи, занимающие как равнинные, так и склоновые местообитания на каштановых и южных черноземах. Постоянными видами мелкодерновинных степей среди лишайников являются напочвенные кустистые *Cladonia pocillum*, *Cl. pyxidata* и постоянно кочующий листоватый лишайник *Xanthoparmelia camtschadalis* (Ach.) Hale. Высокое видовое разнообразие мелкодерновинных степей дополняется за счет накипных и листоватых эпилитов, поселяющихся на щебне. Это *Acarospora fuscata*, *A. badiofusca*, *Aspicilia cinerea*, *Lecanora frustulosa*, *Rhizoplaca chrysoleuca* (Sm.) Zopf, *Rh. melanophthalma* (DC.) Leuckert et Poelt, *Rh. peltata* (Ram.) Leuckert et Poelt, *Xanthoria elegans*, *X. polycarpa*, *Dimelaena oreina* (Ach.) Norman, *Candelariella vitellina* (Hoffm.) Müll. Arg., *Protoparmeliopsis muralis* (Schreb.) M. Choisy и другие.

Среди всех степных сообществ крупнодерновинные настоящие степи наиболее бедны видами лишайников. Эти растительные сообщества занимают на степных участках склоны западной и восточной экспозиций. Нижний микроряд формируют эпигейные лишайники *Xanthoparmelia camtschadalis*. Постоянное присутствие в данных фитоценозах *Cladonia pyxidata* и *Cladonia pocillum*. На щебне отмечены 42 вида лишайников-эпилитов, основными из которых являются *Candelariella vitellina*, *Lecanora frustulosa*, *Aspicilia cinerea*, *Melanelia tominii*, *Caloplaca saxicola*, *Dimelaena oreina*, *Diplotomma venustum* Körb., *Xanthoparmelia somloënsis*, *Physcia caesia* (Hoffm.) Fűrnr. и другие.

В настоящих степях роль лишайников самая незначительная, по-видимому, вследствие того, что они не выдерживают конкуренции с дерновинными злаками.

Каменистые степи представлены фрагментарно и являются вариантами мелкодерновинных и крупнодерновинных степей. Встречаются они на достаточно крутых (15 – 20°) склонах южной экспозиции и на вершинах возвышенностей.

В петрофитных вариантах мелкодерновинных степей обычными являются листоватые эпилиты *Xanthoria elegans*, *X. polycarpa*, *Xanthoparmelia somloënsis* и другие.

В составе лишайников карбонатных местообитаний Ширинского района преимущественная роль принадлежит облигатным кальцефилам, к которым относятся *Verrucaria calciseda* DC., *V. nigrescens* Pers., *Psorotichia schaereri* (A. Massal.) Arnold, *Lecanora bolcana* Pollini, *L. crenulata*, *L. dispersa* (Pers.) Sommerf., *Collema cristatum* (L.) Web. ex. Wigg., *C. undulatum* Laur. ex. Flot., *Peltula euploca*, *Aspicilia maculata*, а также представители ряда других родов.

К факультативным кальцефилам в районе исследования относятся *Candelariella aurella* (Hoffm.) Zahlbr., *Candelariella vitellina*, *Caloplaca ferruginea*, *Xanthoria candelaria* (L.) Th. Fr., *X. elegans*, *Porpidia crustulata* (Ach.) Hertel et Knoph, *Phaeophyscia sciastra* (Ach.) Moberg, *Physcia caesia*. и другие, которые в отличие от облигатных, или обязательных, кальцефильных видов могут встретиться на коре, древесине и на силикатных горных породах.

На территории Ширинского района лишайники произрастают на различных субстратах: камнях, валяжнике, древесных растениях, костях, заборах, шифере и т. д. Характер и свойства субстрата являются первостепенными условиями для существования лишайников. Отнесение вида к той или иной субстратной (как и эколого-ценотической) группе на территории Ширинского района сделано на основе наличия вида на том или ином типе субстрата. Поскольку небольшая часть видов была отмечена нами на нескольких субстратах, то учитывался тот субстрат, на котором данный вид чаще поселяется (рис. 2).

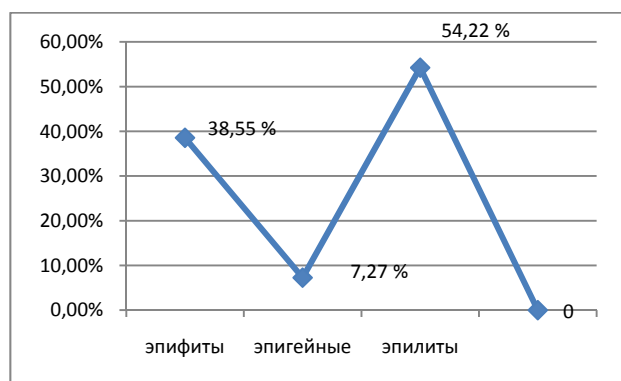

Рис. 2. Экологические группы лишайников по отношению к субстрату

Наиболее представлена на исследуемой территории группа эпилитов (90 видов, 54,22 %) – лишайники, произрастающие на каменистых горных породах. Примером этой группы являются лишайники – *Candelariella aurella* (Hoffm.) Zahlbr., *Aspicilia asiatica* (H. Magn.) Oxner, *Phaeophyscia sciastra* (Ach.) Moberg, *Caloplaca flavovi-*

rescens (Wulfen) Dalla Torre & Sarnth и другие. Лишайники, произрастающие на древесном субстрате – эпифиты, включают в себя 64 вида (38,55 %). Необходимо отметить, что в группу эпифитов мы включили лишайники, относящиеся к эпифлеоидным, гипофлеоидным, эпиксилным, эпифитамреликвитам и эпибриофитам. Это такие виды, как *Lecanora pulicaris* (Pers.) Ach., *Caloplaca flavorubescens* (Hudson) J. R. Laundon, *Xanthoria candelaria* (L.) Th. Fr. и другие. Эпигейных или напочвенных лишайников на территории района отмечено 12 видов (7,23 %) – *Cladonia coccifera* (L.) Willd., *Psora decipiens*, *Peltigera canina* и другие.

Такое распределение лишайников по эколого-субстратным группам характерно для аридных зон и хорошо отражает современные ландшафтно-фитоценотические особенности территории.

При установлении экологических групп лишайников (таблица 2), согласно работам Н. В. Седельниковой [22 – 25], также учитывалась приуроченность вида к местообитаниям с определенными условиями влажности, тепловым режимом, мощностью снегового покрова.

Таблица 2

Экологические группы лишайников Ширинского района

№ п/п	Экологическая группа	Число видов		Примеры
		абсолютное	% от общего числа видов	
1	Мезофит	95	57,23	<i>Biatora vernalis</i> (L.) Fr., <i>Cladonia gracilis</i> (L.) Willd., <i>Lecanora polytropa</i> (Ehrh. ex Hoffm.) Rabenh.
2	Ксерофит	39	23,5	<i>Acarospora fuscata</i> (Schröd.) Th. Fr., <i>Collema cristatum</i> (L.) Web. ex. Wigg., <i>Aspicilia maculata</i> (H. Magn.) Oxner.
3	Ксеромезофит	17	10,24	<i>Candelariella aurella</i> (Hoffm.) Zahlbr., <i>Xanthoparmelia conspersa</i> (Ach.) Hale, <i>Porpidia macrocarpa</i> (DC.) Hertel et Schwab.
4	Криофит	8	4,82	<i>Acarospora badiofusca</i> (Nyl.) Th. Fr., <i>Lecanora intricata</i> (Ach.) Ach., <i>Caloplaca epithallina</i> Lynge.
5	Ксерокриофит	5	3,01	<i>Rhizoplaca chrysoleuca</i> (Sm.) Zopf, <i>Rhizoplaca peltata</i> (Ram.) Leuckert et Poelt, <i>Psora decipiens</i> (Hedw.) Hoffm.
6	Психрофит	2	1,2	<i>Sporastatia polyspora</i> (Nyl.) Grunemann, <i>Protoparmelia nephaea</i> (Sommerf.) R. Sant.
Всего:		166	100	

Преобладающая роль принадлежит лишайникам мезофитам (95 видов, 57,23 %). К данной группе относятся в основном лишайники, распространенные на затененных скалах или в местах с достаточно умеренной влажностью. К ним относятся такие виды лишайников, как *Squamaria gypsacea*, *Candelariella kuusamoënsis* Räsänen, *Aspicilia lapponica* Hue, *Physcia phaea* (Tuck.) Thoms. и другие. Второе место по количеству видов (39) занимают ксерофиты. Это лишайники, обитающие, как правило, в местах с сухим и теплым режимом климата. На их долю приходится 23,5 % от общего количества видов. Это, например, такие виды, как *Lobothallia prae radiosa* (Nyl.) Hafellner, *Lecanora argopholis* (Ach.) Ach., *Lecanora frustulosa*, *Psorotichia taurica* (Nyl.) Vain., *Caloplaca arenaria* (Pers.) Müll. Arg., *Protoparmeliopsis muralis* и другие.

Интересные данные получены при географическом анализе лишайников степных фитоценозов, проведен-

ном по принципу поясности-зональности, основанному на работе Н. В. Седельниковой [22 – 25]. Все виды распределены между 7 географическими элементами, а по характеру широтного размещения видов между 10 типами ареалов (таблица 3).

В географическом спектре лишайников Ширинского района доминирующая роль принадлежит монтанным (58 видов, около 34,94 %), бореальным (35 видов, 21,08 %) и степным (33 вида, 19,88 %). Такое соотношение подчеркивает природные условия района исследования. Наименьшим количеством видов (по 1 – 0,6 %) представлены степные лишайники с евразоафриканским и евразокавказским типами ареала. К ним относятся *Lobothallia radiosa* (Hoffm.) Hafellner и *Psorotichia taurica* (Nyl.) Vain соответственно.

Велика роль в горно-степных фитоценозах Хакасии лишайников *Lecanora valesiaca* и *Melanelia tominii*, ограничивающих свое расселение в Голарктике Азией.

Распределение лишайников степных и лесостепных сообществ Ширинского района по географическим элементам и типам ареалов

<i>Географический элемент</i>	<i>Типы ареалов, число видов</i>										<i>Общее число</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	
Арктоальпийский			1	4	3	3					11
Альпийский		1							1		2
Гипоарктомонтанный		2	2	5	2	1					12
Монтанный	3	7	7	17	19	1		4			58
Бореальный	2		8	4	16	5					35
Степной	1	4	4	10	10		1		2	1	33
Неморальный		1	2	7	4	1					15
Всего:	6	15	24	47	54	11	1	4	3	1	166

Примечание: Типы ареалов: 1 – азиатский, 2 – евразийский, 3 – евразоамериканский, 4 – голарктический, 5 – плурирегиональный, 6 – голарктико-нотарктический, 7 – евразоафриканский, 8 – субсредиземноморский, 9 – центрально-азиатский, 10 – евразокавказский.

Литература

1. Водные ресурсы Ширинского района Республики Хакасия / под ред. В. П. Парначева. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1999. – 171 с.
2. Воскресенский, С. С. Геоморфология Сибири / С. С. Воскресенский. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1962. – 352 с.
3. Градобоев, Н. Д. Природные условия и почвенный покров левобережной части Минусинской впадины / Н. Д. Градобоев // Почвы Минусинской впадины. – М., 1954.
4. Жемчужина Хакасии (Природный комплекс Ширинского района) / под ред. В. П. Парначева, И. В. Букатина. – Абакан: изд-во Хакаского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, 1997. – 180 с.
5. Зырянова, О. А. Лишайники степей Ширинского района Государственного природного заповедника «Хакасский» / О. А. Зырянова // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2008.
6. Зырянова, О. А. Лишайники степных растительных сообществ Государственного природного заповедника «Хакасский» / О. А. Зырянова // Сибирский экологический журнал. – 2010. – Т. 17. – № 2.
7. Степи / А. В. Кумина [и др.] // Растительный покров Хакасии. – Новосибирск, 1976.
8. Кумина, А. В. Геоботаническое районирование / А. В. Кумина, Ю. М. Маскаев // Растительный покров Хакасии. – Новосибирск, 1976.
9. Лавренко, Е. М. Степи СССР / Е. М. Лавренко // Растительность СССР. – М.; Л., 1940. – Т. 2.
10. Маскаев, Ю. М. Леса / Ю. М. Маскаев // Растительный покров Хакасии. – Новосибирск, 1976.
11. Окснер, А. М. Определитель лишайников СССР (морфология, систематика и географическое распространение) / А. М. Окснер. – Вып. 2. – Л.: Наука, 1974. – 283 с.
12. Определитель лишайников СССР / Е. Г. Копачевская [и др.]. – Вып. 1. – Л.: Наука, 1971. – 411 с.
13. Определитель лишайников СССР / О. Б. Блюм [и др.]. – Вып. 3. – Л.: Наука, 1975. – 275 с.
14. Определитель лишайников СССР / Е. Г. Копачевская [и др.]. – Вып. 4. – Л.: Наука, 1977. – 343 с.
15. Определитель лишайников СССР / Н. С. Голубкова [и др.]. – Вып. 5. – Л.: Наука, 1978. – 304 с.
16. Определитель лишайников России / Н. С. Голубкова [и др.]. – Вып. 6. – СПб.: Наука, 1996. – 203 с.
17. Определитель лишайников России / М. П. Андреев [и др.]. – Вып. 7. – СПб.: Наука, 1998. – 166 с.
18. Определитель лишайников России / М. П. Андреев [и др.]. – Вып. 8. – СПб.: Наука, 2003. – 278 с.
19. Определитель лишайников России / С. Я. Кондратьев [и др.]. – Вып. 9. – СПб.: Наука, 2004. – 340 с.
20. Определитель лишайников России / М. П. Андреев [и др.]. – Вып. 10. – СПб.: Наука, 2008. – 512 с.
21. Прокофьев, С. М. Природа Хакасии: пособие / С. М. Прокофьев. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1993. – С. 21 – 23.
22. Седельникова, Н. В. Лихенофлора нагорья Сангилен / Н. В. Седельникова. – Новосибирск: Наука, 1985. – 180 с.
23. Седельникова, Н. В. Лишайники Алтая и Кузнецкого нагорья: конспект флоры / Н. В. Седельникова. – Новосибирск: Наука, 1990. – 175 с.
24. Седельникова, Н. В. Лишайники Алтая и Кузнецкого нагорья: дис. ... д-ра биол. наук: 03.02.01: защищена 27.02.1992, утверждена 22.05.1992 / Седельникова Нелля Васильевна. – Новосибирск, 1991. – С. 155 – 200.
25. Седельникова, Н. В. Лишайники Западного и Восточного Саяна / Н. В. Седельникова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 190 с.
26. Черепнин, Л. М. Растительный покров южной части Красноярского края и задачи его изучения / Л. М. Черепнин // Учен. зап. Красноярск. пед. ин-та. – 1956. – Т. 5. – С. 3 – 43.
27. Eriksson, O. E. Outline of the Ascomycetes / O. E. Eriksson, D. L. Hawksworth. – 1998. – V. 16. – P. 1 – 2.

28. Lichenforming and lichenicolous fungi of Fennoscandia. Museum of Evolution: Uppsala University / R. Santesson [et al.]. – 2004. – 359 p.

Информация об авторе:

Зырянова Ольга Александровна – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и общей биологии Института естественных наук и математики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), 8-923-331-31-47, o_a_zyryanova@mail.ru.

Olga A. Zyryanova – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Botany and General Biology, Institute of Natural Sciences and Mathematics, N. F. Katanov Khakass State University (Abakan).

Статья поступила в редколлегию 29.01.2014 г.

ИСТОРИЯ

УДК 656.2(574.2)

АКТЮБИНСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945): ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. С. Ешпанов

AKTYUBINSK RAILWAY WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945): THE PRINCIPLES AND METHODS OF PRODUCTION ACTIVITIES

V. S. Eshpanov

В статье раскрываются особенности, характерные черты, задачи в работе актюбинских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны. Исследованы процессы обеспечения перевозок на железнодорожных путях в Актюбинской области, трудности и успехи в этой работе. Показано значение деятельности Актюбинского железнодорожного отделения в работе железнодорожных магистралей страны.

The paper reveals the features, outstanding characteristics, and work objectives of Aktyubinsk railway workers during the Great Patriotic War. The processes of providing railroad transportation in Aktyubinsk region, as well as difficulties and progress in this work are investigated. The importance of Aktyubinsk Railroad Branch in the activities of all the railway lines in the country is shown.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, эвакуация, магистраль, Актюбинская область.

Keywords: the Great Patriotic War, railway transport, evacuation, line, Aktyubinsk region.

С первых дней войны значительно возросло значение железных дорог как основного вида транспорта. Понимая значимость железнодорожной транспортировки для мобилизации военных усилий советской страны, гитлеровское командование рассчитывало быстро вывести из строя важнейшие магистрали и парализовать транспортные артерии. В планах немецко-фашистского командования указывалось: «Русские железные дороги в зависимости от их значения должны перерезаться или выводиться из строя». С началом войны многие дороги стали объектом непрерывных воздушных бомбардировок и обстрелов.

Необходимо было усилить требования к производственной деятельности железных дорог, улучшить планирование и проведение плановых перевозок. В связи с повышенным напряжением в работе всех железнодорожных магистралей началось принятие различного рода обязательств. Коллектив подъемного цеха депо Актюбинск обязался перевыполнить октябрьский план ремонта поездов. Машинисты – лунинцы депо Актюбинск Н. Киселев и другие – дали слово водить поезда зимой на высоких технических

скоростях, экономить топливо. Коллектив разъезда № 36 по предложению дежурного по разъезду Н. Смолова обязался своими силами полностью обеспечить местным топливом разъезды. Составитель поездов станции Актюбинск И. Демченко обязался сократить вдвое время для формирования поездов. Стрелочник станции Мартук В. Кузнецов взял обязательство работать по-лунински, своими силами производить мелкий ремонт стрелок. Железнодорожники станции Мартук, Курайли, Зелбет, Кудук, разъездов № 43, 52, 54 и др. 24 годовщину Октября 7 ноября 1941 г. отметили упорным стахановским трудом на строительстве снегозащитных заборов, ремонте пути, заготовке топлива. С получением газет, содержащих доклад И. В. Сталина, к 24 годовщине Октября были проведены на предприятиях, в цехах и сменах митинги, рабочие собрания. Доклад и приказ И. В. Сталина вызвал у железнодорожников Актюбинского отделения новую мощную волну социалистического соревнования [1, л. 29].

Коллектив железнодорожников депо Шубар-Кудук обратился с обращением к остальным железнодо-

рожникам Оренбургской железной дороги: «Коллектив железнодорожного Шубар-Кудукского отделения, как и весь Советский народ, проникнут одним стремлением – всеми силами помогать доблестной Красной Армии в быстрейшем разгроме гитлеровской армии. Это подтверждается тем, что все мероприятия проходят с большой политической активностью» [1, л. 32].

Военно-хозяйственные задачи железнодорожникам приходилось решать при недостаточной численности и квалификации личного состава и почти полном отсутствии многих средств механизации, запасных частей и т. д. Ситуацию усложнял непрерывный встречный поток войск, военной техники и боеприпасов на запад, а также оборудования, имущества эвакуированных заводов на восток.

В деятельности Актюбинского железнодорожного отделения можно выделить три этапа:

- 1) увеличение перевозок и ухудшение работы транспорта (вторая половина 1941 г. – осень 1942 г.);
- 2) относительное улучшение деятельности железнодорожного транспорта (конец 1942 г. – 1943 г.);
- 3) повышение производственных показателей (1944 г. – 1945 г.).

Большую роль в работе железнодорожного транспорта играла организация стахановских, лунинских методов работы, борьба за перевыполнение производственных планов. Так, в ответ на первомайский приказ И. В. Сталина в 1942 году коллектив рабочих, служащих, работников паровозного депо Шубар-Кудук обязался стахановской работой на железнодорожном транспорте быстро и в срок перевозить войска, боеприпасы для нужд фронта. Коллектив дал следующие обязательства:

- 1) выполнить среднесуточный пробег паровозов 300 км при норме 294 кг;
- 2) снизить оборот паровозов на 2 часа, выполнить 29,2, при норме 31,2 часа;
- 3) добиться технической скорости 31,2 км/ч при норме 30,5 км/ч;
- 4) сэкономить топлива 10 %;
- 5) совершенно ликвидировать браки в пути следования;
- 6) снизить процент больных паровозов при норме 11,4 до 9,2 %;
- 7) выпустить в мае один паровоз сверх нормы из подъемочного ремонта;
- 8) простой паровоз на промывке довести до нормы;
- 9) лунинским уходом за паровозом и качественным ремонтом ликвидировать межпоездной ремонт;
- 10) развить в депо изобретательство и рационализацию, облегчающие труд рабочих, повышающие качество работы [2, л. 1].

В результате проведенной работы партком депо Шубар-Кудук отмечал в августе 1942 года: «Бригады паровозов № 19 и 1727, применяя лунинский метод ухода за паровозом, добились высоких показателей в работе. В настоящее время в депо с комплексными бригадами вручаются гарантийные путевки паровозам, выходящим из ремонта, благодаря чему в последнее время заезды на межпоездной ремонт сократились, в июне имели 36 заездов с простоем 1234 часа, то в июле за 20 дней заехали 13 паровозов с простоем 443 часа» [2, л. 1].

Зимой 1941 – 1942 года сложилась проблема обеспечения своевременной и полной расчистки железнодорожных путей. Работы по установке переносных щитов дистанциями пути были закончены, но отдельные дистанции имели их в недостаточном количестве. По Акбулакскому отделению не доставало 2605 щитов, 5771 штук кольев и деревянных лопат 378 штук.

На Челкарском дистанционном пути не хватало 4000 штук кольев. Шубар-Кудукская дистанция не имела 5000 щитов, для их изготовления была получена щитопланка. О недостающих щитах, кольях, лопатах и других материалах вопрос был поставлен перед управлением Оренбургской железной дороги, которая в большей части эти материалы старалась высылать [3, л. 1 – 2].

В июне 1942 года были проведены широкомасштабные работы по ремонту технического оборудования на станциях Актюбинской области. По 4 отделению паровозного хозяйства и паровозного депо был отремонтирован 1 паровоз промывочным ремонтом, 3 паровоза междупоездным ремонтом, выгружено 22 вагона угля и ряд другой работы, заработано 3720 рублей. По вагонному участку и вагонному депо отремонтировано было средним ремонтом 2 вагона, годовым 12 вагонов, установлен фундамент для мотора, собрано 8 тонн металла, заработано 1104 рублей 11 копеек. По 6-й дистанции пути произведен средний ремонт 400 метров, планово-предупредительным ремонтом 1500 метров, погружено 30 и выгружено 50 вагонов балласта, общий заработок составлял 2436 рублей. По 5-й дистанции пути было отремонтировано планово-предупредительным ремонтом 2 км пути, поднято 384 км земляного полотна, заготовлено 10 тонн щебня, вырезано 150 метров загрязненного балласта, собрано 67 тонн металла, разогнано 1200 метров зазоров, заработок составил 2406 рублей [3, л. 7].

Важнейшим принципом в работе актюбинских железнодорожников было проведение мероприятий по повышению кадрового потенциала, обучению молодого поколения работников железной дороги. Оренбургской железной дорогой были организованы курсы подготовки квалифицированных кадров, которые в 1 полугодии 1943 года дали транспорту 127 квалифицированных рабочих из женщин по специальностям: дежурные по станциям 30 чел., (в том числе 3 казашки), вагонные мастера 31 чел., осмотрщики вагонов 13 чел., электромонтеры 24 чел., (в том числе 4 казашки), товарные кассиры 17 чел., технические конторщики 22 чел. [4, л. 43].

В депо Актюбинск постепенно была налажена работа по подготовке кадров среди молодежи. В основном состав рабочих депо состоял из молодежи, бывших учеников школ ФЗО. За 1943 г. было обучено 156 человек рабочих разных профессий: литейщиков, слесарей, токарей и др. Для повышения квалификации кадров молодых рабочих, были организованы курсы железнодорожного техникума по группам по разным специальностям. Окончили курсы техникума 48 человек. В результате проведения работы отмечались следующие показатели: Т. Неткачева – формовщик – выполняла

норму на 367 %; Т. Васильева – на 353 %; Т. Зубкова – токарь – на 223 %; Т. Иванова – на 224 % [5, л. 4].

По данным на февраль 1943 г. в вождении тяжеловесных поездов только по Актюбинскому отделению участвовали 5173 человека [9, л. 212 – 213]. 13 марта 1943 г. машинист Жданов, его помощник Гудков и кочегар Федюнин на участке Челкар – Орск провели 3 поезда без остановок для набора воды, перевыполнили норму технической скорости каждого поезда на 10 – 12 км в час, а норму среднесуточного пробега локомотива – на 150 км. Машинисты Вишкин, Запорожец, Воронков и другие тяжеловесными поездами перевезли сверх нормы тысячи тонн груза и сэкономили 7 паровозов и 100 тонн угля.

Широко использовалось в военные годы соревнование по профессиям: за лучший паровоз, лучшую паровозную и поездную бригаду, смену и цех. Передовые машинисты Оренбургской дороги Сеселкин (депо Челкар), Быстров (депо Оренбург) и Арнаутов (депо Актюбинск) 30 ноября 1943 г. заключили между собой договор на социалистическое соревнование, одно из его условий – образцовая работа в условиях третьей военной зимы. Они обязывались не допустить срыва поездов с графика или каких-либо сбоев в движении транспорта. Победителями стала бригада М. Г. Сеселкина (помощник машиниста Г. В. Чехович, кочегар М. Г. Старкова), которые в декабре 1943 г. показали следующие результаты: норму технической скорости выполнили на 116,6 %; нагон в пути составил в среднем 10 часов; эксплуатационный оборот паровоза ускорили на 4,1 часа; сэкономили 26724 кг топлива [12, с. 2]. Бригадир депо Челкар проявил ценную инициативу в 1944 г. построил в свободное от работы время дизельный гусеничный тягач мощностью в 90 л/с из трофейного утиль лома для подсобного хозяйства депо [6, л. 47].

Важнейшим мероприятием в деятельности Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги было проведение агитационно-пропагандистской работы. С 25 по 30 июля 1942 года в Актюбинске, Кандагаче, Акбулаке были проведены семинары агитаторов и редакторов стенгазет, в которых приняли участие 298 человек. С 20 по 30 июля по всем предприятиям узла, сменам, цехам, станциям и разъездам прошли рабочие собрания, на которых с докладами о ходе выполнения первомайского приказа И. В. Сталина и взятых на себя сообразительств выступили начальники хозяйственных организаций, партийные и профсоюзные работники. На этих же собраниях, в которых приняло участие 2895 чел. рабочих и 576 членов их семей, было обсуждено обращение передового коллектива депо Актюбинск о проведении массового оборонного воскресника 2 августа и передачи заработанных средств в фонд обороны. Утверждены по службам намеченные мероприятия на проведение работ 2 августа [7, л. 28]. Секретарь Актюбинского обкома ВКП(б) В. Киселев отмечал, что: «Обращение коллектива завода № 70 имени В. И. Ленина о развороте социалистического соревнования в честь 25-й

годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на всемерное оказание помощи фронту широко обсуждено в сменах, бригадах, на собраниях рабочих и служащих предприятий Актюбинского отделения железной дороги. Горячо поддерживая инициативу коллектива завода имени В. И. Ленина, вступая в предоктябрьское социалистическое соревнование, коллективы, смены бригады рабочие и служащие взяли на себя дополнительные обязательства, чтобы 25 годовщину Октября встретить новыми производственными победами. На 1 октября охвачено индивидуальным и коллективным соцсоревнованием 3543 чел. Многие железнодорожники и отдельные коллективы с честью выполняют взятые обязательства, готовят достойную встречу Октябрю и Родине» [8, л. 39 – 40]. Инициаторами проведения октябрьского соцсоревнования на Актюбинском отделении Оренбургской железной дороги выступили активисты депо Актюбинск [9, л. 53].

На заключительном этапе войны в 1944 – 1945 гг. железнодорожники продолжали увеличивать темпы по перевозке грузов, экономя при этом время и топливо. Это стало логическим продолжением предыдущей работы, проводимой в первые годы войны. Накопленный опыт помогал осуществлять железнодорожные перевозки в соответствии с поставленными задачами. На совещании партактива Актюбинского железнодорожного отделения в сентябре 1944 года отмечалось: «Железнодорожники стремятся быть в первом ряду среди тружеников тыла. Машинист депо Актюбинск тов. Кондратьев на перегонах сэкономил 1200 кг. угля. Токарь того же депо тов. Нетребко перевыполнил производственную норму на 122 %» [10, л. 65]. В феврале 1945 года начальник Политотдела Оренбургской железной дороги докладывал в НКПС: «Машинист депо Кандагач А. Шубин провел железнодорожный состав на высокой скорости, сэкономил 45 минут. На станции Акбулак составитель поездов С. Астафьев сократил время на подготовку поездов, сократив время на 50 минут» [11, л. 17]. В этот период значительно сократилось число производственных браков, и происходило увеличение производственных показателей.

Таким образом, можно отметить, что в годы войны деятельность Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги проводилась в нескольких ключевых направлениях: мобилизационной, производственной, агитационно-пропагандистской, организации соцсоревнования, повышении кадрового потенциала. При этом основной акцент ставился на моральных принципах в организации работы железнодорожников, постоянной агитации, упор на патриотические чувства. В принципе такие меры действительно сыграли важную историческую роль и помогли не только обеспечить перевозку важнейших объектов, но и привнесли новшества, новаторство, когда рабочие-железнодорожники находили новые способы и методы повышения производственных показателей. Это было огромным достижением в работе железнодорожников военной поры.

Литература

1. Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 273.
2. ГААО. Ф. 13. Оп. 12. Д. 253.

3. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 257.
4. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 252.
5. ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1216.
6. ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1074.
7. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 256.
8. ГААО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 23.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 7. Д. 175.
10. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 261.
11. ГАРФ. Ф. 7524. Оп. 3. Д. 11.
12. Сесёлкин, М. Сэкономлено свыше 26 тонн топлива / М. Сесёлкин // Большевицкий сигнал. – 1944. – 8 января.

Информация об авторе:

Ешпанов Владимир Сарсембаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Представительства Алматинской академии экономики и статистики в г. Актобе, Республика Казахстан, 8-7132-560005, ws-282@mail.ru.

Vladimir S. Eshpanov – Doctor of History, Professor, Director of the Division of Almaty Academy of Economics and Statistics in Aktobe, Kazakhstan.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2013 г.

УДК 94(57)+314.4

ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА (1937 г.)

Е. И. Красильникова

A PAGE FROM THE OMSK REGIONAL MUSEUM'S HISTORY: THE EXHIBITION DEDICATED TO THE CENTENARY OF ALEXANDER PUSHKIN'S DEATH (1937)

E. I. Krasilnikova

Статья посвящена специфике работы Омского областного краеведческого музея в условиях разгара политических репрессий. Цель статьи – охарактеризовать масштабную выставку, устроенную музеем к столетию со дня гибели А. С. Пушкина. Автор объясняет особенности репрезентации выставочных материалов в контексте государственной идеологии и советской политики памяти. В методологическом отношении автор опирается на разработки, известные в западной науке, как «memory studies». В статье рассмотрены принципы музейной репрезентации отечественной истории первой трети XIX в. («пушкинской эпохи»), процесс работы над созданием выставки. Также характеризуется восприятие выставки ее посетителями, их критические замечания и позитивные отзывы. Автор приходит к выводу о том, что эта выставка была очень важна для государства в контексте процессов идеологизации прошлого. Она отвлекала внимание населения от политических репрессий, была нацелена на формирование негативного восприятия истории страны до прихода к власти советов и позитивного образа современности в общественном мнении.

The article is devoted to the specifics of the Omsk Regional Museum's activity in the height of political repression. The paper aims at characterizing the large exhibition, which was organized by this museum on the centenary of Alexander Pushkin's death. The author explains the particular representation of exhibition materials in the context of the Soviet state ideology and memory policy. Methodologically, the author relies on the works, known in the Western science as «memory studies». The paper deals with the principles of representing Russian history of the first third of the 19th century (Pushkin's era), and shows the process of creating the exhibition. The author also characterizes the visitors' perception the exhibition, their criticism and positive feedback. The author comes to the conclusion that this exhibition was very important for the state in terms of the processes of indoctrination of the past. It diverted attention from political repression and was aimed at creating a negative perception of the country's history before the Soviet coming to power and a positive image of the contemporary situation in the public mind.

Ключевые слова: музей, выставочная деятельность, юбилейные торжества, коммеморация, политика памяти.

Keywords: museum, exhibition activities, anniversary celebrations, commemoration, memory politics.

Омский краеведческий музей является одним из старейших и наиболее значительных центров культуры сибирского региона. Его истории посвящено большое количество разнообразных исследований [1; 3; 4; 15; 17; 20 и др.], отдельно затрагивалась и спе-

цифика деятельности музея в тяжелый для страны период политических репрессий 30-х гг. XX в. [1]. Однако исследований, посвященных истории экспозиционной и выставочной деятельности этого музея, до сих пор немного [10 и др.]. Между тем изучение

особенностей репрезентации исторического прошлого в экспозиции краеведческого музея перспективно с точки зрения выяснения политико-просветительских задач, возлагавшихся государством на музеи страны и их роли в процессах, связанных с идеологизацией прошлого.

Цель данной статьи – охарактеризовать выставку, устроенную омским краеведческим музеем к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина (1937 г.), в контексте государственной идеологии и политики памяти государства. Для этого предстоит выяснить, на основе каких принципов строилось экспонирование музейных предметов, отбирившихся для выставки; объяснить идеологическое значение этой выставки и охарактеризовать ее восприятие посетителями музея.

Данное исследование является частью более обширного проекта посвященного изучению специфики организации памятных мест и коммеморативных практик в городах Западной Сибири в период между Гражданской и Великой отечественной войнами. Методологической опорой нашей работы служат, прежде всего, труды виднейших специалистов в области так называемых «memory studies», получивших развитие в Западной Европе и США. Работы М. Хальбвакса, П. Нора, Д. Лоуэнталя раскрывают сущность феномена коллективной исторической памяти и коммеморации [13; 16; 21]. Пониманию специфики российских коммемораций способствуют также разработки отечественного культуролога А. В. Святославского [19]. Организацию музеем юбилейных исторических выставок мы понимаем как разновидность коммеморативных практик – сознательных актов передачи мировоззренчески значимой информации (или ее актуализации) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры [19, с. 4]. Музей в значительной степени формирует коллективную историческую память местного сообщества, служит ее обогащению, поддержанию и трансляции. Будучи государственным учреждением, в условиях сталинского режима музей реализовывал государственную политику памяти. Под политикой памяти (исторической политикой) мы подразумеваем способы и сам процесс идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [18, с. 41]. По словам французского историка Ю. Шеррера, «историческая политика, в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов, которые реализуются в ритуалах, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [22, с. 91]. Мы исходим из представления о том, что в тоталитарных условиях политика памяти направлена на формирование и закрепление, прежде всего, нормативной или догматичной картины прошлого.

Основными источниками нашего исследования послужили делопроизводственные документы из фондов Государственного исторического архива омской области. Среди них – материалы фонда музея, содержащие экспозиционные планы и прочие материалы, свидетельствующие о подготовке выставки, а также книга отзывов – уникальный источник, отражающий восприятие выставок посетителями; документы фонда исполнительного комитета горсовета,

содержащие директивные идеологические установки, связанные с организацией выставки. Мы также использовали в качестве источника своего исследования периодическую печать, освещавшую в репортажах выставочную деятельность музея. Эти публикации помогают прояснить, прежде всего, идеологическое значение выставки.

100-летие со дня гибели А. С. Пушкина активно отмечалось по всей стране. В Омске, помимо музейной выставки, были развернуты разнообразные торжественные мероприятия: лекции и вечера поэзии в школах, институтах и клубах; библиотека им. А. С. Пушкина отвечала за организацию конкурса на лучшего чтеца стихов и за устройство выставки книг поэта; театры готовили постановки пьес по пушкинским произведениям; радио транслировало оперы на стихи А. С. Пушкина «Борис Годунов» и «Кавказский пленник» [6, л. 1 – 6; 19].

Музею было поручено создать выставку в двух больших залах. При этом исполнительный комитет горсовета высказал и требования к содержанию выставки. Она должна была фиксировать внимание не только на биографии и творчестве поэта, но и на фоне исторических событий его эпохи: на Французской революции, на войне 1812 г., на «аракчеевщине», восстании декабристов, «реакционной политике» Николая I. Пушкин должен был быть представлен не только как поэт, но и как историк, интересовавшийся народными революционными восстаниями против крепостников. Обязательно требовалось отразить современную критику взглядов Пушкина [6, л. 27].

Основа этой выставки – типовая «передвижка» из двухсот фотографий – была приобретена стараниями сотрудника музея А. Ф. Палашенкова в Москве. Эту выставку омичам предоставил институт литературы АН СССР. Ее дополнили местными материалами. Сотрудники омского музея нашли большой живописный портрет поэта – копию с картины В. А. Тропинина, а также документы с автографами лиц, причастных к смерти поэта. Для выставки использовались и некоторые документы из фондов местного архива, относящиеся к первой трети XIX в. Омские музейщики, следуя требованию вовлекать широкую общественность в краеведческую работу, широко растиражировали призыв, адресованный жителям города, приносить на выставку вещи, напоминающие о самом поэте и о пушкинской эпохе. В итоге были собраны книги и журналы современной Пушкину печати, картины и скульптуры на пушкинские темы, мебель, хрусталь и фарфор. На выставке демонстрировались и современные средства сохранения памяти об А. С. Пушкине: плакаты, лозунги, листовки, советские издания произведений поэта [8, л. 9]. Эта выставка акцентировала внимание на проблемах классовой борьбы в наследии Пушкина, на социально-политических конфликтах его эпохи, почти игнорируя прочие темы лирики поэта. Музейщики должны были объяснить посетителям выставки пушкинские «порывы к свободе и светлой, радостной жизни», а также «рассказать о действительных причинах его преждевременной трагической гибели» [6, л. 72].

Официальное отношение к творчеству А. С. Пушкина, обусловленное политикой памяти, отразилось в

научно-популярной литературе, посвященной биографии поэта и значению его произведений, которая издавалась в юбилейный год. Все книги, посвященные биографии поэта, содержали однотипные оценки и выводы. Пушкин в этот период рассматривался исключительно как революционный поэт, «бичевавший самодержавие и воспевавший политическую свободу». О нем говорили как об «оптимисте, протестовавшем против гнета и несовершенства общественного строя его времени, верившем в счастье всех людей, которое достижимо на земле». Поэт характеризовался как бедный, но трудолюбивый дворянин, которому было чужд светский образ жизни и развращенность дворянства [2; 11]. Книжки о Пушкине внушали читателям ненависть поэта к крепостному строю, к самодержавию, а также к «бесчеловечной эксплуатации, присущей зарождающемуся капитализму» [11, с. 136]. Мировоззрению поэта приписывался материализм, а жизненной ситуации, сложившейся в канун его смерти – одиночество в мире глубоко аморальных людей высшего света, стремившихся опорочить его семью ради забавы. О причинах дуэли с Дантесом говорилось: «Пушкин чувствовал себя затравленным, его преследовал Николай, Бенкендорф, министры, светское общество старалось унижить, критика хулила» [11, с. 117]. Дантес рассматривался лишь как один из многих врагов «певца свободы». Считалось, что о дуэли знал император, но намеренно не попытался ее предотвратить, фактически потакал убийству. Дошло до того, что Пушкин был признан поэтом рабочих, крестьян и советской интеллигенции. Его поэзия характеризовалась как простая и доступная всем слоям общества. Критика его политической позиции состояла в признании того, что Пушкин якобы не понимал главного: «Революционное насилие – это единственное действенное средство в борьбе за торжество гуманизма» [12, с. 197].

Общее официальное отношение к фигуре А. С. Пушкина, характерное для 1937 г., нашло отражение и в письме И. В. Сталину, которое было составлено собранием общественных организаций Омска в честь 100-летия со дня кончины поэта. Напыщенными и высокопарными фразами авторы письма так объяснили типичное для того времени понимание значения этой памятной даты для страны и советского народа: «За рубежом, где свирепствует звериная власть оставшейся империалистической буржуазии, фашизм, все ценное, радостное, светлое, благородное из культурного наследия возвел на костер... Лишь в нашей стране, где ярко сияет сталинское солнце новой замечательной жизни, великий народ под твоим руководством, товарищ Сталин, создает доподлинный храм всемирной культуры... В кошмарной обстановке царизма, окруженный интригами и ненавистью чиновников, ...Пушкин записал мечты, мысли и чувства народа, которые теперь сбылись. Сталинская конституция – это величайшая поэма, претворяющая в жизнь мечты...» [7, л. 29]. Из этого письма и других источников ясно, что в конечном итоге пушкинская выставка, как и все торжественные мероприятия, прославляла вождя и конституцию 1936 г.

Подобные коммеморации были необходимы в условиях политики репрессий для идеологического вос-

питания. Перед музейщиками стояла политическая задача искусственного формирования видимости политической солидарности не только между современниками, но и великими людьми ушедших эпох. В условиях повсеместного разрушения памятников русской истории и культуры (в особенности религиозной) важно было также продемонстрировать заботу советского государства о сохранении наиболее ценного культурного наследия. В канун юбилея пушкинское наследие было существенно переосмыслено в идеологическом контексте. Все пушкинские коммеморации 1937 г. были направлены на формирование в культурно-исторической памяти советских людей новой фигуры А. С. Пушкина – борца с царизмом за счастье простого народа.

В ежедневной газете «Омская правда» был опубликован репортаж о пушкинской выставке. Поясняясь, что эта выставка рассказывает не только о великом поэте, но и об «ужасах его эпохи». Согласно газете в начале осмотра посетители видели утонченную старинную статуэтку, изображавшую Психею с крыльями бабочки. Далее автор статьи объяснял значение этого экспоната: «Таковыми Психеями украшали свои гостиные помещицы, которые на кухне или в девичьей секли своих крепостных девок» [15]. Согласно газетному репортажу, выставку организовано посещали учащиеся, колхозники, красноармейцы, рабочие. Приходило также много одиночных посетителей, среди них были и пожилые люди. Однако заметно, что организаторы выставки ориентировались, прежде всего, на молодежь. Одна из «возрастных» посетительниц написала в книге отзывов, словно оправдывая свой визит: «Я старушка, именно 58 лет, но Пушкиным тоже интересуюсь» [9, л. 8 об.].

Многие посетители (ученики, студенты) формулировали свои отзывы в виде краткого вывода из экскурсии. Можно привести типичный пример: «А. С. Пушкин – один из лучших революционных поэтов, который боролся за диктатуру пролетариата, в этом его большая заслуга» [9, л. 1]. Многие говорили о том, что просмотрели выставку и прослушали рассказ экскурсовода с большим интересом, описывали свои эмоциональные реакции на увиденное, к примеру: «Начиная с первого зала и кончая последним выставку смотрел с неослабевающим вниманием... Выставку нужно посмотреть каждому»; «Все это мне нравилось: как он жил и описывал жизнь помещиков и была ясна его жизнь. А когда мы зашли и увидели гибель поэта, сразу как-то стало жалко мне его... Очень понравилось, будто мы с Пушкиным находились вместе» [9, л. 1 об.]. Некоторым особенно нравилась имевшаяся здесь же выставка детских работ, посвященных А. С. Пушкину. Школьники, которых не пригласили к участию в этой выставке, высказали даже свое возмущение [9, л. 9]. Заметно, что некоторые из посетителей, оставивших отзывы, отнеслись к этому как к важному, но формальному акту. Так, кто-то из группы рабочих, пришедших на выставку «строим», записал: «Осмотрев выставку, постановили признать выставку хорошей» [9, л. 4]. Однако далеко не всех приводили в музей организованно. Были такие, кто по собственному желанию, из интереса приходил на пушкинскую выставку по четыре раза и не уставал

выражать восхищение и предлагать собственные идеи по ее изменению. Более всего посетителям не хватало ярких визуальных образов. К примеру, предлагалось «устроить макет рабочего кабинета Пушкина и его дуэли с Дантесом» [9, л. 3 об.]. Другим посетителям не хватало «разъяснений», как устных, так и письменных. Некоторые ожидали от музейщиков доработки выставки, ее расширения в соответствии с отзывами. Отдельные посетители сравнивали эту выставку с аналогичными выставками в других городах, признавая опыт омичей довольно удачным. Фиксировались и ожидания аналогичных выставок о М. Горьком и о В. И. Ленине.

Однако кроме похвалы книга отзывов сохранила и многочисленные замечания. Некоторым посетителям бросилась в глаза чрезвычайная политизация биографии поэта, за которой исчезал образ Пушкина – человека, имевшего частную жизнь. Посетители писали, что на выставке не хватало сведений о детстве и юности поэта, его изображения в раннем возрасте. Замечали посетители и отсутствие каких-либо материалов о Н. Н. Гончаровой, которая, по их мнению, все-таки, «как жена, играла большую роль в жизни Пушкина» [9, л. 24]. Ученики фиксировали в книге отзывов вопросы, на которые так и не получили ответов от экскурсоводов: «Почему нет портретов его детей и внучат? Где они жили? Были среди них писатели и поэты?» [9, л. 24 об.]. Отмечалось и то, что на выставке не были представлены современные собрания сочинений поэта, не хватало иллюстраций к произведениям и фотоснимков сцен из спектакля «Борис Годунов», шедшего на омской театральной сцене.

Поражают и отзывы тех, кто воспринимал политические реалии 1937 г. как норму, считая это время периодом справедливости и благополучия. Такие посетители выставки ожидали еще больше политизации ее содержания. Обращает на себя внимание следующий отзыв: «Меня как командира РККА поражает, почему Пушкина не расстреляли хамы и самодуры открыто? Но вообще я художествами доволен» [9,

л. 3]. Подобные отзывы говорят о крайне упрощенном и даже вульгарном восприятии массовым посетителем эпохи «царизма». Многие в 1937 г. были уверены, что по сравнению с современностью XIX в. был «кошмарной эпохой». Это подтверждает следующий отзыв: «Пушкин писал стихи против царя, в конце концов, дело дошло до дуэли, на которой погиб великий поэт. Конечно, если сравнивать его время и наше счастливое, радостное время, кажется, что того времени никогда не было» [9, л. 3]. Один из студентов Комвуза записал замечание: «Эпоха Николая Палкина представлена слишком мягко, в красках довольно привлекательных» [9, л. 3 об.].

Итак, тяжелый 1937 г. для советских граждан был связан не только с ужесточением политического режима, но и с крупными массовыми торжествами, которые были необходимы для того, чтобы отвлечь внимание народа от массовых репрессий. В торжествах были активно задействованы и музеи, в частности, готовившие масштабные выставки к 100-летию со дня кончины А. С. Пушкина. Репрезентация исторического прошлого на такой выставке в омском музее не отличалась оригинальностью. Музей транслировал мифы, сочиненные властью, и представлял, главным образом, типовые экспонаты. Эффективное идеологическое воздействие этих коммемораций очевидно, однако, восприятие посетителями выставок имело нюансы. С одной стороны, люди более «просвещенные» политически ждали от выставок гораздо большей идеологизации прошлого. С другой стороны, те, чье сознание не было покалечено такой же мощной идеологической «обработкой» (дети, домашние хозяйки, пожилые люди), замечали ущербность и однобокость советских мифов об Александре Сергеевиче Пушкине. Наконец, массовый посетитель воспринимал содержание выставки на веру, как данность. Часть из таких посетителей восторгалась выставкой. Но заметно, что многие воспринимали посещение выставок спокойно, без особенных эмоций, как обязательное и формальное мероприятие.

Литература

1. Безродная, О. А. Западносибирский краевой музей (1921 – 1934 гг.) / О. А. Безродная // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: М-во культуры Омской обл., ОГИК музей, 2013.
2. Бродский, Н. Л. Пушкин: биография / Н. Л. Бродский. – М., 1937. – 894 с.
3. Вибе, П. П. Основные этапы истории и перспективы развития Омского государственного историко-краеведческого музея / П. П. Вибе // Музей и общество на пороге XXI в. – Омск: [б. и.], 1998. – С. 9 – 16.
4. Вибе, П. П. Память поколений в Омском музее // Музей и его коллекции. К 130-летию основания Омского государственного историко-краеведческого музея / П. П. Вибе, Р. А. Шанаева. – Омск: ОГИК музей; Русь, 2008. – С. 6 – 17.
5. Выставка в музее // Омская правда. – 1937. – 21 октября.
6. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 235. Оп. 1. Д. 639.
7. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 748.
8. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 183.
9. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 189.
10. Красильникова, Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. / Е. И. Красильникова // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2. – С. 91 – 103.
11. Кирпотин, В. Александр Сергеевич Пушкин. 1799 – 1837 / В. Кирпотин. – М.: Художественная литература, 1937. – 172 с.
12. Кирпотин, В. Наследие Пушкина и коммунизм / В. Кирпотин. – М.: Художественная литература, 1938. – 232 с.

13. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Фонд «УН-Т», 2004. – 622 с.
14. Мартынов, Л. Пушкинская выставка в музее / Л. Мартынов // Омская правда. – 1937. – 18 февраля.
15. Мартынова, Л. С. Этапы комплектования коллекций омского краеведческого музея / Л. С. Мартынова // Музей и общество на пороге XXI в. – Омск: [б. и.], 1998. – С. 28 – 30.
16. Франция – память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
17. Томилов, Н. А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (краткий исторический очерк) / Н. А. Томилов, Ю. А. Макаров // Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск, 1986. – С. 5 – 39.
18. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 56 с.
19. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологи / А. В. Святославский. – М., 2011. – 53 с.
20. Томилов, Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях / А. Н. Томилов // Советская этнография. – 1981. – № 5. – С. 84 – 95.
21. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступит. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
22. Шеррер, Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти / Ю. Шеррер // Pro et Contra. – 2009, май – август.

Информация об авторе:

Красильникова Екатерина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, 8(383) 201-29-31, katrina97@yandex.ru.

Ekaterina I. Krasilnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2013 г.

УДК [903.23'18:316.722](574)“7/12”

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ И ПРИЁМЫ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕМИРЕЧЬЯ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

(на примере антропо-зооморфной керамики и архитектурного декора)

К. Ю. Маркова

GRAPHIC STYLES AND TECHNIQUES IN THE CITY CULTURE OF SEMIRECHYE AND SOUTH KAZAKHSTAN

(the example of the anthropo-zoomorphic ceramics and architectural decoration)

K. Yu. Markova

Статья посвящена исследованию антропо-зооморфной керамики и резной глины, собранных с территории Семиречья и Жетысу: города Тараз, Джикиль, Туюкту-арчи, Садыр-Курган, Чоль-тобе, Торткуль, Актобе, Актобе-1, Талгар и др. В ходе работы были определены общие стилистические элементы и сюжеты орнамента, характерные для художественной культуры Семиречья и Южного Казахстана в целом, приведена семантика орнаментальных элементов и композиций. Удалось определить, как с течением времени меняются изобразительные стили и приемы, выделить сходство и отличия в выстраивании растительных и геометрических мотивов в сюжетные линии как в украшении стен храмов и мечетей, так и на сосудах, порой найденных в помещениях этих зданий. Распространенными видами орнамента на исследуемых предметах являются растительный и геометрический, космогонический, а также антропо- и зооморфный стиль.

The paper is devoted to the anthropo-zoomorphic ceramics and carved clay collected from the territory of Semirechye and Zhetysu: the cities of Taraz, Dzhikil, Tyuktu-Archi, Sadyr-Kurgan, Chol-Tobe, Tortkul, Aktobe, Aktobe-1, Talgar and other. In the course of work, the common stylistic elements and ornament patterns, typical for the artistic culture of Semirechye and South Kazakhstan in general, were defined; the semantics of the ornamental elements and compositions is stated. The authors succeeded in determining how visual styles and techniques changed over time, and to highlight the similarities and differences in creating plant and geometric motifs in story lines, both in the decoration of the walls of temples and mosques and on the vessels, sometimes found in the locations of these buildings. Common types of ornament on the studied subjects are floral and geometric, cosmogonic and anthropo- and zoomorphic styles.

Ключевые слова: орнамент, керамика, резная глина, семантика образов, города, средневековье.

Keywords: ornament, ceramics, carved clay, image semantics, cities, the Middle Ages.

Занимаясь изучением археологического материала, собранного с территории средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана, удалось выделить типы антропо- и зооморфной керамики, в соответствии с их изобразительными элементами и формой, а также общие стилистические мотивы и композиции в архитектурном декоре и керамике.

Для того чтобы понимать целостность символически выраженных образов, представлений, стили и содержание декоративно-прикладного искусства городов эпохи средневековья, необходимо изучать искусство Средней Азии в комплексе и неотделимо от предшествующих эпох и соседствующих территорий, от истории региона в целом.

Главным содержанием искусства всегда была жизнь человеческих поколений. Даже в областях религиозной фантазии первобытного человека и в мифологии древних виден отблеск реальной жизни общества. Огромный скачок во времени и представлениях разделяет реалистическое искусство древнекаменного века с более условным искусством ранних сельских поселений новокаменного и меднокаменного веков. Это роспись стен и узор на керамике, глиняные статуэтки с их сложными, зашифрованными в условные знаки изображениями неба, земли, воды, светил, животных и людей стоят как бы на другом конце того же пути от первобытности к родовой общине и раннеклассовому обществу. Религиозная фантазия заняла в искусстве древних людей большое место, она породила условные символы и грубый фетишизм, преодоление которого стало задачей искусства на протяжении всего средневековья. Искусство средневековья было связано с выражением жизни этой эпохи на языке художественного совершенства. В условиях классового общества античности и средневековья искусство было связано с обиходом высших слоев общества. Но это не лишало его народных основ. Рассмотрев археологический материал, датированный VI – XII вв.: штук, украшавший стены дворцовых комплексов, храмов, мечетей, мавзолеев, богатых замков и усадеб, а также антропо- и зооморфную керамику в виде сосудов, крышек котлов, керамических фигурок, удалось проследить орнаментальные стили и приемы в искусстве Семиречья этого периода. Для исследования использовались коллекции фонда Института археологии и этнографии им. А. Х. Маргулана и экспозиции Республиканского музея города Алматы.

В изобразительном искусстве Жетысу основным составляющим компонентом является орнамент, который в свою очередь имеет несколько разновидностей. На исследуемых археологических материалах: антропо-зооморфной керамике и резной глине (штуки) представлен орнамент растительного, геометрического, космогонического, зооморфного и антропоморфного характера. Антропоморфные и зооморфные мотивы в искусстве Семиречья и Южного Казахстана выражены не только с помощью изобразительных приемов, но и с помощью формы предмета. Керамика зачастую передает образы человека и животных. В традициях разных народов элементы посуды отождествляются, прежде всего, с частями тела человека или животного, а тело – с элементами космического пространства [10, с. 148 – 149]. По вертикали – структура космоса, во-

площенная в Мировом древе, включает три основных зоны – небо («верхний мир»), землю («средний мир») и воду («нижний мир»), по горизонтали – четыре стороны света [6, с. 309].

Антропоморфные признаки на сосудах, как правило, переданы с помощью орнамента в технике резьбы, напечата, гравировкой по сырому и штампами. К антропоморфным признакам относятся изображения ушей, рта, волосистой покров, «мужские» (пирамидальные напечаты на верхних изгибах ручек) и «женские» (грудь в виде трех шишечек на тулове или прочерчиваний) признаки (рис. 1) [7, с. 93]. Реже встречаются «андрогинные» керамические предметы, то есть совмещающие мужские и женские признаки.

Рис. 1. Кувшины с изображением женской груди. Тараз, IX – X вв.

Некоторые исследователи считают, что сосуды с антропоморфными признаками изображали древних божеств [1].

Геометрический орнамент состоит из таких элементов, как ромбы, квадраты, треугольники, линзы, меандры. Растительный орнамент представляют спирали, стебли, ветви, цветы, всевозможные композиции. Каждый элемент орнамента имеет определенное значение, в композициях и сюжетах можно прочесть невероятные истории, наполненные смыслом. Так, небо на сосудах обозначалось орнаментом из дугообразных линий, напоминающих облака. Фигура ромба или квадрата у многих народов символизировала землю (рис. 2). Люди издавна представляли, что всепокрывающее небо и всепорождающая земля являются отцом и матерью мира, а все живые существа – люди, животные и растения – их детьми. Судя по более поздним письменным текстам, круг – это символ и земли и солнца; квадрат и круг, вписанные друг в друга – вселенная; concentric circles – солнце. Символом солнца и огня была также свастика, часто изображаемая на андроновских сосудах, посвященных богу солнца Митре [2, с. 311]. Распространенный элемент андроновского орнамента – меандр – встречается на керамике и облицовке зданий Семиречья и Южного Казахстана на протяжении всей средневековой эпохи. Исследователи видели в нем то символ воды, то движения, в частности, движения солнца по небосклону [2, с. 311].

Рис. 2. Городище Жуантобе, VII – VIII вв.

На сосудах встречается елочный орнамент, указывающий направление. Можно использовать этот элемент как признак, выделяющий определенную зону на сосуде. Так, если ёлочки расположены вверх, значит, скорее всего, на сосуде большее смысловое значение несет орнамент в зоне «среднего мира», а если ёлочки имеют направление вниз, то выделяется «нижний мир». Помимо ромбов и ромбической сетки, распространенным элементом в геометрическом орнаменте были треугольные и сферические фигуры. Ярким примером таких геометрических изображений служат орнаменты на кувшине IX – X вв. с антропоморфными признаками из Куйрыктобе, антропоморфном кувшине из музея АГУ им. Абая, на сосуде с зооморфными признаками VI – VIII вв., найденном при раскопках храма 2 в Куйрыктобе. Кресты – это элемент орнамента, являющийся характерной изобразительной чертой талгарской керамики, и довольно редко встречающийся на сосудах в других регионах Семиречья (рис. 3).

Рис. 3. Жетысу, VII – IX вв.

Еще одним распространенным видом орнамента является растительный. Один из его мотивов – спираль, или вечный круг, является воплощением «вечного времени», циклического, повторяющегося, каким представлялось и обычное хронологическое время [4, с. 72]. Некоторые исследователи связывают спиралевидный мотив на антропоморфных сосудах с иранской мифологией, где бог Зерван мыслился как бесконечное время (Зерван Акарана), существующее изначально, когда мир пребывал в эмбриональном состоянии [1]. А для искусства Средней Азии в целом распространение растительного орнамента (сосочки, розетки, трилистники, медальоны, спирали) на керамике характерно для более позднего времени X – XIII вв. [9, с. 108]. Это время господства на территории Семиречья и Южного Казахстана таких религий, как ислам, христианство и др. Зороастрий-

ские мотивы могли выступать как отголоски бытовавшей религии в период раннего средневековья V – VIII вв. А вот в узоре декора в X – XIII вв. главными и определяющими были геометрические построения. Они подчиняли себе, своим сеткам и основанным на них фигурам всю причудливую игру побегов, ветвей и цветов.

Несомненно, богато украшенные сосуды имели особое предназначение. Это доказывает и их нахождение во дворцах, храмах, домашних святилищах. Сравнивая сосуды VII – VIII вв. с керамикой IX – XII вв., можно выявить изменения, связанные в первую очередь с этническими, миграционными процессами, со сменой религии на ислам и становлении ее государственной. В первую очередь изменения касаются орнамента. Геометрический, более выдержанный орнамент сменяется растительным: широкое распространение получают прочерченные четырехлепестковые и пятилепестковые цветки, вероятно, служившие обозначением плодов и указывающие на главное свойство земли – плодородие.

Зооморфный характер предмета также передавали с помощью изображений и с помощью формы. На керамической посуде встречаются изображения петуха. Петух – символ бога молитвы и послушания Сраоши [1, с. 83]. На городище Каялык был обнаружен фрагмент кувшина (слив?) в форме головы собаки. Распространенным изображением на сосудах и стенах помещений является змея. В древности со змеей связывали идею непрерывности жизни, постоянного ее «оживления» после «смерти» (сбрасывания кожи), идею бессмертия и неиссякаемого плодородия [3, с. 106 – 107]. Распространенным изображением змеи на посуде является орнамент в виде волнистой линии с точками. Змея, помещенная в арку («змеиная арка») – это символ «апокатарсиса», возвращения времени [4, с. 68 – 70]. В целом арка – это элемент, который использовался не только как архитектурный прием. Зачастую прочерченные арки украшали стены монументальных комплексов и довольно часто встречаются на керамических сосудах. Арка – это символ вселенной, ее изображения связаны с культом неба (рис. 4).

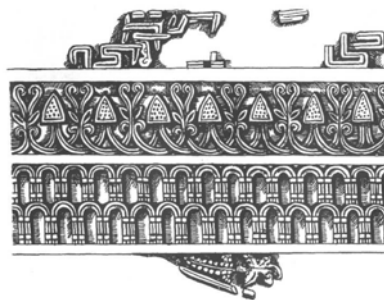

Рис. 4. Фрагмент резной глины с городища Джамукат. Прорисовка

Широкое распространение в Семиречье получили так называемые сосуды – «утки» или водолей-мургоби (рис. 5). Сосуды, изображающие утку, считались символами единства неба, земли и воды и имели отношение к мифам о создании земли и земного мира. Многие из них использовались в обрядовой практике празднования Наурыза – Нового года. Представления об утке или гусе как о космической птице распространены довольно ши-

роко. Объясняя космогонический сюжет, изображенный на культовых хорезмийских сосудах, Ю. А. Рапопорт предположил, что в хорезмийской традиции происхождения вселенной изначальное божество представлялось в образе водоплавающей птицы. Рапопорт не исключал также, что образ водоплавающей птицы соответствует представлениям об изначальной водной стихии [8, с. 67 – 68]. Сосуд со сливом в виде быка, видимо, использовался в дни празднования Ноуруза, в день, когда был создан Гайомарт – быкочеловек, из тела которого произошли виды зерна и растения, а из семени – бык и корова, мужчина и женщина.

Рис. 5. Водолей-мургоби. Городище Торткуль, XI – XII вв.

К космогоническому орнаменту относится изображение Луны. Но стоит учитывать, что полумесяц – это один из основных элементов мусульманской символики. IX – XIII вв. – это время проникновения и распространения ислама в Семиречье, что подтверждается находками вещей с эпиграфическим орнаментом, который встречается и на керамике, и в декоре. Изображения «молодой» и «старой» Луны связывают с мотивом умирающей и воскресающей природы. «Непостоянная» Луна выступает в целой группе рассказов. Периодичность смерти и оживления Луны внушила людям печальное сопоставление с судьбой человека.

Зачастую элементы орнамента составляют целые композиции, которые можно «прочесть». Так, на одном из сосудов, найденных в Садыр-Кургане, автор, скорее всего, хотел передать процесс зарождения жизни под землей. Если учесть, что на плечике сосуда обозначена «зона земли» из перекрещивающихся линий, а также из волнистых линий, окруженных точками (некоторые исследователи называют его условным пространством над землей [1, с. 84]), тогда изображенные четырехлистники – это проросшие отростки растений, которые готовы пробиться наверх, а перлы между ними – еще не распутившиеся зерна (рис. 6). Можно предположить, что орнамент на этом кувшине отражает идею инобытия человека после смерти. Буддийское учение о перевоплощении, зороастрийское жреческое учение о душе усопшего, заключенной в растении, о грядущем ее воскрешении сливаются с пережитками первобытных анимистических представлений.

Рис. 6. Городище Садыр-Куган, IX – X вв.

Целый ряд культовой керамики представляют крышки сосудов, навершия которых выполнены в виде головы барана или трехрогого и двухрогого животного (рис. 7). Это указывает на давно бытовавший среди полукочевого и оседлого населения культ барана. Налепами в виде рогов барана была обрамлена ниша в святилище городища Кок-Мардан (однокомнатная постройка размером 4 x 4). Три рога в шаманизме служат обозначением священной принадлежности богов, жрецов [5, с. 200 – 207] и животных. Демоны – сатиры и силены изображались с рожками и лошадиными ушами, лошадиными и козлиными копытами, лошадиными хвостами, а торс и голова у них человеческие.

Рис. 7. Фрагмент крышки IX – X вв., Тараз

Ритуальная керамика с зоо- и антропоморфными признаками употреблялась во время календарных праздников. Некоторые сосуды могли использоваться и в повседневной практике в связи с обрядами очищения, магическими действиями, обеспечивающими плодородие, защиту от злых духов и т. д.

Отдельную группу составляла архитектурная керамика. Художественная резьба по толстому слою сырой штукатурки – резной штук – украшала культовые постройки IX – X вв. Так украшались ниши и стеновые панели. Характерными были геометрические мотивы (меандры, полосы, круги, овалы), растительные (лозы винограда, пучки цветов, тюльпаны), эпиграфические (стилизованные изображения букв). Распространенный элемент растительного орнамента в архитектурном декоре – это виноградная лоза, гроздь винограда (рис. 8).

Рис. 8. Фрагменты резной композиции с изображением винограда. Костобе, VIII – IX вв.

Возможно, это связано с широким распространением виноградарства в Семиречье и Южном Казахстане (на территории Жетысу было открыто несколько виноделен). Реже встречаются изображения животных и людей. Зачастую резьба по глине раскрашивалась красной, синей, зеленой и белой красками.

Преемственность в развитии архитектуры старого и нового времени указывает на существование в Мавераннахре в период раннего и развитого средневековья ранее определившихся архитектурных школ, каждой из которых были присущи черты различия, но имелись и не менее важные черты родства и сходства [9, с. 89]. Искусство северного Мавераннахра включало в ареал своего распространения и Южный Казахстан, что объясняется историко-культурной общностью этих районов. В декоре архитектурных сооружений, особенно мавзолеев, очевидны элементы, связанные с традицией Мавераннахра. Но также несомненны и связи с древней традицией степного искусства; позже эти элементы вошли в искусство казахстанского народа [9, с. 90].

Так резной штук с исследованных монументальных построек в VII – IX вв. сохранял отдельные растительные мотивы, но уже в X – XI вв. геометрические арабески заставляют растительный узор следовать «капризу» геометрических линий. Постепенно к XII в. пластические качества выходящих стеблей и листья утрачиваются, листья теряют мясистость и толщину. А резной штук VII – IX вв. еще имеет растительность, сохраняющую вмятины. В более поздний период X – XIII вв. стебель и лист перестают иметь формы предмета и составляют только узор. Меньше растительных элементов, больше отвлеченных вставок – кружков, звездочек, замысловатых значков, точек, запятых. В предшествующую эпоху, особенно в домусульманское время, широкого применения достигла монументальная живопись в форме настенных картин, роспись велась по глине или алебастру. Постепенно орнаментальная роспись приобретает широкую гамму цветов. Это можно было проследить на стенах бани Тараза XI в. (рис. 9) [2, с. 305].

Рис. 9. Фреска первой бани Тараза

Общие растительные и геометрические мотивы выстраиваются в одинаковые сюжетные линии как в украшении стен храмов и мечетей, так и на сосудах, порой найденных в помещениях этих зданий.

Архитектурный декор на примере резной глины и культовая керамика рассматриваемого региона развиваются в общем тандеме с искусством Средней Азии в целом в VII – XIII вв.

Для развития стиля изображений важно, как новая трактовка сюжета меняет художественную форму, вызывая обратное воздействие формы на содержание искусства. Реалистическая, сложившаяся под влиянием мифа в раннем средневековье, архаизированная под воздействием шаманских культов, она стала более условной и отвлеченно-декоративной в росписях XII – XIII веков.

Смещение задач – перенос духовного начала из сферы изобразительности в сферу декоративного убранства – подняло искусство бытовой вещи на небывалую высоту, сделало его выразителем духовных ценностей народа. Но как бы высоко не оценивались успехи средневекового художественного ремесла и средневекового декоративного искусства, остается неоспоримым, что сама способность видеть и изображать мир в его реальном содержании, реалистически была художником уже в значительной мере утрачена.

Живопись сохраняла, видимо, интерес к сюжетам придворной жизни (изображения на резных досках из Куйрыктобе – Южный Казахстан), но испытывала сильное воздействие прикладных искусств, а в них образ человека и животный мир растворялись все чаще в орнаменте. Этот процесс можно наблюдать со всей наглядностью на любых видах изделий XI – XIII веков [9, с. 82]. Надписи на сосудах в XI в. орнаментализируются, «прорастают» цветочным узором (цветущие куфи).

Прослеживая общие тенденции развития стиля, нельзя забывать о специфичности пути каждого вида искусства. Так, в отличие от изображений на антро- и зооморфных сосудах, для X – XIII вв. главными и определяющими в узоры декора архитектурных сооружений были геометрические построения.

Мифология, эпос, живое наблюдение природы и идеализированный, выраженный в условной форме мир вещей предстают как бы слитно. Формы природы раскрываются как внешняя организация ритмов узора. Для культовых сосудов Семиречья характерны четко выраженные структурные формы: высокие узкие кувшины. Преобладает моделированный плоский рисунок. Структурность формы остается всегда главным

и определяющим моментом. Декор не нарушает архитектонику формы, не выходит за рамки подчеркнутых членений. Исследовав имеющийся материал, можно констатировать тенденцию, которая проявилась в культовой керамике Семиречья раньше, чем в неполивной керамики Средней Азии в целом. Узор берет на себя функции членения формы уже в VII – VIII вв. В Средней

Азии в целом, как отмечает Л. И. Ремпель, это явление наблюдается в XI – XIII вв. [9, с. 82]. Итак, рассмотрев такие виды прикладного искусства, как резная глина, антропо- и зооморфная керамика VII – начала XIII вв., можно отметить поразительную целостность стиля в искусстве, основанного на большом многообразии средств и приемов.

Литература

1. Байпаков, К. М. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе) / К. М. Байпаков, Г. А. Терновская. – Алматы, 2005.
2. Байпаков, К. М. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области / К. М. Байпаков. – Тараз, 2011.
3. Гаджиев, Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана / Г. А. Гаджиев. – М., 1991.
4. Кондротенко, А. П. К вопросу о функциональном назначении верхнепалеолитической пластины стоянки Мальта / А. П. Кондротенко // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983.
5. Кызласов, И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X – XIV вв.) / И. Л. Кызласов // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М., 1981. – (Серия: Археология СССР).
6. МНМ – Мифы народов мира. – М., 1980. – Т. 2.
7. Пещерева, Е. М. Гончарное производство Средней Азии / Е. М. Пещерева. – М.; Л., 1959.
8. Рапопорт, Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах / Ю. А. Рапопорт // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977.
9. Ремпель, Л. И. Искусство Среднего Востока / Л. И. Ремпель // Избранные труды по истории и теории искусств. – М., 1978.
10. Свешникова, Т. Н. К функциям посуды в восточно-романском фольклоре / Т. Н. Свешникова, Т. А. Цивьян // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. – М., 1979.

Информация об авторе:

Маркова Кристина Юрьевна – преподаватель кафедры истории Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП), г. Кемерово, 8-951-612-69-12, korobkova9@mail.ru.

Kristina Yu. Markova – Lecturer at the Department of History, Kemerovo Institute of Food Science and Technology.

Статья поступила в редколлегию 25.12.2013 г.

УДК 930:002.3 (09)

ЭВОЛЮЦИЯ ОРЕНБУРГСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Е. С. Романцова

EVOLUTION OF THE ORENBURG REGIONAL STUDIES OF LIBRARY HISTORY

E. S. Romantsova

В статье рассматривается эволюция региональных исследований в области истории библиотечного дела Оренбургского края. Анализируются тематика и содержание исследовательских работ. Выявлены актуальные направления изучения истории библиотечного дела региона.

The paper describes the evolution of regional research in library history of the Orenburg region. The themes and content of research are analyzed; current trends in the study of library history of the region are identified.

Ключевые слова: история, библиотечное дело, историография, Оренбургский край.

Keywords: history, library science, historiography, Orenburg region.

Развитие библиотековедческих исследований в Оренбургской области началось достаточно давно. Однако в научной литературе как самостоятельный объект изучения оно рассматривалось мало. Наиболее ярко это видно на примере исследований истории библиотечного дела региона. В связи с этим целью данной

статьи стало изучение эволюции оренбургских региональных исследований, посвященных указанной теме.

Термин «эволюция» был выбран нами не случайно. Он ориентирует не только на анализ количественного роста работ по истории библиотечного дела региона, что больше подходит под термин «развитие», но и на изучение качественных изменений – расширение

ние тематики исследований, смена методологических парадигм, переход от изучения частных вопросов к фундаментальным проблемам данного научного направления.

Методологическая основа исследования базируется на диалектических принципах развития, взаимной связи, историзма, объективности. Используются различные приемы качественного анализа, как общенаучные (обобщение, анализ, синтез), так и специально-исторический метод исторического описания. В процессе исследования автор опирался на методологические установки исторической регионалистики, которые на сегодняшний день имеют солидное теоретическое обоснование в историографии.

Библиографические разыскания и анализ научных текстов показали, что отдельные статьи, имеющие отношение к истории библиотек области, стали появляться в 30-е г. XX в. К числу исследователей этого периода можно отнести О. В. Яровую, работы которой были посвящены первым курсам по подготовке библиотекарей, читателям библиотек и книгам, имеющимся в фондах библиотек области. В 1940-е годы Н. Т. Иванова анализировала историю библиотек районов области.

Таким образом, первым этапом зарождения научного интереса к истории библиотечного дела Оренбуржья следует считать 30 – 40-е гг. XX в. Эти работы стали первым шагом к целенаправленному изучению истории библиотек региона. Несмотря на предельную обобщенность работ данного этапа, в них встречаются важные сведения о состоянии и развитии библиотечного дела Оренбуржья. Центральное место в исследованиях данного этапа занимали вопросы культурной революции в стране. Данные работы при изучении феномена культурной революции старались дать общую характеристику процессу продвижения большевистской идеологии к читающему населению. По своему содержанию данные труды тяготели к дидактике и теории воспитания. В них по-преимуществу раскрывались проблемы формирования «пролетарской культуры», «коммунистическое воспитание населения» в духе «партийности и борьбы с контрреволюционными силами» и т. п.

Однако скоро в исследованиях наметился значительный перерыв. По всей видимости, он был вызван идеологическими установками, согласно которым основная роль в книжной культуре принадлежала Санкт-Петербургу и Москве. Как следствие, изучение регионального библиотечного дела считалось ненаучным и бесперспективным. В период с 1950 по 1970-х гг. в данном направлении велись разработки лишь Б. Т. Уткиным.

Несмотря на то, что монография Б. Т. Уткина «Библиотечное дело на Южном Урале в 40-х – 80-х гг. XIX века» [25] была опубликована в 2003 г. на основе рукописных материалов из архива автора, работа над ней велась в 1960 – 1970-е гг., что повлекло за собой традиционный для того времени акцент на революционную тематику. Однако издание не утратило научной ценности, так как автор следовал принципу исторической достоверности, оперировал полным (на тот период) перечнем печатных источников по теме, отражал достоверные фактографические сведения из

архивов. Значительное внимание исследователь уделил изучению деятельности нелегальных библиотек края. В работе Б. Т. Уткина содержатся ценные сведения о челябинской библиотеке братьев Покровских, а также о библиотеке при канцелярии Оренбургского генерал-губернатора.

К 1970 – 1980-м гг. историческая наука вышла на качественно новый уровень. Научными сотрудниками были опубликованы источники, позволяющие охарактеризовать декреты советского правительства в области культуры, задачи внешкольных учреждений 1917 – 1941 гг., развитие образования и агитационно-идеологической работы. Оживилась и деятельность региональных исследователей. В период 1970 – 1980-х гг. Л. Н. Большаков [5], Г. В. Кучапина и И. А. Прянишников [16] посвятили ряд своих работ вкладу писателей в развитие библиотечного дела Оренбуржья и исследованию истории областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской.

Материал для учебного пособия С. С. Артамоновой «История библиотечного дела на Урале. XVIII – XIX вв.» также собирался в 70 – 80-е гг. XX в., но книга вышла в свет лишь в 2005 г. На данной работе следует сделать особый акцент. Она представляет собой наиболее обобщающее издание: по территориальному (весь Урал) и хронологическому охвату (со времени возникновения первых книжных собраний до 1900 г.). В пособии отражены эволюция различных типов библиотек Урала и отдельные аспекты библиотечной политики (общественное движение в библиотечном деле, обслуживание нерусских народностей и др.). Между тем, широкий охват не позволил автору осуществить более глубокую и детальную разработку историко-библиотечной проблематики отдельных территориальных единиц (губерний, уездов, волостей, городов).

С распадом Советского Союза были сняты многие идеологические ограничения. В науке наметились плюрализм мнений и многообразие исследовательских парадигм. Наметился устойчивый интерес к провинциальной истории библиотечного дела, стремление переосмыслить и по-новому оценить многие исторические процессы и явления. Достижения советской власти в области библиотечного строительства стали оцениваться критически, исследования пополнились новым фактографическим материалом.

Объектом историко-библиотечных исследований становятся конкретные типы библиотек, отдельные направления библиотечной деятельности. Более разнообразными стали жанры исследований: от небольшой публикации до монографии и диссертации.

В 1990 – 2000-х гг. изучение истории ОУНБ им. Н. К. Крупской в своих работах продолжила директор библиотеки Л. П. Сковородко [23]. Помимо исследований, рассматривающих непосредственно историю возникновения и развития библиотек области, появился ряд научных работ, посвященных отдельным вопросам, например, публикации Т. А. Камсковой [9], Л. Л. Кучапиной, Д. А. Сафонова [22]. Работа последнего представляет особый интерес. В ней Д. А. Сафонов проанализировал ситуацию с книжными фондами Оренбуржья, которые в силу административно-территориальных преобразований также

подверглись перемещению. В частности автор установил, что значительная часть фондов оренбургских библиотек была вывезена в Казахстан в рамках отделения Оренбургской губернии от КАССР в 1925 году. Также значительные памятники письменности оказались в Уфе, Челябинске и Самаре, т. к. ранее эти города входили в состав Оренбургской губернии.

В начале XXI века в исторической науке края наблюдается повышение интереса к истории дореволюционного библиотечного дела Урала. Были изданы сборники трудов «Библиотеки Урала. XVIII – XX вв.» [4] и «Уральский сборник» [24], в рамках которых были затронуты проблемы библиотечного строительства в уральском регионе. Содержание сборника «Библиотеки Урала. XVIII – XX вв.», как отмечают сами составители, можно условно разделить на три части. Первая посвящена первоисточникам, которые отображают дореволюционное прошлое Уральских библиотек. Вторая часть сборника – аналитические комментарии к архивным документам о работе библиотек Свердловска и Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны. Третья часть представлена извлечениями из документов, мемуаров, библиографическими заметками и т. п.

В рамках диссертационных исследований проблема библиотечного дела Оренбуржья затрагивалась в работах Т. Д. Рубановой [17], Т. А. Камсковой [11], Р. А. Гильмияновой [7], Е. С. Бурлаковой [6], Т. Н. Савиновой [21].

Представляет интерес работа Т. Д. Рубановой [17] в которой автор реконструировал земскую концепцию книжно-библиотечного дела. Однако материал по Оренбургской губернии в ней представлен незначительно в связи с поздним (с 1913 г.) введением в ней земского управления.

Широкий территориальный охват заявлен в диссертационном исследовании О. В. Шабаршиной «Книжная культура населения Урала во второй половине XIX – начале XX века» [26]. Предмет данного исследования – книжная культура Урала, представленная системой взаимосвязанных компонентов (книгораспространение, функционирование библиотек и культура чтения). Таким образом, библиотечная проблематика является частным аспектом исследования, а охват всего пространства Большого Урала не позволил автору глубоко и всесторонне осветить эволюцию уральских библиотек. В частности, фактические данные о библиотеках Южного Урала в исследовании О. В. Шабаршиной отражены крайне скупо.

В настоящее время исследователи вплотную приступили к комплексному изучению библиотек всех типов и видов, существовавших на тех или иных территориях. В диссертации Е. С. Бурлаковой «История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII века – начало XX века» исследование проводилось в пределах современной Челябинской области, то есть рассматривались Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии, Златоустовский уезд Уфимской губернии и частично – Екатеринбургский уезд Пермской губернии [6]. На основе этого можно констатировать, что проведенное исследование, несмотря на значительный временной и территориальный охват, не включает всей территории Оренбургской гу-

бернии, что несколько обедняет его потенциал. Аналогичный вывод можно сделать по работе Р. А. Гильмияновой «История библиотек Башкортостана: XVIII век – 1917 год: по материалам Оренбургской и Уфимской губерний» [7]. Географические границы в ее диссертации включают современную территорию Башкортостана, то есть ею охвачена лишь часть Оренбургской губернии до 1865 г. и в дальнейшем – Уфимская губерния с 1865 до 1917 г.

Следует особо отметить диссертацию Т. Н. Савиновой, в которой была разработана авторская периодизация истории библиотечного дела XIX – начала XX в. в трансграничном регионе, каковым являлась Оренбургская губерния [21]. В частности, Т. Н. Савинова установила, что первым периодом в развитии региональных библиотек следует считать 1865 – 1905 гг., когда в результате реформ произошло массовое открытие большинства школьных, народных и общественных библиотек, сложилась структура их типологического разнообразия. Следующий период – 1906 – 1913 гг. – по мнению автора, проходил под воздействием Первой русской революции. В Оренбургской губернии в это время создавались библиотеки просветительных обществ и национальные. Третий, завершающий период, пришелся на время военного кризиса 1914 – 1919 гг. Не менее интересны работы данного автора посвященные специальным библиотекам Оренбургского края. В 2011 году Т. Н. Савиновой была опубликована статья «Библиотеки Оренбургского гарнизона середины XIX – начала XX века» [20]. В ней автору удалось реконструировать историю офицерских библиотек Оренбуржья, несмотря на то, что источниковая база по данной проблематике не только рассредоточена по разным архивам и фондам, но и частично утрачена из-за событий 1917 – 1919 годов. Статья любопытна тем, что не только раскрывает организационные вопросы военных библиотек Оренбургского военного гарнизона, но и позволяет реконструировать круг чтения оренбургских офицеров. В 2013 году была опубликована работа, посвященная библиотеке Оренбургского отдела Русского географического общества [18]. Статья охватила весь период существования данной библиотеки (1868 – 1927) и является на данный момент одним из наиболее полных исследований специальных библиотек региона.

В диссертации Т. А. Камсковой [11] установлен факт значительного влияния общественных организаций на дореволюционное библиотечное дело региона. Т. А. Камскова в параграфе «Народные библиотеки Оренбургского казачьего войска, попечительства о народной трезвости и земства как элемент социокультурной системы региона», описывая деятельность библиотек попечительства о народной трезвости, выявила, что открываемые комитетом в различных селах и уездных городах бесплатные библиотеки-читальни оказывали весьма благотворное влияние на посетителей, являясь одновременно и образовательными учреждениями. В данной работе анализу подверглись библиотеки, учрежденные комитетами и обществами грамотности, некоторыми обществами распространения образования и т. п.

Наибольший интерес для исследователей стали представлять библиотеки определенных типов и видов, о чем свидетельствуют материалы конференций [12; 15], а также коллективная монография Т. А. Камсковой, Т. Н. Савиновой и Д. В. Шаргалова «Книжная культура Оренбургской губернии XIX – начала XX вв.» [10]. В указанной книге рассматривается политика Российской империи в сфере контроля и надзора за книжной культурой. На примере Оренбургской губернии раскрывается специфика деятельности учреждений, являющихся институционально составляющими сферы книжной культуры, определяются региональные особенности формирования типографий и библиотек в конкретно-историческом социокультурном контексте. Работа содержит обширный справочно-статистический материал. Находясь на стыке научных направлений, она затрагивает вопросы истории цензуры, типографского дела и библиотечно-го дела Оренбуржья.

Наиболее полно в науке раскрыта деятельность народных библиотек края [9]. За последнее десятилетие выходили работы по истории библиотек внешкольной системы образования. Некоторые аспекты их деятельности затрагиваются в работе О. В. Осипова «Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864 – 1917 гг.)» [14]. Изучая систему образования дореволюционного Оренбуржья, О. В. Осипов отметил, что в конце XIX века большую роль в процессе воспитания молодежи на территории Оренбургской епархии играли библиотеки, действовавшие при храмах и в церковно-приходских школах. Основным фондом их составляли книги религиозно-нравственного и исторического содержания. В приложениях автор привел богатый статистический материал, позволяющий проследить финансовое положение библиотек церковно-приходских школ в 1864 – 1917 гг.

Другие виды библиотек остаются малоизученными. Хотя и в этом направлении намечались улучшения. В частности, авторы обратились к истории конфессиональных библиотек Урала. Впервые они были рассмотрены в работах С. С. Артамоновой [2] и Л. М. Массеровой [13]. Однако данное направление получило незначительное развитие. Сказывается, по всей видимости, дефицит источниковой базы по данной проблематике.

Библиотеки Оренбургского казачьего войска изучались в трудах А. П. Абрамовского [1]. Тематически к его трудам примыкает работа Е. С. Казанцевой. В статье «Библиотеки Оренбургского казачьего войска (середина XIX – начало XX в.)» [8] автором были рас-

смотрены предпосылки появления библиотек на территории Оренбургского казачьего войска, охарактеризованы основные виды библиотечных учреждений в войске. В работе прослеживается явная приверженность Е. С. Казанцевой принципу историзма. Например, процесс становления и развития библиотек Оренбургского казачьего войска рассматривается в статье на фоне формирования самого войска, а также развития образования и социально-культурной сферы края.

Таким образом, в сфере интересующей нас проблематики наука прошла сложный путь развития: от проблемно-эпизодического и ограниченного цензурными рамками подхода к попыткам системного анализа и стремлению максимально расширить и регионализировать проблематику исследований.

Интенсивность исследований, возрастающая с каждым годом, появление большого числа публикаций, предоставляющих в распоряжение исследователей новую информацию об истории библиотечного дела Оренбургского края, приводят к необходимости пересмотра устоявшихся концепций и положений. Наиболее ярко этот процесс виден на примере работы Т. Н. Савиновой [21], которая предложила новый подход к библиотечному делу – через призму трансграничного положения региона.

Имеющиеся отдельные публикации, разделы монографий и диссертаций создали к настоящему времени необходимую основу для проведения целостного и комплексного исследования, охватывающего дореволюционный этап библиотечного дела региона.

Зафиксированный практический опыт создания и развития дореволюционных библиотек, как позитивный, так и негативный, может быть использован при написании обобщающих работ по истории социокультурной сферы российской провинции.

Вместе с тем, несмотря на наличие значительного числа работ по истории библиотечного дела дореволюционного Оренбуржья, недостаточное количество исследований по истории библиотек XX века открывает для исследователей новые горизонты. В научной литературе не нашло отражение влияние на библиотечное дело Оренбуржья гражданской войны, реформ советской власти 20 – 30-х гг. XX века, Великой Отечественной войны и т. д.

Таким образом, в настоящее время достаточно остро ощущается необходимость в региональных исследованиях по историческим проблемам библиотечного дела XX века.

Литература

1. Абрамовский, А. П. Открытие первых школьных библиотек в Оренбургском казачьем войске / А. П. Абрамовский // XII Бирюковские чтения. – Челябинск, 1996. – С. 22 – 24.
2. Артамонова, С. С. Религиозные библиотеки Урала (XVI – XIX вв.): становление и развитие / С. С. Артамонова // Библиотека в контексте истории. – М., 1997. – С. 103 – 107.
3. Библиотека и время: юбилейн. чтения, посвящ. 120-летию обл. универ. науч. б-ки им. Н. К. Крупской. – Оренбург, 2009. – 256 с.
4. Библиотеки Урала XVIII – XX в. // СОУНБ им. В. Г. Белинского. – Екатеринбург, 2001 – 2007. – Вып. 1 – 4.
5. Большаков, Л. И тем поощрить... / Л. И. Большаков // Урал. – 1983. – № 8. – С. 115 – 123.
6. Бурлакова, Е. С. История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII века – начало XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / Е. С. Бурлакова. – Челябинск, 2010. – 19 с.

7. Гильмиянова, Р. А. История библиотек Башкортостана: XVIII век – 1917 год: по материалам Оренбургской и Уфимской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / Р. А. Гильмиянова. – Новосибирск, 2003. – 21 с.
8. Казанцева, Е. С. Библиотеки Оренбургского казачьего войска (середина XIX – начало XX в.) / Е. С. Казанцева // Библиотековедение. – 2010. – № 1. – С. 105 – 110.
9. Камскова, Т. А. Народные библиотеки российской провинции / Т. А. Камскова. – Оренбург, 2006. – 175 с.
10. Камскова, Т. А. Книжная культура Оренбургской губернии XIX – начало XX вв.: монография / Т. А. Камскова, Т. Н. Савинова, Д. В. Шаргалов. – Оренбург, 2011. – 179 с.
11. Камскова, Т. А. Народные библиотеки как явление культуры (на примере Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Т. А. Камскова. – Самара, 2003. – 16 с.
12. Книга. Чтение. Культура: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 26 – 27 окт. 2007 г. – Оренбург, 2008. – 168 с.
13. Массерова, Л. М. Пользованию всех без вероисповедания и национальностей: (библиотеки просветительских и благотворительных обществ Оренбургской губернии XIX начала XX в.) / Л. М. Массерова // Библиотековедение. – 2008. – № 6. – С. 108 – 112.
14. Осипов, О. В. Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Осипов. – Челябинск, 2002. – 23 с.
15. Провинциальная библиотека в контексте истории: материалы регион. науч.-практ. конф., 25 февр. – 3 марта 2006 г. – Оренбург, 2006. – 148 с.
16. Прянишников, Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. – 4-е изд. / Н. Е. Прянишников. – Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1977. – 208 с.
17. Рубанова, Т. Д. Земская концепция книжно-библиотечного дела: историко-теоретическая реконструкция (по материалам земских губерний Урала): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 05.25.03 / Т. Д. Рубанова. – М., 2006. – 39 с.
18. Савинова, Т. Н. Библиотека Оренбургского отдела Русского географического общества (1868 – 1927) / Т. Н. Савинова // Культура Оренбургского края: история и современность: IV Большаковские чтения. – Оренбург, 2009. – С. 270 – 279.
19. Савинова, Т. Н. Оренбургская учёная архивная комиссия – становление библиотечного краеведения в Оренбурге / Т. Н. Савинова // Проблемы краеведческой деятельности библиотек: материалы XI Всерос. науч.-практ. семинара (Киров, 10 – 13 ноября 2009 г.). – Киров, 2009. – С. 5 – 11.
20. Савинова, Т. Н. Библиотеки Оренбургского гарнизона середины XIX – начала XX века / Т. Н. Савинова // Библиотековедение. – 2011. – № 4. – С. 102 – 107.
21. Савинова, Т. Н. Библиотеки в контексте социокультурного пространства трансграничного региона (на примере Оренбургской губернии 1865 – 1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / Т. Н. Савинова. – Новосибирск, 2012. – 24 с.
22. Сафонов, Д. А. Возвращение в Россию: судьба научных и культурных ценностей края / Д. А. Сафонов // Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – Вып. 1. – С. 9 – 11.
23. Сковородко, Л. П. Из истории оренбургских библиотек / Л. П. Сковородко // История библиотек: исследования, материалы, документы: [сборник научных трудов]. – СПб.: Российская национальная библиотека (РНБ), 1996. – С. 55 – 61.
24. Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1997 – 2005. – Вып. 1 – 6.
25. Уткин, Б. Т. Библиотечное дело на Южном Урале в 40-х – 80-х гг. XIX века: (по материалам Оренбургского края): монография / Б. Т. Уткин. – Челябинск, 2003. – 132 с.
26. Шабаршина, О. В. Книжная культура населения Урала во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Шабаршина. – Нижний Тагил, 2009. – 28 с.

Информация об авторе:

Романцова Екатерина Сергеевна – преподаватель кафедры библиотечно-информационных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей, г. Оренбург, rmp-katya@mail.ru.

Ekaterina S. Romantsova – Lecturer at the Department of Library and Information Disciplines, Rostropovich Orenburg State Institute of Arts.

Статья поступила в редколлегию 31.01.2014 г.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д. Я. Фризен

THE AGRARIAN QUESTION IN TURGAY REGION IN SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

D. Ya. Frizen

В статье раскрываются основные направления аграрной политики царизма в Тургайской области с 1868 г. до 1917 г. Исследованы цели и задачи переселенческой политики в регионе и влияние этих процессов на социально-экономическое развитие области. Проводится анализ аграрных процессов в Тургайской области, развитие земледелия и скотоводства. Материалы статьи помогают понять характер развития аграрных отношений в Западной Казахстане в изучаемый период.

The paper reveals the main directions of agrarian policy of tsarism in Turgay region from 1868 till 1917. The goals and objectives of the resettlement policy in the region, as well as the impact of these processes on the socio-economic development of the region are investigated. The agricultural processes in the Turgay region, the development of agriculture and cattle breeding are analyzed. The paper helps understand the character of development of agrarian relations in Western Kazakhstan in this period.

Ключевые слова: аграрный вопрос, Тургайская область, Западный Казахстан, земледелие, скотоводство, экономика.

Keywords: agrarian question, Turgay region, Western Kazakhstan, agriculture, cattle breeding, economy.

Тургайская область представляла собой крупный экономический регион, в котором сочетались как земледельческая оседлая культура, так и кочевое, полукочевое скотоводство. Тургайская область была образована в 1868 году, после проведения новой административно-территориальной реформы в казахской степи. В её составе было 4 уезда: Актюбинский, Тургайский, Кустанайский и Иргизский. Помимо этого, также были образованы Уральская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Туркестанская и Сырдарьинская области. Тургайская область находилась на пересечении выгодных торговых путей, проходивших из России в Среднюю Азию. Затем через территорию области была проведена Оренбургско-Ташкентская железная дорога в начале XX века. Эти обстоятельства способствовали экономическому развитию региона. В 1868 году было принято «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях», после чего процесс аграрной колонизации Казахстана стал происходить более интенсивно. Это совпало и с отменой крепостного права в России, что усиливало переселенческое движение, в том числе на территорию Тургайской области. В 80-е годы XIX века на территории области начали расселяться крестьяне из российских и украинских губерний. Переселенческое движение активно происходило в данном регионе. Еще в 1874 году Тургайский военный губернатор докладывал Оренбургскому генерал-губернатору: «колонизацию в Тургайской области необходимо было бы начать на первых порах с разрешения селиться русским подданным в местах, предположенных для городов Актуе, Урдабай, Тургай и Иргиз, на тех льготных условиях, и с теми преимуществами, которые изложены в проекте положения о льготах и преимуществах для городов Тургайской области, представленных Вашему Выскопревосходительству при

представлении моем от 20 ноября 1869 г. За № 4855 об окончательном преобразовании в города укреплений Иргизского, Тургайского, Актюбинского» [1, л. 18]. Для развития земледелия необходимо было осваивать новые земли, на которых испокон веков кочевали различные степные племена. Поэтому вполне логично царское правительство начинало колонизацию казахской степи с изучения земельного фонда.

Проблема развития аграрных отношений включает, как известно, вопрос о наличии земельных угодий, находящихся в собственности населения. В июне 1904 года из Казанского военного округа в Тургайское областное правление поступил запрос, где говорилось о том, что для составления статистического описания Казанского военного округа необходимы сведения об имеющихся в округе лесах. Предлагалось представить карту с указанием лесных угодий. Выяснилось, что всего по Тургайской области было 529542,8 владельцев земли. Вся площадь по 110 лесным дачам составляла 535493,2 десятины [2, л. 4 – 17].

Царские сановники постепенно склонялись к тому мнению, что размеры переселенческого движения можно расширять, выдавать переселенцам больше земли. После этого переселенческая политика в Тургайской области начала набирать обороты. В 1885 году несколько семей российских переселенцев создали поселения на территории области. К началу XX века количество переселенческих посёлков значительно возросло. Как правило, первые крестьяне-переселенцы арендовали землю у местного казахского населения. В качестве платы выступала часть полученного урожая или определённая денежная сумма. Таким образом переселенцы прочно оседали на территории Тургайской области, расширяя посевы зерновых культур. Увеличение количества переселенцев создавало определённые проблемы для местной администрации, поскольку для вновь прибывших крестьян нужны были земли, принадлежавшие кочевому

населению. Кустанайский уездный начальник докладывал Тургайскому военному губернатору 15 февраля 1904 года: «многие киргизы Кинь-Аральской волости уступили часть своей земли для самовольных переселенцев Белоярского посёлка под хлебопашество, чем и дают возможность этим переселенцам укрепиться там и на дальнейшее время и вселяют в них, таким образом, уверенность в полной невозможности выдворения их из самовольно занятых мест» [6, л. 117–118].

В конце XIX века по поручению царского правительства началось изучение земельного фонда Казахстана под руководством известного земского статистика Ф. А. Щербины. Он возглавил Экспедицию по исследованию степных областей, которая обследовала несколько уездов на территории казахской степи, в том числе Актюбинский и Кустанайский уезды. Результаты работы экспедиции способствовали тому, что правительство стало предпринимать меры для постепенного изъятия земли у кочевого населения для предоставления их в последующем крестьянам-переселенцам. Эти земли рассматривались как «земельные излишки», находящиеся в пользовании местного кочевого населения. Это приводило к обострению социальных отношений в казахской степи, т. к. изъятие земли у кочевников объективно приводило к сокращению кочевков и кризису скотоводства.

С того момента, как правительству стали известны результаты работы экспедиции по исследованию степных областей во главе с Ф. А. Щербиной, интерес к освоению казахской степи новыми переселенцами значительно возрос. Однако многие земли были больше приспособлены для скотоводства, нежели земледелия. Правительство интересовало вопрос о пригодности земли для земледелия, поэтому в степь направлялись чиновники для оценки земли, её хозяйственной пригодности. «Те солонцы, которых так много в западносибирских и киргизских степях, – писал А. А. Кауфман, – при известных затратах капитала и соответствующих приемах улучшения почвы пригодны для весьма интенсивных и доходных культур, но при первобытном зерновом хозяйстве наших переселенцев их совсем нельзя вводить в учет земель, пригодных для распашки» [4, с. 7].

Земледелие в казахской степи развивалось более интенсивно в начале XX века. В 1900 году в Тургайской области на русских пашнях было посеяно зерновых на 184451 пудов, а на казахских пашнях посеяно 371297 пудов. Отсюда следует, что на казахских землях было посеяно больше, чем на русских. Тем не менее, если исходить из процентного соотношения, то на одну русскую семью приходилось 30,3 пудов, а на одну казахскую семью – 5,3 пуда [3, с. 483].

В 1902 году в Кустанайском уезде было образовано 23 поселка с площадью 156126 десятин. Всего за период 1901 – 1904 гг. было образовано 98 переселенческих участков с населением 51716 десятин. Во Всеподданнейшем отчете Военного губернатора Тургайской области за 1901 год отмечалось, что в Тургайской области было пригодно для обработки до 30000 хозяйственных десятин, из которых население обрабатывало не более 1/15 части данной территории. Всего было посеяно 6044 пудов пшеницы,

992 1/5 пудов проса, 88 пудов овса, 79 пудов ячменя [12, л. 2].

Многие казахские хозяйства активно занимались просоводством, поскольку этот вид земледелия хорошо подходил для региональных природных условий. Многие кочевые и полукочевые хозяйства постепенно приспосабливались к земледелию, поскольку рядом располагались хлебные рынки в российских городах. В отчете Тургайского губернатора в 1901 году отмечалось, что земледелие постепенно развивалось в регионе даже в казахских хозяйствах. «Кочевое население Тургайского уезда промышляет, главным образом, скотом и сырыми продуктами от него, и, отчасти, хлебопашеством, но помимо этих занятий, между населением развиты в небольших размерах еще следующие промыслы: рыболовство, звероловство, извозный промысел, кустарная промышленность и ремесленная деятельность» [12, л. 5].

Во Временных Правилах для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги от 18 июня 1893 года отмечалось: «Произведённое под руководством земского статистика г. Щербины естественно-историческое и хозяйственно-статистическое исследование создали для работ по созданию переселенческих участков совершенно новую почву и ставили эти работы в небывалые дотоль условия. Ввиду этого, министр земледелия и государственных имуществ счёл нужным командировать в район работы особого чиновника, старшего производителя работ Кауфмана, которому подробно ознакомиться с ходом поставленных на новые основания работ» [7, л. 34].

Положение многих кочевых хозяйств было довольно сложным, тем более что они сильно страдали от природных бедствий, особенно от гололедецы, когда огромное количество скота погибало от бескормицы. Это явление обычно называют в исторических трудах термином «джут». Нередким явлением были различные эпидемии среди скота, самым страшным из которых считалась сибирская язва. Поэтому немалое количество кочевых хозяйств теряли почти весь свой скот или вообще оставались без него. В отчёте А. И. Добросмыслова в Тургайское областное правление в 1892 году сообщается о бедственном положении казахов от неурожая трав в аулах Тюз-Тюбинской волости [8, л. 98 – 99].

Нужно отметить, что в кочевом обществе привилегированные слои населения, байство стремились получить в свою собственность лучшие пастбища. Скот традиционно был в частной собственности. Несмотря на то, что те или иные пастбища считались собственностью определенного рода, племени, тем не менее ведущую роль при распределении пастбищ играла байская верхушка казахского аула. По словам С. Е. Толыбекова: «Богатство в виде стад и табунов, находящихся в частной собственности семейств, являлось материальной основой могущества отдельных лиц и целей социальной группы в кочевом скотоводческом обществе» [5, с. 118]. В связи с этим положение многих рядовых скотоводов (шаруа) было довольно сложным.

Рассматриваемый период характеризуется усилением переселенческого движения российского кре-

стьянства в казахскую степь, в том числе в Тургайскую область. С каждым годом размах крестьянского переселения возрастал. К началу XX века на территории Тургайской области было уже несколько переселенческих поселений, особенно на территории Актюбинского и Кустанайского уездов. В 1886 году в Ново-Николаевск прибыло из Оренбурга 43 семьи, состоящих из 286 человек, в Актюбинск прибыло 7 семей, состоящих из 44 человек. Из Самарской, Саратовской, Воронежской, Астраханской губерний в Актюбинск прибыло 20 ходоков, а также в Ново-Николаевск 10 ходоков. При этом обратных переселенцев из Ново-Николаевска было 4 семьи [7, л. 100].

Министр внутренних дел в своем письме Тургайскому военному губернатору 14 февраля 1886 года рекомендовал начать заселение Тургайской области в 11 переселенческих пунктах, обозначенных уездными начальниками. Но эти земли должны были быть свободны от зимовых стойбищ казахов. В случае изъятия земли у кочевников, им нужно было предлагать занять другие участки. Но в то же время Министр внутренних дел предписал Тургайскому военному губернатору 20 июля 1892 года прекратить переселение на новые земли крестьян, которые не смогут представить доказательств устройства на новых землях и у которых нет установленного разрешения. Министр внутренних дел разослал циркуляр губернаторам, в котором отмечал, что переселение на новые земли для крестьян должно осуществляться в основном за их собственный счёт, а пособия предоставлялись не всем переселенцам.

Несмотря на это, поток переселенцев в Западный Казахстан возрастал. Кустанайский уездный начальник докладывал Тургайскому военному губернатору 21 мая 1899 года: «Переселенцы внутренних губерний, идя в Сибирь, останавливаются во вверенном мне уезде, под видом заработка или навещая своих родных, и затем постепенно приискивают себе земли для посева и остаются на жительство, в некоторых случаях приходят прямо с семьями, а в других в виде ходоков, только члены семьи под видом заработков и, произведя посев хлеба, доставляют свои семейства и водворяются на жительство. Таких переселенцев прибыло в минувшем году... 81 семейство, в числе около 500 душ, и в течение минувшей зимы и те-

кущей весны всего 277 семейств в числе 1244 душ обоего пола» [9, л. 1].

Увеличение числа переселенцев приводило к обострению земельного вопроса, борьбе за землю. Тургайский военный губернатор докладывал Министру земледелия и государственных имуществ 30 сентября 1897 года: «При обозрении мною в истекающем месяце области, между прочим, замечено, что неустройство в земельном отношении русских посёлков, водворившихся в Тургайской области на арендованных у киргизов земле в Кустанайском уезде, вызывает постоянные споры и столкновения между русскими и киргизами. Последние отказывают живущим в возобновлении арендных договоров на землю...» [10, л. 3].

Большинству переселенцев приходилось в довольно сложных природно-климатических и экономических условиях фактически с нуля создавать своё хозяйство, обзаводиться скотом, сельскохозяйственными орудиями, строить жильё и т. д. Многие переселенцы устраивались на работу в хозяйства богатых крестьян или шли работать на различные предприятия, т. н. «отхожие промыслы». Некоторые из крестьян смогли вполне благополучно устроиться на новом месте, создать довольно прочное хозяйство.

Сотрудник Тургайского областного статистического комитета И. Катаринский отмечал: «Средства на обзаведение можно приобрести на месте – заработками на конском заводе... и работой у киргизов. Кроме того, разведением скотины для сбыта в г. Оренбург. Вообще большинство поселенцев не выходят из долгов вследствие бывших три года сряду неурожаев. Они обычно берут на заводе хлеб под работу, тем дешевят свой труд, и потому мало поправляются» [11, л. 3 об.]. Наличие долгов было характерно для большинства хозяйств в регионе, как кочевых, так и оседлых.

Данный период был, с одной стороны, одним из наиболее трудных в истории Тургайского региона в плане социально-экономического развития освоения новых земельных массивов. Но с другой стороны, изменение хозяйственного уклада в регионе приводило к развитию смешанной скотоводческо-земледельческой формы экономического уклада. Все эти обстоятельства способствовали росту процесса урбанизации, оседания кочевников, появлению первых промышленных регионов. Прогресс производительных сил становился более очевидным и ощутимым.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 84671.
2. ГАОО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 60.
3. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Т. 3. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 411 с.
4. Кауфман, А. А. Переселение. Мечты и действительность / А. А. Кауфман. – М., 1906. – 37 с.
5. Толыбеков, С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. (политико-экономический анализ) / С. Е. Толыбеков. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 633 с.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2693.
7. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2682.
8. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2671.
9. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1498.
10. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1470.
11. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 18.
12. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 73.

Информация об авторе:

Фризен Дмитрий Яковлевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История Казахстана» Актыубинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, Республика Казахстан, 8-713-224-91-74, d.friesen@mail.ru.

Dmitriy Ya. Friesen – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of Kazakhstan History, K. Zhubanov Aktyubinsk Regional State University.

Статья поступила в редколлегию 09.01.2014 г.

МАТЕМАТИКА

УДК 681.5.015

СТРУКТУРНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ ГАЗОВОЙ ПЕЧИ НА ОСНОВЕ ИЗМЕРЕНИЙ ЕЕ ВХОД-ВЫХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

М. А. Новосельцева

STRUCTURAL AND PARAMETRIC IDENTIFICATION OF THE GAS FURNACE MODEL BASED ON MEASUREMENTS OF ITS INPUT AND OUTPUT PROCESSES

M. A. Novoseltseva

В работе описывается получение модели газовой печи на основе метода структурно-параметрической идентификации по дискретным измерениям случайных входных и выходных процессов. Метод основан на теории непрерывных дробей. Метод включает в себя проверку стационарности и однородности процессов печи, получение дискретной модели печи, которая в дальнейшем может использоваться для прогнозирования, мониторинга, контроля и диагностики процессов газовой печи.

The paper describes building a gas furnace model based on the method of structural and parametric identification by discrete measurements of accidental input and output processes. The method is based on the theory of continued fractions. The method includes checking the stationarity and homogeneity of the furnace processes, receiving the discrete model of the furnace, which can be further used for predicting, monitoring, control and diagnostics of the gas furnace processes.

Ключевые слова: газовая печь, структурно-параметрическая идентификация, непрерывная дробь, структурная функция, идентифицирующая матрица, дискретная передаточная функция.

Keywords: gas furnace, structural and parametric identification, continued fraction, structural function, identifying matrix, discrete gear function.

При изучении любых объектов, процессов, явлений основной задачей является построение их моделей. Как результат познания модель представляет собой отображение в той или иной форме свойств, закономерностей, физических и других характеристик, присущих исследуемому объекту. Любая научная или инженерная деятельность в разной степени использует формальное или содержательное описание процессов или явлений в той или иной области науки и техники. В различных научных направлениях разрабатываются свои подходы, способы и методы построения и использования модели.

Идентификация технологического процесса – это важнейший этап создания любой автоматизированной системы управления этим технологическим процессом. Для контроля и управления технологическим процессом необходимо знать, как влияет то или иное входное воздействие на выходную переменную, характеризующую его протекание. Поэтому актуальность проблем моделирования и идентификации остается одной из центральных задач кибернетики, так как

эффективное управление и контроль любым технологическим процессом возможны лишь тогда, когда известно математическое описание этого процесса.

В работе рассматривается газовая печь, в которую подается воздух и метан, на выходе получается смесь газов, содержащая двуокись углерода CO_2 . Скорость подачи воздуха постоянна, а скорость подачи метана произвольно изменяется. Результатом наблюдений являются $N = 296$ пар последовательных измерений случайных процессов $\{x(k\Delta t), y(k\Delta t); k = 1, \dots, 296\}$, измеренных с шагом дискретизации $\Delta t = 9 \text{ с}$ [2], где $x(k\Delta t)$ – расход газа на входе (в кубических футах в минуту) (рис. 1), $y(k\Delta t)$ – процентное содержание CO_2 в газе на выходе печи (рис. 2). Необходимо построить динамическую модель газовой печи на основе измерений входного процесса $x(k\Delta t)$ и соответствующего выходного процесса $y(k\Delta t)$ данной системы.

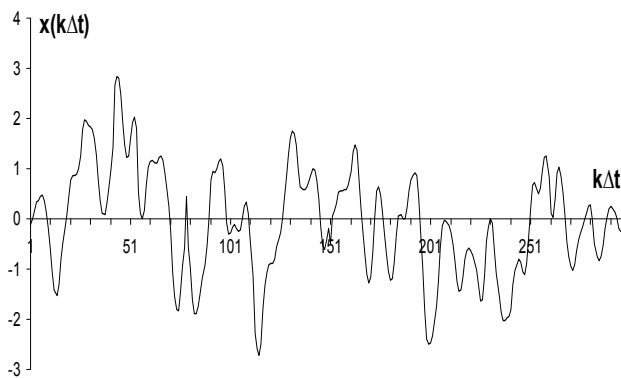
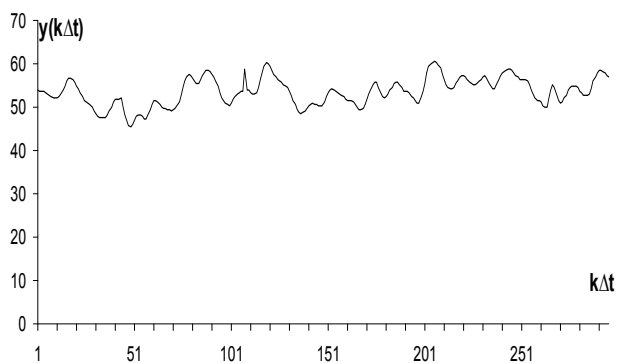

Рис. 1. Расход газа на входе печи

Рис. 2. Содержание CO₂ в газе на выходе печи

Для решения задачи воспользуемся методикой структурно-параметрической идентификации стоха-

стических объектов на основе теории непрерывных дробей [5; 6]. Методика позволяет получить модель стохастического объекта в условиях отсутствия априорной информации о нем и его вход-выходных переменных и может быть использована при создании информационных систем управления и контроля технологическими процессами. Методика включает в себя проверку стационарности и однородности вход-выходных процессов объекта, получение дискретной модели идентифицируемого объекта, проверку адекватности полученной модели с помощью принципа вариации шага дискретизации. Приведем последовательность этапов, необходимых для осуществления данной методики.

1 этап. Проверка на стационарность вход-выходных процессов. Для проверки стационарности рассчитываются значения структурной функции процесса [6]

$$C_x(k\Delta t) = \frac{1}{N-k} \sum_{i=1}^{N-k} (x(i\Delta t) - x((i+k)\Delta t))^2. \quad (1)$$

Таким же образом производится получение структурной функции для выходного процесса, т. е. для $\{y(k\Delta t)\}_{k=1}^N$ выполняется аналогичная последовательность шагов, приводимая далее.

Для построения модели каждой из структурных функций используется идентифицирующая матрица В. Висковатова [6]:

$$\begin{matrix} (-1) - \text{строка} \\ (0) - \text{строка} \\ 1 - \text{строка} \\ \dots \\ m - \text{строка} \\ \dots \end{matrix} \begin{pmatrix} 1 & 1 & 1 & \dots & 1 & \dots \\ C_x(0) & C_x(\Delta t) & C_x(2\Delta t) & \dots & C_x(n\Delta t) & \dots \\ \alpha_1(0) & \alpha_1(\Delta t) & \alpha_1(2\Delta t) & \dots & \alpha_1(n\Delta t) & \dots \\ \alpha_2(0) & \alpha_2(\Delta t) & \alpha_2(2\Delta t) & \dots & \alpha_2(n\Delta t) & \dots \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \alpha_m(0) & \alpha_m(\Delta t) & \alpha_m(2\Delta t) & \dots & \alpha_m(n\Delta t) & \dots \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \end{pmatrix}, \quad (2)$$

в которой элементы $\alpha_m(n\Delta t)$ последовательно определяются с помощью соотношения:

$$\alpha_m(n\Delta t) = \frac{\alpha_{m-2}((n+1)\Delta t)}{\alpha_{m-2}(0)} - \frac{\alpha_{m-1}((n+1)\Delta t)}{\alpha_{m-1}(0)}, \quad (3)$$

где $\alpha_{-1}(n\Delta t) = l(n\Delta t)$, $\alpha_0(n\Delta t) = C_x(n\Delta t)$, $m=1,2,3,\dots$, $n=0,1,2,\dots$. Вычисление элементов $\alpha_m(n\Delta t)$ продолжается до появления нулевой строки. Элементы первого столбца матрицы (2) позволяют получить непрерывную дробь:

$$G_{Cx}(z) = \frac{C_x(\Delta t)z^{-1}}{1 + \frac{\alpha_1(0)z^{-1}}{1 + \frac{\alpha_2(0)z^{-1}}{1 + \dots}}} \quad (4)$$

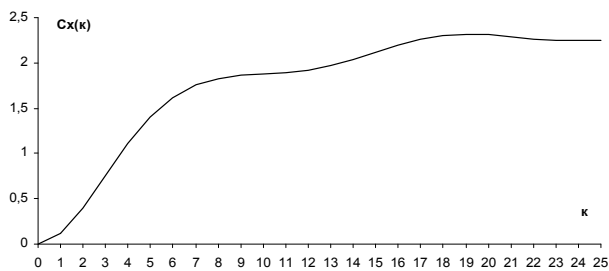
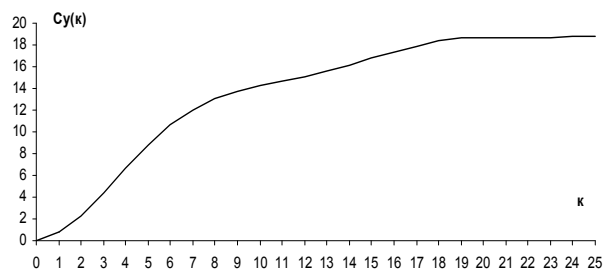
которая после сворачивания представляет собой модель структурной функции сигнала в форме дискретной передаточной функции (ДПФ) виртуального объекта [6]. Модель (4) позволяет вынести решение, под-

тверждающее стационарность (устойчивость модели) или нестационарность (неустойчивость модели) процесса [6]. Если данные измерений вход-выходных случайных процессов нестационарны, то производится процедура стационаризации с помощью взятия разностей требуемого порядка [2; 6].

Графики структурных функций входного и выходного процессов приведены на рис. 3 и 4 соответственно. На основании значений $C_x(k\Delta t)$ была составлена идентифицирующая матрица (2) и аппроксимирована непрерывной дробью модель структурной функции входного процесса:

$$G_{Cx}(z) = \frac{0.756z^{-1} + 0.643z^{-2}}{1 - 0.290z^{-1}}.$$

ДПФ имеет нуль $z^H = -0.850$ и полюс $z^H = 0.290$, на основании значений которых можно сделать вывод об устойчивости модели и, следовательно, — о стационарности входного процесса.

Рис. 3. Структурная функция $C_x(k\Delta t)$ Рис. 4. Структурная функция $C_y(k\Delta t)$

Модель структурной функции $C_y(k\Delta t)$ имеет вид:

$$G_{Cy}(z) = \frac{4.362z^{-1} + 4.110z^{-2}}{1 - 0.496z^{-1}}.$$

Все нули и полюса находятся внутри единичного круга, следовательно, выходной процесс стационарен.

Таким образом, в результате выполнения **1 этапа** методики идентификации установлено, что вход-выходные процессы являются стационарными.

2 этап. Проверка на однородность корреляционной функции вход-выходных случайных процессов. Реализация стационарного входного процесса по принципу дихотомии разбивается на 2 интервала n^1 и n^2 с целью получения на каждом из них модели структурной функции с помощью модифицированного алгоритма В. Висковатова [6]. В случае совпадения моделей на интервалах n^1 и n^2 по структуре и параметрам с некоторой заданной вероятностью можно утверждать, что однородность входного случайного процесса не нарушается. В противном случае следует продолжить применение принципа дихотомии до совпадения моделей на интервалах. Так как в процессе решения задачи SP-идентификации стохастического объекта следует использовать причинно-следственный принцип системного анализа, это означает, что для проверки однородности достаточно исследовать только реализацию входного процесса. Если однородность входного процесса не нарушается, то выходной процесс также является однородным. В противном случае на интервалы неоднородности разбивается реализация и входного, и выходного процессов.

Для входного процесса на интервалах $n^1 = [1, 148]$ и $n^2 = [149, 296]$ были получены модели структурных функций (5) и (6) соответственно:

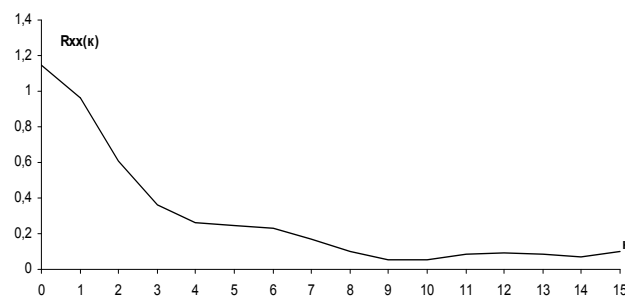
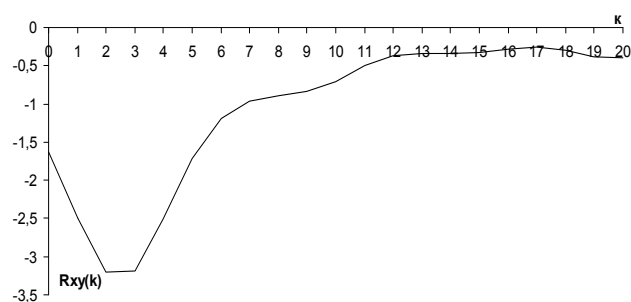
$$G_{Cx1}(z) = \frac{0.741z^{-1} + 0.648z^{-2}}{1 - 0.402z^{-1}}, \quad (5)$$

$$G_{Cx2}(z) = \frac{0.676z^{-1} + 0.656z^{-2}}{1 - 0.372z^{-1}}. \quad (6)$$

Модели (5) и (6) однозначно совпадают по структуре, однако несколько отличаются по параметрам. Для уточнения результата проводилась дополнительная проверка на независимость остатков моделей (5) и (6) с помощью критерия серий [1]. Для уровня значимости $\alpha = 0.05$ гипотеза о независимости остатков моделей принимается. Следовательно, с доверительной вероятностью 95 % можно утверждать, что входной процесс работы газовой печи однороден. Так как входной процесс является однородным, то и выходной процесс работы газовой печи тоже является однородным.

В результате применения **2 этапа** методики установлено, что вход-выходные процессы являются однородными.

3 этап. Вычисление статистических характеристик вход-выходных стационарных случайных процессов. Корреляционная функция $R_{xx}(k\Delta t)$ входного процесса представлена на рис. 5, а взаимная корреляционная функция вход-выходных сигналов $R_{xy}(k\Delta t)$ — на рис. 6. Интервал корреляции входного процесса $x(k\Delta t)$ согласно [1, 7] $\tau_{\text{кор}} > 15 \cdot \Delta t = 15 \cdot 9 = 135$ с.

Рис. 5. Корреляционная функция $R_{xx}(k\Delta t)$ Рис. 6. Взаимная корреляционная функция $R_{xy}(k\Delta t)$

4 этап. Получение модели идентифицируемого объекта. При помощи модифицированного алгоритма В. Висковатова [6] до появления нулевой строки заполняется идентифицирующая матрица:

$$\begin{matrix}
(-1) - \text{строка} \\
(0) - \text{сторона} \\
1 - \text{сторона} \\
\vdots \\
m - \text{сторона} \\
\vdots
\end{matrix}
\begin{pmatrix}
R_{xx}(0) & R_{xx}(\Delta t) & R_{xx}(2\Delta t) & \dots & R_{xx}(n\Delta t) & \dots \\
R_{xy}(0) & R_{xy}(\Delta t) & R_{xy}(2\Delta t) & \dots & R_{xy}(n\Delta t) & \dots \\
\alpha_1(0) & \alpha_1(\Delta t) & \alpha_1(2\Delta t) & \dots & \alpha_1(n\Delta t) & \dots \\
\alpha_2(0) & \alpha_2(\Delta t) & \alpha_2(2\Delta t) & \dots & \alpha_2(n\Delta t) & \dots \\
\vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots \\
\alpha_m(0) & \alpha_m(\Delta t) & \alpha_m(2\Delta t) & \dots & \alpha_m(n\Delta t) & \dots \\
\vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots
\end{pmatrix}, \quad (7)$$

элементы которой последовательно рассчитываются с помощью соотношения (3), где $\alpha_{-1}(n\Delta t) = R_{xx}(n\Delta t)$, $\alpha_0(n\Delta t) = R_{xy}(n\Delta t)$, $m=1,2,3,\dots$, а $n=0,1,2,\dots$. Тогда элементы первого столбца матрицы (7) позволяют получить непрерывную дробь

$$G(z) = \frac{R_{xy}(0)/R_{xx}(0)}{1 + \frac{\alpha_1(0)z^{-1}}{1 + \frac{\alpha_2(0)z^{-1}}{1 + \dots}}} \quad (8)$$

свернув которую можно получить ДПФ объекта. В случае ненулевых начальных условий выражение (8) будет представлять собой идентифицирующую функцию [4].

Непрерывную модель объекта получают на основе взаимно однозначного отображения s - и z -плоскостей [6]

$$s = \frac{1}{\Delta t} \ln|z| + i \frac{1}{\Delta t} \arg z. \quad (9)$$

Поскольку $R_{xy}(0) = 1.148 \neq 0$, то идентифицирующая функция на основе (7) принимает вид:

$$G(z) = \frac{-1.422 + 2.274z^{-1} - 1.288z^{-2}}{1 - 1.895z^{-1} + 1.055z^{-2}}. \quad (10)$$

Нули идентифицирующей функции равны $z_{1,2}^H = 0.800 \pm 0.516i$, а полюса $z_{1,2}^H = 0.948 \pm 0.397i$.

На основании (9) полюса в z -плоскости соответствуют полюсам в s -плоскости $s_{1,2}^H = -0.005 \pm 0.044i$. Нули идентифицирующей функции в s -плоскости соответствуют значениям $s_{1,2}^H = -0.011 \pm 0.064i$.

5 этап. Реализация принципа вариации шага дискретизации. Принцип вариации шага дискретизации является достаточным условием взаимно одно-

значного соответствия между непрерывным объектом и дискретными моделями [6]. Принцип вариации определяет качество идентификации и осуществляется в форме децимации значений $R_{xx}(k\Delta t)$ и $R_{xy}(k\Delta t)$ [6],

после этого осуществляется возврат к **этапу 4**. Если нули и полюса непрерывных передаточных функций (НПФ), полученные до и после децимации, совпадают, то на основании условия SP-идентифицируемости [6] можно утверждать, что математическая модель объекта восстановлена достоверно. В противном случае необходимо уменьшить начальный шаг дискретизации технологических средств измерения и вернуться к **этапу 1**. Если же начальный шаг дискретизации не может быть уменьшен, то оценить истинные свойства непрерывного объекта не представляется возможным, и для оценки качества идентификации необходимо воспользоваться классическими критериями [1; 2].

После децимации модель стохастического объекта принимает вид:

$$G(z) = \frac{-1.422 + 0.472z^{-1} - 0.873z^{-2}}{1 - 1.022z^{-1} + 0.463z^{-2}}.$$

Идентифицирующая функция имеет нули, равные $z_{1,2}^H = 0.166 \pm 0.766i$, и полюса $z_{1,2}^H = 0.511 \pm 0.449i$, которые соответствуют нулям и полюсам в s -плоскости: $s_{1,2}^H = -0.027 \pm 0.075i$, $s_{1,2}^H = -0.043 \pm 0.040i$.

На основании этих результатов можно сделать вывод, что полюса и нули в s -плоскости для $\Delta t = 9$ с и $\Delta t = 18$ с совпадают с некоторой погрешностью. Следовательно, полученная модель (10) адекватна идентифицируемому объекту и в дальнейшем может использоваться для прогнозирования, мониторинга, контроля и диагностики процессов газовой печи.

Литература

- Бендат, Дж. Прикладной анализ случайных процессов / Дж. Бендат, А. Пирсол. — М.: Мир, 1989. — 464 с.
- Бокс, Дж. Анализ временных рядов. Прогноз и управление / Дж. Бокс, Г. Дженкинс. — М.: Мир, 1974. — Вып. 1. — 406 с.
- Дейч, А. М. Методы идентификации динамических объектов / А. М. Дейч. — М.: Наука, 1985. — 240 с.
- Идентифицирующая функция и ее свойства / В. Я. Карташов [и др.] // Сборник научных трудов VII Всероссийской научно-практической конференции «Системы автоматизации в образовании, науке и производстве - AS2009». — Новокузнецк: СибГИУ, 2009. — С. 399 — 405.
- Карташов, В. Я. Непрерывные дроби (определения и свойства) / В. Я. Карташов. — Кемерово: Изд-во Кемеровского госуниверситета, 1999. — 88 с.
- Карташов, В. Я. Идентификация стохастических объектов: учебное пособие / В. Я. Карташов, М. А. Новосельцева. — Кемерово, 2010. — 108 с.
- Романенко, А. Ф. Вопросы прикладного анализа случайных процессов / А. Ф. Романенко, Г. А. Сергеев. — М.: Советское радио, 1968. — 247 с.

Информация об авторе:

Новосельцева Марина Александровна – кандидат технических наук, доцент математического факультета кафедры автоматизации исследований и технической кибернетики КемГУ, 8-906-926-70-00, aanov@pochta.ru.

Marina A. Novoseltseva – Candidate of Technical Science, Assistant Professor at the Department of Research Automation and Technical Cybernetics, Kemerovo State University

Статья поступила в редколлегию 30.01.2014 г.

УДК 519.2: 518.9

**О МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ
СЕТИ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ С МНОЖЕСТВЕННЫМ ДОСТУПОМ
В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ**

В. А. Чекменев, Т. Д. Чекменева

**ON MULTICRITERIAL OPTIMIZATION OF QUEUEING NETWORKS
WITH MULTIPLE ACCESS AT COMPETITIVE INFORMATION FLOWS**

V. A. Chekmenev, T. D. Chekmeneva

Рассматривается задача многокритериальной оптимизации информационной сети с множественным доступом и конкурирующими пользователями, для решения которой применяются методы теории игр. Предложен алгоритм решения для сети с двумя узлами.

The paper focuses on the problem of multicriterial optimization of queueing networks with multiple access and competitive users, which is solved with methods of the theory of games. The algorithm of solution for a two-node network is proposed.

Ключевые слова: сети массового обслуживания с множественным доступом, многокритериальная оптимизация, теория игр.

Keywords: queueing networks with multiple access, multicriterial optimization, theory of games.

Введение. Характерной чертой функционирования информационных систем с множественным доступом (спутниковые каналы, многоточечные телефонные линии, многоотводные шинные системы и др.) является наличие неопределённостей, порождаемых стохастической природой потоков информации, поступающих в систему, времени её обработки, неполнотой информации о состоянии канала передачи. Кроме того, между потоками информации, поступающими от разных пользователей, существует конкуренция за максимальное обладание ресурсами канала.

Традиционно при анализе и оптимизации таких систем руководствуются принципом однозначности: функционирование системы характеризуется одной и только одной целевой функцией. Однако существование конкуренции между входящими потоками, характеризующимися своими целевыми функциями, вызывает затруднения в формулировке единой для всей системы целевой функции и требует применения новых подходов при учёте этих особенностей. Рассмотрим задачу оптимизации функционирования системы такого рода, основанной на одном из таких подходов [1; 2]. Исследуемая в данной работе система функционирует при наличии неопределённостей, указанных выше.

Постановка задачи. Рассмотрим систему с множественным доступом [3] с двумя узлами, передающими сообщения по каналу связи. Каждый узел, получив сообщение, передает его немедленно, не зная состояния канала – занят он или свободен. Будем считать, что сообщение передано успешно, если только

один узел передает сообщение и канал свободен от сообщений другого узла. Если два сообщения от разных узлов перекрываются в канале, то возникает «конфликт», который обнаруживается по окончании передачи. Такие сообщения передаются повторно с предварительной случайной задержкой. Повторные передачи продолжаются до тех пор, пока сообщение не будет принято (успешная передача). Если в узле имеется сообщение для передачи (узел занят), то новое сообщение, поступающее в узел, не принимается и теряется.

Входные потоки сообщений, поступающие в передающие узлы, являются независимыми пуассоновскими процессами с известными параметрами λ_1 и λ_2 . Время передачи сообщения от i -го узла по каналу является случайной величиной с показательным распределением с известными параметрами μ_1 и μ_2 . Случайное время задержки повторной передачи подчинено показательному распределению с точностью до неизвестных параметров γ_1 и γ_2 . Для каждого узла ставится задача максимизации числа сообщений, успешно переданных за единицу времени. При этом γ_1 и γ_2 являются неизвестными управляемыми параметрами системы, оптимизирующими ее функционирование с точки зрения заданных критериев.

Так как узлы передают сообщения независимо друг от друга и каждый из них стремится максимизировать свою пропускную способность, то задачу оптимизации можно сформулировать в виде бесконечной непрерывной бескоалиционной игры двух лиц с

некомпактными множествами стратегий. Под стратегиями будем подразумевать параметры γ_1 и γ_2 распределений времён задержки. Рассмотрим игру

$$\Gamma = \langle I, \{\gamma_i\}_{i \in I}, \{L_i\}_{i \in I} \rangle,$$

где $I = \{1, 2\}$ – множество передающих узлов,

$L_i(\gamma_1, \gamma_2)$ – непрерывная функция, выражающая математическое ожидание числа сообщений, успешно переданных узлом i ($i = 1, 2$) за единицу времени, и определенная на множестве:

$$\gamma_1 \times \gamma_2 = \{(\gamma_1, \gamma_2) : \gamma_1 > 0, \gamma_2 > 0\}.$$

Анализ системы. Получим явные выражения для функций выигрыша $L_1(\gamma_1, \gamma_2)$ и $L_2(\gamma_1, \gamma_2)$.

Функционирование рассматриваемой системы с множественным доступом опишем пятимерным марковским случайным процессом

$$\{i_1(t), i_2(t), j_1(t), j_2(t), v(t)\},$$

где $i_k(t)$ – число сообщений узла k ($k = 1, 2$), ожидающих в момент t повторной передачи ($i_k = 0$ или 1);

$j_k(t)$ – число сообщений узла k ($k = 1, 2$), передаваемых по каналу в момент t ($j_k = 0$ или 1);

$v(t) = 1$, если передаваемое сообщение “испорчено” в результате конфликта;

$v(t) = 0$ в случае успешной передачи.

Данный процесс представляет собой цепь Маркова с непрерывным временем и имеет конечное множе-

$$\begin{bmatrix} \lambda_1 + \lambda_2 & -\mu_1 & -\mu_2 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\lambda_1 & \lambda_2 + \mu_1 & 0 & 0 & -\gamma_1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\lambda_2 & 0 & \lambda_1 + \mu_2 & 0 & 0 & -\gamma_2 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -\lambda_2 & -\lambda_1 & \mu_1 + \mu_2 & 0 & 0 & -\gamma_1 & -\gamma_2 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \lambda_2 + \gamma_1 & 0 & 0 & 0 & -\mu_2 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \lambda_2 + \gamma_2 & 0 & 0 & 0 & -\mu_1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\mu_1 & 0 & 0 & \mu_2 + \gamma_1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\mu_2 & 0 & 0 & 0 & \mu_1 + \gamma_2 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -\lambda_2 & 0 & 0 & 0 & \mu_2 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & -\lambda_1 & 0 & 0 & 0 & \mu_1 & -\gamma_1 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & -\mu_2 & -\mu_1 & 0 & 0 & \gamma_1 + \gamma_2 \end{bmatrix}.$$

Система уравнений равновесия (1) совместно с условием нормировки $\pi^T E = 1$ (E – вектор-столбец, состоящий из единиц) однозначно определяет вектор вероятностей π , которые являются рациональными функциями двух переменных γ_1, γ_2 . При этом функции выигрыша $L_i(\gamma_1, \gamma_2)$ ($i = 1, 2$) имеют вид:

$$L_1(\gamma_1, \gamma_2) = \lambda_1 [P(0, 0, 0, 0, 0) + P(0, 1, 0, 0, 0)],$$

$$L_2(\gamma_1, \gamma_2) = \lambda_2 [P(0, 0, 0, 0, 0) + P(1, 0, 0, 0, 0)],$$

$$L_1(\gamma_1, \gamma_2) = \lambda_1 \left\{ \frac{\gamma_2 [\gamma_1 \gamma_2 \mu_1 (\lambda_1 + \mu_2) + \mu_2 (\lambda_2 + \mu_1)]}{\lambda_1 \lambda_2 (\lambda_1 + \lambda_2 + \mu_1 + \mu_2)} + 1 \right\} \cdot P(0, 1, 0, 0, 0),$$

$$L_2(\gamma_1, \gamma_2) = \lambda_2 \left\{ \frac{\gamma_2 [\gamma_1 \gamma_2 \mu_1 (\lambda_1 + \mu_2) + \mu_2 (\lambda_2 + \mu_1)]}{\lambda_1 \lambda_2 (\lambda_1 + \lambda_2 + \mu_1 + \mu_2)} + \gamma_2^2 \right\} \cdot P(0, 1, 0, 0, 0),$$

где $P(0, 1, 0, 0, 0)$ определяется из условия нормировки и представляет собой рациональное выражение относи-

тельно сообщаемых состояний. Согласно достаточному условию Маркова-Бернштейна для цепи Маркова существует единственное стационарное распределение вероятностей состояний $P(i_1, i_2, j_1, j_2, v)$. Пользуясь известной техникой [4], построим систему уравнений равновесия относительно стационарных вероятностей:

$$\pi^T Q = 0, \quad (1)$$

где π – вектор вероятностей $P(i_1, i_2, j_1, j_2, v)$:

$$\pi = \begin{bmatrix} P(0, 0, 0, 0, 0) \\ P(0, 0, 1, 0, 0) \\ P(0, 0, 0, 1, 0) \\ P(0, 0, 1, 1, 1) \\ P(1, 0, 0, 0, 0) \\ P(0, 1, 0, 0, 0) \\ P(1, 0, 0, 1, 1) \\ P(0, 1, 1, 0, 1) \\ P(1, 0, 0, 1, 0) \\ P(0, 1, 1, 0, 0) \\ P(1, 1, 0, 0, 0) \end{bmatrix},$$

Q – инфинитезимальная матрица:

где входящие в эти выражения вероятности суть вероятности успешной передачи сообщений, которые могут быть найдены явно из системы уравнений (1), а множитель λ_i ($i = 1, 2$) – математическое ожидание числа сообщений, поступивших на узел i в единицу времени. Выражая вероятности вектора π , например, через $P(0, 1, 0, 0, 0)$, запишем функции выигрыша в виде:

тельно γ_1 и γ_2 и инфинитезимальных характеристик λ_i, μ_i ($i = 1, 2$). (В этом выражении в числителе будет по-

лином по γ_1 степени 2, по γ_2 степени 1; а в знаменателе – полином по γ_1 степени 2, по γ_2 степени 3).

Оптимизация. Оптимальным решением бескоалиционной игры является ситуация равновесия, т. е. такая точка (γ_1^*, γ_2^*) , для которой справедливо:

$$L_1(\gamma_1^*, \gamma_2^*) \geq L_1(\gamma_1, \gamma_2^*) \quad \forall \gamma_1 > 0,$$

$$L_2(\gamma_1^*, \gamma_2^*) \geq L_2(\gamma_1^*, \gamma_2) \quad \forall \gamma_2 > 0.$$

Так как функции выигрыша непрерывно дифференцируемы, то для нахождения ситуации равновесия воспользуемся необходимым условием экстремума (учитывая, что каждый игрок стремится максимизировать свою функцию выигрыша). Преобразовывая

систему уравнений: $\frac{\partial L_i}{\partial \gamma_i} = 0, \quad i = 1, 2,$

получим полиномиальные уравнения с неизвестными γ_1, γ_2 , которые можно записать как уравнения относительно, например, γ_1 :

$$\begin{aligned} a_0(\gamma_2)\gamma_1^4 + a_1(\gamma_2)\gamma_1^3 + \dots + a_4(\gamma_2) &= 0, \\ b_0(\gamma_2)\gamma_1^5 + b_1(\gamma_2)\gamma_1^4 + \dots + b_5(\gamma_2) &= 0, \end{aligned} \quad (2)$$

где $a_i(\gamma_2) (i = 0, \dots, 4)$, $b_i(\gamma_2) (i = 0, \dots, 5)$ – многочлены от γ_2 с известными коэффициентами, определяемыми через характеристики исследуемой системы $\lambda_i, \mu_i (i = 1, 2)$.

Для существования решения (γ_1, γ_2) системы (2) необходимо и достаточно [5], чтобы результат многочленов данной системы, являющийся многочленом от одного неизвестного (γ_2), был равен нулю, а его корни не обращали в ноль коэффициенты $a_0(\gamma_2)$ и $b_0(\gamma_2)$. Находя результат:

$$\begin{vmatrix} a_0(\gamma_2) & a_1(\gamma_2) & a_2(\gamma_2) & a_3(\gamma_2) & a_4(\gamma_2) & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & a_0(\gamma_2) & a_1(\gamma_2) & a_2(\gamma_2) & a_3(\gamma_2) & a_4(\gamma_2) & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & a_0(\gamma_2) & a_1(\gamma_2) & a_2(\gamma_2) & a_3(\gamma_2) & a_4(\gamma_2) & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & a_0(\gamma_2) & a_1(\gamma_2) & a_2(\gamma_2) & a_3(\gamma_2) & a_4(\gamma_2) & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & a_0(\gamma_2) & a_1(\gamma_2) & a_2(\gamma_2) & a_3(\gamma_2) & a_4(\gamma_2) \\ b_0(\gamma_2) & b_1(\gamma_2) & b_2(\gamma_2) & b_3(\gamma_2) & b_4(\gamma_2) & b_5(\gamma_2) & 0 & 0 & 0 \\ 0 & b_0(\gamma_2) & b_1(\gamma_2) & b_2(\gamma_2) & b_3(\gamma_2) & b_4(\gamma_2) & b_5(\gamma_2) & 0 & 0 \\ 0 & 0 & b_0(\gamma_2) & b_1(\gamma_2) & b_2(\gamma_2) & b_3(\gamma_2) & b_4(\gamma_2) & b_5(\gamma_2) & 0 \\ 0 & 0 & 0 & b_0(\gamma_2) & b_1(\gamma_2) & b_2(\gamma_2) & b_3(\gamma_2) & b_4(\gamma_2) & b_5(\gamma_2) \end{vmatrix}$$

и приравнявая его к нулю, получим уравнение вида:

$$c_0\gamma_2^{20} + c_1\gamma_2^{19} + \dots + c_{19}\gamma_2 + c_{20} = 0,$$

где $c_i (i = 0, 1, \dots, 20)$ – постоянные коэффициенты, зависящие от значений $\lambda_1, \lambda_2, \mu_1, \mu_2$ параметров исходной системы с множественным доступом. Чтобы получить решение системы (2), находим действительные неотрицательные корни этого уравнения (численным методом при фиксированных $\lambda_1, \lambda_2, \mu_1, \mu_2$), а затем подставляем их в коэффициенты системы (2), после чего каждое уравнение системы решаем относительно неизвестного γ_1 . В качестве решения системы берем совпадающие корни ее уравнений, удовлетворяющие условию неотрицательности. Найденные пары (γ_1^*, γ_2^*) являются для игры Γ точками, которые могут быть ситуациями равновесия. Для проверки этого предположения используется достаточное условие экстремума:

$$\left. \frac{\partial^2 L_i}{\partial \gamma_i^2} \right|_{(\gamma_1^*, \gamma_2^*)} \leq 0, \quad i = 1, 2.$$

Таким образом, в статье рассмотрена постановка задачи многокритериальной оптимизации информационной системы с множественным доступом с возможностью возникновения конфликтов сообщений, передаваемых разными узлами системы. Предложен алгоритм решения данной задачи как задачи нахождения ситуации равновесия в бескоалиционной игре двух лиц. Получен явный вид функций выигрыша игроков, описана методика нахождения оптимального управления (γ_1^*, γ_2^*) как решения системы полиномиальных уравнений. Если же при решении рассматриваемых уравнений не получено действительных неотрицательных корней (т. е. удовлетворяющих условиям игры), то бескоалиционная игра Γ не имеет решения в виде ситуации равновесия. В этом случае необходимо рассматривать другие принципы оптимальности [2; 6].

Литература

1. Чекменев, В. А. Теоретико-игровой подход к задаче максимизации пропускной способности канала с множественным доступом / В. А. Чекменев, Т. Д. Чекменева // Сети связи и сети ЭВМ как модели массового обслуживания. – Минск, 1991. – С. 135 – 136.
2. Чекменев, В. А. Некоторые подходы к оптимизации канала с множественным доступом / В. А. Чекменев // Сети связи и сети ЭВМ. Анализ и применение. – Минск, 1992. – С. 113 – 114.

3. Бертсекас, Д. Сети передачи данных / Д. Бертсекас, Р. Галлагер. – М.: Мир, 1989. – 544 с.
4. Гнеденко, Б. В. Введение в теорию массового обслуживания / Б. В. Гнеденко, И. Н. Коваленко. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
5. Ван дер Варден, Б. Л. Алгебра / Б. Л. ван дер Варден. – М.: Мир, 1979. – 648 с.
6. Вилкас, Э. И. Оптимальность в играх и решениях / Э. И. Вилкас. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

Информация об авторах:

Чекменев Владимир Алексеевич – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры автоматизации исследований и технической кибернетики математического факультета КемГУ.

Vladimir A. Chekmenev – Candidate of Technical Science, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Research Automation and Technical Cybernetics, Kemtovo State University.

Чекменева Татьяна Дмитриевна – кандидат технических наук, доцент кафедры общей и региональной экономики экономического факультета КемГУ, 8-923-612-48-90, chtd42@yandex.ru.

Tatyana D. Chekmeneva – Candidate of Technical Science, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of General and Regional Economics, Kemtovo State University.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2014 г.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37(091)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ В ВОСПИТАНИИ УЧАЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ В XIX ВЕКЕ

Л. В. Баринова

TEACHERS AND PARENTS' COOPERATION IN PUPILS' UPBRINGING IN RUSSIAN SCHOOLS OF THE 19TH CENTURY

L. V. Barinova

В статье представлен опыт сотрудничества родителей и педагогов учебных заведений XIX в. в вопросе воспитания. Показано, что сотрудничество во многих гимназиях и школах XIX в. дало прекрасные результаты. Благодаря взаимодействию педагогов и родителей из образовательных учреждений вышли духовно развитые молодые люди, ставшие гордостью страны. Показано, что сотрудничество родителей и педагогов в образовательных учреждениях XIX в. было жизненной потребностью и обеспечивало достаточно высокий уровень образования детей.

The paper presents the experience of 19th century parents and teachers' collaboration in the field of education. The paper shows that in many of the 19th century the collaboration gave great results. Due to teachers and parents' cooperation, spiritually educated young people graduated from the institution to become the pride of the country. The author states that parents and teachers' collaboration in 19th century schools was a vital requirement to provide a high level of children's education.

Ключевые слова: взаимодействие, сотрудничество, воспитание, семья, школа.

Keywords: cooperation, collaboration, upbringing, education, family, school.

С конца XX и начала XXI вв. Россия переживает преобразования во всех сферах жизни, не являясь исключением в этом отношении и образовательная сфера. Однако проблемы подготовки подрастающего поколения не встречают должного внимания у представителей российской общественности, и как следствие отсутствия интереса к вопросам воспитания молодёжи, в её среде множатся негативные явления.

Думается, одной из причин негативизма в поведении российской молодёжи выступает ослабление роли семьи в воспитании детей, отсутствие контактов семьи и образовательных учреждений в организации воспитательных воздействий на молодое поколение.

На значимость такого сотрудничества указано в законе «Об образовании».

Принятие в 2012 г. Федерального закона «Об образовании» законодательно закрепило обязанность и ответственность родителей заложить «основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка» (ст. 44, п. 1), а «образовательные организации – оказывать помощь родителям несовершеннолетних обучающихся в воспитании детей, охране и укреплении их физического и психического здоровья, в развитии индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений их развития» (ст. 44, п. 2). Именно объединение усилий семьи и

школы в воспитании детей законодательно закреплено в официальных документах [1].

Опыт взаимодействия семьи и образовательных учреждений имел место в истории российской педагогики, и на современном этапе есть острая необходимость обратиться к его изучению.

История отечественной педагогики свидетельствует о непростом пути привлечения школой родителей к сотрудничеству в воспитании детей. Обращение к истории народного образования позволит найти новые формы и эффективные методы в организации взаимодействия семьи и школы.

Особый интерес в изучении этого вопроса представляет XIX век. Этот период характеризуется серьезными социальными преобразованиями: рост общественного сознания, видимый подъем культуры, науки – все это создавало объективные предпосылки для постановки новых проблем в сфере образования.

Проблемы воспитания занимали значительное место в трудах общественных деятелей в первой половине XIX в. (И. Ф. Богдановича, Н. М. Карамзина, И. В. Киреевского, И. И. Мартынова, И. М. Ястребцова и др.) [5]. Однако, поднимая вопросы воспитания подрастающего поколения, они не акцентировали внимания на отдельных частных проблемах воспитательного процесса. Ими отмечалась необходимость подготовки нравственного, здорового молодого поколения, но пути достижения выдвинутой цели не обсуждались.

Во второй половине XIX в. плеяда российских педагогов (В. И. Водовозов, Н. А. Корф, Н. И. Пирогов, Д. И. Писарев, В. Я. Стоюнин, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, Н. Г. Чернышевский и др.) направляла усилия на развитие общечеловеческих качеств личности: обогащение внутреннего мира человека, его физического, умственного и нравственного развития. Именно в этом они видели основу подготовки молодого человека к самостоятельной жизни в новых экономикополитических условиях и направляли усилия на поиск путей решения поставленных задач [3].

Так, В. Я. Стоюнин считал, что образовательное учреждение должно выступать инициатором взаимодействия школы и семьи в воспитании подрастающего поколения. По мнению известного педагога, школа «должна искать себе помощи в семье, призывать её на свои совещания, выслушивать её требования; семья же должна смотреть на школу как на свою помощницу в деле, которое ей ближе всего, но которого она одна не может выполнить» [7].

Дальнейшее развитие идея сотрудничества семьи и школы получает в опыте П. Ф. Каптерева. Он считал, что воспитание осуществляется всем строем семьи и школы, где твердый закон и порядок обеспечивают совместную деятельность детей, родителей и учителей. Воспитание не начинается школой, точно также оно и не кончается ею, считал педагог [2].

Взаимодействие семьи и школы, поиск путей сотрудничества педагогов и родителей становится темой научных и педагогических публикаций. Периодическая печать – неиссякаемый клад информации. Появление и развитие общей и педагогической периодической печати способствовали выработке более широких взглядов на воспитание, знакомству с раз-

личными образовательными системами. Примером служат «Материалы для истории женского образования в России (1828 – 1856)» Е. Лихачевой, «Из 25-летней практики сельского учителя (1849 – 1864)» Е. Стрельцова, «Настольная книга по народному образованию» Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого, «Историческая записка Тамбовской гимназии (1786 – 1886)» Г. М. Холодного и др.

Издание научных и педагогических журналов было важным событием в развитии сотрудничества родителей и педагогов, взаимодействия семьи и школы. Одним из значимых последствий этого было создание условий для большего привлечения общественности к ознакомлению с процессами, проходившими в народном образовании, повышению образовательного уровня родителей в вопросах воспитания детей («Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ» Н. А. Барок, «Педагогический листок (для родителей и воспитателей)» (1875 г.) И. И. Меркульева, «Журнал для воспитания. Руководство для родителей и наставников» А. Чумакова и др.).

Философско-педагогические труды ученых XIX века приводят нас к мысли о том, что без поддержки семьи системе образования не удалась бы попытка воспитания человека нового поколения.

Примером служат публицистические работы А. Н. Острогорского, К. Д. Ушинского, А. С. Хомякова, в которых педагоги указывали на необходимость воспитания всесторонне развитого человека. Уважение к человеку, проявление чувства собственного достоинства, любовь к своему народу, честность – эти качества должны воспитывать, по их мнению, в молодом человеке родители и школа. Осмысление этих требований приводило к признанию необходимости сотрудничества семьи и школы в вопросе воспитания подрастающего поколения.

Существенную роль в поиске путей привлечения родителей к сотрудничеству сыграли видные отечественные педагоги XIX в.: Ц. П. Балталон, В. П. Вахтеров, П. Г. Редкин. Интересные идеи о сотрудничестве педагогов и родителей находим в целом ряде их работ, как результат предлагается: создать общий школьный совет, состоящий из учителей и родителей; организовать педагогический кружок; учредить местные коллективные попечительства в средних школах и др. Таким образом, в 90-е гг. XIX в. формами сотрудничества выступили: родительские собрания (или совещания родителей с педагогами), родительские (или семейно-педагогические) кружки, родительские советы при школах и т. д. [4].

Результатом длительной работы ученых, педагогов по разработке форм, методов, теории взаимодействия педагогов и родителей по воспитанию детей явились преобразования, предпринятые к середине XIX века в образовательных учреждениях: смягчение педагогических требований, появление возможности общения родителей с детьми дома во время праздников и каникул, повышение значимости родительского мнения для педагогов и значимости семейного воспитания, важности роли семьи в развитии и образовании ребенка, повышение интереса родителей к учебе своих детей – все это подтверждает, что в образовании

начинает складываться система взаимодействия семьи и школы.

Разработка теории сотрудничества педагогов и родителей, становление опыта взаимодействия учебных заведений свидетельствуют о новом этапе развития отечественного образования.

Обращение к трудам философов и педагогов XIX в. позволило сформулировать совершенно определенный вывод: российская общественность XIX в. в лице философов, педагогов уделяет серьезное внимание проблемам воспитания подрастающего поколения. Философская мысль (И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, В. Соловьева, Д. С. Хомякова и др.) была направлена на актуализацию проблем совершенствования воспитания нравственности молодежи, положительного отношения к познавательной деятельности, потребность в профессиональном определении.

Педагогическая общественность в поиске путей совершенствования подготовки молодого поколения видела одним из продуктивных путей – сотрудничество семьи и школы. Актуализируя данный путь совершенствования подготовки молодежи к самостоятельной жизни, педагогическая общественность предложила определенные формы и методы сотрудничества. Опыт этих учебных заведений представлен в материалах, описывающих деятельность тех или иных учебных заведений.

Варианты взаимодействия педагогов и родителей разрабатывались обычно в частных учебных заведениях, как свидетельствуют П. А. Лебедев, Е. Л. Шарпова [3; 10]. Они сыграли видную роль в русской педагогике второй половины XIX в. Их опыт оказывал благотворное влияние на государственные учебные заведения в организации учебно-воспитательного процесса.

В частных гимназиях (таких, как женская гимназия М. Н. Стоюниной, гимназия Л. И. Поливанова, частная школа К. И. Мая и др.) постановка обучения полнее соотносилась с требованиями педагогики и жизни: разумно распределялся учебный материал по классам, совершенствовалась система воспитания и, что особенно отличает данные учебные заведения, так это то, что устанавливаются прочные связи с семьей ученика. Сотрудничество родителей и педагогов гимназии находило проявление в благоустройстве школы; в выборе преподавателей и школьной администрации; в оборудовании учебных кабинетов; в организации учебно-воспитательного дела; в организации и проведении школьных праздников и вечеров и др. [3].

Положительный опыт сотрудничества семьи и школы наработан в Московской частной гимназии Л. И. Поливанова. Несомненно, одним из факторов столь качественной подготовки учащихся к самостоятельной жизни явилось сотрудничество педагогов и родителей в организации учебно-воспитательной деятельности гимназии. Она взрастила целое поколение интеллигентов. В ней получили образование В. Брюсов, А. Белый, М. Волошин. Ее выпускников отличало стремление к познанию и самореализации, разносторонние интересы, чувствительность к искусству, развитый литературный вкус, ориентация на общекультурные и этические ценности. Учебно-воспитательный процесс гимназии формировал у воспитанни-

ков оригинальность мышления, эмоциональное восприятие мира, артистические способности, высокую нравственность. «Открытость и бескорыстие, высокая заинтересованность сотрудников и преподавателей гимназии, родителей в полноценном образовании гимназистов в сочетании с высоким уровнем воспитанности способствовали созданию уникальной образовательной среды, сделавшей это учреждение истинно передовым для того времени» [10].

Положительным примером взаимопонимания и взаимодействия школы и семьи в вопросах воспитания служит частная школа К. И. Мая. Дружеские отношения между преподавателями, а также взаимодействие педагогов и родителей, общность их взглядов на задачи воспитания и преподавания – все это способствовало утверждению в школе обстановки, наполненной постоянной заботой и вниманием к каждому ученику. Как следствие – самый яркий во всей истории России состав учеников этой гимназии. Среди её выпускников – академик Н. А. Бруни, писатель Л. В. Успенский, академик Д. С. Лихачев и архитектор В. О. Мунц, художники Р. М. и В. М. Добужинские и В. А. Серов. В ней учились семьи Бенуа, Гримм, Римские-Корсаковы, Гарины, Семеновы-Тянь-Шанские, Голицыны, а также многие другие воспитанники, составившие впоследствии славу и гордость России [4].

Заслуживает внимания система воспитания в Медведниковской гимназии, где процесс взаимодействия семьи и школы был поставлен довольно интересно. В «Основах учебно-воспитательной организации» Медведниковская гимназия утвердила «искренность отношений между всеми участниками образовательного процесса, общность интересов ее членов, взаимное доверие, терпение, взаимопомощь, которые характерны для семьи». Педагоги считали, что «школа делает хорошо, если допустит родителей к близкому общению с их детьми в своих стенах». Гимназия с первого шага «открыла двери родителям, допустив их присутствие на приемных испытаниях детей». Этим самым дала понять родителям, что у нее нет никаких тайн. Педагогический совет в целях наибольшего сближения и общения между школой и семьей постановил организовать собрания родителей для совместного с педагогическим персоналом гимназии обсуждения вопросов учебно-воспитательного характера [3].

Разъясняя на родительских собраниях смысл и значение многих своих действий или предъявляемых к семье требований и обращая внимание родителей на неразрывную связь этих требований с условиями постановки всего учебно-воспитательного дела, учебное заведение в значительной степени гарантировало себе содействие семьи, на которое и опиралось с полным успехом везде, где это было нужно [3].

Присутствие родителей на родительских собраниях содействовало ясному и полному пониманию родителями тех оснований учебно-воспитательного режима, которые были выдвинуты учебным заведением, а равно и пониманию тех средств, которыми оно полагало достигнуть поставленных себе целей. Семья знакомилась с духом всего школьного режима и целесообразности применяемых воспитательных средств.

О первом опыте привлечения родителей к управлению учебно-воспитательным процессом узнаем из

протоколов педсоветов Московской 1 мужской губернской гимназии (с 1865 по 1871 г.). «В учебно-воспитательном русле гимназии значительно расширилась деятельность педсовета (состоял из учителей и родителей). Педсовет обсуждал вопросы, связанные с жизнью учеников в стенах гимназии и дома, всячески укреплял связь семьи и школы» [9].

Успех в деле воспитания, безусловно, был достигнут, благодаря тому, что все участники образовательного процесса: педагоги, дети, родители – действовали в одном направлении, взаимно дополняя и помогая друг другу [3].

Таким образом, в XIX в. в российском образовании был накоплен определенный опыт сотрудничества семьи и гимназий в воспитании обучаемых. Формы взаимодействия были самыми разными: от присутствия на приемных испытаниях детей и заседаниях педагогических советов до проведения родительских собраний, школьных праздников и вечеров. В результате такого сотрудничества родители смогли наблюдать за культурой поведения, общения детей, как дети реагируют на требования педагогов, как относятся к школе и ее порядкам, как работают, чем интересуются, что читают, к чему имеют особые склонности.

Осмысление деятельности частных образовательных учреждений XIX в. приводит к пониманию того, что развитие способностей, воспитание личности во многом определяются таким фактором, как взаимодействие педагогов и родителей. В частных гимназиях трудились учителя, окончившие университет. А в университете, по исследованиям И. Ф. Плетенёвой, одной из задач подготовки будущих педагогов была задача подготовки будущих педагогов к работе с родителями [6].

Литература:

1. Закон Российской Федерации «Об образовании». – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/-2974/файл/1543/12.12.29>
2. Каптерев, П. Ф. История педагогики / П. Ф. Каптерев. – СПб.: Типография В. Безобразов и К°, 1915. – 770 с.
3. Лебедев, П. А. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1990. – 608 с.
4. Лихачев, Д. С. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1990. – 159 с.
5. Пискунов, А. И. История педагогики и образования / А. И. Пискунов. – М.: Сфера, 2001. – 512 с.
6. Плетенева, И. Ф. Социально-профессиональная адаптация студентов в отечественной высшей школе в XIX в. / И. Ф. Плетенева. – Елец, 2007. – 250 с.
7. Стоюнин, В. Я. Педагогические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб. Типография Училища глухонемых, 1892. – 568 с.
8. Фомичёв, И. В. Развитие общеобразовательной школы России до 1917 г. / И. В. Фомичёв. – Воронеж: ВОИП-КРО, 1996. – 156 с.
9. Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 64. 1-ая Московская мужская гимназия. Годовой отчет гимназии за 1871 г.
10. Шарапова, Е. Л. Л. И. Поливанов и его гимназия / Е. Л. Шарапова // Педагогика. – 2000. – № 8. – С. 79 – 84.

Информация об авторе:

Барина Лариса Владимировна – аспирант кафедры педагоги начального обучения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, заместитель директора по УВР МБОУ СОШ № 21 г. Липецка, 8-919-253-34-60, barinavalora@mail.ru.

Larisa V. Barinova – Post-graduate student at the Department of Primary Education Pedagogics, I. A. Bunin Elets State University; Assistant Director for Educational Work at School № 21, Lipetsk.

Таким образом, XIX век в истории России явился временем, положившим начало развитию процесса сотрудничества педагогов и родителей в воспитании молодого поколения. Воспитанность проявлялась у гимназистов именно от того, что этот процесс взаимодействия был построен достаточно продуктивно.

Реформы образования в новых исторических условиях, поиск новых образовательных парадигм, ценностных ориентиров побуждают исследователей к изучению передового исторического опыта отечественной школы. Методы и приёмы, многократно апробированные в школьной практике, начиная с XIX в., и сегодня помогают педагогам применять накопленный опыт в решении современных задач в образовании, а главное – предупреждать появление возможных ошибок во взаимодействии с родителями, совершенных в прошлом. Можно согласиться с мнением И. В. Фомичёва, что «настоящий прогресс возможен лишь там и тогда, где и когда сохраняются лучшие традиции старого и на их основе происходит созидание нового» [8, с. 5]. Эти традиции следует сегодня использовать в современных условиях.

Не является секретом тот факт, что современные семьи не всегда сотрудничают с образовательным учреждением, что негативно сказывается на развитии детей.

Считаем, что из исторического опыта сегодня необходимо привнести в работу образовательных учреждений такие формы, которые позволили бы повысить педагогическую культуру родителей, способствовали более тесному взаимодействию педагогов и родителей в воспитании подрастающего поколения.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2013 г.

КАЧЕСТВЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ДИНАМИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК БАЗОВОГО ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ ОБЩЕСТВА

А. П. Горбунов

QUALITATIVE SPECIFICITY OF HIGHER SCHOOL DYNAMICS AS A BASIC FACTOR OF INNOVATIVE TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE SOCIETY

A. P. Gorbunov

Статья посвящена анализу качественной стороны системы высшей школы как особого звена общественного воспроизводства и базового фактора инновационного преобразования экономических основ современного общества. Современная экономика и общество могут преодолеть накопившиеся в них противоречия и выйти на новый уровень позитивного динамичного развития исключительно благодаря переходу на новый способ воспроизводства материальной и духовной жизни общества, который опирается на извлечение и технологическое использование преобразовательной ценности новых знаний. Преобразовательный, креативно-инновационный, способ производства, обеспечивающий непосредственное технологическое применение новизны знаний, по мнению автора, требует наличия и развития всеобщих универсальных интеллектуально-инновационных личностных и профессиональных компетенций у всей массы производителей данного продукта. Сектор общественно-го воспроизводства наиболее полно представлен в современной экономике именно системой высшей школы – фактически единственной сферой, в функционировании которой соединен, объединен комплекс генерирования, распространения и применения нового знания. Автор приходит к выводу о том, что данный сектор в настоящее время объективно становится ключевым в рамках порождения и воспроизводства инновационной динамики, а также в осуществлении необходимой социально-экономической трансформации современного общества на новых, интеллектуально-инновационных началах. Его основу составляют университеты и другие организации высшего образования.

The paper is devoted to the analysis of the qualitative aspect of the higher education system as a special part of the process of social reproduction and a basic factor of innovative transformation of the economic foundations of modern society. Modern economy and society can overcome the accumulated contradictions and advance to a new level of positive dynamic development exclusively due to the transition to a new way of sustaining the material and spiritual life of society. This is based on the technological application of the transformative potential of a new knowledge paradigm. According to the author, a transformative, creative and innovative way of production that ensures the direct technological application of new knowledge requires the presence and development of general universal intellectual and innovative personal and professional competences in all producers of that product. It calls for a system of higher education where the sector of social reproduction is more fully represented in the modern economy; it is in fact the only sphere which combines a complex of generation, spreading and application of new knowledge. The author comes to the conclusion that nowadays the higher education sector objectively becomes a key sector in the process of generation and reproduction of innovative dynamics, as well as in the realization of a necessary socio-economic transformation of modern society based on new intellectual and innovative principles. Universities and other organizations of higher education are the basis of the sector of social reproduction.

Ключевые слова: высшая школа, инновация, образование, экономика, общество, компетенция, университет, воспроизводство, человеческий капитал.

Keywords: higher school, innovation, education, economics, society, competence, university, reproduction, human capital.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть ту качественно-определенную конкретно-историческую роль, которую призвана выполнить система высшей школы как особое звено общественного воспроизводства и как базовый фактор инновационной трансформации экономических основ современного общества.

Для решения этой задачи, прежде всего, очень важно четко осознавать в методологическом плане, что современная экономика и общество смогут реально преодолеть накопившиеся в них противоречия и выйти на новый долговременный уровень позитивного динамичного развития только при переходе к *новому способу воспроизводства* материальной и духовной жизни общества (а фактически – к новому

способу труда, производства, присвоения, управления и общения), который опирается на извлечение и технологическое использование *преобразовательной ценности (полезности) новых знаний*. Собственно, когда сегодня говорится об *экономике и обществе знаний* – а с нашей точки зрения, этот тип экономики и общества нужно понимать как *экономику и общество НОВИЗНЫ знаний и ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ (креативно-инновационных) компетенций* (то есть компетенций по управлению извлечением и практическим использованием преобразовательной ценности новизны знаний) – как раз и имеется в виду этот *новый*, объективно рождающийся в недрах современного общества *способ воспроизводства*, опирающийся

на результаты интеллектуальной деятельности, инновационные факторы развития.

Его можно охарактеризовать как *инновационный, преобразовательный (интеллектуально-инновационный или креативно-инновационный)*, поскольку он обеспечивает непосредственное технологическое применение новизны знаний как *добавленной социокультурной, социогуманитарной сущности* в различных областях жизнедеятельности общества и тем самым – непрерывную (бесперебойную) динамику воспроизводства *добавленной стоимости*.

Этот новый, инновационный, способ производства (воспроизводства) требует *нового по типу, единого универсального продукта*, а именно – *интеллектуально-инновационного* и, соответственно, *нового типа личностных и профессиональных компетенций* у всей массы производителей этого продукта, а именно – *всеобщих универсальных преобразовательных (креативно-инновационных) компетенций*.

Однако, очевидно, что формирование и развитие такого нового, интеллектуально-инновационного, способа воспроизводства и, соответственно, нового типа экономики и общества должно иметь в качестве своей базы и стратегического инструмента своей реализации *совершенно определенный сектор общественного воспроизводства*, который по своему формо-содержанию включает с необходимостью производство, распространение и освоение новых знаний (новизны знания) и тем самым фактически реализует промышленный способ генерирования, освоения и использования производительной, преобразовательной ценности нового знания.

Этот сектор в своих основных чертах уже представлен в современной экономике и наиболее полно представлен именно *системой высшей школы* – фактически единственной сферой, в функционировании которой соединен, объединен специализированный комплекс генерирования, распространения (передачи, обмена) и применения нового знания (новизны знаний). Это тот сектор, который благодаря этим своим параметрам объективно становится в настоящее время *ключевым сектором порождения и воспроизводства инновационной динамики* тем самым *ключевым сектором в осуществлении необходимой социально-экономической трансформации* современного общества на новых, *интеллектуально-инновационных началах*. Его основу составляют университеты и другие организации высшего образования.

Динамика же высшей школы как особого воспроизводственного звена является в полной мере эффективной и инновационной теперь только в том случае, когда ее подразделения способны обеспечивать воспроизводство как универсального продукта нового типа, так и универсальных компетенций нового типа.

Университет как категориальная система с этой точки зрения представляет собой потенциально социально-экономическую (производственную) организацию инновационного типа, в рамках которой складывается и реализуется экономическое отношение, обеспечивающее выполнение двух взаимосвязанных инновационных функций:

1) на основе извлечения и применения преобразовательной (производительной) ценности новизны зна-

ния осуществляется создание интеллектуально-инновационного продукта и превращение его в объект интеллектуальной собственности с выведением на уровень правовой охраны и включением в хозяйственный оборот;

2) на основе наделения передовыми знаниями и преобразовательными (креативно-инновационными) компетенциями носителей человеческого капитала осуществляется формирование высокопроизводительного живого и творчески мыслящего капитального ресурса, способного обеспечивать производство и реализацию интеллектуально-инновационного продукта в различных отраслях и сферах хозяйственной деятельности.

Поэтому столь высокой на настоящем этапе становится экономическая и в целом общесоциальная полезность высшего образования, которое в течение всей индустриальной эпохи выступало в качестве дополнительного средства ускорения экономического роста, преодоления бедности и социальной отсталости, а теперь, в эпоху интеллектуально-инновационного развития экономики и общества, превращается в *доминирующий, основополагающий фактор* такого развития.

В Коммюнике Всемирной Конференции 2009 года по высшему образованию, прошедшей в Штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, на тему «Новые динамики высшего образования и исследований для общественного изменения и развития» отмечается, что «как никогда ранее в истории стало важным инвестировать средства в высшее образование как главную силу в формировании обеспечивающего всеобщую вовлеченность и разнообразие общества знания и осуществлять продвижение исследований, инноваций и креативности» [1; 2].

Такое внимание к повышению статуса высшего образования и, соответственно, высшей школы объясняется, с нашей точки зрения, тем, что если новые знания производятся, кроме вузов, еще и академическими научными институтами, то *высокопроизводительный живой и творчески мыслящий капитальный ресурс*, который в современной экономической теории принято обозначать как «*человеческий капитал*», в массовом порядке производят только структуры высшей школы, только вузы. Отсюда проистекает *новая фундаментальная роль современного университета*. Фактически в своем потенциале уже сегодня университет – это наиболее передовое по социальному, социально-экономическому типу производственное предприятие, которое занимается системным и систематическим производством, распространением и использованием (применением) новых знаний и наделянием этими знаниями как преобразовательной, производительной ценностью носителей человеческого капитала, которые затем способны применить содержащуюся в новизне знаний производительную ценность в качестве инновационных технологий в различных отраслях экономики и социальной сферы. Такова суть динамики университета и в целом высшей школы.

Все это проявляет тот факт, что высшая школа выступает исходным как бы «*предпроизводственным*» звеном – в более традиционном подходе (если

отделять ее от структур производства разнообразных продуктов и услуг), а на самом деле, в новом подходе, уже *первичным производственным звеном* всего общественного воспроизводственного процесса (без ее деятельности и ее результатов этот процесс не способен теперь возобновляться на прежнем и тем более на последующем качественном уровне); пройдя же свой цикл, воспроизводственный процесс снова возвращается к этому же звену уже как конечному. С учетом этих обстоятельств исходный статус высшей школы в структуре цикла общественного воспроизводства теперь, при переходе к освоению *инновационного* способа производства (воспроизводства), следует трактовать не только как *первичный производственный*, но и – особенно с учетом того, что он выступает и как конечный – еще и как *базовый* для всей инновационной динамики общественного воспроизводства. Саму же высшую школу следует рассматривать как особую производственную подсистему.

Понимание именно такого содержания экономического (воспроизводственного) статуса высшей школы, с нашей точки зрения, требует постановки вопроса о необходимости подчинения базовым (проектно-определяющим) приоритетам развития высшей школы как особо значимой общественной воспроизводственной системы инновационного типа модели функционирования всего процесса общественного воспроизводства и, соответственно, практических приоритетов и целей национальной экономики и экономической политики государства. Ведь инновационная динамика высшей школы становится таким экономическим отношением, которое фактически моделирует перспективные направления и механизм последующей инновационной динамики всего национального производства, придает ей соответствующие векторы и приоритеты.

В практическом плане такая теоретическая характеристика высшей школы как *особо значимого первичного и базового звена общественного воспроизводства* со всей очевидностью служит основанием для более расширенной статистической трактовки границ сферы производства вообще, соответственно, для нового структурирования общественного разделения труда и включения тем самым самой сферы высшей школы в наиболее важные экономические основы именно материальной жизнедеятельности общества.

Однако, как представляется, все это правомерно, если сама система высшей школы будет идти путем общественно (исторически) необходимых качественных изменений, преобразований. И дело здесь вовсе не может уже ограничиваться пустыми, бессодержательными по своей сути заявлениями типа: «необходимо повышать качество высшего образования».

Потому что нужно прежде всего определиться, *в чем состоит это качество (то есть в чем заключается качественная определенность)* не вчерашнего и позавчерашнего, а именно *сегодняшнего и завтрашнего* высшего образования, *сегодняшней и завтрашней* динамики высшей школы. И нужно определиться в этом не абстрактно, а конкретно, конкретно-исторически, применительно к действительным тенденциям социально-экономического развития XXI века.

То есть наш посыл здесь состоит в следующем: *системная динамика современной высшей школы*, перерастающей в более совершенную будущую высшую школу, как и, соответственно, содержательное наполнение понятия «*современное, передовое высшее образование*», поскольку речь идет о качественной определенности этой их динамики как **ИННОВАЦИОННОЙ** – это уже нечто иное, чем то, что было и что требовалось до недавнего времени.

Это иная система организационно-управленческих и хозяйственных приоритетов и связей как внутри самой высшей школы, ее университетских структур, являющихся уже не столько «допроизводственными», сколько *первичными и базовыми производственными звеньями* общественного воспроизводства нового – *инновационного* – типа, так и между нею (ее университетскими структурами) и другими отраслевыми «производственными» субъектами экономики. Это иная, чем ранее, по своей качественной определенности система, которая и призвана теперь обеспечивать именно *инновационную* (а не какую-то иную) *динамику*, отвечающую потребностям нового способа производства, нового типа экономики и общества.

А *инновационная динамика* (или *интеллектуально-инновационная*, можем также сказать: *креативно-инновационная динамика*) – это такая экономическая динамика, посредством которой не только осуществляется приращение (генерирование) и распространение нового знания – что само по себе актуально, но *недостаточно* для подлинного развития экономики и общества – но и со всей необходимостью обеспечивается *практическое применение новых знаний*, то есть *практическое использование преобразовательной ценности новизны знаний*, причем без длительной оттяжки во времени и без значительных дополнительных затрат. Новые знания реализуют свою производительную силу только когда они *практически применяются* в виде производительных технологий и когда результатом их применения становятся действительно инновационные продукты.

Исходя из всего сказанного, становится вполне очевидным, что подходы, в которых «повышение качества высшего образования» рассматривается традиционно и линейно, устарели. Будь это разговор в парадигме некоего общекультурного «высшего образования» или в парадигме «высшего профессионального образования», будь это даже противопоставление их друг другу – все это дела не меняет, если не раскрывается в полной мере, в *каком именно (в каком качественно определенном)* высшем образовании (оно же – и высшее профессиональное, так как оно не может быть оторвано от профессиональной деятельности), нуждаются экономика, общество и отдельный работник, отдельный носитель человеческого высокопроизводительного капитала в *новую эпоху*.

Они-то нуждаются уже в том типе высшего (высшего профессионального) образования, который востребован теперь императивами *инновационного* (а не какого-то иного) развития. Иначе говоря, новая эпоха как историческое время нового способа производства нуждается в такого рода профессионалах, подготавливаемых, формируемых высшей школой, которые

способны создавать и реализовывать *именно инновации (именно интеллектуально-инновационные продукты)*, а уже не что-то другое, причем реализовывать не только общесоциально, но и *экономически*, то есть *обеспечивая их маркетинговую и вводя в хозяйственный оборот*. Таким образом, это уже такое качество высшего образования, которое выходит в совершенно новое социальное пространство и социальное время.

Если это игнорировать, то мы будем оставаться либо в плену «непрагматических» традиционалистских представлений, либо в плену современных узкопрагматических «инструменталистских» представлений о высшей школе, об университете как категориальной системе, об их роли в экономическом и социальном развитии. Данные подходы сегодня противостоят друг другу: в то время как сторонники традиционного подхода продолжают отстаивать концепцию университета как центра общего (в большей мере общекультурного, чем профессионального) образования, лишь как генератора традиционно понимаемых фундаментальных знаний, сторонники современного узкопрагматического подхода, опираясь на реальные потребности практики организации производства в условиях роста глобализации и глобальной конкуренции, отстаивают более прикладной и тем самым более утилитарно-инструменталистский подход к освоению знаний и способствуют превращению университетов просто в многоотраслевые профессиональные школы. Противостояние этих подходов поэтому иногда принимает форму противопоставления высшего «общего» образования высшему «профессиональному» образованию. Современная же практика пока идет по пути примирения, компромисса, сосуществования этих подходов, не обеспечивающего ни восстановления фундаментальности и универсализма, ни искомой инструментальности в подготовке выпускников университета.

На самом же деле нужно идти *путем разрешения противоречия между этими подходами* (оба из которых не выходят за рамки традиционных представлений) и тем самым *преодоления реально существующих разрывов* между фундаментальностью и инструментализмом, универсальностью и специализированностью подготовки в современной высшей школе – и именно через перевод всей деятельности высшей школы *в инновационное пространство, в пространство реальных преобразований*. Переход в это пространство позволяет изменить само представление о фундаментальности и универсальности подготовки в новую эпоху и, соответственно, *соотношение* как между фундаментальностью и инструментализмом, так и между универсальностью и специализированностью.

То есть выпускник университета теперь должен быть подготовлен по-новому *фундаментально и универсально* и вместе с тем одновременно – по-новому *инструментально и специализированно*.

Что это означает в новую эпоху?

Во-первых, по нашему мнению, это со всей определенностью означает, что у выпускника университета теперь по-новому должны быть сформированы *мировоззренческие основы* всей его деятельности, так

как именно мировоззрение задает базу фундаментальности и универсализма, методологически ориентирует его как личность и как профессионала.

Новая эпоха, исходя из раскрытых выше ее материальных оснований как эпохи, основанной на извлечении и технологическом применении преобразовательной (производительной) ценности новизны знаний, востребует уже даже не просто активное и проактивное мировоззрение (преодолевающее пассивное и реактивное), а *преобразовательное* мировоззрение, *проективно-преобразующее* мировоззрение. Основа этого мировоззрения – понимание, осознание *фундаментального, универсального контекста* любой позитивно-направленной деятельности как деятельности *преобразовательной, преобразующей*. Осознание объективно существующей в Мире, в Мировоустройстве *единосодержательной универсальной миссии* любого человека как личности и как профессионала, как самостоятельного познающе-преобразующего субъекта – а именно *миссии позитивного познания – преобразования Мира* – и осознание того, что каждый должен *по-своему, уникально* осуществить это универсальное предназначение и что *за него, вместо него* никто его собственный уникальный вариант осуществить не сможет. То же самое относится и к любой *по-настоящему инновационной* организации, сообществу, группе.

Именно такая мировоззренческая основа, формирующая *универсальный контекст* любой деятельности, отвечает императивам новой эпохи, базирующейся на *интеллектуально-инновационных* (а в более широком контексте – на духовно-преобразовательных) началах. Фактически она выступает *социокультурным основанием* нового типа экономических отношений.

Поэтому в практическом плане передовому университету как единой университетской команде необходимо *именно такие* мировоззренческие основы формировать в рамках **всех** направлений своей работы. Например, так уже во многом делают в Пятигорском государственном лингвистическом университете, где опорой в этом является его сформированная универсальная миссия как *«Университета, открывающего и преобразующего мир»*.

Во-вторых, новая мировоззренческая основа должна с необходимостью включать понимание того обстоятельства, что осуществлять любое позитивно-направленное преобразование реально можно только извлекая соответствующие новые знания, то есть новизну знаний как *новые смыслы*, и используя производительную, производящую ценность этой новизны знаний, этих смыслов. Действительно инновационная деятельность – это *смыслодеятельность*. То есть у нового способа производства уже *социогуманитарное*, а не традиционное вещественное или энергетическое или даже информационно-организационное основание.

Дело в том, что, как уже обосновано выше, новый тип способа воспроизводства – *интеллектуально-инновационный* – требует и *нового, единого типа продукта – интеллектуально-инновационного продукта*. Смыслосодержательно значимым и тем самым экономически значимым становится только этот *один (единственный) универсальный продукт – ИННОВАЦИЯ* (как новая, добавленная сущность, как преобразователь-

ная ценность, которая может содержаться в любом результате, любом продукте человеческой деятельности). Все конкретные продукты, услуги, технологии – это *ЕГО ЖЕ (этого единого универсального интеллектуально-инновационного продукта)* разновидности, воплощения, проявления, это его технологические варианты (варианты его технологического применения).

Поэтому и выпускник университета нового типа должен теперь уметь делать именно это – причем *ОДНО, ЕДИНОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ* – дело: создавать и реализовывать *ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ*.

В практическом плане это означает, что университет нового, преобразовательного типа как университетская команда должен сам уметь делать это и, соответственно, научать этому своих выпускников. То есть наделить их *способностью создавать и реализовывать инновации* – как новые смыслы, смыслодержания, которые нужно содержательно вычленять, выделять, структурировать, оформлять в качестве информационно обработанных результатов интеллектуально-инновационной деятельности и тем самым готовить их к реальному применению, а затем и применять, чтобы реализовать содержащуюся в них *преобразовательную, производительную ценность*. И всё это уметь делать *не абстрактно, а конкретно* – в любых конкретно-ситуационных (профессионально-отраслевых, специализированных) контекстах, однако обязательно – с осознанием того *универсального ми-*

ровозреческого контекста, суть которого раскрыта выше.

Причем реальное, практическое применение преобразовательной ценности интеллектуально-инновационных продуктов должно в конечном счете реализовываться в *экономической практике, в хозяйственном обороте* – и это тоже должны уметь делать и университет, и его выпускники.

Тем более что российская экономика сегодня именно в этом аспекте значительно отстает от экономик с более сильной инновационной динамикой. В своем Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года Президент В. В. Путин привел следующие данные: сегодня в нашей стране в среднем из каждых 265 полученных научных результатов только один становится объектом правовой охраны; вклад же добавленной стоимости, которая образуется из оборота интеллектуальной собственности, в ВВП России составляет менее одного процента, в то время как в США – 12 %, в Германии – 7 – 8 %, а в Финляндии – 20 % [2].

При этом нужно обратить внимание на тот факт, что в России среди поданных патентных заявок на изобретения и промышленные образцы доля именно *российских* заявителей составляет около 63 %, а среди полученных патентов – около 65 % (таблица 1). То есть более 1/3 оборота патентов на изобретения и промышленные образцы в Российской Федерации обеспечивается не российскими участниками.

Таблица 1

Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России (единиц) [3]

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
<i>Подано патентных заявок:</i>					
на изобретения – всего	28688	32254	42500	41414	44211
из них российскими заявителями	23377	23644	28722	26495	28701
на полезные модели – всего	4631	9473	12262	13241	14069
из них российскими заявителями	4549	9082	11757	12584	13479
на промышленные образцы – всего	2290	3917	3997	4197	4640
из них российскими заявителями	1918	2516	1981	1913	1928
<i>Выдано патентов:</i>					
на изобретения	17592	23390	30322	29999	32880
из них российским заявителям	14444	19447	21627	20339	22481
на полезные модели	4098	7242	10581	11079	11671
из них российским заявителям	4044	...	10187	10571	11152
на промышленные образцы	1626	2469	3566	3489	3381
из них российским заявителям	1228	-	1741	1622	1390
Число действующих патентов – всего	-	164099	259698	236729	254891
<i>в том числе:</i>					
на изобретения	-	123089	181904	168558	181515
на полезные модели	-	28364	54848	46876	50746
на промышленные образцы	-	12646	22946	21295	22630

Поэтому выпускники передового университета должны быть способны осуществлять не какую-то часть, а *весь цикл создания и использования интел-*

лектуально-инновационного продукта – так, чтобы в конечном счете из преобразовательной ценности инноваций рождалась *добавленная стоимость*.

И по своей сути это и есть *новый ответ* университета как категориальной системы инновационного типа на проблему достижения *наиболее высокого (для данной эпохи) уровня фундаментальности и универсализма* в подготовке выпускников: теперь во всеобщем плане на уровне высшего образования наиболее фундаментальным и универсальным становится именно тот комплекс знаний *особого рода*, который обеспечивает смыслодержательное и структурное скрепление всего процесса управления созданием и использованием интеллектуально-инновационного продукта (как нового типа продукта, в котором заключено создание и использование преобразовательной ценности нового знания) в единой цепочке: «*ДЛЯ ЧЕГО (ЗАЧЕМ)*» делать – «*ЧТО*» делать – «*КАК*» делать – и тем самым всегда, в каждом конкретно-ситуационном контексте (в каждой задаче, области, сфере) *обеспечивать решение единой фундаментальной, универсальной задачи (сверхзадачи) позитивного познания-преобразования Мира*. То есть фактически сердцевинной передового высшего образования становится комплекс знаний о том, для чего, в каких направлениях и каким образом извлекать и практически применять преобразовательную ценность новизны знаний.

И тем самым, наконец, появляется возможность по-настоящему, реально *разрешить проблему универсальности* еще и в другой ее ипостаси – как *проблему всесторонности* подготовки. Ведь *всесторонность* подготовки кадров – за которую, в частности, так стоят сторонники традиционалистской модели университета – если под «всесторонностью» понимать нечто действительно *реальное* (то есть *реально выполнимое*) – вовсе не может представлять собой некое плоское, а потому абстрактное, взятое в своем линейном абсолюте *всезнание* или *многознание*. Напротив, в современных условиях стал вполне очевидным тот факт, что чем больший объем разноплановой информации поглощается обучающимися на любом уровне системы образования *при отсутствии единого смыслодержательного ядра и тем самым отсутствии основы для соответствующей структуризации*, тем самым *не больше, а меньше* реальных знаний они осваивают.

Еще древние справедливо утверждали, что многознание не равно уму: *ум – это проникновение в сущность*. То есть дело не в том, чтобы много знать (по объему, в деталях), а в том, чтобы знать, понимать *главное, сущностное* ядро, понимать идущие от него и к нему со всех сторон, а также между самими сторонами *соединительные, объединительные, управляющие связи* и на этой основе быть способным *действительно мыслить, анализировать, структурировать* и, более того – что и востребовано в новую эпоху – *проектировать, конструировать, моделировать*, то есть *преобразовывать, создавать новое*. Для эпохи инновационного способа производства, смыслодержательное ядро которой мы как раз и выделили, важнейшей универсальной компетенцией становится владение именно *законами и принципами преобразовательной, созидательной деятельности, методологией* их практического (общесоциального и хозяйственно-го) применения в различных конкретных ситуациях,

областях и сферах деятельности и общения для создания конкретных *смыслодержательных* (и в этом смысле именно *социогуманитарных*) инноваций как инструментов решения не оторванных от жизни, а самых что ни на есть конкретных, специализированных задач. Создание и применение *реальных инноваций* – это и есть *уровень постижения сущности*, не в абстрактной, а во *всеобще-конкретной* форме, так как он достигается не только в форме теоретического освоения новых знаний, но и – в этом и состоит *истинная фундаментальность* – в *реально-практическом (технологическом) претворении, осуществлении* преобразовательного содержания, что и позволяет именно в этом смысле достичь *высшего* (то есть *наиболее глубокого, сущностного*) уровня фундаментальности, универсализма и всесторонности подготовки университетского выпускника нового типа. Ведь реальные, «*работающие*» инновации – это результаты деятельности, которые *непосредственно действительны* и, более того, *действительны*.

Всё это также означает, что, *в-третьих*, в новую эпоху истинная фундаментальность и истинный универсализм, качественно наполняясь преобразовательностью, *не противостоят* инструментализму и специализированности, а *взаимопроникают друг в друга*, превращаясь в свои же собственные взаимные продолжения. Становится очевидным, что любая кажущаяся фундаментальность *на самом деле не является таковой*, если она *по-настоящему не инструментальна* – то есть *не способна осуществлять реально-практических преобразований*. И точно так же любая кажущаяся универсальность *тоже таковой не является*, если она сама *не способна практически применить себя в конкретных специализированных областях и сферах*, то есть конкретизироваться в них.

Принципиальная ошибка современных традиционалистов состоит в том, что отстаивая модель университета как центра лишь «*полета мысли*», «*поиска истины ради самой истины*», «*методологического знания*», некоей абстрактной «*универсальности* и всесторонности», они способствуют сохраняющемуся (во многих случаях) реальному отрыву университета как категориальной системы от бурлящей за университетским окном практики жизни, практики производства и управления – которая на самом деле всегда конкретна и ситуационна, всегда инструментальна, всегда специализированна и всегда прагматична, в том числе и даже прежде всего экономически – прагматична.

Ошибка же антитрадиционалистов, то есть сторонников современной узкопрагматической, экономической и интеллектуально утилитарной концепции университета, состоит в том, что справедливо и закономерно отстаивая необходимость втягивания, включения университета в реальную общественно-экономическую практику и тем самым в экономическую прагматику жизни, они отводят ему лишь утилитарную, подчиненную роль в этих процессах и способствуют ограничению и преуменьшению его колоссального преобразовательного потенциала, объективно ему присущего как развивающейся категориальной системе генерирования, освоения и использования преобразовательной ценности новых знаний.

Поэтому нельзя становиться ни на одну из этих позиций. Какая из них хуже? «Обе хуже». Ни та ни другая не выражают складывающуюся сегодня магистральную линию развития, они ее не понимают. Поэтому всё время в публичном обсуждении проблем высшего образования, высшей школы мы в основном оказываемся в ситуации *выбора*, который *не является истинным*.

Истинный же выбор, то есть *соответствующий магистральной линии развития экономики и общества*, а именно *вступающему в свои права новому, более передовому способу общественного воспроизводства* – это переход в преобразовательное (креативно-инновационное) пространство, в котором *преодолеваются* указанные крайности (кстати, и не только они одни), поскольку *разрешается реальное противоречие*, которое они выражают. Каким образом это разрешение противоречия происходит?

С одной стороны, готовя выпускников на основе нового подхода к фундаментальности и универсальности, суть которого была раскрыта выше, университет должен обязательно подготовить их к *новому действительному (реально-действенному) инструментализму и технологизации знаний*, а это означает только одно – подготовку их в качестве разработчиков и реализаторов, организаторов инноваций как новых смыслодержаний, в качестве интеллектуально-инновационных социогуманитарных технологов (в широком смысле), способных и готовых инструментально и технологически продуцировать инновации и инструментально и технологически, а также экономически их реализовывать на разных уровнях (исполнительском, управленческом, предпринимательском) в различных имеющихся и создаваемых областях деятельности и общения. Они должны уметь в результате университетской подготовки все это делать *не вообще, не абстрактно*, а применительно к конкретным специализированным задачам, областям и сферам профессиональной деятельности – причем так, чтобы за пределами университета *уже не требовалось* дополнительных значительных затрат на реализацию их преобразовательных компетенций в избранных областях и сферах, а в случае «доучивания» под другие, в том числе вновь формирующиеся отрасли и сферы, эти затраты были *минимальными*. *Нового типа инструментализм* предполагает компетентность в технологии создания, маркетинга и реализации конкретных интеллектуально-инновационных продуктов, а для этого нужно *уметь открывать и технологизировать новые смыслы, уметь обеспечивать им как преобразовательным ценностям технологическое применение* в конкретных специализированных областях.

С другой стороны, продолжая готовить выпускников для конкретных избранных в том или ином университете профессиональных сфер деятельности и под их конкретные задачи, то есть готовя их специализированно и инструментально, чего требует конкретика жизнедеятельности, их должны готовить не только и не столько под *текущие* потребности этих сфер, да и текущее состояние экономики, а всегда выдерживать тот *новый фундаментальный и универсальный контекст подготовки*, о котором было сказано выше, обеспечивающей им *действительную пер-*

спективу на всю жизнь, не только при смене текущих (конкретно-ситуационных) потребностей, но даже при смене и преобразовании самих исторически существующих профессионально-отраслевых, специализированных сфер. Смысл здесь состоит в том, что специализация и связанная с ней специализированная инструментальность и в новую эпоху никуда не уйдут, однако они становятся очень динамичными, и их новое предназначение состоит в том, чтобы служить воплощением, применением, конкретизацией *новой фундаментальной и универсальной подготовки* и тем самым ее продолжением (как *уникальность*).

Именно на этой основе новые подготавливаемые кадры способны быть, наконец, *содержательно-интегрированными*, то есть *одновременно фундаментально-инструментальными и универсально-уникальными*. Это объясняется тем, что фундаментальная, универсальная база их подготовки становится для всех выпускников по любым профессиональным направлениям подготовки *едино-содержательной*, то есть их всех теперь обучают *ОДНОМУ И ТОМУ ЖЕ (ЕДИНОМУ) УНИВЕРСАЛЬНОМУ ДЕЛУ* – созданию и применению *ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СМЫСЛОСОДЕРЖАНИЙ* в виде *ЕДИНОГО, УНИВЕРСАЛЬНОГО ПО СВОЕЙ СУТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОГО ПРОДУКТА* – и различие между ними состоит только в том, что они эти свои способности, эту свою компетентность *реализуют, применяют, прилагают* не в одинаковых, а в *различных конкретных специализированных* задачах, функциях, областях и сферах.

Таким образом, нужно становиться не на какую-то из двух описанных выше противостоящих позиций, а на *принципиально новую содержательно-интегрированную преобразовательную позицию*, которая действительно обеспечивает прорыв и ведет вперед, разрешая существующие противоречия.

Однако есть *еще одна позиция*, которая на самом деле намного хуже тех двух, ошибочность и бесперспективность которых стала очевидной в результате их рассмотрения в конкретном контексте тенденций современного и будущего развития. Это та позиция, когда лишь погрязают в теоретических рассуждениях и когда даже придя к правильным теоретическим выводам, *ничего не делают в соответствии с ними на практике, то есть ничего не делают для реализации объективной магистральной линии развития в своем конкретном университете, на своем конкретном месте* (будь то место руководителя, научно-педагогического работника или сотрудника, либо студента, магистранта, аспиранта), а только обсуждают.

Вот эта позиция уж абсолютно нежизнеспособна. Она не способна связать теорию с практикой, и наоборот. Она превращает университет в «*университет говорильни*», вместо того, чтобы всё больше формировать его как *Университет ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДЕЛА*.

Передовой университет XXI века не может позволить себе эту позицию, если он стремится соответствовать магистральному пути новой эпохи, ведь он – не просто говорящая и обсуждающая корпорация, а работающая корпорация, работающая ассоциация,

которая должна мыслить и действовать не оторванно-теоретически, а всегда *реально-практически*.

Из изложенного можно сделать *следующие наиболее важные выводы*.

Во-первых, высшее образование – это не застывшее, а динамично развивающееся явление и понятие, и сегодня необходимо ориентироваться на новое, качественно изменяющееся, совершенно определенное содержание процесса освоения высшего образования, его целей и результатов. Это содержание с необходимостью должно отвечать императивам инновационной эпохи, и оно состоит в формировании высокопроизводительного человеческого капитала, обладающего качествами творчески мыслящего и проективно действующего ресурса, способного к позитивной познавательно-преобразовательной деятельности благодаря содержательно-интегрированной фундаментально-инструментальной и универсально-уникальной подготовке, позволяющей ему создавать инновации (интеллектуально-инновационные продукты) и реализовывать их в различных конкретных специализированных задачах, функциях, областях и сферах и тем самым преобразовывать и умножать сферы профессиональной активности. Это не просто новая парадигма высшего образования, а фактически – относительно его предыдущих парадигм – его новая транс-парадигмальность.

Во-вторых, в условиях новой транспарадигмальности высшего образования его по-новому оформляющаяся общая для всех профессиональных направлений подготовки фундаментальная и универсальная составляющая вовсе не противостоит его инструментальной, профессионально-отраслевой, специализированной составляющей как таковой и ее конкретным проявлениям, а методологически ориентирует и моделирует их, взаимопроникает с ними, реализуется и конкретизируется в них, составляя теперь саму серд-

цевину, саму новую сущность любой профессиональной, специализированной деятельности (как уже существующей, так и потенциально возможной в разнообразии своих видов).

В-третьих, университет как категориальная система, как опорная структура высшей школы именно на этом пути восстанавливает и развивает на новом уровне свою универсальность – становясь организацией преобразовательного (креативно-инновационного) типа, причем не только в общем смысле (то есть как структура всеобщей творческой активности, способная порождать и реализовывать новшества во многих областях), но и в более узком, специальном смысле (то есть как структура, обеспечивающая управление интеллектуально-инновационной собственностью, ее объектами начиная от инновационного замысла до маркетинга и коммерциализации инновационного продукта, введения его в хозяйственный оборот).

В-четвертых, инновационная динамика высшей школы на уровне ее опорных, категориальных структур – университетов – закономерно объединяет управление новизной знаний как интеллектуально-инновационной собственностью и управление живым человеческим капиталом – то есть людьми, входящими в состав научно-педагогического и иного персонала и коллектива обучающихся университета и являющимися источниками, разработчиками, носителями, распространителями и реализаторами инноваций. Поэтому эффективное управление в университетских структурах нового, преобразовательного плана не может быть по своему типу бюрократическим, узок для него и формат формально-содержательного менеджмента. Адекватный тип – это лидерско-инноваторское, преобразовательное управление на всех уровнях начиная от временных творческих групп и кафедр, лабораторий, научных центров до высшего руководства вуза.

Литература

1. 2009 World Conference on Higher Education: The New Dynamics of Higher Education and Research for Societal Change and Development: UNESCO, Paris, 5 – 8 July 2009. Communiqué; 8 July 2009. – 10 p.
2. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года, Москва, Кремль. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825>
3. Россия в цифрах. 2013. Стат. сб. // Росстат. Раздел: Научные исследования и инновации. – М., 2013. – С. 391.

Информация об авторе:

Горбунов Александр Павлович – кандидат исторических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ректор Пятигорского государственного лингвистического университета; 8(8793) 400 505, rector@pglu.ru.

Alexander P. Gorbunov – Candidate of History, Professor, Professor at the Department of Creative and Innovative Management and Law, Rector of Pyatigorsk State Linguistic University.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2014 г.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬНИЦ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КЛАССАХ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

И. Ф. Плетенева, Н. Р. Емельянова

TRAINING TEACHERS IN TEACHING CLASSES OF RUSSIAN GIRLS' SCHOOLS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

I. F. Pleteneva, N. R. Emelyanova

Возникновение педагогических классов при женских гимназиях являлось особенностью российского женского образования второй половины XIX в. На протяжении данного периода имела место динамика развития законодательства относительно педагогических классов, раскрывающего содержание обучения, формы и методы теоретической и практической подготовки будущих учительниц. Допускалась более подробная разработка видов занятий с учетом местных условий. На основании анализа архивных материалов и литературы XIX в. обосновано наличие профессионального развития в педагогических классах на примере 1-й Омской и Елецкой женских гимназий в 80-е гг. XIX в. Организация учебного процесса и требования к обучающимся имели высокий уровень. Методы и формы, используемые в процессе обучения, обуславливали формирование профессионально значимых качеств будущих учительниц. Данные материалы могут быть использованы при подготовке новых исследований по истории женского образования, при изучении дисциплины «История педагогики и образования», в деятельности педагогических учебных заведений с целью усовершенствования деятельности современных педагогических классов.

The emergence of women's teaching classes in secondary schools was a particular feature of Russian women's education in the second half of the 19th century. All over this period, the legislation regarding teaching classes, syllabi, forms and methods of theoretical and practical training of future teachers was developing dynamically. A more detailed development of lessons types was allowed, based on local conditions. Based on the analysis of archive materials and literature of the 19th century, the presence of professional development in teaching classes is justified, with the example of Omsk girls' school № 1 and Elets girls' school in the 1880s. The level of educational process organization and requirements for students was very high. Methods and forms used in the teaching process lead to formation of professionally significant qualities in future teachers. The materials can be used in preparing new research on the history of women's education, in studying History of Pedagogics and Education and in teacher-training institutions' activities, to improve the modern teaching classes.

Ключевые слова: педагогический класс, учебный план, содержание образования, теоретические занятия, практические занятия, методы обучения, формы обучения, профессионально значимые качества.

Keywords: teaching class, curriculum, syllabus, theoretical classes, practical classes, teaching methods, forms of training, professionally significant qualities.

Отличительной чертой женских гимназий России во второй половине XIX в. являлась подготовка выпускниц к педагогической деятельности в начальных учебных заведениях (в мужских гимназиях педагогическая подготовка отсутствовала). Осуществлялась она в восьмых дополнительных педагогических классах при женских гимназиях.

Первым документом, допускавшим возможность создания педагогических классов, было «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» 1870 г. «Положение» определило педагогические квалификации выпускниц педагогического класса: домашняя наставница, домашняя учительница. По окончании общего курса гимназии (семи классов) выпускницы имели право преподавать в народной школе. Однако, «Положение» 1870 г. не раскрывало содержания деятельности педагогических классов, а наметило основные направления их деятельности [3, с. 1620 – 1629].

Новое «Положение о педагогических классах» («Учебный план») 1874 г. носило более конкретный характер. Оно содержало учебный план с набором определенных предметов. В «Положении» были выделены общеобязательные (общеобразовательные) и специальные

предметы, виды практической подготовки, больше времени рекомендовано было отводить на педагогическую подготовку (3 часа вместо двух по «Положению» 1870 г.). Методы теоретической и практической подготовки носили ограниченный характер: по общеобязательным предметам они представляли собой методические рекомендации к программному материалу начальной школы, по специальным – «разучивание» учебника для мужских гимназий. «Положение» не содержало официальных программ по предметам, а также четких указаний на организацию педагогического процесса. Ничего не было сказано об итоговых испытаниях [4, с. 105 – 106].

Недостатки, имевшие место в «Положении» 1874 г., обусловили разработку нового документа, позволившего усовершенствовать деятельность педагогических классов. В 1899 г. был создан «Учебный план и программы учебных предметов для VIII дополнительного класса женских гимназий Московского учебного округа», который стал основой организации педагогического процесса в 8-х классах женских гимназий во многих учебных округах вплоть до революции 1917 г. [6, с. 71]. Помимо перечня изучаемых предметов, «Учебный план» 1899 г. содержал подроб-

ные программы по всем предметам (общеобразовательным и специальным) с методическими указаниями и рекомендациями для преподавателей, списки литературы (основной и дополнительный), условия приема в педагогический класс, требования к организации педагогического процесса, вводил итоговые испытания [5].

Данный “Учебный план”, как и предыдущий, допускал и более подробную разработку занятий педагогическими советами с учетом местных условий.

Согласно “Положению” 1874 г. и “Учебному плану” 1899 г., ученицы изучали общеобязательные предметы и один (или два) специальных, избранных по собственному желанию. В соответствии с данными документами, число уроков в неделю было следующим [5, с. 4] (таблица).

Таблица

	Число уроков в неделю
А. Предметы общеобязательные	
Закон Божий с краткой его методикой.	2
Педагогика.	3
Методика начального обучения русскому языку.	3
Арифметика с методикой начального обучения арифметике.	3
Б. Предметы специальные	
Русская словесность.	3
Математика (алгебра и геометрия).	3
История.	3
География с ее методикой.	3
Французский язык.	3
Немецкий язык.	3

Из таблицы видно, что теоретическая нагрузка обучающихся была небольшой: 14 часов при одном специальном предмете и 17 часов при двух. Она не превышала 40 – 50 % учебного времени. Остальное учебное время использовалось на педагогическую практику [6, с. 68].

Подготовку в педагогических классах (70 – 90-е гг. XIX в.) в связи с местными условиями рассмотрим на примере 1-й Омской и Елецкой женских гимназий.

Педагогический класс 1-й Омской женской гимназии возглавлял выдающийся русский педагог, последователь К. Д. Ушинского, К. В. Ельницкий.

Занятия делились на теоретические и практические. Теоретические занятия заключали в себя 5 видов [1, с. 120 – 129].

1. Изучение педагогики с использованием методов частично-поискового, рассказа (с составлением конспекта), самостоятельной работы с книгой, написанием урочных сочинений на определенные темы.

2. Устное изложение на уроках педагогики самостоятельно подготовленных статей педагогического содержания, что носило название метода устного реферирования.

3. Написание полугодичных сочинений на педагогические темы на основании изучения значительного списка литературы с последующим разбором каждого сочинения на уроках педагогики и с указанием на раз-

личного рода ошибки: логические, грамматические, стилистические.

4. Изучение общих предметов и специального. Деление предметов на общие и специальные имело практическое значение.

5. Каждая выпускница педагогического класса должна была уметь преподавать начала русского языка и арифметики. Кроме этого, необходимо было основательное изучение специального предмета, который выпускница желала преподавать.

В Елецкой женской гимназии, помимо названных предметов, в учебном плане педагогического класса присутствовал отдельный “Арифметический курс общий”, что говорило не только о важности данного предмета для начальной школы, но и о том, что курс дополнен в соответствии с целями и задачами педагогического класса [7].

Изучение общих и специального предметов осуществлялось следующим образом: ученицы подготавливали к урокам разделы учебного предмета и выполняли соответствующие им упражнения. После изложения содержания подготовленного раздела ученица излагала то, как она “проработала бы” этот раздел на предполагаемом уроке. В данном случае использовались методы: работа с книгой и практические упражнения. Названным способом изучались не менее двух учебников по каждому предмету.

6. Самостоятельное ознакомление с учебником по элементарному обучению и разбор его с дидактической точки зрения.

По завершении изучения учебника составлялся отчет, который прочитывался на уроке в присутствии всех учениц класса. Таким образом каждая ученица знакомилась с содержанием всех учебников, изучаемых в классе. Примерное количество учениц в педагогических классах в 1880-е гг., как свидетельствует “Отчет о состоянии Елецкой женской гимназии в 1881 г.”, было следующим: 4 ученицы – в 1880 г.; 11 учениц – в 1881 г. Ученицы получали довольно большой объем информации о содержании учебников, благодаря чему приобретали навыки в их выборе. К тому же налицо тенденция роста численности педагогических классов. К. В. Ельницким приведен довольно большой список из 26 учебников. В нем значились работы передовых педагогов того времени: К. Д. Ушинского, Д. Д. Семенова, Н. А. Корфа, Н. Ф. Бунакова, В. И. Водовозова и др.

Теоретические занятия имели форму урока. Они обеспечивали получение большого объема педагогической информации, расширяли педагогический кругозор, формировали у учениц такие профессионально значимые качества, как умение в устной и письменной форме излагать мысли, умение размышлять на педагогические темы, воспитывали самостоятельность, учили практическому применению теоретических знаний.

Критерием теоретической подготовки в педагогическом классе К. В. Ельницкого был следующий: “Требуется, чтобы... каждая ученица, окончившая педагогический класс, знала изученные предметы в такой степени, в какой знает их... учительница, несколько лет добросовестно преподававшая в учебном заведении эти предметы” [1, с. 127]. Из цитаты видно, что требования и уровень подготовки выпускниц были высокими.

Практические занятия имели 4 основные разновидности [1, с. 130 – 137].

1. Посещение уроков в младших классах и составление конспектов этих уроков.

Составлялись два конспекта: один – по специальному предмету, другой – по какому-либо из общеобразовательных. В конспекте ученица излагала содержание урока, а также приемы и методы, которые применял учитель. Каждый конспект обсуждался на педагогической конференции.

2. Пробные уроки.

Пробные уроки проводились ученицами “по очереди”. Сначала составлялся подробный план урока, который проверял преподаватель. Затем преподаватель мог предложить ученице “катехизировать” свой урок: она задавала вопросы, а остальные ученицы и преподаватель давали те ответы, которые, вероятно, дали бы дети на уроке. Готовящаяся к уроку ученица учитывала, какие вопросы необходимы, что, несомненно, повышало качество подготовки к пробному уроку.

Каждая ученица VIII класса давала уроки по звуковому способу “совместного обучения письму-чтению”, по наглядному обучению, по начальному обучению русскому языку и арифметике, по специальному предмету, то есть по 5-и предметам. Первые два вида уроков проводились в начальной школе, остальные – в подготовительном и младших классах гимназии. Критический разбор пробных уроков проводился на конференциях.

Кроме пробных уроков, ученицы VIII класса могли замещать отсутствующих учителей и помогать слабым по успеваемости гимназисткам младших классов, то есть заниматься репетиторством.

3. Наблюдение за ученицами младших классов и составление отчета на основании собственных наблюдений.

В отчете отмечалось: проявление индивидуальных особенностей, черт характера, умственных способностей; наиболее важные случаи, имевшие место во время перемен и уроков; применяемые педагогические приемы. Составленные характеристики (подробной – двух девочек и общей – класса) разбирались на конференциях.

Ученицы Елецкой женской гимназии, кроме того, посещали приюты для сирот, где обучали детей грамоте, вязанию, вышиванию [2, с. 84].

4. Педагогические конференции.

Для разбора пробных уроков, конспектов, характеристик еженедельно собиралась педагогическая конференция. На конференции присутствовали: председательствующий (директор или заведующий учебной частью), начальница гимназии, преподаватель педагогики, руководители, учительницы и надзирательницы.

Порядок проведения конференции был следующим: сначала ученица представляла отчет о своей работе, после этого высказывали свои замечания ученицы VIII класса, затем – учительницы, руководители и в заключение – преподаватель педагогики (обобщал сделанные замечания).

Каждая конференция представляла собой педагогическую беседу, преследующую определенную цель. На конференциях воспитанницы учились самообладанию, умению вести беседу, взвешиванию своих мыслей.

Возможно, в Елецкой женской гимназии данная форма практической подготовки отсутствовала, так как нет сведений о проведении педагогических конференций.

Несмотря на то, что “Положение” 1874 г. не предусматривало итоговой отчетности, в 1-й Омской гимназии в конце учебного года ученицы подвергались письменным и устным испытаниям. И письменные, и устные испытания проводились по педагогике и специальному предмету, только устные – по предметам общего курса (русскому языку и арифметике).

По окончании испытаний педагогический совет, принимая во внимание все виды работ учениц, исполненные в течение года, и отметки, полученные на окончательных испытаниях, определял педагогическую квалификацию, которой достойна та или иная выпускница (домашняя наставница или домашняя учительница) [1, с. 137 – 138].

В Елецкой женской гимназии выставлялись отметки в течение года по нескольким спискам:

1) “Успехи в учебной деятельности” (содержал перечень учебных предметов);

2) “Отчет о практических занятиях” (содержал перечень дисциплин, по которым проводились практические занятия);

3) “Список для производства специальных испытаний”, к которым относились: специальные предметы, поведение, посещение уроков, исполнение письменных работ, исполнение воспитательских обязанностей, успешность пробных уроков, интерес к наукам, интерес к педагогической деятельности.

На основании отметок в названных списках выставлялись годовые отметки. Затем, с учетом результатов письменных и устных испытаний – окончательные отметки.

Однако, привлекают внимание такие специфичные испытания, как интерес к наукам и интерес к педагогической деятельности. Наличие контроля и оценки по данным пунктам говорит не только о строгом профессиональном отборе, но и об участии учениц в научной деятельности и предполагало, вероятно, проявление творческих способностей.

В Елецкой гимназии, кроме этого, существовала специальная Комиссия VIII дополнительного класса. На основании доклада Комиссии на каждую ученицу составлялся протокол, где был зафиксирован уровень успеваемости ученицы за год, включая итоговые испытания [8]. На основании протокола присваивалась педагогическая квалификация.

По окончании педагогического класса выпускницы направлялись на службу в учебные заведения (женские прогимназии, младшие классы женских гимназий, сельские школы) или занимались воспитанием детей в частных домах, что также являлось разновидностью государственной службы [9].

Несмотря на недостатки в законодательстве, процесс обучения в педагогических классах был организован на высоком уровне благодаря инициативе педагогических коллективов гимназий. Используемые в процессе обучения формы и методы способствовали формированию профессионально значимых качеств и развитию творческих способностей обучающихся.

Литература

1. Ельницкий, К. В. Значение педагогического образования для женщин и организация занятий в педагогическом классе при Омской женской гимназии / К. В. Ельницкий // Семья и школа. – 1881. – № 8 – 9.
2. Мезинов, В. Н. Гимназическое образование в Ельце / В. Н. Мезинов, М. В. Яровиков // Педагогическое краеведение Липецкой области; под ред. В. П. Кузовлева. – Елец, 1999. – 642 с.
3. Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения (1870) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1871. – Т. IV.
4. Родевич, М. В. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения / М. В. Родевич. – СПб., 1884. – 288 с.
5. Учебный план и программы учебных предметов для VIII дополнительного класса женских гимназий Московского учебного округа. – М., 1899. – 96 с.
6. Шамахов, Ф. Ф. Педагогические (восьмые) классы женских гимназий Западной Сибири / Ф. Ф. Шамахов // Ученые записки. – Томск, 1953. – Т. 10.

Архивные материалы

7. ГАЛО. Ф. 42. Елецкая женская гимназия.
8. ГАЛО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 103. Л. 353 – 353 об. Протокол заседания Педагогического совета Елецкой женской гимназии от 30 мая 1886 года.
9. ГАЛО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 103. Л. 93 об. Правила и обязанности домашних наставниц и учительниц.

Информация об авторах:

Плетенева Ирина Финогеновна – доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольной и коррекционной педагогики Елецкого гос. университета им. И. А. Бунина, 8-960-147-42-90, nauka@elsu.ru.

Irina F. Pleteneva – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Pre-school and Correctional Pedagogics, I. A. Bunin Elets State University.

Емельянова Наталия Ростиславовна – соискатель кафедры педагогики начального обучения Елецкого гос. университета им. И. А. Бунина, 8-904-689-78-31, nremel2@rambler.ru.

Natalia R. Emelyanova – post-graduate student at the Department of Primary Education Pedagogics, I. A. Bunin Elets State University.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2014 г.

УДК 378.62.141.4:66

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
«ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ» В СООТВЕТСТВИИ СО СТАНДАРТАМИ CDIO**
Н. В. Ушева, Е. И. Сметанина, О. Е. Мойзес, Л. И. Бондалетова, М. А. Самборская

**THE MAIN DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF «CHEMICAL TECHNOLOGY»
EDUCATIONAL PROGRAMME IN ACCORDANCE WITH THE CDIO STANDARDS**
N. V. Usheva, E. I. Smetanina, O. E. Moyzes, L. I. Bondaletova, M. A. Samborskaya

В статье выполнен анализ основной образовательной программы «Химическая технология» на соответствие стандартам CDIO. Проведена корректировка концепции, результатов обучения образовательной программы и сформулированы основные направления её модернизации. Предложена концепция проектирования интегрированного учебного плана.

The paper provides analysis of «Chemical Technology» basic educational program for compliance with CDIO. A correcting vision and learning outcomes of the educational programme was performed, the main directions of its modernization were formulated. The concept for designing an integrated curriculum was proposed.

Ключевые слова: образовательная программа, модернизация, стандарты CDIO, результаты, интегрированный учебный план.

Keywords: educational programme, modernization, CDIO standards, results, integrated curriculum.

Образовательная программа по направлению 240100 «Химическая технология» направлена на подготовку бакалавров в области химии и химической технологии и включает в себя следующие профили

обучения: химическая технология природных энергоносителей и углеродных материалов; технология и переработка полимеров; химическая технология органических веществ; химическая технология неоргани-

ческих веществ; технология тугоплавких неметаллических и силикатных материалов; химическая технология синтетических биологически активных веществ, химико-фармацевтических препаратов и косметических средств. Разработка основной образовательной программы (ООП) ведется с 2010 года. В соответствии с требованиями ФГОС ВПО и стандартом ООП Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ) образовательная программа «Химическая технология» ежегодно перерабатывается и размещается в фонде ООП ТПУ [1 – 4].

Важной особенностью программы является то, что её выпускникам предоставлена возможность в процессе обучения участвовать в научных разработках и проектах Томского политехнического университета, академических (Институт химии нефти СО РАН, Институт катализа СО РАН, г. Новосибирск и др.), проектных институтов (ОАО НК «Роснефть», г. Краснодар, ОАО «ТомскНИПИнефть ВНК», ОАО «Самаранефтехимпроект» и др.), научно-производственных центров (НПЦ «Полус», НИОСТ, НПК «Полимер-Компаунд» и др.), промышленных предприятий (ООО «Томскнефтехим», ОАО «Томскгазпром», ОАО «КИ-НЕФ», г. Кириши, ОАО «Томскнефть ВНК», Ачинский нефтеперерабатывающий завод, Сургутский нефтеперерабатывающий комбинат, Череповецкий металлургический комбинат, Березниковский химический комбинат, Ангарский нефтеперерабатывающий комбинат, Кемеровское производственное объединение «Азот» и др.).

Специфика данной образовательной программы определяется опытом, традициями научных школ химиков-технологов Томского политехнического университета, сочетающими научные исследования, современные компьютерные и образовательные технологии, высоким кадровым потенциалом, которые обеспечивают перевод процесса обучения на качественно новый уровень с возникновением неразрывной и устойчивой связи фундаментальных знаний с навыками и умениями в профессиональной деятельности.

Таким образом, в основе концепции образовательной программы лежит стремление обеспечить высококвалифицированными кадрами отрасли химической промышленности.

Механизм формирования целей ООП «Химическая технология» определяется требованиями ФГОС ВПО, стандартами НИ ТПУ, концепцией программы, критериями аккредитации основных образовательных программ, требованиями работодателей. Через оценивание результатов обучения проверяется достижение целей ООП, а проведение анализа удовлетворенности потребителей является основанием для корректировки целей программы [4].

Уровень профессиональной подготовки выпускников по данной программе определяется требованиями ведущих предприятий-потребителей и международных инженерных ассоциаций (в 2012 году программа была аккредитована Ассоциацией инженерного образования России совместно с Европейской ассоциацией инженерных программ EUR-ACE). Требования основаны на ключевых позициях современных отраслей химической промышленности: высокой тех-

нологичности, повсеместном использовании современных информационных технологий, компьютеризации проектирования и управления. Образовательная программа «Химическая технология» 240100 была сформирована с учетом требований международных аккредитационных агентств [2; 3].

Несмотря на то, что основная образовательная программа 240100 «Химическая технология» отвечает требованиям ФГОС ВПО и критериям АИОР, необходимы новые подходы и технологии обучения для решения имеющихся проблем в подготовке инженеров [5].

В 2011 г. Томский политехнический университет поддержал концепцию CDIO, с этого времени в университете началась интенсивная работа по модернизации образовательных программ. В качестве пилотных были выбраны образовательные программы подготовки бакалавров: «240100 Химическая технология», «140400 Электроэнергетика и электротехника», «151000 Технологические машины и оборудование» [6].

В представленной работе показаны направления модернизации и развития образовательной программы «Химическая технология» в соответствии с концепцией инициативы CDIO.

Международный проект CDIO Initiative направлен на устранение противоречий между теорией и практикой в инженерном образовании, на усиление практической направленности обучения введением проблемного и проектного обучения [7 – 12]. Концепция CDIO (Conceive, Design, Implement, Operate) предполагает подготовку выпускников к комплексной инженерной деятельности, связанной с жизненным циклом технических объектов, систем и технологических процессов.

Потребителями ООП 240100 «Химическая технология» являются студенты, желающие осуществить свой карьерный рост в области высокотехнологичного наукоемкого производства, и потенциальные работодатели выпускников (промышленные предприятия, научно-исследовательские центры, проектные институты). При этом общество, научно-педагогическое профессиональное сообщество и государство как гарант качества образовательной услуги также являются потребителями данной программы. В связи с этим в концепцию программы, планируемые результаты и содержание программы [4] были внесены изменения с учетом установленных требований всех заинтересованных сторон, в том числе и в соответствии с концепцией CDIO [7; 8].

В стандартах CDIO определены требования к основной образовательной программе, которые могут служить руководством для модернизации и оценки качества образовательных программ в области техники и технологий, а также позволяют создавать условия для непрерывного улучшения образовательных технологий и их интеграции в мировое образовательное пространство. Стандарты международной инициативы CDIO (версия 2.0) [7; 8] и сопряженные с ними документы определяют философию программ подготовки выпускников, задают требования к учебному плану, образовательной среде, условиям и методам обучения, профессорско-преподавательскому составу, а также методам оценки результатов обуче-

ния. В стандартах CDIO учтены двенадцать характеристик инженерного образования, отражающих данный подход [7]. Для каждого стандарта приводится описание, обоснование и рубрика по самооценке.

Анализ ООП на соответствие стандартам CDIO предусматривает: самооценку, доказательства соответствия, определение критериев достижения следую-

щего уровня. Типы доказательств, необходимых для проверки соответствия стандартам CDIO, имеют отдельные сходства и различия, зависят от специфики самого стандарта [7].

Нами был проведен анализ ООП «Химическая технология», разработанный в 2011 году, на соответствие стандартам CDIO (таблица 1).

Таблица 1

Результаты анализа ООП на соответствие стандартам CDIO [7]

Стандарт CDIO	Уровень (2011 г.)	Критерий соответствия ООП 240100 «Химическая технология»	Уровень (2013 г.)	Критерий соответствия модернизированной ООП 240100 «Химическая технология»
1. CDIO как контекст инженерного образования	2	Существует четко сформулированный план перехода к принципу CDIO при реализации образовательной программы	3	Принцип CDIO определяет содержание образовательной программы и реализован на одном или нескольких годах обучения по программе
2. Результаты обучения CDIO	2	План по разработке точных определений для результатов обучения по программе принят руководителями программы, преподавателями и другими заинтересованными лицами	3	Результаты обучения по программе согласованы с ключевыми заинтересованными лицами, включая преподавателей, студентов, выпускников и представителей промышленности
3. Интегрированный учебный план	1	Определена необходимость анализа программы обучения и началась работа по предварительному сопоставлению дисциплин с достижением результатов обучения	2	Учебный план по программе, в котором проинтегрировано освоение дисциплин, формирование личностных и межличностных умений, навыков создания продуктов, процессов и систем, утвержден соответствующими лицами
4. Введение в инженерную деятельность	1	Определена необходимость в реализации вводного курса, предусматривающего получение практического инженерного опыта, и инициирован соответствующий процесс для его реализации	3	Вводный курс «Введение в инженерную деятельность» включает получение опыта инженерной деятельности и освоение основных личных и межличностных навыков
5. Опыт ведения проектно-внедренческой деятельности	1	Выполнен анализ потребностей для определения возможностей включения в учебный план проектов, предусматривающих получение опыта проектно-внедренческой деятельности	2	Имеется план разработки проектов, предусматривающих получение опыта проектно-внедренческой деятельности на базовом и продвинутом уровнях
6. Рабочее пространство для инженерной деятельности	2	Планы по реконструированию или построению дополнительных рабочих пространств для инженерной деятельности были утверждены соответствующими органами	3	Планы реализуются и используются новые или реконструированные пространства
7. Интегрированное обучение	1	Рабочие программы дисциплин были оценены на соответствие интегрированному учебному плану	2	Утверждены рабочие программы дисциплин, включающие результаты обучения и учебную деятельность, в которых проинтегрировано получение личностных и межличностных навыков с дисциплинарными знаниями
8. Активные методы обучения	3	Активные методы обучения реализуются на протяжении всего учебного плана	3	Активные методы обучения реализуются на протяжении всего учебного плана

9. Совершенствование CDIO – компетенций преподавателей	2	Существует систематический план повышения квалификации преподавателей в области личностных и межличностных навыков, навыков создания продуктов, процессов и систем	3	Преподаватели повышают квалификацию в области личностных и межличностных навыков, навыков создания продуктов, процессов и систем
10. Совершенствование педагогических компетенций преподавателей	2	Существует систематический план повышения квалификации преподавателей в области использования методов преподавания, обучения и оценки	3	Преподаватели повышают квалификацию в области использования методов преподавания, обучения и оценки
11. Оценка обучения	3	Методы оценки обучения используются на протяжении всего учебного плана	3	Методы оценки обучения используются на протяжении всего учебного плана
12. Оценка программы	1	Определена потребность в оценке программы и инициирован сопоставительный анализ методов оценки	2	Существует план оценки программы

Полученные результаты (таблица 1) показывают, что разработанная образовательная программа требует модернизации. Основными направлениями совершенствования рассматриваемой образовательной программы являются: корректировка концепции, результатов обучения, разработка интегрированного учебного плана и рабочих программ дисциплин. Для повышения уровня соответствия стандартам CDIO 4 и 5 в учебный план ООП «Химическая технология» были включены следующие дисциплины: «Введение в инженерную деятельность» и «Творческий проект».

Концепция ООП была дополнена следующей формулировкой «В соответствии с концепцией CDIO – выпускники данной образовательной программы должны быть также способны к последовательному созданию новых химических технологий от этапа научных исследований через проектирование, внедрение, квалифицированную эксплуатацию до экологически безопасного завершения жизненного цикла производств» [4; 7; 14].

Наиболее важной и неотъемлемой частью системы разработки и совершенствования основной образовательной программы является анализ планируемых результатов обучения, который затрагивает все аспекты учебного процесса. В CDIO Syllabus [8] содержатся компетенции бакалавров в области техники и технологий, которые планируется сформировать в результате освоения образовательных программ в вузе. Нами была проведена оценка соответствия результатов данной образовательной программы планируемым результатам CDIO Syllabus и выполнено их согласование.

Планируемые результаты обучения CDIO Syllabus представляют собой многоуровневую структуру, состоящую из четырёх уровней детализации. При переходе на более высокий уровень количество результатов существенно возрастает (более 400 на четвертом

уровне), поэтому задача сопоставления результатов представляется достаточно трудоемкой.

Анализ уровней декомпозиции показал, что первый уровень характеризует лишь общее содержание планируемых результатов:

- 1) дисциплинарные знания;
- 2) профессиональные компетенции и личностные качества;
- 3) межличностные умения: работа в команде и коммуникации;
- 4) планирование, проектирование, производство и применение продукции (систем) в контексте предприятия, общества и окружающей среды.

На втором уровне декомпозиции разделение планируемых результатов обучения уточняется по основным направлениям, но и на этом уровне результаты обучения все ещё являются слишком обобщенными. При переходе на третий и четвертый уровни декомпозиции планируемых результатов обучения происходит более детальное уточнение их содержания. Поэтому при оценке соответствия результатов ООП и их сопоставлении были выбраны 3 и 4 уровни декомпозиции результатов стандартов CDIO, так как именно результаты этих уровней наиболее полно отражают требования к компетенциям бакалавров в области техники и технологий. Сравнение результатов обучения ООП 240100 «Химическая технология» и CDIO Syllabus на соответствие было проведено по всем четырём уровням декомпозиции.

Пример результатов проведенного анализа представлен на рис.1.

Для достижения более полного соответствия требованиям CDIO Syllabus была выполнена корректировка планируемых результатов обучения [13] (таблица 2).

В таблице 3 показано соответствие планируемых результатов обучения в CDIO Syllabus и ООП «Химическая технология».

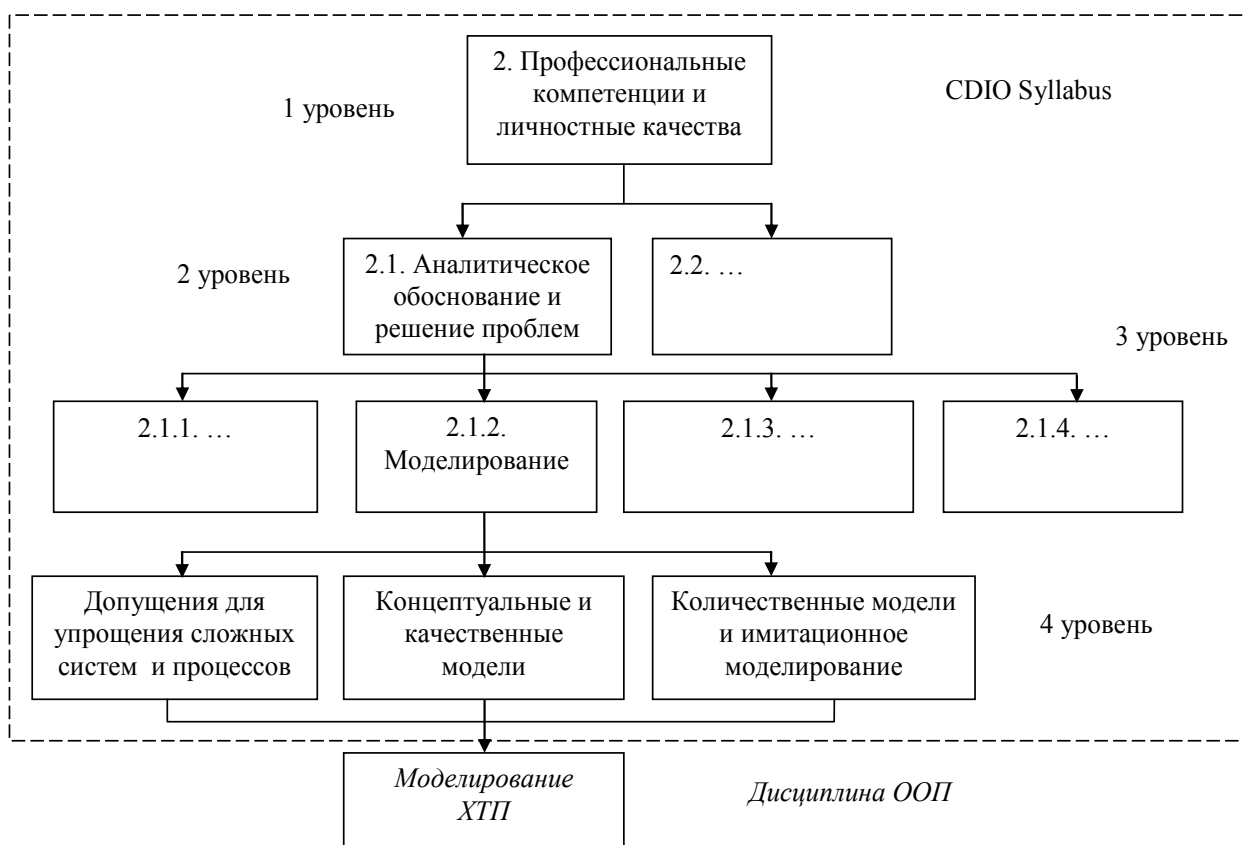

Рис. 1. Декомпозиция профессиональных компетенций и личностных качеств ООП «Химическая технология» в CDIO

Таблица 2

Планируемые результаты обучения в соответствии со стандартами CDIO (ООП 240100)

Код результата	Результат обучения (выпускник должен быть готов)	Требования ФГОС ВПО, критериев и/или заинтересованных сторон
<i>Профессиональные компетенции</i>		
P1	Применять базовые и специальные, математические, естественнонаучные, социально-экономические и профессиональные знания в профессиональной деятельности	Требования ФГОС (ПК-1, 2, 3, 19, 20), Критерий 5 АИОР (п. 1.1), CDIO Syllabus (п. 1.1, 4.1, 4.3, 4.8)
P2	Применять знания в области современных химических технологий для решения производственных задач	Требования ФГОС (ПК-7, 11, 17, 18, ОК-8), Критерий 5 АИОР (пп. 1.1, 1.2), CDIO Syllabus (п. 1.1, 3.2, 4.2, 4.3, 4.5, 4.6)
P3	Ставить и решать задачи производственного анализа, связанные с созданием и переработкой материалов с использованием моделирования объектов и процессов химической технологии	Требования ФГОС (ПК-1, 5, 8, 9, ОК-2, 3), Критерий 5 АИОР (пп. 1.2), CDIO Syllabus (1.2, 2.1, 4.5)
P4	Разрабатывать новые технологические процессы, проектировать и использовать новое оборудование химической технологии, проектировать объекты химической технологии в контексте предприятия, общества и окружающей среды	Требования ФГОС (ПК-11, 26, 27, 28), Критерий 5 АИОР (п. 1.3) (ОК-9, ОК-10, ОК-13, ПК-4, 7, 10, 12 – 17, 26), CDIO Syllabus (п. 1.3, 4.4, 4.7)
P5	Проводить теоретические и экспериментальные исследования в области современных химических технологий	Требования ФГОС (ПК-4, 21, 22, 23, 24, 25, ОК-4,6), Критерий 5 АИОР (п. 1.4), CDIO Syllabus (п. 2.2)

P6	Внедрять, эксплуатировать, обслуживать современное высокотехнологичное оборудование, обеспечивать его высокую эффективность, <i>выводить на рынок новые материалы</i> , соблюдать правила охраны здоровья и безопасности труда на химико-технологическом производстве, выполнять требования по защите окружающей среды	Требования ФГОС (ПК-6, 10, 12, 13, 14, 15, ОК-6, 13, 15), Критерий 5 АИОР (п. 1.5), <i>CDIO Syllabus (n. 4.1, 4.7, 4.8, 3.1, 4.6)</i>
<i>Общекультурные компетенции</i>		
P7	Демонстрировать знания социальных, этических и культурных аспектов профессиональной деятельности	Требования ФГОС (ОК-5, 9, 10, 11), Критерий 5 АИОР (пп. 2.4, 2.5), <i>CDIO Syllabus (n. 2.5)</i>
P8	Самостоятельно учиться непрерывно повышать квалификацию в течение всего периода профессиональной деятельности	Требования ФГОС (ОК-1, 2, 7, 8, 12), Критерий 5 АИОР (2.6), <i>CDIO Syllabus (n. 2.4)</i>
P9	Активно владеть иностранным языком на уровне, позволяющем разрабатывать документацию, презентовать результаты профессиональной деятельности	Требования ФГОС (ОК-14), Критерий 5 АИОР (п. 2.2), <i>CDIO Syllabus (n. 3.2, 3.3)</i>
P10	Эффективно работать индивидуально и в коллективе, <i>демонстрировать лидерство в инженерной деятельности и инженерном предпринимательстве</i> , ответственность за результаты работы и готовность следовать корпоративной культуре организации*	Требования ФГОС (ОК-3,4), Критерий 5 АИОР (пп. 1.6, 2.3), <i>CDIO Syllabus (n. 4.7, 4.8, 3.1)</i>

Примечание: * – курсивом выделены изменения, внесенные в соответствии со стандартами CDIO Syllabus.

Показано (таблица 3), что ООП «Химическая технология» обеспечивает достижение практически всех результатов, предусмотренных стандартом CDIO Syllabus.

В соответствии с концепцией CDIO [7] при планировании результатов обучения необходимо учитывать взаимное влияние всех дисциплин учебного плана данной ООП. Нами предложена концепция проектирования интегрированного учебного плана ООП «Химическая технология», особенность которой заключается в том, что проектная деятельность студентов начинается с первого года и осуществляется непрерывно в течение всего периода обучения.

В образовательном процессе следует рассматривать внутридисциплинарную и междисциплинарную интеграцию. Специфика внутридисциплинарной интеграции состоит в том, что она «позволяет выстроить целостную систему учебной деятельности в пределах отдельной» [15] дисциплины, понять механизмы формирования результатов обучения (знаний и умений, опыта деятельности). Междисциплинарная интеграция позволяет определить организационную структуру учебного процесса.

Учебный план направления подготовки «Химическая технология» отражает интеграцию таких компонентов образовательной системы, как структура и содержание учебных циклов, объемы учебной работы и формы контроля.

Был проведен анализ базового учебного плана подготовки бакалавров по направлению 240100 «Химическая технология». Предложена интеграция дисциплин учебного плана в виде следующих модулей: иностранный язык; гуманитарный цикл; экономический цикл; математический и естественнонаучный

цикл; основы инженерного дела; основы химической технологии; специализированный технологический модуль; проектный модуль, включающий творческие проекты, технические проекты, проекты по экономике, практики и выпускную квалификационную работу (ВКР). Каждый из сформированных модулей, или «интегрированных учебных курсов», включен в учебный план в соответствии со структурно-логическими связями дисциплин. Результатом междисциплинарной интеграции дисциплин являются курсовые работы, курсовые проекты и выпускная квалификационная работа. Проектная деятельность проходит через весь цикл обучения, при этом уровень сложности и интеграции растет от проекта к проекту (рис. 2).

При выполнении каждого проекта используются знания и навыки, приобретаемые в дисциплинах, которые являются пререквизитами и кореквизитами проекта. Кроме того, результаты проектов начального уровня становятся источниками исходных данных, методик выполнения эксперимента и расчета, научно-технической информации для проектов более высокого уровня и ВКР. Выполнение творческих проектов направлено на расширение профессионального кругозора студентов младших курсов, приобретение коммуникативных навыков и навыков работы в команде. Выполнение общеинженерного и технологического проектов направлено на углубление междисциплинарной интеграции и повышение уровня профессиональных компетенций обучающихся.

Анализ модернизированной ООП «Химическая технология» (2013 г.) (таблица 1) на соответствие стандартам CDIO показал, что в целом было достигнуто повышение уровня соответствия практически по всем стандартам.

Процесс модернизации ООП является динамическим, ежегодно проводится планирование и корректировка всех её разделов в зависимости от изменения

требований к уровню подготовки выпускников, что обеспечивает развитие и совершенствование образовательного процесса.

Таблица 3

**Соответствие планируемых результатов обучения
в CDIO Syllabus и ООП «Химическая технология»
(первый и второй уровень детализации результатов обучения)**

		P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7	P8	P9	P10
1. Дисциплинарные знания и основы	1.1. Базовые знания математики и естественных наук	+				+					
	1.2. Ключевые знания основ инженерного дела				+	+			+		
	1.3. Углубленные знания основ инженерного дела методов и инструментария				+		+				
2. Профессиональные компетенции и личностные качества	2.1. Аналитическое обоснование и решение проблем	+		+							
	2.2. Экспериментирование, исследование и приобретение знаний	+		+		+					
	2.3. Системное мышление	+	+	+							
	2.4. Позиция, мышление и познание				+		+	+			
	2.5. Этика, справедливость и другие виды ответственности				+			+			+
3. Межличностные умения: работа в команде и коммуникации	3.1. Работа в команде				+	+					+
	3.2. Коммуникации	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	3.3. Коммуникации на иностранных языках									+	
4. Планирование, проектирование, производство и применение продукции (систем) в контексте предприятия, общества и окружающей среды	4.1. Социальный и экологический контекст				+		+	+			
	4.2. Предпринимательский и деловой контекст			+	+		+				
	4.3. Планирование, системный инжиниринг и менеджмент			+			+				
	4.4. Проектирование		+	+	+						
	4.5. Производство	+	+	+	+		+				
	4.6. Применение			+			+				+
	4.7. Лидерство в инженерном предприятии				+				+		+
	4.8. Инженерное предпринимательство				+		+	+			

Рис. 2. Проектирование в интегрированном учебном плане

Литература

1. ФГОС ВПО по направлению подготовки 240100 Химическая технология (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденный Приказом Министерства образования и науки РФ от 22.12.2009 г. № 807.
2. Стандарты и руководства по обеспечению качества основных образовательных программ подготовки бакалавров, магистров и специалистов по приоритетным направлениям развития Национального исследовательского Томского политехнического университета (Стандарт ООП ТПУ): сборник инструктивно-методических материалов / под ред. А. И. Чучалина, Е. Г. Язикова. – 2-е изд., расширен. и перераб. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 153 с.
3. Стандарты и руководства по обеспечению качества основных образовательных программ подготовки бакалавров, магистров и специалистов по приоритетным направлениям развития Национального исследовательского Томского политехнического университета (Стандарт ООП ТПУ): сборник нормативно-производственных материалов / под ред. А. И. Чучалина. – 4-е изд. с изм. и доп. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – 206 с.
4. Фонд образовательных программ Томского политехнического университета // Сайт Национального исследовательского Томского политехнического университета. – Режим доступа: <http://portal.tpu.ru/fond> (дата обращения: 10.11.2013).
5. Утвержденная программа развития Томского политехнического университета // Сайт Национального исследовательского Томского политехнического университета. – Режим доступа: <http://tpu.ru/today/programs/-2018/programm> (дата обращения: 10.11.2013).
6. Сивицкая, Л. А. Опыт реализации международной инициативы cdio по реформированию инженерного образования в Национальном исследовательском Томском политехническом университете / Л. А. Савицкая, О. Е. Митянина // Вестник БГУ. – 2013. – № 15. – С. 60 – 64.
7. Всемирная инициатива CDIO. Стандарты: информационно-методическое издание / пер. с англ. и ред. А. И. Чучалина, Т. С. Петровской, Е. С. Кулюкиной. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – 17 с.
8. Всемирная инициатива CDIO. Планируемые результаты обучения (CDIO Syllabus): информационно-методическое издание / пер. с англ. и ред. А. И. Чучалина, Т. С. Петровской, Е. С. Кулюкиной. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – 22 с.
9. Towards a New Model for First-Year Introductory Courses in Engineering Education Programmes. Göran Gustafsson, Johan Malmqvist, Dava J. Newman, Sven Stafström, Hans Peter Wallin. 8th International CDIO Conference 2012 July 1 – 4, Queensland University of Technology, Brisbane, Australia.
10. Chemical product engineering using CDIO enhanced with design thinking. Claire H. T. Ng, Sin-Moh Cheah., Singapore Polytechnic. 8th International CDIO Conference 2012 July 1 – 4, Queensland University of Technology, Brisbane, Australia.

11. Using CDIO to integrate global mindset into chemical engineering curriculum. Sin-Moh Cheah, S. T. Phua. Singapore Polytechnic. 8th International CDIO Conference 2012 July 1 – 4, Queensland University of Technology, Brisbane, Australia.
12. Международный семинар по вопросам инноваций и реформированию инженерного образования «Всемирная инициатива CDIO»: материалы для участников семинара (пер. С. В. Шикалова) / под ред. Н. М. Золотаревой, А. Ю. Умарова. – М.: Изд. Дом МИСиС, 2011. – 60 с.
13. Мойзес, О. Е. Планирование результатов обучения в образовательной программе "Химическая технология" в соответствии с концепцией CDIO / О. Е. Мойзес, Н. В. Ушева, М. А. Самборская // Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования: сборник трудов научно-методической конференции, 3 – 6 апреля 2012 г.; Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). – Томск, 2012. – С. 46 – Режим доступа: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2012/C09/012.pdf> (дата обращения: 10.11.2013).
14. Ушева, Н. В. Анализ образовательной программы «Химическая технология» на соответствие стандартам CDIO / Н. В. Ушева, О. Е. Мойзес // Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования: сборник трудов научно-методической конференции, 26 – 30 марта 2013 г., Томск / Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). – Томск, 2013. – С. 20 – 21. – Режим доступа: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2013/C09/011.pdf> (дата обращения: 10.11.2013).
15. Общетеоретические основы интеграции в образовании. Законы и понятие интеграции в образовании. – Режим доступа: http://rspu.edu.ru/university/publish/schools/11/gl2_p2.html

Информация об авторах:

Ушева Наталья Викторовна – кандидат химических наук, доцент кафедры химической технологии топлива и химической кибернетики Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-961-886-27-12, usheva@tpu.ru.

Natalia V. Usheva - Candidate of Chemistry, Assistant Professor at the Department of Chemical Technology of Fuel and Chemical Cybernetics, National Research Tomsk Polytechnic University.

Сметанина Евгения Ильинична – кандидат технических наук, доцент кафедры физической и аналитической химии Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-913-108-49-33, eis@tpu.ru.

Evgenia I. Smetanina - Candidate of Technical Science, Assistant Professor at the Department of Physical and Analytical Chemistry, National Research Tomsk Polytechnic University.

Мойзес Ольга Ефимовна – кандидат технических наук, доцент кафедры химической технологии топлива и химической кибернетики Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-906-198-37-88, moe@tpu.ru.

Olga E. Moyses - Candidate of Technical Science, Assistant Professor at the Department of Chemical Technology of Fuel and Chemical Cybernetics, National Research Tomsk Polytechnic University.

Бондалетова Людмила Ивановна - кандидат химических наук, доцент кафедры технологии органических веществ и полимерных материалов Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-913-811-17-51, bondli@tpu.ru.

Lyudmila I. Bondaletova - Candidate of Chemistry, Assistant Professor at the Department of Technology of Organic Substances and Polymeric Materials, National Research Tomsk Polytechnic University.

Самборская Марина Анатольевна – кандидат технических наук, доцент кафедры химической технологии топлива и химической кибернетики Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-903-954-68-36, s_ma@rambler.ru.

Marina A. Samborskaya - Candidate of Technical Science, Assistant Professor at the Department of Chemical Technology of Fuel and Chemical Cybernetics, National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 19.11.2013 г.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Л. С. Хорошилова, Н. И. Морозова

REHABILITATION OF CHILDREN WITH BEHAVIORAL PROBLEMS

L. S. Khoroshilova, N. I. Morozova

Девиантное поведение представляет собой не только проблему личности, которая страдает от этого отклонения, но и проблему для общества, с которым эта личность пересекается. Девиантное поведение наблюдается у трудновоспитуемых и педагогически запущенных детей, у подростков-правонарушителей. Новое направление в реабилитационном процессе для нормализации адекватной социализации и школьной адаптации призвана помочь коррекционная педагогика.

Deviant behavior is not only a problem of the person who suffers from this bias, but also a problem for the society with which that person is crossed. Deviant behavior is observed in intractable and pedagogically neglected children, juvenile offenders. A new direction in the rehabilitation process for the normalization of adequate socialization and school adaptation is designed to help correctional pedagogy.

Ключевые слова: факторы, упущение, отклонение, поведение, конфликты, дискомфорт, развитие, неорганизованность, преодоление, предупреждение.

Keywords: factors, omission, deviation behavior, conflict, discomfort, development, disorganization, overcoming, warning.

Девиантное поведение представляет собой не только проблему личности, которая страдает от этого отклонения, но и проблему для общества, с которым эта личность пересекается. Возрастающий уровень агрессии у населения в целом заставляет задуматься о смягчении данного явления, если о ликвидации не может быть и речи в силу невозможности реализации такого замысла. Педагогической стороной данной проблемы можно назвать усложненный процесс обучения не только конкретных детей с отклоняющимся поведением, но и всего класса в целом, так как, например, при агрессивной направленности личности, которая носит маску шута, преподаватель вместо того, чтобы сконцентрироваться на более продуктивной подаче учебного материала, вынужден отстаивать свой авторитет. С другой стороны, остальные учащиеся сосредотачивают внимание на шуте и, естественно, не обращают внимания на учебу.

В настоящее время выделяются три группы факторов и причин, вызывающих отклонения в поведении учащихся: социальные, психолого-педагогические и медико-биологические.

К первой группе факторов относятся недостатки и упущения в учебно-воспитательной работе с детьми в семье, дошкольных учреждениях, школе, по месту жительства. Вторую группу причин и факторов, вызывающих отклоняющееся поведение, составляют внутренние и внешние конфликты подростка, которые могут быть вызваны самыми различными обстоятельствами: систематической неуспеваемостью, неудовлетворительными взаимоотношениями с учителями, товарищами, родителями и развивающаяся на этой основе неудовлетворенность собой и своим положением в коллективе класса. Все это формирует устойчивый психологический дискомфорт, состояние тревожности, неуверенности в себе, своих силах и возможностях. Психологической перегрузке учащихся способствует также нерациональная организация их труда и отдыха, перегрузка дополнительными учебными заданиями и другие причины.

Картина психического состояния может еще более усложниться, если в семье ученика имеют место конфликтные взаимоотношения между родителями, если они проявляют жестокое отношение к нему.

К третьей группе причин и факторов отклоняющегося поведения детей и подростков относятся задержки и отклонения в физическом развитии, умственная отсталость, психические заболевания. К ним же относятся нарушения обменных процессов, малорослость или гигантизм, нарушения речи, слуха, двигательной сферы, явления акселерации и ретардации. Появлению отклонений в поведении учащихся способствуют акцентуации характера, их эмоционально-волевая дисгармоничность, невротические и психопатоподобные аспекты в их развитии и др.

Все это позволяет сделать следующий вывод. Комплексный характер причин отклонений в поведении учащихся подтвержден рядом исследований: зарождаясь, как правило, в семье, отклонения в поведении школьников развиваются при негативном воздействии других факторов.

Отклоняющееся поведение обычно классифицируют по степени отклонения: трудновоспитуемые дети, педагогически запущенные подростки, подростки-правонарушители и несовершеннолетние преступники. Отклонения в поведении не появляются неожиданно, для их формирования и устойчивости требуется значительное время [1, с. 67]. Как и любое заболевание, легче всего корректируется в начальной стадии, но именно это время характеризуется только незначительными симптомами.

Первая стадия педагогической запущенности отличается некоторым интересом к познанию и образовательному процессу. Этот этап можно назвать predisposing, по времени возникновения он соответствует дошкольному. Возникновение происходит по причине (или комплексу причин) неправильного воспитания и нездоровой атмосфере в семье, некорректного подхода воспитателей в дошкольных учреждениях (ребенок ощущает себя некомфортно в кол-

лективе) и из-за длительного подавления возможностей ребенка в удовлетворении жизненных потребностей. Второй этап выступает как следствие первого – ребенок имеет слабую психологическую и познавательную подготовленность к обучению в школе. Здесь характерны зачатки отрицательного отношения к нормам и правилам жизни в обществе на основании безуспешной образовательной деятельности. Две заключительные стадии наиболее ярко проявляются в подростковом возрасте. В этот период происходят правонарушения, нападения на слабых из-за желания самоутвердиться, которое не направляется в созидательное или творческое русло. В старших классах поведение учащихся отличается большей скрытностью, но при отсутствии должной коррекции оно только усугубляется [2, с. 15].

По степени педагогической запущенности выделяют три группы детей. В первой отрицательные качества детей неустойчивы и носят стихийный характер, а сами дети часто безвольны, рассеянны, неорганизованны, несамостоятельны, капризны и подвержены неожиданным приступам агрессии. Во второй группе дети имеют низкую успеваемость в школе, конфликтуют с учителями и одноклассниками, а сфера интересов не включает в себя учебный процесс. Характер таких детей отличает вспыльчивость, неустойчивость настроения, озлобленность, повышенная конфликтность. В третьей группе дети откровенно грубы с окружающими и способны на преступления.

Причины, по которым дети приобретают девиантное поведение, могут рассматриваться как с социальной, так и с педагогической позиции. Поскольку изначально человек является социальным существом, то и общество, в котором человек находится, имеет на него колоссальное влияние. Самым первым социумом, куда люди попадают после своего рождения, является семья. Именно в семье ребенок получает представление о социальных ролях, своем месте в данном обществе и приемлемых моделях поведения. В случае нарушения родителями поведенческого шаблона у ребенка складывается ложное представление о норме (в тех семьях, где принято физическое насилие, дети с меньшим уважением относятся к чужому здоровью, и для них не составляет труда ударить человека). При отсутствии выраженной любви между родителями дети растут тревожными, неуверенными в себе, замкнутыми и агрессивными, даже если на первый взгляд в семье все благополучно. Дети очень чувствительны к семейному микроклимату, поэтому все неурядицы склонны принимать на свой счет. Чрезмерная опека, как и чрезмерное пренебрежение со стороны родителей, также способны вызвать отклонения в поведении. В первом случае дети нарушают все границы дозволенного, чтобы доказать взрослым собственную состоятельность как личности и встать с ними на одну ступень. Отсюда вырастает повышенная агрессивность как реакция на повышенное внимание и недоверие со стороны родителей, ребенок пытается отстоять собственное «я», прибегая практически к любым средствам. Желание доказать свою взрослость может выражаться в приобретении вредных привычек (в курении, наркомании, алкоголизме, токсикомании), в демонстративном поведении и т. д. Игнорирование родителями своего ребенка вызывает у последнего реакцию, направленную

на привлечение внимания. Она может включать в себя различные проявления: от вредных привычек вплоть до суицида. Повышенная требовательность со стороны родителей неизбежно ведет к развитию замкнутости и скрытности у ребенка. Непоследовательность в воспитании (например, то, что запрещает отец, разрешает мать, и наоборот) провоцирует развитие и укоренение таких качеств, как лживость, лицемерие, непоследовательность. Все перечисленные недостатки воспитания провоцируют подрыв родительского авторитета в глазах детей и, следовательно, отсутствие уважения к ним.

Следующим фактором формирования девиантного поведения служат взаимоотношения с учителями. Крайности в поведении учителя ведут к неуверенности в себе, замкнутости, озлобленности, что отрицательно сказывается на отношении к учителю, которое переносится на предмет. Помимо процесса обучения, от сложившейся ситуации страдают и отношения с одноклассниками. Со стороны педагога причинами конфликта часто выступают: его неправильное поведение по отношению к так называемым «трудным» детям, которое не меняется по мере возрастного и психического развития школьников; педагогический эгоцентризм, т. е. нежелание видеть учащегося в качестве активного и равноправного субъекта деятельности, общения и поведения.

Со стороны опытных педагогов конфликт между ними и учащимися с девиантным поведением может восприниматься как основание для разрешения противоречия и в этом случае ведется поиск конструктивного поведения, направленного на разрешение конфликта. Если же конфликт воспринимается и оценивается как угроза личному благополучию педагога и установившемуся порядку вещей, тогда он ведет поиск снятия эмоциональной напряженности, возникающей при конфликте по типу психологической защиты.

В подростковом возрасте дети, как правило, представляют собой уже сформировавшуюся личность, обладающую определенным набором как положительных, так и отрицательных качеств на фоне сложившегося темперамента. По типу темперамента люди делятся на четыре группы: сангвиники, флегматики, холерики и меланхолики. В подростковом возрасте признаки темперамента оказываются максимально выраженными, поскольку характер уже сложился, а контроль над его внешними проявлениями еще не обретен. Темпераментом называют врожденный тип нервной системы, а характером – индивидуальное сочетание психических особенностей человека, обуславливающее приемлемое поведение в той или иной ситуации [3, с. 12].

Очень часто развитие и прогресс негативных и отклоняющихся черт характера происходит с акцентуацией темперамента. По степени отклонения дети делятся на две группы: дети с незначительными отклонениями в поведении и дети с выраженной акцентуацией темперамента и характера, которая рассматривается в рамках науки – клинической психологии. Нас интересуют дети первой группы, к которой относятся:

1) ленивые дети, которые часто учатся по настроению, несистематически, хотя встречаются случаи полного отрицания учебного процесса. Обычно лень порождается болезненным отношением (гиперо-

пекой) родителей или других ближайших родственников к ребенку;

2) учащиеся с пассивным поведением. Пассивное поведение школьников характеризуется практически полной индифферентностью к познавательному процессу, социализации. Такие дети обладают пассивным темпераментом – флегматичным (лентяи) или меланхоличным (пассивные);

3) ненастойчивые дети отличаются немотивированностью, легким переключением с одного вида деятельности на другой (сангвиники), им скучно на уроках;

4) эгоистичные школьники интересуются только своими проблемами, озабочены только собственными удобствами, не обращают внимания на других людей;

5) неорганизованные, которые делятся на четыре вида:

- дезорганизаторов, которые вольно или невольно срывают занятия ироничными замечаниями. Более глубокими познаниями в предмете они заставляют учителя чувствовать себя некомфортно в течение урока;

- малоорганизованных детей, которые не умеют управлять своей активностью. Чаще всего такие дети импульсивны и свободолюбивы, не желают ограничивать себя во времени и возможностях. Это подкрепляется отсутствием знаний об организаторской работе и неуверенностью в своих силах;

- частично организованных детей, которые не умеют планировать время и успевают по небольшому количеству предметов;

- заорганизованных детей, которые либо слепо подчиняются установленному порядку, ждут указаний, совершенно не проявляя инициативы (внешняя заорганизованность), либо в ожидании похвалы они учатся на износ, не обращая внимания на состояние своего здоровья (внутренняя заорганизованность) [4, с. 130].

Социально-реабилитационная, коррекционно-психологическая и профилактическая работы с детьми, имеющими отклонения в поведении, проводятся в нескольких направлениях. При имеющихся отклонениях в зависимости от степени тяжести и типа девиации первая стадия требует вмешательства и контроля непосредственно педагога. Учитель как человек, постоянно вовлеченный в процесс становления девиации, имеет достаточно четкое представление о процессе отклонения. Соответственно, он может сделать правильные выводы о причинах сложившейся ситуации, а адекватная и своевременная диагностика помогает ликвидации недостатка в короткий срок. В первую очередь от преподавателя требуется повышенное внимание к ребенку, и исходя из качества отклонения вырабатывается тактика поведения. Так, например, работа с детьми-дезорганизаторами требует не только колоссальной выдержки, но и умения направить энергию ученика в нужное русло, не потеряв при этом свое лицо. Мнимые дезорганизаторы отличаются большим багажом знаний по некоторым предметам, который, случается, превышает запас знаний учителя. Естественной реакцией учителя на это будет ярость, но в данном случае необходимо взять себя в руки и поощрить школьника за проделанную работу. Коррекция пассивно направленных личностей (необщительных, замкнутых, с низкой работоспособностью) основывается на

создании положительной мотивации, развитии интеллекта в целом и постепенном усложнении заданий. Задачи педагога, занимающегося коррекцией поведения, состоят не только в повышении работоспособности ученика, но и в помощи становления личности, готовой самостоятельно справиться с жизненными ситуациями без ущерба для себя и окружающих.

Преодоление отклонений в поведении учащихся возможно на любой стадии их развития и представляет собой процесс искоренения отрицательных качеств и замена их положительными качествами личности.

Предупреждение и преодоление отклонений – это не два самостоятельных и разных процесса, а взаимосвязанные между собой стороны одного двуединого процесса борьбы с зарождающимися и развивающимися отрицательными качествами личности, единый процесс социализации личности. Причем предупреждение и преодоление отклонений в поведении учащихся – это не отдельный и самостоятельный процесс, осуществляемый в отрыве от основного учебно-воспитательного процесса, а органическая составная его часть.

Как показывает практика, преодоление отклонений в поведении младших школьников протекает наиболее успешно при сочетании убеждения с упражнениями детей в правильных действиях и поступках. Этому способствуют игровая деятельность детей, создание естественных и педагогически задуманных ситуаций. Данные ситуации и обстоятельства заставляют ребенка активно думать, принимать этические решения, упражняться в положительном нравственном опыте.

Кроме того, устранению отклоняющегося поведения для данной категории школьников помогает упорядочивание организации их деятельности в процессе обучения в школе. Средствами такого упорядочивания организации учебной деятельности являются: методы позитивного стимулирования, создание ситуации успеха, щадящая нагрузка и дифференциация требований, индивидуальный и личностный подход, рациональная организация учебной деятельности и повышение ее интенсивности.

Эффективным терапевтическим средством, которое нормализует психическую деятельность, психическое состояние этих школьников является снятие психологических перегрузок. Они возникают, как правило, вследствие монотонии, растянутости и однообразия учебной деятельности, обеднения учебного материала, однообразия форм и методов его переработки, притупляющего интеллектуальные процессы, угнетающего, тормозящего психическую деятельность детей и подростков, имеющих отклонения в поведении.

Комплексный характер причин отклонений в поведении учащихся вызывает необходимость комплексного подхода к работе по их предупреждению и преодолению.

Вообще основная функция коррекционной педагогики и психологии заключается в воспитании и поддержке полноценного члена общества, адекватного человека и гармоничной личности. Существуют настолько запущенные случаи, что необходима не только помощь психолога, но и психиатра. Регулярно проводимые психологические тесты помогают выявить аспекты проблем личности.

Литература

1. Руденко, А. М. Психология для медицинских специальностей / А. М. Руденко, С. И. Самыгин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009.
2. Танеев, А. Д. Профилактика и педагогическая коррекция отклоняющегося поведения подростков / А. Д. Танеев. – Курск, 2008.
3. Руденко, А. М. Социальная реабилитация: учебное пособие / А. М. Руденко, С. И. Самыгин. – Ростов н/Д.: Наука Спектр; М.: Дашков и К°, 2011.
4. Майерс, Д. Социальная психология. – 6-е изд., перераб. и доп. / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2002.

Информация об авторах:

Хорошилова Лилия Семеновна – доктор географических наук, профессор кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ, 8-923-516-19-38, bgd.kemsu@mail.ru.

Lilia S. Khoroshilova – Doctor of Geography, Professor at the Department of Social Medicine and Life Safety, Kemerovo State University.

Морозова Надежда Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ, 8(384) 258-69-86, bgd.kemsu@mail.ru.

Nadezhda I. Morozova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Social Medicine and Life Safety, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.10.2013 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.422

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ
(на примере регионального исследования)

Е. В. Головацкий

POLITICAL INNOVATION: TYPOLOGICAL APPROACH AND EVALUATION
(a case study of regional studies)

E. V. Golovatsky

В статье рассматриваются социологические подходы к типологии политических нововведений, уровни и основания для выделения типологии нововведений. Показаны комбинированные схемы инновационного наполнения процессов социально-политического взаимодействия. Приводятся результаты социологического опроса в пяти городах Кемеровской области, посвященного изучению отношения населения к политическим нововведениям.

The paper examines sociological approaches to the typology of political innovation, levels and bases for allocating typology of innovations. The combined schemes for innovative filling of socio-political interaction processes are shown. The results of a poll in five cities of Kemerovo region, regarding the study of public attitudes towards political innovations, are provided.

Ключевые слова: политические нововведения, типологизация, типология нововведений, власть, социологические исследования.

Keywords: political innovations, typology, typology of innovation, power, sociological research.

Политические нововведения обладают маневренностью, диффузностью, динамизмом и являются перспективными практиками социально-политических изменений. Это действенная совокупность актуальных приемов и средств, направленных на качественное изменение, трансформацию существующих практик социально-политического взаимодействия в обществе.

Нововведения направлены на освоение в неоднородной социальной среде, следовательно, и сами они

классифицируются по множеству типологических, в т. ч. непарных, критериев. Создание адаптивных технологий освоения нововведений снижает риски и тиражирует популярные приемы на широкую область взаимодействия участников. С другой стороны, возникает вероятность скорого массового тиражирования, тогда нововведения утрачивают одно из важнейших собственных качеств – эффект новизны.

Н. И. Лапин еще в 1980 г. подчеркнул комплексный характер нововведений, их процессуальность, связь с новшествами и сопряженными преобразованиями в социальной и предметно-вещной среде [2].

Мы предлагаем рассматривать нововведения в виде нескольких приближений по отношению к субъекту, участвующему в социально-политическом взаимодействии. Опираясь на понятия «свое», «другое», «коллективное» и степень предполагаемого влияния нововведения на субъекта, получим следующие распределения: нововведения в актуальных рамках и масштабах; нововведения в сравнении с местной спецификой или межрегиональным обменом; адаптированная часть нововведения (совпадение двух процессов поиска нового в обществе, действия «снизу» и «сверху»).

Типология политических нововведений не исчерпывается приведенным описанием, нововведения имеют подвижную структуру ресурсов и протяженность, периоды освоения нового не всегда можно квантифицировать и подвергнуть четкому описанию. Результаты и эффекты приложения новых идей или технологий имеют неравномерную историю «запоминания» обществом инноваций.

Среди значимых типологически определенных политических нововведений можно относительно четко выделять следующие:

- политические нововведения, иницируемые и продуцируемые федеральной властью. Сильные и обстоятельные с т. з. ресурсной оснащенности проекты и планы, запускаются с определенной временной рассрочкой;

- нововведения региональной власти (сочетание региональных инициатив и общегосударственных проектов). Здесь уместно говорить о технологической оформленности инновационных проектов, когда частичное отсутствие строгой и слаженной структуры, отлаженной ценностно-мотивационной схемы с лихвой компенсируется высоким мобилизационным потенциалом большей части социальных ресурсов региона. Вероятно, не случайно федеральная власть, следуя в т. ч. и описанному признаку регионального комплектования нововведений, рекомендовала организацию не прямых схем политических выборов в «кавказских» (южных) субъектах РФ. Получается минимизированная копия федеральных проектов, адаптированная к ресурсному оснащению регионов и персонифицированная в политическом дискурсе региональных властей.

Местные нововведения чаще рассматриваются в качестве симбиоза региональных проектов и местных сообществ. Важно отметить, данный срез уникален и не носит массового характера, а скорее представлен эксклюзивными инициативами. Эта практика характерна не только для России, она свойственна и зарубежным государствам.

Местные самодельные инициативы (формируются и реализуются, как правило, на стыке социальных, социокультурных, экономических и политических интересов и возможностей местного населения). Микроуровень притязаний и детальная проработка ресурсного оснащения позволяет рассматривать и анализировать содержание таких инициатив в частном порядке (в типологии социологических исследований применяется

понятие «разовые» социологические исследования, замеры).

Групповые и частные (инициативные) инновационные проекты (обозначаются на частных условиях, когда используются личные возможности и связи).

Это самые общие типологические блоки для описания инновационных проектов, которые используют в качестве объединяющего критерия уровень социальной представительности нововведений.

По критериям качества и объема привлекаемого инновационного потенциала мы предлагаем следующий типологический набор:

- полностью инновационные проекты;
- использование инновационных методов в освоении нововведений;
- инновационные технологии;
- собственно политическое нововведение по содержанию;
- инновационное использование ресурсов (в частности, социальных ресурсов);
- инновационные методы (иногда даже в зависимости от характера и компетенций субъектов, использующих эти методы);
- инновационные результаты;
- инновационные эффекты;
- инновационные риски и ожидания.

В зависимости от выбранных сочетаний социологи в состоянии построить вероятностную модель ресурсного оснащения нововведений, а также предположить организационно-технологические схемы развития ситуаций освоения политических нововведений, в т. ч. с учетом региональных возможностей и социального потенциала, подверженных инновационному воздействию территорий.

С точки зрения предоставления нововведений в реальных условиях можно предложить следующие варианты:

- ожидаемые нововведения (точнее будет предположить нововведения как ожидания), когда отсутствие конкретных действий заменяется в представлениях участников социально-политического взаимодействия мобилизующими или тревожными ожиданиями;
- нововведения по готовой схеме использования;
- передаваемые политические нововведения; могут передаваться частично, по мере усвоения этапов или при наличии необходимых ресурсов;
- эксперименты (включая и забытые на сей день непопулярные меры);
- «успешные» задаваемые проекты по схеме «сверху-вниз»; признак успешности здесь применяется во взаимосвязи с положительными эффектами предыдущих освоений подобных проектов; ожидание освоения может превышать практические результаты (в истории России это подарки «с царского плеча», льготы участникам, награды героям);
- дистанционно запускаемые инновационные проекты; возможен вариант не только дистанционного, но и отложенного инициирования каких-либо приемов, практик взаимодействия, коммуникационных каналов и пр.

Участники и руководители инноваций используют на практике не какой-то один вариант оснащения, а вы-

нуждены комбинировать механизмы и методы освоения нововведений в конкретном обществе.

В системе соотношений: «исходное качество – результат исполнения» можно предложить такие работающие схемы инновационного наполнения процессов социально-политического взаимодействия:

– инновационное содержание (социально-политические проекты позиционируются носителями в качестве полноценных нововведений);

– инновационное исполнение (во взаимодействии могут использоваться новые технологии, меняются местами традиционные этапы, перестраиваются организационные схемы);

– оснащение традиционных схем взаимодействия элементами нового (например, в структуре, в технологиях, организации, качестве и количестве исполнителей и т. п.);

– инновационный эффект (возможно эффекты), когда в сложившихся социально-политических практиках сочетание ресурсов, площадок освоения или участников вызывает новое развитие, новые результаты;

– ожидание нововведений (когда участники накапливают значительные запасы и средства). Иногда сам эффект ожидания нововведений толкает общество, его активных членов к модернизации, трансформации исходных состояний, омолаживает формы политического участия и самих лидеров, заставляет обращаться к историческим корням, социокультурным основаниям.

Не рассматриваем случаи, когда результаты социально-политического взаимодействия впоследствии привлекаются к реализации нововведений, так как эффекты влияния нововведений имеют свойство усложнять, интенсифицировать жизнь общества. Таким образом, возможны наложения последствий освоения нововведений и общих проблем социально-политического взаимодействия.

В 2013 году кафедра социологических наук КемГУ провела исследование, посвященное изучению социальных и политических вопросов жизни населения. В анкете присутствовали вопросы о политических нововведениях. В опросе приняли участие жители 5 городов, включая столицу Кузбасса. Всего было опрошено 647 человек. Для соблюдения гендерной представительности опрос проводился максимально близко к соотношению мужского и женского населения 50х50. В результате процентное соотношение распределилось следующим образом: 35 % респондентов – мужчины, а 65 % составляют женщины. В интервал респондентов в возрасте от 18 лет до 43 лет попадает более 75 % человек. Обработка данных проводилась с использованием статистического пакета Da-system Ver. 5.0 Professional (лицензия от 26.05.2008 г.).

Результаты показывают средний уровень и темп информирования и распространения нововведений, т. к. самые «свежие» инновационные проекты попали на вершину списка (таблица 1). В средней части списка ответов располагается пережитое «болотное» прошлое с поправкой на региональное рассеяние форм политического участия и политической активности в целом. Такое состояние подтверждается сравнением с ответами респондентов на вопросы об интересах населения поли-

тическими событиями (на мировом, общероссийском и региональном уровнях).

Характеризуя информированность, мы учитывали разделение нововведений на известные и неизвестные респондентам. Выяснилось, что 43 % респондентов ничего не слышали об электронном правительстве, 35 % не видели проектов создания политических партий в Интернете и не слышали о создании малых партий. В целом информированность примерно $\frac{1}{4}$ респондентов можно считать слабой (таблица 2).

Таблица 1

Источники политических нововведений в России

(опрос населения – Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий, Юрга, Березовский, май – июнь 2013 г., 647 чел. – 100 %)

<i>Источники политических нововведений</i>	<i>Число ответов респондентов</i>
Инициативы федеральной власти	311
Зарубежные заимствования	261
Инициативы уникальных людей	136
Поиск компромиссных решений	131
Предложения региональной власти	126
Хорошо забытое старое	125
Идеи и проекты оппозиции	25
Нет ответа	21
Итого	647

Таблица 2

Ответы респондентов о неизвестных российских нововведениях последних лет (опрос населения – Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий, Юрга, Березовский, май – июнь 2013 г., 647 чел. – 100 %)

<i>Нововведения, о которых ничего не слышали</i>	<i>Показано в %</i>
Электронное правительство	43,28
Политические партии в интернете	35,09
Проект «маленьких партий»	29,68
Рейтинги трудоспособности госслужащих	27,82
Проект «женщины на службе в армии»	27,51
Создание инновационных предприятий	23,96
Открытость доходов и расходов госслужащих	22,10
Интернет-встречи власти с населением	15,61
Законопроект о массовых протестах	15,46
Проект «электронные документы»	13,14
Борьба с коррупцией	10,97
«Прозрачная» политика	9,74
Проект увеличения трудоспособного возраста	9,12
«Прозрачное» голосование	8,04
Пенсионная реформа	7,57
Назначение губернаторов	6,34
Реформы вузов	5,56
Переименование милиции в полицию	1,70
Нет ответа	5,10
Итого	100

Полученные результаты соотносимы с классификацией нововведений по ряду основополагающих признаков: характеру применения нововведений; степени радикальности (новизны, инновационному потенциалу, оригинальности и т. д.); стимулу проявления; по масштабу; адресату и др. [3, с. 61].

Среди особо одобряемых политических нововведений респонденты «припомнили» и выбрали местные проекты, а также идеи федерального уровня (таблица 3).

Антикоррупционная политика, подхваченная регионами, показывает узлы напряженности, возникающие в обществе, в т. ч. по отношению к местной власти. Для России еще со времен местнических реформ и практик кормления проблема сопротивления коррупции остается знаковой и используемой представителями власти и общественно-политическими организациями.

Узнаваемость политических нововведений в обществе и среди политиков, а также персонификация политических нововведений (узурпация некоторыми публичными политиками приемов, брендов, политических технологий и ресурсов, своего рода авторских прав в политике и общественной жизни) становятся практикой социально-политического взаимодействия. Политические нововведения способны персонифицироваться в зависимости от сферы и уровня их приме-

нения. У обычных граждан политические нововведения ассоциируются, как правило, с конкретными процессами на территории, а их носителями выступают, как правило, известные в политике лица.

Исследователи отмечают возможность усиления нововведений, например, за счет взаимодействия ряда крупных взаимодополняющих регионов, направленного на объединение ресурсов нескольких партнеров, установление тесных хозяйственных и прямых связей, вплоть до разработки и принятия совместных проектов развития на взаимовыгодной основе [1, с. 38].

Принадлежность нововведения к политической сфере может подчеркиваться особенностью механизмов появления и использования политических инноваций, идентификацией нововведений, их ресурсной базой.

На наш взгляд, своевременным будет обращение исполнителей нововведений к социологическому сопровождению инновационных проектов, в т. ч. региональных. Три четверти респондентов отмечают наличие губительных последствий политических нововведений для простого населения. Уровень тревожности необходимо дополнительно исследовать, используя методы социального моделирования. Неординарные приемы и технологии российской социально-политической практики потребуют от исследователей привлечения гибких методик изучения нововведений.

Таблица 3

Политические нововведения, известные и одобряемые респондентами (опрос населения – Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий, Юрга, Березовский, май – июнь 2013 г., 647 чел. – 100 %)

<i>Какие политические нововведения в Кузбассе Вы одобряете?</i>	<i>Число респондентов</i>	<i>%</i>
Практика борьбы с коррупцией	340	52,55
Инициативы молодежных организаций	301	46,52
Проект создания электронных документов	236	36,48
Назначение глав районов и территорий	211	32,61
Прозрачность политической деятельности	198	30,60
Создание инновационных предприятий	169	26,12
Рейтинги работоспособности государственных деятелей	142	21,95
Переименование улиц, учреждений, общественных мест	45	6,96
Другое	4	0,62
Нет ответа	39	6,03
Итого	647	100

Литература

1. Галиев, Г. Т. Социальные ресурсы. Ресурсы. Аудит: в 2 т. – Т. 2 / Г. Т. Галиев, В. И. Патрушев. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. – 264 с.
2. Лапин, Н. И. Актуальные проблемы исследования нововведений / Н. И. Лапин // Социальные факторы нововведений в организационных системах: сб. тр. науч. конф. – М.: ВНИИИСИ, 1980. – С. 6 – 7.
3. Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: РОС-СПЭН, 2011. – 336 с.

Информация об авторе:

Головацкий Евгений Васильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук КемГУ, 8-(3842) 54-82-58, politsocio@kemsu.ru.

Eugeny V. Golovatsky – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2014 г.

УДК 316.64

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО СЕООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Кривоцова

RESEARCH OF VALUABLE SELF-DETERMINATION OF THE PERSONALITY

E. V. Krivtsova

В статье рассматривается проблема ценностного самоопределения личности, дается характеристика данного феномена на разных этапах обучения в вузе. Представлены результаты эмпирического исследования ценностного самоопределения студентов младших и старших курсов обучения.

The paper addresses the problem of valuable self-determination of the personality; the characteristic of this phenomenon at different stages of studying at a higher education institution is provided. Results of empirical research of valuable self-determination of junior and senior students are presented.

Ключевые слова: самоопределение, ценностное самоопределение, личность.

Keywords: self-determination, valuable self-determination, personality.

На современном этапе развития общества актуализация проблемы самоопределения продиктована сложившейся ситуацией в стране. В связи с социально-экономическим кризисом происходит переосмысление отношения человека к окружающей действительности, цели и назначения человеческой деятельности. Переосмысление позволит личности самоопределиваться и найти свое место в различных сферах жизнедеятельности.

Термин «самоопределение» используется в психологии, педагогике, социологии, философии для обозначения процесса формирования жизненной перспективы, взросления личности, выбора профессии. Как показывает анализ научной литературы, понятие «самоопределение» является достаточно сложным и неоднозначным.

Обобщив существующие дефиниции самоопределения в рамках различных подходов, можно констатировать, что практически все ученые близки в своем понимании самоопределения: сущностной характеристикой самоопределения является выбор собственной позиции, которая зависит от внутренней активности субъекта. Таким образом, в психологической науке самоопределение изучается как личностное новообразование, связанное с такими свойствами личности, как внутренняя позиция, ответственность, направленность, самостоятельность и т. д.

Для уточнения понятия «самоопределение» исследователи (Н. С. Пряжников, А. В. Сальков, В. Д. Повзун, М. Р. Гинзбург, Н. Н. Истомина и др.) выделяют различные его типы: жизненное, личностное (как высший уровень жизненного самоопределения), профессиональное, самоопределение в культуре (как высший уровень личностного самоопределения), ценностно-смысловое и т. д.

Самоопределение рассматривается как сложный, многоступенчатый процесс развития человека, и разные типы самоопределения постоянно взаимодействуют. В одних случаях они предшествуют одно другому, например, личностное самоопределение может предшествовать и способствовать профессиональному, чаще всего они происходят одновременно, меняясь местами, как причина и следствие.

Отметим, что идея взаимосвязи самоопределения личности с ценностями принадлежит М. Р. Гинзбургу. С его точки зрения, самоопределение имеет ценностно-смысловую природу и обозначает активное определение своей позиции относительно общественно выработанной системы ценностей, определение на этой основе смысла своего существования. Ценностно-смысловое или самоопределение относительно ценностей, по его мнению, является генетически исходным, определяющим развитие всех других видов самоопределения на протяжении всей жизни человека и выступает основанием собственного развития [2, с. 25]. Ценностно-смысловое самоопределение порождает и обуславливает самоопределение личности в социальной, профессиональной, семейной и других сферах жизни общества.

Ценностное самоопределение в исследованиях Е. А. Латуха и В. Д. Повзун рассматривается как основа любого другого вида самоопределения, поскольку переоценка ценностей происходит на протяжении всей жизни человека и для каждой конкретной личности существует проблема соотношения ценностей общества, культуры с ее собственными ценностями, то есть проблема ценностного самоопределения [3; 5].

Говоря о сущности ценностного самоопределения, большинство авторов (Е. А. Латуха, В. Д. Повзун, А. В. Кирьякова, Е. В. Кострюкова, Т. А. Носова, А. А. Преснов) делают акцент на том, что это, прежде всего, процесс, акт и результат выбора человеком собственной позиции, целей и средств самоосуществления и саморазвития в конкретных обстоятельствах жизни. Ценностное самоопределение – это основной механизм обретения и проявления человеком внутренней свободы, осуществляемой на основе ценностных ориентации как результат сложного динамического образования [6].

По мнению О. И. Генисаретского, ценностные изменения составляют не просто фон, но скрытую основу разного рода трансформаций, предпосылку экономических, политических и социальных реформ (концепция человеческих факторов модернизации) и их конечную критериальную цель (концепция человеческих качеств образа жизни) [1].

Изменения в ценностном сознании человека являются закономерным результатом человеческой жизни и составляют основное содержание процесса переопределения личности. Жизнь человека – это «история актуализации одних ценностей и низвержение других» [7, с. 370]. Незавершаемость процесса ценностного самоопределения подтверждается постоянной переоценкой ценностей, которая происходит на протяжении всей жизни человека.

Присвоение личностью всех накопленных обществом ценностей носит избирательный характер. Этот выбор ограничивается направленностью личности, так как выбор ценностей – это выбор не только лучших ценностей, но и наиболее соответствующих направленности развития личности. Кроме того, выбор ограничивается «совокупным жизненным ресурсом личности», под которым понимаются энергия (состояние здоровья), время (возраст, резерв жизненного времени), природные преимущества (пол, способности), социальные преимущества (образование, социальное происхождение, квалификация, профессия), самооценка, уровень притязаний личности [4].

Обобщая точки зрения исследователей на ценностное самоопределение, отметим, что ценностное самоопределение представляет собой процесс обретения личностью смысла, целей и ресурсов собственной жизни в пространстве и времени, это определение себя относительно общекультурных человеческих ценностей с целью выделения и обоснования собственной жизненной позиции, концепции в пространстве культуры и времени истории.

На основании анализа научных источников, мы полагаем, что критериями для определения уровня ценностного самоопределения являются жизненные

ценности и ценностные ориентации, которые определяют направленность личности и ее тип.

Нами было проведено исследование на базе Кемеровского государственного университета. Цель экспериментальной работы заключалась в определении исходного уровня ценностного самоопределения у испытуемых с использованием следующих методик: «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина); методика Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого.

Общий объем выборки испытуемых составил 466 человек. В исследовании принимали участие студенты младших и старших курсов обучения.

Ценностное самоопределение личности оценивалось по следующему алгоритму: были выявлены компоненты ценностного самоопределения личности – жизненные ценности, ценностные ориентации, которые лежат в основе ценностной направленности и типа личности.

Ценностная направленность личности выявлялась при помощи методики «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина) [8]. Анализ результатов показал, что девушки стремятся к достижению конкретных и осязаемых результатов ($t = 2,77$, при $p < 0,01$), к повышению уровня своей образованности, расширению кругозора ($t = 3,56$, при $p < 0,01$), ориентированы на ценности семьи ($t = 2,15$, при $p < 0,01$). У юношей особую значимость приобретает сфера физической активности ($t = -3,25$, при $p < 0,01$), которая является, с их точки зрения, важной составляющей жизнедеятельности (таблица 1).

Таблица 1

Результаты исследования по методике «Морфологический тест жизненных ценностей» в зависимости от пола и этапа обучения в вузе

	Юноши	Девушки	t	p	Этап обучения		t	p
					I	IV		
ЖЦ 1	-	-	-	-	-	-	-	-
ЖЦ 2	-	-	-	-	-	-	-	-
ЖЦ 3	-	-	-	-	1,93	2,13	-2,70	0,007
ЖЦ 4	-	-	-	-	-	-	-	-
ЖЦ 5	-	-	-	-	-	-	-	-
ЖЦ 6	-	-	-	-	2,01	2,246	-3,16	0,001
ЖЦ 7	2,20	1,95	2,77	0,00	-	-	-	-
ЖЦ 8	-	-	-	-	1,93	2,12	-2,55	0,01
ЖС 1	-	-	-	-	-	-	-	-
ЖС 2	2,34	2,00	3,56	0,00	1,99	2,15	-2,11	0,03
ЖС 3	2,16	1,95	2,15	0,03	-	-	-	-
ЖС 4	-	-	-	-	-	-	-	-
ЖС 5	-	-	-	-	1,89	2,13	-3,36	0,001
ЖС 6	1,87	2,17	-3,25	0,001	1,97	2,25	-3,74	0,001

Примечание: В таблице указаны только значимые различия. Здесь и далее ЖЦ и ЖС – показатели морфологического теста жизненных ценностей, где ЖЦ 1 – развитие себя, ЖЦ 2 – духовное удовлетворение, ЖЦ 3 – креативность, ЖЦ 4 – активные социальные контакты, ЖЦ 5 – собственный престиж, ЖЦ 6 – высокое материальное положение, ЖЦ 7 – достижение, ЖЦ 8 – сохранение собственной индивидуальности; ЖС 1 – сфера профессиональной жизни, ЖС 2 – сфера образования, ЖС 3 – сфера семейной жизни, ЖС 4 – сфера общественной активности, ЖС 5 – сфера увлечений, ЖС 6 – сфера физической активности.

На начальном этапе обучения (первый курс) для студентов достоверно значимыми являются креативность ($t = -2,70$, при $p < 0,01$), высокое материальное положение ($t = -3,16$, при $p < 0,01$), сохранение собственной индивидуальности ($t = -2,55$, при $p < 0,01$). Важными для студентов первого курса являются сфера увлечений ($t = -3,36$, при $p < 0,01$) и сфера физической активности ($t = -3,74$, при $p < 0,01$). Студенты четвертого курса в большей мере, чем первокурсники, ориентированы на ценности достижения, характеризуются стремлением найти что-то новое в изучаемой дисциплине, участвовать в научно-исследовательской работе. Помимо этого студенты ориентированы на занятия, предоставляющие широкие возможности для творчества.

Полученные данные позволили определить ценностную направленность личности (гуманистическая, прагматическая и неопределенная). Было установлено, что у большинства юношей и девушек (50 % и 48 %) ценностная направленность неопределенная. На престижные ценности ориентированы 32 % юношей и 35 % девушек; у 18 % юношей и у 17 % девушек преобладают духовно-нравственные ценности (саморазвитие, духовная удовлетворенность, креативность и активные социальные контакты). Около половины студентов первого и четвертого курсов обучения характеризуются неопределенной ценностной направленностью (таблица 2).

Таблица 2

Представленность ценностной направленности в группах испытуемых (%)

Ценностная направленность	Группы испытуемых				
	юноши	девушки	1 курс	4 курс	студенты*
Духовно-нравственная	18	17	20	15	6
Престижная направленность	32	35	30	38	31
Неопределенная направленность	50	48	50	47	63

Примечание:*Средние показатели по всей студенческой выборке.

Мы полагаем, что большой процент студентов с неопределенной ценностной направленностью связан с тем, что первокурсники находятся в процессе адаптации к новой среде, к новым социальным условиям, в процессе достижения оптимального взаимодействия между участниками образовательного процесса в системе «студент-студент», «студент-преподаватель», «студент-куратор»; они в достаточной степени осознали трудности, связанные с обучением. Для студентов четвертого курса данное состояние связано с ситуацией неопределенности – процесс обучения близок к завершению (нами уже было отмечено, что исследование проводилось в конце четвертого года обучения) и необходимо учиться разрабатывать стратегии собственной жизни (профессиональной и жизни в целом), менять способы взаимодействия, деятельность. Кроме того, осознание ответственности за результат своей деятельности способствует происходящим изменениям в системе ценностей.

Далее типы направленности перекодировали по их значимости: 1 – лучше всего, 0 – хуже всего:

- 1 – гуманистическая направленность личности;
- 0,5 – неопределенная;
- 0 – прагматическая.

Таким образом, значение оценки направленности личности (X1) заключалось в пределах от 0 до 1.

Оценка типа ценностной ориентации личности изучалась при помощи методики Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого [9]: на основе различий в иерархии ценностных ориентаций выделялись следующие типы личности: индивидуализирующийся, социализирующий, адаптирующийся и промежуточный тип.

При сопоставлении ценностных предпочтений в группах юношей и девушек было выявлено, что ценности адаптации доминировали у 26 % юношей и 24 % девушек. Направленность на ценности социализации выявлена у 40 % девушек и 28 % юношей. Преобладание ценностей индивидуализации выявлено у 8 % юношей и 3 % девушек. Для юношей данной группы в большей мере, чем для девушек, характерно стремление к интенсивности взаимодействия с окружающей средой, к независимости, отсутствию ограничений, мешающих деятельности и жизни индивида, к интеллектуальной и творческой самореализации.

Наиболее существенные различия в описанных типах ценностных ориентаций обнаруживались между группами студентов первого и четвертого курсов (таблица 3).

Таблица 3

Представленность типов ценностных ориентаций в группах испытуемых

Тип ценностной ориентации	Группы испытуемых				
	юноши	девушки	1 курс	4 курс	студенты*
Ценности адаптации	26	24	20	30	25
Ценности социализации	28	40	40	39	39
Ценности индивидуализации	8	3	6	2	4
Промежуточный тип	38	33	34	29	32

Примечание:*Средние показатели по всей студенческой выборке.

Обращает на себя внимание тот факт, что число студентов, ориентированных на ценности адаптации возрастает к четвертому курсу обучения (на первом – 20 %, на четвертом – 30 %). Это может быть связано со стремлением студентов к эмоциональной безопасности и материальной независимости. Ценности социализации разделяют практически равное число студентов первого (40 %) и четвертого (39 %) курсов. Высокий процент выбравших ценности социализации подтверждает результаты исследования М. С. Яницкого [10], выявившего наиболее существенные различия в распространенности описанных типов ценностных ориентаций между возрастными группами, где молодые участники групп существенно реже ориентировались на ценности адаптации и отчетливо чаще – на ценности социализации и индивидуализации, чем люди старшего возраста.

Нами было обнаружено, что процент студентов, ориентированных на ценности индивидуализации, снижается с первого к четвертому курсу (6 % и 2 %, соответственно). Этот факт, по-нашему мнению, объясняется тем, что приоритет на старших курсах отдается развитию интимно-личностных отношений, способности любить и быть любимым в межличностных отношениях с партнером, поиску брачного партнера. Важной составляющей этих отношений является забота и ответственность за благополучие партнера, также готовность к восприятию другого с пониманием его отличительных характеристик как проявление его индивидуальности и неповторимости. Кроме того, все это способствует стремлению личности действовать за границами требований ситуации и ролевых предписаний.

Треть испытуемых первого (34 %) и четвертого курсов (29 %) обучения не имеют ярко выраженной системы ценностных ориентаций, в связи с чем выделен промежуточный тип. Полученные нами результа-

ты согласуются с мнением Э. Эриксона о том, что обучение в высшем учебном заведении является «законодательно закрепленной отсрочкой» в принятии человеком роли взрослого, которую он, в контексте формирования ценностной системы, называет «психосоциальным мораторием» [9]. Молодые люди находятся в самом центре продолжающегося кризиса идентичности или периода принятия решений, заняты активным «поиском себя».

Достаточно малое число студентов (4 %), ориентирующихся на ценности индивидуализации, является нормой. По данным А. Маслоу, самоактуализирующихся – меньше 1 % взрослого населения.

Затем типы личности перекодировали по их значимости: 1 – лучше всего, 0 – хуже всего:

- 1 – индивидуализирующийся тип личности;
- 0,66 – социализирующийся;
- 0,33 – промежуточный;
- 0 – адаптирующийся.

Оценка типа личности (X2) заключалась в пределах от 0 до 1.

Для определения оценки ценностного самоопределения личности мы воспользовались следующей формулой: $X = (X1 + X2) / 2$.

Перейдем к рассмотрению уровня ценностного самоопределения в анализируемых нами группах.

Исследование показало, что у большинства студентов (у девушек 85 %, у юношей 83 %) средний уровень ценностного самоопределения (рис. 1).

Установлено, что у студентов начального этапа обучения уровень ценностного самоопределения выше, чем у студентов четвертого курса ($t = -4,37$, при $p < 0,01$). Это связано с пиком кризиса профессиональной идентичности. На наш взгляд, данный этап (4 курс обучения) характеризуется ценностно-смысловым кризисом, который выражается в несоответствии желаемого и действительного (таблица 4).

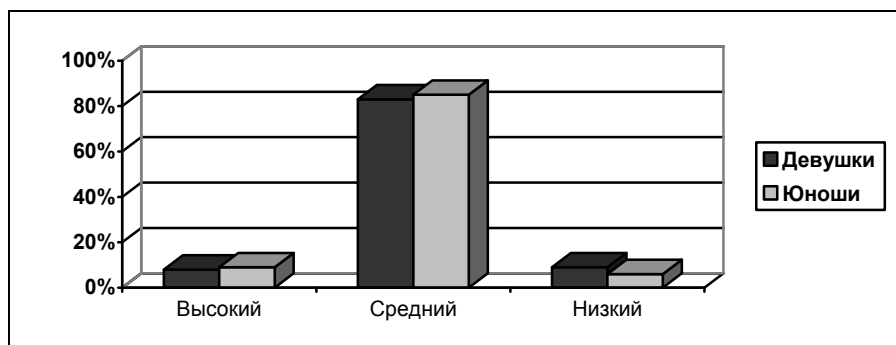

Рис. 1. Соотношения пола студентов с уровнем ценностного самоопределения личности (%)

Таблица 4

Соотношения этапа обучения и уровня ценностного самоопределения личности (%)

Этап обучения	Высокий	Средний	Низкий
Начальный этап обучения	13	85	2
Завершающий этап обучения	6	83	11

Таким образом, основные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Ценностное самоопределение является многоуровневой динамической системой, позволяющей личности осуществлять выбор жизненных целей на основе выстраивания и систематизации ценностей.

2. Компонентами ценностного самоопределения являются жизненные ценности и ценностные ориентации личности. В структуре ценностного самоопределения данные компоненты взаимообусловлены.

3. Индивидуальные особенности уровневой иерархии ценностного самоопределения определяются ценностной направленностью и типом ценностных ориентаций личности. Преобладание гуманистических ценностей над престижно-прагматическими соответствует высокому уровню ценностного самоопределения.

4. У современной студенческой молодежи происходит процесс переоценки ценностей, формируются

новые жизненные ориентации и профессиональные стратегии, что чаще всего сопровождается кризисом идентичности.

В процессе профессиональной подготовки знание объективной ситуации психологического развития студенческой молодежи позволит в дальнейшем осуществлять такую стратегию, которая будет способствовать созданию условий для более гармоничного развития личности.

Отметим, что на этапе профессиональной подготовки необходимо создавать психолого-педагогические условия, с учетом возрастных социально-психологических и индивидуальных особенностей студентов, что позволит эффективнее осуществлять профессиональную подготовку, добиваться качественного обучения (знания, навыки, умения) и воспитания (мировоззренческое и нравственное развитие, укрепление воли, профессионально важных качеств студента).

Литература

1. Генисаретский, О. И. Культурно-антропологическая перспектива / О. И. Генисаретский // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М., 1995. – С. 5 – 40.
2. Гинзбург, М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1988. – № 2.
3. Латуха, Е. А. Формы, механизмы и социальные пространства самоопределения личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Латуха. – Новосибирск, 1999. – 18 с.
4. Наумова, Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н. Ф. Наумова. – М.: Наука, 1996. – 200 с.
5. Повзун, В. Д. Ценностное самоопределение студентов в педагогическом образовании в условиях университета: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. Д. Повзун. – 1996.
6. Реализации ценностного подхода к педагогике школы: монография / под ред. А. В. Кирьяковой. – М.; 2000.
7. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973.
8. Сопов, В. Ф. Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) / В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина. – Самара, 2002. – 56 с.
9. Яницкий, М. С. Ценностное измерение массового сознания: монография / М. С. Яницкий. – Новосибирск, 2012. – 235 с.
10. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

Информация об авторе:

Кривцова Евгения Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Социальная работа и менеджмент социальной сферы» социально-психологического факультета КемГУ, 8-902-755-67-09, evgeniya_k@bk.ru.

Evgeniya V. Krivtsova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 07.11.2013 г.

УДК 321.011(410.5)

СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО ШОТЛАНДИЯ: ЗА И ПРОТИВ

С. М. Мещерякова

THE SOVEREIGN STATE OF SCOTLAND: PRO AND CONTRA

S. M. Meshcheryakova

Данная статья посвящена анализу политического статуса Шотландии и тому положению, которое занимает регион в системе распределения национального богатства Великобритании. Анализ экономических показателей позволяет сделать выводы о преимуществах и недостатках создания суверенного государства Шотландии. Актуальность данной статьи заключается в том, что через год будет проведен опрос населения Шотландии о независимости. Уже назначена дата референдума – 18 сентября 2014 года. Результаты покажут, насколько сами шотландцы желают, чтобы их страна стала независимой.

The paper is devoted to the analysis of political and economical position of Scotland in the United Kingdom and its place in the system of distribution of Britain's national wealth. Analysis of economical factors helps conclude the advantages and disadvantages of creating the sovereign state.

Ключевые слова: независимость, создание национального государства, анализ экономической ситуации, суверенитет, национальное правительство, деволюция.

Keywords: independence, national state creation, analysis of economical situation, sovereignty, national government, devolution.

В политической науке принято следующее определение суверенитета: суверенитет (фр. *souverainete* – верховная власть) – политическая независимость государства; принадлежность власти народу, нации. Самый емкий представляется определение суверенитета в работе Жана Бодэна «Шесть книг о государстве»: *государство* – это стремление суверенной власти справедливо управлять многими семьями и их имуществом, которым они обладают. Договор о Вестфальском мире 1648 года признал суверенные права за всеми европейскими государствами [1, с. 142]

Этот договор стал отправной точкой формирования современной системы, где суверенитет является неотъемлемой характеристикой государства. Но в современном мире возникла необходимость более гибкого определения национального суверенитета, так как многие государства стремятся к объединению и упрочнению взаимовыгодных отношений между странами. Как следствие появляются новые органы, которым государства отчасти передают свои суверенные права (Европейский Союз). Кроме того, коллегиальные органы призваны решать проблемы, связанные, к примеру, с соблюдением прав человека, которые уже не считаются «внутренним делом одного государства». В современной политологии термин (государственный) суверенитет практически равнозначен понятию «независимость». Тем не менее новые суверенные государства появляются на карте мира. Например, Абхазия, получившая суверенитет в результате военного фиаско Грузии.

В статье дан анализ социального и экономического положения страны в стремлении ее политиков создать суверенное государство. Самым веским аргументом националистов является признание того, что у независимой Шотландии имеются все экономические условия. В той стране, где родился А. Смит, экономические предпосылки являются наиболее весомыми. Мнения по поводу экономической независимости разделились. Националисты утверждают, что благодаря нефти и газу, залежи которых расположены в

Северном море, Шотландия субсидирует всю страну и была бы более обеспечена сама по себе, будучи независимой. Унионисты утверждают обратное, несмотря на победу националистов 3 мая 2007 года, им еще предстоит борьба за голоса избирателей: в октябре 2006 года 51 % избирателей выступали за независимость, уже в мае эта цифра снизилась до 35 %. Социологические опросы 2007 года показали, что две трети населения региона выступили за то, чтобы Шотландия оставалась частью Соединенного королевства [2, с. 3]. Сторонники сохранения единого государства считают, что именно Шотландия является сырьевым паразитом.

Обе стороны неправы, даже если бы нефть и газ были бы немедленно извлечены из шельфа Северного моря, то Шотландия вряд ли приобрела бы больше на получении налогов, нежели потеряла бы на субсидиях.

Особый интерес как для политологов, так и для специалистов в области международной экономики представляет сравнительный анализ экономических показателей, которые были представлены в программе СНП (национальной партии Шотландии) на 2008 – 2009 годы о мерах, предпринятых для улучшения экономической ситуации в регионе. Для того, чтобы страна стала процветающей, правительство Шотландии разработало стратегию выхода из кризиса:

– для того, чтобы Шотландия процветала, планировалось отменить грабительский налог на проезд по мосту Тэй;

– выделить 100 миллионов фунтов на реконструкцию и обслуживание университетского комплекса Кричтон (Crichton Campus in Dumfries);

– 40 миллионов фунтов передать на обслуживание школьных зданий и на зарплату преподавателям.

Проанализируем расходы Шотландии со времени деволюции [3, с. 54], Правительство Великобритании обеспечило выделение 874 миллионов фунтов стерлингов на обеспечение финансового положения Шотландии. Это соглашение предполагает распределение

средств в размере 300/400/174 миллионов фунтов соответственно в течение 3 лет:

- соглашение предусматривало благоразумный уровень сверхраспределения в рамках программ расходов (£100 миллионов / 100 миллионов / 24 миллиона), чтобы помочь минимизировать будущее недоосвоение бюджета и уменьшить уровень сверхраспределения, которое было характерно для предыдущего правительства;

- в социальной сфере средства будут потрачены на госпитализацию, оказание медицинской помощи семье, социальную службу, оказание адресной помощи продуктами питания, выплаты в фонд Skipton, развитие физической культуры и спорта и проведение спортивных игр Содружества;

- в сфере национального образования планируется выделение финансов на школьное образование, на обучение и профессиональную стажировку учителей, на научные исследования в области образования. Британское правительство спонсирует программы по развитию гэльского языка; Brd na Gidhlig, а также средства массовой информации, которые ведут трансляцию на гэльском языке. Кроме того, финансовая помощь будет оказана Шотландскому совету по высшему и последующему образованию и Шотландскому агентству по поддержке студентов. Кроме этого, будут профинансированы следующие сферы: модель образовательного кредитования, производственной практики и научных исследований студентов, международные проекты и международные колледжи и другая деятельность. Немаловажное значение имеет финансовое обеспечение ювенальных судов и социальных служб, которые решают проблемы материнства и детства. Кроме этого, предполагается финансирование создания рабочих мест для молодежи, выделение Британией грантов для местного правительства Шотландии и гранта для Финансового Совета по высшему образованию Шотландии;

- на поддержку судебной системы Шотландии – средства на текущие расходы Шотландского Совета по правовой помощи, на компенсацию гражданам, пострадавшим от преступлений, на содержание тюремной системы Шотландии, на полицию и выплату пенсий бывшим полицейским и пожарным, на шотландскую судебную систему и отправку правосудия, на судебную службу и пенсии экс- работникам суда;

- на соблюдение стандартов качества продуктов питания: на оперативные и административные расходы – включая мониторинг, контроль и информирование потребителей по поводу качества продуктов питания и соблюдения стандартов безопасности;

- в сфере транспорта: увеличить инвестиции в транспортные сети Шотландии. Для достижения этой цели, было выделено 2,5 миллиарда фунтов в 2011 году. Планировалось, что результатом станет эффективное перемещение граждан и товаров по стране. Бюджет 2012 – 2013 года гарантирует финансовую поддержку инфраструктуры железнодорожного транспорта и смежных служб, поддержку развития и усовершенствования транспортных маршрутов, обеспечение информационной службы, а также других видов транспорта (паромные переправы, финансирование служб аэропортов островов и Хайлэнда). Выделение

средств на строительство морских судов, автобусов и других видов пассажирского транспорта;

- в области энергетики: способствовать продвижению проектов по альтернативным (возобновляемым) источникам энергии [4, с. 53]. К. Харви, один из руководителей СНП, предлагает обратиться к опыту Германии и использовать солнечные батареи не только для работы общественного транспорта, но и для обогрева частных домов. Это будет способствовать экономии 30 % топлива, получаемого из газа и нефти;

- в области электроники: компания IBM, заводы которой расположены недалеко от Глазго, производят 28 % всех персональных компьютеров в Европе и 29 % от всех производимых ноутбуков. Задача правительства заключается в том, чтобы уровень производства электроники составил 12 % от уровня всего промышленного производства;

- в сфере легкой промышленности: в Шотландии традиционно развита текстильная промышленность. Шетланд и Аутер Хибриды исторически славились изделиями из текстиля. Ручное вязание из шерсти не является только деревенским кустарным производством. Такая марка, как Прингл, давно популярна на мировом рынке. Производство трикотажа создает рабочие места для 22000 человек и составляет 3 % от экспорта всех товаров легкой промышленности;

- добыча нефти и газа: в недрах Шотландии, в шельфе Северного моря находятся самые большие запасы нефти в Европе, а Шотландия – основная нефтедобывающая страна Европейского союза. Нефть, обнаруженная в 1966 году, трансформировала всю экономику Шотландии. С ростом нефтедобычи в течение всех этих лет правительство вынуждено было поддерживать смежные отрасли промышленности. Абердин стал столицей нефтяной промышленности. В бухте Салом Во в Шетланде расположены основные нефтяные терминалы, где нефть добывают и перекачивают в танкеры. Грендемаус – это центр нефтеперерабатывающей промышленности. Смежные отрасли являются основным источником создания рабочих мест и дохода и в данных областях. Приблизительно 100000 человек или 6 % населения заняты в данных областях промышленности [5]

Несмотря на то, что добыча нефти падает в последнее время, по мнению экспертов, запасы Северного моря все же составляют приблизительно 2 миллиарда тонн, т. е. это намного больше, чем было освоено за последние 25 лет, таким образом, нефтяные резервуары будут экономически оправданы до 2020 года. В настоящее время, когда существуют высокие цены на нефть, будет возобновлена разработка нефти, особенно на Северо-Востоке [6].

Однако все эти инвестиции были предложены именно правительством Великобритании [7].

Таблица 1

2013 год	Начисленные ресурсы	Иные ресурсы
Социальная сфера	11,773,298,000	2,050,000,000
Культура и искусство	207,190,000	35,000,000
Образование	2,668,954,000	177,000,000
Полиция, противопожарная служба, МЧС	1,819,880,000	39,700,000
Образование	2,668,954,000	177,000,000
Сельское хозяйство	458,726,000	602,100,000
На мониторинг пищевой промышленности	10,900,000	–
На судопроизводство	1,819,880,000	39,700,00039,700,000
На транспорт	2,392,393,000	230,000,000
На добычу нефти и газа (декабрь 2012)	40, 000, 000, 000	

По мнению британских политологов, нынешнее руководство Шотландии уверено в положительных результатах референдума и формировании независимого государства.

Возьмем для анализа еще один важный фактор экономики, такой как выпуск национальной валюты.

Хотя Шотландия является частью Соединенного королевства, Шотландские банки ввели в оборот собственную валюту – шотландский фунт (*Pund Scots*). В шотландском фунте – сто пенсов. Данная валюта не является конвертируемой, т. е. применяется только в Шотландии. Хотя решение о приеме данной валюты остается за работниками сферы услуг. Поэтому обращение британского фунта также является легитимным. Королевский Банк Шотландии (Royal Bank of Scotland), Банк Шотландии (Bank of Scotland) и банк "Клайдсдейл" (Clydesdale Bank) являются банками-эмитентами, которые выпускают фунты.

Первый министр рассчитывает на легитимное обращение своей валюты на территории Шотландии, если его земляки проголосуют за независимость своей страны в 2014 году. С ним не может согласиться британский канцлер Джордж Осборн. Он оспаривает в финансовой газете от 23 апреля опцион шотландской валюты, стоимость которой кажется всей Британии слишком высокой. Анализ, представленный в газете министерства финансов «The Treasury Paper» [8], свидетельствует о том, что разделение фунта – неплохая идея. У Великобритании и Шотландии много общего: идентичная экономика, производительность труда, бизнес циклы, поэтому не существует никакого дисбаланса, который бы повлиял на еврозону. Приграничная торговля составляет 10 часть всего экспорта, таким образом, зона фунта будет важна для всех.

Другие опционы шотландской валюты менее привлекательны. Одностороннее использование фунта, также как и американского доллара в Панаме и евро в Монтенегро, способствует отсутствию стабильности. Новая шотландская валюта не обеспечена реальной стоимостью, поэтому может повыситься цена трансакций. Присоединение к зоне евро невозможно, так как Шотландия не может выполнить условия вступления, не имея собственной валюты. Отдельно вложенных 65 миллиардов, которые прошлое правительство Британии одолжило Банкам Шотландии (RBS и HBOS/Lloyds), оказалось недостаточно. Ос-

борн приводит пример «несоразмерного» времени, которое министерство финансов потратило на посещение банка Ольстера и на связанные с Ирландией проблемы. Правительство старалось продемонстрировать важность взаимосвязи всех частей Британии. Оно утверждает, что все это демонстрирует единственно возможный выход: шотландцы должны проголосовать за фунт стерлингов и жизнь в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

Конечно, министерство финансов проигрывает с точки зрения независимости Шотландии. Поэтому А. Салмонд считает, что Осборн преувеличивает. Первый министр Шотландии говорит о том, что в структуре общества будут ограничения, которые предоставят возможность менять налоги, регулировать расходы и государственные займы. А господин Осборн просто ведет политические беседы, направленные против отделения Шотландии, но он изменит свое мнение, когда шотландцы проголосуют за выход из союза. Канцлер будет стремиться получить свою долю прибыли в результате повышения цены по отношению к балансу платежей. Эти платежи были получены Торговой палатой по нефти и газу Соединенного королевства и составили 40 миллиардов фунтов в 2012 году от добычи ископаемых Северного моря.

Выводы

Будущее кажется более рискованным. В нестабильном экономическом мире Шотландия станет уязвимым звеном. Восемнадцать процентов валового национального дохода будет приходиться на добычу сырья. Это немедленно отразится на ценах на товар в глобальном масштабе. Хотя высокие цены на нефть и цены на газ увеличили бы налоговые поступления, но при спаде производства приход тоже резко снизится. Основные залежи уже разработаны, добыча оставшейся нефти становится нерентабельной при падении цен. Добыча нефти в Северном море постоянно уменьшалась на 6 % за последние десятилетия. В конечном счете нефть закончится полностью.

Во-первых, огромные сырьевые запасы Северного моря требуют внушительных инвестиций на разработку и добычу нефти и газа. Правительство *Великобритании* инвестирует 40 миллиардов фунтов стерлингов на разработку и добычу нефти и газа (таблица 1).

Во-вторых, Шотландия по-прежнему остается дотационным регионом. Именно правительство ЕЕ Величества выделило 874 миллионов на обеспечение финансовых проблем данного региона. Только в сфере образования правительство Великобритании готово потратить более 2 миллиардов фунтов стерлингов (таблица 1).

В-третьих, банковская система Шотландии находится в долговой зависимости от Великобритании. Предыдущее правительство Британии выделило 65 миллиардов фунтов стерлингов Банкам Шотландии (RBS и HBOS/Lloyds). Г-н Сэлмонд уже отклонил предложения о том, чтобы взять акции на £187 миллиардов безнадежных активов RBS (Королевского Банка Шотландии).

В-четвертых, в глобальном масштабе: Соединенные Штаты Америки, страна которая поддерживает

дружеские и тесные партнерские отношения с Великобританией, вряд ли будут поддерживать молодое государство. Да, США разместили свой консульский отдел в Шотландии. Но предсказать действия политического руководства страны, президент которой считает свою нацию исключительной, несложно: в лучшем случае американские нефтяные компании прочно обоснуются в шельфе Северного моря, в худшем – возможен Сербский или Сирийский сценарий.

Таким образом, можно сделать вывод, что надежды правительства Шотландии на обеспеченное будущее своей страны пока не подтверждаются реальной экономической обстановкой. Возможно, через год после проведения референдума изменится и экономическая ситуация. Но пока политологам остается ждать и делать прогнозы.

Литература

1. Боден, Ж. Шесть книг о государстве. Антология мировой философии / Ж. Боден // Шесть книг о государстве. Антология мировой философии: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М., 1970. – Т. 2.
2. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь: 53000 слов. – 23-е изд., стер. / В. К. Мюллер. – М.: Рус. яз., 1992. – 844 с.
3. Brown, R. Nation in State. Independent Perspectives on Scottish Independence / R. Brown. – London: Ten Book Press, 2007. – 154 p.
4. Harvie, C. Whitehall's Triple Whammy – The Politics of Oil, Atoms and Trident / C. Harvie / Ed. R. Brown. – Ten Book Press, 2007. – 154 p.
5. Ross, D. M. Diminishing Divident. The Union and the Economy / D. M. Ross, Ed. R. Brown // Ten Book Press. – 2007. – 154 p.
6. Режим доступа: http://www.scottish-enterprise.com/sedotcom_home/sig/sig-energy/energy-oilandgas/energy-oilandgas-keyfacts.htm Scottish Enterprise – Oil and Gas Key Facts (дата обращения: 28.06.2013).
7. Режим доступа: <http://www.opsi.gov.uk/si/si1999/99112601.gif> large sector (дата обращения: 5.07.2013).
8. Режим доступа: <http://www.ft.com/in-depth/uk-budget> (дата обращения: 26.10.2013).
9. Режим доступа: <http://www.ukbudget.com/ukbudgetget2013/index.cfm>. 2013
10. Режим доступа: <http://www.opsi.gov.uk/si/si1999/99112601.gif> large sector (дата обращения: 15.09.2013).
11. Режим доступа: <http://www.gov.uk> (дата обращения: 27.10.2013).
12. Режим доступа: <http://www.economist.com> (дата обращения: 23.06.2013).

Информация об авторе:

Мещерякова Светлана Михайловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета Романо-германской филологии КемГУ, lanamesh@mail.ru.

Svetlana M. Meshcherykova – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 01.11.2013 г.

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ

О. В. Омеличкин

E-DEMOCRACY: CONCEPT AND PROBLEMS

O. V. Omelichkin

В статье исследуются теоретические вопросы, связанные с использованием новых информационных технологий и формированием электронной демократии. Анализируются основные проблемы и противоречия. Рассматриваются перспективы становления электронной демократии в России.

The paper studies some theoretical issues related to the application of new information technologies and the formation of e-democracy. It explores the major challenges and contradictions of the process. The perspectives on the e-democracy development in Russia are subject to a detailed analysis.

Ключевые слова: информационные технологии, политическая коммуникация, демократия, электронная демократия, политическое участие.

Keywords: information technology, political communication, democracy, e-democracy, political participation.

В современных условиях большое влияние на политическую жизнь оказывают новые информационно-коммуникативные технологии (ИКТ). Огромное значение приобретает Интернет, образующий единое мировое виртуальное пространство. Одновременно формируются новые формы государственного управления в виде деятельности «электронного правительства». Создаются системы сайтов государственных учреждений, партий и общественных организаций. Во многих странах начинают применять различные способы «электронного голосования». В результате этого политика приобретает все более проникающий характер, публичность и зрелищность. Новые формы политической коммуникации не могут не оказать существенного влияния на процессы демократизации. Они привели к появлению нового явления, получившего название «электронная демократия», «сетевая демократия» и т. п. В ней открываются новые возможности для участия граждан в политике. В современной науке данные процессы получили определенное теоретическое осмысление.

Об огромной роли информации в общественном развитии писал еще Ж.-А. де Кондорсе и другие мыслители прошлого. Во второй половине XX века появились новые теории коммуникации. М. Маклюэн видел в новых информационных технологиях важнейший фактор исторического процесса и утверждал, что господствующий тип коммуникации определяет и тип общества. После дописменного этапа развития цивилизации и этапа письменной культуры возникает «электронное общество» (или «глобальная деревня»), которое при помощи электронных средств коммуникации (инфокоммуникаций) формирует новую многомерную картину мира [5].

Идеи, предвосхищавшие приход электронной демократии, высказывали в разное время Ч. Кули, Р. Парк, Дж. Гэллуп, Г. Лассуэлл и др. Одним из первых новое политическое явление зафиксировал О. Тоффлер. В своей книге «Шок будущего» (1970) он написал о появлении «антиципаторной демократии». Суть ее заключалась в том, что власть, принимая политические решения, должна прислушиваться к мнению людей относительно возможных последствий предлагаемых изменений. При этом сами граждане через заинтересованные группы в инициативном порядке могут обращаться с предложе-

ниями и проектами развития страны или какого-либо института в государственные органы. Первоначально данная форма демократии опиралась на традиционные средства информации, но с появлением новых технологий ее возможности значительно выросли [7].

М. Кастельс констатирует кризис существующей либеральной модели демократии. Он отмечает необходимость перехода от иерархической системы управления к децентрализованной и сетевой на основе развития местного самоуправления и установленных горизонтальных связей между гражданами и органами власти, а также широкого использования электронных коммуникаций [4].

Уже в 70-е гг. в США стали проводиться первые эксперименты по созданию интерактивных телематических систем (в виде «электронных городских собраний»). В 1993 г. появился первый официальный государственный интернет-сайт Белого дома. С 1998 г. все федеральные органы власти стали пользоваться электронной почтой. Первые выборы через Интернет были проведены в 2000 г. в штате Орегон. В Эстонии местные выборы с использованием Интернета состоялись в 2005 г. Другой вариант голосования связан с применением «электронных урн», которые могут работать без подключения в электросети и коммуникационные инфраструктуры. В Бразилии такая система стала применяться на выборах в муниципалитеты с 2000 г.

В Эстонии создан портал, позволяющий гражданам обращаться с предложениями по совершенствованию государственного управления и законодательства, выступать с новыми инициативами. В Исландии и Новой Зеландии таким образом обсуждаются основные законопроекты. Подобные примеры можно продолжить. Не случайно в 2006 г. Совет Европы создал специальный комитет по электронной демократии (CANDE) – межправительственный орган, состоящий из представителей 47 государств, являющихся членами СЕ, а также других международных организаций.

В результате подобных нововведений между властными структурами и гражданами устанавливаются прямые и обратные связи, работающие в онлайн-режиме и позволяющие им вести непрерывный диалог. Это способствует оперативному обсуждению общественных

проблем и позволяет добиваться поддержки населением принимаемых решений. Тем самым изменяется характер политического управления, принимающего все более демократический вид.

Идея о том, что информационное общество создает новые формы и механизмы демократического участия активно разрабатывается в научной литературе. Р. Даль писал, что интерактивные системы телекоммуникаций помогают уменьшить разрыв между элитой и народом, позволяют любому гражданину задавать вопросы и получить легкодоступную информацию о публичных проблемах в подходящей для него форме. Они «позволяют гражданам участвовать в дискуссиях с экспертами, с принимающими политические решения лицами и с рядовыми соотечественниками» [2, с. 514]. Такая демократия обеспечивает новые каналы взаимодействия субъектов политики, расширяет политическую аудиторию и открывает новые возможности для информирования и самоорганизации людей.

Электронную демократию мы рассматриваем как такую форму взаимодействия народа и власти, при которой процессы информирования и вовлечения граждан в политику, голосование, совместное обсуждение и принятие решений, контроль над их исполнением и т. д. осуществляются на основе новейших информационно-коммуникационных технологий.

Концепция электронной демократии активно разрабатывается в современной науке. Специалисты выделяют в ней два направления – прямую демократию (демократию участия) и коммунитарную демократию. Первое направление представлено И. Масудой и Б. Барбером, которые отмечают возросшее значение прямого участия граждан в политике и управлении общественными делами через новые информационные каналы. В итоге постепенно будет преодолено политическое представительство профессионалов, чиновников и экспертов. Сторонники коммунитарного подхода (А. Этциони, Х. Рейнгольд) отмечают, что в электронном пространстве взаимодействуют различные группы, ассоциации, граждане, которые обсуждают и принимают решения по самому широкому кругу вопросов без участия профессиональных посредников.

При этом некоторые ученые говорят о качественно новом этапе в развитии демократии, свидетельствующем о своеобразном возвращении к прямой демократии с ее отсутствием посредников в лице избранных представителей, политических партий и других структур. Внедрение новых информационных технологий ведет к наступлению третьей (ранее были античная и представительская) эпохи демократии (Л. Гроссман).

Следует подчеркнуть, что огромный отпечаток на демократическую конфигурацию информационных сетей накладывает растущая глобализация современного мира. Она ослабляет контроль национальных государств над коммуникационными источниками и способствует широкому и беспрепятственному распространению политических идей и демократического опыта.

Однако многие ученые полагают, что данные изменения затрагивают только технические возможности ускорения информационных процессов и предоставления услуг, оставляя прежние общественные связи и отношения. Характер власти и политического управления при этом не меняются. Невысокий уровень политиче-

ской культуры и активности граждан может обесценить весь потенциал новейших информационных технологий.

В этой связи специалисты отмечают, что новые технологии обладают значительными возможностями для манипулирования общественным сознанием. Дезинформация и ложь проникают в любые электронные сети. Они выражают интересы контролирующих эти каналы весьма различных политических сил. Новейшие технические средства могут использоваться и для антигосударственной террористической деятельности.

Данное обстоятельство заставляет усомниться в демократической природе формирующегося информационного общества. Итальянский специалист Д. Дзоло говорит об утопичности самой идеи электронной демократии. Наличие новых технологий интерактивной коммуникации (телеконференции, системы опроса общественного мнения, автоматизированные программы обратной связи, двустороннее кабельное телевидение и т. д.), позволяющих постоянно консультироваться с общественностью и проводить моментальные референдумы, не привело к созданию подлинной демократии. Дело в том, что профессиональные агентства, занятые в сфере коммуникации, по большей части работают ради прибыли и ориентируются на интересы правящих кругов в лице крупных компаний и государственного бюрократического аппарата. Поэтому они последовательно замалчивают (или «забалтывают») самые противоречивые социальные проблемы и пресекают политические инновации. Этому препятствуют также растущая специализация политических функций и крайняя нехватка времени и внимания, присущая современному обществу. Непрерывное увеличение объемов (избыточность) передаваемой информации и неконтролируемость процессов ведут к дезориентации и апатии по отношению к традиционным коллективным формам политического участия и, соответственно, к уходу индивидов в сферу частной жизни. Автор называет этот эффект «одурманивающей дисфункцией», которая подменяет личную ответственность и участие [3, с. 290 – 293].

Политическая практика показывает, что в демократическом обществе политические объединения, организации и другие структуры, обычно выступающие в роли посредников, по-прежнему пользуются большим влиянием и активно используют электронные средства в своих целях. Кроме того, сами технологические системы являются такими же социальными структурами, как и политические институты, а их деятельность контролируется и регламентируется государством. Ведущую же роль при демократии продолжают играть использующие их различные социальные группы и индивиды.

Поэтому необходим государственный и общественный контроль над средствами массовой коммуникации и деятельностью «невидимой» политической власти. Только тогда Интернет и другие информационные технологии могут сыграть важную роль в формировании демократических механизмов политического участия.

В то же время в современных условиях отмечается заметное сокращение непосредственных форм политического участия. Снижается численность политических ассоциаций. Периодически падает активность людей на выборах. Одновременно наблюдается расширение символических форм участия через средства массовой информации. Люди превращаются в заинтересованных

наблюдателей политических событий, соединяющих необходимость познания и ориентации в публичной политике с развлечением и организацией собственного досуга. Подобное участие может вылиться как в новые формы информационного обмена и самоорганизации граждан, так и в имитацию демократических форумов.

При этом становится очевидным, что в целом ИКТ способствуют повышению уровня политической активности масс, вовлечению в политику новых социальных слоев и групп (особенно молодежи или населения отдаленных районов), их ускоренной мобилизации при проведении политических кампаний, равноправному участию граждан в обсуждении и принятии ответственных решений, коллективному контролю над органами государства. Они расширяют политическое пространство за счет его виртуализации и удвоения.

Следует при этом различать понятия «электронная демократия» и «электронное правительство». Вслед за другими специалистами мы считаем, что последнее обеспечивает оперативность и удобство в предоставлении гражданам услуг государственными учреждениями, информирование их о важнейших событиях. Демократическое качество системы связано с дополнительными возможностями в проведении выборов и личного участия граждан в обсуждении и принятии политических решений. В результате люди получают возможность не только сообщать о своих предложениях и требованиях, но контролировать и отчасти направлять деятельность органов государственной власти.

Основные принципы электронной демократии зафиксированы в таком важном международном документе, как Рекомендации Комитета Министров Совета Европы CM/REC(2009)1 по электронной демократии. В Приложении к ним определены главные направления и стандарты в ее развитии [8].

В кратком изложении они выглядят следующим образом.

Главная цель электронной демократии состоит в поддержке демократии и усилении демократических институтов и процессов.

Она дополняет традиционные процессы и взаимодействует с ними.

Она основана на демократических, человеческих и культурных ценностях общества.

Она является реализацией власти в электронной форме и включает в себя неформальную политику и неправительственных участников.

Электронная демократия реализует фундаментальные свободы, включая свободу информации и доступ к ней, права человека и меньшинств.

Она обеспечивает расширение политических дебатов и повышение качества принимаемых решений на всех уровнях управления.

Она может использоваться в различных типах демократии и на разных стадиях демократического развития.

Цели и принципы электронной демократии – прозрачность, подотчетность, ответственность, вовлечение, дискуссия, инклюзивность, доступность, участие, субсидарность, доверие, социальное сплочение.

Ключевую роль в ней играют СМИ и другие открытые электронные площадки для публичных дебатов.

Электронная демократия – неотъемлемая часть информационного общества.

Она основана на следующих понятиях: информированность, широкое понимание гражданства, участие, предоставление полномочий, включение, дискуссия.

Она объединяет ответственных лиц и граждан в разработке политики, способствуя социальной интеграции и общественной стабильности.

Электронная демократия усиливает международную и глобальную сущность политики, облегчает трансграничное сотрудничество.

В целом электронная демократия обеспечивает учет мнений и предложений населения и организаций в процессе принятия политических решений и административного управления. Она способствует вовлечению граждан в политический процесс в новых, более простых и доступных для них формах. Органы власти непосредственно взаимодействуют с народом, их деятельность становится открытой и эффективной на основе ускорения всех процедур обсуждения и принятия управленческих решений и оказания государственных услуг. Целью такой демократии становится оптимизация деятельности политических институтов путем отказа от излишних посреднических структур и информационных барьеров, а также прямого и активного политического участия народа в общественных делах.

В рамках данного процесса создаются социальные сети свободного политического общения и сотрудничества и широкого распространения любой информации и проектов. На этой основе образуются новые социально-сетевые политические движения, которые постепенно замещают в глазах аудитории традиционные партии и общественные организации. Для «невяных» сообществ и групп интересов такие движения могут стать удобной формой политической организации и просвещения, координации коллективных действий, обеспечивающих ситуативную мобилизацию граждан и разработку объединяющих их политических целей. Для них характерно наличие множества лидеров общественного мнения и существующих уровней информационного взаимодействия. При этом все члены сетевого сообщества остаются самостоятельными и независимыми от любых структур, добровольно вступают в политические союзы и принимают на себя какую-либо ответственность, руководствуясь собственными представлениями и убеждениями. Тем самым политическая конфигурация общества приобретает форму совокупности автономных агентств и объединений.

В России для развития электронного политического пространства имеются все предпосылки. Уже сейчас по количеству пользователей Интернетом страна занимает первое место в Европе и шестое в мире. Общая численность пользователей составляет около 70 млн человек. Интернет становится вторым по значимости источником новостей о событиях в стране и в мире после телевидения. По данным ВЦИОМ (март 2013 г.), доля пользователей интернетом составляет 67 % населения, причем 41 % из них делают это ежедневно. Среди опрошенных 53 % выразили уверенность, что развитие интернета идет на пользу нашему обществу. Он обеспечивает оперативный доступ к информации и расширяет возможности для общения. Однако 24 % видят в этом больше вреда, поскольку, по их мнению, данное пространство заполнено «пустой», вредной информацией и негативно влияет на молодежь («зомбирование», отупление) [6].

При этом подавляющее большинство россиян согласны с тем, что в Интернете действительно существует множество опасных сайтов и материалов, в связи с чем необходимо ввести цензуру и ограничить доступ к нему подростков.

В июле 2013 г. фонд «Общественное мнение» провел исследование, целью которого было выяснение того, насколько распространены гражданские инициативы в Интернете. Оказалось, что среди тех, кто посещает Интернет не реже одного раза в месяц, 15 % опрошенных проявляли гражданскую активность. При этом за последние полгода – год им приходилось делать в Интернете следующее: высказываться по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах – 6 %, посещать сайты партий, общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров – 5 %, жертвовать деньги в благотворительные фонды, незнакомым нуждающимся людям – 4 %, участвовать в интернет-голосованиях по политическим вопросам – 2 %, размещать на централизованных сервисах информацию о местных проблемах (например, свалка мусора, сломанная детская площадка и т. п.) – 2 %, вступать в группы партий/политических лидеров в социальных сетях – 1 %, распространять информацию об общественных и политических проблемах и событиях – 1 %, вступать в группы общественных (некоммерческих) организаций, инициатив по решению общественных проблем и помощи нуждающимся в социальных

сетях – 1 %, подписывать петиции, законопроекты, обращения в интернете – 1 %, участвовать в общественной экспертизе законопроектов – 1 %. Среди активных пользователей данные показатели существенно выше. При этом 81 % респондентов не делали ничего из перечисленного.

Очевидно, что политическая деятельность свойственна пока небольшой части пользователей Интернета. Однако исследование показало, что люди, проявляющие высокую гражданскую активность в Интернете, больше других готовы объединяться для совместных действий, склонны доверять людям из своего окружения. Они чаще выражают готовность организовывать общественные мероприятия и принимать в них участие, а также жертвовать деньги на различные социальные проекты [1].

Электронная демократия обеспечивает предоставление населению различных государственных услуг и информации о деятельности соответствующих учреждений, позволяет гражданам участвовать в обсуждении социально значимых проблем и принятии важнейших решений, в контроле за их исполнением. Основными ее механизмами являются электронное голосование, опросы, сетевая коммуникация в режиме online, обращения и предложения граждан, формирование коммуникативных сообществ и организация их деятельности. Все это должно способствовать развитию самоуправленческих начал в общественной жизни и реализации в новых формах основных гражданских прав и свобод.

Литература

1. Гражданская активность в Интернете. Насколько распространены гражданские инициативы в Интернете? – Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10985>
2. Даль, Р. Демократия и ее критики / Р. Даль. – М., 2003.
3. Дзоло, Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Д. Дзоло. – М., 2010.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М., 2013.
6. Проникновение Интернета в Россию и его последствия // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2302 от 20.05.2013. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114108>
7. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М., 2008.
8. Режим доступа: <http://idemocracy.ru/projects/articles/42-ec2009edem.html>

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук факультета политических наук и социологии КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.

Oleg V. Omelichkin – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 09.12.2013 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:612.821

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НА ФАКУЛЬТЕТАХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО
И ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ*Н. В. Аверьянова*FEATURES OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL DEVELOPMENT OF STUDENTS
MAJORING IN NATURAL SCIENCE AND IN THE HUMANITIES*N. V. Averyanova*

Исследован характер изменений психофизиологических показателей у студентов биологического и исторического факультетов в динамике трех лет обучения. Установлена роль отдельных факторов (возраст, пол и профиль обучения) в формировании адаптивно-регуляторного психофизиологического потенциала у студентов в процессе учебной деятельности на разных факультетах.

The character of changes in psychophysiological indicators in the Biology and History Faculties' students' over three years of study is analysed. The role of individual factors (age, gender and education profile) for the formation of students' adaptive psychophysiological regulatory capacities in the process of studying at different departments is determined.

Ключевые слова: студенты, психофизиологическое развитие, учебная деятельность.

Keywords: students, psychophysiological development, learning activity.

Онтогенетическое развитие человека представляет собой реализацию генетической программы в конкретных условиях среды, которые могут оказывать существенное влияние на степень выраженности этой программы в пределах границ возможных отклонений [1; 7; 10; 16]. Отмечено, что с возрастом уменьшается степень влияния генетических факторов развития с присущей им жесткой детерминированностью и возрастает влияние факторов социальных, увеличивающих вариативность в рамках канала индивидуального развития [15; 13; 18; 9]. Студенческий возраст соответствует юношескому периоду индивидуального развития человека, характеризующемуся завершением созревания коры больших полушарий и специализацией структур мозга, нейрофизиологических механизмов, определяющих индивидуальную стратегию познавательной деятельности [12; 8; 14; 2].

Показано, что любой вид деятельности, в том числе умственный, оказывает значительное влияние на развитие и формирование индивидуальных особенностей психофизиологических функций в период развития ребёнка, особенно в период обучения в школе [20; 19; 21; 3; 9]. Несмотря на то, что изучение влияния образовательной среды на психофизиологическое развитие обучающихся не теряет своей актуальности на протяжении многих лет, недостаточно исследована роль отдельных факторов процесса обучения в вузе на изменение траекторий развития психофизиологических характеристик у студентов в рамках генетически детерминированного канала.

Для изучения характера возрастных изменений психофизиологических показателей у студентов с учётом влияния учебной деятельности на разных факультетах проведены исследования в динамике трех лет обучения. В эксперименте, который проводился в

октябре – ноябре с 2010 по 2012 год, приняло участие 239 студентов обоего пола биологического и исторического факультетов КемГУ. У всех студентов на 1 и 3 курсах изучались нейродинамические показатели с использованием автоматизированной психофизиологической программы РФК: работоспособность головного мозга (РГМ), функциональная подвижность (УФП) и уравновешенность нервных процессов (РДО), простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР) и психодинамические показатели: кратковременная (КП), ассоциативная (АП) и образная (ОП) память, объём внимания (ОВ); регистрировались математические показатели сердечного ритма с помощью кардиографической программы ORTO: индекс напряжения (ИН), мода (Мо), амплитуда моды (АМо), вариационный размах (ΔX) [4]. Кроме этого, изучался уровень мотиваций на обучение (модифицированный вариант анкеты А. А. Пинского). Математическая обработка полученного материала проводилась с помощью пакета прикладных программ «Statistica 8.0». Для сравнения групп в зависимости от типа распределения показателей использовался t-критерий Стьюдента или U-критерий Манна-Уитни. Для оценки степени влияния биологических факторов и факторов учебной деятельности на психофизиологические показатели использовался однофакторный дисперсионный анализ.

**Возрастные изменения психофизиологических показателей у студентов
с учётом пола в процессе обучения**

<i>Показатели</i>	<i>Первый курс</i>		<i>Третий курс</i>		<i>p ≤ 0,05</i>
	<i>юноши n = 89 1</i>	<i>девушки n = 150 2</i>	<i>юноши n = 48 3</i>	<i>девушки n = 120 4</i>	
САД, мм рт. ст.	122,3 ± 2,37*	106,87 ± 1,37*	123 ± 2,49*	109,6 ± 1,27*	
ДАД, мм рт. ст.	86,92 ± 1,82*	73,43 ± 1,04*	88 ± 3,88*	79,78 ± 1,27*	2 – 4
ЧСС, покой, к-во уд. в мин.	78,8 ± 1,91	77,04 ± 0,94	74,31 ± 2,98	77,63 ± 0,95	
АМо, %	41,88 ± 2,72	40,34 ± 1,36	39,5 ± 3,66	38,78 ± 1,61	
Мо, сек	0,79 ± 0,01	0,78 ± 0,01	0,85 ± 0,03*	0,77 ± 0,95*	1 – 3
ΔХ, сек	0,27 ± 0,01	0,26 ± 0,01	0,31 ± 0,02	0,28 ± 0,013	
ИН, усл. ед.	132,72 ± 21,95	135,01 ± 11,58	125,7 ± 24,27	131,07 ± 13,41	
ПЗМР, мс	287,64 ± 6,0	301,32 ± 5,3	309,28 ± 8,33	308,96 ± 5,47	1 – 3
УФП, сек	63,92 ± 1,11	63,17 ± 0,43	62,35 ± 0,84	62,63 ± 0,23	
РГМ, к-во сигналов	594,4 ± 11,1	582,98 ± 4,2	612 ± 11,57	609,45 ± 5,65	2 – 4
РДО, к-во реакций опережения	2,76 ± 0,45	2,94 ± 0,22	5,58 ± 0,81	5,67 ± 0,34	1 – 3; 2 – 4
РДО, к-во реакций запаздывания	6,21 ± 0,61*	10,1 ± 0,54*	10,18 ± 0,67	10,51 ± 0,31	1 – 3
РДО, к-во точных реакций	6,46 ± 0,62*	4,1 ± 0,32*	9,53 ± 0,70*	5,98 ± 0,25*	1 – 3; 2 – 4
РДО, суммарное время реакций отклонения	331,53 ± 40,12*	534,5 ± 30,18*	577,77 ± 54,57	637,27 ± 22,23	1 – 3; 2 – 4
Механическая память, балл	6,2 ± 0,64	7,1 ± 0,63	6,07 ± 0,32	6,7 ± 0,17	
Ассоциативная память, балл	5,09 ± 0,26	5,42 ± 0,14	5,28 ± 0,32*	6,05 ± 0,12*	2 – 4
Объем внимания, балл	5,82 ± 0,23*	5,1 ± 0,13*	6,57 ± 0,24*	5,8 ± 0,14*	1 – 3; 2 – 4
Личностный стресс, балл	5,15 ± 0,61	5,02 ± 0,44	9,3 ± 0,58*	3,5 ± 0,4*	1 – 3; 2 – 4
Личностная тревожность, балл	43,63 ± 1,75	44,31 ± 1,25	43,9 ± 1,84	46,58 ± 0,85	
Мотивации на обучение, балл	27,16 ± 1,41	28,39 ± 0,67	26,9 ± 0,69	27,4 ± 0,64	

Результаты обследования первокурсников выявили достоверные половые различия: значения САД, ДАД, точности РДО и ОВ выше у юношей по сравнению с девушками, а суммарное время реакций отклонения и реакций запаздывания (РДО) меньше у юношей по сравнению с девушками (таблица 1). Соответственно, 70 – 75 % первокурсников обладают высоким и средним уровнем РГМ, ОВ и ПЗМР, около 85 % высоким и средним уровнем УФП, АП, МП (таблица 2).

Выявленные возрастные особенности нейродинамических процессов и психических функций у 18-летних студентов первого курса можно объяснить завершением функционального созревания ЦНС и ВНД к юношескому возрасту, а половые различия в показателях УФП, РГМ, АП, вегетативного обеспечения работы сердца и личностной тревожности особенностями реактивности на учебную деятельность у юношей и девушек, которая у последних протекает более благоприятно [14; 8; 2].

К третьему курсу в процессе учебной деятельности у студентов наблюдаются возрастные изменения нейродинамических и психодинамических показателей, при этом половые различия в основном сохраняются. Выявлено достоверное увеличение количества точных реакций, реакций опережения (РДО) и ОВ у

студентов обоего пола; увеличение ПЗМР и количества реакций запаздывания у юношей; увеличение РГМ и АП у девушек (таблица 1).

Установлено повышение количества девушек с высоким и юношей со средним уровнем функциональной подвижности нервных процессов (таблица 2), что может говорить о дальнейшем созревании нервных процессов в юношеском возрасте [14]. Систематическая умственная деятельность стимулировала повышение к 3 курсу ОВ до высокого и среднего уровня как у девушек, так и у юношей и увеличению количества девушек с высоким уровнем РГМ и ПЗМР. В то же время учебная деятельность привела к повышению числа юношей с низким уровнем этих параметров и АП, что может быть вызвано умственным утомлением или снижением уровня мотиваций на учёбу, о чём свидетельствует большой процент третькурсников с низким уровнем (таблица 2).

Завершение созревания сердечнососудистой системы в юношеском возрасте привело к достоверному увеличению к 20 годам у студентов Мо и повышению ДАД у девушек (таблица 1).

**Изменение соотношения студентов с разным уровнем психофизиологических показателей
в процессе обучения (в %)**

<i>Показатель</i>	<i>Уровни</i>	<i>Первый курс</i>		<i>Третий курс</i>	
		<i>юноши</i>	<i>девушки</i>	<i>юноши</i>	<i>девушки</i>
Работоспособность головного мозга	низкий	26,13*	27,08*	36,36*	15,58*
	средний	48,57	47,92	40,91	40,26
	высокий	25,71	25*	22,73	44,16*
Простая зрительно-моторная реакция	низкий	26,34	30,95	31,82	33,77
	средний	52,17	53,97	59,09	42,86
	высокий	21,74	15,08*	9,09	23,38*
Функциональная подвижность нервных процессов	низкий	22,31	15,75	13,64	9,09
	средний	52,17	55,12	63,64	49,35
	высокий	26,09	29,13*	22,73	41,56*
Ассоциативная память	низкий	15,21*	14,41	28,57*	10,43
	средний	25,64	16,10*	21,43	26,67*
	высокий	58,97	69,49	50,17	63,33
Механическая память	низкий	17,37	10,91	21,43	10,42
	средний	56,52	52,73	50,13	50,67
	высокий	26,09	36,36	28,57	39,58
Объем внимания	низкий	29,13*	39,68*	9,09*	24*
	средний	60,07	52,38	63,64	61,33
	высокий	11,11*	7,94	27,27*	14,67
Личностный стресс	средний	76,11	76,23	57,89	85,71
	высокий	24,19*	23,77	42,11*	14,29
Личностная тревожность	низкий	14,8	4,05	10,31	0
	средний	59,26	41,89	40,03	44,12
	высокий	25,93*	54,05	50,13*	55,88
Мотивации на обучение	низкий	24,35	25,76	40,34	31,34
	средний	61,90	48,48	60,21	54,29
	высокий	14,29	25,76	0	14,29

Примечание: * – достоверные изменения в половой группе студентов между первым и третьим курсами, при $p < 0,05$.

Показано, что школьники, обучающиеся в разных профильных классах и студенты, обучающиеся на разных факультетах, отличаются индивидуальным психофизиологическим и психологическим статусом, что определяется врожденными индивидуально-типологическими особенностями и обусловленными мотивациями на выбор профиля обучения [11; 6]. Сравнительный анализ психофизиологических показателей первокурсников разных факультетов показал, что они отличаются по некоторым параметрам (таблица 3). Девушки-первокурсницы исторического факультета характеризуются достоверно высокими показателями РГМ и АП по сравнению со студентками биологического факультета, эти различия и количество девушек с высоким уровнем АП сохраняются к 3 курсу (таблицы 3 и 4). Такой психофизиологический статус сопровождается у девушек исторического факультета увеличением количества студентов с эйтоническим типом вегетативной регуляции и уменьшением с высоким уровнем личностного стресса, свидетельствующих о формировании у них адаптивно-регуляторного психофизиологического потенциала к учебной деятельности на историческом факультете. У юношей-историков, наоборот, наблюдается повышение числа лиц с симпатикотоническим типом регуляции и высоким уровнем личностного стресса (почти в 2 раза), что может быть связано с напряжением механизмов регуляции в процессе учебной деятельности (таблица 2).

Тем не менее у них отмечается увеличение ОВ и количества точных реакций к 3 курсу, при этом число представителей с высоким уровнем ОВ больше, чем у студентов-биологов (таблицы 3 и 4).

Показано, что АП и свойства внимания являются необходимыми для овладения материалом по гуманитарным предметам, когда происходит усвоение научных понятий, совершенствование таких операций, как классификация, аналогии, обобщение [5; 17]. Юноши 1-го курса биологического факультета отличаются достоверно высокими показателями ОВ по сравнению с юношами 1-го курса исторического факультета. К третьему курсу у студентов обоего пола биологического факультета установлено повышение количества точных реакций и реакций опережения, а у девушек ОВ и АП и количества лиц с высоким уровнем АП (таблицы 3 и 4).

Естественные науки, к которым относятся предметы химико-биологического профиля, предполагают точное формульное определение закономерностей, описывающих рассматриваемые природные явления, требующих точности реакций и активизации ЦНС [11]. У юношей-первокурсников биологического факультета отмечено также преобладание симпатических влияний в вегетативной регуляции, о чём говорят высокие показатели АМо, ИН и большое количество лиц с преобладанием симпатотонического типа вегетативной регуляции (таблица 3, рис.). Этот факт и высокий уровень личностного

стресса свидетельствует о напряжении механизмов регуляции. К третьему курсу у юношей установлено уменьшение процента лиц с симпатикотоническим типом вегетативной регуляции и увеличение с ваготоническим, что наряду с отсутствием студентов с высоким

уровнем личностной тревожности говорит о формировании адаптивно-регуляторного психофизиологического потенциала в условиях обучения на биологическом факультете.

Таблица 3

Изменения психофизиологических показателей у студентов биологического и исторического факультетов в процессе обучения

Показатели	Пол	Первый курс		Третий курс		$p \leq 0,05$
		биологический факультет 1	исторический факультет 2	биологический факультет 3	исторический факультет 4	
Амплитуда моды, покой (%)	юноши	45,38 ± 6,97*	35,6 ± 2,99*	41,4 ± 6,04	40,83 ± 5,88	
	девушки	44,54 ± 2,87	40,1 ± 1,64	40,25 ± 3,4	39,11 ± 2,49	
Индекс напряжения, покой (усл. ед.)	юноши	161,84 ± 61,67*	81,91 ± 12,88*	119,16 ± 28,08	138,18 ± 39,05	
	девушки	170,99 ± 28,51	143,63 ± 14,89	131,45 ± 24,89	138,13 ± 24,09	
РГМ, к-во сигналов	юноши	592,27 ± 28,29	600,12 ± 67,8	555,3 ± 38,86	586,5 ± 15,93	
	девушки	576,07 ± 7,5*	598,41 ± 6,82*	586,19 ± 12,4*	622,29 ± 7,63*	2 – 4
РДО, к-во реакций опережения	юноши	3,33 ± 1,05	2,36 ± 0,52	9,0 ± 1,21*	3,24 ± 0,67*	1 – 3
	девушки	2,9 ± 0,43	3,01 ± 0,22	7,4 ± 2,05	4,5 ± 1,53	1 – 3
РДО, к-во реакций запаздывания	юноши	5,16 ± 1,07*	9,48 ± 0,77*	7,33 ± 0,56*	9,5 ± 0,52*	1 – 3
	девушки	9,95 ± 1,03	10,82 ± 0,38	10,8 ± 1,06	8,5 ± 2,51	
РДО, к-во точных реакций	юноши	6,66 ± 1,56	6,96 ± 0,58	10,5 ± 2,13	9,1 ± 1,24	1 – 3; 2 – 4
	девушки	5,11 ± 0,68	5,32 ± 0,29	7,23 ± 0,83*	5,46 ± 0,34*	1 – 3
РДО, общее время реакций отклонений	юноши	358,33 ± 66,31	364,39 ± 32,82	545 ± 95,02	587,14 ± 83,43	1 – 3; 2 – 4
	девушки	533,68 ± 52,51	524,36 ± 24,52	723,57 ± 63,53*	597 ± 33,97*	1 – 3
Ассоциативная память, балл	юноши	5,0 ± 0,65	5,56 ± 0,25	5,5 ± 1,19	5,2 ± 0,48	
	девушки	4,8 ± 0,35*	6,19 ± 0,11*	5,27 ± 0,35*	6,38 ± 0,12*	1 – 3
Объем внимания, балл	юноши	6,38 ± 0,43*	5,4 ± 0,29*	6,0 ± 0,57	6,5 ± 0,31	2 – 4
	девушки	4,97 ± 0,27	5,23 ± 0,17	5,59 ± 0,24	5,6 ± 0,24	1 – 3
Личностная тревожность, балл	юноши	40,5 ± 4,02	41,14 ± 2,19	29,5 ± 1,52*	47,5 ± 1,53*	1 – 3; 2 – 4
	девушки	43,55 ± 2,09	46,12 ± 1,33	49,72 ± 2,28	45,08 ± 1,35	1 – 3
Личностный стресс, балл	юноши	3,38 ± 0,27*	5,67 ± 0,78*	8,5 ± 1,94	7,04 ± 1,32*	1 – 3
	девушки	4,14 ± 0,78	4,17 ± 0,62	3,06 ± 0,73	4,05 ± 0,68	

Примечание: * – достоверные различия между факультетами на одном курсе.

Таблица 4

Изменение соотношения студентов биологического и исторического факультетов с разным уровнем психофизиологических показателей в процессе обучения (%)

Показатель	Уровни	Биологический факультет				Исторический факультет			
		первый курс		третий курс		первый курс		третий курс	
		юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Работоспособность головного мозга	низкий	18,18	31,58	25	27,78	28,57*	27,78	10,0*	11,90
	средний	45,45*	52,63*	75*	33,30*	42,86*	38,89	80,0*	38,10
	высокий	36,36*	15,79*	0*	38,89*	28,57	33,33*	10,0	50*
Простая зрительно-моторная реакция	низкий	23,1	18,13*	25	38,9*	26,7*	47,2	50,0*	40,5
	средний	46,2*	61,5	75*	44,4	40	41,7	40,0	38,1
	высокий	30,8*	20,5	0*	16,7	33,33*	11,1*	10,0*	21,4*
Функциональная подвижность нервных процессов	низкий	15,4	20,5	0	11,1	26,7*	8,3	10,0*	11,9
	средний	46,2*	51,3	75*	50	40,32*	63,9	90,0*	52,4
	высокий	38,5	28,2	25	38,9	33,3	27,8	0	35,7
Ассоциативная память	низкий	28,6	41,9	25	27,8	21,4	11,4	30	2,4
	средний	42,9	16,1*	0	44,44*	21,4	17,1	30	19,1
	высокий	28,6*	41,9	75*	27,8	57,1	71,4	40	78,6

Механическая память	низкий	50	0	25	6,7	10,5	11,5	20	12,1
	средний	25*	66,7	50*	73,3	63,1	51,9	50	39,4
	высокий	25	33,3	25	20	26,3	36,5	30	48,5
Объем внимания	низкий	7,7*	47,4*	20*	25*	37,5	36,4	0	23,8
	средний	84,6*	42,1	60*	59,4	50	56,8	66,7	61,9
	высокий	7,7*	10,5	20*	15,6	12,5*	6,8	33,3*	14,3
Личностный стресс	низкий	0	0	0	0	0	0	0	0
	средний	76,9	75,7*	66,7	93,3*	75*	26,5*	50*	79,5*
	высокий	23,1	24,3*	33,3	6,7*	25*	23,5	50*	20,5
Личностная тревожность	низкий	16,67*	5,56	50*	0	14,29	3,57	0	0
	средний	50	44,4*	50	18,2*	61,9*	41,1	37,5*	56,5
	высокий	33,3	50*	0	81,8*	23,8*	55,4	62,5*	43,5

Примечание: * – достоверные изменения в половой группе студентов между третьим и первым курсом, при $p < 0,05$.

Для выявления весомости влияния биологических (возраст, пол) и социальных (профиль факультета, мотивации на обучение) факторов на формирование психофизиологического потенциала у студентов в процессе обучения от 1 к 3 курсу был проведен дисперсионный анализ, показавший, что наиболее значительная роль принадлежит таким факторам: пол ($F = 36 - 6$) и мотивации на обучение ($F = 14,9 - 4,4$) (таблица 5). Причём от 1 к 3 курсу их влияние усиливается, о чём говорят повышение значений коэффициента F и увеличение количества показателей. В результате проведенного дисперсионного анализа уста-

новлено также различное влияние изучаемых факторов на изменение психофизиологических показателей у студентов в процессе обучения: пол в большей степени оказывает воздействие на уравновешенность нервных процессов, уровень личностного стресса и ОВ; возраст – на ПЗМР; профиль обучения на факультете – на АП, точность реакции и личностный стресс; мотивации на количество точных реакций и АП. В итоге комплекс этих факторов наиболее значительно влияет на точность зрительно-моторных реакций, АП, ОВ и уровень личностного стресса (таблица 5).

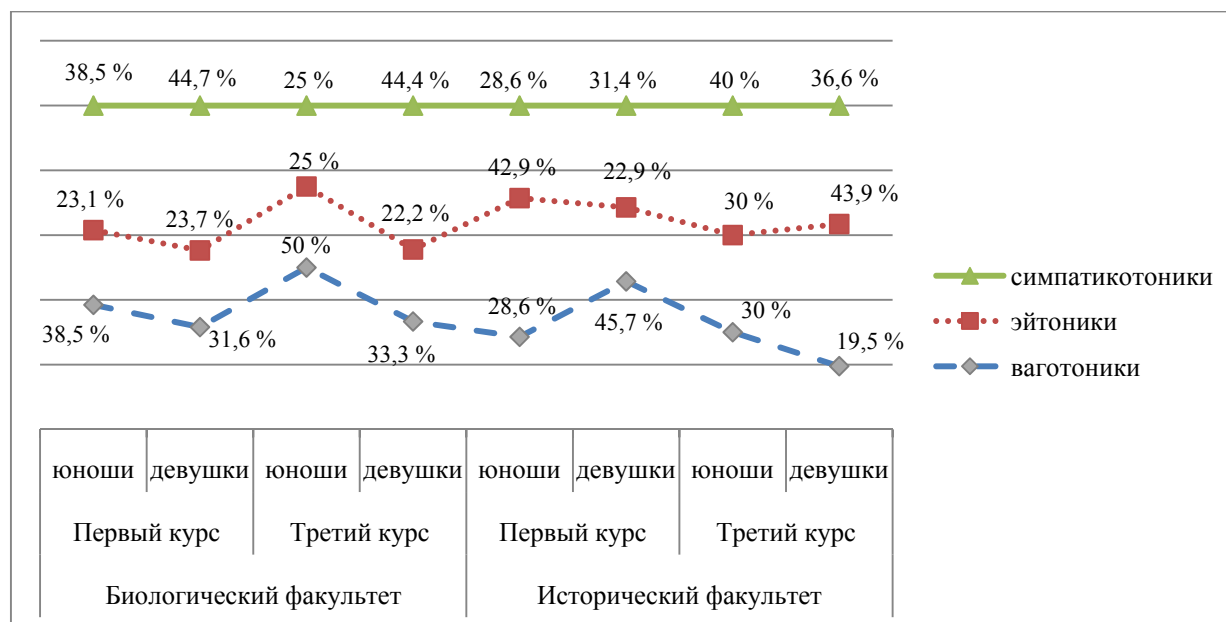

Рис. Изменение типа вегетативной регуляции у студентов биологического и исторического факультетов в процессе обучения

Коэффициенты дисперсионного анализа (F), отражающие степень влияния биологических факторов и профиля обучения на психофизиологические показатели студентов в процессе обучения

<i>Показатели</i>	<i>Пол</i>		<i>Возраст</i>		<i>Профиль факультета</i>		<i>Мотивации на обучение</i>	
	<i>1 курс</i>	<i>3 курс</i>	<i>1 курс</i>	<i>3 курс</i>	<i>1 курс</i>	<i>3 курс</i>	<i>1 курс</i>	<i>3 курс</i>
РГМ, количество сигналов	-	-	-	-	9,12	14,95	-	4,18
ПЗМР, м/сек	-	-	-	8,0	-	-	5,04	-
УФП, сек	-	-	-	-	-	-	-	-
РДО, количество точных реакций	12,5	32,17	2,39	-	-	-	5,17	9,27
РДО, суммарное время реакций отклонений	14,44	6,0	5,4	-	-	-	-	5,81
АП, балл	-	8,22	3,48	-	-	5,26	12,1	13,88
МП, балл	-	-	-	-	-	-	5,3	-
ОВ, балл	7,02	12,9	4,14	4,6	-	-	-	4,5
Личностный стресс, балл	-	36,4	2,87	3,6	-	9,21	10,08	-
Личностная тревожность, балл	-	-	2,58	-	14,73	-	-	-

В условиях обучения на биологическом факультете эти факторы обуславливают формирование у студентов адаптивно-регуляторного психофизиологического потенциала, характеризующегося преобладанием процессов возбуждения, повышенной функциональной подвижностью нервных процессов, высокой точностью зрительно-моторных реакций, сопровождающегося усилением ваготонических влияний в регуляции сердечного ритма у юношей и высокой личностной тревожностью у девушек.

У студентов исторического факультета влияние этих факторов приводят к формированию адаптивно-регуляторного психофизиологического потенциала с высокой РГМ, большим ОВ и высоким уровнем АП при усилении симпатических вегетативных реакций и личностного стресса у юношей, эйтонического типа вегетативной регуляции у девушек.

Заключение

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Биологические факторы (пол – $F = 36,4 - 8,2$, возраст – $F = 4,6 - 2,8$) и социальные факторы (мотивации на обучение – $F = 13,9 - 5,2$, профиль обучения на факультете – $F = 14,9 - 4,4$) оказывают наиболее значительное влияние на изменение точности зрительно-моторной реакции, ассоциативной памяти, объёма внимания и личностного стресса у студентов в процессе трёхлетнего обучения.

2. Психофизиологическое развитие в юношеском периоде онтогенеза у студентов проявляется в изменении уравновешенности нервных процессов в сторону усиления процессов возбуждения, повышении точности зрительно-моторной реакции, увеличении объёма

внимания, снижении мотиваций на учебную деятельность.

3. Изменения психофизиологических показателей в динамике трёх лет обучения у студентов разного пола отличаются: у девушек улучшается ассоциативная память и время зрительно-моторной реакции, увеличивается количество лиц с высоким уровнем функциональной подвижности нервных процессов, эйтоническим типом вегетативной реакции при снижении уровня личностной тревожности; у юношей усиливаются процессы торможения, ухудшается скорость зрительно-моторной реакции, усиливаются ваготонические влияния в механизмах вегетативной регуляции и повышается уровень личностной тревожности и личностного стресса.

4. Специфика гуманитарного и естественно-научного обучения студентов с учётом профиля обучения в школе способствует формированию специфического адаптивно-регуляторного психофизиологического потенциала у студентов к третьему курсу:

– у студентов биологического факультета характеризуется преобладанием процессов возбуждения, повышенной функциональной подвижностью нервных процессов, высокой точностью зрительно-моторных реакций, сопровождающегося усилением ваготонических влияний в регуляции сердечного ритма у юношей и высокой личностной тревожностью у девушек;

– у студентов исторического факультета – высокой работоспособностью головного мозга большим объёмом внимания и высоким уровнем ассоциативной памяти при усилении симпатических вегетативных реакций и личностного стресса у юношей, эйтонического типа вегетативной регуляции у девушек.

Литература

1. Адаптация и здоровье: учеб. пособие / отв. ред. Э. М. Казин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 301 с.
2. Безруких, М. М. Возрастная физиология (физиология развития ребёнка): учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / М. М. Безруких, В. Д. Сонькин, Д. А. Фарбер. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 416 с.

3. Особенности психофизиологического развития и формирования приспособительных реакций к обучению у подростков в условиях гимназии / Н. Г. Блинова [и др.] // Физиология человека. – 2009. – Т. 35. – № 6. – С. 68 – 75.
4. Практикум по психофизиологической диагностике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. Г. Блинова [и др.]. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 128 с.
5. Васина, Е. В. Роль индивидуально-типологических особенностей учащихся в адаптации к профильному обучению / Е. В. Васина, Н. Г. Блинова, Н. Н. Кошко // Физиологические механизмы адаптации человека: материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень, 26 октября 2010 г. – Тюмень: Локоника, 2010. – С. 315 – 318.
6. Васина, Е. В. Формирование адаптивных реакций у старшеклассников в условиях профильного обучения / Е. В. Васина, Н. Г. Блинова, Э. М. Казин // Функциональное состояние и здоровье человека: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 4 – 7 октября 2010 г. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 230 – 232.
7. Властовский, В. Г. Акселерация роста и развития / В. Г. Властовский. – М.: Наука, 1976. – 280 с.
8. Дубровинская, Н. В. Психофизиология ребенка: психофизиологические основы детской валеологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. В. Дубровинская, Д. А. Фарбер, М. М. Бузуких. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 144 с.
9. Казин, Э. М. Психофизиологические особенности студентов первого курса разных факультетов КемГУ / Э. М. Казин, Н. Г. Блинова, С. Л. Лесникова // Вестник КемГУ. – 2009. – № 4. – С. 14 – 17.
10. Никитюк, Б. А. Факторы роста и морфофункционального созревания организма (анализ наследственных и средовых влияний на постнатальный онтогенез) / Б. А. Никитюк. – М.: Наука, 1978. – С. 62 – 63.
11. Никифорова, О. А. Анализ факторов, влияющих на формирование эффективного индивидуального стиля учебной деятельности старшеклассников / О. А. Никифорова, Э. Э. Кожевникова, В. И. Навалихина // Новые исследования: альманах. – М.: РАО Институт возрастной физиологии. – 2005. – № 1(8). – С. 60 – 69.
12. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебно-методический комплекс. Книга III. Адаптация и здоровье студентов: учебно-методическое пособие / ред. коллегия: Е. Л. Руднева [и др.]; отв. ред. Э. М. Казин. – Кемерово: Изд-во КРИПКИПРО, 2011. – 627 с.
13. Критические и сенситивные периоды в онтогенезе человека / В. П. Рыбаков [и др.] // Российский физиологический журнал им. Сеченова. – 2004. – Т. 90. – № 8. – 398 с.
14. Смирнов, В. М. Нейрофизиология и высшая нервная деятельность детей и подростков: учебник для студентов вузов / В. М. Смирнов. – М.: Академия, 2000. – 396 с.
15. Сухарев, А. Г. Технология социально-гигиенического мониторинга детского и подросткового возраста / А. Г. Сухарев // Гигиена и санитария. – 2002. – № 4. – С. 17 – 20.
16. Федоров, А. И. Особенности вегетативной и эндокринной регуляции процессов адаптации учащихся к условиям среды в различные возрастные периоды: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 03.00.13 / А. И. Федоров. – Томск, 2008. – 30 с.
17. Филатов, В. М. Теория и практика раннего обучения иностранным языкам / В. М. Филатов, Г. Е. Филатова. – Ростов н/Д.: АНИОН, 1999. – 68 с.
18. Хватова, М. В. Влияние образовательной среды на психологическое здоровье студентов / М. В. Хватова, Е. С. Дьячкова // Психологическая наука и образование. – 2006. – № 3. – С. 74 – 87.
19. Шаханова, А. В. Влияние дифференцированных двигательных режимов на онтогенетическое развитие и механизмы адаптации организма / А. В. Шаханова, Н. Н. Хасанова // мат. Международной научно-практической конференции «Физическая культура и спорт на рубеже тысячелетий». – СПб., 2000. – С. 116 – 117.
20. Якиманская, И. С. Личностно ориентированное обучение в современной школе / И. С. Якиманская. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.
21. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

Информация об авторе:

Аверьянова Надежда Викторовна – аспирантка кафедры физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, nadejda-avrianova@rambler.ru.

Nadezhda V. Averyanova – post-graduate student at the Department of Human Physiology and Life Safety, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

ФИЗИКА

УДК 535.18

НЕЛИНЕЙНАЯ РЕФРАКЦИЯ В СТЕКЛАХ. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

Ю. И. Кызыласов

NONLINEAR REFRACTION IN GLASS. FROM THE HISTORY OF THE FIRST OBSERVATIONS

Yu. I. Kyzylasov

Представлены экспериментальные результаты по наблюдению самоискривления мощного лазерного излучения в силикатных стеклах.

The experimental results on the observation of powerful laser radiation self-deflection in silicate glasses are presented.

Ключевые слова: лазерное излучение, самоискривление, силикатные стекла.

Keywords: laser radiation, self-deflection, glass.

При распространении мощных пучков света в средах наблюдается целый ряд интересных и достаточно хорошо изученных явлений, составляющих экспериментальную основу нелинейной оптики.

Одним из основных законов оптики является закон прямолинейного распространения света в однородной среде, выполняющийся в тех случаях, когда по тем или иным причинам дифракционные явления несущественны. В нелинейной оптике указанный закон, вообще говоря, имеет дополнительные ограничения применимости. При достаточно больших значениях интенсивности света, как известно, показатель преломления среды не является постоянной величиной. Если интенсивность в поперечном сечении пучка неравномерна, то и показатель преломления не будет фиксированной величиной, что эквивалентно неоднородности среды.

В такой среде лучи непрямолинейны и отклоняются в ту сторону, где показатель преломления больше. В случае, когда интенсивность распределена симметрично по сечению пучка, то все лучи вследствие нелинейной рефракции стремятся собраться в центре пучка, где показатель преломления максимален, и будет иметь место явление самофокусировки (Г. А. Аскарьян, 1962).

В работе [2] А. Е. Каплан обратил внимание на еще один интересный случай самовоздействия света, являющийся следствием нелинейной рефракции, — искривление и «закручивание» траекторий несимметричных пучков света в средах, показатель преломления которых зависит от интенсивности. В этом случае пучок должен искривляться весь как целое в том направлении, где преломление максимально.

В приближении геометрической оптики в [2] были рассчитаны радиус кривизны траектории пучка R и угловое отклонение, когда $n = n_0 + n_2 E^2$ ($n_0 \gg n_2 E^2$), а оптимальное распределение интенсивности было представлено в виде:

$$E_{opt}^2(z) = \begin{cases} E_{\perp}^2 + \Delta E^2 \left(1 - \frac{2z}{a}\right), & -\frac{a}{2} < z < \frac{a}{2}, \\ 0, & |z| > \frac{a}{2}, \end{cases} \quad (1)$$

где z — направление нормали к оси пучка (отсчитывается в сторону, противоположную оси вращения, a — поперечный размер пучка ($a \ll R$), ΔE^2 — наиболее важный (с точки зрения вращения траектории) параметр асимметрии пучка. При этом радиус кривизны траектории всего пучка можно оценить по формуле:

$$R = \frac{n_0 \cdot a}{n_2 \Delta E^2}, \quad (2)$$

где a — поперечный размер пучка.

Угловое отклонение пучка от его первоначально-го направления составляет величину $\varphi \sim l/R$, где l — длина пути пучка в среде.

В 2010 г. увидело свет шестое стереотипное издание учебного пособия по основам оптики, переработанное и существенно дополненное учениками и сотрудниками его автора, академика Г. С. Ландсберга [5].

В упомянутом учебнике «Оптика» на 749 странице предельно ясно описан случай самоотклонения светового луча с постоянным градиентом интенсивности. Результаты многолетних теоретических и оригинальных экспериментальных исследований по вопросам распространения мощных световых пучков с несимметричным амплитудным профилем в средах стали, по существу, азбучной классической истиной в оптике. Как же все начиналось?

В период 1966 – 1970 гг. автору выпало счастье заниматься научной работой в Оптической лаборатории им. Г. С. Ландсберга, всемирно известного Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР (ФИАН). Среди многочисленных задач, решением которых приходилось заниматься, были и такие, в которых необходимо было разобраться с механизмами разрушений прозрачных диэлектриков под действием гигантских импульсов излучения рубинового лазера и влиянием на эти процессы вынужденного рассеяния Мандельштама-Бриллюэна (ВРМБ) [3]. Сами эксперименты проводились, естественно, задолго до появления в печати работ [1; 2]. В связи с этим уместно напомнить, что академик Г. С. Ландсберг скончался 2 февраля 1957 года и поэтому неслучайно через 10 лет после его кончины в ФИАНе прошли мероприятия, посвященные памяти известного

ученого. В секторе нелинейной оптики и гипер акустики, руководимом И. Л. Фабелинским, было принято решение изготовить и вручить памятный сувенир Ф. С. Ландсебрг-Барышанской, жене Григория Самуиловича. Сувенир был изготовлен в оптической мастерской института и представлял собой усеченную пирамиду из плавленого кварца высотой ~ 13 см. с прямоугольным основанием размером $\sim 7 \times 4$ см². Пирамида, в свою очередь, располагалась на плите из тяжелого флинта размером $\sim 10 \times 10$ см².

Автору этих строк было поручено «написать» с помощью локальных повреждений от излучения рубинового лазера, фокусируемого внутрь пирамиды, инициалы Г.С.Л. Не будем описывать, какие экспериментальные усилия пришлось приложить, чтобы достойным образом получить изделие с качественным «написанием» всего трех букв(!). Важная деталь: луч лазера падал на входную грань пирамиды под некоторым углом ($\sim 20^\circ$) и мы обратили внимание, что локальные повреждения плавленого кварца, хотя и были небольшими по величине (~ 3 мм), но имели несимметричную форму по отношению к направлению распространения луча. Установить радиус кривизны подобных искривлений не представлялось возможным, а наши текущие исследования касались только случаев, когда мощные световые пучки имели симметричный амплитудный профиль.

Итак, еще в 1967 году в ходе выполнения благородной задачи нами впервые было обращено внимание на несимметричный характер лазерных повреждений в плавленом кварце при косом падении лучей на поверхность образца. В 1969 г. появилась, как мы уже отмечали, первая теоретическая работа по нелинейной рефракции А. Е. Каплана [2] и в этом же году была предпринята попытка провести соответствующие эксперименты в кристаллах NaCl [1]. Позже, в 1975 году были проведены экспериментальные исследования в условиях, когда разрушения не возникают [6]. В качестве таких сред были выбраны полупроводниковые кристаллы группы $A^{II}B^{VI}$. Отклонение световых пучков в этом случае происходило в сторону меньшей интенсивностей, что свидетельствует об отрицательном изменении показателя преломления ($n_2 E^2 < 0$) кристаллов под действием лазерного излучения.

И все-таки первые и убедительные результаты по наблюдению самоискривления мощного излучения рубинового лазера в силикатных стеклах представил автор в докладе, сделанном на VIII Всесоюзной конференции по когерентной и нелинейной оптике (Тбилиси, 25 – 28 мая, 1976 г.) [4]. В частности, сильное впечатление на специалистов, присутствующих на заседании секции «Самовоздействие оптического излучения», произвела фотография, представленная на рис. 4 данной работы. *Здесь она публикуется впервые.*

Этому докладу предшествовали системные исследования по установлению механизма возникновения лазерных повреждений в прозрачных твердых диэлектриках под действием пучков с симметричным амплитудным профилем с одновременной регистрацией явлений самофокусировки и вынужденного рассеяния Мандельштама-Бриллюэна (ВРМБ) [3]

В настоящее время проблема самоискривления световых лучей сомнений не вызывает. Поэтому мы не касаемся работ, выполненных за период с

1976 года, т. к. свою задачу мы видим в необходимости более подробно рассказать о наших ранних экспериментах, касающихся методик прямых наблюдений за траекториями лучей, когда индикатором явления служат регистрируемые треки разрушений. Речь пойдет о результатах исследований процессов самоискривления в стеклах световых пучков с асимметричным амплитудным профилем, когда они представляют собой не плоские, а сходящиеся волны (сфокусированные извне или самофокусирующиеся).

В качестве источника использовался составной рубиновый лазер с модулированной добротностью (рис. 1). Два рубиновых стержня R_1 и R_2 , каждый длиной 120 мм, помещались в резонатор, состоящий из зеркала M с диэлектрическим покрытием и коэффициентом отражения $\sim 100\%$, с одной стороны, и двух стеклянных плоскопараллельных пластинок m_1 и m_2 с другой. Модуляция добротности резонатора осуществлялась с помощью двух стеклянных кювет C_1 и C_2 с плоскопараллельными окошками, наполненных раствором криптоцианина в метиловом спирте. Толщина кювет составляла 10 мм. Концентрация криптоцианина в метиловом спирте $\sim 1,8 \cdot 10^{-5}$ М.

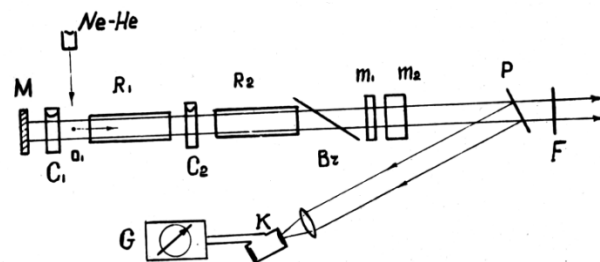

Рис. 1. Схема рубинового лазера

Использовались рубиновые стержни диаметром 12 мм с содержанием ионов Cr^{+3} 0,05 % и 90-градусной ориентацией. Каждый из рубиновых стержней находился в эллиптическом осветителе с двумя лампами ИФП-2000. Оптические оси рубинов были параллельны между собой: излучение лазера поляризовано в вертикальной плоскости. Пара пластин m_1 (2,5 мм) и m_2 (13 мм) работает как сложный мультиплекс-интерферометр, который отбирает лишь ту моду излучения, которая оказывается совпадающей одновременно с собственными модами резонаторов m_1 и m_2 .

Небольшим наклоном одной из пластин m_1 и m_2 (иногда и рубина R_2) после нескольких попыток удавалось получить «одномодовую» картину в пределах спектральной ширины $\sim 0,03$ см⁻¹, что измерялось с помощью интерферометра Фабри-Перо. Лазер давал гигантский импульс длительностью 10 – 12 нсек и мощностью до 200 МВт (в зависимости от качества активных элементов).

При таких характеристиках излучения зависимость $E^2(z)$, отмеченная в формуле (1), кроме линейной составляющей будет иметь еще и квадратичную компоненту, что должно привести к самофокусировке, обусловленной этой компонентой и влиять на темп сворачивания траектории пучка в спираль [2].

В качестве образцов нами использовались полимеры и силикатные стекла: полиметил-метакрилат

(ПММ), пластмасса типа ЭД-16, отвержденная метилтетрагидрофталевым ангидридом, стекла марок ТФ-5, ТФ-7, ТФ-10, К-8 и плавный кварц. Образцы силикатных и полимерных стекол представляли собой прямоугольные параллелепипеды размером $3 \times 3 \times 16 \text{ см}^3$ и $4 \times 8 \times 15 \text{ см}^3$, соответственно.

Во всех наших экспериментах суждение о характере распространения пучка производилось по трекам разрушений, сопоставлению положений разрушений на входной и выходной гранях образца и измерения расхождении пучка на выходе из образца.

Наличие определенного порога разрушений оправдывает такой подход, несмотря на изменение во времени мощности световых пучков за время работы источника.

В том случае, когда амплитудный профиль лазерного излучения симметричен относительно оси пучка и его можно описать (при спектральной ширине $\sim 0,03 \text{ см}^{-1}$) функцией, близкой к гауссовой, характер внутренних разрушений образцов зависит от их длины фокусного расстояния линз (f) и глубины фокусировки. Так, при использовании короткофокусных линз ($f \sim 4 \text{ см}$) и малой глубины фокусировки в полимерах возникают разрушения в виде плоских трещин диаметром до 1 см , ориентированных под углом к направлению распространения лазерного излучения. В частности, если образцы подвергались механическому сжатию до давлений $\sim 30 \text{ МПа}$, разрушения группировались вдоль оси сжатия и направления поляризации падающего пучка (рис. 2). Этот вид разрушений достаточно хорошо изучен и находит широкое применение в производстве товаров народного потребления. При использовании длиннофокусных линз ($f \sim 18 \text{ см}$) в этих же материалах возникают очень мелкие разрушения ($\sim \mu\text{м}$), плотность которых быстро увеличивается по мере приближения к фокальной области фокусирующих линз. По совокупности распределения разрушений можно судить о траектории пучка в целом.

Рис. 2. Поперечный профиль разрушений в ПММ при давлениях (0, 10, 20, 30) МПа

Такой подход использовался нами и тогда, когда после собирающей линзы сходящийся пучок падал под углом к поверхности образца и затем фокусировался внутри него. В плоскости падения внешние части пучка отражались по-разному, что позволяло получить в среде пучок с асимметричным профилем интенсивности. Рассмотрим результаты распространения таких пучков в полимерных стеклах (ПММ и ЭД-16).

Следует подчеркнуть, что из-за низких энергетических порогов и диффузного характера внутренних повреждений, независимых от способа получения и

реализации поперечного градиента интенсивности в падающем пучке, в этих опытах можно говорить лишь об огибающей траектории светового луча.

При использовании линз с $f = 8 \div 18 \text{ см}$ в образцах возникают вытянутые ($\sim 5 \text{ см}$) тонкие треки разрушений, обладающие асимметрией в расположении микротрещин по ходу луча (профиль «крыла»), но без однозначно регистрируемой искривленности пучков в целом. Эта картина практически не зависит от глубины фокусировки. При малой глубине, когда путь луча в образце составляет $3 \div 5 \text{ см}$, асимметрия в разрушениях более отчетлива, т. к. полная длина разрушений становится $\sim 2 \text{ см}$.

В случае фокусировки света линзами с $f = 4 \div 5 \text{ см}$, когда перекрывается половина пучка, возникает искривленный трек разрушений с радиусом кривизны R внешнего контура $\sim 10 \text{ см}$.

Наибольшего поперечного градиента интенсивности следует ожидать при использовании короткофокусных линз, но в этих случаях имеется одно существенное препятствие: внутренние разрушения носят локальный характер. Микротрещины, сливаясь при этом, создают одно большое и непрерывное разрушение.

Так, в образцах наблюдается протяженное ($\sim 2 \text{ см}$) разрушение, имеющее вначале форму прямого трека, который затем плавно закругляется и оканчивается зоной ($\sim 3 \div 4 \text{ мкм}$) скопления микротрещин. Ситуация меняется по мере продвижения фокальной области линзы вглубь образца. Зона разрушений представляет собой несимметричное по форме скопление мелких трещин, после которого виден тонкий трек, сжимающийся до размеров $1 \div 2 \text{ мкм}$ (рис. 3).

Сопоставление начала видимых разрушений с их продолжением после зоны скопления, когда видны тонкие ($\sim 1 \text{ мкм}$) треки длиной до $1,5 \div 2 \text{ см}$, дает возможность оценить радиус кривизны траектории R . Его величина составляет $\sim 5 \div 6 \text{ см}$.

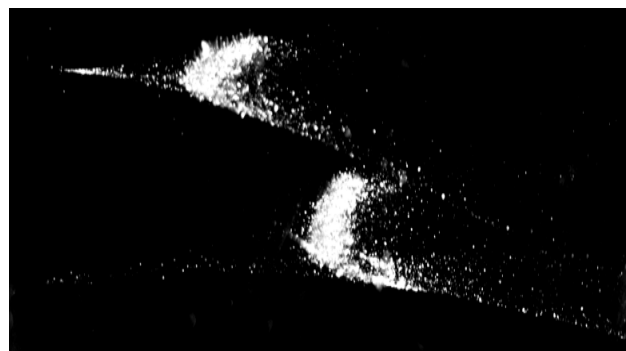

Рис. 3. Следы разрушений в ПММ

В полном соответствии с теорией, развитой в работе [2], проявления нелинейной рефракции следует ожидать в средах с большим значением

$$n_2 (n = n_0 + n_2 E^2)$$

и значительной мощности P светового импульса. Этому требованию в большей степени удовлетворяют силикатные стекла, имеющие к тому же и более высокие пороги разрушений [3].

Наиболее характерные для процесса самоискривления лучей разрушения получаются в образцах плавленно-

го кварца при использовании линз с фокусным расстоянием $f=4$ см, расположенных на расстоянии ~ 1 см от передней грани образца. Поперечный градиент интенсивности создавался за счет косого падения луча с поляризацией в плоскости падения. Угол падения составлял $\sim 40^\circ$.

Нам удалось проследить за кинетикой развития разрушений и траекторией пучка при его различной мощности P . При $P \sim 90$ МВт возникают локальные разрушения, кривизну которых практически невозможно установить. С увеличением мощности до 100 МВт намечается искривление зоны разрушения. Отдельные разрушения по ходу луча при этом позволяют указать траекторию пучка в целом. Наконец, при $P \approx 110$ МВт за локальной зоной разрушения возникает протяженный тонкий трек, радиус кривизны которого вместе с основным разрушением $R \approx 4$ см. Угловое отклонение луча от первоначального направления распространения составляет в этом опыте $\varphi \approx 10^\circ$. Этот уникальный случай представлен на рис. 4.

Аналогичные результаты были получены также в образцах тяжелого флинта, когда в него фокусировалось излучение неодимового лазера с энергией ~ 2 Дж и длительностью ~ 20 нсек. Величина отклонения составляла в этом эксперименте $\sim 6^\circ$. Тонкий трек разрушений при этом быстро выходил на прямую линию, типичную для самофокусировки.

Рис. 4. Следы разрушений в плавленом кварце. На верхней части – типичное самоискривление лазерного излучения. Размер по горизонтали – 1,6 см. Публикуется впервые

При фокусировке излучения рубинового лазера мощностью ~ 200 МВт линзами с $f \approx 7 \div 8$ см и углом падения $\sim 30^\circ$ в кварце возникали протяженные треки разрушений, напоминающие сворачивающуюся спи-

раль, т. к. радиус кривизны трека по мере приближения к фоновой области быстро уменьшался. Наиболее отчетливо такая траектория возникает тогда, когда фоновая область линзы располагалась вблизи боковой, например, нижней, грани образца, благодаря чему на ней получается по существу «срез» светового пучка (рис. 5).

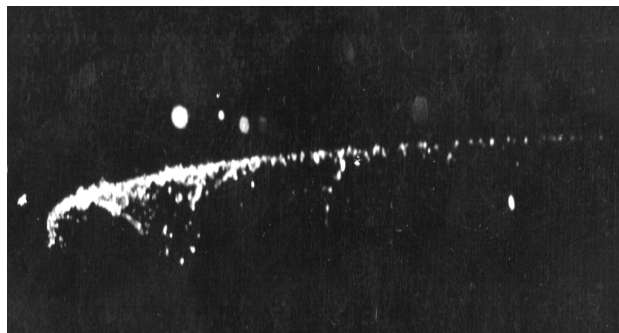

Рис. 5. Спираль разрушений в плавленом кварце. Размер по горизонтали – 2,8 см.

Следует заметить, и это поймут специалисты, которые имеют дело с импульсными лазерами с модулированной добротностью, что обеспечить стабильную во времени работу источника мощного излучения достаточно сложно: необходимо следить за величиной энергии луча, его длительностью и спектральной шириной линии излучения, фиксируемой с помощью приборов высокого разрешения.

Представленные выше результаты не претендуют на новизну проблемы самоискривления лучей в средах, т. к. этой проблемой занимаются более 45 лет. В связи с этим вспоминаю упомянутую выше конференцию в г. Тбилиси. Прослушали наше сообщение А. Е. Каплан, тот самый, кто первым обратил внимание на проблему, и ректор МГУ им. М. В. Ломоносова академик Р. В. Хохлов. Была дана высокая оценка проделанной автором работы, и Рем Викторович Хохлов согласился рекомендовать обзорную статью А. Е. Каплана по нелинейной рефракции света в «Докладах Академии наук СССР», посчитав убедительными и теоретическую, и экспериментальную части работы.

В заключение – благодарю профессора Б. П. Невзорова за стимулирующую поддержку в написании данной статьи.

Литература

1. Бродин, М. С. О наблюдении самоискривления неоднородного интенсивного лазерного пучка в кристалле NaCl / М. С. Бродин, А. И. Камуз // Письма в ЖЭТФ. – 1969. – Т. 9. – С. 577 – 580.
2. Каплан, А. Е. Искривление траекторий асимметрических пучков света в нелинейных средах / А. Е. Каплан // Письма в ЖЭТФ. – 1969. – Т. 9. – С. 58 – 62.
3. Кызыласов, Ю. И. Вынужденное рассеяние Мандельштама-Бриллюэна и разрушение стекол в гигантском импульсе рубинового лазера / Ю. И. Кызыласов, В. С. Старунов, И. Л. Фабелинский // ФТТ. – 1970. – Т. 12. – С. 233 – 239.
4. Кызыласов, Ю. И. Самоискривление мощного лазерного излучения в силикатных стеклах / Ю. И. Кызыласов // Тезисы докладов VIII Всесоюзной конференции по когерентной и нелинейной оптике (Тбилиси, 25 – 28 мая 1976). – 1976. – Т. 1. – С. 290.
5. Ландсберг, Г. С. Оптика / Г. С. Ландсберг. – 6-е изд., стер. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. – 848 с.

6. Самоискривление пучка рубинового лазера в полупроводниковых кристаллах CdS_xSe_{1-x} / А. А. Борш [и др.] // Квантовая электроника. – 1975. – Т. 2. – С. 602 – 606.

Информация об авторе:

Кызыласов Юрий Иванович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей физики КемГУ, 8-913-404-66-61.

Yuriy I. Kyzylasov – Candidate of Physics and Mathematics, Assistant Professor at the Department of General Physics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2013 г.

УДК 538.9:548.1

СТРУКТУРНЫЕ ПОДРЕШЕТКИ, ПСЕВДОСИММЕТРИЯ В СЛОЖНЫХ КРИСТАЛЛИЧЕСКИХ СОЕДИНЕНИЯХ

А. С. Поплавной

STRUCTURAL SUBLATTICES, PSEUDOSYMMETRY IN COMPLEX CRYSTALLINE COMPOUNDS

A. S. Poplavnoy

Работа выполнена при поддержке государственного задания № 2014/64 (2014 – 2016 гг.).

Дан обзор описания сложных кристаллических структур на основе их представления совокупностью подрешеток Браве. При наличии в структуре подрешеток с более высокой симметрией, чем кристаллическая, сложный кристалл обладает скрытой симметрией, или псевдосимметрией, которая проявляется в его физических и физико-химических свойствах. Представлены методы исследования этой скрытой симметрии.

The paper reviews the methods of complex crystal structure symmetry description based on their representing with a set of Bravais sublattices. Due to the fact that sublattices in the structure are of higher symmetry than the crystalline sublattice, the composite crystal is of latent symmetry or pseudosymmetry, which reveals in its physical and physico-chemical properties. The investigation methods of such symmetry are presented.

Ключевые слова: типы Браве, сорта Делоне, подрешетки, многомерные кристаллические пространства, фоновые спектры, электронные спектры.

Keywords: Bravais types, Delaunay sorten, sublattices, multidimensional crystal spaces, phonon spectra, electron spectra.

Введение. Идеальный кристалл может быть представлен бесконечного повторения в пространстве элементарной ячейки, выбираемой по принципу минимального объема, содержащей в себе всю информацию об атомарной структуре кристалла. Имеется и альтернативный путь – представление кристаллической структуры как суперпозиции подрешеток Браве, содержащих трансляционно-эквивалентные атомы одного сорта. Первый вариант является наиболее распространенным в электронной теории твердого тела, в теории динамики решетки, так как он позволяет адекватно описывать как объемные, так и локальные свойства (примеси, дефекты и т. п.) кристалла. Однако в этом подходе теряется более высокая, чем кристаллическая, трансляционная и точечная симметрия, которой могут обладать отдельные подрешетки, входящие в состав кристалла. Эта дополнительная симметрия естественным путем учитывается во втором подходе к описанию сложных кристаллических структур. Следует заметить, что симметрия подрешеток не является точной, поскольку при их взаимодействии результирующая волновая функция будет обладать симметрией кристаллической решетки. По этой причине эта приближенная симметрия иногда называется псевдосимметрией.

Выделение подрешеток в кристаллических структурах – процедура неоднозначная, зависящая от характера решаемой задачи. Поэтому и сам термин «подрешетка» неоднозначен. Чтобы отличать подрешетки, применяемые в наших работах для структурного описания кристаллов от различных других, мы ввели термин «структурные подрешетки». Основным требованием, предъявляемым к структурным подрешеткам, является их трансляционная совместимость. Чтобы построить наборы трансляционно-совместимых подрешеток, необходимо найти матрицы трансляционной совместимости, связывающие реперы структурных подрешеток Браве с репером кристаллической решетки. В коллективной монографии [1] представлен сформулированный метод нахождения этих матриц, даны ссылки на литературу, в которой приведены матрицы трансляционной совместимости для конкретных сингоний. Обсужден вопрос о выборе начала отсчета в элементарной ячейке кристалла, который обеспечивает конкретную Федоровскую симметрию сложного кристаллического соединения.

Имеется несколько способов выбора кристаллографических базисов. Базис Браве основан на симметрии и центрировании элементарных ячеек. Более тонкую классификацию решеток дает базис Делоне, в ос-

нове которого лежит симметрично-топологический подход. Подход Браве приводит к существованию 14 типов решеток, в то время как подход Делоне – к 24 сортам решеток. Фактически 14 типов Браве являются просто объединением 24 сортов Делоне. Формально процедура Делоне основана на использовании 6 однородных параметров Зеллинга, которые введены вместо традиционных для минералогии и кристаллографии неоднородных трех параметров a, b, c – длин векторов элементарной ячейки и трех α, β, γ – углов между этими векторами. Топологической характеристикой решетки в процедуре Делоне является многогранник Дирихле-Вороного (МДВ). Нами дана новая формулировка трансляционной совместимости подрешеток и решетки, основанная на параметрах Зеллинга, которая сводится к построению трансляционно-совместимых МДВ. С практической точки зрения применение параметров Зеллинга сводит задачу о нахождении матриц трансляционной совместимости к задаче линейного программирования, удобной для компьютерной алгоритмизации. Это позволяет найти в единой процедуре трансляционно-совместимые МДВ для различных ориентаций реперов Браве (голоэдри) и сортов многогранников [2].

При поиске симметрически совместимых подрешеток необходимо пользоваться схемой подчинения сингоний и сортов Делоне. Схема подчинения сингоний строится по принципу понижения симметрии. По этому же принципу строится ориентированный граф изменения типов решеток Браве при бесконечно малых деформациях, при которых происходит понижение симметрии. Для поисков высокосимметричных структур, совместимых с низкосимметричными, полезно «повернуть» схему подчинения сингоний в обратном направлении и построить граф подчинения сортов МДВ по принципу повышения симметрии. Область допустимых значений для шести параметров Зеллинга определяется неравенствами, которые записываются на символах Делоне. Символы Делоне с минимальными ограничениями на параметры Зеллинга относятся к низкосимметричным МДВ. Повышение симметрии идет от множества без ограничений на параметры к множеству с увеличивающимся числом ограничений. Здесь можно усмотреть аналогию с подчинением сингоний, в которых критерием подчинения является подчинения группа-подгруппа – то есть указывается переход от множества с большим числом элементов к множеству с меньшим [3].

Сложные кристаллические соединения, составленные из подрешеток Браве, при условии, что среди них имеются подрешетки, обладающие более высокой («скрытой») симметрией, чем кристалл, относятся к так называемым «псевдосимметричным» структурам [4]. К таким структурам принято также относить и кристаллы, представляющие собой слегка искаженные структуры высших симметрий. Интересен случай, когда малые искажения высокосимметричной структуры имеют место для какой-либо подрешетки сложной кристаллической структуры. Это приводит к задаче поиска подрешеток в сложных кристаллических соединениях, представляющих собой слабо искаженные симметричные структуры.

1. Определение структурных подрешеток в базе Браве. Понятие подрешеток достаточно продуктивно используется в различных областях физики твердого тела. При этом смысл понятия «подрешетка» при решении различных задач оказывается разным. В теории фазовых переходов это сверхструктуры упорядочивания в какой-либо высокосимметричной структуре; в физике и химии сложных алмазоподобных полупроводников и сверхрешеток – структуры замещения в высокосимметричной решетке алмаза. Подрешетки в целых решетках – формально выделенные структуры, позволяющие объяснить резкие пики на графике зависимости частоты встречаемости кристаллов от отношения параметров решетки. В большинстве названных случаев подрешетки являются структурами с пониженной симметрией в какой-либо высокосимметричной структуре [1].

Представление сложных кристаллических структур совокупностью подрешеток Браве позволяет при наличии симметричных подрешеток, с одной стороны, выявить дополнительную, «скрытую» симметрию, которая может быть выше симметрии пространственной группы кристалла и проявляться в его физических и физико-химических свойствах, а с другой стороны – упростить расчет некоторых характеристик кристаллов, например, спектров элементарных возбуждений, путем расчета данных характеристик для отдельных подрешеток и учета взаимодействия между ними, скажем, по теории возмущений, что позволяет существенно сэкономить компьютерные мощности. Чтобы отличать эти подрешетки от различных других их предложено называть «структурными подрешетками» [5]. Таким образом, структурные подрешетки соответствуют решеткам Браве, выделенным из состава кристаллической решетки так, что суперпозиция выделенных подрешеток представляет решетку реального кристалла. Многие сложные кристаллические структуры построены путем вложения друг в друга трансляционно совместимых подрешеток Браве одинаковых или различных сингоний. Значительная часть кристаллов представляет собой совокупность подрешеток одинакового типа Браве. Простейшими классическими примерами являются кристаллы со структурой каменной соли, составленные из двух Γ_c^f подрешеток; CsCl, составленные из двух Γ_c подрешеток; алмаза и сфалерита, составленные из двух Γ_c^f подрешеток и т. п. Однако, существует достаточно много кристаллических структур, в которых одинаковые подрешетки расположены друг относительно друга таким образом, что их совокупность можно рассматривать как подрешетку Браве другого типа, характеризующуюся более высокой трансляционной симметрией, чем исходные подрешетки и, соответственно, кристалл в целом. Такие кристаллы можно рассматривать как состоящие из подрешеток разного типа Браве, обладающих различной симметрией. Примерами могут служить кристаллы флюорита и антифлюорита, составленные из Γ_c^f и Γ_c подрешеток; куприт, составленный из одной Γ_c^f подрешетки меди и одной Γ_c^v подрешетки кислорода; пирит, составленный из одной Γ_c^f подрешетки железа и восьми Γ_c подреше-

ток серы; скуттерудит, составленный из двенадцати Γ_c^v подрешеток мышьяка и одной Γ_c подрешетки кобальта; рутил, составленный из одной Γ_q подрешетки титана и четырех Γ_q^v подрешеток кислорода. Мы ограничились примерами природных материалов, относящихся к кубической и тетрагональной сингониям. Существует значительно более многочисленные примеры кристаллов, отвечающие сочетаниям подрешеток разных иных сингоний.

Подрешетки Браве, входящие в единую кристаллическую структуру, должны удовлетворять условиям трансляционной совместимости с решеткой кристалла. Эти условия задаются системой матриц с целочисленными элементами, которые связывают между собой векторы элементарных трансляций (ВЭТ) подрешеток и кристалла. Данные матрицы позволяют найти возможные значения геометрических параметров подрешеток (пространственных периодов и углов).

Соотношение трансляционной совместимости между ВЭТ $\mathbf{a}_i(\Gamma_L)$ ($i = 1, 2, 3$) кристаллической решетки Γ_L и подрешетки, отвечающей решетке Браве Γ_S , – $\mathbf{a}_j(\Gamma_S)$ ($j = 1, 2, 3$), записывается:

$$\mathbf{a}_i(\Gamma_L) = \sum_{j=1}^3 (\Gamma_L | \Gamma_S)_{ij} \mathbf{a}_j(\Gamma_S). \quad (1)$$

Матрицу $(\Gamma_L | \Gamma_S)_{ij}$ называют матрицей совместимости решетки Γ_L и подрешетки Γ_S . Чтобы подрешетка была инвариантна относительно всех элементов трансляционной подгруппы решетки, необходимо и достаточно, чтобы все элементы матрицы $(\Gamma_L | \Gamma_S)_{ij}$ были целыми числами. Только в этом случае трансляция решетки на любой вектор \mathbf{n} , равный целочисленной линейной комбинации ВЭТ решетки $\mathbf{a}_i(\Gamma_L)$, будет приводить к параллельному переносу подрешетки на тот же вектор \mathbf{n} , но уже равный целочисленной линейной комбинации ВЭТ подрешетки $\mathbf{a}_j(\Gamma_S)$, что и будет означать инвариантность подрешетки относительно всех элементов трансляционной подгруппы как решетки, так и подрешеток.

Введем матрицы $\hat{A}(\Gamma_L)$ и $\hat{A}(\Gamma_S)$ следующим образом: эти матрицы состоят из компонент ВЭТ решетки и подрешетки соответственно, причем первый индекс соответствует номеру вектора, а второй – номеру компоненты этого вектора:

$$\hat{A}(\Gamma_L) = \begin{pmatrix} a_{1x} & a_{1y} & a_{1z} \\ a_{2x} & a_{2y} & a_{2z} \\ a_{3x} & a_{3y} & a_{3z} \end{pmatrix}, \quad \hat{A}(\Gamma_S) = \begin{pmatrix} a_{s1x} & a_{s1y} & a_{s1z} \\ a_{s2x} & a_{s2y} & a_{s2z} \\ a_{s3x} & a_{s3y} & a_{s3z} \end{pmatrix}. \quad (2)$$

С использованием этих матриц соотношение (1) можно переписать в виде:

$$\hat{A}(\Gamma_L) = (\Gamma_L | \Gamma_S) \hat{A}(\Gamma_S), \quad (3)$$

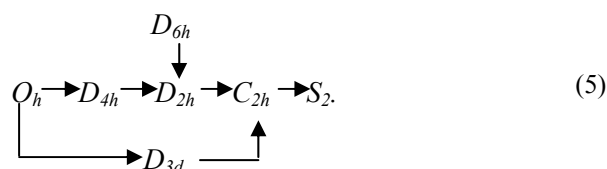
откуда получаем выражение для матрицы $(\Gamma_L | \Gamma_S)$:

$$(\Gamma_L | \Gamma_S) = \hat{A}(\Gamma_L) \hat{A}^{-1}(\Gamma_S), \quad (4)$$

где $\hat{A}^{-1}(\Gamma_S)$ – матрица, обратная $\hat{A}(\Gamma_S)$.

Итак, для решения поставленной задачи необходимо задать ВЭТ решетки и подрешетки, записать матрицы (2) и определить $(\Gamma_L | \Gamma_S)$ из (4). Затем мы должны потребовать, чтобы все элементы матрицы $(\Gamma_L | \Gamma_S)$ были целыми числами, откуда и определяются ограничения на компоненты ВЭТ подрешетки $\mathbf{a}_j(\Gamma_S)$. Тем самым находят подрешетки, совместимые с трансляционной симметрией заданной решетки.

При нахождении матриц $(\Gamma_L | \Gamma_S)$ необходимо еще учесть подчинение сингоний по симметрии. Говорят, что сингония G'_0 подчинена сингонии G_0 ($G_0 \rightarrow G'_0$), если группа симметрии G'_0 является подгруппой группы G_0 ($G'_0 \subset G_0$) и любая (из возможных) решетка сингонии G_0 может быть переведена малой деформацией в одну из решеток сингонии G'_0 . Схема подчинения сингоний имеет следующий вид:

Условия трансляционной совместимости подрешеток фактически подразумевают кратность их периодов периодам избранной решетки. Формально записанные матрицы совместимости, в которых наложены ограничения на параметры подрешеток, в частности, включают в себя случаи перевода подрешетки в более высокую сингонию схемы (5).

Матрицы совместимости позволяют определить только условия для нахождения значений геометрических параметров подрешеток (пространственных периодов и углов). Для полного представления кристалла как совокупности подрешеток необходимо определить векторы смещения подрешеток друг относительно друга, что можно сделать путем учета пространственной симметрии кристалла. Для этого необходимо воспользоваться следующим уравнением:

$$\hat{h}_\alpha \mathbf{c} + \boldsymbol{\tau}_\alpha = \mathbf{c}' + \sum_{i=1}^3 n_{\alpha i} \mathbf{a}_{si}(\Gamma_S), \quad \alpha = 1, 2, \dots, N, \quad (6)$$

где \mathbf{c} – вектор смещения начала отсчета подрешетки от общего центра кристалла, \mathbf{c}' совпадает либо с \mathbf{c} , либо с началом отсчета симметрично эквивалентной подрешетки, \hat{h}_α – α -й точечный элемент пространственной группы (ПГ) симметрии кристалла, состоящей из N элементов, $\boldsymbol{\tau}_\alpha$ – соответствующий ему нецелый параллельный перенос для несимморфной группы.

При анализе данного соотношения необходимо рассмотреть два случая: а) векторы \mathbf{c}' совпадают с векторами \mathbf{c} , т. е. подрешетка под действием элементов ПГ переходит сама в себя; б) векторы \mathbf{c}' отличаются от векторов \mathbf{c} , т. е. подрешетка под действием элементов ПГ переходит в симметрично эквивалентную подрешетку.

В первом случае для определенного сочетания типов Браве кристаллической решетки и подрешетки в каждой ПГ, относящейся к данной кристаллической решетке, получаем систему N векторных (или $3N$ скалярных) уравнений относительно 3 неизвестных компонент вектора смещения \mathbf{c} и $3N$ неизвестных целых чисел n_{ai} , из которой определяем набор векторов смещений \mathbf{c} , возможных для заданного сочетания типов Браве решетки и подрешетки в избранной ПГ. Таким образом, выбор \mathbf{c} неоднозначен. В несимморфных ПГ возникают дополнительные условия на геометрические параметры подрешеток (пространственные периоды a_s, b_s, c_s и углы $\alpha_s, \beta_s, \gamma_s$), причем каждое из этих условий накладывает ограничения на те из них, которые связаны с участвующими в соответствующей нецелочисленной трансляции геометрическими параметрами кристаллической решетки.

Получаемые в первом случае наборы векторов смещений \mathbf{c} необходимо проверить на их совпадение с ВЭТ подрешетки. В итоге получаем системы точек, задаваемых векторами \mathbf{c} и ВЭТ подрешеток Γ_s , по своему виду совпадающие с системой эквивалентных позиций для соответствующих ПГ, однако полностью они будут совпадать только в частном случае равенства геометрических параметров решетки и подрешетки.

Во втором случае из уравнения (6) не вытекает никаких ограничений на возможные значения компонент векторов смещения \mathbf{c} , так как в этом случае для любого вектора \mathbf{c} найдутся векторы \mathbf{c}' , описывающие смещения симметрично эквивалентных подрешеток. Данный результат является достаточно важным, из него следует, что возможен вариант, когда низкосимметричная кристаллическая решетка составлена из подрешеток Браве более высоких сингоний. В этом случае сохраняется высокая трансляционная симметрия кристаллической решетки в целом, но пространственная симметрия понижается до ПГ низкосимметричной кристаллической решетки. Это действительно имеет место тогда, когда подрешетки смещены друг относительно друга так, что перестают быть эквивалентными друг другу относительно точечных элементов ПГ более высоких сингоний. Таким образом, в любой ПГ любой сингонии подрешетки помимо получаемого набора векторов смещений могут быть размещены также в произвольной общей позиции, но при этом во всех эквивалентных к ней точках должны быть размещены такие же подрешетки. Предварительный анализ наименее симметричных – триклинных кристаллов из базы данных [6] – выявил 80 кристаллических структур, трансляционная симметрия которых относится ко всем более высоким сингониям. Аналогичная ситуация может иметь место и в более симметричных кристаллах.

Ясно, что ПГ симметрии кристалла будет отвечать подрешетке, имеющей наименьшую симметрию. Если какие-либо подрешетки обладают более высокой симметрией – трансляционной, точечной или той и другой одновременно, то эта дополнительная «скрытая» симметрия обязательно проявится в физических и физико-химических свойствах сложного кристалла, что находит свое подтверждение при анализе зонных и фононных спектров таких кристаллов, химической связи в них и других характеристиках.

В работах [7 – 13] на основе метода подрешеток развит новый подход к исследованию химической связи и электронного строения преимущественно ионных, ионно-ковалентных и ионно-молекулярных кристаллов, установлены принципиально новые особенности химической связи, обусловленные трансляционной и точечной симметрией подрешеток. Для исследованных кристаллов показано, что если подрешеткам катионов и анионов соответствует одна и та же решетка Браве, то химическая связь между ними формируется по ионному механизму. Если же подрешеткам соответствуют разные типы решеток Браве, то при их совмещении в междоузлиях образуются максимумы валентной плотности и это приводит к образованию ковалентно-связанного анионного каркаса [10]. Выявлена также роль подрешеток благородных металлов в формировании химической связи, в частности показано, что в нитриде серебра заряд, передаваемый катионом в анионную плоскость, настолько велик, что проявляется в виде отдельного максимума, и это позволяет говорить об образовании анионного каркаса за счет состояний катиона [11]. Для изучения гибридизации подрешеток введена разностная плотность заряда как результат вычитания из валентной электронной плотности кристалла валентных плотностей подрешеток. Показано, что разностная плотность качественно подобна традиционно используемой деформационной плотности [11].

Результаты работ [8 – 11] позволили сделать вывод о малой величине гибридизационных эффектов между подрешетками некоторых рядов преимущественно ионных кристаллов, из чего следует ожидать близости энергетических состояний кристаллов к энергетическим состояниям подрешеток. Для учета гибридизационных эффектов между подрешетками может быть применена теория возмущений. В работах [12 – 13] метод подрешеток применялся к исследованию генезиса зонных спектров кристаллов со структурой NaCl и антифлюорита из подрешеточных состояний. Расчеты энергий соответствующих зонных спектров в [12 – 13] проводились в рамках функционала плотности.

С точки зрения теории фазовых переходов в ионно-молекулярных кристаллах особый интерес представляет случай различной точечной симметрии подрешеток и решетки. Если точечная симметрия подрешетки выше, чем точечная симметрия самого кристалла, то появляется возможность ориентационных фазовых переходов. Такие возможности обсуждаются [8] на примере некоторых рядов ионно-молекулярных кристаллов.

2. Структурные подрешетки в подходе Делоне.

Кристаллографический базис Браве основан на симметрии и центрировании элементарных ячеек. Более тонкую классификацию решеток дает базис Делоне, в основе которого лежит симметрийно-топологический подход [14].

Характеристики кристаллической решетки можно «локализовать» в небольшой области пространства путем построения такой фундаментальной области, точечная группа симметрии которой соответствовала бы точечной группе симметрии решетки, а трансляционная симметрия возникает за счет заполнения всего пространства такими фундаментальными областями МДВ.

Каждая грань МДВ получается в результате бисекции пространства между двумя узлами решетки, следовательно, точечная симметрия МДВ совпадает с решеточной. Алгоритм построения МДВ одинаков для всех узлов, поэтому все они совпадают между собой и полностью заполняют пространство. Таким образом, МДВ

является удобным объектом, который описывает полную симметрию и структурные свойства решетки.

Особенностью этого рисунка, выполненного в виде таблицы, является то, что сумма элементов в каждой ее строке равна нулю.

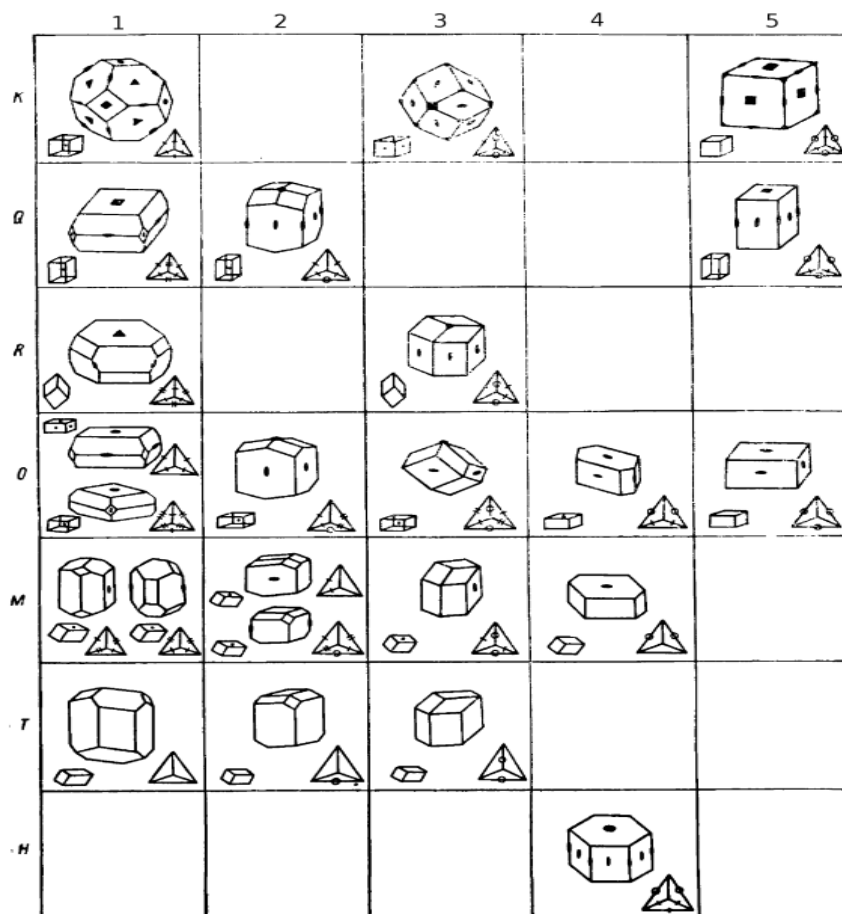

Рис. 1. 24 сорта МДВ [15]

Каждый МДВ как пространственный объект можно охарактеризовать топологией: количеством вершин, ребер, граней и их взаимным расположением. Как было доказано Делоне, в 3-х мерном пространстве существует 5 топологически разных МДВ, все остальные получаются из них путем непрерывного изменения длин ребер и углов между ними. Если объединить симметрию МДВ и их топологию, то получится новая симметрично-топологическая характеристика кристаллической решетки, называемая *сортом*. Всего возможно 24 сорта, которые представлены на рис. 1. В каждом столбце расположены комбинаторно-одинаковые многогранники, в каждой строке – одинаковые по симметрии (голоэдри).

Сорт решетки напрямую связан с ее приведенным репером через попарные скалярные произведения. Пусть a, b, c – векторы приведенного репера (репера, построенного на трех последовательных минимумах решетки). Введем четвертый вектор $d = -(a+b+c)$. Из этих четырех векторов можно составить шесть различных попарных произведений:

$$\left. \begin{aligned} z_1 &\equiv g = (b \cdot c) & z_2 &\equiv h = (a \cdot c) & z_3 &\equiv k = (b \cdot a) \\ z_4 &\equiv l = (a \cdot d) & z_5 &\equiv m = (b \cdot d) & z_6 &\equiv n = (c \cdot d) \end{aligned} \right\} \quad (7)$$

Эти произведения носят названия параметров Зеллинга:

$$(z_1, z_2, z_3, z_4, z_5, z_6) \equiv (g, h, k, l, m, n).$$

Принадлежность решетки к тому или иному из 24 сортов можно определить на основе анализа ее параметров Зеллинга, которые являются частью матрицы умножения:

$$\begin{array}{ccccc} & a & b & c & d \\ a & a^2 & k & h & l \\ b & k & b^2 & g & m \\ c & h & g & c^2 & n \\ d & l & m & n & d^2 \end{array} \quad (8)$$

Шесть параметров Зеллинга для удобства записываются на ребрах тетраэдра, построенного на концах векторов \mathbf{a} , \mathbf{b} , \mathbf{c} , \mathbf{d} (рис. 2). Если использовать обычные геометрические обозначения для равенств ребер (параметров) в виде штрихов и добавить специальные обозначения на равенство нулю в виде выколотой точки, то сорт можно записать в удобном компактном представлении, называемом символом Делоне (рис. 3) [19].

Через выражения (7, 8) можно получать символы Зеллинга для произвольно заданных реперов решетки. Как известно, решетку Браве можно задать через бесконечное число неравных друг другу реперов и получить множество соответствующих ей символов Зеллинга. Эта неоднозначность может быть снята путем решения «задачи приведения».

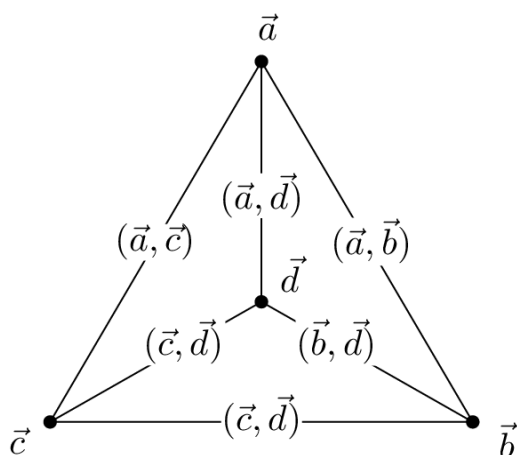

Рис. 2. Размещение шести скалярных произведений на тетраэдре

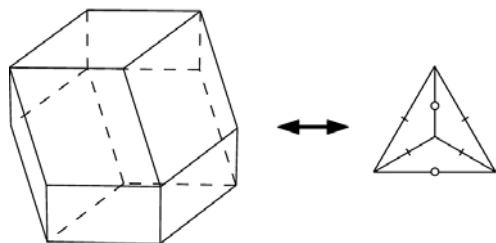

Рис. 3. Символ Делоне, соответствующий сорту КЗ

Делоне предложен следующий алгоритм, который позволяет сопоставить решетке Браве уникальный (нормированный) символ Зеллинга:

а) необходимо вычислить «три последовательных минимума решетки» – другими словами, найти три вектора трансляций \mathbf{a} , \mathbf{b} , \mathbf{c} минимально возможной длины, таких, что $V = (\mathbf{a}, [\mathbf{b}, \mathbf{c}]) \neq 0$;

б) вычислить символы Зеллинга;

в) в силу того, что в решетке всегда можно найти пару векторов трансляций равной длины ($|\mathbf{a}| = |-\mathbf{a}|$ и т. д.), то некоторые из параметров Зеллинга могут оказаться положительными, в таком случае выбирают другой набор \mathbf{a}' , \mathbf{b}' , \mathbf{c}' и эту операцию проводят до тех пор, пока не найдут последовательные минимумы, для которых $z_i < 0$ ($i = 1, 2, \dots, 6$).

Хотя нормированный символ Зеллинга является уникальной характеристикой решетки и напрямую связан с сортом МДВ, его запись является неоднозначной. Если изменить порядок следования (нумерацию) базисных векторов \mathbf{a} , \mathbf{b} , \mathbf{c} , то также сменится и нумерация параметров $\{z_i\}$, но смысл символа не изменится. Таким образом можно записать 24 эквивалентных наборов символов Зеллинга для одной и той же решетки. Все уникальные наборы символов Зеллинга можно определить с учетом различных ориентаций \mathbf{a} , \mathbf{b} , \mathbf{c} .

Как уже отмечалось, при нахождении матриц совместимости $(\Gamma_L | \Gamma_S)$ решеток и подрешеток для сложных кристаллических структур необходимо учитывать схему подчинения сингоний по симметрии (5). Теперь эту схему необходимо записать в обозначениях сортов Делоне (рис. 4).

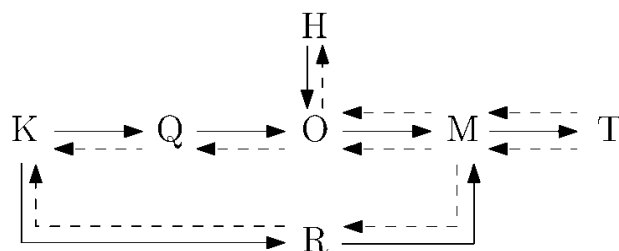

Рис. 4. Схема подчинения сортов Делоне

На рисунке 4 обычными стрелками показаны направления понижения симметрии, которые и отражают схему подчинения сингоний. Пунктирными стрелками показаны направления повышения симметрии. Необходимость «повернуть» схему подчинения сингоний в обратном направлении возникает при поиске высокосимметричных структур, совместимых с низкосимметричными, а также при анализе фазовых переходов с соответствующими изменениями симметрии.

Граф подчинения сортов МДВ по принципу повышения симметрии построен в [3] с использованием следующих соображений. Неравенства, которые записываются на символе Делоне, определяют область допустимых значений для шести параметров Зеллинга. Самым «свободным» символом Делоне является символ для сорта Т1 без ограничений на параметры Зеллинга. Среди его множества допустимых значений найдутся такие, которые будут отвечать символам Делоне для других сортов (рис. 5). В таком случае будем говорить, что из сорта Т1 можно перейти к сорту (символу) Т2, а из Т2 в Т3 соответственно.

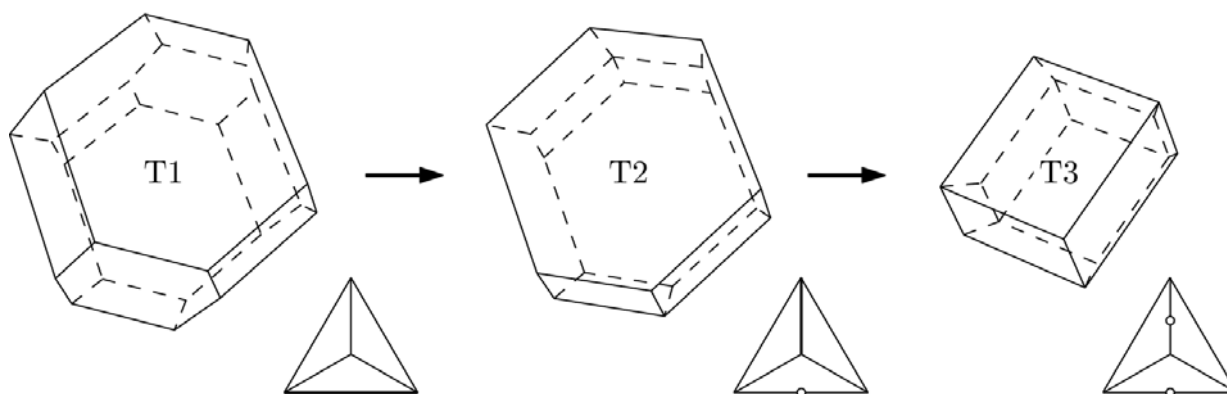

Рис. 5. Среди множества значений сорта $T1$ есть значения, удовлетворяющие $T2$; в множестве $T2$ есть значения $T3$

Указанные переходы идут в направлении повышения симметрии и здесь можно усмотреть аналогию с подчинением сингоний и пространственных групп, в которых критерием подчинения являются отношения группа-подгруппа – то есть указывается переход от множества с большим числом элементов к множеству с меньшим. То же самое имеет место и в нашем случае, где направление перехода идет от множества без ограничений на параметры к множеству с увеличивающимся числом ограничений.

Очевидно, что сорт $T1$ содержит в себе все возможные сорта, то есть, непрерывно изменяя параметры Зеллинга на символе Делоне для $T1$, можно перейти в любой из 24 сортов. Также очевидно, что, выбрав произвольную пару символов Делоне, не всегда можно совершить переход от одного выбранного сорта к другому. Примером такой пары может служить $T3$ - $H4$: нули на символах расположены топологически по-разному. Чтобы определить возможность перехода между выбранными сортами, нужно записать их соответствующие массивы один над другим и определить переходы между числами. Очевидно, что если число a из одного массива переходит в число b другого, то все числа a должны переходить в b . Добавив условие перехода $0 \rightarrow 0$ (ноль может переходить только сам в себя), получим простой

алгоритм проверки совместимости двух сортов. Построив все возможные переходы между сортами (которые, к тому же, будут носить односторонний характер), мы получим, выражаясь математически, *матрицу смежности* для ориентированного графа.

Определим «лишнюю» связь $S1 \rightarrow S3$ как переход между двумя сортами $S1$ и $S3$, который можно осуществить через промежуточный сорт $S2$. Другими словами, среди множества допустимых значений сорта $S1$ есть значения, удовлетворяющие сорту $S2$, а в множестве значений сорта $S2$ есть значения, принадлежащие сорту $S3$.

Обозначим текущий граф сортов как G . Поступим следующим образом: найдем все узлы в G , в которые отсутствуют переходы из других узлов. Будем называть такие узлы начальными. Найдем все «не лишние» связи, выходящие из начальных узлов, и добавим их к новому пустому графу G' . Так как в начальные сорта невозможно перейти из других, то исключим их из G , после чего повторим всю операцию для G . В результате будет построен новый граф G' , содержащий только «не лишние» связи. В таблице 1 приведены возможные переходы для каждого из сортов, найденные по приведенному алгоритму (для сортов $K1$, $K3$, $K5$ и $H4$ не существует возможных переходов).

Таблица 1

Возможные переходы для 24 сортов Делоне

	1		2		3	4	5
K	–				–		–
Q	K1, K3		K3				K5
R	K1, K5				K3		
O	Q1, Q2	Q1, O3	O3, Q2		K3	Q5, H4	Q5
M	M22, M3, O11, O12	M22, O11, O4, O2, R1	M3, O2, O4	O3, Q2, Q5	O3, R3	O4, O5	
T	T2, M11, M12		T3, M21, M22, M4		M3, O5		
H						–	

Даже с таким небольшим количеством связей итоговый граф выглядит очень запутанным, поэтому раз-

зобьем его по конечным узлам графа, из которых не существует переходов (рис. 6).

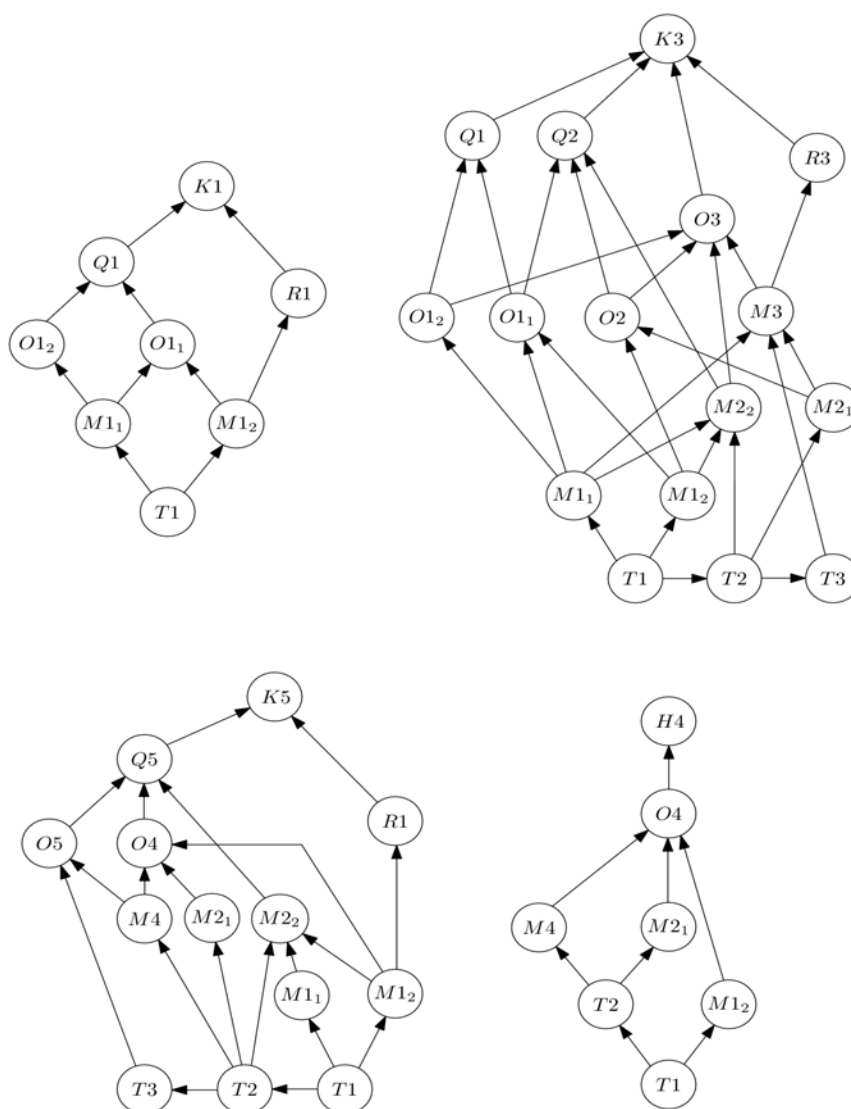

Рис. 6. Итоговый граф, разбитый по конечным узлам переходов (K1, K3, K5, H4)

Результаты, представленные на этом рисунке, могут быть полезны при поиске высокосимметричных структур в низкосимметричных, в частности, при нахождении трансляционно-совместимых подрешеток разного типа Браве в кристаллах сложного состава.

Трансляционная совместимость кристалла и подрешеток обеспечивается целочисленной матрицей $(\Gamma_L|\Gamma_S)$ в соответствии с соотношением (1). Эти матрицы могут быть найдены из соотношения (4) путем рутинных, однако достаточно трудоемких вычислений. Решения обычно ищутся при условии параллельности осей голоэдрий подрешеток и кристалла.

Для учета более тонкой классификации решеток по Делоне необходимо переписать условие трансляционной совместимости (1) в терминах параметров Зеллинга для базисов $a_i(\Gamma_L)$ решетки и $a_i(\Gamma_S)$ – подрешетки и связь между параметрами определить с использованием (1). В итоге условие трансляционной совместимости запишется в виде:

$$z_i(\Gamma_L) = \sum_{j=1}^6 z_{ij} z_j(\Gamma_S), \quad (9)$$

где z_i – параметры Зеллинга для решетки и подрешетки соответственно, z_{ij} – матрица трансляционной совместимости для параметров Зеллинга. Эта матрица выражается через линейные комбинации произведений матричных элементов $(\Gamma_L|\Gamma_S)_{ij}$. К уравнениям (9) необходимо еще добавить условия на сорт решетки и подрешетки с условием подчинения сингоний (5) и графа рис. 6. Однако и после добавления этих условий система все еще будет иметь бесконечно много решений для неизвестных $z_j(\Gamma_S)$ (при заданных кристаллической решетки). Для выделения частного решения добавляется минимизирующая функция. Полученная система уравнений сводится к задаче линейного программирования, удобной для реализации на компьютере [2].

Чтобы количество систем уравнений вида (9) было конечным, необходимо предположить, что решетки с реперами $\mathbf{a}_i(\Gamma_L)$ и $\mathbf{a}_j(\Gamma_S)$ относятся к определенным сортам и отношение объемов их элементарных ячеек было невелико. Исключается также случай больших значений $(\Gamma_L|\Gamma_S)_{ij}$, что приведет к конечному множеству матриц трансляционной совместимости.

Рассмотрим решетки Браве, которые относятся к трем возможным сортам кубической сингонии. Соответствующие условия на параметры Зеллинга: объемноцентрированная (ОЦК-К1) $g = h = k = l = m = n < 0$; гранецентрированная (ГЦК-К3) $g = h = k = n < 0$, $h = m = 0$; простая кубическая (ПК-КV) $g = h = k = 0$, $l = m = n < 0$.

Наибольшее количество дополнительных уравнений в задаче линейного программирования оказывается в случае совмещения двух ОЦК решеток. Система будет состоять из 16 уравнений (6 основных, для выполнения условия трансляционной совместимости (9) и 10 дополнительных, учитывающих условия на сорта). Ограничимся значениями $-3 \leq (\Gamma_L|\Gamma_S)_{ij} \leq 3$ для элементов матрицы трансляционной совместимости. При таких ограни-

чениях получаем $7^9 = 40353607$ матриц и столько же задач линейного программирования.

Частные решения уравнений искались для случаев разных сочетаний сортов К1, К3, КV кубической сингонии. Тривиальными решениями для сочетаний К1-К1, К3-К3, КV-КV являются МДВ с параллельными осями голоэдри и целочисленным масштабированием. Однако для этих сочетаний имеются и решения с осями голоэдри, расположенными под углами друг к другу, которые приведены на рис. 7. Такие решения можно найти только численными методами и весьма непросто получить из (9). МДВ для сочетаний разных сортов кубической сингонии представлены на рис. 8.

Решетки тетрагональной сингонии характеризуются двумя параметрами, в отличие от решеток кубической сингонии, которые можно задавать одним параметром. Таким образом, уравнений в задаче линейного программирования для тетрагональных решеток Браве будет меньше, что приводит к росту возможных решений. В качестве примера рассмотрим взаимные ориентации для двух сортов Q1 и Q2. (Q1): $g = k = l = n < 0$, $h = m < 0$; (Q2): $g = k = l = n < 0$, $h = 0$, $m < 0$.

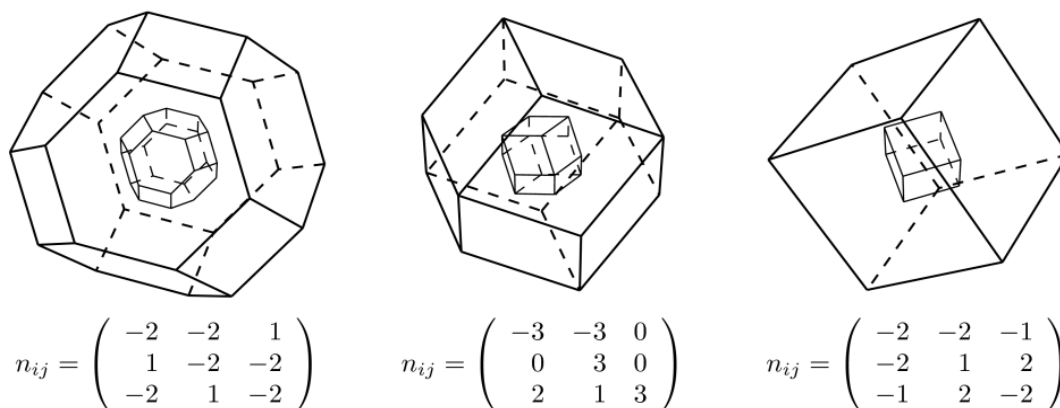

Рис. 7. Трансляционно-совместимые МДВ для сочетаний К1-К1, К3-К3 и КV-КV вместе с матрицами трансляционной совместимости. Оси голоэдри не параллельны

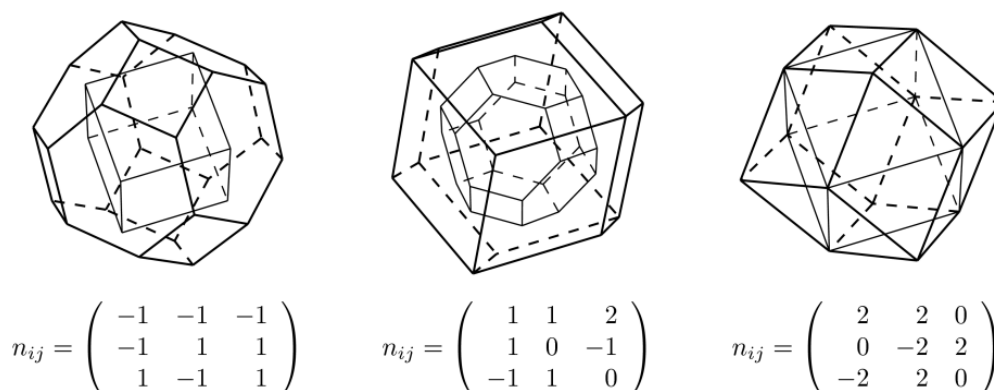

Рис. 8. Трансляционно-совместимые МДВ для сочетаний К1-КV, К3-К1, К3-КV вместе с матрицами трансляционной совместимости. Оси голоэдри параллельны

Для вышеприведенных ограничений на $(\Gamma_L|\Gamma_S)_{ij}$ было получено 23 различных решения. Различными считались только те варианты, которые давали такую

взаимную ориентацию МДВ, чтобы ее было невозможно путем поворотов совместить ни с одной из уже

ранее найденных пар. На рис. 9 изображены несколько найденных решений.

Для сокращения записи на рис. 7 – 9 введены обозначения $(\Gamma_L|\Gamma_S)_{ij} = n_{ij}$.

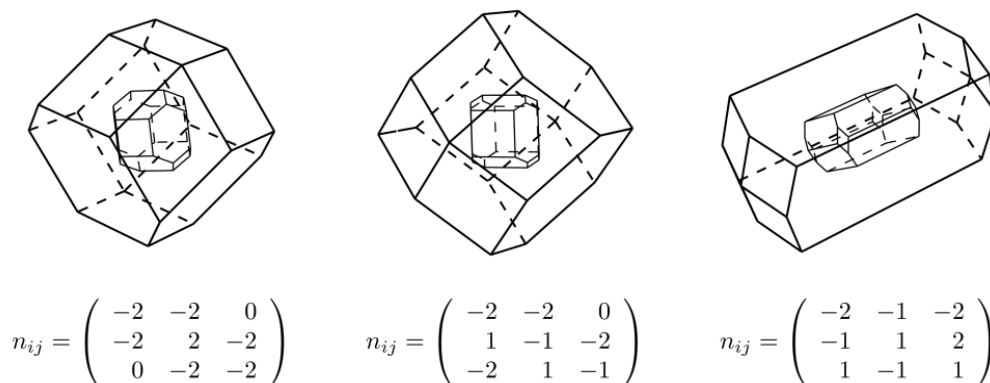

Рис. 9. Трансляционно-совместимые МДВ для QI-QII вместе с матрицами трансляционной совместимости

3. Псевдосимметрия в кристаллах с высокосимметричными подрешетками. Термин «псевдосимметрия» применяется в тех случаях, когда речь идет не о точной, а о приближенной симметрии кристаллов, возникающей по разным причинам. Например, псевдосимметрия появляется за счет того, что значительная часть структуры кристалла оказывается инвариантной относительно операций, не входящих в его группу симметрии. Если структура в целом инвариантна относительно пространственной группы G_0 , а ее значительная часть относительно некоторой надгруппы $G \supset G_0$, то операции, не входящие в G_0 , но оставляющие инвариантным высокосимметричный фрагмент кристаллической структуры определяют тип псевдосимметрии – трансляционную, поворотную, инверсионную и т. п. Такого рода псевдосимметрия оказывается достаточно распространенной в сложных кристаллических соединениях, составленных из подрешеток различного типа Браве, при условии, что среди них окажутся подрешетки, обладающие более высокой, чем кристаллическая, симметрией. Особенности структуры и физических свойств кристаллов, обладающих таким типом псевдосимметрии, обсуждались нами в работе [4].

К псевдосимметричным принято относить также и кристаллы, представляющие собой слегка искаженные структуры высших симметрий. При этом искажение должно иметь некоторый порог, значение которого определяется условием, что какая-либо физическая величина оказывается чувствительной к наличию псевдосимметрии. Ясно, что величина порога может быть разной, в зависимости от конкретной физической величины, чувствительной к псевдосимметрии. Интересен случай, когда малые искажения высокосимметричной структуры имеют место для какой-либо подрешетки сложной кристаллической структуры. Это приводит к задаче поиска подрешеток в сложных кристаллических соединениях, представляющих собой слабо искаженные симметричные структуры [1].

В качестве примера рассмотрим сложные кристаллические соединения ромбической системы. В этой системе 59 пространственных групп, 4 типа Браве – ромби-

ческая простая Γ_0 , ромбическая базоцентрированная Γ_0^i ($i = a, b, c$), ромбическая гранецентрированная Γ_0^f и ромбическая объемноцентрированная Γ_0^v . В ромбическую структуру кристаллизуются многочисленные сложные кристаллические соединения, имеющиеся в современных базах данных, содержащие высокосимметричные подрешетки, в том числе с малыми искажениями, понижающими их симметрию до кристаллической.

Ромбический теллурид индия In_4Te_3 используется в качестве материала электроники и оптической записи информации. Группа кристаллов систем In-Se, In-Te привлекательны для исследования процессов образования естественных сверхструктур, одномерного беспорядка, а также радиационной устойчивости.

В In_4Te_3 кристаллическая решетка относится к Γ_0 с параметрами: $a = 15.619 \text{ \AA}$, $b = 12.749 \text{ \AA}$, $c = 4.445 \text{ \AA}$, $\alpha = \beta = \gamma = 90^\circ$; описывается пространственной группой № 58 (D_{2h}^{12}). Элементарная ячейка этого соединения показана на рис.10а. (Изоструктурным In_4Te_3 является кристалл In_4Se_3). Элементарная ячейка имеет 28 атомов: три симметрично неэквивалентных типа атомов теллура, состоящих из 4 атомов Te1, 4 атомов Te2 и 4 Te3; и четыре симметрично неэквивалентных типа атомов индия, в каждом из которых имеется по 4 атома: In1, In2, In3 и In4. То есть в данном случае мы имеем 28 «точных» Γ_0 подрешеток (4 Te1, 4 Te2, 4 Te3, 4 In1, 4 In2, 4 In3 и 4 In4) с пространственными периодами, совпадающими с кристаллическими. Если же приблизительно (с погрешностью не более 6 %) переместить все 28 атомов в более симметричные позиции (рис. 10б), то: 1) четыре Γ_0 подрешетки Te1 и четыре Γ_0 подрешетки Te3 объединятся в четыре Γ_0^a подрешетки; 2) четыре Γ_0 подрешетки Te2 объединятся в две Γ_0^c подрешетки; 3) четыре подрешетки In1 объединятся в две Γ_0^a подрешетки; 4) четыре подрешетки In2 объединятся в две Γ_0^v подрешетки; 5) четыре подрешетки In3, аналогично подрешеткам In2, объединятся в две Γ_0^v подрешетки, при этом пространственные периоды всех подрешеток совпадают с кристаллическими; 6) четыре подрешетки In4 по своему типу и пространственным периодам совпадают с кристаллическими.

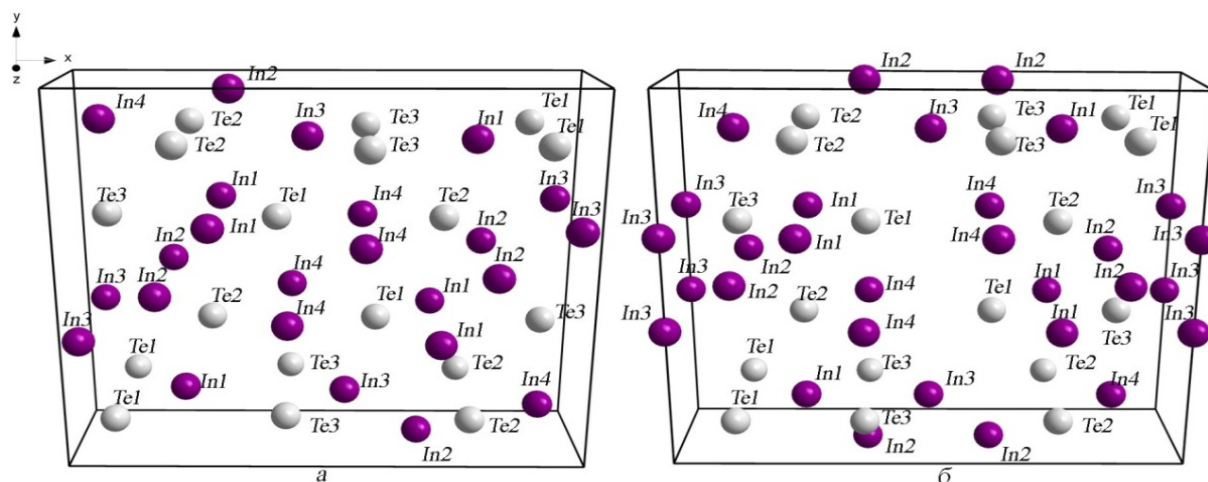

Рис. 10. Элементарная ячейка In_4Te_3 : а) точная, б) приближенная

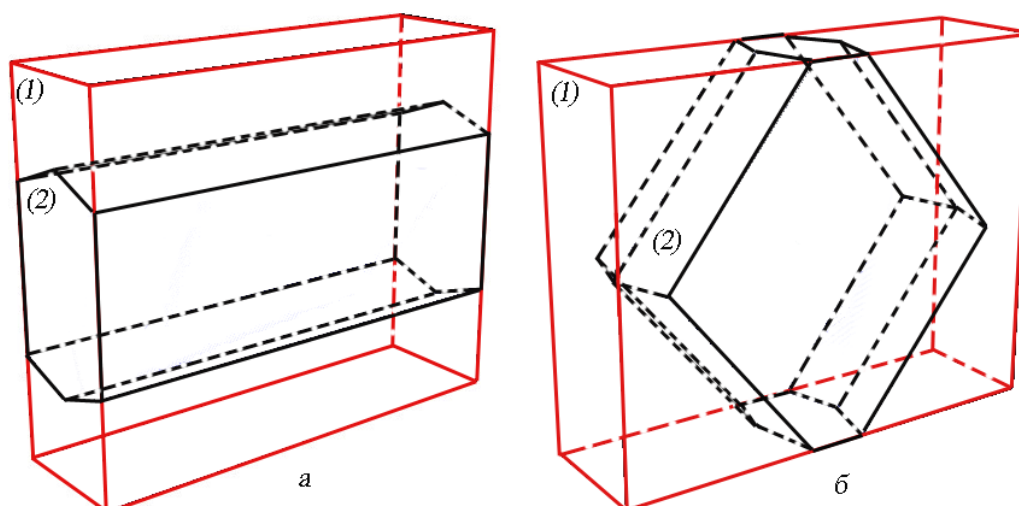

Рис. 11. МДВ In_4Te_3 : а) кристаллической решетки (1) и «приближенных» Γ_0^a подрешеток Te и In1 (2); б) кристаллической решетки (1) и «приближенных» Γ_0^v подрешеток In2, In3 (2)

На рис. 11 представлены МДВ кристалла и подрешеток для кристалла со структурой In_4Te_3 . МДВ кристаллической решетки имеет вид прямоугольного параллелепипеда (на рис. 11 обозначен цифрой 1). МДВ для «приближенных» Γ_0^a подрешеток – прямая призма, имеющая в основании неправильный шестиугольник (2) (на рис. 11 обозначен цифрой 2), а МДВ «приближенных» Γ_0^v подрешеток будет иметь вид «искаженного» усеченного октаэдра (2), при этом объем МДВ в 2 раза меньше объема МДВ кристалла.

Описанная подрешеточная структура кристалла In_4Te_3 проявляется в строении его электронного и фотонного спектров [1].

Поверхностная протравка серой полупроводников рассматривается в технологии полевых транзисторов со структурой «металл-диэлектрик-полупроводник» как способ протравки, альтернативный окислению поверхностей полупроводников. InPS_4 представляет интерес в связи с его возможным присутствием в тонких пленках, образуемых при поверхностной протравке поверхностей InP . Подобную ситуацию можно ожидать и в полупро-

водниках ВР и GaP, учитывая наличие легко образуемых сульфидов MPS_4 ($\text{M} = \text{In}, \text{Ga}, \text{Al}, \text{B}$).

В AlPS_4 кристаллическая решетка относится к Γ_0 с параметрами: $a = 5.61 \text{ \AA}$, $b = 5.67 \text{ \AA}$, $c = 9.05 \text{ \AA}$, $\alpha = \beta = \gamma = 90^\circ$; описывается ПГ № 16 (D_2^1) (рис. 12). Атомы алюминия и фтора расположены таким образом, что две Γ_0 подрешетки алюминия Al1 и Al2 объединяются в одну Γ_0^b подрешетку, две Γ_0 подрешетки фтора P1 и P2 объединяются в одну Γ_0^a подрешетку, при этом пространственные периоды подрешеток совпадают с кристаллическими. Восемь подрешеток S, сгруппированных в два симметрично неэквивалентных типа, состоящих из 4 атомов S1 и 4 атомов S2, совпадают по своему типу и пространственным периодам с кристаллической решеткой.

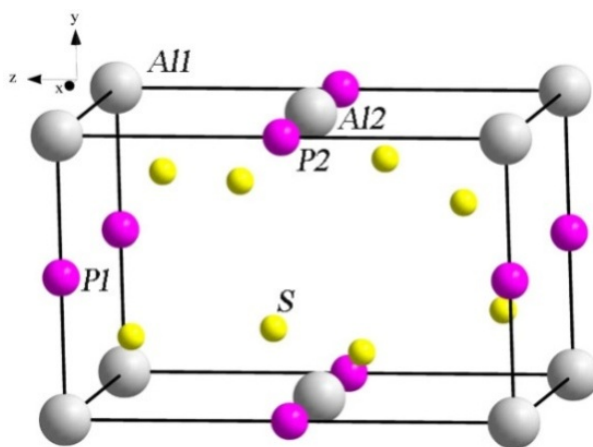

Рис. 12. Элементарная ячейка $AlPS_4$

На рис. 13 представлены МДВ кристалла и подрешетки для $AlPS_4$. В связи с тем, что кристалл имеет структуру Γ_0 типа, его МДВ имеет вид прямоугольно-го параллелепипеда (1). МДВ для Γ_0^a и Γ_0^b подрешет-

ток – прямая призма, имеющая в основании неправильный шестиугольник (2). Объем МДВ решетки соотносится с объемом МДВ подрешетки как 2:1.

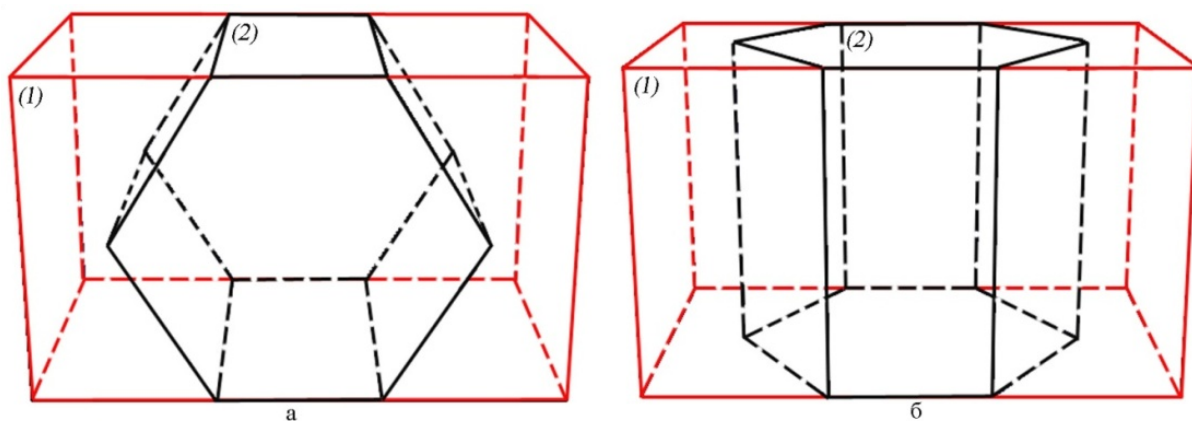

Рис. 13. $AlPS_4$: а) МДВ кристаллической решетки Γ_0 (1) и «приближенной» Γ_0^a подрешетки P (2); б) МДВ кристаллической решетки Γ_0 (1) и «приближенной» Γ_0^b подрешетки Al (2)

Подрешеточный состав кристаллических соединений позволяет интерпретировать и предсказывать строение их спектров элементарных возбуждений в том случае, если парциальный состав спектров в значительной мере определяется вкладом отдельных подрешеток. Наиболее наглядно это определяется в структуре колебательных спектров, которая определяется силами связи между химическими элементами, а также массами этих элементов. Если подрешеточный состав соединения согласовать с характером химической связи (сильно связанные молекулярные комплексы отнести к одной подрешетке, либо организовать «усредненные подрешетки» ковалентно связанных атомов), то структура колебательного спектра будет в основном определяться массами структурных элементов. При наличии в составе соединения химического элемента с массой меньшей масс остальных, колебания этого элемента будут определять строение самых верхних оптических мод; напротив, если какой-либо химический элемент имеет массу, намного превосходящую массы остальных, то его колебания будут преимущественно определять строение акустических ветвей спектра соединения. Если такой хими-

ческий элемент образует высокосимметричную подрешетку соединения, то тогда соответствующие ветви колебательного спектра будут обладать дополнительной симметрией подрешетки (например, получаться путем «свертки» фоновой ветви спектра подрешетки в зону Бриллюэна (ЗБ) кристалла, если подрешетка имеет более высокую трансляционную симметрию, чем кристалл). Например, кристаллы $InPS_4$ содержат атомы индия, массы которых относятся к массам остальных химических элементов, входящих в состав соединения: In/P как 115/31, In/S как 115/32. Поэтому акустические ветви в фоновом спектре кристалла будут определяться преимущественно колебаниями индия. Топология этих ветвей будет связана с перестройкой ЗБ подрешетки индия в ЗБ кристалла. Такие примеры можно продолжить. Во всех таких случаях можно, не проводя вычислений, предсказать особенности колебательных спектров, если в составе соединения имеются высокосимметричные подрешетки.

Вопрос о физических причинах возникновения псевдосимметрии остается открытым. Из общих соображений появление псевдосимметричных особенностей можно связать, с одной стороны, с усложнени-

ем кристаллической структуры при росте числа атомов и с увеличением объема элементарной ячейки, с другой – с понижением устойчивости структуры при увеличении числа параметров элементарной ячейки. При этом происходит дополнительная упорядоченность части структуры. Другой вопрос – «неполная упорядоченность» – когда часть структуры оказывается высокосимметричной только при малых смещениях структурных элементов из реальных положений.

Значит, образованию высокосимметричной «что-то мешает». Например, это может быть кооперативный эффект Яна-Теллера, когда точная высокая симметрия подрешетки приводит к вырождению основного состояния, которое снимается при слабом нарушении симметрии. Эти соображения весьма важны при исследовании фазовых переходов, сопровождающихся изменением симметрии кристалла.

Литература

1. Теория физических и физико-химических свойств кристаллических соединений с различным типом химической связи / под общ. ред. А. С. Поплавной. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 400 с.
2. Поплавной, А. С. Построение трансляционно-совместимых многогранников Дирихле-Вороного на основе параметров Зеллинга / А. С. Поплавной, Р. И. Филиппов // Известия вузов. Физика. – 2011. – Т. 54. – № 2. – С. 95 – 99.
3. Поплавной, А. С. Граф подчинения сортов многогранников Дирихле-Вороного по принципу повышения симметрии / А. С. Поплавной, Р. И. Филиппов // Вестник Московского университета. – Серия 3: Астрономия. Физика. – 2011. – № 6. – С. 86 – 89.
4. Поплавной, А. С. Псевдосимметрия в кристаллических соединениях с высокосимметричными подрешетками / А. С. Поплавной // Журнал структурной химии. – 2013. – Т. 54. – № 1. – С. 99 – 103.
5. Поплавной, А. С. Подрешетки в кристаллах / А. С. Поплавной, А. В. Силинин // Кристаллография. – 2005. – Т. 50. – № 5. – С. 782 – 787.
6. База данных Inorganic Crystal Structure Database. – Режим доступа: <http://www.fiz-karlsruhe.de/ecid/-Internet/en/DB/icsd/>
7. Журавлев, Ю. Н. Роль подрешеток в формировании химической связи преимущественно ионных кристаллов / Ю. Н. Журавлев, А. С. Поплавной // Журнал структурной химии. – 2001. – Т. 42. – № 5. – С. 860 – 866.
8. Журавлев, Ю. Н. Роль подрешеток в формировании химической связи ионно-молекулярных кристаллов / Ю. Н. Журавлев, А. С. Поплавной // Журнал структурной химии. – 2001. – Т. 42. – № 6. – С. 1056 – 1063.
9. Басалаев, Ю. М. Роль подрешеток в формировании химической связи ионно-ковалентных кристаллов / Ю. М. Басалаев, А. С. Поплавной // Журнал структурной химии. – 2009. – Т. 52. – № 9. – С. 93 – 94.
10. Журавлев, Ю. Н. Распределение валентной электронной плотности в преимущественно ионных кристаллах с различающимися подрешетками Браве / Ю. Н. Журавлев, А. С. Поплавной // Физика твердого тела. – 2003. – Т. 45. – № 1. – С. 37 – 40.
11. Журавлев, Ю. Н. Роль подрешеток в формировании электронной плотности в нитридах металлов / Ю. Н. Журавлев, А. С. Поплавной // Кристаллография. – 2002. – Т. 47. – № 5. – С. 810 – 813.
12. Генезис энергетических зон из подрешеточных состояний в оксидах и сульфидах щелочно-земельных металлов / Ю. М. Басалаев [и др.] // Физика твердого тела. – 2004. – Т. 46. – № 5. – С. 826 – 829.
13. Кособуцкий, А. В. Моделирование зонных спектров сложных кристаллов в базе состояний их подрешеток / А. В. Кособуцкий, А. С. Поплавной // Известия вузов. Физика. – 2006. – Т. 49. – № 7. – С. 81 – 86.
14. Делоне, Б. М. Теория Браве и ее обобщения на n-мерные решетки / Б. М. Делоне, Р. В. Галлиулин, М. И. Штогрин // В кн.: Браве, О. Избранные труды. Кристаллографические этюды. – Л., 1974. – С. 309 – 415.
15. Галиулин, Р. В. Комбинаторно-симметричная классификация первых зон Бриллюэна / Р. В. Галиулин // Кристаллография. – 1984. – Т. 29. – № 4. – С. 638 – 642.

Информация об авторе:

Поплавной Анатолий Степанович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики КемГУ, 8(3842)58-31-95, popl@kemsu.ru.

Anatoly S. Poplavnoy – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Department of Theoretical Physics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2014 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-3УЛИЦКАЯ.07

МОТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ВОПЛОЩАЮЩИЕ ТЕМУ СЕМЬИ В РАССКАЗАХ Л. УЛИЦКОЙ

В. А. Алексютина

MOTIVIC COMPLEXES EMBODYING THE THEME OF FAMILY IN L. ULITSKAYA'S STORIES

V. A. Aleksyutina

В современной культурной и литературной ситуации проблема восприятия семьи, семейных отношений, семейных ценностей приобретает чрезвычайную актуальность. Предлагаемая статья освещает проблему художественного воплощения образа семьи в малой прозе Л. Улицкой. Выделяются и анализируются комплекс образов и мотивов в рамках семейной проблематики; рассматривается своеобразие темы семьи в рассказах Л. Улицкой.

In today's cultural and literary situation, the problem of perception of the family, family relationships and family values becomes extremely relevant. The present paper highlights the problem of artistic expression of the image of the family in L. Ulitskaya's short stories. A set of images and motifs within a family perspective are identified and analysed, the theme of family identity in L. Ulitskaya's short stories is considered.

Ключевые слова: тема, мотив, образ, семья, современный литературный процесс, рассказ, Л. Е. Улицкая.

Keywords: theme, motive, image, family, modern literary process, story, L. E. Ulitskaya.

Тема семьи в отечественной женской прозе является одной из магистральных. Об этом пишут такие исследователи современного литературного процесса, как И. М. Попова, Е. В. Любезная, Г. А. Пушкар, Т. А. Ровенская, И. Л. Савкина [8 – 10]. Известный петербургский исследователь русской литературы М. А. Черняк также полагает, что «мысль семейная» – основная тема женской прозы. В традиции русской классической литературы семья – нравственная основа человеческого быта и бытия. Семейная проблематика охватывает почти все произведения XIX века. Век XX – страшный и трагический – внес свои коррективы в восприятие этой темы [18]. Произведения писателей-женщин в отечественной литературе фиксируют кризисное состояние семьи в российском обществе, вместе с тем содержат в себе попытку осмысления института семьи, ее понимания, восприятия в сегодняшнем социуме. Так, в творчестве Л. Петрушевской, как полагают Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, выражена катастрофа современной семьи: «Драматическая ситуация у Петрушевской всегда обнажает искаженность человеческих отношений, особенно в семье или между мужчиной и женщиной» [5].

В прозе Л. Улицкой тема семьи является доминирующей. На это указывают многие исследователи ее творчества. О. В. Осьмухина пишет о том, что «центром художественного мира Улицкой является семья» [6]. «Природа её произведений такова, – полагает М. Золотоносов, – что всё в них постоянно колеблется между семейным (по образцу XIX века) и женским романом современной поп-культуры, в котором выражены «женские мечты» и даются перечни типовых обид и желаний» [2]. «Семейный» характер произведений автора отмечают такие литературоведы, как Н. Б. Иванова, И. Л. Савкина, Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, С. И. Тимина [3; 12; 5; 13]. Н. А. Егорова обращается к образу семьи, анализируя жанровую структуру

романов «Медея и ее дети» и «Казус Кукоцкого». Л. Улицкая создает «синтетическое» жанровое образование, которое соединяет признаки жанров семейной хроники, семейной саги, жития, притчи [1]. В диссертации О. В. Побивайло «Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой» имеется отдельный параграф «Мифология семьи», в котором исследователь рассматривает романы Л. Улицкой, применяя мифопоэтический анализ [7].

Однако специальная работа, посвященная теме семьи в творчестве писательницы, нами была найдена только одна. Это диссертационное исследование Э. В. Лариевой «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой». Материалом для диссертации главным образом послужили произведения «больших» жанров (романы «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Искренне Ваш Шурик»). Хотя исследователем и привлекаются в диссертации произведения малой прозы раннего и позднего периодов творчества писательницы – рассказы из сборников «Бедные родственники», «Девочки», «Первые и последние», «Люди нашего царя», – они выполняют роль иллюстративного, дополнительного материала по отношению к глубокой интерпретации романов. Э. В. Лариева анализирует особенности семейной проблематики в прозе Л. Улицкой и указывает формы и средства ее художественного воплощения. Автор диссертационного сочинения рассматривает систему устойчивых образов, выявляет типы «семейных» героев: герой-создатель, хранитель семьи, герой-праведник и герой-разрушитель, демонологический персонаж. Также исследователь обращается к рассмотрению семейного хронотпа, к его функциям и семантике [4].

Перечисленные работы содержат важные для нашего исследования методологические подходы к интерпретации прозы писателя. Нами будут рассмотре-

ны комплексы мотивов и образов, раскрывающих семейную проблематику, не только через анализ структуры произведений (система персонажей, хронотоп), но и через выявление конструктивного и деструктивного семантических комплексов. Концепция предлагаемой статьи основывается на рассмотрении темы семьи в качестве доминирующей аксиологической категории в произведениях Л. Улицкой.

Задача предлагаемой статьи – проследить, описать и охарактеризовать различные художественные средства воплощения темы семьи в рассказах Л. Улицкой. В процессе работы над проблематикой исследования нами был выделен ряд аксиологически значимых мотивов, идентифицирующих тему семьи, – мотив *детства*, интонирующими образами которого являются образ *ребенка*, *матери*, *отца*, а также мотив *любви*, воплощенный образами «*нелепого брака*, *настоящей семьи*, *жалости*, *ревности* и другими. Данные мотивные комплексы представлены двумя полемизирующими значениями: конструктивным и деструктивным. Обратимся к анализу конкретных рассказов.

Одним из магистральных в развитии семейной темы является мотив *любви*. В рассказах Л. Улицкой данный мотив развивается в нескольких сюжетных ситуациях. Одна из них – *нелепый брак*. Рассмотрим цикл «Тайна крови». Данный образ присутствует во всех рассказах цикла, кроме «Старшего сына», однако представлен в каждом из произведений по-разному. В «Установлении отцовства» женитьба полноватого, лысоватого Лени на красавице Инге воспринимается окружающими как «нелепый брак». Вскоре брак этот распадается. Но самопожертвование героя и его безмерная любовь к жене и неродным детям на протяжении всей жизни помогают воссоздать семью. В рассказе «Певчая Маша» представлена иная ситуация. На первый взгляд, «настоящая семья» Ивана да Марьи оказывается «нелепым браком», и лишь только с любящим художником Александром Маша обретает настоящее семейное счастье. Таким образом, в оппозиции к *нелепому браку* возникает ситуация *настоящей семьи*, построенной на любви. Она в полной мере представлена в рассказе «Старший сын»: «Они, мало сказать, любили друг друга – они друг другу нравились: даже когда она впадала в истерику, а с ней такое случалось, и рыдала, и швыряла предметы, – он смотрел на нее с умилением: как женственна... А он, пьяный, казался ей трогательным, страшно искренним и нуждающимся в ее опеке» [16].

В рассказе «Сын благородных родителей» один из героев рассуждает: «Брак – ответственное предприятие. Он не имеет никакого отношения к тому, что в молодости мы называем любовью. У меня был очень хороший брак с моей покойной женой именно потому, что был построен не на любви. Но к детям брак тоже не имеет отношения. Хотя у нас с женой был сын, ты знаешь... Он рано погиб, а мы с женой остались близкими друзьями, партнерами в большой игре, никогда не мешали друг другу и, напротив, всегда старались помогать. Ребенок не представляется мне необходимым условием брака, а тем более его предпосылкой» [16]. Герой рассказа, Андрей Иванович, рассуждает именно о браке. Поэтому относительно

сюжетов малой прозы Л. Улицкой можно утверждать, что брак и семья – не слова-синонимы. Все события рассказов цикла полемизируют с представленными рассуждениями героя. *Настоящая семья* может быть построена только на любви, а ребенок скрепляет семейные отношения. При описании природы брака автор позволяет себе явную иронию: «Сексуальная революция уже шла к закату, и вторые браки оказывались крепче первых, а третьи – совсем похожи на настоящие» [17] (рассказ «Дина»). Обращаясь к значению слов *брак* и *семья*, можно говорить о существенном различии этих двух понятий в художественном мире Л. Улицкой. *Брак* – взаимовыгодный союз двух людей, основанный не на взаимной любви, а, как считает герой рассказа «Голубчик», «на основании честного брачного договора: ты – мне, я – тебе» [15]. Здесь мы видим взаимовыгодные условия жизни двух людей в сложных обстоятельствах быта как горизонталь человеческого социального существования. Но *семья* подразумевает прежде всего духовную связь близких людей через осуществление любви и рождения ребенка как плода этой любви, которые можно оценить как вертикаль человеческих отношений, ценностное отношение к семье.

В прозе Л. Улицкой представлены разные типы любви. Любовь может быть идентифицирована сложным комплексом чувств. Они связываются не с телесным, а с духовным началом («Короткое замыкание», «Счастливые», «Коридорная система», «Искусство жить» и пр.). Конструктивным образом, интонирующим тип любви духовной, выступает жалость. Например, в рассказе «Установление отцовства» Леня говорит жене о своей возлюбленной: «Инга такая хрупкая, такая ранимая... Ей без меня никак не справиться. А ты человек крепкий, сильный, ты все выдержишь» [16]. Подобное понимание любви вписывается в ту линию русской литературы и философии, которая истолковывает ее как *caritas*, заботу, сострадание, милость, жалость [19]. Еще один тип любви, который предоставлен в малой прозе Л. Улицкой, – любовь телесная, любовь-страсть. Такую любовь можно обнаружить в рассказе «Установление отцовства»: «и как-то вдруг образовалась страшная тяга между ними. Нешуточное дело. И прорвало плотину с двух сторон, и понесло. С начальником происходило неведомое ему событие, под названием страстная любовь» [16]. Еще один вариант – любовь-привычка. Она описывается в рассказе «Искусство жить»: «Он был когда-то в нее сильно влюблен, потом долго любил, потом породнился, потом оравнодушнел, отдалился, привык, позже обнаружил, что сросся с ней в какую-то общую неразделимую структуру» [17]. Именно на такой любви основываются крепкие семьи. Супруги становятся единым целым и, как следствие, даже умирают в один день, предчувствуя уход друг друга. Например, в рассказах «Они жили долго...» и «...Умерли в один день» [16].

Тема семьи в рассказах Л. Улицкой представлена не только в развитии *любви*, но и в образах и мотивах *детства*, которые наиболее полно воплотились в раскрытии ключевых моментов особенной роли ребенка в семье, его особого положения. В рассказах цикла «Тайна крови» с мотивом *детства* связаны три ос-

новых образа: *ребенок, мать, отец*. В первом рассказе цикла «Установление отцовства» на уровне авторского сознания заявлена проблема чужого/родного ребенка и настоящего/неродного отца, которые сопровождаются возникновением интонирующей ситуации – семейной тайны, тайны рождения. В рассказе «Старший сын» он достигает своего кульминационного развития и обрастает деструктивным состоянием страха героя перед раскрытием тайны рождения ребенка. Произведение повествует о переживаниях отца по поводу обнаружения старшим сыном тайны собственного рождения, о страхе перед возможностью разрушения семейного счастья. Однако семья сохраняется, так как актуализируется семантический комплекс *настоящего отца*: для старшего сына, Дениса, отец – тот, кто его воспитал, кто сделал их семьей счастливых: «Он попробовал вообразить их дом без отца, и его насквозь прожгло» [16]. Аналогично в первом рассказе цикла «Установление отцовства» трое детей, рожденные от разных мужчин, называют папой Леню, который их воспитал и который их искренне любит. Продолжая развитие полемизирующих мотивов, в рассказе «Певчая Маша» автор иллюстрирует заявленную ситуацию с другой стороны. Родной отец (по крови) бросает жену и детей, отказываясь от них, и обвиняя жену в измене. В финале также появляется мужчина, который становится настоящим отцом для детей героини и любящим мужем для нее самой. Резюмируя образы, заявленные в трех первых рассказах цикла, заключительное произведение, «Сын благородных родителей», по-иному раскрывает проблему отцовства. Несмотря на то, что Миша считает Григория Наумовича своим отцом, родной отец, Андрей Иванович, его не бросает, опекая всю жизнь. Таким образом, в цикле рассказов «Тайна крови» центральным становится образ *настоящего отца*. В первом абзаце произведения «Установление отцовства» автор иронично рассказывает о генетике, о том, как наука помогает установить отцовство. Приводя примеры четырех разных семей, в каждой из которых присутствует тайна рождения ребенка, автор ставит свой неопровержимый диагноз – наука бессильна в человеческих отношениях, настоящее родственные отношения определяются не тайной крови, а любовью и привязанностью. Семантический комплекс *настоящего отца* обуславливается такими качествами, как забота, любовь, жалость; это тот, кто сопровождает ребенка по жизни, а не просто дает право на существование.

Обратимся к рассмотрению следующего конструктивного образа, воплощающего мотив детства, – образу *ребенка*. В рассказах Л. Улицкой он зачастую выполняет функцию скрепляющего звена в семейных отношениях родителей (речь идет только о *настоящих семьях*, построенных на любви). Особо актуальным становится образ позднего ребенка, воспринимаемого как дар свыше: «Их последняя, Малышка, придавала новый оттенок счастливой жизни: она была сверхплановая, совершенно подарочная девочка, беленький ангел, избалованный до нечеловеческого состояния» (рассказ «Старший сын») [16].

В рассказах «Короткое замыкание» и «Дочь Бухары» возникает деструктивный образ *больного ре-*

бенка, который выступает в качестве испытания, данного супругам. Крепкие семьи, построенные на любви, еще более сплачиваются: «Родители приняли удар судьбы и сплотились намертво. Не расцепить. Мертвой хваткой держали девочку на этом свете. Она умирала, а они вытягивали» (рассказ «Короткое замыкание») [16]. В других же – отцы бросают жен с больным ребенком, как, например, в рассказе «Дочь Бухары». В таком произведении актуализируется образ матери. Любовь матери к ребенку абсолютна. Мать и ребенок выступают как единое целое. Подтверждением этому служит и поэтика заглавий рассказов – «Дочь Бухары», «Писательская дочь», – наиболее полно выявляющая принадлежность ребенка матери.

В подобных произведениях появляется еще одна деструктивная коллизия – *безотцовщины*. Она в малой прозе Л. Улицкой характеризуется цикличностью: «Как это часто бывает, семейная традиция безотцовщины в каждом следующем поколении усиливается» (рассказ «Пиковая дама») [15]. Оставшись однажды без главы семьи, женщина принимает эту роль на себя. Дети, воспитанные в неполной семье, воспринимают данную ситуацию как нормальную, а вот появление в доме мужчины зачастую оценивается в категории *не-нормы*: «Мужчина – это прекрасно, но зачем это держать дома» (рассказ «Сквозная линия») [17]. Именно в разложении, распаде автор видит катастрофу современной семьи. Все чаще ее состав сводится к паре: мать – ребенок. Генетически семья должна быть организована по мужской/ патриархальной модели, позволяющей ей как явлению существовать в реальном мире. Мужчине изначально присущи традиционные семейные функции главы семьи (рода); защитника; добытчика/ кормильца. В такой традиционной модели семьи женщине доставалась роль ведомого партнера. В современной семейной модели произошел ряд трансформаций, которые нашли отражение в творчестве Л. Улицкой.

Особенность семейной тематики была нами выявлена через сопоставление ряда мотивов и образов как конструктивного, так и деструктивного типов. Образ ребенка, несущий конструктивную семантику, безусловно, является доминантой в ряду представленных образов, интонирующих мотив детства, – ребенок скрепляет семейные отношения. Что касается образов родителей, то, как мы смогли убедиться, в рассказах Л. Улицкой семантический комплекс *настоящего отца* не идентичен понятию родного (по крови) родителя. Настоящий отец – это тот, кто воспитал ребенка, кто о нем заботится всю жизнь; при этом наличие в семье отца все чаще становится необязательным – в таких произведениях актуализируется деструктивная коллизия *безотцовщины*. Образ же матери в малой прозе Л. Улицкой представлен исключительно в рамках конструктивного типа. Мать и ребенок выступают единым целым. В современной семье женское начало довлеет над мужским, что является, по мнению автора, отражением дисгармонии действительности, одним из проявлений хаотичности современной художественной картины мира. Отражение катастрофического состояния мира в многообразии его форм стало главной приметой современного литературного процесса. Тем важнее оказывается поиск

универсальных нравственных опор в жизни человека. Именно семья в художественном мире Л. Улицкой приобретает значение доминирующей аксиологической категории.

Литература

1. Егорова, Н. А. Проза Л. Улицкой 1980 – 2000-х годов: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Егорова. – Астрахань, 2007. – 22 с.
2. Золотоносов, М. Мужчина ее мечты / М. Золотоносов // Московские новости. – 2004. – 13 февраля. – С. 7.
3. Иванова, Н. Б. Современная русская литература: метасюжет и его восприятие: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Иванова. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006.
4. Лариева, Э. В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Лариева. – Петрозаводск, 2009.
5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 2001. – Кн. 3.
6. Осьмухина, О. В. В поисках утраченной толерантности: Людмила Улицкая / О. В. Осьмухина // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С. 144 – 158.
7. Побивайло, О. В. Мифопоэтика прозы Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Побивайло. – Барнаул, 2009.
8. Попова, И. М. Феномен современной женской прозы / И. М. Попова, Е. В. Любезная. – Режим доступа: http://vestnik.tstu.ru/rus/t_14/pdf/14_4_025.pdf
9. Пушкар, Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Пушкар. – Ставрополь, 2007.
10. Ровенская, Т. А. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов: проблематика, ментальность, идентификация: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Ровенская. – М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001.
11. Савкина, И. Говори, Мария (Заметки о современной женской прозе) / И. Савкина. – Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina1r.html
12. Савкина, И. Род/дом: семейные хроники Л. Улицкой и В. Аксенова / И. Савкина // Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. – Кн. 1; ред. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
13. Тимина, С. И. Ритмы вечности (Роман Л. Улицкой «Медя и ее дети») / С. Тимина // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия; сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк. – СПб.: Академия, 2003.
14. Улицкая, Л. Е. Бедные родственники / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2003.
15. Улицкая, Л. Е. Первые и последние / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011.
16. Улицкая, Л. Е. Рассказы / Л. Е. Улицкая. – Режим доступа: <http://lib.misto.kiev.ua/proza/ulickaya/-peoples.txt>
17. Улицкая, Л. Е. Сквозная линия / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011.
18. Черняк, М. А. Современная русская литература / М. А. Черняк. – СПб.; М., 2004.
19. Шестаков, В. П. Эсхатология и утопия: (очерки русской философии и культуры) / В. П. Шестаков. – М., 1995. – С. 73.

Информация об авторе:

Алексютина Валерия Александровна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 8-950-575-86-57, zemlyanuhina@mail.ru.

Valeria A. Aleksyutina – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2013 г.

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
И МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИШСКИХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ DER-
О. В. Бадер

COGNITIVE AND SEMANTIC CLASSIFICATION
AND MORPHOSYNTACTIC FEATURES OF YIDDISH VERBS WITH THE PREFIX DER-
O. V. Bader

В настоящей статье показывается, что идиш как язык «гибридный» заимствовал на когнитивно-семантическом и морфосинтаксическом уровнях как немецкие, так и – в большей степени – славянские элементы. Идишский префикс *der-*, восходящий к средневерхненемецкому префиксу *er-*, во многом потерял свою связь с немецким *er-*, превратившись в идишский аналог славянского глагольного префикса *do-/до-/да-*. В статье предлагается когнитивно-семантическая классификация идишских глаголов с префиксом *der-*, разработанная на таких критериях, как «интегральная и дифференциальная сема» и «концепт ситуации», и описываются основные морфосинтаксические характеристики, приобретаемые производящими основами в результате префиксации.

This paper shows that the Yiddish language as a "hybrid" borrowed both German and, increasingly, Slavic elements on cognitive and semantic and morphosyntactic levels. The Yiddish prefix *der-*, dating back to the Middle High German prefix *er-*, has largely lost its connection with the German *er-*, having turned into the Yiddish analog of the Slavic verb prefix *do-/до-/да-*. The author suggests a cognitive and semantic classification of Yiddish verbs with the prefix *der-*, developed on such criteria as "integral and differential seme" and "the concept of the situation", the main morphosyntactic characteristics acquired by the productive stems as a result of prefixation are also described.

Ключевые слова: идиш, когнитивная семантика, префикс, префиксальный глагол, ситуация, концепт ситуации, морфосинтаксис.

Keywords: Yiddish, cognitive semantics, prefix, prefix verb, situation, concept of the situation, morphosyntactic.

Идишский префикс *der-* по своей форме восходит к средневерхненемецкому префиксу *er-*, но «во многом потерял свою связь с немецким *er-* и превратился в идишский аналог славянского глагольного префикса *do-/до-/да-*» [6, с. 165].

Анализ показал, что префикс *der-*, присоединяясь к производящей основе:

а) сохранил первичные этимологические немецкие значения «наружу» и «начало», при этом, однако, количество глаголов языка идиш, имеющих значения «действие, направленное наружу», чрезвычайно мало: 5 лексем (3,29 %) при общем количестве 152 глагола с *der-*; в немецком же таковых 31 лексема (8,86 %) при общем количестве 350 глаголов *er-*;

б) во многом изменил этимологически немецкое значение «результат действия или процесса» за счет приобретения славянских значений «предел перемещения» [1, с. 164], «исчерпывающая манипуляция с референтом», «достижение цели продолжительного действия или процесса» и «добавление гомогенного референта»: из 152 глаголов с *der-* семантику результативности имеют 79 глаголов (51,97 %), из которых 56 глаголов (70,89 %) приобрели этимологически славянскую семантику;

в) приобрел значение «неполнота действия» за счет славянских калек, которое, правда, имеют всего 3 лексемы (1,97 %);

г) а также утерял этимологически латинское значение «повторное действие», которым обладают немецкие глаголы с *er-*.

По данным значениям (а – в) глаголы были распределены по группам (обозначенные в классификации, данной ниже, римскими цифрами), которые, в свою очередь, делятся на более конкретные классы

(пронумерованы арабскими цифрами). Кроме того, несколько глаголов было отнесено к группе неклассифицированных.

I. Глаголы, концептуализующие ситуацию как «действие, направленное наружу»:

1. Направление одного референта другим референтом наружу

2. Выход референта наружу

II. Глаголы, концептуализующие ситуацию как «начало нового процесса или состояния»:

3. Начало восприятия

4. Каузация нового состояния референта

5. Переход референта в новое состояние

III. Глаголы, концептуализующие ситуацию как «результат действия или процесса»:

6. Овладение референтом

7. Создание нового референта

8. Результат процесса гибели референта

9. Уничтожение одного референта другим референтом

10. Исчерпывающая манипуляция с референтом

11. Достижение цели продолжительного действия или процесса

12. Приближение референта к пределу перемещения

13. Приведение референта в близость к пределу перемещения

14. Добавление гомогенного референта

IV. Глаголы, концептуализующие ситуацию как «интенсивное действие, процесс или состояние»

15. Интенсивное действие, процесс или состояние

V. Глаголы, концептуализующие ситуацию как «неполнота действия»

16. Недостаточность действия одного референта по отношению к другому референту

VI. Неклассифицированные глаголы

Далее предлагаемая классификация иллюстрируется на примере классов 1 (группа I), 4 (группа II), 12 (группа III) и 16 (группа V).

1. *Группа I.* «Глаголы, концептуализующие ситуацию как «действие, направленное наружу» и класс 1 «Направление одного референта другим референтом наружу».

Данная группа префиксальных глаголов с *der-* сохранила черты, свойственные немецким глаголам с префиксом *er-*:

- а) интегральная сема глаголов группы I – «наружу»;
- б) концепт ситуаций, которые описываются глаголами группы I, можно представить в виде следующей обобщенной схемы:

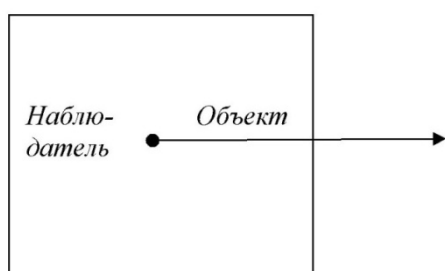

Схема 1. Концепт ситуации «Действие, направленное наружу»

В схеме 1:

- а) прямоугольник обозначает контейнер, из которого происходит перемещение референта наружу,
- б) стрелка – ось перемещения референта изнутри наружу,
- в) круглое начало стрелки – местонахождение наблюдателя и первоначальное местонахождение референта внутри контейнера.

Под интегральной семой в настоящей работе понимаются родовые семы, общие для значений префиксальных глаголов всех классов и не выполняющие различительных функций в пределах соответствующей группы [3], а под **концептом ситуации** имеется в виду «обобщенно-абстрагированный, обусловленный наивными представлениями носителей языка о мире способ репрезентации высказыванием определенного фрагмента внеязыковой действительности» [4, с. 205].

Далее для описания фактического материала необходимо также различать:

- а) **физические концепты** – «концептуализации ситуаций, связанных с физическими действиями и состояниями человека и живых существ» [4, с. 205];
- б) **физиоморфные концепты** – «образно-физические концептуализации ситуаций, связанных с неживыми предметами, которые в реальном мире не могут совершать или испытывать физические действия и состояния; физиоморфные концепты ситуаций создают тем самым фрагменты картины мира, уподобленные физическим действиям и состояниям» [4, с. 205].

Глаголы класса 1 объединяются по следующим когнитивно-семантическим признакам:

- а) дифференциальные семы: «воздействие на референта», «наружу»;
- б) типичные ролевые структуры:
 - Агенс+Объект+Локатив/Направление (физические концепты);
 - Агенс+Объект/Пациенс (физиоморфные концепты).

В данном случае идишские глаголы с префиксом *der-* описывают ситуации, в которых один референт направляет другого референта из физического (физические концепты) или абстрактного (физиоморфные концепты) контейнера наружу, за пределы этого контейнера, например:

(1) *derleygn II* «выкладывать (деньги)»: ...dos iberike hob ikh (одуш./Ag) gemuzt **derleygn** fun mayn keshene (неодуш./Loc) – 45 gildn mit 18 groshn (абстр./Ob) [11]. «...остальное мне пришлось выложить из собственного кармана – 45 гульденов и 18 грошей».

В данном примере (как следует из предыдущего контекста рассказа) описывается физическая ситуация, в которой одушевленный референт (личное местоимение/агенс) выплачивает деньги (неодушевленный референт/существительные с числительными/объект), причем ситуация выплаты денег концептуализуется как «направление денег из контейнера, в данном случае – из кармана или кошелька (неодушевленный референт/существительное/место) наружу» (ср. нем. *erlegen* «выложить (деньги)»).

В отличие от немецких глаголов с *er-* идишские глаголы с *der-*, по образцу которых они образованы, практически утратили этимологически первичную семантику «наружу», и всего три глагола (*derleygn II* «выложить (деньги)», *derleyzn* «освободить» и *derveyln* «выбирать») приобретают за счет префикса данное значение (ср. нем. *erlegen II*, *erlösen II*, *erwählen* с теми же значениями, соответственно). Они могут моделировать как физические концепты, так и физиоморфные. Так, например, ситуация выкладывания денег может быть как физически конкретно-пространственной (физический концепт), так и абстрактной (физиоморфный концепт).

Существенных изменений когнитивно-семантического и морфосинтаксического характера производящие глаголы за счет префиксации не претерпевают.

2. *Группа II.* «Глаголы, концептуализующие ситуацию как «начало нового процесса или состояния» и класс 4 «Каузация нового состояния референта».

Глаголы группы II сохранили этимологически немецкую семантику и черты, свойственные немецким глаголам с префиксом *er-*, и имеют те же черты, что и соответствующие немецкие префиксальные глаголы. Глаголы объединяются в данную группу по следующим когнитивно-семантическим признакам:

- а) интегральная сема – «начало»;
- б) концепт ситуаций, который можно представить в виде следующей обобщенной схемы:

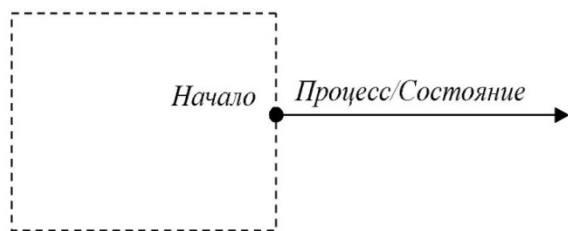

Схема 2. Концепт ситуации
«Начало нового процесса или состояния»

В схеме 2:

- а) стрелка обозначает временную ось развития процесса или состояния;
- б) круглое начало стрелки – момент начала процесса или состояния;
- в) пунктирный прямоугольник – концептуальный контейнер, на границе которого процесс или состояния берут свое начало.

Таким образом можно отобразить взаимосвязь между двумя этимологическими значениями, которые придает префикс *der-* глаголам: «наружу» и «начало».

В класс 4 идишские префиксальные глаголы объединяются по следующим когнитивно-семантическим признакам:

- а) дифференциальные семы: «изменение состояния», «каузация»;
- б) типичные ролевые структуры:
 - Агнс/Каузатор+Пациенс+Модус (физические концепты);
 - Агнс/Каузатор+Объект+Модус (физиоморфные концепты).

Данный класс глаголов описывает ситуации, в которых под воздействием одного одушевленного, неодушевленного или абстрактного референта меняется

физическое или ментальное состояние или качество другого одушевленного референта, то есть начинается новое состояние; при этом новое состояние обозначается производящей основой:

(2) *dervaremen* «согреть»: *oykh zelik* (одуш./Аг) *nemt zikh davnen...*, *shoklt zikh zitsndik un dervaremt zikh* (одуш./Pt) *a bisl* (модус/Mod) *di beyner* (неодуш./Ob) ... [14, с. 26]. «Зелик тоже начинает молиться..., раскачивается сидя и немного согревается...»

(3) *dermintern* «воодушевить»: ...*m'hot* (одуш./Аг) *im* (одуш./Pt) *nisht gekent dermintern* [5]. «...его никак не могли воодушевить».

Данные высказывания посредством префиксальных глаголов описывают следующие ситуации:

- пример (2): придание тепла ногам (неодушевленный референт/существительное/объект) одушевленного референта (имя собственное/пациенс) данным референтом – физический концепт;
- пример (3): изменение эмоционального состояния одного одушевленного референта (личное местоимение/пациенс) под влиянием другого одушевленного референта (неопределенно-личное местоимение/агнс) – физиоморфный концепт.

Ситуации, описываемые идишскими глаголами с *der-* данного класса, можно свести к общей формуле:

Было X → каузация → Началось Y, причем:

- X, то есть предыдущее состояние каузируемого референта, может быть выражено имплицитно;
- способ каузации и начало нового состояния каузируемого референта называются производящей основой.

Так, ситуацию, описываемую префиксальным глаголом *dervaremen*, можно представить в виде следующей конкретной формулы:

zayn varem → *dervaremen* (= *makhn varem*) → *onheybn zayn varem*
«быть теплым» «согреть» (= сделать теплым) «начать быть теплым»

В результате префиксации производящие глаголы данного класса не претерпевают каких-либо существенных изменений когнитивно-семантического и морфосинтаксического характера. Морфосинтаксические изменения происходят только у производящих адъективных основ, так как при прибавлении префикса *der-* они переходят в разряд глаголов, например:

(4) *derfrishn* «освежать» ← *der* + прилагательное *frish* «свежий» + *n*;

dermutikn «ободрять» ← *der* + прилагательное *mutik* «бодрый» + *n*.

3. *Группа III*. «Глаголы, концептуализующие ситуацию как «результат действия или процесса» и класс 12 «Приближение референта к пределу перемещения»

Глаголы группы III, так же как и соответствующие им немецкие, в той или иной мере сохранили этимологически пространственную и вторичную непространственную семантику.

Глаголы объединяются в данную группу по следующим когнитивно-семантическим признакам:

а) интегральная сема – «результат».

б) концепт ситуаций: они обозначают достижение результата или стремление к достижению результата, что можно представить в виде следующей обобщенной схемы:

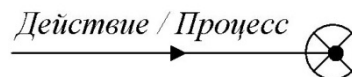

Схема 3. Концепт ситуации
«Результат действия или процесса»

В схеме 3:

- а) стрелка обозначает ось протяженности действия или процесса;
- б) треугольный «наконечник» посередине стрелки – стремление действия или процесса к результату;
- в) круглый конец стрелки – результативное завершение действия или процесса;

г) окружность с перекрещенными линиями внутри – результат, к которому стремится действие или процесс, а также (в отличие от немецкого языка) предел перемещения референта.

Идишские глаголы с префиксом *der-* являются славянскими кальками, кроме *dergreykhn* «достичь», имеют славянскую семантику и, как, например, русские глаголы с префиксом *до-*, концептуализуют ситуацию по славянскому образцу как «достижение предела перемещения» [1, с. 36] (типа *derloyfn* «добежать»; ср. рус. *добежать*).

Таким образом, в класс 12 префиксальные глаголы объединяются по следующим когнитивно-семантическим признакам:

а) дифференциальные семы: «движение», «приближение», «предел»;

б) типичные ролевые структуры:

– Агнс+Конечная точка (физические концепты);

– Пацинс/Экспериенцер/Объект+Оптив/Тема/Содержание (физиоморфные концепты).

К анализируемому классу относятся глаголы, которые описывают движение одушевленного или неодушевленного референта в направлении к пределу перемещения (физические концепты), а также действия, происходящие с абстрактными, а также в ряде случаев с неодушевленными референтами и концептуализуемые как «движение референта в направлении к пределу перемещения» (физиоморфные концепты).

(5) *dergeyn* «дойти»: ...men (одуш./Аг) *iz in angst groys dergangen* *biz lublin...* (место/Ад) [10, с. 47]. «Все в страхе большом дошли до Люблина».

(6) *derneentern zikh* «приближаться»: ...*er hot gezen di mentshn* (одуш./Аг) *derneentern zikh tsu zayn hoyz* (место/Ад) [18]. «...он увидел людей, приближавшихся к его дому...».

(7) *dergreykhn* «достичь»: *mir viln sholem* (абстр./Оп) *mitn gantsn hartsn, ober mir* (одуш./Exp) *veln es* (абстр./Оп) *nisht dergreykhn, zayendik shvakh un umbavofnt* [7]. «Мы хотим мира всем сердцем, но мы не достигнем его, будучи слабыми и небооруженными».

(8) *dertrogn zikh* «доноситься (о звуке и т. п.)»: *un oyb dos iz azoy, iz dokh gants meglekh, az der patsh* (абстр./Cont) *funem fligl, vos im hot zikh gedakht, az dos hot zikh dertrogn fun zayn kamer* (место/Loc) *tsu im* (одуш./Exp), *kumt gor funem malekh-amoves...?* [12]. «А если это так, то вполне возможно, что шум крыла, который доносился до него из его палаты, – это, как ему подумалось, был ангел смерти...?».

Данные высказывания иллюстрируют следующие ситуации:

– пример (5): ситуацию физического движения одушевленных референтов (неопределенно-личное местоимение/агнс) в Люблин, к пространственному пределу своего перемещения (место/имя собственное/конечная точка) – физический концепт;

– пример (6): так же, как и в предыдущем, ситуацию приближения людей (одушевленный референт/существительное/агнс) к дому (место/существительное/конечная точка), который здесь выступает как пространственный предел перемещения – физический концепт;

– пример (7): ситуацию потенциальной достижимости желанного мира (абстрактный референт/существительное и указательное местоимение/оптив) со стороны одушевленного референта (личное местоимение/экспериенцер) – физиоморфный концепт;

– пример (8): ситуацию, в которой человек (одушевленный референт/личное местоимение/экспериенцер) воспринимает некий звук (абстрактный референт/существительное/содержание), при этом распространение звука концептуально уподобляется за счет префиксального глагола передвижению живого существа, а человек, слышащий этот звук, концептуализуется как предельная точка этого передвижения – физиоморфный концепт.

С морфосинтаксической точки зрения у данных префиксальных глаголов можно констатировать следующее:

а) будучи славянскими кальками, они заимствовали славянское управление:

– предложное: *dertrogn zikh fun... tsu...* «доноситься из... до...» (см. пример (8) выше);

– прямое:

(9) *deryogn* «догнать» *s'iz nito der ferd-un-vogn vos zol di yunge yorn* (прям. доп.) *deryogn* [16]. «Нет такой телеги и коня, на которых можно догнать юные года (прям. доп.)».

б) глаголы *dergeyn* и *dergreykhn* могут:

– по славянскому образцу требовать предложного дополнения:

(10) *di khevre shamosim hobn mit shtekns gemuzt nemen zikh tsetraybn dem oylem; iz derfun aroys a geshleg; hobn zikh shoyn ongehoyn klaybn arum undz goyim oykh un goyes un shkotsim und shikses lerov, biz es hot dergreykht in di hoykhe fentster* (предл. доп.) [15]. «Всем служкам с палками пришлось разгонять народ; отсюда завязалась драка; уже вокруг нас стала собираться толпа гоев: мужиков и баб, парней и девок, пока все они не забрались в высокие окна (предл. доп.)...».

– или по немецкому образцу употребляться как транзитивные:

(11) *der oyfruf [hot]... dergreykht di farborgenste vinklen* (прям. доп.) *fun land* [13]. «Воззвание... дошло до самых удаленных уголков страны» (ср. нем. *die Stadt* (прям. доп.) *erreichen* «добраться до города»).

Существенных изменений когнитивно-семантического и морфосинтаксического характера производящие глагольные основы в результате префиксации не претерпевают, за исключением деадъективного *derne[e]ntern zikh* «приближаться», где прилагательное *noent* «близкий», получая префикс *der-*, переходит в разряд глаголов и рефлексивируется.

4. *Группа V*. «Глаголы, концептуализующие ситуацию как «недостаточность действия» и класс 16 «Недостаточность действия одного референта по отношению к другому референту».

Глаголы группы V являются абсолютными кальками славянских глаголов типа польского *nie doceniać*, русского *недооценить*, украинского *недооцінити*, белорусского *недаацаніць*, и идиш здесь следует польскому образцу, присоединяя к производящему глаголу префикс *der-* и отрицательную частицу *nit* (в

отличие от сложного русского, украинского и белорусского префикса *недо-/неда-*).

К данной группе, состоящей из одного класса, относятся три префиксальных глагола, указываемые «Современным англо-идишским, идиш-английским словарем» У. Вайнрайха [17] и, таким образом, рассматриваемые как единые лексемы: *nit dergebn* «недодать», *nit dershatsn* «недооценить» и *nit derzogn* «недосказывать».

В группу V и класс 16 префиксальные глаголы объединяются по следующим признакам:

а) интегральная/дифференциальная сема: «недостаточность»;

б) типичные ролевые структуры:

– Агенса/Экспериментатора+Объекта+Виктима (физиоморфные концепты).

Они, так же как и славянские глаголы с *nie do-/недо-/неда-*, имеют значение «неполноты, недостаточности по сравнению с какой-н. нормой» [2, с. 344]. Концепты ситуаций, которые описываются данными глаголами можно представить в виде следующей обобщенной схемы:

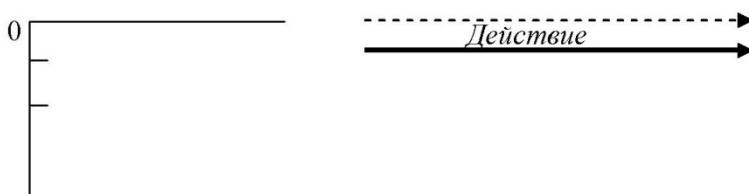

Схема 4. Концепт ситуации «Неполнота действия одного референта по отношению к другому референту»

В схеме 4:

а) шкала слева условно обозначает степень полноты действия;

б) ноль – норму, или обычную («нулевую») полноту действия, называемого производящей основой;

в) верхняя, пунктирная, стрелка – действие, называемое производящей основой;

г) нижняя, жирная, стрелка – действие, обозначаемое префиксальным глаголом с *nider-* и являющееся недостаточным или неполным, то есть выполняемое на уровне ниже нормы.

В следующем примере:

(12) *nit dershatsn* «недооценивать» (букв. «не дооценивать»): *un ot di alteglekhkayt funem humorist hot oft gerbrakht dertsu, der kritiker un lezer* (одуш./Exp) *zoln im* (одуш./Vic) *nit dershatsn* [8]. «И вот эта по-

вседневная жизнь юмориста часто приводила к тому, что критик и читатель его недооценивали» – второе предложение в составе сложноподчиненного бессоюзного описывает ситуацию, где одни одушевленные референты (существительные/экспериментатор) дают недостаточную, неподобающую, незаслуженно более низкую оценку другому одушевленному референту (личное местоимение/виктим).

Все три производящие глагольные основы каких-либо изменений когнитивно-семантического характера за счет префиксации не претерпевают.

Таким образом, в настоящей статье была предпринята попытка показать, что идиш как язык «гибридный» [9, с. 9] заимствовал на когнитивно-семантическом и морфосинтаксическом уровнях как немецкие, так и – в большей степени – славянские элементы.

Литература

1. Волохина, Г. А. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. – 196 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
3. Стернин, И. А. Лексическое значение слова как структура / И. А. Стернин. – Режим доступа: http://www.-nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/slovo/ste_art0...
4. Шишигин, К. А. Ситуация и концептуализация ситуации высказыванием (на примере префиксальных глаголов языка идиш) / К. А. Шишигин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 10(28).
5. Bashevis-Zinger, Y. Di kleyne shusterlekh / Y. Bashevis-Zinger. – Режим доступа: <http://mendeley.commons.-yale.edu/wp/wp-content/uploads/2010/05/shuster.pdf>
6. Estraikh, G. Soviet Yiddish. Language Planning and Linguistic Development / G. Estraikh. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 217 p.
7. Forverts. – 25.04.2008. – Режим доступа: <http://yiddish.forward.com>
8. Forverts. – 08.07.2010. – Режим доступа: <http://yiddish.forward.com>
9. Jakobson, R. Preface to the first edition (1949) / R. Jakobson // Weinreich, U. College Yiddish: An introduction to the Yiddish language and to the life and culture. – New York: YIVO Institute for Jewish Research, 1995.
10. Katsenelson, Y. Dos lid funem oysgehargetn yidishn / Y. Katsenelson. – Nyu-York: Ukuf Farlag, s.a. – 80 z.
11. Perets, Y.-L. Reb Yoykhenen gabe / Y.-L. Perets. – Режим доступа: <http://mendeley.commons.yale.edu/-onkelos/gabe.pdf>
12. Rozenfeld, Y. Vos hot pasirt mitn altn / Y. Rozenfeld. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/mendeledervaylik/library>
13. Shapiro, L. Vayse khale / L. Shapiro. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/mendeledervaylik/library>
14. Sholem-Aleykhem. Oyf vos badarfn yidn a land / Sholem-Aleykhem. – Tel-Aviv: Perets-farlag, 1978. – 406 z.

15. Sholem-Aleykhem. Oylem-habe / Sholem-Aleykhem. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/mendeledervaylik/library>
16. Stutshkov, N. Stutshkovs Oytser / N. Stutshkov. – Режим доступа: <http://www.cs.uky.edu/~raphael/yiddish/searchOytser.cgi>
17. Vaynraykh, U. Modern english-yidish, yidish-english verterbukh / U. Vaynraykh. – Nyu-york: YIVO; Shoken, 1968. – 790 z.; XLIII z.
18. Zinger, Y.-Y. A fremder / Y.-Y. Zinger. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/mendeledervaylik/library>

Информация об авторе:

Бадер Оксана Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков КузГТУ им. Т. Ф. Горбачёва, +7-903-907-82-09, Bader_oksana@rambler.ru.

Oksana V. Bader – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 24.12.2013 г.

УДК 659.3:81'42

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. Буряковская

AXIOLOGICAL VECTORS OF MASS CULTURE

V. A. Buryakovskaya

Статья посвящена ценностному аспекту массовой коммуникации, находящейся под влиянием постмодернистских тенденций. Автором определяются такие дискурсивные характеристики массовой коммуникации, как «магия», «агрессивность», «гламур», являющиеся воплощением названных тенденций.

The paper deals with the value aspect of mass communication influenced by post-modern tendencies. Such discourse characteristics as “magic”, “aggressiveness”, “glamour” being the embodiment of the named tendencies are pointed out.

Ключевые слова: ценности, дискурс, гляцевый журнал, агрессивное коммуникативное поведение, мифологема ирреальности.

Keywords: values, discourse, glossy magazine, aggressive communicative behavior, mythologeme of magic superstition.

Постмодернистские тенденции в массовой коммуникации видятся, прежде всего, через призму массовой культуры. Массовая культура рассматривается как культура развитого постиндустриального общества с развитой системой коммуникаций. Высказывая резкую критику масс-медиа, Х. М. Энценсбергер полагал, что люди заблуждаются, когда полагают, что самостоятельно принимают решения. Общественным сознанием можно управлять. Основываясь на работах К. Маркса, Энценсбергер считает, что сознание человека – есть продукт общества. На машину, производящую определенное общественное мнение, работает целая индустрия – телевидение, радио, газеты, книги, журналы, реклама. Основную цель управления общественным сознанием ученый видит в «продаже» существующего порядка, при котором элита доминирует над всем остальным обществом, умело его эксплуатируя [5, p. 232].

Канадский философ М. Маклюэн видел манипулятивность масс-медиа в способе воздействия на индивида: “the medium is the message”. Маклюэн использовал слово “massage” (массаж) в своем высказывании, пытаясь донести идею о том, что нашими мозгами управляют (делают массаж) [5, p. 235]. В свою

очередь французский философ Ж. Бодрийар развил теорию консюмеризма, назвав современное западное общество «обществом потребления». Достаточно жестко философ высказывался и по поводу ценностей: «Я сейчас говорю о моральных, трансцендентных, истинных ценностях. Мы о них рассуждаем, но в реальности их больше нет. Происходит нивелирование ценностей. И то, что происходит с модернизмом, это не упадок, это опошление. И это происходит на мировом уровне: все культуры упрощаются, делаются всеобщим достоянием, поскольку идет широкий обмен. Все становится равноценным, эквивалентным, и в этот момент всеобщего упрощения окончательно уходят страсть, идеал. Упадок ли это – не знаю. Скорее речь идет о движении к тотальной банальности» [1].

Анализ масс-медийной продукции на русском и английском языках, проводимый на протяжении последних пяти лет, а также анализ теоретической литературы по теме исследования, позволил нам прийти к одному из значимых выводов, а именно: основными дискурсообразующими модусами массовой культуры являются развлекательный, мистический и воинственный, представленные так называемыми **гламурным, магическим и агрессивным** дискурсами соот-

ветственно. Данные названия являются условными и по сути отображают тематику и содержание многочисленных текстов массовой культуры во всей их жанровой вариативности.

Активно идущие процессы гламуризации и криминализации массового сознания выражаются в изобилии глянцевого и «желтой» продукции, тематика которой характеризуется профанным началом, скандальностью, сенсационностью, насилием. Наиболее ярко это заметно на примере глянцевых журналов, телевизионных передач определенной жанровой направленности (ток-шоу), а также телевизионных сериалов, делающих из бандитов героев. Постоянное воспроизводство и дублирование данных видов дискурса осуществляется за счет разных каналов трансляции (например, одна и та же реклама на ТВ, в Интернете, билборде, газете), а также за счет отлаженных механизмов подачи материала: многократное повторение, серийность, краткость, упрощенность. Зависимость от коммерческой составляющей медиапродукции заставляет ее создателей ориентироваться на среднюю семиотическую норму, максимальную простоту, зрелищность, незамысловатость, которые обязательно сочетаются с интенсивной раскруткой продукта. Сочетание данных факторов обеспечивает тотальность массовой культуры.

Учет разнородности и разношерстности массовой аудитории осуществляется за счет разных каналов подачи и трансляции продукции: более молодая аудитория предпочтет Интернет или электронную книгу, люди старшего поколения – бумажный экземпляр. Важно при этом другое – все они станут потребителями данной продукции. Кроме того, современная массовая культура располагает огромной жанровой вариативностью, позволяющей удовлетворить разнообразные интересы публики (военная мелодрама, криминальный триллер, фантастический боевик, семейный фильм и т. п.).

Постмодернистские тенденции проявляются не только в типичных жанрах массовой культуры, но и в публицистических жанрах, например, новостях, репортажах и т. п. Делаются специальные репортажи о личной жизни президентов, рассказывающие о сложностях взаимоотношений. Например, скандал, связанный с Ф. Олландом, подробно освещался британской прессой, в частности, газетами “The Guardian”, “The Telegraph”: *François Hollande talked about everything apart from his alleged affair with French actor Julie Gayet.*

The photos had shown France's first couple relaxing on a beach close to the presidential retreat of Fort de Brégançon on the French Riviera last month. She reportedly told friends she didn't like the photos as they made her look "fat".

Обращает внимание на себя тот факт, что наряду с политическими новостями для подачи массовой аудитории отбирается и такого рода информация. Стоит отметить также национально-культурную специфику ее подачи – в России обсуждение личной жизни первых лиц государства находится под табу (за исключением Интернета). Западная пресса более раскованна, независимо от своей принадлежности к так называемой «качественной» или «желтой» прессе (quality and yellow press).

Наличие таких тем в СМИ способствует укоренению сугубо бытовых оценок, сведению сложности окружающей действительности к полярным оценкам «плохой/хороший», обесцениванию серьезных тем. Один из комментариев, оставленных к вышеупомянутой статье в газете «Гардиан», свидетельствует о том, что интерес публики к подробностям личной жизни политиков можно подогревать до такой степени, что сама публика начинает ощущать чрезмерность, искусственность «новости»: *Yep! I found it nausea-inducing watching the newsreaders, yesterday (all channels), as they prepared to report on the press conference. All holier-than-thou, po-faced and geared up to be judgmental, just for the sake of a "news" story. If only there had been more important news to report on.*

Детабуированность персональной информации проявляется не только в ее раскрытии широкой аудитории, но и в объективной технической возможности ее демонстрации – через социальные сети. Тенденция «выставлять напоказ» прослеживается по двум направлениям. С одной стороны, человек охвачен массмедийным пространством – на него обрушивается поток информации из разных источников, с другой стороны, он сам может стать «творцом» информации, используя современные социальные сети.

Рассмотрим подробнее дискурсивные характеристики массовой коммуникации – «магия», «агрессивность», «гламур», которые являются воплощением названных тенденций.

«Магический» дискурс

Апеллируя к коллективному бессознательному воспринимающей аудитории, создатели информационно-развлекательного контента эксплуатируют мифологему ирреальности и одновременно популяризуют ее. Многие российские газеты, например, регионального характера, размещают на своих страницах объявления об «услугах» магов и колдунов: *«Прием официальный, госрегистрация на все обряды, письменная гарантия»; «Парапсихолог. Верну любимого. Привороты, снятие порчи и др.»*. На канале ТНТ идет «Битва Экстрасенсов», на РЕН ТВ – «Тайны мира», а канал ТВЗ называет себя мистическим и практически все эфирное время посвящает теме сверхъестественного.

«Магический» дискурс оперирует лексиконом из научного и религиозного дискурсов. Присутствие научной терминологии делает его в глазах людей более авторитетным. Тот факт, что российские СМИ так активно прибегают к мифологеме ирреальности и охотно ее популяризуют, свидетельствует об усилении позиции разного рода паранаучных мифологем в массовом сознании.

Существующая в нашем обществе надежда на авось и нежелание обращаться к специалистам, например, врачам («Да, что там эти врачи могут знать?!»; «Само рассосется!»), еще больше укрепляют позиции «магического» дискурса, который может присутствовать в медицинской рекламе: *Российские ученые использовали опыт древней аюрведы и добились успеха.* Небольшая рекламная статья о препаратах, направленных на снижение боли в суставах, не просто рассказывает об их составе, но и связывает их

эффективность с древним индийским учением. Однако согласно стратегии ВОЗ в отношении нетрадиционных методов медицины аюрведические практики относятся к альтернативной медицине, и к ним предъявляются те же требования по доказательной базе исследований, что и к остальным медицинским направлениям. Таким образом, медицинская реклама также использует иррациональные мифологемы для воздействия на массовое сознание.

Магическое мышление очень хорошо встраивается в систему массовой культуры, поддерживая ее анти-интеллектуальный характер. Массовая культура очень активно эксплуатирует модус иррациональности, апеллируя к «детскому» мировосприятию аудитории. Противостоять такому типу мышления может популяризация науки и культивирование рационального знания в обществе.

«Агрессивный» дискурс

Один из вопросов, который ставится исследователями массовой культуры, касается сознательного формирования вкусов и запросов массовой аудитории путем предложения ей низкопробной масс-медийной продукции, которая в свою очередь обеспечит высокие рейтинги, просмотры, тиражи. Мы полагаем, что массовая культура сознательно навязывает определенные «продукты», среди которых не последнее место занимает криминальная тематика. Так, сетка вещания телевизионного канала НТВ заполнена криминальными сериалами. Несложный математический подсчет говорит, что двенадцать часов в сутки основной темой, доносимой до зрителей, является жизнь преступного мира с соответствующими сценами насилия и соответствующим языковым оформлением. В данном случае можно говорить о сознательном воздействии на массовое сознание – данная криминальная тематика неизменно присутствует в сериалах НТВ, демонстрируя образцы агрессивного коммуникативного поведения. Рассуждая о теме насилия, У. Эко замечает, что «восхваление зла существовало всегда, но до сего времени это происходило тайно. Сегодня это показывают по телевидению, и дети смотрят на это за ужином. Можно ли считать то реакцией на повсеместную злобу, или скорей одной ее из ее причин? Вызывает ли чествование уродства войны и бойни? Или войны и бойни побуждают новые поколения прославлять извращенное уродство?» [4].

Кроме того, «агрессивный» дискурс может проявляться не только эксплицитно, но и имплицитно – на уровне заимствованных культурных смыслов, например, в рамках профессиональной коммуникации в западноориентированной деловой среде. Приведем примеры из Национального корпуса русского языка: *Несмотря на наш агрессивный рост в ритейле, у нас лучший по качеству портфель по сравнению с конкурентами; У нас достаточно агрессивная стратегия развития банкоматов и терминалов, наша цель на начало 2014 года – порядка 65 тыс.; В агрессивное развитие бизнеса, на которое нацелено руководство компании, нужно инвестировать немалые средства, поэтому думаю, что стивидорная компания и в дальнейшем будет почти весь заработок группы вкладывать в развитие.*

Очевидно, что в данных примерах «агрессивный» употребляется как эквивалент положительного – *роста, стратегии, развития* соответственно. Эти примеры достаточно ярко демонстрируют заимствование чужого культурного кода, характерного для англосаксонской культуры, в которой на уровне языка зафиксированы положительные значения лексемы «агрессивный». Систематическое выдвигание на первый план положительно окрашенных ассоциативных признаков при употреблении лексемы «агрессивный» может способствовать закреплению у русскоязычной единицы новых смыслов, ранее для нее нехарактерных и противоречащих культурно обусловленному восприятию агрессии как негативного явления.

«Гламурный» дискурс

Лингвосемиотический анализ глянцевого журнала «Glamour» показал, что специфический лексикон, характерный для глянцевого журнала, обладает высокой степенью эмоциональности: *ультрагламурный, светский, сияющий, элегантный, исключительный, звездный, изысканный, волшебный, сверхкультовый, лучший, ведущий, (самый) сексуальный, блистательный, суперстойкий, шикарный*. Кроме того, тексты глянцевого журнала характеризуются легким стилем изложения и подачи информации, часто носящей прескриптивный характер. Девизы, фразы императивного характера, содержащиеся в основном в рекламе, неизменно присутствуют в журнале, еще раз повторяя то, что можно увидеть и услышать по телевизору. С их помощью в сознание внедряется некий образ или идеал, которому нужно следовать или к достижению которого необходимо стремиться: *Вы полюбите вашу стройную фигуру; Цвет твоих губ все скажет за тебя; Провокационная сексуальность Софи Лорен – роскошная и раскрепощенная. Чтобы стать похожей на эту кинодиву, вам достаточно крупных очков в платиновой оправе насыщенного фиолетового цвета и объемного кулона оттенка черной смородины*.

Классик социологической мысли XX века Зигмунт Бауман считает знаковым переход от общества производителей к обществу потребителей: «Наши жизненные заботы и задачи смещаются со своей оси в том смысле, что все они оказываются как-то связанными с магазинами и рынками услуг» [2]. Рассуждая далее об идеологиях XX века, указывает на желание человека «положиться на нечто всеведущее, что может указать тебе верный путь» – не эту ли функцию выполняет сегодня идеология гламура?

«Глянцевая установка» ориентирует индивида на определенные массовые формы поведения. Глянцевый журнал, несмотря на свою кажущуюся аполитичность, способен создать соответствующие ценностные ориентиры в массовом сознании, а именно инфантилизм, незрелость, гедонизм. В этой связи уместны слова Л. И. Таруашвили: «Непомерное увлечение пестротой, сменой нарядов, сюрпризами и аттракционами – одним словом, «карнавальной стихией» – это свойство детской или инфантильной психики» [3, с. 29].

Таким образом, среди основных аксиологических векторов массовой культуры могут быть названы карнавальность, простота, анти-интеллектуальность, восхваление зла. Стереотипизация мышления, выражаю-

щаяся в готовых формулах поведения и активно предлагаемая массовой культурой, противостоит рациональному и самостоятельному мышлению, которое в современном обществе (как западном, так и российском) не культивируется. Такой стереотипизации современного человека способствует пропаганда гламурного стиля жизни, сводящего восприятие окружающей действительности до максимальной простоты. Популяризация магии в обществе отбрасывает человека далеко назад в его развитии. Наиболее негативный эффект воздействия постмодернистских тенденций на общество видится в распространении агрессивных форм коммуникативного поведения.

тельности до максимальной простоты. Популяризация магии в обществе отбрасывает человека далеко назад в его развитии. Наиболее негативный эффект воздействия постмодернистских тенденций на общество видится в распространении агрессивных форм коммуникативного поведения.

Литература

1. Архангельская, Н. Беседа с Жаном Бодрийяром / Н. Архангельская // Эксперт. – 2002. – № 17(324).
2. Бауман, З. Будущего не существует / З. Бауман / Беседу вела О. Филина // Огонек. – 2011. – № 19.
3. Таруашвили, Л. И. Академии художеств в контексте свободного общества: Полемические заметки / Л. И. Таруашвили // Языки свободного общества: искусство; сост. Л. И. Таруашвили. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
4. Эко, У. Нынешнее поколение славит зло / У. Эко. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20071116-237868.html>
5. Tompkins, P. K. Mass Communication / P. K. Tompkins // Communication as Action. – Wadsworth Inc., 1982.

Источники:

1. Блокнот Волгограда. – Режим доступа: <http://www.bloknot-volgograd.ru>
2. Гламур. Женский журнал. – Режим доступа: <http://www.glamour.ru/>
3. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
4. Российская газета. – Режим доступа: www.rg.ru
5. The Guardian. – Режим доступа: guardian.co.uk
6. The Telegraph. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/>

Информация об авторе:

Буряковская Валерия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, докторант Волгоградского государственного социально-педагогического университета, 8-903-317-11-79, yburyakovskaya@yandex.ru.

Valeria A. Buryakovskaya – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology, Volgograd State Social and Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2014 г.

УДК 802.0

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *HAPPINESS* В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ, РЕЛИГИОЗНОМ И БЫТИЙНОМ ТИПАХ ДИСКУРСА А. С. Ващучилова

PECULIARITIES OF THE METAPHORIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *HAPPINESS* IN AMERICAN POLITICAL, RELIGIOUS AND COMMON TYPES OF DISCOURSE A. S. Vashcheulova

В статье рассматривается специфика метафорической актуализации концепта *HAPPINESS* в трех видах дискурса. Анализ, проведенный в исследовании, позволил выявить, как специфика американского политического, религиозного и бытийного типов дискурса влияет на те образы, посредством которых концепт *HAPPINESS* представлен в каждом из них.

This paper presents the results of analysing the metaphoric representation of the concept of *HAPPINESS* in three types of discourse. The author focuses on the way the discourse influences the images representing the concept.

Ключевые слова: концепт, дискурс, метафорическая репрезентация концепта, образ, топик.

Keywords: concept, discourse, metaphor, image, topic.

Метафора, сущность которой состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах другого, уже давно обнаружила свой когнитивный потенциал, и рассматривается многими учеными как инструмент познания и концептуализации [1; 2; 6; 7;

8]. Обращение к метафоре как к одному из способов объективации действительности является актуальным при рассмотрении вопроса о вербализации концепта, сложного ментального образования, имеющего множественную представленность в языке. Следует отме-

титель, что обращение к метафоре особенно эффективно при объективации концептов, отражающих феномены высокой степени абстрактности, каким является концепт HAPPINESS. С одной стороны, существует многообразие философских фелицитарных концепций, призванных объяснить, что такое счастье, которые, однако, не имеют на этот вопрос однозначного ответа. С другой стороны, множественная представленность данного концепта в языке не дает исследователю охватить все многообразие характеристик, заложенных в содержании такой объемной единицы ментального лексикона, как HAPPINESS. Хосе Ортега-и-Гассет отмечал, что есть такие абстрактные и туманные объекты, для формирования представления о которых метафора в высокой степени необходима [7, с. 76]. Мы считаем, что сопоставляя этот концепт с представлениями о других объектах и явлениях действительности, мы можем получить более полное представление о нем, этим определяются наш интерес к рассмотрению метафоры как средству актуализации концепта в целом. Таким образом, объектом нашего исследования является концепт HAPPINESS, а в качестве предмета выступает его метафорическая репрезентация. Отметим также, что при изучении метафорической репрезентации концепта HAPPINESS недостаточно рассматривать только те метафоры, которые актуализируют его в дискурсе. Принимая во внимание, что образы счастья и несчастья часто неразделимы, мы считаем необходимым рассмотреть метафорическую объективацию концептов HAPPINESS и UNHAPPINESS совместно.

Наше исследование проводится на материале политических речей, религиозных проповедей, а также произведений американских писателей, и, таким образом, дает возможность рассмотреть и сопоставить метафорическую репрезентацию концепта HAPPINESS в трех типах дискурса, политическом, религиозном и бытийном [5]. Так, целью данной статьи является выявление особенностей метафорической представленности концепта HAPPINESS в зависимости от специфики дискурса, в котором он находит свою репрезентацию.

Можно предположить, что существует определенная взаимозависимость между типом дискурса и спецификой актуализации концепта: разные типы, а точнее топики дискурса, создают условия для актуализации концепта посредством специфических метафор. Это обусловлено тем, что цели и системообразующие топики дискурсов (термин В. З. Демьянкова [3, с. 32]) определяют, какими образами будет представлен такой универсальный концепт, как HAPPINESS, в каждом из них. Принимая во внимание сказанное выше, необходимо описать цели обозначенных дискурсов, а также назвать их базовые топики.

В первую очередь, рассмотрим политический дискурс. Топиком, или системообразующей идеей политического дискурса, является ВЛАСТЬ [10, с. 94]. Эта идея образует основу рассматриваемого общественного института и определяет цель политического дискурса, которая состоит в актуализации борьбы за власть и ее удержания. В речах американских политиков концепт HAPPINESS адаптируется к целям дискурса, его актуализация является важным элементом

процесса взаимодействия участников дискурса. Политический дискурс является манипулятивным, и концепт HAPPINESS, находящий актуализацию в политических речах, является инструментом манипуляции общественным сознанием. Поэтому образ счастья, создаваемый политиками, должен быть не только привлекательным, но и понятным гражданам. Так, в политических речах высшее фелицитарное благо представлено в образах плодородия, сладости и света. Эти метафоры являются конвенциональными и легко воспринимаются электоратом. Рассмотрим пример, в котором счастье представлено как свет, сияющий во тьме: *We are but the atoms in the incessant human struggle towards the light that shines in the darkness – the happiness of Ideal of economic, political and spiritual liberation of mankind!* (Emma Goldman). Стремление к свету как к источнику жизни естественно, т. к. свет является необходимым условием существования всего живого. Счастье (свет) и несчастье (тьма) являются притягательными образами, которые широко используются в политических текстах, при этом политики прибегают к тем метафорам, которые связаны с идеей света, напрямую не именуя ее. Так, в следующем примере несчастье представлено как полночь, самое темное время суток: *How heavy was the midnight of woe which surrounded in blackness the last ray of hope and filled the future with terror and gloom!* (William Garrison). В данном примере несчастье-полночь окружает своей чернотой луч надежды, таким образом, противопоставляются не счастье и несчастье, как это можно было бы ожидать, а несчастье и надежда. Такое противопоставление наилучшим образом отражает принцип американских политиков, когда обещая электорату светлое будущее, они подменяют идею счастья на идею возможности счастья, надежду на него.

Идеи счастья и несчастья могут быть выражены посредством онтологической оппозиции «горечь – сладость». Данная вкусовая метафора основана на том, что человек воспринимает сладкое как приятное, а горькое как неприятное, что в свою очередь позволяет интерпретировать счастье как сладкое и несчастье как горькое: *So manifest were the advantages of the machine age, however, that the United States fearlessly, cheerfully, and, I think, rightly, accepted the bitter with the sweet* (Franklin Delano Roosevelt). В данном примере метафора основана на образном использовании субстантивированного прилагательного. Вкусовая метафора является весьма частотной в политических текстах, и для объективации идей счастья и несчастья общественные деятели часто прибегают к лексике, обозначающей продукты, воспринимаемые вкусовыми рецепторами. Так, Барак Обама в своей речи все несчастья гражданской войны и сегрегации называет горькими помоями: *And because we have tasted the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that dark chapter stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass; that the lines of tribe shall soon dissolve; that as the world grows smaller, our common humanity shall reveal itself; and that America must play its role in ushering in a new era of peace* (Barack Obama). Таким образом, негативные ассоциации, порожденные словом *bitter* –

горький усиливаются в сочетании с тем смыслом, который несет словом *swill* – *помои*, продукт негодный к употреблению.

Образ счастья-плодоношения типичен в американском политическом дискурсе. Эта метафора является конвенциональной, т. к. хороший урожай всегда являлся для человека притягательным и желанным вознаграждением за труды, так же как и счастье – желанный итог жизнедеятельности человека. Авторы политических эссе XIX века используют этот образ для объективации идеи счастья: *But although the mighty constituent truth upon which our social and political system is founded will assuredly work out the glorious destiny herein shadowed forth, yet there are many untoward circumstances to retard our progress, to procrastinate the entire fruition of the greatest good to the human race* (John O'Sullivan).

В политических текстах часто встречается образ счастья – наполненного сосуда. Так, в речах Мартина Лютера Кинга счастье метафорически изображается как наполненность, и в следующем примере наполненность сердца счастьем представлена как наполненность сосуда жидкостью: *We sit here together, a rainbow, a coalition – the sons and daughters of slave masters and the sons and daughters of slaves, sitting together around a common table, to decide the direction of our party and our country. His [Dr. Martin Luther King Jr] heart would be full tonight* (Jesse Louis Jackson "1988 DNC Address"). Причем степень наполненности сосуда свидетельствует о степени счастья, которую испытывает человек.

Завершая анализ метафорической представленности концепта HAPPINESS в американском политическом дискурсе, следует сказать о том, что в речах американских политиков, а также американских политических эссе высокочастотны примеры ориентационных метафор, которые репрезентируют концептуальную оппозицию HAPPINESS: UNHAPPINESS. Это метафоры, объективирующие противоположные, с точки зрения пространственной ориентации, явления «верх – низ». При этом следует отметить, что в политических речах случаи актуализации концепта UNHAPPINESS посредством ориентационных метафор более частотны, чем случаи объективации концепта HAPPINESS. Так, сочетание *low moments* в следующем примере наглядно демонстрирует, что идея несчастья в политическом дискурсе репрезентируется единицами языка, выражающими идею 'низ': *If, in my low moments, in word, deed or attitude, through some error of temper, taste, or tone, I have caused anyone discomfort, created pain, or revived someone's fears, that was not my truest self* (Jesse Jackson). Высокочастотны случаи объективации концепта UNHAPPINESS, основанные на метафорическом использовании глагола совместно с наречием *down*: *Some liberated countries were lost. The great sadness of this loss echoes down to our own time in the streets of Warsaw, Prague, and East Berlin* (Ronald Wilson Reagan). В данном примере метафорическое использование глагола *to echo* – *отражаться эхом, отражаться, вторить* в сочетании с наречием *down* демонстрирует многократность погружения в состояние несчастья.

Перейдем к анализу метафор, отражающих концепт HAPPINESS в религиозном дискурсе. Следует отметить, что так же как и в политическом дискурсе, мы будем рассматривать метафорическую репрезентацию концепта HAPPINESS в единстве и противопоставлении с метафорической репрезентацией антиконцепта UNHAPPINESS, т. к. это позволяет получить более полное представление о специфике объективации концепта в дискурсе. Ключевым концептом религиозного дискурса является ВЕРА. Так же как и политический дискурс, религиозный дискурс является манипулятивным, однако он имеет другую цель – воздействие на массовое сознание в целях приобщения людей к вере в рамках определенной конфессии. В американских проповедях концепт наиболее часто представлен такими метафорами, как свет, плод общения с божественным началом, полнота, сладость. Эти метафоры конвенциональны и легко воспринимаются человеком с любым уровнем культуры и образования. Они позволяют представить абстрактную сущность как конкретный осязаемый объект, кроме того, она раскрывает взаимосвязь счастья с базовыми религиозными ценностями.

Образ счастья-света является наиболее частотной метафорической репрезентацией концепта HAPPINESS, берущей свое начало еще в Библии: *Or the time that two young sisters greeted me after a worship service. When I admired the pink crocs on their feet they beamed with delight* (Tom Ascol). В данном примере метафорическое использование глагола *beam* 'светить, сиять' рядом с синонимом имени концепта HAPPINESS лексемы *delight* позволяет нам интерпретировать счастье как источник света. Остановимся на метафорической репрезентации концептуальной оппозиции HAPPINESS: UNHAPPINESS через образы света и тьмы подробнее, т. к. они являются основополагающими в религиозном дискурсе. Следует отметить, что метафоры *счастье – свет, несчастье – тьма* являются самыми частотными в американских религиозных текстах: *It is perfect, comprehensive, sure, right, clear, clean, true, totally transforms a whole inner person, makes the undiscerning skilled in all aspects of living, produces an unsatisfiable joy, makes the dark things light, endures forever* (John MacArthur). Образы света, связанные в религиозном дискурсе с представлением о счастье, эксплуатируются служителями церкви с тем, чтобы в своих речах пропагандировать идеи праведности и смирения: *And when, by the efficacious influence of the blessed spirit, our rational and immortal part is established in its just supremacy – when our appetites and passions are subject to its authority, and our desires regular, modest & just – Then shall our righteousness go forth as brightness, and our salvation as a lamp that burneth* (Gad Hirsch). В данном примере, где праведность метафорически представлена как яркость, а смирение как лампа, которая будет гореть, в сознание обывателей закладывается алгоритм: праведность и смирение есть свет; свет есть счастье; праведность и смирение есть счастье. Следует отметить, что образы небесных светил как необходимые для жизни человека явления и угроза того, что они погаснут, также является инструментом воздействия служителей культа на обывателей: *As people we have ever been remarkably tender*

both of our civil and religious liberties; and 'tis hoped, the fervor of our regard for them, will not cool, till the sun shall be darkened, and the moon shall not give her light (Gad Hitchhock). Данный пример иллюстрирует предостережение священнослужителей, обещающее, что солнце и луна, как источники света и символы счастья, перестанут светить, если люди будут давать себе послабления в вере и грешить в мирских делах.

В религиозном дискурсе, также как и в политическом, оппозиция «сладость – горечь» репрезентирует идеи счастья и несчастья соответственно: *We feel like John who when taking in all of this says it was sweet and bitter, sweet because of the salvation, sweet because of the exaltation of Jesus Christ, sweet because of the destruction of the ungodly and bitter because of the tragedy of eternal damnation to the souls of men and women. And we have that same bitter/sweet taste even now as we contemplate this massive event which will happen and perhaps begin in our lifetime (John MacArthur).* Следует отметить, что при этом задается тот же вектор, что и при объективации данных идей в образах света и тьмы. Так, все угодное церкви подается как сладость, а неугодное – как горечь. Таким образом, спасение души репрезентируется как сладость, проклятие душ объективировано как горечь. Вместе с тем в религиозном дискурсе есть примеры, когда одно и то же явление может быть охарактеризовано как одновременно сладкое и горькое. Так, в следующем примере грех, с одной стороны – искушающий и приносящийсиюминутное счастье, с другой стороны – обещающий вечное проклятие человеческой душе, описывается в терминах сладости и горечи: *Deliver me from the sweetness of sin as well as its bitterness. Lead me to an earnest heart searching and a casting of myself on You, to trust You, to cry out to You, to be delivered by You from the sin which so easily besets* (John MacArthur). Однако, при всей своей мнимой притягательности грех является тем, чего праведному человеку следует избегать. Таким образом, из примера видно, что человек боится впасть в искушение и всеми силами стремится к богу как к истинному источнику счастья.

Ориентационная метафорическая оппозиция «наполненность – счастье», «пустота – несчастье» частотна в религиозном дискурсе, при этом данная метафора служит целям религиозного дискурса и пропагандирует идею вознаграждения счастьем за праведную жизнь: *Getting out of self will take the emptiness out of your life and fill it with joy (Leroy Brownlow).* Данный пример демонстрирует, что бесцельная жизнь без самопожертвования и желания приносить пользу и добро другим людям может быть пустой, и только радость служения другим может наполнить ее.

Частотной является метафора счастье – результат (fruit) общения с божественным началом, Святым Духом, *With this kind of happiness which is a fruit of the Spirit we do not have to try to smile to be happy (Leroy Brownlow).* Таким образом, счастье как абстрактная сущность метафорически представлено как вполне конкретный и осязаемый объект. Кроме того, счастье-плод является продуктом процесса роста и вызревания, что, по нашему мнению, метафорически представляет собой процесс становления человека как приверженца определенной конфессии и служения

богу. Следует также отметить, что дарителем этого продукта является бог, без которого обретение счастья просто невозможно.

Обратимся к метафорической репрезентации концепта в бытийном дискурсе и предварительно опишем его основные характеристики. Бытийный дискурс ориентирован на человека и его внутренний мир, и его специфика заключается в том, что человек в процессе обыденного, повседневного общения стремится раскрыть свой внутренний мир собеседнику и поделиться с ним своими мыслями, оценками либо обсудить какие-либо бытовые вопросы. При этом, в отличие от политического или религиозного типов дискурса, участники персонального [4, с. 5] общения выступают, прежде всего, как личности со своими эмоциями и переживаниями и не выполняют каких-либо иных социальных функций, характерных для определенного института. В процессе общения они не стремятся манипулировать друг другом или насаждать свои убеждения, целью бытийного дискурса является раскрытие своей точки зрения в отношении различных тем. Следует также отметить, что бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами [4, с. 7]. Таким образом, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка. Эти особенности бытийного дискурса определяют специфику метафорической репрезентации концепта. Следует отметить, что в художественных текстах концепт HAPPINESS представлен двумя типами метафор. С одной стороны, так же как и в политическом и религиозном, в бытийном дискурсе счастье репрезентируется конвенциональными метафорами. Так, американские авторы часто описывают счастье, используя образ света, полноты, они часто прибегают к вкусовым метафорам, а также ориентационным метафорам верха и низа. С другой стороны, художественные тексты изобилуют множеством индивидуально-авторских метафор. Остановимся на конвенциональных метафорах подробнее и, в первую очередь, рассмотрим репрезентацию концепта HAPPINESS посредством образа света. Следует отметить, что, также как и в политических и религиозных текстах, в бытийном дискурсе образы счастья (света) и несчастья (тьмы) весьма частотны и часто сопровождают друг друга: *But I felt a glimmer of happiness when I started studying Italian, and when you sense a faint potentiality for happiness after such dark times you must grab onto the ankles of that happiness and not let go until it drags you face-first out of the dirt – this is not selfishness, but obligation* (Elizabeth Gilbert). Так, в данном примере объективированы оба концепта. Антиконцепт [9] UNHAPPINESS актуализирован метафорой *dark times* – темные времена, а концепт HAPPINESS репрезентирован субстантивным сочетанием *glimmer of happiness* – отблеск счастья. Так, человек после темного времени депрессии и несчастий начинает возрождаться к жизни и ощущает тусклые отблески счастья, занимаясь приятными делами. Анализ метафоры, использованной для актуализации концепта HAPPINESS в данном примере, позволяет нам сде-

лать вывод о том, что американские писатели различают разную степень счастья. Так, в данном примере использование лексемы *glimmer*, в котором заложено значение *мерцание, тусклый свет*, свидетельствует о том, что это еще не само счастье, а лишь бледный призрак настоящего счастья (*faint potentiality for happiness*).

В американском бытийном дискурсе концептуальная оппозиция HAPPINESS:UNHAPPINESS, так же как и в политическом и религиозном, представлена ориентационными метафорами «верх – низ». Приведем два примера, в которых счастье представлено как нечто, находящееся наверху. Первый пример основан на образном использовании глагола: *The news lifted his spirits* (Roger Zelazny). Во втором примере счастье метафорически представлено посредством использования образа небесного светила *moon* как точки отсчета, выше которой находится человек в состоянии счастья: *I was over the moon when they told me* (Roger Zelazny). Несчастье как антипод счастья характеризуется противоположной пространственной ориентацией. Для репрезентации состояния несчастья, в которое погружается человек, отвергнутый своей возлюбленной, в следующем примере используется фразовый глагол *godown*, объективирующий смысл *погружаться, спускаться*, в сочетании с существительным *pit* *яма*: *Do not be deaf to me, for if you are silent, I shall go down to the pit like the rest* (Nicolas Sparks).

Так же как и в политическом и религиозном дискурсе, в художественных текстах концепт UNHAPPINESS может быть метафорически представлен как пустота. Так, в следующем примере человек, потерявший любовь, чувствует пустоту в своем сердце: *Without you in my arms, I feel emptiness in my heart* (Nicholas Sparks). Для описания чувств, которые испытывает человек, находясь в состоянии несчастья, американские авторы прибегают к различным эпитетам, которые реализуют идею того, что несчастный человек чувствует себя неполным. В некоторых случаях эта идея может быть реализована посредством лексемы *incomplete*: *What's the alternative? To quit whenever something gets challenging? To get around your whole life, miserable and incomplete?* (Elizabeth Gilbert). В следующем примере прилагательное *blank* образно актуализирует состояние человека, когда к нему приходит настоящее горе, и его жизнь становится пустой, как неисписанный лист бумаги: *When she told me again [that she was dying] my world went blank* (Nicolas Sparks).

Репрезентация несчастья в образах горечи является конвенциональной и уже была описана нами в политическом и религиозном дискурсах. Этот образ встречается также в художественных текстах. Так, смерть близкого человека приносит человеку страдание, и в следующем примере те эмоции, которые испытывает человек, говорящий о своем несчастье, объективированы посредством образного использования существительного *bitterness*: *'Her decease, he said with a bitterness which I can never forget, 'would leave him (him the hopeless and the frail) the last of the ancient race of the Ushers'* (Edgar Allan Poe).

Индивидуально-авторские метафорические репрезентации счастья и несчастья в бытийном дискурсе

многочисленны и разнообразны. Так, счастье предстает как самостийная сущность, как некий живой организм, который может населять каждую молекулу тела человека: *Finally, when I fully absorbed the prettiness of my meal, I went and sat in a patch of sunbeam on my clean wooden floor and ate every bite of it, with my fingers, while reading my daily newspaper article in Italian. Happiness inhabited my every molecule* (Elizabeth Gilbert). Тот факт, что счастье является жизнеспособной сущностью, подтверждается тем, что американские авторы, описывая счастье, используют характеристики, присущие живым организмам: *He was pale as death, anxious and absorbed, and hung over the furnace as if it depended upon his utmost watchfulness whether the liquid which it was distilling should be the draught of immortal happiness or misery* (Nathaniel Hawthorn). Так, в примере, приведенном выше, автор использует эпитет *immortal* – *бессмертный* – по отношению к счастью, таким образом подтверждая, что счастье является живой субстанцией. Следует также отметить, что американские писатели, говоря о счастье, также признают за ним способность испытывать эмоции, характерные для живых организмов: *A faint smile flitted over her lips when she recognized how barely perceptible was now that crimson hand which had once blazed forth with such disastrous brilliancy as to scare away all their happiness* (Nathaniel Hawthorn). Так, метафорическое использование фразового глагола *scare away* не только демонстрирует способность счастья испытывать страх, но и реагировать на внешние воздействия – исчезать, что характерно только для живых существ.

Счастье часто сравнивается с рекой, вероятно, потому, что она никогда не находится в состоянии покоя, а напротив, постоянно движется и изменяется, как и счастье, которое никогда не бывает константным в жизни человека: *While I stood there quietly drowning in two rivers of happiness at the same time* (Elizabeth Gilbert). Идея схожести счастья с водой находит также свое выражение в том, что лексема *happiness* может быть окружена единицами языка, называющими движения, совершаемые в воде: *And once you have achieved a state of happiness, you must never become lax about maintaining it, you must make a mighty effort to keep swimming upward into that happiness forever, to stay afloat on top of it* (Elizabeth Gilbert). Оба примера являются случаями репрезентации концепта посредством структурных метафор, первый из которых основан на существительном, а второй – на образном использовании глагола.

В американских художественных текстах грусть и несчастье часто представлено как боль. Этот образ основан на опыте человека и является примером онтологических метафор. Так, несчастье репрезентируется как боль в сердце *the ache in the heart*, которая обладает динамическими характеристиками. Она может прекращаться на некоторое время или расти, усиливая свое деструктивное действие на человека: *I feel your sadness and my own loneliness and the ache in my heart that had been silent for only a short period of time grows stronger as you release me* (Nicholas Sparks). Несчастье-боль также метафорически представлена в текстах американских писателей как гарпун, насквозь

пронзающий грудь: *He was prepared for it [parting with the woman he loved] but it didn't stop the harpoon from entering his chest and going out the other side (Robert James Waller).*

Еще одним примером репрезентации концептуальной оппозиции HAPPINESS:UNHAPPINESS посредством онтологических метафор является использование авторами художественных текстов образа некоторого устройства или прибора, который может быть сломан или работать без перебоев. Так, в следующем примере несчастный человек представлен как сломанный механизм, что в следующем примере актуализировано отглагольными прилагательными **flawed** и **broken**: *This is what your ego does. It keeps you feeling separate, keeps you with a sense of duality, tries to convince you that you're flawed and broken and alone instead of whole (Elizabeth Gilbert).*

В американских эссе XIX века счастье сопоставляются с музыкой. Так, Генри Джордж, описывая окончание эпидемии, сравнивал горе и страдания, которые она несет, с музыкальным диссонансом, а радость, которую несет избавление от напасти, – с музыкальной гармонией: *Foul things fled, fierce things tame; distress turned to rejoicing, discord turned to harmony! (Henry George).*

Еще одна индивидуально-авторская метафора объективирует концепт HAPPINESS в художественных текстах в музыкальных терминах: *For happiness is*

the director that brings together and reconciles the discordant notes in our jangling society and converts them into a beautiful harmony (Leroy Brownlow). Однако, в отличие от предыдущего, в данном примере счастье представлено как дирижер, который обращает неблагозвучные, диссонирующие ноты бытия в красивую музыкальную гармонию.

В завершении нашей статьи следует отметить, что анализ метафорической репрезентации концепта HAPPINESS в политическом, религиозном и бытийном дискурсах позволил сделать вывод о том, что в каждом из них она обладает своей спецификой. Это происходит благодаря тому, что дискурс, характеризующийся своими особенностями, создает условия для актуализации различных компонентов концептуального содержания и обуславливает те образы, которыми представлен концепт. Манипулятивный характер политического и религиозного типов дискурса определяет особенности образного компонента, представленного конвенциональными метафорами, понятными и простыми образами, упрощающими управления общественным сознанием. В бытийном дискурсе, направленном на раскрытие внутреннего мира человека, счастье репрезентировано конвенциональными и индивидуально-авторскими метафорами, что позволяет более вариативно и образно передать состояние счастья.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
2. Блэк, М. Метафора / М. Блек // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153 – 172.
3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
8. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 – 67.
9. Степанов, Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт» векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М., Калуга: Эйдос, 2007. – С. 19 – 25.
10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

Информация об авторе:

Вашеулова Анастасия Сергеевна – соискатель кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии, преподаватель английского языка центра обучения иностранным языкам «Тринити» г. Барнаул, 8-903-912-32-70, engurra@mail.ru

Anastasia S. Vashcheulova – English teacher, Trinity Language Centre, Barnaul.

Статья поступила в редколлегию 25.12.2013 г.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПОДВИЖНОЙ ИГРЕ
(социализация инстинктов)

Н. В. Гаранина

ENGLISH CHILDREN'S SPEECH BEHAVIOR IN OUTDOOR GAMES (socialization of instincts)

N. V. Garanina

В статье рассматриваются врожденные инстинкты ребенка, проявляющиеся в подвижной игре (агрессия, инстинкт собственности, инстинкт самосохранения), анализируются речевые стратегии и тактики английских школьников, способствующие социализации этих врожденных программ, подчеркивается зависимость игровой коммуникации от речевого поведения детей.

The paper deals with the innate instincts of a child, displayed in outdoor games (aggression, property instinct, and self-preservation instinct), English schoolchildren's speech strategies promoting socialization of these innate programmes are analyzed, dependence of game communication on children's speech behavior is emphasized.

Ключевые слова: подвижная игра, врожденный инстинкт, речевое поведение, стратегия, тактика, социализация.

Keywords: outdoor game, innate instinct, speech behaviour, strategy, tactics, socialization.

Игра – прерогатива детства. Исследуя ребенка в биологическом аспекте, этологи отмечают, что игры являются не только приятным времяпровождением, они необходимы для его полного физического и психического развития. Лишенные игр детеныши, как животных, так и человека, вырастают агрессивными, трусливыми. Ученые видят в играх тренировку, проверку выполнения врожденных программ поведения. В. Р. Дольник обращает внимание на то, что знакомые нам детские игры в догонялки, прятки, пап и мам, борьбу, коллективную борьбу (игры в войну) наблюдаются и в мире животных [3, с. 84].

Являясь биологическим существом, ребенок рождается с множеством унаследованных инстинктов, врожденных программ, которые составляют «фундамент новой, рассудочной деятельности» [3, с. 12]. По мнению этологов, консерватизму инстинктов противопоставляется разум, который позволяет ориентироваться в меняющихся ситуациях, принимать решения.

Консерватизм – принцип выживания в животном мире. Этологи (К. Лоренц, В. Р. Дольник) отмечают, что консерватизм присущ поведению животных. Он проявляется и в поведении ребенка. Консерватизм – это сохранение, впечатывание («импринтинг») программы поведения, поэтому правилам детской игры ребенок подчиняется быстро и охотно. Всем известно, как ребенок протестует против изменения содержания любимой сказки, против изменения правил в привычных играх. И это проявляется в подвижной игре. По С. А. Шмакову, игра является уникальным феноменом культуры, «ее истоком и вершиной», она способствует социализации и окультуриванию ребенка. С. А. Шмаков обращает внимание на то, что игра формирует коммуникативную компетенцию ребенка, реализуя себя вербальным и невербальным способом. «Ребенок выстраивается как индивид и личность в игре и через игру, получая разнообразную информацию о мире и о себе от взрослых и сверстников, прежде всего в предметной и вербальной деятельности, в коммуникативном общении» [8, с. 5]. Для осуществления успешной игровой коммуникации ребенку не-

обходимо проделать огромную работу над собой – научиться подавлять некоторые врожденные инстинкты. Наблюдения за подвижной игрой английского школьника позволили нам увидеть, как проявляются такие инстинкты, как агрессия, инстинкт собственности, инстинкт самосохранения и каким образом школьник преодолевает их.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть каким образом речевое поведение английских школьников в подвижной игре способствует социализации врожденных программ.

Подвижная игра, являясь коллективной и отражая, таким образом, процесс социализации наиболее ярко, способствует развитию коммуникативной компетенции ребенка. Здесь у ребенка формируется умение взаимодействовать с другими игроками, выигрывать и проигрывать, что требует у ребенка преодоления агрессии и порой инстинкта собственности. Здесь он учится адаптировать врожденные программы, препятствующие успешной игровой коммуникации.

Коммуникативное поведение – «это лишь видимая часть айсберга, под которой скрываются латентные механизмы, обуславливающие реализацию коммуникативной компетенции в социально значимом взаимодействии людей» [7, с. 87]. В понятие коммуникативной компетенции входят не только языковые умения, но и поведенческая компетенция, и стратегии речевого поведения [2, с. 140].

К. Ф. Седов, О. С. Иссерс отмечают, что, именно стратегии и тактики речевого поведения говорящего предопределяют выбор им речевых средств и оптимизируют языковые ресурсы [6, с. 73; 4, с. 10]. Под речевой стратегией понимается *комплексное речевое воздействие на партнера, совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего*. Стратегия, таким образом, определяет специфический способ речевого поведения индивидуума, тип языковой личности. Практическим инструментом говорящего для реализации коммуникативной цели служит речевая тактика, как «од-

но из нескольких действий, которое способствует реализации стратегии» [4, с. 111].

Основным препятствием успешной социализации в процессе подвижной игры является такой важный врожденный инстинкт, как *агрессия*.

Этологи (К. Лоренц, В. Р. Дольник) определяют агрессию как врожденный, унаследованный инстинкт борьбы, «направленный против братьев по виду», с которым рассудок может совладать с большим трудом. Агрессия как инстинкт заложена и в детском поведении. Однако, по мере развития у ребенка абстрактного мышления, развивается его разумная ответственность за свое поведение и поступки. Ребенок учится подавлять, сдерживать агрессию, или переориентировать её. Спорт, как считают этологи, является самым лучшим способом переориентации агрессии, поскольку он предотвращает социально вредные проявления агрессии, учит людей сознательному контролю, «ответственной власти» над своими инстинктивными боевыми реакциями [5, с. 138].

В подвижной игре причиной агрессии могут выступать недовольство действиями игрока, выяснение иерархии (особенно среди мальчиков), поражение команды и пр. Так или иначе, агрессия возникает, когда сталкиваются противоположные интересы. В командной игре, где есть победители и проигравшие, конфликт интересов неизбежен. Но он может разрешаться по-разному.

Исследуя коммуникативный конфликт, К. Ф. Седов выделяет три типа речевых стратегий, соотносимых с типами языковой личности. Инвективный тип использует прямую вербальную агрессию, что является отражением эмоционально-биологического способа снятия напряжения. Куртуазный тип отличается повышенным тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия. Рационально-эвристический тип опирается на рассудочность, здравомыслие; негативные эмоции выражает косвенным, непрямым способом, обычно в виде иронии; здесь средством снятия напряжения обычно служит смеховая разрядка [6, с. 92 – 93].

В подвижной игре дети используют различные типы стратегий. Ребенок может начать общение как инвективная личность, но сменить свою стратегию под влиянием партнера, в процессе взаимной коррекции речевого поведения:

– «*Play the game, and don't be an ass.*»

– «*I object to being called an ass,* » said Chalmers. «*Apologize!*»

– «*Sorry I upset you, Chalmers, but you elected me captain, and I do want a little success in the houses*» [12, р. 83].

В данном примере капитан команды, побуждая игрока к действию, употребляет инвективную зооморфную метафору (*ass/осел*). Ответная реакция игрока – демонстрация обиды, типичная для куртуазного типа стратегий, требование извинений. После чего капитан приносит извинение, аргументируя свое инвективное поведение. Как мы видим, происходит выравнивание речевого поведения, т. е. агрессивное поведение с использованием инвективной лексики *ass* нейтрализуется под влиянием второго партнера. Рече-

вая стратегия капитана команды в первом высказывании инвективная, во втором – куртуазная.

Агрессия может повлечь за собой ответную агрессию. Так невербальная агрессия, рожденная невербальным поведением, влечет за собой речевую агрессию, когда каждый пытается настоять на своем. Следующий пример демонстрирует несколько конфликтных ситуаций, связанных между собой в одном фрагменте игры:

(1) – «*You knocked me over on purpose then, you cad, I could see it!*» snarled he.

(2) – «*Get out!*» said Rollitt, shouldering the speaker aside.

(3) – «*I don't mean to stand this, Yorke. Rollitt –*»

(4) – «*Shut up!*» said the captain. (5) «*Spread out, you fellow, and be ready.* (6) *Go to your place, Dangle.*»

(7) – «*Hold the ball!*» cried Yorke, as the side ranged out for the kick-off. (8) «*Dangle, get off the field.*»

(9) – «*What do you mean?*» said Dangle, very white.

(10) – «*What I say. You'll either do that or be kicked off.*»

Во время игры в футбол один мальчик (Роллитт) сбивает другого участника (Дэнгл). Пострадавший Дэнгл агрессивен, использует агрессивную инвективную лексику (*cad/хам*) (высказывание 1). Роллитт отвечает агрессией на агрессию (2). Невербальные компоненты передают напряженность, подчеркнуты автором лексемами *snarled/нпорычал, shouldering aside/отталкивая плечом в сторону*. Обиженный игрок Дэнгл обращается за поддержкой к капитану команды, к лидеру, используя речевую тактику апелляции к авторитету (3). Капитан избирает инвективную авторитарную речевую стратегию, употребляя инвективную лексику (*shut up/заткнись*), глаголы в повелительном наклонении (*spread out / распределитесь, go (to your place) / иди (на свое место), get off / уходи (убирайся)*) (4) – (8). Капитан реализует стратегию подчинения, применяя тактику психологической угрозы, шантажа (10). Таким образом, коммуникативный конфликт не разрешен, агрессия не снята.

В разрешение конфликта включается еще один игрок (Клеппертон):

(11) – «*Don't go, Dangle; he's no right to turn you off or talk to you like that before the field because of an accident.*»

(12) – «*If you go, I'll go too*» interposed Clapperton.

(13) – «*Go, both of you, then*» said Yorke. «*Are you going or not?*»

They sullenly turned on their heels and walked behind the goals [10, р. 48].

Для разрешения конфликта Клеппертон апеллирует к разуму, применяя рационально-эвристическую речевую тактику (11, 12). Однако капитан остается агрессивен, реализовывает инвективную речевую стратегию, в результате оба игрока покидают футбольное поле (13). Таким образом, уход от агрессии в данной ситуации – это физический уход игроков, как это происходит в животном мире. Но этот уход демонстрирует также силу характера игроков, покинувших агрессивного лидера.

Как и любое поведение, речевое поведение в рамках межличностного общения подчиняется законам статусно-ролевого взаимодействия [6, с. 81 – 82]. В

приведенном конфликте капитан не оправдал ожиданий обиженного игрока, неверно выбранная им инвективная стратегия речевого поведения привела к разрастанию конфликта.

В качестве другого вида агрессии В. Р. Дольник выделяет «настырность» (навязывание, канючение) [3, с. 207]. Подобный случай представлен в следующей ситуации:

(1) – «*I want to play kickball,*» said Ron.

(2) – «*You can't play,*» said Terrence.

(3) – «*Get out of here,*» said Jason.

(4) – «*I want to play kickball,*» said Ron.

(5) – «*Listen, Ron,*» said Louis, «*why do you always want to play kickball?*» (6) *You can't kick.* (7) *You can't field.* (8) *You can't even run to first base.* (9) *You just get smashed every game.*

(10) – «*Hey, now wait a second,*» said Ron. (11) «*Don't go blaming it all on me.*» (12) *You are half the team, too, you know.*

(13) *And with that, he punched Louis in the stomach.*

(14) – «*Well, what do you expect from «Butterfingers»*» said Stephen.

(15) *And since that time Ron has had the nickname "Butterfingers"* [11, p. 80].

Для достижения своей цели Рон прибегает к тактике канючения (1, 4), несмотря на категоричный отказ других игроков (2, 3). Льюис, реагируя на эту тактику, использует рационально-эвристическую стратегию (5 – 9) и пытается объяснить его несостоятельность в игре. Рон применяет речевую тактику переориентации обвинения по типу «А ты сам тоже...» (10 – 12). Рон переходит от вербальной агрессии к невербальной, бьет Льюиса кулаком в живот (13). В результате этого Рон получает инвективное наименование «*Butterfingers*» («*масляные пальцы*», ср. русс. «*дырявые руки*») (14, 15).

Агрессия понимается как намеренное причинение вреда. Но не всегда причинение вреда может быть агрессией. В подвижной игре дети часто получают незначительные травмы (кто-то наступил на ногу, толкнул, поцарапал и пр.). Если это происходит ненамеренно, без умысла, обидчик старается извиниться. Однако инстинктивной реакцией на боль часто выступает инвективное высказывание пострадавшего. В ответ, как правило, обидчик использует куртуазную стратегию, как это можно наблюдать в следующем примере:

– «*Ooowww! My ankle! You're the greatest biggest booted bully!*»

– «*I'm sorry.*» Football peered at my leg. «*Red,*» he said, sounding puzzled.

– «*It's blood!*»

– «*I didn't mean to,*» Football mumbled [13, p. 181].

Таким образом, конфликт исчерпан и игра продолжается.

Иногда как таковой агрессии нет, однако используется инвективная лексика, часто в игровом контексте. В данном случае речь идет о словотворчестве, когда ребенок создает прозвища, дразнилки-рифмовки из-за радости собственного речетворчества, например, в следующем эпизоде (футбол):

– «*You have to go to get it,*» said Allison.

– «*Shut up, Dixie cup,*» Terrence answered. He kicked it over the fence.

– «*You idiot,*» said Dameon.

– «*Take a train, peanut brain,*» Terrence answered.

– «*What did you do that for?*» asked Stephen.

– «*Eat a frog, warthog,*» said Terrence [11, p. 98].

Мальчик Торренс, отбиваясь от упреков и требований других участников игры, переводит разговор в шутку, реализуя рационально-эвристическую стратегию.

О. С. Иссерс отмечает, что такие рифмованные конструкции («эхо-конструкции») придают высказыванию экспрессивные оттенки. По мнению Клода Ажежа, подобные словесные фантазии преследуют игровую цель, «доставляют удовольствие игроку, наслаждающемуся собственным остроумием и рассчитывающему на успех у окружающих», а также свидетельствуют об обширном поле для языкотворчества [1, с. 245].

Важно отметить, что дети среднего школьного возраста проявляют вербальную агрессию посредством многочисленных негативно-оценочных зооморфных метафор: *gripping ape*, *silly ass*, *silly goat*, *funny goat*, *sly fox* и др. В то время как старшие школьники чаще прибегают к бранной лексике (инвективам): *fool*, *rotter*, *lunatic*, *idiot*, *a slack beast* и др. На морфологическом уровне вербальная агрессия школьников реализуется форме повелительного наклонения глаголов, на синтаксическом уровне она может выражаться посредством условно-придаточных предложений. Фонетически вербальная агрессия презентуется восклицательной интонацией.

Таким образом, вербальная агрессия как проявление инстинкта репрезентируется чаще всего в использовании инвективного типа речевых стратегий, реже куртуазного и рационально-эвристического. Используемые в детских подвижных играх вербальные тактики (инвектива, приказ, авторитарность, канючение), а также невербальные (физическое воздействие, прекращение игры, и др.) можно объяснить особенностями психики подростка (повышенная эмоциональность, импульсивность, критическое отношение к окружающим), а также спецификой подвижной игры (быстрая смена событий на поле, требующая моментальной речевой реакции игроков; ограниченность во времени).

Другим важным инстинктом, который проявляется в детском возрасте, В. Р. Дольник считает *инстинкт собственности*, как «один из самых мучительных для детей человека» [3, с. 77]. Из опыта мы знаем, как неохотно ребенок делится своими игрушками. Однако чтобы быть принятым в игру, он вынужден делиться, т. е. учится подавлять эту врожденную программу. Младшие школьники дают «собственникам» прозвища: русс. *жадина-говядина*, англ. *greedy-guts*, то есть дают понять, что инстинкт собственности не поощряется в детском коллективе. Стратегия их речевого поведения – усомниться владельца, заставить поделиться инвентарем.

В то же время владелец инвентаря (в подвижных играх с мячом это владелец мяча), чувствуя свое превосходство, может диктовать условия, выбирать, с кем он будет играть. Эту ситуацию иллюстрирует следующий пример:

- (1) – «*I want to play,*» said Ron.
 (2) – «*Well, you're not playing,*» said Terrence.
 (3) – «*So, play,*» said Louise.
 (4) – «*Terrence won't let me play,*» said Ron.
 (5) – «*No, he can't,*» said Terrence. (6) «*It's my*

ball».

- (7) – «*It isn't your ball,*» said Louis.
 (8) – «*You gave it to me,*» said Terrence.
 (9) – «*I gave it to you to share,*» said Louis. (10) «*If you can't share it, you can't have it.*»
 (11) – «*Oh, all right,*» said Terrence [11, p. 99].

На заявление Рона о своем желании присоединиться к играющим (1), временный владелец мяча (Терренс) реагирует твердым отказом (2). Когда настоящий владелец мяча (Льюис) предлагает Рону вступить в игру (3), тот жалуется на отказ Терренса (4). Терренс категорично отказывается Рону, заявляет о своем праве на мяч (5, 6). Настоящий владелец мяча (Льюис) разоблачает Терренса (7). Терренс оправдывается, апеллируя к настоящему владельцу мяча (8). (9), Льюис упрекает Терренса, выдвигает ему условие, шантажирует (10), в результате тот подчиняется (11).

Таким образом, настоящий владелец мяча, реализуя речевую стратегию подчинения партнера своей воле (выражается в тактике упрека и шантажа), заставляет принять в игру участника, которого сначала игнорировали.

Еще одним препятствием для реализации успешной подвижной игры может выступать самый важный и древний инстинкт – *инстинкт самосохранения*. Все подвижные игры чреваты травмами, поскольку в их основе заложена двигательная активность ребенка. Так, С. А. Шмаков выделяет двигательные игры ма-

лой, средней и максимальной подвижности [8, с. 103]. Как правило, инстинкт самосохранения проявляется у новичков при игре с мячом (футбол, бейсбол, теннис, крикет, хоккей) в страхе перед мячом. Например, новичок осознает, что мяч может лететь с довольно высокой скоростью и нанести ему травму:

- «*When I throw you the ball, Kathy, try to catch it.*»
 Dameon tried to teach Kathy how to play catch.
 – «*I can't catch it,*» said Kathy. «*I'll just get hurt.*»
 – «*You won't get hurt,*» Dameon insisted. «*Just watch the ball.*»

He tossed it to her [11, p. 77].

Преодолеть страх помогает опытный игрок, который, реализуя речевую стратегию убеждения, пытается успокоить новичка и стимулирует его к участию в игре.

Если страх перед возможной травмой не преодолевается, ребенок может вовсе отказаться от участия в игре, как это демонстрирует следующий пример.

- «*Play cricket, Carmel?*» said Gowan Barbour.
 – «*Never! It's a boy's game, and the ball is so hard, it hurts my hands!*» objected Carmel [9].

Свой категорический отказ девочка аргументирует тем, что крикет – игра для мальчиков, затем признается в боязни получить травму от мяча. Игровая коммуникация не состоялась, поскольку девочка не получила от опытного игрока моральной и эмоциональной поддержки.

Таким образом, подвижная игра является «школой общения» для ребенка, где в процессе коммуникации он методом проб и ошибок учится адаптировать врожденные инстинкты к условиям социальной жизни, применяя различные речевые стратегии и тактики.

Литература

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер. с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Амзаракова, И. П. Ребенок: язык, текст, коммуникация / И. П. Амзаракова. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, 2012. – 332 с.
3. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы / В. Р. Дольник. – СПб.: Петроглиф, 2009. – 352 с.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. – СПб.: Прогресс, Универс, 1994. – 272 с.
6. Седов, К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
7. Седов, К. Ф. Становление коммуникативной уникальности человека / К. Ф. Седов // Проблемы онтолингвистики – 2009: материалы Международ. конф., Санкт-Петербург, 17 – 19 июня 2009 г. – СПб.: Златоуст, 2009.
8. Шмаков, С. А. Игры учащихся – феномен культуры / С. А. Шмаков. – М.: Новая школа, 1994. – 240 с.
9. Brazil, A. The Princess of the School / A. Brazil. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/21656/> (дата обращения: 25.12.2011).
10. Reed, T. The Cock-House at Fellsgarth / T. Reed. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/21037/> (дата обращения: 01.01.2012).
11. Sachar, L. Sideways Stories from Wayside School / L. Sachar. – Режим доступа: <http://bookfi.org/-book/2048049> (дата обращения: 28.12.2013).
12. Swainson, F. Acton's Feud / F. Swainson. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.net/1/4/7/7/14772/> (дата обращения: 24.12.2011).
13. Wilson, J. The dare game / J. Wilson. – Режим доступа: <http://bookfi.org/book/2044627> (дата обращения: 25.12.2013).

Информация об авторе:

Гаранина Наталья Викторовна – аспирантка кафедры английской филологии и теории языка по специальности 10.02.04 «Филология. Германские языки» Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катынова, 8-923-396-43-95, garanina.natalya@mail.ru.

Natalya V. Garanina – post-graduate student at the Department of English Philology and Theory of Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Katanov Khakas State University (Abakan).

Статья поступила в редколлегию 30.01.2014 г.

УДК 81'373.2

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СХОДСТВА
КОММЕРЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ**

Н. Д. Голев, Я. А. Дударева

**SEMANTIC PROXIMITY AS A MEASURE
OF COMMERCIAL DESIGNATIONS SIMILARITY TO CONFUSION**

N. D. Golev, Ya. A. Dudareva

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Лингвистическая экспертиза товарных знаков с использованием когнитивных методик» № 13-04-00350.

В статье на материале практики арбитражных судов Российской Федерации рассматриваются проблемные вопросы по установлению смыслового сходства товарных знаков, а именно вопросы по определению и разграничению языковых явлений синонимии, омонимии и полионимии, лежащих в основе близости и дифференциации коммерческих наименований.

The paper bases on the material of Russian Federation arbitration courts practice to consider the problematic issues forestablishing semantic similarity of trademarks, namely questions about the definition and delimitation of linguistic phenomena synonyms, homonyms and polionyms underlying proximity and differentiation of commercial items.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза товарных знаков, сходство товарных знаков, ложная полионимия коммерческих наименований.

Keywords: linguistic expertise of trademarks, similarity of trademarks, false polionymy of commercial names.

В современной судебной практике с каждым годом увеличивается количество дел, возникающих в связи с защитой исключительных прав на товарные знаки, фирменные наименования и доменные имена. Судебные дела относительно сходства/различия коммерческих наименований получают освещение в юридическом (Д. В. Мазаев, В. В. Орлова, М. Н. Панкова А. Е. Сычев и др.), психолого-социологическом (Д. И. Сапонов и др.), лингвистическом (Е. И. Галышина, И. В. Жарков, М. Е. Новичихина, Т. П. Соколова и др.) и иных аспектах. Специалисты разных областей знания, с учетом российского законодательства о коммерческих наименованиях и имеющейся судебной практики по рассматриваемой категории дел, разрабатывают все новые рекомендации и методики, освещающие и предлагающие логику решения не только по типовым спорным случаям, но и в более сложных ситуациях. Так М. Е. Новичихина, обобщив собственный опыт проведения лингвистических экспертиз товарных знаков, описала трудные случаи по определению наличия/отсутствия сходства товарных знаков до степени смешения и предложила оригинальные методики для решения подобных дел через «коэффициент ассоциативного сходства» [4, с. 223].

Одним из актуальных вопросов, которым посвящаются лингвистические научные исследования по коммерческим наименованиям, является вопрос об

установлении между ними семантического сходства. Вопрос об определении сходства/различия товарных знаков и иных коммерческих наименований с лингвистической точки зрения представляет собой ответы на следующие вопросы: являются ли СЛОВО 1 и СЛОВО 2 синонимами / омонимами / паронимами / антонимами и т. д.?

Проблемный характер этого вопроса обусловлен неоднозначностью и неопределенностью понятий «смысловое подобие», «семантическая близость», «семантическое/смысловое сходство». Онтологическая сложность определения степени смысловой близости коммерческих наименований объясняется трудностью установления границ между ними в силу диффузности их семантики. Гносеологическая сложность проблемы установления семантического сходства коммерческих наименований связана с различными трактовками понятия «смысловое подобие», которое может пониматься как сходство лексических значений номинативных единиц или отдельных компонентов в их значении.

Отношения смыслового подобия выполняют связующую функцию между элементами ономастического пространства русского языка, которое будучи фрагментом общей семантической сети, организуется благодаря наличию внутреннего противоречия – оппозиции тождество-различие. Эта оппозиция органи-

зует номинативные единицы в различные семантические категории – синонимические, антонимические поля, омонимичные группы и т. д., многократно пересекающиеся в многомерном семантическом пространстве русского языка. Отсутствие резких границ между разными семантическими категориями находит проявление на уровне отдельных лексем, в том числе и среди ономастической лексики.

Антиномическая природа самого языка, онтологическая вариативность знаков, обладающих одновременно и одинаковыми, и различительными признаками, а также индивидуальные и типовые особенности воспринимающего сознания обуславливают проблемный характер рассматриваемой темы.

Семантический критерий является одним из показателей, позволяющих установить наличие/отсутствие сходства между коммерческими обозначениями до степени смешения. Согласно «Методическим рекомендациям по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство», утвержденных приказом Роспатента от 31.12.2009 г. № 197, (далее – «Методические рекомендации») сходство словесных обозначений может быть звуковым (фонетическим), графическим (визуальным) и смысловым (семантическим).

Смысловое (семантическое) сходство определяется на основании следующих признаков:

- подобие заложенных в обозначениях понятий, идей (МУЗЫКА СНА – МЕЛОДИЯ СНА), в частности, совпадение значения обозначений в разных языках (например, АРОМАТНАЯ МЕЛОДИЯ – AROMATIC MELODY);

- совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение (CARLA FRACCI GISELLE – ЖИЗЕЛЬ), за исключением ситуации, в которой смысловое значение названного элемента меняется благодаря сочетанию с другими словесными элементами (например, ДУША – СЛАВЯНСКАЯ ДУША);

- противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей (МОЙ МАЛЫШ – ВАШ МАЛЫШ) [3].

Указанные в «Методических рекомендациях» признаки смыслового сходства коммерческих обозначений представляют собой случаи их синонимии, полионимии и антонимии. Поскольку синонимические и антонимические отношения между словами русского языка фиксируются в лексикографических изданиях, то основанием для признания словесных обозначений семантически сходными могут служить как результаты опроса рядовых потребителей товаров, так и данные нормативных словарей.

К примеру, названия конфет «Чудный вечер» и «Чудесный вечер» являются синонимичными. Семантическое сходство наименований подкрепляется их фонетическим созвучием и похожим графическим написанием, что создает ассоциативное сходство обозначений, которого не наблюдалось бы при использовании других имен прилагательных из общего для них синонимического поля: *изумительный, несравненный, восхитительный, волшебный, упоительный, чудный, чудесный, дивный, сказочный, золотой, бесподобный, замечательный, исключительный, великолепный, роскошный, божест-*

венный, классический, шикарный (разг.), мировой (прост.), единственный (уст.) [1, с. 179].

Вторая группа примеров, приводимых в «Методических рекомендациях», также представляет собой случаи синонимии собственных имен, но при этом с совпадением ключевого элемента обозначения: CARLA FRACCI GISELLE – ЖИЗЕЛЬ.

С лингвистической точки зрения синонимия собственных имен, в отличие от привычной синонимии нарицательных имен, представляет собой «принципиально иное явление, не опирающееся на связь с понятием и базирующееся лишь на тождественности объектов, которые служат своеобразными центрами, вокруг которых концентрируются имена» [9, с. 300]. Как отмечает А. В. Суперанская, случаи синонимии собственных имен объединяет только факт отнесенности к одному денотату, и потому «для этого явления больше подходит термин полионимия (многоименность)» [9, с. 300].

В типологию полионимичной лексики А. В. Суперанской включены «разные имена, связанные с различными возможностями называния объекта на одном и том же языке: Великий или Тихий океан <...> В антропонимии: Йоханн Вольфганг Гете – Йоханн Гете и Вольфганг Гете <...>» [9, с. 303].

Представленная А. В. Суперанской типология ономастической «синонимии» имеет ценную практическую значимость для лингво-экспертной практики при решении вопросов о сходстве коммерческих обозначений до степени смешения. Во многих случаях судебные споры о защите товарных знаков, фирменных наименований и доменных имен возникают в связи с тем, что потребитель воспринимает словесные коммерческие обозначения, имеющие совпадающие ключевые элементы (например, водка «Озерская» и «Озерская дамская»; туристическое агентство «Пегас» и «Pegas touristik»; крем «Бархатные ручки» и «Бархатная нежность»), как полионимы и ошибочно связывает их с одним и тем же денотатом – одним и тем же изготовителем товаров / одним и тем же юридическим лицом.

Существование коммерческих наименований, имеющих совпадающие ключевые элементы с официально зарегистрированными обозначениями, с лингвистических позиций представляет собой такое явление, как ложная полионимия коммерческих наименований. Проявление ложной полионимии коммерческих обозначений обнаруживается в реакциях опрошенных в ходе экспериментов лиц. К примеру, результаты проведенного ОАО «ВЦИОМ» социологического опроса населения по оценке визуального сходства или отличия кремов для рук «Бархатные ручки» и «Бархатный», показали, что «более половины опрошенных – 55 % считают, что крема «Бархатные ручки» и «Бархатный» – продукты одного и того же производителя», на основании чего суд принял решение о сходстве названных обозначений до степени смешения [6].

В судебной практике вопрос о разграничении ложных полионимов от принципиально разных коммерческих наименований, несмотря на наличие общих словесных элементов, стоит особенно остро. Так, название журнала «Вояж» и наименование журнала

«Вояж и отдых», а также газеты «Вояж с Трансаэро» были признаны судом не сходными до степени смешения. «Как указал суд, названия журнала «Вояж и отдых» и газеты «Вояж с Трансаэро» изображены графически в стиле, абсолютно не похожем на графическое изображение слова «вояж» в товарном знаке. В связи с этим судьи пришли к выводу, что сам факт использования слова «вояж» как части словосочетания в названии газеты и журнала не может быть признан использованием товарного знака ЗАО «Издательский дом «Центр Плюс», поскольку слово «вояж» в этом случае «несет смысловую нагрузку как часть русского языка» (*постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23.03.98 № КА-А40/503-98*)» [2].

Одним из частотных слов, которые встречаются в спорных коммерческих обозначениях, имеющих общие словесные элементы с товарными знаками, является слово *люкс*, например: «Лукойл» и «Люксойл», «СНЕЖОК» и «СНЕЖОК ЛЮКС». Арбитражный суд Свердловской области, рассматривающий вопрос о сходстве до степени смешения наименований «СНЕЖОК» и «СНЕЖОК ЛЮКС», пришел к следующему мнению: «Довод ответчика о том, что в его словесном обозначении использовано также слово «люкс», не может служить основанием для вывода о различии сравниваемых обозначений. Напротив, использование слова «люкс» в обозначении ответчика («Снежок люкс»), способно создать у потребителя впечатление о том, что в этом случае продается туалетная бумага одного и того же производителя, однако обладающая более высокими качественными характеристиками, чем просто туалетная бумага «Снежок»» [8].

Этот же пример позволяет продемонстрировать явление омонимии коммерческих обозначений, возникающих в результате деапеллятивации: «слово «Снежок» в комбинированном обозначении истца означает имя белого медведя, а в обозначении ответчика означает белый цвет бумаги и высокое качество товара» [5].

Таким образом, решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда демонстрируют вариативность лингвистической интерпретации рассматриваемых спорных обозначений: «СНЕЖОК» и «СНЕЖОК ЛЮКС» получили рассмотрение и как проявление ложной полионимии коммерческих наименований, и как примеры омонимии словесных знаков.

Установление семантических различий и дифференциация мотивационно-ассоциативных полей коммерческих обозначений при их графо-фонетическом сходстве позволяет разграничить в спорных случаях коммерческие наименования. В качестве примера разграничения омонимичных коммерческих номинаций можно привести спорный случай о наименовании магазина «Олимпик футбол», рассмотренный Арбитражным судом Ростовской области в 2011 г. Спорная ситуация

сложилась в связи с полиинтерпретативностью названия, широким кругом ассоциативно-семантических связей, вызываемых содержащимся в названии магазина элементом «Олимпик».

Олимпийская символика имеет особую юридическую защиту. В части 1 статьи 7 Федерального закона от 01.12.2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определено, что именно относится к олимпийской символике: для целей настоящей статьи под олимпийской символикой понимаются наименования «Олимпийский», «Олимпиада», «Сочи 2014», «Olympic», «Olympian», «Olympiad», «Olympic Winter Games», «Olympic Games», «Sochi – 2014» и образованные на их основе слова и словосочетания [10]. С лингвистической точки зрения охраняемые законом олимпийские наименования представляют собой открытое словообразовательное гнездо с производящим словом «Олимп»/«Olimp».

Лингвист, участвующий в описываемом судебном процессе в качестве специалиста, объяснил возникшую спорную ситуацию о незаконном использовании олимпийской символики явлением омонимии наименований «Олимпик футбол» и Олимпик/*Olimpic*: «Если ударение в слове «Олимпик» ставится на второй слог, можно говорить о явлении омофонии, то есть о совпадении звучания двух слов – «Олимпик» и «OLIMPIC», – имеющих разное значение. <...> Если ударение в слове «Олимпик» ставится на последний слог, то слова «Олимпик» и «OLIMPIC» нельзя признать тождественными. Словосочетание «Олимпик футбол» соотносится с транслитерированным именем собственным «Olimpique» и имеет наиболее близкие семантические связи с названиями ряда футбольных клубов – российских и зарубежных» [7]. На основании различного смыслового значения сопоставляемых слов в совокупности с их фонетическими и графическими признаками, суд принял решение об отсутствии сходства рассматриваемых наименований до степени смешения.

Лингвоюридический анализ спорных ситуаций, возникающих при определении смыслового подобия товарных знаков, имеющих общие элементы, позволяет считать, что в таких случаях необходимо учитывать наличие/отсутствие ассоциативно-деривационных связей спорного знака с уже зарегистрированным наименованием. Если такие связи отсутствуют, то перед нами омонимичные коммерческие наименования. Если же мотивационные связи обнаруживаются интроспективным методом и подтверждаются экспериментально, то речь идет о синонимии/антонимии либо о ложной полионимии знаков, свидетельствующей об их сходстве до степени смешения.

Литература

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова; под ред. Л. А. Чешко. – Изд. 4-е, репр. – М.: Русский язык, 1975. – 600 с.
2. Контонистова, Е. Судебные споры по товарным знакам / Е. Контонистова // Финансовый директор. – 2003. – № 7 – 8. – Режим доступа: http://www.createbrand.ru/biblio/law/spory_v_sude.html (дата обращения: 12.10.2013).

3. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31.12.2009 г. № 197. – Режим доступа: http://www.rupto.ru/norm_doc/sod/metod_rek/-metod_res_tojd.pdf (дата обращения: 02.02.2012).
4. Новичихина, М. Е. О некоторых трудных случаях лингвистической экспертизы товарных знаков / М. Е. Новичихина // Вестник ВГУ. – 2012. – № 1. – (Серия: Филология. Журналистика).
5. Постановление XVII Арбитражного апелляционного суда № 17АП-4492/2008-ГК от 24.07.2008 г. по делу № А60-1056/2008. Картоотека арбитражного суда РФ. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 12.10.2013).
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-100801/10-92-493 от 25.10.2010 г. Картоотека арбитражного суда РФ. – Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 12.10.2013).
7. Решение Арбитражного суда Ростовской области по делу А53-6008/11 от 08.07.2011 г. Картоотека арбитражного суда РФ. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.10.2013).
8. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 30.04.2008 г. по делу № А60-1056/2007-С 7 // Картоотека арбитражного суда РФ. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 12.10.2013).
9. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
10. ФЗ № 310-ФЗ от 01.12.2007 г. «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/12/05/sochi-dok.html> (дата обращения: 13.02.2012).

Информация об авторах:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, 8-906-928-55-71, nglevd@yandex.ru.

Nikolay D. Golev – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Дударева Яна Александровна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка КемГУ, 8 (3842) 58-27-45, dudareva-yana@yandex.ru.

Yana A. Dudareva – Candidate of Philology, Assistant Lecturer at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2013 г.

УДК 813.7

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ «БЕЗУМИЕ»

Л. В. Маркелова

ANALYSIS OF MOTIVATION OF EMOTIVE LEXICAL UNITS DENOTING MADNESS

L. V. Markelova

Значение слова может быть мотивировано его морфемными составляющими, а также способом его образования. Однако мотивация слова отражает не только соотношение его морфемных компонентов и их отношение к семантическим компонентам и значению, но и соотношение экстра- и интралингвистических факторов в структуре слова.

Настоящая статья нацелена на изучение мотивации слов, в том числе и редуликативных образований, со значением «безумие», что является новым в исследовании лексических средств реализации данного концепта. Главными задачами являются классификация лексических единиц по виду их мотивации и выявление преобладающего способа мотивации. Для выполнения поставленных задач был проведен тщательный анализ внутренней формы слов со значением «безумие». Результаты исследования показали, что семантическая мотивация в нередуликативных образованиях и звуко-символическая мотивация через аблаут или рифму в редуликатах являются наиболее часто встречающимися типами мотивации в словах со значением «безумие».

The meaning of the word can be motivated by its morphemic components or by the way the word itself is formed. In other words, the semantic specifics of this or that word are in most cases due to the particularities of its word-formation. However, the word motivation reflects not only the correlation between morphemic components and semantic specifics, but also the correlation between extra- and intralinguistic factors in word structure.

The paper aims to present a study of the motivation of words and reduplicative compounds with the meaning of *madness*, which is the novelty of the present research. The main objective is to classify the units according to the type of motivation and to determine which type prevails. To achieve the objective a thorough analysis of words' inner structure

was carried out. The outcome of the research showed that the semantic motivation in nonreduplicative words and rhyme- and ablaut-motivated words are the most frequent types of motivation in the words denoting *madness*.

Ключевые слова: мотивация, внутренняя форма слова, редуликативные образования, безумие, этимологический анализ.

Keywords: motivation, word inner structure, reduplicative words, madness, etymological analysis.

Особенности семантики лексических единиц зачастую могут быть обусловлены особенностями их словообразовательной структуры. Иными словами, значение слов может быть мотивировано морфемными составляющими этих слов, а также их способом образования.

Под мотивировкой слов, согласно К. А. Сафаровой, понимается лингвистическая категория, которая отражает соотношение экстра- и интралингвистических факторов в структуре слова, соотношение его морфемных компонентов и их отношение к семантическим компонентам и значению данной языковой единицы [5, с. 26].

Существуют и другие термины, отражающие связь морфемных компонентов со значением слова. Одним из таких терминов является внутренняя форма слова. Впервые идея внутренней формы слова была развита в учении А. А. Потебни. Так как человек воспринимает какой-либо предмет одновременно несколькими органами чувств, направленными на восприятие различных признаков предмета, то этот предмет образует в сознании постоянную величину, некий чувственный образ предмета, в котором преобладает один какой-нибудь признак. Как отмечает А. А. Потебня, один из таких признаков, преобладающий над остальными, и является внутренней формой слова [4, с. 313]. Несколько иное определение дает лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой, определяющий внутреннюю форму слова как семантическую и структурную соотношенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка [8]. Так или иначе, внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова и указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков.

Настоящая статья нацелена на изучение мотивации слов, в том числе и редуликативных образований, со значением «безумие», что является новым в исследовании лексических средств реализации данного концепта. Для достижения цели был проведен тщательный анализ внутренней формы слов со значением «безумие». Материал исследования отбирался по словарным дефинициям, включающим в толкование семы «отклонение от нормы», «безумие», «бессвязная речь, чепуха». Все лексические единицы, отобранные для анализа, принадлежат к разговорному стилю.

В. В. Лопатин одним из первых предпринял попытку в определении типов словообразовательной мотивации. В частности, в его статье «Метафорическая мотивация в русском словообразовании» были представлены следующие типы мотивации: нормальная (толкование ЛЕ не вызывает трудностей) и метафорическая (переносный смысл возникает в мотивирующем, а не в мотивированном слове: to hinge «висеть на петлях» - unhinge «выбивать из колеи, сводить с ума») [1, с. 55].

Исследование В. В. Лопатина было продолжено И. С. Улухановым, который отмечал, что к словообразовательной мотивации не могут относиться ни опосредствованные мотивации (крахмал – накрахмалить при крахмал – крахмалить), ни сопровождающие мотивации (глупо – глупить при глупый – глупить). В целом И. С. Улуханов выделял непосредственные и опосредованные, исходные и неисходные, единственные и неединственные, регулярные и нерегулярные виды мотивации [7].

В основе всех этих классификаций лежат разные принципы группировки, такие как выбор признака при наименовании объекта действительности, отбор языкового материала при образовании нового слова и способ создания нового слова [3]. Для настоящего исследования, однако, наиболее актуальной является классификация, предложенная С. Ульманом. Исследователь выделяет фонетическую, морфологическую и семантическую мотивации [12, с. 86].

Как правило, **фонетически мотивированными** являются так называемые звукоподражательные слова, т. е. при фонетической мотивации существует прямая связь между фонетической структурой слова и его значением. Например, слово *соо-соо* «сумасшедший» является звукоподражательным (соотносится с криком кукушки) и, следовательно, фонетически мотивированным [13].

Под **морфологической мотивацией** принято понимать зависимость между морфологической структурой слова, значением его компонентов и значением самого слова. Иными словами, главным критерием в морфологической мотивации является отношение между морфемами. К примеру, сложное слово «*mad-man*» мотивировано входящими в него морфемами (*mad* + *man*: сумасшедший + человек) [14].

Семантическая мотивация касается взаимоотношенности прямого и переносного значения слова. Возьмем, например, слово «unbalanced» «неуравновешенный» [15]. Обладая морфологической мотивацией (un+balance+ed: несбалансированный), данное слово является также и метафорически мотивированным, т. к. зачастую употребляется в переносном значении: «неуравновешенный».

Приведенные виды мотивации могут каким-либо образом модифицироваться, но, так или иначе, входят во все известные классификации.

Возьмем к рассмотрению некоторые слова, обозначающие «безумие». К примеру, существительное *crazy-cat* «сумасшедший человек» наряду с морфологической (adj. crazy + n. cat = n. crazy-cat) обладает и семантической мотивацией, своим значением указывая на поведение индивида, напоминающее повадки взбесившегося кота.

Слово *suckoo* (crazy or silly) имеет звукоподражательную основу, что дает право считать его фонетически мотивированным [14]. Во-вторых, звук, изда-

ваемый кукушкой (*cuckoo* – a sound that a cuckoo makes), характеризуется пустотой и монотонностью. В наименовании человека *cuckoo* прослеживается метонимический перенос, т. е. человек с некоторыми психическими или умственными отклонениями получает название по издаваемому кукушкой звуку. Следовательно, можно говорить здесь также о наличии семантической мотивации данного слова.

В слове *happy* «безумный, одержимый» можно говорить об имеющемся сравнении человека, страдающего безумием, с человеком, которого переполняет счастье (*happy* – «счастливый»), т. к. зачастую эти два состояния приводят к совершению поступков, не поддающихся логическому объяснению. В добавление к этому, счастливый человек, равно как и сумасшедший, не обращает на окружающую его действительность внимания, тем самым, как бы, живет в своем собственном мире. Таким образом, слово *happy* является семантически мотивированным.

Анализ прилагательного *loony* «сумасшедший» показывает, что слово могло быть образовано либо от слова *lunatic* «безумный», либо от слова *loon* «гагара», поскольку звуки, издаваемые этой птицей, отдаленно напоминают безумный смех. Таким образом, можно сделать вывод, что слово *loony* обладает морфологической (п. *loon* + -y = adj. *loony*) и семантической мотивацией (метонимический перенос).

Этимологический анализ слова *nuts* показывает, что изначально одним из значений этого слова было значение «голова», видимо, благодаря тому, что кокосовый орех по форме, по величине и по наличию волокон напоминает волосистой покров головы. Отсюда выражение *to be off one's nut* может быть переведено как «быть сумасшедшим, не дружить с головой». Постепенно первая часть выражения стала опускаться при акте коммуникации, и появилось сокращенное *nuts*, что на сленге означает «безумный, сумасшедший». Следовательно, можно говорить о морфологической (*nut* + -y = *nutty* «сумасшедший») и семантической мотивации слова *nuts*.

Здесь следует отметить и то, что в настоящее время слова *nut* «безумный» и *freak* «чудак, ненормальный» все чаще используются для обозначения человека, увлеченного чем-либо, например, в сочетаниях *a car nut* «любитель автомобилей» и *a bodybuilding freak* «фанат бодибилдинга» [16].

При анализе слова *rock-happy* «сумасшедший» можно выделить морфологическую мотивацию (п. *rock* + adj. *happy* = adj. *rock-happy*) и семантическую мотивацию, т. к. первоначально данное слово употреблялось исключительно для обозначения человека, сошедшего с ума из-за долгого пребывания на необитаемом скалистом (*rocky*) острове.

При рассмотрении слов *Section 8* «нервнобольной, псих» (раздел № 8 Положения о прохождении военной службы в армии США с перечислением оснований для увольнения по причине умственной неполноценности, ср. рус. «палата № 6» – место содержания пациентов с психическими отклонениями) и *Double 4* «псих, умственно неполноценный» (еще одно обозначение раздела № 8) можно говорить о наличии метонимического переноса, а, следовательно, о семантической мотивации данных слов [6].

В наименовании человека *squirrel* «сумасшедший» также можно проследить метонимический перенос т. к. в данном случае человек наделяется некоторыми свойствами, присущими белке, т. е. такими качествами, как суетность, скрытность и испуг [2]. Таким образом, слово *squirrel* является семантически мотивированным.

Слово *unhinged* может употребляться как в прямом (*снятый с петель*), так и в переносном значении (*потерявший рассудок*) [17]. Таким образом, если *unhinged* используется в переносном значении, то оно является морфологически (отрицательный суффикс *un* + *hinged* (Participle II) = неуравновешенный) и метафорически мотивированным словом с негативно-оценочной коннотацией.

Рассмотрение мотивации на уровне фонемы ведет к проблеме звукового символизма, которая заключается в том, что некоторые звуки могут сигнализировать значение, являясь, по сути, фонетическими семантемами. Лексическое значение некоторых слов может возникать благодаря синтезу таких семантем.

Ученые выделяют два типа звукового символизма: звукоподражание и экспрессивный символизм. Звукоподражание выражается в имитации того, что человек воспринимает при помощи органов чувств. Под экспрессивным символизмом понимается такой тип звукового символизма, который используется для выражения чувств.

В качестве эмпирического материала можно взять редупликаты, которые обладают разными видами звуко-символической мотивации. Под редупликативными образованиями понимаются сложные слова или словоформы, образованные при помощи редупликации (от лат. *reduplication* 'удвоение'). Более 1/3 всех редупликатов имеет в качестве начального символа первого компонента звук [h]. Например, *haze-base* «глупец, дурак», *hibber-gibber* «сбивчивое повторение», *hobgob* «глупый, пустой разговор», *hobby-doddy* «простофиля», *hobby-noddy* «дурак, простак», *hyte-styte* «чушь, безумие» и другие. В остальных случаях выбор звука в качестве начального символа первого компонента не поддается какому-либо рациональному объяснению. Например, *filly-folly* «глупое увлечение», *flim-flam* «чушь, бессмысленный разговор», *phoney-baloney* «чепуха», *ribble-rabble* «многословный, неопределенный», *shally-wally* «чепуха, пустая болтовня» и многие другие.

Как отмечает И. В. Арнольд, в нередуплицированных сложных словах мотивация может быть морфологической в том случае, если значение всего слова вытекает из прямого значения его компонентов, или же семантической, если значение компонентов является переносным [9, с. 28]. Семантическая мотивация характерна для идиоматических сложных слов, например, таких как *moonstruck* «помешанный» и *crackbrained* «сумасшедший». В отличие от нередуплицированных слов в редупликатах мотивация зиждется на взаимодействии двух или трех видов мотивации, совершенно иных и присущих лишь одним редупликативным образованиям. Марчанд выделяет следующие индикаторы мотивации в редупликатах [10, с. 352]:

– редупликация в чисто-редупликативных образованиях, т. е. образованиях, состоящих из двух идентич-

ных элементов (например, gaga – «чокнутый, слабоумный», goo-goo – «сумасшедший», riddlemy riddlemy – «вздор, чепуха, бессвязная речь»);

– аблаут, т. е. чередование гласных (например, feck-fack – «чепуха, глупое изречение», flim-flam – «вздор, пустой разговор», kingle-kangle – «громкая, сбивчивая речь», miff-maff – «чушь, глупость», reavel-ravel – «пустая болтовня, галиматья»);

– рифма (ding-a-ling – «безумец, эксцентричный человек», gabbie-labbie – «сбивчивая речь», hibber-gibber – «бормотание, болтовня, сбивчивая речь», hyte-styte – «чушь, безумие», rum-dum – «пьяный, глупый, ел стоящий на ногах», shally-wally – «чепуха, пустая болтовня»).

Вышеперечисленные редупликаты взяты из справочника Нильса Туна [11]. Всего же в этом справочнике содержится 58 слов со значением «пустая/ глупая/ безумная болтовня».

Если один или два компонента редупликата представлены псевдоморфемами, т. е. компонентами, не имеющими лексического значения, то редупликация, аблаут и рифма выступают единственными индикаторами мотивации этих слов. Так, например, в словах baa-waa-body – «глупый, незначительный человек с бессвязной речью», gaga – «безумный, страдающий старческим слабоумием» единственно возможными видами мотивации являются редупликация, чередование согласных, образующих рифмованное созвучие (вместе с добавлением основы body «человек»), и звуко-символические средства.

Следует отметить, что типы мотивации, представленные в классификации С. Ульмана для нередулицированных слов, применимы и к редупликативным образованиям. Однако фонетическая, морфологическая и семантическая мотивации являются факультативными типами для редупликатов, в то время как редупликация, аблаут и рифма – обязательными. Также редупликаты могут подразделяться на эндоцентрические и экзоцентрические. К первой группе относятся слова, мотивированные одним компонентом либо первым или вторым компонентом по отдельности, а ко второй – слова, мотивировочная база которых находится за пределами компонентов, но связана с обоими или с одним из них.

В доказательство того, что в редупликативных образованиях синтезируются обязательные и факультативные типы мотивации, рассмотрим, к примеру, слово ding-a-ling «безумец, эксцентричный человек».

Во-первых, данный редупликат обладает звуко-символической (фонетической) мотивацией («ding» – звук, который издает колокол).

Во-вторых, можно говорить о наличии такого индикатора мотивации, как рифма.

В-третьих, поскольку изначально слово ding-a-ling употреблялось для обозначения звука, издаваемого колоколом, а затем стало обозначать человека, кото-

рый слышит звон колоколов в своей голове и, наконец, психически неуравновешенного человека, безумца, то можно заключить, что значение рассматриваемого слова является переносным, а, следовательно, оно обладает семантической мотивацией.

При анализе слова goo-goo – «сумасшедший» следует обратить внимание на то, что данное слово является чисто-редупликативным образованием, т. е. редупликация выступает здесь как главный индикатор мотивации. Во-вторых, настоящий редупликат является семантически мотивированным, т. к. первоначально слово goo употреблялось только в значении «неприятная, липкая субстанция», и лишь затем обрело переносное значение, войдя в состав редупликата. Также можно отметить то, что редупликат goo-goo является эндоцентрическим, т. к. оба его компонента составляют значение слова.

Рассматривая слово hyte-styte – «чушь, безумие», можно судить о наличии такого факультативного типа, как морфологическая мотивация, поскольку значение всего слова вытекает из значения его компонентов (hyte – «сумасшедший, безумный, разъяренный», stite – «чушь, абсурд»). Из обязательных типов в слове hyte-styte можно обнаружить рифму. Также при рассмотрении слова hyte-styte на предмет обнаружения мотивировочной базы, можно выяснить, что данный редупликат является эндоцентрическим, поскольку он мотивирован одним из компонентов (hyte – «сумасшедший, безумный, разъяренный»).

При анализе слова shally-wally – «чепуха, пустая болтовня» можно говорить о переносном значении компонентов (shallow – «неглубокий, пустой», wally – «дурак»), а, следовательно, о наличии семантической мотивации и мотивации через рифму (как одного из обязательных типов). Как и слово hyte-styte редупликат shally-wally является эндоцентрическим.

Подводя итог, можно сказать, что мотивация слов представляет собой сложную многоплановую систему. Анализ шестнадцати эмотивно-оценочных лексических единиц со значением «безумие», показал, что четырнадцать слов (88 %) являются семантически мотивированными, семь из которых при этом обладают и морфологической мотивацией, и лишь два слова (12 %) имеют фонетическую мотивацию. Можно сделать вывод, что семантическая мотивация в этом тематическом разряде слов является наиболее часто встречающимся типом. Это можно объяснить тем, что значительная часть слов, обозначающих «безумие», имеет переносное значение с отрицательно-оценочной коннотацией. В одиннадцати из тринадцати проанализированных редупликатов, как можно было убедиться, наблюдается наличие звуко-символической мотивации через аблаут (в пяти редупликатах – 38 %) или рифму (в шести редупликатах – 46 %), которые усиливают их отрицательно-оценочное значение.

Литература

1. Лопатин, В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании / В. В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Вып. 1. – Ташкент, 1975.
2. Маковский, М. М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология / М. М. Маковский. – М.: КомКнига, 2005.

3. Петрова, Л. И. Редупликация в английской словообразовательной системе: дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Петрова. – ЛГПИУ, 1978.
4. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989.
5. Сафарова, К. А. Структурная мотивировка слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. А. Сафарова. – Л., 1970.
6. Судзиловский, Г. А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. – М.: Воениздат, 1973.
7. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М., 2007.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
9. Arnold, I. V. The English word / L. V. Arnold. – М.: Высшая школа, 1986.
10. Marchand, H. The categories and types of present-day English word-formation / H. Marchand. – München: Verlag C. H. Beck. Second edition, 1969.
11. Thun, N. Reduplicative words in English / N. Thun. – Uppsala, 1963.
12. Ullmann, S. The principles of semantics / S. Ullmann. – Glasgow, 1969.
13. Онлайн-словарь Cambridge Online Dictionary. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary-british>
14. Онлайн-словарь Longman Dictionary of Contemporary English. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com>
15. Онлайн-словарь Macmillan Online Dictionary. – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>
16. Онлайн-словарь Merriam-Webster online Dictionary. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>
17. Онлайн-словарь Oxford English Online Dictionary. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>

Информация об авторе:

Маркелова Лиана Вадимовна – аспирант Псковского государственного университета (ПсковГУ), ассистент кафедры английского языка, +7 (963) 337-61-06, right666@hotmail.com.

Liana V. Markelova – post-graduate student, Assistant Lecturer at the Department of the English Language, Pskov State University.

Статья поступила в редколлегию 10.01.2014 г.

УДК 81-112

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМЕНИ КОНЦЕПТА *STUDENT* В. С. Новикова

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE NAME OF THE CONCEPT *STUDENT* V. S. Novikova

Исследование проведено при поддержке индивидуального гранта НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)» г. Красноярск от 27 марта 2013 г. (договор АМ -53\13).

В статье рассматривается слово-имя концепта *STUDENT* в диахроническом аспекте. На основе этимологических, толковых и словообразовательных словарей английского языка прослеживается изменение лексико-семантической структуры этого слова, появление новых лексем/семем в концептуальном поле *STUDENT*.

The paper examines the word-name of the concept *STUDENT* in diachronic aspect. On the basis of etymological, explanatory and word-formative dictionaries of the English language the changes in the lexical and semantic structure of this word as well as the formation of new lexemes/sememes in the conceptual field *STUDENT* are analyzed.

Ключевые слова: английский язык, концепт *STUDENT*, историко-этимологический анализ ключевого слова концепта.

Keywords: English language, concept *STUDENT*, historical and etymological analysis of key word of concept.

Одним из аспектов взаимодействия лингвистики, культурологии и философии является наличие в их арсенале таких понятий, как "концепт" и "концептосфера" – важных ступеней в постижении особенностей и закономерностей взаимодействия языка, культуры и сознания. «Концепт – это замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте, это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума зна-

чения» [2, с. 89]. Концепты изучаются с помощью так называемого «концептуального анализа». Концептуальный анализ, по утверждению Е. С. Кубряковой, хотя и обнаруживает точки соприкосновения с семантическим анализом, имеет другие конечные цели. Если последний направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концеп-

тов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ идет к знаниям о мире. Под "концептами" же понимаются образы содержания знаков, единицы сознания, составляющие часть общей концептуальной модели мира [1, с. 85].

В специальной литературе апробированы различные методики анализа концептов, предложенные такими исследователями, как В. З. Демьянков, Р. М. Фрумкина, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, С. Е. Никитина, В. И. Карасик и др. Разновидность концептуального анализа, разработанная Ю. С. Степановым, именуется историко-этимологической. Ученый отслеживает эволюцию содержания концепта, начиная с анализа его «внутренней формы» и заканчивая анализом современного содержания концепта [3, с. 121].

Историко-этимологический анализ направлен прежде всего на выяснение происхождения слова-имени концепта, выявление первоначальных значений этимона, исследование истории значения / значений слова, так как «наличие у слова этимологической перспективы, с одной стороны, может способствовать многомерности его восприятия, а с другой – расширять возможности его употребления в соответствии с этимологическим спектром значений» [4, с. 65].

В данной работе слово-имя концепта STUDENT рассматривается в диахроническом аспекте. Для определения основных понятийных признаков данного концепта прежде всего обратимся к словарным дефинициям его базовой номинации *Student*, представленной в этимологических, толковых и словообразовательных словарях английского языка: “Etymology Dictionary”, “Chambers Dictionary of Etymology”, “Collins English Dictionary” etc.

По данным одного из этимологических словарей английского языка (Etymology Dictionary, Douglas Harper, 2010) [7]: Student (n) – late 14 c., from Old French *estudiant* “one who is studying”, from Medieval Latin *studiare* “to study”, from Latin *studium* (study). Student-teacher is attested from 1907. Т. е. студент – это тот, кто учится. Здесь же даётся ссылка на глагол *study* (учиться): early 12 c., from Old French *studier* “to study” (French *etude*), from Medieval Latin *studiare*, from Latin *studium* “study, application,” originally “eagerness”, from *studere* “to be diligent” (to be pressing forward). The noun meaning of the word *study* “application of the mind to the acquisition of knowledge” is from c. 1300. Согласно этим сведениям указанная лексема восходит к старо-французскому слову *estudiant* ‘тот, кто учится’ и к латинскому слову *studium* ‘учиться’. Таким образом, лексема приобретает 2 смыла: а) тот, кто (one who) и б) учиться (is studying).

Обучаемые в университете средневекового Парижа с XIII в. назывались **студентами** (от лат. *studere* «усердно заниматься»), впоследствии это наименование распространилось и дошло до наших дней. С XIV в. в Париже стали появляться так называемые «педагогики», когда учитель содержал на полном пансионе учеников, доверенных ему родителями. К середине XV в. студенты делились на безнадзорных студентов, пансионеров, платящих за «педагогиков», и студентов, живших в колледжах [13]. Следует также отметить, что в середине XIV в. начинает использоваться от глагола *study* производное прилагательное *studious*, что означает «прилежный, ста-

рательный, усердный». Оно пришло в английский язык из латинского языка, где имело форму *studiosus* «рьяный, жаждущий».

Толковый словарь “Collins English Dictionary” [6] даёт определение лексеме *Student* таким образом: student – n [с. 15: from Latin *studēns* diligent, from *studēre* to be zealous].

1. a. a person following a course of study, as in a school, college, university, etc.

b. (as modifier): student teacher;

2. a person who makes a thorough study of a subject.

Таким образом, в этом источнике подтверждается сохранение основных компонентов значения имени концепта, также указывается происхождение лексемы *Student* от латинского слова (stem of *studēns*). Здесь поясняется, что первое значение слова – это: 1. а. «человек, следующий курсу обучения в школе, колледже, университете и т. д.» 1. b. в качестве модификации семемы указывается ‘студент-практикант’; 2. «человек, который усердно изучает предмет». Это позволяет констатировать, что с исторической точки зрения в английском языке семантическим ядром заимствованной лексической единицы является ‘учащийся человек’. Также мы видим, что к XV в. значение слова расширилось и уже *Student* – это, во-первых, ‘тот, кто учится ‘усердно’, во-вторых, ‘тот, кто учится в каких-либо конкретных учреждениях ‘школе, колледже, университете’. Дополнительно появилось сочетание ‘студент-практикант’.

Все вышеизложенное свидетельствует о семантическом расширении слова *Student* к XV в.: появлении нового лексико-семантического варианта, о наличии коннотативно окрашенной семы ‘усердно’.

Другой словарь – “Concise Etymological Dictionary of the English language” [11] – также подтверждает этимологию ключевой лексемы: – *Student* (from Latin *student* stem of present of ‘*studere*’, to be busy about, to study). Т. е. *студент* восходит к латинскому корню *studere* ‘быть занятым, учиться’.

В XVII в. наставническая система признается частью английской университетской системы, постепенно вытесняющей профессорскую систему. С 1700 г. по 1850 г. в английских университетах не было публичных курсов и кафедр. К экзаменам студента готовил наставник. Когда в конце XIX в. в университетах появились и свободные кафедры (частные лекции), и коллегиальные лекции, то за студентом осталось право выбора профессоров и курсов. В течение XVIII – XIX вв. в старейших университетах Англии наставническая система не только не сдала своих позиций, но заняла центральное место в обучении; лекционная система служила лишь дополнением к ней [14]. Словари этого времени иллюстрируют расширение лексико-семантического поля *Student* новыми единицами вследствие становления естественных наук в мире. Так, например, в словаре “Cambridge English Vocabulary” [5] – *Student* [noun] [C] – a person who is learning at a college or university, or sometimes at a school – chemistry student (= someone learning about chemistry) a postgraduate student, student teacher (= a person training to become a teacher), student politics (= political activity at colleges and universities). «Человек – учащийся колледжа или университета или иногда учащийся школы». Появляются словосочетания: *chemistry student* ‘студент-химик’, *postgraduate student* ‘аспирант’, *student politics* ‘студент-политик’.

Словарь “Roget’s Thesaurus of English words and phrases” [10] показывает обширное лексико-семантическое поле *Student*, включающее новые дериваты. *Student* – collegian, seminarist, undergraduate, freshman, sophomore, alumnus, commoner, exhibitioner, graduate, postgraduate, fellow, mature student, researcher, specialist / Студент – студент колледжа, семинарист, аспирант, первокурсник, студент-второкурсник, выпускник, студент, не получающий стипендии, стипендиат, выпускник, аспирант, научный сотрудник, взрослый студент, исследователь, специалист. Безусловно, образование новых единиц связано с изменениями в системе образования.

К XX вв. лексема *Student* приобретает огромное количество вариаций, конкретизирующих или уточняющих выражаемое ею значение, но при этом ключевая номинация сохраняется и подразумевает человека, учащегося в школе, колледже, университете.

Словарь “Oxford Advanced Learner’s English Dictionary” [8] фиксирует следующее.

STUDENT [~] 'stju:dnt; NAmE'stu: / noun

1. A person who is studying at a university or college: a medical / science, etc. a graduate / postgraduate / research student, an overseas student, a student teacher, a student grant / loan (= money that is given / lent to students to pay for their studies), student fees (= to pay for the cost of teaching), mature student.

2. A person who is studying at a school, especially a secondary school: A 15-year-old high school student.

3. A student of something, a person who is very interested in a particular subject: a keen student of human nature.

Данный словарь демонстрирует разграничение трех лексико-семантических вариантов *Student*. В первом значении, которое приводится в указанном словаре, четко видно расширение объема значения имени концепта: студент-медик, студент-исследователь, выпускник, аспирант, практикант, иностранный студент. Второе значение слова указывает не только на обучающихся в университете, но и на учащихся в школе (эта семема имеет самые ранние фиксации в словаре). Третье значение трактуется как «студент чего-либо, человек, очень заинтересованный в определенной дисциплине, например: увлеченный обществознанием студент». В последнем случае констатируется новая сема, имеющая положительную окраску: «очень заинтересованный».

Другой современный источник “Longman Dictionary of Contemporary English” [9] даёт такую информацию:

1. Someone who is studying at a university, school etc., e. g. a first-year student at the University of Oslo. Law/science/medical etc student. A/B/C student (=a student who always gets A's, B's etc).

2. A student of something to be very interested in a particular subject: He's obviously an excellent student of human nature.

Авторы словаря определяют первое значение лексемы *Student* как «лицо, обучающееся в университете, школе и т. д., иллюстрируя его словосочетаниями *студент*

технического профиля (science), студент-отличник, хорошист, троечник) (в американской системе оценивания пятерка – это А, четверка – это В, тройка – это С и т. д.). Это показывает рост деривационного потенциала и расширение номинативного поля *Student*. Также авторы указанной работы уточняют приоритетность учебных заведений: студент – это прежде всего тот, кто учится в университете (на первом месте), затем в школе и т. д. Второе же значение идентично значению лексемы *Student*, указанному в словаре “Oxford Advanced Learner’s English Dictionary”.

Еще один современный словарь “The Oxford Dictionary and Thesaurus” [12] предлагает следующую трактовку имени анализируемого концепта:

1. A person who is studying, especially at university or another place of higher education.

2. (attributive) studying in order to become a student of university.

3. A person of studious habits.

4. A graduate recipient of a stipend from the foundation of a college, especially a fellow of Christ church, Oxford.

Из этих сведений следует, что первое значение – это «человек, который учится, в особенности в университете или в другом высшем учебном заведении». Тем самым авторы указанного источника ставят на первое место семеме ‘студент – учащийся преимущественно только вуза’. Второе значение указывает на образование прилагательной формы и определяет *Student* как «учащийся, который планирует стать студентом университета». Третье же значение вновь подтверждает наличие мелиоративной семы ‘усердно’ в семеме ‘человек, привыкший усердно заниматься’. В четвертом значении авторы подчеркивают территориальную принадлежность понятия *студент*, ссылаясь на г. Оксфорд – «выпускник, получатель стипендии с начала образования колледжа, особенно ученик Церкви Христа в Оксфорде».

Подводя итоги анализа имени концепта *STUDENT* в диахроническом аспекте, необходимо подчеркнуть, что содержательным ядром лексемы является ‘учащийся человек’. Историко-этимологический анализ позволяет понять, какие культурные процессы в английском обществе легли в основу формирования содержания рассматриваемого концепта. Используемые словари, отражающие современный английский язык, демонстрируют развёрнутую семантическую структуру *Student*, означающую не только ‘того, кто учится’, но и употребляющуюся относительно любого лица, которое что-либо изучает в конкретных учреждениях: школе, колледже, университете. Однако главной семой в современном английском языке становится ‘студент вуза’. Также в процессе исследования были выявлены семы с положительной коннотацией ‘усердно’, ‘очень заинтересован’, что указывает на наличие оценочной окраски у ключевого слова. На основе лексикографических данных становится очевидным, что на протяжении столетий концепт *STUDENT* подвергся определенным изменениям.

Литература

1. Кубрякова, Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память. Логический анализ языка. Культурные концепты / Е. С. Кубрякова; под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 2008. – С. 85 – 91.
2. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 89 – 95. – (Серия: Литература ин. яз.).

3. Степанов, Ю. С. Концепт. Словарь русской культуры. Опыт исследования: школа «Языки русской культуры» / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
4. Яковлева, Е. С. Час в русской картине времени / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – М., 1995. – № 6. – С. 54 – 76.
5. Cambridge English Vocabulary. Cambridge University Press. – 1995. – 1447 p.
6. Collins English Dictionary. Harpers Collins Publishers. – 1999. – 1785 p.
7. Douglas Harper. Etymology Dictionary. – 2010. – 530 p.
8. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's English Dictionary. Oxford University Press / A. S. Hornby. – Oxford, 1998. – 1428 p.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. – 1997. – 734 p.
10. Roget, P. M. Roget's Thesaurus of English words and phrases / P. M. Roget. – 1984. – 776 p.
11. Skeat, W. W. Concise Etymological Dictionary of the English language / W. W. Skeat. – Oxford, 1936. – 664 p.
12. Tumoch, S. The Oxford Dictionary and Thesaurus / S. Tumoch. – Oxford, 1995. – 1547 p.
13. Средневековый Париж. – Режим доступа: http://medieval-paris.ru/obrazovanie_nauka.html (дата обращения: 15.09.2013).
14. Ковалёва, Т. М. Возможности тьюторского сопровождения в современном вузе // Тьюторская ассоциация. – Режим доступа: <http://www.thetutor.ru/higher/article01.htm> (дата обращения: 02.10.2013).

Информация об авторе:

Новикова Вера Станиславовна – соискатель, преподаватель Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(3822) 56-35-81, veranovikova@sibmail.com, enjoy50@mail.ru.

Vera S. Novikova – post-graduate student, Lecturer at National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 02.12.2013 г.

УДК 81'367.625:811.161.1'37

СЕМАНТИКА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ-СВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Ж. Ю. Полежаева

THE SEMANTIC OF THE RUSSIAN VERBS DENOTING LIGHT

Zh. Yu. Polezhaeva

В данной статье описываются лексико-семантические и семантико-синтаксические особенности глаголов-светообозначений в русском языке: предлагается лексико-семантическая классификация данных глаголов, определяется семантический признак, на основании которого глаголы включаются в лексико-семантическую группу светообозначений, перечисляются семантические роли, которые способен выполнять *свет* как Участник ситуации. В статье также отмечаются особенности глагольной концептуализации идеи света в русском языке.

The paper describes the lexical and semantic as well as semantic and syntactic features of verbs denoting *light* in the Russian language: the lexical-semantic and classification of these verbs is proposed, the semantic feature on whose basis the verbs are included in the lexical-semantic group of *light* is defined, the semantic roles that *light* can perform as a Participant of the situation are listed. The article also defines the particular verbal conceptualization of the idea of *light* in the Russian language.

Ключевые слова: глаголы-светообозначения, глагольная концептуализация, семантические роли, *свет* как Участник ситуации.

Keywords: verbs denoting *light*, verbal conceptualization, semantic roles, *light* as Participant of the situation.

В последние годы заметно усилился интерес к изучению языковых светообозначений (СО), что вполне объяснимо на фоне тех интенсивных исследований национальной и лингвокультурной специфики языковой картины мира, которые мы наблюдаем в современной лингвистике.

В языкознании уже предпринимались попытки сопоставительного описания светообозначений в разных языках на предмет выявления их этнокультурной специфики, проводился ассоциативно-психологический эксперимент с носителями русского языка и т. д. [5; 2; 3; 6]. Однако семантика данных глаголов в пол-

ном объеме не описывалась, и практически никак не рассматривались механизмы глагольной концептуализации, задействуемые конкретным – и в частности русским – языком для обозначения светового признака. Между тем, исследование в данном направлении может дать новые сведения о путях и способах освоения русской языковой системой сущностных признаков действительности. Особенно продуктивен для русистики в этом плане глагол, ведь даже самое беглое знакомство с русскими письменными и устными текстами показывает, что СО тяготеют во многом именно к глагольной репрезентации, поскольку физи-

ческий феномен света – явление динамическое, «текучее», и, следовательно, по своим природным характеристикам уже изначально предполагающее выражение не только посредством предметных имен, но и глагольных.

Глаголы-светообозначения довольно широко представлены в лексико-семантической системе современного русского языка. По результатам выборки из «Словаря русского языка» (в 4-х т., под ред. А. П. Евгеньевой), таких глагольных светониминаций насчитывается 428. Содержательная структура всех этих глаголов так или иначе оказывается связанной с различными образами света, в том его виде, в каком его представляет себе русский человек, но степень этой «связанности» сильно разнится от глагола к глаголу. Давая ниже классификацию глагольной лексики, описывающей реальность света или его значимое отсутствие во внутреннем и внешнем мире человека, мы исходили из своеобразия семного состава глагольного значения.

В лексической системе современного русского языка мы выявляли глаголы-СО по принципу указания ими на наличие или значимое отсутствие светового признака. Сам *световой признак* далее понимается нами как: *семантическая способность глаголов применительно к характеристике внешнего мира обозначать такие зрительно воспринимаемые свойства артефактов или естественных явлений природы, которые характеризуют ту или иную степень проявления ими лучистой или электрической энергии (т. е. свет, блеск, блик и т. п.).*

В такой интерпретации *световой признак* (как и его значимое *отсутствие*) представляет собой семантический комплекс характерных сем.

Как известно, глобально присущей всем глагольным значениям семой является сема «*процессуальность*». Именно эта сема не позволяет трактовать выделенный нами в качестве определяющего для глаголов-светообозначений семантический признак просто как «наличие (или отсутствие) света». Роль этой семы в организации глагольного значения такова, что все другие семы оказываются от нее в жесткой зависимости, несмотря на тот или иной их статус в содержательной структуре глагола. Создавая иллюзию действия, динамичности, глагол может указывать своим значением и на реально статическую ситуацию, не прибегая к дополнительным лексическим средствам.

Следующей по значимости семный уровень представляют семы, отражающие признаки денотата, или денотативные семы, которые представляют собой семантические компоненты, отражающие лингвистически релевантные элементы обозначаемой ситуации. Р. М. Гайсина, основываясь на опыте ведущих отечественных лексикологов, предложила систему денотативных сем глагола условно поделить на субстанциональные и несубстанциональные [1, с. 13 – 22]. Нам такое деление кажется справедливым, и вслед за Р. М. Гайсиной мы в денотативной части глагольного значения выделяем:

1. Несубстанциональные семы

а) доминирующие: семы «*бытийности*» и «*становления*». На основе этих сем все глаголы делятся на

статические и *динамические* (хотя, конечно, в целом русская глагольная система не исключает и наличие переходных классов – «полустатических» и «полудинамических» глаголов типа *лежать, сидеть* [8, с. 20 – 32]); семы *действие, состояние, отношение*. Отметим, что именно на основе этих сем строится традиционная семантическая классификация глаголов.

Для семантической классификации глагольных лексем, обозначающих свет или его значимое для человека отсутствие, семы *бытийности* и *становления* оказываются релевантными (первая ступень иерархии). Вся глагольная лексика СО распределяется между этими семами, например, *блестеть, лучиться, сиять* содержат в своей семантике сему «*бытийности*», глаголы *светать, светлеть, темнеть* – сему «*становления*»;

б) специфичные: семы, на основе которых выделяются конкретные лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов: *глаголы движения, глаголы положения в пространстве, глаголы мышления, глаголы светообозначения* и т. д. Они *специфичны* для каждой из этих групп. Для глаголов-СО в качестве специфичных сем выступают семы «*свет*», «*блеск*», «*излучать*», «*видимость*» (вторая ступень иерархии). Данные семы позволяют выделить глаголы-СО в отдельную ЛСГ из всего пласта глагольной лексики;

в) квалифицирующие: семы, которые являются определяющими при распределении глаголов по подгруппам внутри ЛСГ (третья ступень иерархии). Для глаголов-светообозначений квалифицирующими являются: сема «*светоотражаемость*» (подгруппа «*излучать, испускать отраженный свет, блеск*»), ср.: *отсвечивать, отблескивать*; сема «*светопроницаемость*» (подгруппа «*излучать, испускать проникающий свет, блеск*»), ср.: *проникнуть-проникать*³, *просочиться-просачиваться*¹; сема «*светопропускаемость*» (подгруппа «*становиться/стать ясным, светлым, блестящим*»), ср.: *проЯсниться-проЯсниться*, *просветлеть-светлеть*¹; сема «*огонь*» (подгруппа с общим значением «*поддаваться действию огня, выделяя свет*»), ср.: *гореть-сгореть*¹, *пылать*¹ и др.

В целом же, распределение глаголов по подгруппам зависит от комбинации различных сем.

Особняком стоит сема «*интенсивность (проявления светового признака, т. е. излучаемости)*». Она бывает «*максимальная*», «*высокая*», «*умеренная*», «*низкая*», «*крайне низкая*». Особняком стоит также сема «*равномерность/неравномерность (= прерывистость)*». Данные семы не участвуют в распределении глаголов по подгруппам, их можно обнаружить в семантике глаголов разных подгрупп.

II. **Субстанциональные семы** отображают *функциональные, качественные, количественные признаки* предметов – участников обозначаемой глагольной ситуации.

Функциональные семы указывают на семантическую роль, которую играет участник ситуации (Субъект, Каузатор, Объект, Пациент, Бенефициант, Инструмент и т. д.). Функциональные семы более чем какие-либо другие, «имеют выход» на валентность и синтагматику глагола.

Количественные семы дают обобщенно-количественную оценку участникам ситуации, а *кваликативные семы* характеризуют участников обозначаемой по обобщенно-качественным признакам.

Между всеми указанными выше несубстанциональными и субстанциональными семами существует тесная связь. Они выстраиваются по иерархии: по принципу убывания абстрактности. Жесткая иерархичность данных семантических компонентов позволяет некоторым исследователям называть их «иерархизованными» и противопоставлять им те, которые не выстраиваются в столь жесткую «лестницу соподчинения», а в виде «особой автономии» как бы надстраиваются над данной «иерархией». Это так называемые «автономные семы», которые могут иметь как грамматическую, так и лексическую природу. Лексические автономные семы, например, могут отражать самые различные впечатления от денотата, его эмоциональную или рациональную оценку и т. д. Грамматические автономные семы «привносятся» обычно различными аффиксами и являются «индикаторами» усложнения не только исходной лексической, но и исходной грамматической семантики.

Такова в общем виде семная структура денотативной части глагольного значения. Сигнификативная же часть представлена максимально абстрагированными семантическими компонентами и связана не с действительностью, «а с ее отражением в сознании человека» [4, с. 81]. На уровне глагольной лексики сигнификативная специфика хорошо прослеживается в аспектуальном распределении конкретных глаголов, поскольку семы сигнификативного плана в глагольных значениях связаны, в первую очередь, со *способом языкового отображения* означаемого процесса. Такие семы как *начинаемость*, *терминативность* (*предельность/непредельность*), *фазовость* и т. д., безусловно, являются аспектуально значимыми семами. Их иногда рассматривают как конкретные средства проявления общих концептов, лежащих в основе категоризации глагольных лексем, а именно: статичности / динамичности и изменения (гетерогенности) / стабильности (гомогенности) [8, с. 19].

Подчеркнем, что данные семы неразрывно связаны с денотативными семами, так что иногда бывает трудно разграничить, где заканчивается денотативная часть и начинается сигнификативная.

И, наконец, по роли в организации значений слов можно выделить *доминирующие семы*, играющие решающую роль в организации значений слов, и *недоминирующие*. В качестве *доминирующих* в глаголах-СО выступают семы «свет», «излучать». Они организуют значения глаголов, составляющих ядро ЛСГ.

Сочетания указанных сем образуют в своей тесной спаянности семантические комплексы, или *семантические признаки*, которые в зависимости от градации по шкале от «+» до «-», квалифицируются как *'наличие светового признака'* или *'отсутствие светового признака'*. По этим признакам глаголы-СО классифицируются на соответствующих два больших класса. Все другие семы влияют на распределение глаголов по подклассам внутри указанных классов.

В основе построения лексико-семантической классификации глаголов-СО лежат денотативные семы. Лексико-семантическая группа глаголов-СО имеет полевую структуру: собственно глаголы-СО с ядром группы, относительную и крайнюю периферию. Всего выделено 12 подгрупп «света» и 3 подгруппы «тьмы», из которых 6 составляют ядро ЛСГ:

I) подгруппа с общим значением «излучать, испускать, давать свет» (*светить* 1, 2, *излучаться*);

II) подгруппа «излучать, издавать блеск» (*блестеть* 1, *искриться*);

III) подгруппа «излучать, испускать отраженный свет, блеск» (*отсвечивать*, *отразить* – *отражать* 2);

IV) подгруппа «излучать, испускать проникающий свет, блеск» (*проникнуть* – *проникать* 1, *просветить*¹ – *просвечивать*);

V) подгруппа «становиться / стать ясным, светлым, блестящим» (*проясниться* – *проясняться*, *светлеть* – *посветлеть* – *просветлеть* 1);

VI) подгруппа с общим значением «гореть» (*гореть* – *сгореть* 1, *пылать* 1) и *тьмы*:

I) подгруппа «делать / сделать (стать / становиться) менее проницаемым для света и недоступным для зрения, застилая, обволакивая, скрывая что-либо» (*затуманить* – *затуманивать* – *туманить*, *обволоочь* – *обволакивать*);

II) подгруппа «прекращение свечения или горения, сопровождаемого выделением света» (*погаснуть* – *погасать* – *гаснуть* 1, *отсветить*);

III) подгруппа «стать / становиться темным, покрыть(-ся) / покрывать(-ся) мраком» (*темнеть* – *потемнеть* 1, 4, *смеркнуться* – *смеркаться* 1).

Многие подгруппы, в свою очередь, подразделяются на более мелкие подгруппы.

Относительную периферию составляют глаголы, в семантике которых все еще имеется указание на присутствие или отсутствие светового признака, но уже появляются семы «несветового» характера: *'цвет'*, *'тепло'*, *'действие'* и др. Это глаголы, которые составляют периферию разных подгрупп данной ЛСГ и некоторые подгруппы в полном своем составе, например, *подсветить* – *подсвечивать* (*фонариком*), *золотиться* 2, *печь*¹ 2 (*о солнце*).

Крайняя периферия представлена глаголами, в семантике которых свет присутствует опосредованно. Своими вторично-номинативными значениями они в основном описывают психические, физические, ментальные состояния человека, проявления им каких-либо своих способностей по освоению внешнего мира:

I) подгруппа «внешний вид человека, изменение внешнего вида» (*потухнуть* – *потухать* – *тухнуть* 1(*перен.*), *сиять* 3(*перен.*) (*о лице, глазах*));

II) подгруппа «чувства и состояния человека, их изменение; инициирование изменения» (*зажечься* – *зажигаться* 2(*перен.*), *отуманиться* – *отуманиваться* – *туманиться* 2(*перен.*) (= *опечалиться*));

III) подгруппа «ментальные состояния и способности человека» (*озарить* – *озарять* 2(*перен.*), *затемнить* – *затемнять* 3(*перен.*));

IV) подгруппа «**социальная активность человека**» (*блистать 3(перен.)*, *погореть – погорать 3(перен.)*).

Подгруппы, в свою очередь, подразделяются на более мелкие подгруппы.

Глаголы со значением «наличие светового признака» в своем переносном значении передают в основном положительные моменты, связанные с жизнью человека: положительные эмоции и состояния человека; ментальные состояния человека, связанные с прояснением сознания, озарением мыслью; социальную активность человека. Глаголы, обозначающие значимое отсутствие света, в своем переносном значении передают подавленные эмоциональные состояния человека и его отрицательные эмоции; прекращение чувства; болезнь и смерть человека.

Как можно заметить, глаголами световой семантики обозначаются не только процессы, связанные с излучением световой энергии, но и различные состояния человека, его достоинства, ментальная деятельность и т. д. Глагольная световая лексика очень убедительно отражает дуальность восприятия мира русским человеком: «внешний мир» – мир артефактов и природной стихии, иными словами, это материальный мир, который нас окружает; и «мир людей»: их эмоции, чувства, мысли, отношения с другими людьми и т. д. «Дуальный характер» глаголов-СО является одной из особенностей глагольной концептуализации идеи света русским человеком.

Глаголы-СО, как и другие глагольные предикаты, являются основными репрезентантами ситуации. Именно на этом уровне («конструирования» ситуации) обнаруживается следующая особенность глаголов-СО – их природная антропоориентированность, т. е. ориентированность на выражение присутствия человека в ситуации светообозначения. Одним из Участников ситуации, обозначаемой глаголами-СО, является Наблюдатель – Субъект восприятия, который не находится в фокусе внимания, но всегда обязательно присутствует. Данный Участник ситуации «имеет ранг Нуль» [7, с. 21]. Незримое присутствие Наблюдателя проявляется в том, что именно человек видит свет во всей гамме его проявлений и может оценить интенсивность и характер излучения. В результате проведенного анализа было выявлено 12 денотативных форм проявления светового признака: от яркого излучения, отсветов, отблесков, бликов и т. п. до полного его отсутствия, что было представлено в виде своеобразной шкалы, отображающей этот постепенный переход.

Другим Участником ситуации всегда является свет в различных формах своего проявления. Как обязательный Участник **свет** способен выполнять разные семантические роли, например, роль **Субъекта**, которая в зависимости от ситуации конкретизируется в следующих типах:

а) **Экзисциенс** (*В комнате горит свет* (= в комнате **есть** свет); *Солнце / Луна / Звезда светит* (= 'значит, они **есть**')

б) **Агнс**. Эта роль применительно к неодушевленным феноменам, каковым и является свет, возможна только в случае олицетворения (*Через тьму кустов глядит солнце рубиновым глазом, через кусты*

этот красный глаз не больше человеческого (М. Пришвин); Солнце светило сквозь окно, выходявшее на цветник, и кидало яркие лучи на постель (Гаршин);

в) **Каузатор** (*...в ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами ... (М. Лермонтов);*

г) **Сила** (*А солнце жжет и печет по-прежнему. Руки и лицо у меня давно обожжены (Гаршин); Дым и пыль стояли в воздухе, и солнце немилосердно калило (Фадеев).*

Ситуацию с данным Участником (Сила) в подавляющем большинстве случаев описывают глаголы подгруппы «подвергать(-ся) / подвергнуть(-ся) тепловой обработке в результате воздействия света или огня» (*палить¹ 5, жечь², печь¹ 2*) и глаголы подгруппы «уничтожать(-ся) / уничтожить(-ся) огнем, солнечным зноем» (*выжечь – выжигать 1, испелить – испелять – пепелить*).

Свет как обязательный Участник ситуации способен выполнять семантическую роль **Объекта**, а именно: **перцептива** (*Я видел впереди свет / сполохи / отблески / отсветы*), **объектива** (*Она притушила свет / огонь лампы*), **элиминатива** (*Она погасила свет / свечу / лампаду*), **результатива** (*Он зажег свет / лампу / огонь*). Глаголы, описывающие ситуации с данными Участниками, относятся к периферии ЛСГ: *зажечь, разжечь, потушить, затушить, притушить* и др. Субъект обязательно выступает как активный деятель, лицо.

Свет как обязательный Участник ситуации также способен выполнять семантическую роль **инструмента** (*Машина выхватила светом фар неясную фигуру на дороге; Солнце озарило своим светом верхушки деревьев*).

Перечисленные выше роли являются **актантными ролями**, что соответствует **обязательным** Участникам в обозначаемой ситуации. Их присутствие «в ситуации однозначно предсказывается смыслом глагола» [7, с. 20].

Свет как Участник ситуации также может выполнять различные **сирконстантные роли**, которые соответствуют **необязательным, факультативным** Участникам ситуации. Е. В. Падучева назвала факультативных Участников ситуации **атрибутами** ситуации, которые указывают «ее причину, время, место, инструмент, способ действия, скорость (для изменений) и др. параметры или обстоятельства» [7, с. 20].

Это **Локатив** (*Он повернулся спиной к свету*); **Комитатив** (*Она читала при свете лампы; Он разбирал вещи в полной темноте*); **Каузатив** (*Больница – вся светилась от заходящего солнца и, казалось, горела внутри (А. Чехов)* (свет солнца – причина того, что больница светилась). Как правило, подобные предложения описывают ситуацию с «отраженным» светом: *Овес уже поспел и теперь на солнце отсвечивал, как перламутр (А. Чехов)* (свет солнца – причина того, что овес светится отраженным светом). Свет «испускают» те предметы, которые на самом деле не являются источником света (овес, снег, водная гладь и т. д.). Они «светятся», «блещут» *отраженным светом*, получая его от естественных источ-

ников (солнца, луны, звезд, свечи и т. д.). Сам же свет солнца, луны, свечи является причиной их «свечения».

Рольевые характеристики глаголов-СО имеют одну особенность: свет как участник ситуации может быть выражен эксплицитно – в виде синтаксического актанта, а может выражаться и имплицитно, как бы «инкорпорироваться» в содержательную структуру глагольного значения.

Когда эксплицитное и имплицитное выражение света как обязательного Участника ситуации совмещается, получается своеобразный «семантико-синтаксический дубль». В этом заключается еще одна особенность русских глаголов-СО с точки зрения их рольевой структуры. Ср.: *Около накренившегося автомобиля стояла группа военных, человек восемь – десять. Из них двое в ординарной военной форме, забрызганные грязью, с винтовками старого образца, с примкнутыми неуклюжими австрийскими штыками. Серый отблеск утра блеснул в широких лезвиях штыков (Ю. Домбровский); Вся она светилась каким-то*

внутренним светом. Для русского языка совершенно обычны выражения типа *свет светится; свет сияет; отблески блестят; светить(ся) серебристым светом* и под. Именно такая лексика, где происходит подобное совмещение, составляет ядро ЛСГ русских глагольных СО: *светить(ся), лучиться, искриться, сиять, сверкать, блестеть, озарить – озарять, темнеть, мрачнеть* и др.

Подобное дублирование показывает, насколько важным оказывается для русского человека обозначение присутствия света в концептуализируемой ситуации, ведь повторение всегда свидетельствует не только об интенсивности выражаемого признака, но и о его значимости.

Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что современный русский язык довольно активно задействует лексико-грамматический потенциал своей глагольной системы для обозначения присутствия или отсутствия света во внешнем и внутреннем мире человека. Думается, что эта глагольная лексика заслуживает самого пристального изучения.

Литература

1. Гайсина, Р. М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения): учеб. пособие / Р. М. Гайсина. – Уфа, 1980. – 78 с.
2. Григорьева, Т. В. Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Григорьева. – Уфа, 2004. – 253 с.
3. Гуревич, А. Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Гуревич. – Махачкала, 2005. – 168 с.
4. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебник / И. М. Кобозева. – М.: Издательство УРСС, 2000. – 352 с.
5. Корнеева, Е. В. Образ тьмы в художественной системе Леонида Андреева / Е. В. Корнеева // Художественный текст и культура. – Владимир, 1997. – С. 89 – 90.
6. Мишенькина, Е. В. Национально-специфическая характеристика концепта «свет-цвет» в русской и английской лингвокультурной картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Мишенькина. – Ярославль, 2006. – 9 с.
7. Падучева, Е. В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации / Е. В. Падучева // НТИ. Сер. 2: Информационные системы и процессы. – 1997. – № 1. – С. 2 – 32.
8. Петрухина, Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками / Е. В. Петрухина. – М., 2000. – 256 с.

Информация об авторе:

Полезжаева Жанна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8-923-520-47-00, zhpolzhayeva@mail.ru.

Zhanna Yu. Polezhaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation and Interpretation, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2013 г.

КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале немецких печатных СМИ)

И. П. Савицкий

CRITERIA OF NONCE-WORDS IDENTIFICATION IN THE GERMAN PRESS

I. P. Savitskiy

В статье рассматриваются основные свойства окказионального слова, традиционно выделяемые в современной лингвистике, определяются специфические особенности немецких окказиональных существительных, функционирующих в периодической печати ФРГ. На основании этого предпринимается попытка представить критерии отграничения окказионализмов от конвенциональных лексических единиц. В общей сложности выделяется 5 критериев, которые распадаются на облигаторные и факультативные.

The paper deals with the main characteristics of nonce-words that are considered basic in modern linguistics. The paper presents a comprehensive review of the nonce-words in the German press, their basic properties are analyzed, and criteria distinguishing them from conventional words are defined. The author states 5 criteria, which fall into principal and facultative.

Ключевые слова: окказиональное слово, потенциальное слово, норма, узус, словообразование, контекст.

Keywords: nonce-word, potential word, norm, usage, word building, context.

Хотя понятие «окказиональное слово» (ОС) прочно вошло в научный обиход и используется также в учебной литературе, целый ряд вопросов, связанных с его изучением, остается дискуссионным. При этом одним из самых кардинальных вопросов, затрагиваемых всеми исследователями проблематики ОС, является определение специфических свойств этих инноваций, отличающих их от конвенциональных лексических единиц: «Граница между словами каноническими и окказиональными проходит не четкой узкой линией, а широкой, «размытой» полосой переходных случаев с взаимопроникновением части свойств обоих классов» [15, с. 116]. Не пытаясь дать полный обзор «всех» существующих точек зрения по данной проблематике, остановимся на наиболее распространенных.

Так, ряд отечественных филологов под термином «окказиональный» понимает лишь структуры, создающиеся по малопродуктивным или непродуктивным моделям и противоречащие общепринятым языковым нормам [29; 9; 10; 31; 2; 18]: «Окказионализмы связаны с нарушением законов словопроизводства, действующих в языке. Они предполагают деавтоматизацию словообразовательных средств и соответственно нового деривата в том или ином контексте. С этим связана особая выразительность окказионализмов» [18, с. 516].

Другие же, наряду с ними отдельно выделяют так называемые «потенциальные слова», которые также отсутствуют в языковой традиции и по своей форме и мотивированности ничем не отличаются от узальных лексем [9; 10; 31; 2 и др.]. Они характеризуются «нефразеологичностью семантики и обладают значением, которое целиком складывается из значения составляющих их частей, в них нет ничего добавочного, индивидуального» [9, с. 218]. При этом одни лингвисты считают необходимым разграничивать эти два понятия, и данная точка зрения наиболее эксплицитно выражена в работах Е. А. Земской: «Потенциальные и окказиональные слова представляют собой два полю-

са словообразования: первые являются реализацией законов словообразования, вторые – нарушением этих законов. Это – антиподы. Однако и те, и другие по существу демонстрируют возможности, заложенные в системе языка» [9, с. 238].

Более или менее схожую точку зрения на эту проблематику можно встретить также у А. Г. Лыкова, Е. Г. Ковалевской, А. Г. Новосельновой, И. З. Маноли и др. Иное мнение по данному поводу высказывает Р. М. Гейгер, которое мы также разделяем, что «окказионализмы в одних случаях могут производиться по продуктивным словообразовательным типам (моделям), а в других по непродуктивным или даже с отступлением от словообразовательных норм, не является принципиально важным и достаточным основанием для размежевания таких слов на собственно окказиональные и так называемые «потенциальные слова» [7, с. 59].

Добавим, что наиболее подробно потенциальные слова в отечественной лингвистике были изучены в работе И. З. Маноли, где приводятся примеры потенциальной лексики из разных языков. Как отмечает автор, потенциальным словам не отведено место в толковом словаре. Одна из причин их отсутствия в словарях – «необязательность этого пласта лексики, неизвестность и как бы его несостоятельность» [16, с. 3].

Вместе с тем нельзя не сказать, что термин «потенциальное слово» вызывает у многих исследователей также и неоднозначное отношение. Так, одни филологи считают, что «если слово «состоялось», т. е. образовано и употреблено (даже в единичном случае), то в таком случае можно судить только о том, насколько удачно реализовались в его формальной структуре потенциальные свойства словообразовательной системы и насколько оно семантически актуально» [3, с. 4]. Другие называют этот термин «неудачным» [27, с. 66], или обозначают слова, «не возмущающие» норму языка, «системными окказионализмами» [23, с. 12; 15, с. 88; 46, с. 18], или «словами

стандартного типа» – „Standardbildungen“ [36, с. 89]. Некоторые лингвисты вообще полагают, что понятие потенциального слова нельзя еще считать ни общепринятым, ни однозначно определенным [4, с. 66].

И, наконец, имеется также немало работ, в которых «потенциальные слова» рассматриваются наравне с другими окказионализмами и отдельно не выделяются [13; 26; 3; 6; 19 и др.].

В специальной литературе имеются и многочисленные определения окказионального слова, в которых на первый план выдвигаются разные показатели. Однако наиболее часто в таких дефинициях акцентируются такие аспекты, как словообразовательная структура окказионального слова и его отношение к языковой норме.

Нельзя не сказать несколько слов по поводу использования аналогичных терминов и понятий в немецком языкознании, где также существуют разные мнения по поводу отнесения слов к разряду окказиональных.

Так, Т. Шиппан отмечает, что ОС не входят в словарный состав языка, так представляют собой однократные, окказиональные словообразования: «В текстах мы часто встречаем такие единицы, которые мы, тем не менее, рассматриваем в качестве слов, хотя они и не входят в словарный состав немецкого языка, поскольку являются однократными, окказиональными» [44, с. 95].

Другие отмечают спонтанный характер появления окказионализмов, их временный статус, а также «прикрепленность» к определенным жанрам и стилям речи: «Словообразования могут, кроме того, отличаться и тем, что могут являться спонтанными структурами, с зависимым от контекста значением. Такие однократные или окказиональные словообразования чаще всего существуют недолго и встречаются в основном в прессе, художественной литературе, рекламе, а также в разговорной речи» [38, с. 99].

Некоторые немецкие лингвисты относят к окказионализмам в первую очередь сложные слова, не содержащие различные аномалии и постоянно организуемые в речи, за которыми закрепились обозначения *Ad-hoc-Bildung* или *Gelegenheitsbildung* [33; 45; 40; 41].

В ряде исследований в качестве окказионализмов выделяют только «экспрессивные словообразования» – „Expressive Wortbildungen“, которые являются характерными в основном для художественной литературы или прессы [34; 35].

Представив наиболее распространенные точки зрения по специфике окказионального слова, отметим, что мы разделяем мнение ряда исследователей [30; 13; 26; 3; 6; 19; 37], что своеобразие этой категории лексики не может быть сведено к ее словообразовательным особенностям. На это обстоятельство указывала в свое время В. Н. Хохлачева, которая справедливо подчеркивала, что «термин «окказиональное слово» определяет слово по отношению его к словарю языка, но не по отношению к словообразовательной системе. Окказиональным может быть названо любое не входящее в словарь языка слово» [30, с. 142].

Таким образом, в нашем исследовании мы объединяем обе группы слов – так называемые потенци-

альные и собственно окказиональные слова под общим названием – «окказионализмы». Как справедливо отмечает В. В. Лопатин, такое объединение оправдано – «и те и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, они создаются в момент речи, тогда как остальные в момент речи воссоздаются, воспроизводятся как готовые единицы» [13, с. 71].

Здесь важно обратить внимание на другое обстоятельство, которое часто упускают из виду. Создание и функционирование разных типов неязыковых слов всегда интенционально обусловлено и напрямую зависит от жанра речи. Применительно к печатным СМИ необходимо отметить, что они обнаруживают одинаковую потребность не только в окказионализмах, отличающихся художественной выразительностью, но и в структурах, которые могут быть отнесены к единицам стандартного типа, поскольку эта категория лексики ориентирована на выполнение разных функциональных задач [21]. Кроме того, не следует забывать, что носители языка обладают способностью создавать любые новообразования и независимо от степени их сложности. Для читателя же, разграничение слов на потенциальные и окказиональные вообще не играет никакого значения, поскольку ввиду отсутствия таких структур в языковой традиции, важно выявить не столько, какие типы ОС функционируют в соответствующих жанрах и стилях речи, а как эта лексика понимается адресатом, на которого она, собственно говоря, и ориентирована. Отметим, что такой подход к изучению окказионального слова рассматривается в монографии автора данной публикации [20].

Разграничение неязыковой лексики на собственно окказиональные и потенциальные слова может иметь определенное значение лишь для ее градации, или для практической лексикографии, как об этом писал в свое время Н. И. Фельдман: «Данный вопрос особенно актуален при составлении двуязычных словарей тех языков, где окказиональные слова имеют широкое распространение (немецкий, японский), что делает их стилистически однородными со словами «постоянного» словарного состава и потому трудно отличимыми от вошедших во всеобщее употребление неологизмов» [27, с. 68].

Наряду с проблематикой определения специфических свойств ОС, в специальной литературе высказываются также разные точки зрения и по поводу определения критериев отграничения ОС от конвенциональных лексических единиц. Для нашего исследования такое разграничение имеет первостепенное значение на том основании, что часть окказиональных единиц, функционирующих в современной немецкой прессе, формально ничем не отличается от традиционных слов.

Отметим, что для выделения этих единиц исследователями называются разные критерии, которым приписывается также и разный статус. Наиболее часто к ним относят:

- образование по непродуктивной модели;
- принадлежность к фактам речи;
- прикрепленность к контексту;
- неязыковость;

- авторская принадлежность;
- ненормативность;
- одноразовость употребления;
- экспрессивность;
- отсутствие в словарях;
- орфографический показатель (написание в кавычках).

Вместе с тем все лингвисты приходят к правильному выводу о том, что окказионализмы носят многопризнаковый характер и для их выделения необходим комплекс критериев.

В отечественной лингвистике такой комплекс критериев впервые был разработан на материале русского языка А. Г. Лыковым, который выделяет в общей сложности 9 показателей ОС. Это – принадлежность к речи, творимость (невоспроизводимость), словообразовательная производность, ненормативность, номинативная факультативность, функциональная одноразовость, индивидуальная принадлежность и экспрессивность [15, с. 116].

На материале немецкого языка Ф. Н. Нурисламова к таким критериям относит незуальность, функциональную одноразовость, авторскую принадлежность, контекстуальную прикреплённость и экспрессивность. При этом такие признаки ОС, как незуальность и функциональная одноразовость рассматриваются в данном исследовании как центральные [19, с. 9].

Н. А. Николина к основным показателям ОС относит нарушение словообразовательных норм при их образовании, контекстуальную обусловленность и экспрессивность [18, с. 516].

В. С. Вашунин в монографии, посвященной субстантивному сложным словам немецкого языка, выделяет 6 признаков ОС, которые приводятся в виде оппозиций:

- общепринятость/необщепринятость,
- воспроизводимость/невоспроизводимость,
- нормативность/ненормативность,
- новизна/неновизна,
- употребительность/неупотребительность,
- изолированное/неизолированное понимание [5, с. 28 – 34].

На материале английского языка П. Хоемхаус выделяет 5 критериев, часть из которых совпадает с признаками, выделяемыми также и некоторыми отечественными лингвистами, хотя они и обозначаются немецким филологом несколько иначе. Это – одноразовость употребления (Einmaligkeit), особое функциональное назначение (besondere Funktionen), зависимость от ситуации или контекста (Situations – bzw. Kontextabhängigkeit), отступление от норм (Abweichung) и отсутствие в словарях (Nicht-Lexikalisierbarkeit) [37].

Мы выделяем также комплекс критериев, которые, в отличие от наших предшественников подразделяются нами на облигаторные и факультативные. В общей сложности это 5 критериев, к которым мы относим:

- 1) незуальность;
- 2) функциональную одноразовость;
- 3) принадлежность к единицам речи;

- 4) ненормативность;
- 5) контекстуальную прикреплённость.

Перейдем далее к рассмотрению названных критериев.

1. Незуальность

Ведущим признаком окказионального слова мы считаем его незуальность и этот критерий называется многими исследователями [1; 9; 19; 2 и др.]. Под незуальностью мы также понимаем *отсутствие данных единиц в языковой традиции*, что предполагает их отсутствие и в авторитетных словарях [19, с. 5]. Отметим, что в ряде исследований вместо данного показателя иногда используется критерий ненормативности [5; 42].

Однако, как известно, фактор «ненормативность» может быть приписан и многим узуальным лексемам, что не мешает им регулярно использоваться в речи. В качестве такого примера на материале немецкого языка может послужить существительное Heiligabend («рождественский сочельник»), инициальная основа которого по ограничениям морфологического порядка не может сочетаться с другими основами в сложных словах, так как является суффиксальным производным. Тем не менее, в виду особой значимости своего плана содержания и широкой употребительности, композит Heiligabend имеет статус узуального слова, поэтому оно зарегистрировано во всех ведущих лексикографических справочниках немецкого языка. В этой связи нельзя не отметить, что в немецком языке в составе узуальной лексики особенно многочисленны ненормативные лексемы среди разговорно окрашенной лексики, многие из которых представлены также и в лексикографических справочниках, ср.: Pantoffelkino (шутл. «телевидение»), Drahtesel (шутл. «велосипед»), Primatonne (шутл. «оперная певица»), Seelen-Striptease (ирон. «душеизлияние») и др.

Тем самым можно считать, что показатель «незуальность» имеет более значимый статус чем «ненормативность»: «Узус – это массовая и регулярная воспроизводимость данной единицы языка, отработанная и закрепленная в общественном употреблении. Узус – это база для нормирования и кодификации языковых явлений. В то же время это область формирования нормативных и системных изменений в языке. В узусе языковые средства приобретают стереотипизированный характер и становятся элементами речевого навыка и привычек, пользующихся языком» [12, с. 575].

Однако давно подмечено, что в данном статусе отдельные ОС часто находятся лишь некоторое время, становясь затем узуальными, поскольку они образуют потенциальный лексический фонд языка. Ср.: «Сначала слово используется окказионально в качестве единицы номинации и воспринимается как новое, воспроизводится, и лишь затем становится узуальным» [44, с. 256]. Аналогичную точку зрения высказывает П. Хоемхаус: «Нет сомнений в том, что узуальные слова в начальный период своего существования являются окказиональными, т. е. может иметь место переход из окказионального статуса в узуальный» [37, с. 55]. Близость окказионализмов и неологизмов подчеркивается также отечественными фило-

логами: «Нет непреходимой грани между окказиональными словами и неологизмами – новыми словами общенародного языка. Особенно ярко отсутствие непреходимой границы доказывают случаи, когда окказиональные образования переходят в категорию обычных слов. Как правило, это происходит, когда какой-либо окказионализм в силу особой общественной актуальности своей семантики получает широкое распространение и «права гражданства» в языке. Так произошло с глаголами прилуниться, приводниться» [9, с. 237].

В качестве аналогичного примера на материале немецкого языка можно привести существительное Lerner («Изучающий»), которое в работе Б. Науманн рассматривается в качестве ОС. Ср.: „So gibt es im Deutschen das Nomen *Lerner noch nicht als usuelle Bildung, es wird nur okkasionell (wohl in Anlehnung an das englische learner) gebraucht“ [40, с. 36]. Однако начиная с 1991 года, это слово появилось и в лексикографических справочниках, где оно зафиксировано в следующем значении: (Sprachw.) „jemand, der (eine Sprache) lernt“ («тот, кто изучает (язык)»).

Использование в нашем исследовании критерия «неузуальность» в качестве ведущего для идентификации ОС было обусловлено наличием в его составе не только сильных, но и слабых окказионализмов, которые, как уже отмечалось выше, образуются по продуктивным моделям. Ср.: Mammut-Fernseher, Dutzend-Dissident, Entscheider, Bestimmer и др. Создаваемые без отступления от словообразовательных правил, такие ОС иногда невозможно отграничить от конвенциональных слов с помощью «обычных» техник: «В подобных случаях установить границу между узуальными и неузуальными словами трудно или даже невозможно» [11, с. 128], если не привлекать в качестве «последней инстанции» лексикографические справочники. Поэтому в ряде случаев для подтверждения неузуального статуса отдельных окказиональных единиц, необходимо привлекать данные авторитетных словарей.

2. Функциональная одноразовость

Этот признак ОС может быть приписан без исключения всем типам окказиональных словообразований, и он называется также многими исследователями [15; 19; 28; 37; 39; 41; 45].

Как отмечает А. Г. Лыков, «безусловно, подлинная жизнь окказионализма – это его «одномоментность», его одновременное рождение и употребление как единственная форма его функционального существования – без последующих актов воспроизведения» [15, с. 27]. С. Ольсен отмечает, что окказионализмы после образования и употребления «замолкают»: «Окказиональные слова после того, как они были образованы и использованы, обычно замолкают» [41, с. 50]. По мнению В. Вильдгена, эти слова после употребления забываются: «Окказиональные композиты после выполнения своей коммуникативной функции обычно забываются» [45, с. 12].

ОС по частоте употребления мы подразделяем на:

- а) абсолютно одноразовые,
- б) ОС, которые встречаются более одного раза.

При этом в нашем корпусе фактов доминируют исключительно одноразовые окказионализмы.

Мы также считаем, что повторное употребление ОС в одном и том же тексте не то же самое, что и воспроизводимость конвенциональных лексем, поскольку такие окказионализмы не являются достоянием языкового коллектива, они лишь характеризуют язык автора текста. Кроме того, такие совпадения можно отнести к разряду случайных, они лишь подтверждают тот факт, что источником возникновения новых слов в языке выступает словообразовательная система языка: «Форма и связанное с текстом употребление еще не превращают окказиональные словообразовательные конструкции в единицы словарного состава, даже если они и употребляются больше «одного раза». Эти словообразовательные конструкции не черпаются из словарного состава в качестве готовых образований, т. е. не «воспроизводятся», а «производятся», подобно синтаксическим словосочетаниям и предложениям в тексте, но по соответствующим правилам словообразования» [24, с. 190].

3. Принадлежность к единицам речи

Принадлежность окказионализмов к фактам речи, а не к языку, мы рассматриваем также в качестве одного из ведущих показателей ОС, что подтверждается и в ряде работ наших предшественников [2; 9; 15; 29; 30 и др.]. Как указывает Е. А. Земская, «окказиональные факты – это факты речи, а не языка» [9, с. 228].

Однако давно подмечено, что в языке нет лексических единиц, которые не реализовались бы в речи, а в речи могут возникать единицы, которые в языке не представлены. С другой стороны, в составе ОС нет таких единиц, которые полностью были бы лишены элементов языка. Модель образования, отдельные производящие основы и т. д., обычно относятся к языковой системе. Как справедливо отмечает В. Д. Девкин, «все окказионализмы – продукты речи, а не языка, хотя все они – детища языковой системы» [8, с. 186]. ОС – это единицы, существующие только в определенном тексте, акте речи. По этой причине они выступают специфическими элементами речи, и остаются в большинстве случаев таковыми.

Вместе с тем в нашем корпусе фактов имеется не большой процент окказионализмов, которые содержат отдельные компоненты, не представленные в словарном составе современного немецкого языка. В качестве таковых выступают в основном имена собственные, а также отдельные иноязычные лексемы. Ср.:

Woody-Alen-Klon, Fruktij-und Produktij-Läden, „Njet“-Schilder,

Boy-need-Girl-Geschichte, „Can-Do-Man“, Bier-Bong и др.

Однако принадлежность ОС к речи, равно как и их неузуальность, могут носить временный характер, поскольку как уже отмечалось выше, все новые слова без относительности их происхождения, изначально выступают в качестве элементов речи и носят окказиональный статус. Как отмечает Г. Бусманн, статистический параметр использования окказионального слова в речи может изменить его статус и превратить в неологизм: «Как правило, статистическая частотность использования окказиональных единиц способ-

ствует их постепенному переходу в разряд неологизмов и в словарный состав языка» [32, с. 105].

4. Ненормативность

В целом ряде исследований данный критерий рассматривается в качестве ведущего для идентификации ОС [5; 9; 37 и др.]. Е. А. Земская по этому поводу пишет, что «окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются законы построения соответствующих общезыковых единиц, нормы языка» [9, с. 228].

Выше мы уже говорили о том, что показатель ненормативности может быть свойственен в основном лишь «сильным» окказионализмам, «слабые» же окказионализмы не «возмущают» языковую норму. Как отмечает В. Д. Девкин, такие структуры «не воспринимаются как ошибочные, хотя они не признаны узусом, образование которых происходит по существующим моделям достаточно уместно и искусно» [8, с. 185]. В качестве примеров «слабых» ОС могут служить следующие структуры, которые в традиционных исследованиях относят к потенциальным словам:

Wohn-und Schlafstadt, 15000-Einwohner-Städchen, Teenager-Tochter и др.

Тем самым, критерий «ненормативность» применительно к немецкому окказиональному слову не может рассматриваться в качестве облигаторного. Что же касается «сильных» ОС, их ненормативность может складываться из разных факторов, часть из которых поддается непосредственному наблюдению.

Так, о ненормативности целого ряда таких окказионализмов могут свидетельствовать уже их внешние, формальные показатели, усиливающие их ярко выраженную необычность на фоне конвенциональных лексем. В первую очередь, это случаи фонологического порядка, когда в структуре ОС объединяются сходные или идентичные по своему звучанию непосредственно составляющие (НС). Ср.:

Boss-Boß, Streicher-Streich, Frauenfrauen, Stuck-Stück, Verführungs-Führer, Tennis-Teenies, Macho-Macho, Supersuperreiche, Halbe-halbe-Teilhaber, Mode-Modernisierer, Schau-in-der-Schau, Urgeschichts-Geschichte и др.

К фонологическому фактору можно отнести и одинаковые созвучия или рифму, которые также выступают в качестве формального признака немецкого ОС. Ср.:

Ferrari-Fan-Treffen, Kopf-an-Kopf-Kämpfer, BBA-Bombenbauer, Multikulti-Muster-Metropole, S-Klasse-Kolosse, Volle-Pulle-Familienfilm, Schall-Schwall, Fußball-Krawall, Daten-Piraten, Mord-Sport, Wohnkarton и др.

Морфологические факторы также могут выступать в качестве показателя ненормативности ОС. Это – следующие виды окказионализмов, которые:

1) имеют структуру разных типов предложений, начиная от повествовательных, и заканчивая побудительными, напр.:

Ich-kenne-alle-Abgründe-Blick; Ich-bin-der-Beste-Körpersprache; Wann-mit-was-von-wo-nach-wo? Was-macht-dieses-Monster-in-unserer-Stadt-Blicke? Rühr-mich-nicht-an-Mentalität; Nimm-was-du-kriegen-kannst-Gesellschaft;

2) содержат инициальную основу, которая является по своей материальной форме либо словосочетанием, либо многокомпонентной структурой:

Zurück-aufs-Land-Hippies, Von-oben-herab-Rolle, Räumen-statt-reden-Politik, Alles-oder-nichts-Prinzip, Phil-Collins-BMW-Reihenhaus-Fußballer, Ex-LDPD-Chef-und-Honecker-Spezi, Martin-Walser-Krimi-Kunst-Menschen;

3) обнаруживают такие НС, которые соотносятся либо со служебными частями речи, или такими основами, которые не задействованы в стандартном словообразовании немецкого языка по разным причинам, в особенности из-за специфики своей семантики:

Pro-Demokratiebewegung, Bäh-Haltung, Pfu-TV-Sendung, Hurra-Bilder, Sowohl-als-auch-Bekenntnisse, Ewig-Starlet, Bum-Bum-Spektakel, Wenig-Schreiber, Trapp-Familie, Verramsch-Aktion, Wackelkandidat, Winzig-Scheiben, Ächt-Deutsche, Amigo-Spezi;

4) являются произвольными усечениями конечной части первого компонента, либо усечениями всех компонентов:

Winz-Rechner, Micker-Ergebnis, Türk-Brüder-und-Schwester, Viet-Gang, Mallo-Manie, Trench-Schnüffler, Ripo, Tex-Rec, Sexbelap, Zentravugs;

5) возникли путем междусловного наложения или междусловного совмещения, и подобные структуры получили в немецкой филологической традиции название контаминаций:

Avantgarderobe, Pluriversum, Comebecker, Blödler, Luxese, Kultouristen, Gitarrero, Fantastilliarden, Promotour, Marketingeltangel, Ballergie и др.

О ненормативности ОС могут свидетельствовать также отдельные показатели и лексико-семантического порядка. Особенно это заметно на примере таких словообразований, которые являются комбинациями, хотя из узуальных основ, представленных в лексиконе в качестве самостоятельных лексических единиц, но находящихся по отношению друг к другу в слабой сочетаемости. Другими словами, это такие ОС, у которых «нарушена внутренняя семантическая валентность» [22, с. 7]. Ср.:

Bonzai-Tarsan, Premium-Deutsche, Sexualarbeiterinnen, Meistertrinker, FDP-Para, Kopf-ab-Ode, De Luxe-Idioten, Turbo-Kuh, Kicker-Gehege, Geld-Hochzeit, Geld-Infusion и др.

5. Контекстуальная прикреплённость

Поскольку ОС отсутствуют в языковой традиции и тем самым не являются частью предварительных знаний носителей языка, некоторые лингвисты считают, что такие структуры могут быть правильно истолкованы только в пределах контекста, элементами которого они являются [27, с. 66]. На мотивированность окказионализмов речевой ситуацией указывают и другие исследователи и рассматривают контекстуальную прикреплённость как один из ведущих признаков окказионального слова [29; 5; 19; 25; 37].

Как справедливо указывает А. Г. Лыков, «в типичном окказиональном слове, взятом само по себе, его лексическое значение носит вероятностный характер и представляет собой развернутый веер возможностей, который свертывается контекстом. По-

этому роль контекста для жизни окказионального слова велика, но не абсолютна» [14, с. 70].

Подчеркивается также, что при определении степени зависимости ОС от контекста следует учитывать: а) его частеречную принадлежность и б) структурную организацию, т. е. его формальное соответствие/несоответствие системе словообразования, а также особенности организации его «внутреннего контекста», т. е. условия семантической сочетаемости его НС [42; 17 и др.].

В тех случаях, когда ОС соответствуют данным параметрам, они могут быть поняты и вне контекста. Роль последнего сводится лишь к реализации значения окказионализмов, которые могут рассматриваться как индифферентные по отношению к своему ближайшему лексическому окружению. В нашем материале это в первую очередь слабые окказионализмы, для понимания которых достаточным является их внутренний контекст (их морфемная организация). Для сравнения приведем следующие примеры ОС с их ближайшим лексическим окружением:

а) *Nicht lustiges Gefiedel mit Lagerfeuerromantik-Texten steht auf dem Programm, Garth Brooks philosophiert zeitgemäß und politisch korrekt über Aids, Abtreibung oder misshandeltem Ehefrauen* (Focus, Nr. 40/1994:266);

б) *Früher, als Maradona sich 1984 für rund 20 Millionen Mark nach Neapel begab, kamen 60000 Fußballverrückte ins Stadion, nur um, den kleinen Dicken aus den argentinischen Shums beim Training ein paar Runden laufen und ein bisschen mit dem Ball jonglieren zu sehen* (Stern, Nr. 39/1992:236);

с) *Die Studenten Marko Beyer und Steve Buckwalter werden im Turm der Johanniskirche häufig besucht, wie hier von einer Kindergeburtstags-Gesellschaft* (Stern, Nr. 46/1992:235).

Нельзя не заметить, что ближайшее лексическое окружение ничего не добавляет к плану содержания окказионализмов Lagerfeuerromantik-Texte, Fußballverrückte и Kindergeburtstags-Gesellschaft. Их значения полностью основываются на значениях составляющих их компонентов. Приведем далее несколько примеров ОС без их внешнего контекста, которые могут быть интерпретированы также «свободно» – исходя из семантики отдельных НС, ср.:

Gefängnis-Tagebuch, Wegwerfprofi, Gesetzesmüll, Schmuddel-Viertel, Micker-Ergebnis, Bürotempel, Mammot-Ministerium, Japanese, OB-Wahlen.

Отметим, что примерно 60 % всех ОС в нашем фактическом материале является самодостаточными единицами, для расшифровки значений которых не обязательно привлечение контекста, поэтому контекстуальная прикрепленность для немецкого ОС также не может быть обязательной.

Кроме этого, в нашем фактическом материале выделяются еще две группы инноваций:

- а) минимально прикрепленные к контексту,
- б) максимально прикрепленные к контексту.

Примерами ОС первого типа, могут послужить следующие речевые ситуации:

а) *Aber das kann ihn nicht daran hindern, die Medienschelte der christdemokratischen Ministerin und ihr-*

er Parteifreunde der Lächerlichkeit auszuliefern (Spiegel, Nr. 34/1993:161);

б) *Harte Fraktionskämpfe gibt es auch eine Etage höher. Dort, unter traditionell Linksintellektuellen Li-byen-Freunden, ist ein Richtungsstreit ausgebrochen* (Focus, Nr. 40/1994:21);

с) *Denn Griechenland hat immer wieder wichtige Entscheidungen wie die Türkei-Hilfe boykottiert* (Spiegel, Nr. 43/1993:171).

Нельзя не заметить, что соответствующие ОС в изолированном виде могут быть интерпретированы по-разному, так как они обнаруживают синкретизм в своих значениях. Приведенные же контексты показывают, что в примере (а) объектом критики были именно СМИ, в примере (б) речь идет о друзьях Ливии, а не о ливийцах как друзьях, и ОС в примере (с) следует понимать как помощь, которая была оказана Турции, а не помощь, которую оказала сама Турция.

Для интерпретации окказионализмов, максимально прикрепленных к их ближайшему лексическому окружению, необходим специальный контекст, который часто может быть также достаточно объемным. Ср.:

Wenigstens für die drei Wochen in Schweden wollte der Bundestrainer auch die Jungmillionäre, die das Jahr über irgendwo zwischen Rom und Ruhrpott kicken, dem ihm unheimlichen Umfeld von Managern, Spielervermittlern, Vertragspoker und verdeckten Abschlagszahlungen entziehen. Also gab es einen Drahtzaun ums Mannschaftsquartier und keinen Urlaub. Also durften Frauen, dieser Sprengsatz für eine verschworene Männergemeinschaft, in dem Kicker-Gehege nicht nächtigen (Stern, Nr. 27/1992:144).

Этот макроконтекст и его указатели подготавливают правильное восприятие ОС **Kicker-Gehege**, которое можно понять как «резервация для футболистов». С помощью только микроконтекста, ограниченного рамками одного предложения, это невозможно было бы сделать, поскольку описываемая ситуация требует большей полноты изложения.

Прикрепленность таких окказионализмов к контексту заключается в том, что они не обладают контекстообразующим свойством, а сами нуждаются в специальном контексте.

Роль внешнего контекста является решающей, если структурная организация слова не соответствует словообразовательным правилам. При этом наиболее часто в структуре таких контекстуально-зависимых ОС обнаруживаются следующие аномалии: неузуальность одной из НС или базовой основы с точки зрения ее морфологической принадлежности, эллиптичность отдельных НС, нарушение логической согласованности между компонентами сложного слова, многозначность одной из НС, синкретизм значений основ и др. Ср.:

Stoiberung, Versyltung, Zentra-WUG, Luxese, Epi, Panda-Politik, Wanzen-Auftrag, Reiswolf-Sofa, Beton-Senioren, Gipfelschnüffler, Streicher-Streich, Torfabrik, Weißbrot-Jugend, Frust-Single, Sozius-Männer, Bildzensur и др.

Таким образом, представленные критерии идентификации ОС показывают, что они не в одинаковой

степени могут быть характерными для всех окказионализмов немецкого языка.

Могут быть отмечены и некоторые другие их свойства, и которые можно отнести к разряду факультативных. В первую очередь – это «экспрессивность», и этот показатель называется многими исследователями. Однако экспрессия в большей степени является проявлением другого признака – ненормативность. Как правило, ненормативные ОС являются одновременно экспрессивными. Их экспрессивный эффект может основываться на разных техниках, среди которых кроме уже выше названных, могут выступать – стилевой и ассоциативный контрасты, метафора, или редко употребительные лексемы. Ср.:

Kultur-Harakiri, Designien, Ober-Gangster, Wegwerfprofi, Ober-Streber, Geniekaff, Gangsterboss-Gattin, Vollprol, Steuberung, Verberlinerung и др.

Однако кроме ненормативных ОС, в немецких печатных СМИ достаточно многочисленны также и слабые окказионализмы, лишенные признака экспрессивности. Ср.:

Muster-Sozi, 14000-Zuhörer-Auftritt, Heimatthriller, Alternativ-Bordell, Markant-Gesicht, Machtstrukturen, Ausländer-Hasser, Zinnsoldaten-Sammler.

Поэтому данный критерий мы не рассматриваем в качестве облигаторного еще и по той причине, что в немецком языке, как нами уже отмечалось выше, в виду особой распространенности в нем сложных слов,

имеется достаточно многочисленный слой и узуальных экспрессивных лексем. В качестве дополнительных примеров здесь можно привести следующие экспрессивные словообразования:

Feuerstuhl (шутл. «мотоцикл»), Finanzjongleur (оцен. «финансовый жонглер»), Weltpolizist (оцен. «мировой жандарм») и др.

Тем самым, признак экспрессивности применительно к немецкому окказиональному слову не является обязательным для его идентификации. Подчеркнем также, что в некоторых исследованиях этот признак вообще не выделяется [37].

Из других показателей ОС, которые мы относим к разряду факультативных, может быть назван орфографический критерий – написание окказионализмов в кавычках или через дефис, ср.:

„Bären-Hunger“, „Don Giovanni-Modell“, „Schirmbärenschaft“, „Mikrowellen-Bombe“, „Elektro-Puzi“, Park-Sünder, Königin-Mutter и др.

Однако графические средства «сопровождают» лишь небольшой процент немецких ОС, так как журналисты лишь спорадически помещают их в кавычки, и не всегда они выделяются также и написанием через дефис.

Таким образом, проведенный анализ основных признаков немецких ОС, делает возможным представить их в систематизированном виде с помощью специальной матрицы.

Таблица

Матрица распределения основных признаков окказионального слова.
Признаки окказионального слова

<i>Примеры ОС</i>	<i>Неузуальность</i>	<i>Функциональная однородность</i>	<i>Принадлежность к речи</i>	<i>Ненормативность</i>	<i>Контекстуальная прикрепленность</i>
Boß-Boss	+	+	+	+	-
Multi-Kulti-Mustermetropole	+	+	+	+	-
Reklame-Dame	+	+	+	+	-
Bonzai-Tarsan	+	+	+	+	+
Häufchen-Streife	+	+	+	+	-
Post-Meister	+	+	+	-	+
Fußball-Ballet	+	+	+	+	-
Bild-Zensur	+	+	+	+	+
Kuß-Anschlag	+	+	+	+	+
Um-um-um-Benennung	+	+	+	+	-
Droschken-Luther	+	+	+	+	+
Kometen-Tropfen	+	+	+	+	+
Der-der-viel-redet-und-nichts-sagt	+	+	+	+	-
Das Frühstückskrümmel-von-der-Tages-zeitung-Streichen	+	+	+	+	-
EG-Krücken	+	+	+	+	-
Beton-Senioren	+	+	+	+	+
Südstaaten-Städtchen	+	+	+	-	-
Schwarzbauten	+	+	+	-	-
Küsser	+	+	+	-	-

Матрица показывает, что из 5 признаков ОС, только 3 свойственны всем немецким окказиональным лексемам, то есть, являются облигаторными, в то вре-

мя как такие показатели, как ненормативность и контекстуальная принадлежность являются для них факультативными. С другой стороны, два последних при-

знака достаточно тесно связаны друг с другом. Так, если окказиональное слово является контекстуально прикрепленным, то это свойство является, как правило, следствием его ненормативности. Можно также заметить, что лишь отдельные ОС выделяются своими формальными признаками – фонологическим обликом или многокомпонентностью своей словообразовательной структуры, т. е. они отличаются ярко выраженной необычностью по сравнению с традиционными словами и их можно отнести к разряду «сильных» окказионализмов. Другие же формально ничем не отличаются от традиционных лексических единиц немецкого языка. Они образуются по продуктивным словообразовательным моделям, что сближает их с конвенциональными лексемами.

Таким образом, можно констатировать, что специфика ОС не может не зависеть, в свою очередь, от специфики самого понятия «слово», в связи с отсутствием его прототипа и удовлетворительных определений понятия «слово» ввиду многообразия его проявлений. Этим можно объяснить также отсутствие универсального определения и окказионального слова, которое, в

свою очередь, обнаруживает также множество свойств, как в разных языках, так и в отдельно взятом языке. Можно говорить лишь о типичном ОС исходя из его словообразовательной структуры. Для немецкого языка, как можно заметить, это, безусловно, сложное слово. Являясь достаточно разнородными словообразованиями, в немецких печатных СМИ такие структуры охватывают помимо прочих также и многочисленные остроумные и оригинальные, компактные и многокомпонентные, ироничные и оценочные, шуточные и серьезные номинации, а также композиты с метафорическими, метонимическими и другими видами переносов, и которые в состоянии удовлетворить запросы самого взыскательного читателя.

К сказанному следует добавить, что ОС регулярно встречаются в немецкой прессе, где их создание действительно «поддерживается» типологическими особенностями самого языка, в котором и окказиональные сложные существительные как доминирующий структурный тип ОС, отвечает строю немецкого языка оптимальным образом.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2, стере. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Бельчиков, Ю. А. Окказионализмы / Ю. А. Бельчиков // Энциклопедия. Русский язык. – М., 1997.
3. Бердова, Н. М. Коммуникативно-стилистическая характеристика окказиональных словообразований / Н. М. Бердова // Лексика и текст. – Калинин, 1983.
4. Берков, В. П. Новые слова? / В. П. Берков, В. М. Павлов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983.
5. Вашунин, В. С. Субстантивные сложные слова в современном немецком языке / В. С. Вашунин. – М.: Высш. шк., 1990.
6. Габинская, О. А. Причины современного русского словотворчества: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Габинская. – Л., 1985.
7. Гейгер, Р. М. Структурно-семантические отношения в словообразовательной цепи и вопрос о потенциальных словах / Р. М. Гейгер // Актуальные вопросы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1982.
8. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь / В. Д. Девкин. – М., 1979.
9. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973.
10. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992.
11. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М., 2000.
12. Лаптева, О. А. Узус. Русский язык / О. А. Лаптева // Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997.
13. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1973.
14. Лыков, А. Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи / А. Г. Лыков // НДВШ. Филологические науки. – 1971. – № 5.
15. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология / А. Г. Лыков. – М.: Высшая школа, 1976.
16. Маноли, И. З. Лексикография и стилистика потенциального слова / И. З. Маноли. – Кишинев, 1988.
17. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Р. Ю. Намитокова. – Майкоп, 1988.
18. Николина, Н. А. Словообразование. Современный русский язык: теория, анализ языковых единиц: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Н. А. Николина. – Ч. 1. – М.: Академия, 2002.
19. Нурисламова, Ф. Н. Окказиональные префиксально-глагольные дериваты в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. Н. Нурисламова. – Калинин, 1987.
20. Савицкий, И. П. Реализация лексической креативности в современной прессе (на материале немецкого языка): монография / И. П. Савицкий. – Барнаул: АлтГПА, 2010.
21. Савицкий, И. П. Стимулы создания лексических инноваций в немецких печатных СМИ / И. П. Савицкий // Вестник КемГУ, 2013. – № 2. – Т. 1.

22. Степанова, М. Д. О «внешней» и «внутренней» валентности слова / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – М., 1967. – № 3.
23. Степанова, М. Д. Аспекты синхронного словообразования / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – М., 1972. – № 3.
24. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке: учеб. пос. для филол. фак. универс. и инст. ин. яз. / М. Д. Степанова, В. Флейшер. – М.: Высшая школа, 1984.
25. Тогоева, С. И. Роль языкового контекста в индификации значения словесных новообразований различного рода / С. И. Тогоева // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. – Тверь, 1998.
26. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 1977.
27. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4.
28. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология: уч. – 4-е изд., испр. / М. И. Фомина. – М.: Высш. шк., 2001.
29. Ханпира, Э. И. Окказиональные элементы в современной речи / Э. И. Ханпира // Стилистические исследования: на материале современного русского языка. – М.: Наука, 1972.
30. Хохлачева, В. Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. (имена существительные) / В. Н. Хохлачева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.: АН СССР, 1962.
31. Шеляховская, А. А. Словообразовательный аспект изучения некоторых групп окказионализмов / А. А. Шеляховская, Н. А. Богданов // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1983.
32. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 3., aktualisierte und erweiterte Auflage / H. Bußmann. – Stuttgart: Kröner, 2002.
33. Eggers, H. Deutsche Sprache im 20. Jahrhundert / H. Eggers. – R. Piper & Co. Verlag. – München, 1973.
34. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache 3. überarb. Aufl. / W. Fleischer. – VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1974.
35. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – VEB Bibliographisches Institut. – Leipzig, 1975.
36. Handler, P. Wortbildung und Literatur: Panorama einer Stilistik des komplexen Wortes / P. Handler. – Frankfurt am Main; Berlin; New York; Paris; Wien: Lang, 1993.
37. Hohenhaus, P. Ad-hoc-Wortbildung: Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen / P. Hohenhaus. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York, Paris, Wien: Lang, 1996.
38. Kessel, K. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache / K. Kessel, S. Reimann. – A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2005.
39. Müller-Bollhagen, E. Überraschungsfrikadelle mit Chicoreegemüse und Folienkartoffeln: Zur Frage „Usuelle oder nichtusuelle Wortbildung?“ / E. Müller-Bollhagen // Studien zur deutschen Grammatik. – Innsbruck, 1985.
40. Naumann, B. Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen. – 2., neubearb. Aufl. / B. Naumann. – Tübingen: Niemeyer, 1986.
41. Olsen, S. Wortbildung im Deutschen. Eine Einführung in die Theorie der Wortstruktur / S. Olsen. – Stuttgart, 1986.
42. Ortner, H. Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung: mit e. ausführl. Bibliogr. / H. Ortner, L. Ortner. – Tübingen: Narr, 1984.
43. Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / T. Schippan. – 1. Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1984.
44. Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / T. Schippan. – Tübingen: Niemeyer, 2002.
45. Wildgen, W. Makroprozesse bei der Verwendung nominaler Ad-hoc-Komposita im Deutschen / W. Wildgen // Deutsche Sprache. – 1982. – Nr. 10.
46. Wladowa, E. W. Okkasionelle Wortbildungen mit dem gleichen Stamm als Satz- und Text / E. W. Wladowa // Textlinguistik 4. – Dresden, 1975.

Информация об авторе:

Савицкий Иван Петрович – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии Алтайской государственной педагогической академии, 8-913-082-16-83, savitskijivan@yandex.ru.

Ivan P. Savitskiy – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of German Philology, Altai State Pedagogical Academy.

Статья поступила в редколлегию 25.12.2013 г.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЙ РАБОВ, НАПИСАННЫХ АВТОРАМИ-ЖЕНЩИНАМИ

Ю. Л. Сапожникова

CHARACTERISTIC FEATURES OF SLAVE NARRATIVES WRITTEN BY WOMEN

Y. L. Sapozhnikova

Статья посвящена рассмотрению историй рабов, написанных авторами-женщинами, и выявлению основных особенностей, которые отличают их от произведений того же жанра, вышедших из-под пера писателей-мужчин. Основным методом анализа является сопоставительно-стилистический. В первую очередь, авторы-женщины привлекают внимание к невозможности отразить в тексте весь опыт рабынь вследствие деликатности многих его аспектов. Другой значимой особенностью данных произведений является особый акцент на важности семьи и связей со своим культурным сообществом, а также огромной роли устной речи в жизни рабов. Большинство рабынь формирует собственную идентичность под влиянием своей семьи и культурного наследия всей общины; истинная вера становится еще одним утешением в их тяжелой жизни.

The paper is dedicated to the study of slave narratives written by women and to the determination of the main peculiarities that set them apart from the works of the same genre written by men. The main method of analysis is the comparative-stylistic one. The first thing that women writers draw attention to is the impossibility of the complete description female slaves' experience on account of the delicate character of its different aspects. Another peculiarity is connected with the special emphasis that women writers lay on family, and the links with the cultural group, as well as the immense role of oral speech in their lives. Most female slaves form their identity under the influence of their kin and the cultural heritage of their community, besides, faith becomes another consolation in their hard lives.

Ключевые слова: афро-американская литература, истории рабов, рабство, семейные узы, материнство, устная речь, вера.

Keywords: African American literature, slave narratives, slavery, family ties, motherhood, oral speech, faith.

Первыми произведениями, которые заложили основу афро-американской литературы, стали истории рабов. Это автобиографические повествования, рассказанные белым переписчикам-редакторам или написанные самими беглыми или освобожденными рабами. По мнению историков, общее количество материалов в разных формах, написанных в этом жанре, составляет около 6000 свидетельств [8]. Таким образом, этот жанр в целом представляет собой основополагающую традицию в афро-американской литературе и культуре.

Многие особенности построения и содержания переходили из одного повествования в другое, т. е. сначала аболиционисты помогали авторам построить свои рассказы с оглядкой на известные тогда литературные жанры, а кроме того беглые/освобожденные рабы, которые собирались писать историю своей жизни, знали произведения своих собратьев и многое сами перенимали друг у друга. Однако некоторые особенности этих произведений связаны с гендерной принадлежностью автора и встречаются в основном либо в повествованиях, вышедших из-под пера мужчин, либо женщин.

В нашем исследовании мы пытаемся выявить идейно-художественные особенности историй рабов, написанных авторами-женщинами, уделяя особое внимание содержательным составляющим их произведений и останавливаясь на отдельных формально-стилистических аспектах их произведений, если последние способствуют более глубокому пониманию определенных тем и мотивов. Для достижения данной цели использовались сопоставительно-стилистический метод, мотивный анализ и биографический метод. Материалом исследования послужили повество-

вания М. Принс (1831), Странствующей Истины (1850), У. и Э. Крафтов (1860), Л. Пике (1861), Э. Кекли (1868), Ш. Брукс и других рабов (1890). Рассмотрев данные произведения можно выделить ряд общих черт, характерных для большинства из них.

Сначала следует отметить те характеристики, которые роднили все повествования, вне зависимости от гендерной принадлежности автора. В первую очередь, это направленность рассказа на белого читателя, обращение к Библии и интерес к проблеме самоидентификации [1]. Кроме того, важным как для авторов-мужчин, так и женщин, становится использование метафор из животного мира и их пересмотр, а также тезис о разрушительном воздействии рабства на всех, и хозяев, и рабов.

При этом однако писательницы замечали, что многое, касающееся, прежде всего, жизни рабынь, все еще было скрыто, а потому требовало правдивого освещения (...the veil of mystery must be drawn aside [5, p. xiv]; they put a cloak about the truth [9, p. 23]). Такая задача была очень сложна для авторов-женщин, так как от них требовалось соблюдение правил приличия. Неудивительно, что, представляя читателям ту или иную бывшую рабыню, от имени которой идет повествование, белые редакторы, в первую очередь, отмечали ее порядочность и добродетельность (a ...meritorious woman <...> retained her moral integrity [7, p. v] – о Странствующей Истине; a ...conscientious, and Christian woman [6, p. 5 – 6] – о Луизе Пике; a ...respectable woman [9, p. 26], remarkable for decency and propriety of conduct--and her delicacy [9, p. 35] – о Мэри Принс). Поэтому, следуя негласному требованию деликатности, женщины вынуждены были умалчивать о некоторых фактах, при этом они дают объяс-

нения причин, толкнувших их на укрывательство данных о собственной жизни (ведь другим важным принципом построения повествований была правдивость, точное отражение фактов биографии). Странствующая Истина в своем рассказе называет следующие причины замалчивания отдельных тем в описании:

1) люди, о которых идет речь уже умерли, но автор не хочет оскорбить их, ни в чём не повинных родственников или друзей, которые еще живы;

2) описываемые события по своей природе не предназначены для выставления на всеобщее обозрение, они слишком деликатны;

3) наконец, отдельные стороны жизни рабов могут показаться белым читателям слишком неправдоподобными, что подорвет их доверие ко всему рассказу в целом [7].

Два первых объяснения встречаются и в других историях рабов, написанных женщинами. В повествовании Луизы Пике по первой из названных причин не даны полные имена ее хозяев, только инициалы, Мэри Принс идет по такому же пути и не называет троих хозяев, которые все еще живы и чьих родственников ее рассказ мог бы обидеть. Второе объяснение чаще всего встречается в сценах, где упоминаются: либо факт использования самой ужасной брани, которую хозяева адресовали им, либо непристойные предложения со стороны хозяина, либо конкретные наказания, которые не могут быть описаны в подробностях из-за того, в какой части тела наносились раны. Вследствие названных ограничений истории рабынь оставались неполными, в чём они с горечью признавались (*But the half cannot be told* [4, p. 56] – в истории Шарлоты Брукс; *...we must pass over in silence* [7, p. 30] – у Странствующей Истины; *...let charity draw around him the mantle of silence* [5, p. 50] – у Элизабет Кекли). В историях рабынь умолчания касались, в первую очередь, обычного на Юге принуждения темнокожих невольниц к сексуальным отношениям с хозяином. Если в результате такой связи не появлялись дети, то авторы предпочитали вообще не упоминать об этом факте (это однако не гарантировало того, что об этом не скажет один из свидетелей в подтверждающем письме – история Мэри Принс). Если же у рабыни появлялись дети от белого, то в своем повествовании она пыталась перенести всё внимание с факта своего грехопадения на аспект материнства, что тоже объяснялось необходимостью помнить о правилах благопристойности (*Suffice it to say, that he persecuted me for four years, and I--I--became a mother* [5, p. 39] – у Элизабет Кекли; *"...Mr. Williams told me what he bought me for, soon as we started for New Orleans."* – *"Had you any children while in New Orleans?"* – *"Yes; I had four."* – *"Who was their father?"* – *"Mr. Williams. <...> Every body knew I was housekeeper, but he never let on that he was the father of my children"* [6, p. 19] – у Луизы Пике). Возможно, по этой же причине, чтобы не ранить деликатные чувства белых читательниц, авторы-женщины не так часто и подробно, как писатели-мужчины, описывают физические муки, порки и избиения, через которые проходили рабы, а больше говорят о страданиях душевных (*Virtue and self-respect were denied them* [4, p. 1] – в истории Шарлоты

Брукс; *...to subdue what he called my "stubborn pride"* [5, p. 36] – у Элизабет Кекли). Однако при этом, несмотря на определенную скрытность, нужно было показать, что всё описанное – не выдумка, а реальность. Чтобы убедить читающую публику в достоверности излагаемого упоминались отдельные конкретные имена, географические детали, которые чаще всего подтверждались прилагаемыми к повествованию документами, а редакторы этих произведений постоянно подчеркивали, что слова рассказчиков были точно переданы.

Семья обретает в повествованиях, написанных рабынями, первостепенное значение. Прежде всего, это касается фигуры матери. Авторы-мужчины, конечно, тоже говорят о своих матерях, но они чаще всего ограничиваются простыми фактами, особенно в главах, рассказывающих о происхождении (это объяснимо, т. к. детей отрывали от их матерей в раннем возрасте, а затем обычно продавали всю семью, разбивая ее). Писательницы однако показывают прежде всего эмоциональный аспект связи с матерью, даже если у них не было возможности жить с ней на одной плантации, мать постоянно незримо присутствовала в их жизни. Например, мать Салли Смит (*Sallie Smith*) умерла, когда девочка была еще ребенком, но она вспоминала молитвы, которые слышала от нее, повторяла их, и ей казалось, что мать находится рядом и говорит с ней [4]. Луиза Пике рассказывала, что когда ей очень сильно чего-то хотелось, мать всегда приходила к ней во сне и одаривала ее желаемым. Ради матери Луиза Пике ездила по нескольким штатам и собирала деньги на ее освобождение. В повествованиях, написанных рабынями, часто возникают образы и других родственников – братьев и сестер (Странствующая Истина встретила со многими из них после освобождения и подробно описывает их и свои чувства при встрече), дядюшек и тетюшек (Э. Кекли). Зная о значимости семьи для рабов, белые использовали слова, обозначающие родственные отношения, по отношению к рабам и подчеркивали семейственный характер рабовладельческой системы, когда все невольники были "детьми" добрых благодетельных белых "родителей". Эта особенность отражена во многих классических историях рабов, написанных как мужчинами (*...every man slave is called boy till he is very old, then the more respectable slaveholders call him uncle. The women are all girls till they are aged, then they are called aunts* [3, p. 77] – у Крафтов), так и женщинами (слова белой: *I love Lizzie next to mother. She has been a mother to us all* [5, p. 259] – у Э. Кекли). Не во всех повествованиях однако этот аспект освещается с иронической/сатирической точки зрения, часто авторы просто констатируют сам факт такого поведения хозяев.

Важность семьи для рабынь выводит на первый план тему материнства. В связи с существовавшими условиями, когда негритянки считались лишь животными-производителями и белые отрицали существование у рабынь какой-либо привязанности к детям, материнство также превращалось в испытание. Поэтому некоторые писательницы говорят о том, что не хотели рожать детей, зная, что они тоже станут раба-

ми (Э. Кекли), другие наряду с горечью потери ребенка испытывают и радость за него, так как, по их мнению, с Богом на небе им лучше, чем с матерью на земле (Ш. Брукс). Данная идея реализуется в тексте, в том числе, и в излюбленной метафоре всех авторов историй рабов, когда рабство приравнивается к смерти. Во многих повествованиях первых темнокожих писателей можно найти использование известного лозунга Патрика Генри "...дайте мне свободу или смерть!" ("...give me liberty or give me death!") в применении к положению рабов. Авторы постоянно подчеркивали, что если нет свободы, то лучше умереть. С этим напрямую связано описание превращения, которое, по мнению авторов, происходило с ними после побега на свободу – из собственности (т. е. чего-то неодушевленного и духовно мертвого) они переходили в состояние человека (т. е. приобщались к настоящей жизни) (например: у Странствующей Истины – *advances from a state of chattelism towards that of a woman and a mother* [7, p. 38]). Писательницы не так часто, как авторы-мужчины, говорят об этом прямо, но через те или иные косвенные намеки эта метафора (рабство – смерть) всплывает во многих рассказах рабынь (например, Мэри Принс вспоминала, как ее мать, одевая детей для продажи на торгах, говорила, что одевает их в саван – *"See, I am shrouding my poor children; what a task for a mother!"* [9, p. 3]). Если дети рождались и выживали, то матери готовы были пойти на любые жертвы ради них. Странствующая Истина отмечала, что материнство наделяет женщину такой силой, что она способна преодолеть любые препятствия (*I know'd I'd have him agin. <...> Why, I felt so tall within--I felt as if the power of a nation was with me!* [7, p. 45]). Ее, как и Э. Кекли, также волновало, как нужно воспитывать детей, как привить те принципы морали, согласно которым ребенок будет жить дальше.

С темой материнства часто было связано и понятие "home", так как прежде всего оно понималось, как место, в котором могли бы собраться все дети, а мать могла бы быть вместе с ними и воспитывать их (...a home, around whose sacred hearth-stone she could collect her family, <...>, where she could cultivate their affection, administer to their wants, and instil into the opening minds of her children those principles of virtue... [7, p. 72]). Некоторые писательницы, например, Э. Кекли, ассоциировали понятие "home" с местом своего рождения, отмечая, что там оживали воспоминания о собственном детстве, о поцелуе матери, поэтому оно всегда дорого для человека несмотря на то, что там он попал в рабство.

Важной проблемой, затрагиваемой во всех историях рабов, написанных женщинами, является вера и отношение к Богу. В целом в отличие от повествований рабов-мужчин (за исключением особой группы рассказов о религиозном спасении) отношения с Богом у женщин носят более личностный характер, при этом чаще всего они говорят об Иисусе, выделяя его как страдающего и всепрощающего человека, а не сурового и всевидящего Судью. Странствующая Истина, например, описывает его как "мягкого, доброго, хорошего" друга, из которого исходила любовь (...he appeared to her delighted mental vision as so mild, so

good, and so every way lovely, and he loved her so much! [7, p. 67]; I saw him as a friend, <...>, through whom, love flowed as from a fountain [7, p. 69]). Героини историй рабов ведут беседы с Богом, спрашивают его, справедливо ли такое устройство мира (Странствующая Истина), просят у него прощения за свои грехи (М. Принс). Не получив никакого религиозного воспитания, они часто молят Бога о том, что само по себе является грехом. Л. Пике, например, поняв, что хозяин никогда не освободит ни ее, ни детей, просит Бога о смерти белого отца своих детей, но, когда он заболевает и ему становится хуже, она чувствует сострадание и молит Бога помочь ее хозяину обрести веру. После освобождения большинство рабынь становятся членами церкви и по-настоящему обретают веру, тогда они начинают искать в своей религии ответы на многие вопросы и хотят найти истину и настоящую свободу в вере (...I must pray to God to change my heart, and make me to know the truth, and the truth will make me free [9, p. 22]).

Ещё одной особенностью повествований, написанных рабынями, является тема важности устной речи. Они включают в свои произведения религиозные и народные гимны и спиричуэлс чаще, чем авторы-мужчины, которые отдают предпочтение высказываниям белых писателей, религиозных деятелей и философов. Авторы-женщины передают рассказы своих родителей и других родственников о тех членах семьи, которых продали и которых, например, младшие дети не видели вообще. При этом подчеркивается, что эти рассказы повторялись многократно. Кроме того устное слово важно, потому что говорящий наделяет его дополнительными оттенками благодаря своему голосу, тону, словно зачаровывая тех, кто его слушает. Это невозможно передать на письме, что отмечают как белый редактор истории Странствующей Истины, так и те, кто присутствовали на ее выступлениях (*The impressions made by Isabella on her auditors, when moved by lofty or deep feeling, can never be transmitted to paper...* [7, p. 45]; , in the deepest and most solemn tones of her powerful and sonorous voice. Its effect ran through the multitude, like an electric shock <...> to enchain them longer with her spell [7, p. 119]). В отличие от авторов-мужчин большинство писательниц не говорят о важности обучения (среди рассмотренных нами произведений бывших рабынь лишь Э. Кекли отмечает, что единственным упреком, который она бы могла адресовать своим хозяевам, было то, что они не научили ее читать и писать). Остальные авторы-женщины не сосредотачивают на этом аспекте своей жизни в рабстве особого внимания, они могут мимоходом упомянуть, что научились читать и писать либо нет. Ведь отсутствие образования не мешает, как считала Странствующая Истина, знанию божьего закона в сердце, что, по-видимому, и делало человека свободным.

Значимость имени подчеркивается во всех повествованиях, вне зависимости от гендерной принадлежности автора. Многие авторы отмечали, что после освобождения сменили свое имя/фамилию, чтобы полностью разорвать связь с хозяином (чья фамилия обычно давалась всем его рабам) и выстроить новую

идентичность. Например, Странствующая Истина взяла новое имя, которое, по ее мнению, соответствовало состоянию души и ее новой миссии – выступать в разных городах и нести свое понимание Бога людям. Однако у многих авторов-женщин смена имени была связана с выходом замуж за свободных темнокожих, этим именем они еще раз подчеркивали важность семьи в своей жизни (Л. Пике, Э. Кекли), а не рабскую зависимость от другого человека.

Таким образом, в историях рабов, написанных темнокожими писательницами, можно выделить ряд особенностей, который отличают эти произведения от

повествований, написанных авторами-мужчинами. В первую очередь, авторы-женщины привлекают внимание к невозможности отразить в тексте весь опыт рабынь вследствие деликатности многих его аспектов. Другой значимой особенностью данных произведений является особый акцент на важности семьи и связей со своим культурным сообществом, а также огромной роли устной речи в жизни рабов. Большинство рабынь формирует собственную идентичность под влиянием своей семьи и культурного наследия всей общины; истинная вера становится еще одним утешением в их тяжелой жизни.

Литература

1. Удлер, И. М. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра “невольничьего повествования” в XVIII – XIX веках / И. М. Удлер. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 239 с.
2. Black Writers in Britain 1760 – 1890: an Anthology / eds. P. Edwards, D. Dabydeen. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. – 239 p.
3. Craft, W. Running a Thousand Miles for Freedom; or, the Escape of William and Ellen Craft from Slavery / W. Craft. – London, 1860. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/craft/craft.html> (дата обращения: 2.08.2012).
4. The House of Bondage or Charlotte Brooks and Other Slaves, Original and Life-like, as they Appeared in their Old Plantation and City Slave Life; Together with Pen-pictures of the Peculiar Institution, with Sights and Insights into their New Relations as Freedmen, Freemen, and Citizens by Mrs. Octavia V. Rogers Albert. – NY, 1890. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/albert/albert.html> (дата обращения: 2.08.2012).
5. Keckley, E. Behind the Scenes, or, Thirty years a Slave, and Four Years in the White House / E. Keckley. – New York: G. W. Carleton & Co., Publishers, 1868. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/keckley/keckley.html> (дата обращения: 2.08.2012).
6. Louisa Picquet, the Octoroon, or, Inside Views of Southern Domestic Life. – NY, 1861. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/picquet/picquet.html> (дата обращения: 2.08.2012).
7. Narrative of Sojourner Truth, a Northern Slave, Emancipated from Bodily Servitude by the State of New York, in 1828. – Boston, 1850. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/truth50/truth50.html> (дата обращения: 2.08.2012).
8. The Oxford Companion to African American Literature / ed. by William L. Andrews, Frances Smith Foster, Trudier Harris. – NY: Oxford University Press, 1997. – 866 p.
9. Prince, M. The History of Mary Prince, a West Indian Slave. Related by Herself. With a Supplement by the Editor. To Which Is Added, the Narrative of Asa-Asa, a Captured African / M. Prince. – London, 1831. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/prince/prince.html> (дата обращения: 2.08.2012).

Информация об авторе:

Сапожникова Юлия Львовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета; (4812)38-00-77, sapojnikova@rambler.ru.

Yulia L. Sapozhnikova – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of the English Language and Interpreting, Smolensk State University.

Статья поступила в редколлегию 28.10.2013 г.

МОТИВ ЧУДА В ЛИРИКЕ А. ШТЕЙГЕРА

Т. В. Сараева

MOTIVE OF THE MIRACLE IN A. SHTEYGER'S LYRICS

T. V. Saraeva

Статья посвящена рассмотрению мотива чуда в лирике А. Штейгера. Анализ стихотворений («Бывает чудо, но бывает раз...», «Все писали стихи...», «У нас теперь особый календарь...», «Может быть, это лишь заколдованный круг...» и др.) из итогового сборника « $2 \times 2 = 4$ » позволяет утверждать, что мотив чуда является одним из ключевых мотивов лирической системы поэта. Он соотносится с такими мотивами, как надежда, отчаяние, любовь, болезнь, вера, сон и др. Кроме того, мотив чуда актуализирует обращение А. Штейгера к жанровой форме литературной молитвы.

The paper focuses on the motive of the miracle in A. Shteyger's lyrics. The analysis of poems («*There is a miracle, but only once...*», «*We now have a special calendar...*», «*That can be just a vicious circle...*») from the full collection « $2 \times 2 = 4$ » allows to claim that the motive of the miracle is one of key motives in the poet's lyrical system. It corresponds to such motives as hope, despair, love, illness, belief, dream, etc. Besides, the motive of the miracle staticizes A. Shteyger's appeal to the genre of literary prayer.

Ключевые слова: мотив, чудо, Штейгер, литературная молитва.

Keywords: Motifs, miracle, Shteyger, literary pray.

Анатолий Сергеевич Штейгер – поэт «молодого» эмигрантского поколения. Его называли главным и лучшим выразителем «парижской ноты». Все теоретические положения, которые провозглашал Г. Адамович, Штейгер воплотил в поэзии. Разработанные учителем каноны простоты, бедности и серьезности являются основой его лирики: «Теоретические умствования Адамовича о том, что поэзия должна быть не произведением искусства, а «человеческим документом», Штейгеру удалось превратить в живое слово. В его стихах нет манерности, вычурности – все просто, точно и ясно – так, как того требовал Адамович. Но еще – в любой миниатюре Штейгера поражает отсутствие надуманности» [8, с. 50].

При жизни А. Штейгер опубликовал три поэтических книги – «Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1932) и «Неблагодарность» (1936). Незадолго до смерти им был подготовлен сборник « $2 \times 2 = 4$ », в который вошли избранные стихотворения из трех предыдущих книг и новые, написанные в период с 1926 – по 1939 годы.

В оценке стихов А. Штейгера современники поэта единогласны. Г. Адамович в своих воспоминаниях пишет о творческой эволюции Штейгера следующее: «В его ранних стихах таланта, по-моему, заметно не было (...). Стихи Штейгера формально не были плохи; нет, они были легки, изящны, да и темы были в них самые изысканные, все больше о каких-то принцах, орхидеях, колоннадах и кружевах. Но того, что превращает стихи в поэзию, в них, казалось, нет и в помине. Главное – не было своей интонации, своего звука. Потом, с годами, Штейгер стал настоящим поэтом» [1, с. 102].

От подражательности и трафаретности Штейгер приходит к своим собственным стихам, они становятся доработанными, заостренными. Г. Иванов, характеризуя его поэзию, писал: «Стихи Штейгера – прекрасная иллюстрация к фразе: «Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана». Они пример того, какое значение имеют вкус, чувство меры, поэтическая культура. Каждое стихотворение Штейгера – маленький шедевр вкуса,

тонкости, чутья, доведенного до совершенства умения полностью использовать свои выигрышные стороны, искусно миновав слабые...» [3, с. 180].

Несмотря на это, в современном литературоведении имя этого поэта оставалось долгое время незамеченным, только недавно стали появляться первые работы о его творчестве, среди них О. С. Кочеткова, В. Крейд, А. А. Кузнецова, Г. Мосешвили, Н. В. Налегач, А. Саакянц. А. Саакянц рассматривает творчество Штейгера в диалоге с М. Цветаевой, он является адресатом и лирическим героем её цикла «Стихи сироте». Работа Н. В. Налегач посвящена поэтическому диалогу А. Штейгера с И. Анненским. О. С. Кочеткова в своих трудах исследует ценностную оппозицию «ребенок» – «взрослый» в поэтическом мире Штейгера. В этой оппозиции детство оказывается чудом, которое навсегда утеряно. Однако неисследованным остаётся мотив чуда как центральный мотив последнего поэтического сборника « $2 \times 2 = 4$ ».

Обращение к чуду имеет давнюю традицию в русской литературе. Этот интерес во многом определяет жанровое своеобразие древнерусской литературы (житийные повествования). Феномен чуда подробно исследован на материале древнерусской литературы Д. С. Лихачёвым, М. В. Рождественской, Е. В. Душечкиной. В статье «Событие и чудо» Ю. В. Шатин говорит об эволюции категории чудесного в русской литературе. Если в древнерусской литературе чудесная ирреальность и событийная действительность никогда не смешиваются, то в литературе нового времени чудо начинает отождествляться с событием: «культура с древних времён разграничивала чудо как результат сверхъестественного и событие как результат изобретения авторской воли. Перефразируя Аристотеля, можно было бы сказать, что чудо говорит о действительно случившемся, а событие о том, что могло бы случиться по вероятности или необходимости. Разграничение чуда и события как двух противоположных способов сюжетообразования и сюжетостроения – важнейший признак

литературы вплоть до нового времени. Литература нового времени, напротив, допускает изображение чуда как события и события как чуда (или его значимого отсутствия)» [11, с. 9].

Мотив чуда является одним из значимых мотивов лирики А. Штейгера – именно им открывается финальный сборник поэта « $2 \times 2 = 4$ », в который вошли избранные стихотворения из трех предыдущих книг и стихотворения, написанные в период с 1926 – по 1939 годы.

В первом же стихотворении в рациональную формулу « $2 \times 2 = 4$ », ставшую символом здравого смысла и отвергающую всякую иррациональность, проникает сверхъестественное, то, что нельзя объяснить интеллектуальным анализом.

Бывает чудо, но бывает раз,
И тот из нас, кому оно дается,
Потом ночами не смыкает глаз,
Не говорит и больше не смеется.

Он ест и пьет – но как безвкусен хлеб...
Вино совсем не утоляет жажды.
Он глух и слеп. Но не настолько слеп,
Чтоб ожидать, что чудо будет дважды [12, с. 21].

В основе этого стихотворения лежит слияние рационального и иррационального. Но прекрасное событие – чудо здесь является лишь составляющей формулы: «Бывает чудо, но бывает раз...» – это попытка математически высчитать возможность возникновения чудесного в обыденной жизни человека. Человек, которому дана возможность пережить состояние чуда, не обретает гармонии, наоборот, он попадает в ситуацию безрадостного существования. Чудо, врываясь в логическую структуру, приводит к непредсказуемым последствиям. Сверхъестественное нарушает целостность, гармонию. «Он ест и пьет – но как безвкусен хлеб... / Вино совсем не утоляет жажды. / Он глух и слеп...» [12, с. 21]. Чудо представляется небезопасным, поскольку нарушение привычного течения жизни приводит к тому, что герой становится безразличным к обыденной реальности.

В стихотворениях «Все писали стихи...» и «В сущности так немного...» даны составляющие чуда: любовь, дом, дружба, луна и звёзды. Оказывается, что чудо, ожидаемое героем, это не сверхъестественный феномен, а часть реальной действительности, часть жизни. Сразу бросается в глаза контраст между словом «чудо» и будничностью ситуации. Что тут чудесного? Ведь все эти реалии жизни по сути никак с чудом не связаны. Лирический герой Штейгера находится в состоянии небытия. Это вынужденное небытие русского эмигранта – он не существует для родины, для родной культуры. Он находится в чужом пространстве небытия, которое является и внутренне и внешне пустым, он ведёт жалкое полусуществование. Лирический субъект оказывается в трагической ситуации, на пороге между возможностью чуда и отчаянием: «И слышится с неба ответ / Не ясный. Ни да, ни нет» [12, с. 36]. Молитва звучит и в стихотворении «Господи, я верую и жду...». Поэзия выполняет функцию Священного Слова – с одной стороны само стихотворение построено как молитва: начинается с обращения к Творцу, есть восхваления и просьба, ради которой и звучит это Слово: «Сотвори же чудо из чудес – / Маленькое чудо для меня...» [13, с. 6]. С другой стороны, лирический герой стихотворения – поэт, и его поэзия –

это тоже молитва: «Я пишу рассказы и стихи / И в стихах, рассказах, наяву, / Темной ночью, на рассвете, днем, / Я одно заветное ...» [13, с. 6]. С самого начала стихотворения лирический герой находится в состоянии душевного отчаяния: «Но доколь, о Господи, доколь, / Мне терпеть душевную нужду, / Выносить сомнение и боль?» [13, с. 6]. Но лирический субъект не понимает, что чудо ему уже дано: «Но одна отрада мне дана – / Я пишу рассказы и стихи...» [13, с. 6]. Да, он видит, что это единственное счастье, которое у него есть, но не осознает, что это и есть то чудо, о котором он просит. Он вступает в диалог с Творцом в процессе творчества. Вспомним, что в одном из стихотворений он слышит ответ: «И слышится с неба ответ / Не ясный. Ни да, ни нет» [12, с. 36]. Поэзия тоже оказывается чудом, потому что она является связью с другим миром.

В стихотворении «У нас теперь особый календарь...» происходит чудо свершившейся мольбы. Как и в первом стихотворении, чудо полностью меняет ход вещей, но если в первом случае меняет душевное состояние, то во втором – изменяет течение времени. Теперь время для героя отсчитывается с момента свершения чуда: «У нас теперь особый календарь...». Отметим, что время не совпадает со светским началом года («В тот день совсем не 1-й был Январь...») и не соответствует церковным праздникам («Не Рождество, не Пасха, не Крещение...»). Важным становится именно то, что чудо происходит в самый обычный день, когда лирический герой находится в состоянии отчаяния («И не было особенных надежд...»). То есть чудо не подготавливается предшествующим течением времени, но оно способно остановить время, прервать его, сделать границу между миром реальным и ирреальным условной. Описание чуда даётся в микроцикле, который открывается стихотворением «Будь, что будет, теперь до конца...»:

... это был лишь короткий миг,
Но он был невозможней, краше,
Чем все то, что мы знали из книг,
Чем все сны, все надежды наши [13, с. 32].

Один миг оказывается лучше и прекраснее, чем вся жизнь, этот миг и заключает в себе жизнь. Приведем второе стихотворение микроцикла:

Ведь это было, было наяву –
Совсем не сон, совсем не наважденье.
(И я лишь лгу теперь, что я живу
И всех ввожу напрасно в заблужденье).

...Но стоит только отойти, присесть,
Закрыть глаза, – чтоб начало казаться,
Что дальше невозможно спать и есть,
Ходить в кафе... Как все, за жизнь хвататься [13, с. 32].

Непосредственно слово «чудо» здесь не употребляется, но сюжет развивается аналогично сюжету стихотворения «Бывает чудо, но бывает раз...». Лирический субъект после встречи с чудесным перестает воспринимать свою реальную жизнь, она превращается в тягостное существование. Чудо нарушает естественный ход событий.

Лирический герой Штейгера не хочет осознавать, что чудо происходит только раз и не оставляет после себя следа. Так, например, в стихотворении «Не верю, чтобы не было следа...» он пытается пережить чудо ещё

раз хотя бы в воспоминаниях. Перебирая старые письма, он пытается заново прожить момент любви и нежности, которые в поэтическом мире Штейгера приравниваются к чуду. Но ещё раз пережить это состояние он не может, отсюда и возникают образы закрытого альбома и сожженных писем. Альбом и письма не помогают лирическому герою вернуть чудо, поэтому и сжигаются.

В стихотворении «Может быть, это лишь заколдованный круг...» надежда на чудо является своеобразным авторским возмещением тягостного ощущения близости смерти. Всё стихотворение построено на оппозиции. К одному полюсу (отрицательному) относятся больница, эфир, врач; к другому (положительному) – некошенный луг, зефир, друг. Отрицательный полюс и является заколдованным кругом, неизменной дурной бесконечностью – это безвыходная ситуация болезни, в которой оказывается лирический герой. Здесь мир сужается до горизонта больного. Чудо, о котором мечтает герой, уже не бытовое, а сказочное чудо. Оно должно не только вырвать его из заколдованного круга, но и тем самым расширить горизонт от больницы до «большого» мира. Сказочное чудо мы видим и в стихотворении «Лес вдали стоит уже немой» из цикла «Бессарабия». Но здесь оно должно спасти его не от больничной палаты, а высвободить из чужого эмигрантского мира. Лирическому герою важны встречи с пастушком, который в данном стихотворении выполняет функцию волшебного помощника, он помогает герою-эмигранту, хотя бы мысленно, переносится в Россию. Даже имя пастушка сказочное – Иван: «Мягкий профиль русского лица. Пастушка зовут, как в сказке – Ваней» [12, с. 84]. Но в этом же стихотворении лирический герой понимает, что чудо не может спасти от войны (цикл «Бессарабия» написан в 1939 году): «Дома будут речи про войну, / Убереечь уже не может чудо...» [12, с. 84]. Разговоры о войне противопоставлены молчанию с Ваней, в том сказочном мире нет звуков, которые нарушали бы покой, это беззвучный мир: «немой лес», «тихий вечер», «он молчит». Разговор – нарушение гармонии, поэтому после них он не может уснуть: «Буду спать тревожно, чутко, худо» [12, с. 84].

Мотив чуда сопровождается вспомогательным мотивом надежды. В стихотворении «Не эпилог, но всё идет к концу...» разворачивается сюжет угасания любви, отношения лирического героя и возлюбленной определяются как роман. Это угасание проявляется и на уровне строфики – каждая последующая строфа меньше предыдущей: 4 – 3 – 2. Но последнее двуступище вводит с собой мотив надежды: «... а если вариант: с ума сводящий жест – / Объять грубоватое за шею?» [12, с. 41]. Лирический субъект ждет чуда – объявления, которое выведет их из ситуации расставания, даст возможность на другое (счастливое) развитие сюжета.

Литература

1. Адамович, Г. О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем / Г. Адамович // Одиночество и свобода; сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. – М., 1996.
2. Горбунова, А. И. Литературная критика на страницах журналов и газет «Русского Парижа» 1920 – 1930-х годов / А. И. Горбунова. – Саранск, 2004. – 208 с.
3. Иванов, Г. Поэзия и поэты / Г. Иванов // Возрождение. – 1950. – № 10.
4. Кочеткова, О. С. Проблема внутреннего и внешнего пространства в судьбе и творчестве А. С. Штейгера // Вестник Московского университета. – 2010. – № 2. – С. 81 – 94. – (Серия: Филология).
5. Крейд, В. Что такое парижская нота / В. Крейд // Слово. – Word. – 2004. – № 43 – 44.

В стихотворении «Неужели ты снова здесь?» мотив надежды звучит уже в вопросительной интонации. Сюжетом является повторившаяся встреча. Пауза во времени между двумя встречами дает герою надежду, что любовь и счастье возможны, но появляется мотив обманутой надежды: «И снова смесь / Пустоты и тоски – ошибка...» [12, с. 48]. Мы видим обман, который усиливает мотив безнадежности. Основой всего стихотворения является оторванность идеальной мечты от реальной жизни и ситуация утраченных иллюзий.

Той же вопросительной интонацией начинается стихотворение «Неужели навеки врозь?» Но в отличие от предыдущих стихотворений здесь лирический герой точно знает, что продолжения не будет, но он всё равно не хочет терять надежду: «Но не каждый ведь скажет – «Брось, / Не надейся» – слепцу, калеке...» [12, с. 64]. Он сравнивает себя со слепцом и калекой, которым помочь может только чудо. Финальное многоточие оставляет лирического героя в сложном положении – есть надежда, что чудо произойдет, на что указывают финальные строки, которые являются противопоставлением к первой части стихотворения (союз «но»); но чуда может и не быть, ведь «сердце знает», что счастье невозможно. Мотив чуда является одним из самых насыщенных в лирике А. Штейгера. Он функционирует во всех лирических сборниках поэта. В финальном сборнике «2 x 2 = 4» он является одним из центральных мотивов – он не только композиционно открывает этот сборник, но и сюжетно переходит ко многим стихотворениям в сборнике. Составляющие чуда в лирической системе поэта просты, как «2 x 2 = 4», но оно появляется тогда, когда разум не может объяснить какое-то явление человеческой жизни, что и заявлено в финальном стихотворении: «Разум, увы, здесь не будет ключом. / Жизнь точно сон...» Не понять в пересказе...» [12, с. 96]. Сон и чудо в данном сборнике выступают как контекстуальные синонимы, оба эти понятия связаны с иррациональной стороной жизни. Но и иррациональное (чудо) является лишь одним из множителей формулы «2 x 2 = 4», потому что поэтом предпринимается попытка математически высчитать появление сверхъестественного в жизни человека.

Мотив чуда проходит через всё поэтическое творчество А. Штейгера. Но если в первых трех сборниках («Этот день», 1928; «Эта жизнь», 1932; «Неблагодарность», 1936) он только формируется, то в книге «2 x 2 = 4», которая, напомним, является итоговой, этот мотив становится ключевым. Он связывает между собой главные темы лирики А. Штейгера – мотив чуда связан и с темой безответной любви, и с темой неизлечимой болезни, и с бесконечным одиночеством.

6. Кузнецова, А. А. Идеиное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, Н. Одоевцева, В. Яновский: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кузнецова. – М., 2005. – 241 с.
7. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979. – 303 с.
8. Мосешвили, Г. Стихи из заколдованного круга / Г. Мосешвили // Литературное обозрение. – 1996. – № 2.
9. Налегач, Н. В. Поэтический диалог А. Штейгера с И. Анненским в итоговой книге «2 x 2 = 4. Стихи 1926 – 1939» / Н. В. Налегач // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 56. – С. 48 – 52. – (Серия: Филология).
10. Рождественская, М. В. Поэтика древнерусской литературы / М. В. Рождественская // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2003. – С. 8 – 15.
11. Шатин, Ю. В. Событие и чудо / Ю. В. Шатин // Дискурс. – 1996. – № 2.
12. Штейгер, А. 2 x 2 = 4. Стихи 1926 – 1939 / А. Штейгер; библиогр. заметка А. Головиной; предисл. Ю. Иваска. – New York, 1982.
13. Штейгер, А. Мертвое «да»: Стихотворения, проза, воспоминания, письма / А. Штейгер // Рудня-Смоленск: Мнемозина, 2009. – 489 с.

Информация об авторе:

Сараева Татьяна Васильевна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ, +7-950-587-82-65, sa-tanua-ll@mail.ru.

Tatiana V. Saraeva – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 07.11.2013 г.

УДК 82.312

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТРУД» И ЕГО НАПОЛНЕНИЕ В ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

(В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов)

Л. С. Старикова

THE CULTURAL CONCEPT OF «SOCIALIST LABOUR» AND ITS CONTENT IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

(V. Shalamov, S. Dovlatov, V. Maksimov)

L. S. Starikova

Дана характеристика понятия «лагерная проза», рассматривается и анализируется культурный концепт «социалистический труд» в лагерной прозе. В анализе раскрывается несоответствие понимания труда в советской этике и в образе советской реальности, воплощаемой властью в ГУЛАГе. Лагерная проза и ее писатели-представители воплощают в образе труда абсурдность существующей советской реальности и положения в ней человека.

The paper provides the characteristics of the notion of labour camp prose; the cultural concept of «socialist labour» in the camp prose is discussed and analysed. The analysis reveals the discrepancy in understanding of labour in the Soviet ethics and in the image of the Soviet reality, represented by the Gulag authorities. Labour camp prose and its writers embody the absurdity of the existing Soviet reality and the individual's position in it in the image of labour.

Ключевые слова: лагерная проза, культурный концепт, труд, В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов.

Keywords: labour camp prose, cultural concept, labour, Varlam Shalamov, Sergey Dovlatov, Vladimir Maksimov.

Существует устоявшееся определение, которое встречается особенно часто в интернет-ресурсах: «лагерная проза – это литературные произведения, созданные бывшими узниками мест заключения» [2]. Данное единичное определение понятия лагерной прозы не кажется нам обоснованным в полной мере, поэтому мы будем говорить о его условности. В этом определении направление формируется исходя из личных биографий писателей, тогда как любой литературный жанр, направление или литературная эпоха складываются за счет внутренних художественных характеристик.

В отечественном литературоведении нет работ, четко отслеживающих появление самого термина лагерная проза. По мнению Ю. В. Маловой, «впервые термин «лагерная тема» был выдвинут В. Т. Шаламовым» [6]. В своем манифесте «О прозе» он пишет: «Так называемая лагерная тема – это очень большая тема, на которой разместится сто таких писателей как Солженицын и пять таких писателей, как Лев Толстой» [14, с. 153]. Лагерная тема является многоплановым понятием, так как существует и лирика, и мемуары, и проза, соответствующие данной тематике. Но изначально появилось именно прилагательное «лагерная», которым Шаламов обозначил

проблематику художественной формы рассказа, базирующейся на лагерном жизненном опыте. После этого данное словосочетание и сочетание «лагерная проза» начинают активно использоваться в названиях исследовательских работ, становясь сначала синонимом лагерной прозы, но сейчас данное понятие используется только для эпических произведений. Но также лагерная проза не исчерпывается только лагерной темой, так как тема советского ГУЛАГа, становящаяся материалом для лагерной прозы, представляется нам лишь элементом последней, включающей не только подлинное описание событий, произошедших в лагере, но и художественное осмысление зоны, тюрьмы (образ), индивидуальные авторские концепции понимания человека, его поступка, что, в свою очередь, выводит в сферу экзистенциальной философии – проблема существования человека и его поведения в пограничной ситуации несвободы и смерти. В итоге лагерная тема может воплощаться в разных жанрах и родах литературы, а для лагерной прозы служит одной из ее частей, определяющих основное тематическое содержание, но не исчерпывающих ее проблематики. Попытаемся обозначить черты лагерной прозы, характерные для произведений, составляющих ее контекст:

- общая тематика и проблематика: тюрьма, зона/лагерь, система ГУЛАГа в целом, несвобода, экзистенциальные мотивы, восприятие смерти и жизни, материального и духовного;

- автобиографический характер повествования, что обусловлено личным опытом писателей («Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли» [13, с. 151]);

- документальность и связь с историей: лагерь существовали и развивались в определенный исторический период («Все, что написано о лагерях, тюрьмах, острогах – это своеобразные исторические и человеческие документы... В. Шаламов написал рассказы, неотличимые от документа, от мемуара» [6]);

- конкретность описаний, бытовое восприятие действительности (как следствие документальности);

- художественный образ лагеря, воссоздаваемый в индивидуально-авторских картинах мира.

Мы будем понимать под лагерной прозой направление, проявившееся в развитии русского литературного процесса конца 50-х – 90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (и очевидцев, и тех, кто наблюдал со стороны или не видел вообще). Поэтому и в данной статье относительно произведений лагерной тематики мы будем говорить не о лагерном труде, а о культурном представлении, концепте социалистического труда, возникающем в лагерной прозе.

Значительным этапом в освоении и применении термина «концепт», вхождении его в культурологические исследования стал теперь уже всем известный «Словарь концептов русской культуры» Ю. С. Степанова. Под «культурный концепт» подводятся не только слова, мифологемы, но также и ритуалы, вещи и материальные предметы, если они, разумеется, несут духовный смысл и выступают в роли символов. Культурный концепт – это точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это «сгу-

сток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру», с иных позиций концепт – это содержание понятия и спрессованная история понятия [10, с. 40, 42].

В круг писателей лагерной прозы входят следующие имена: В. Т. Шаламов, С. Д. Довлатов, А. И. Солженицын, В. Е. Максимов, Е. Гинзбург, О. Волков, А. Жигулин. Часть исследователей, занимающихся изучением их творчества, также придерживаются точки зрения о тематическом принципе определения лагерной прозы (используют данный термин в своих работах): Ю. Малова, Е. А. Мухина, Н. Л. Лейдерман, Е. Волкова, Л. В. Жаравина, И. Сухих, Е. Михайлик, М. Никольсон, Б. Н. Юмдылакова, А. Ю. Минералов.

Целью данной статьи является рассмотрение культурного концепта труда, складывающегося в творческом сознании трех писателей разных поколений, разного лагерного опыта и эстетических установок. Материалом анализа послужили следующие произведения: цикл В. Шаламова «Воскрешение лиственницы», но обращаясь и к его автобиографической прозе, также подключены повесть «Зона» С. Довлатова и роман В. Максимова «Кочевание до смерти».

Труд являлся особой категорией в понимании советской этики и марксистско-ленинской философии. «В. И. Ленин писал, что у людей, не прошедших закаляющую школу труда, появляются разгильдяйство, небрежность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией и т. д.» [9]. Трудовое воспитание включает в себя в соответствии с советским мировоззрением презрение «к тунеядцам и лентяям; воспитание чувства ответственности за общее дело, коллективизма, сознания общественного долга, сознательного отношения к трудовой дисциплине, неприятие и искоренение частно-собственнической психологии, эгоизма, индивидуализма; развитие моральных стимулов к труду, чтобы из обязанности труд постепенно превращался в жизненную потребность людей» [9]. Главные идеологи коммунизма Ф. Энгельс и К. Маркс отдавали труду одно из центральных мест в человеческом развитии в целом. Ф. Энгельс писал, что труд – «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [8]. Они подчеркивали роль труда для всех исторических формаций, по К. Марксу, «вся история есть не что иное, как образование человека человеческим трудом» [8]. В. И. Ленин возводит труд в некое подобие инстинкта, который свойственен человеку от рождения, но тогда вся личная мотивация и заинтересованность в труде для самого себя отпадают изначально, так как нет индивидуальности, есть человек в обществе, трудящийся исключительно на благо общества: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбывания определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма» [8]. Но несмотря на

такой идеологической настрой и мораль, понимание труда как основы советской нравственности, именно в советское время формируется и развивается система исправительных трудовых лагерей (ГУЛАГ), которые фактически использовали труд в целях физического насильственного истребления народа.

15 апреля 1919 года был опубликован декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ», и с этого времени использование труда заключенных в неограниченном количестве стало законным. 24 апреля 1930 г. по приказу ОГПУ было образовано Управление лагерями. 3 августа 1933 года постановлением СНК СССР утверждается Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР, прописывающий различные аспекты функционирования ИТЛ. Но уже к началу 1930-х годов труд заключенных в СССР рассматривался как экономический ресурс. С экономической точки зрения лагеря были очень умным и выгодным мероприятием для новой власти. Это решало сразу несколько проблем, и было обусловлено несколькими целями: изоляция опасных для советской власти элементов общества, их использование в качестве бесплатной рабочей силы, возможность при помощи страха держать под контролем основные массы населения.

Очень четко отношение властей к заключенным как к экономическому ресурсу выразил Иосиф Сталин, в 1938 году выступив на заседании Президиума Верховного Совета СССР и заявив по поводу существовавшей тогда практики досрочного освобождения заключенных: «Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо...» [Цит. по: 7]. В итоге лагерный труд становится способом физического уничтожения.

По своему качеству труд на зоне – изначально подневольный, без личной человеческой мотивации. Другим понятием, как только рабский труд, нельзя назвать лагерные работы. Только это была ситуация не с отдельными хозяевами и возможностью выкупить свою жизнь, а с полной принадлежностью государству, без мысли на освобождение, уважение или сочувствие, без права голоса. Это понимали немногие, основная масса заключенных, особенно, осужденные по политическим статьям, надеялись, что произошла ошибка, что ее можно исправить, что соответствующие органы во всем разберутся, но в сталинских лагерях людей вели просто на смерть.

Отметим тот факт, что в книгах советского периода методы власти абсолютно оправдывались как верные. И звучит это еще хуже, чем в художественных произведениях бывших заключенных. Для простого народа лагеря были запретной темой, но меры власти не обсуждались, они были изначально верными, не подлежали сомнению, а значит и лагерные работы были оправданной необходимостью. В качестве примера приведем цитату из труда Н. А. Беляева от 1963 года: «При этих условиях совершенно необъяснимым является положение, при котором трудоспособные лица, находящиеся в местах лишения свободы и злостно уклоняющиеся от труда, все же обеспечиваются питанием. Это положение, закрепленное в нормах исправительно-трудового права, противоречит конституционному принципу «кто не работает,

тот не ест» и поэтому не имеет права на существование» [1, с. 82].

Перейдем к анализу конкретных произведений и выделим характерные черты образа труда в творчестве В. Шаламова на примере цикла «Воскрешение лиственницы». В. Шаламов и в своих художественных произведениях, и в автобиографических воспоминаниях неизменной мыслью проводит несогласие с физическим лагерным трудом. «Физический труд не гордость и не слава, а проклятие людей. Нигде не прививается так ненависть к физическому труду, как в трудовом лагере. Начальство хорошо знает, что говорит, когда грозит прощтрафившимся подчиненным: «В забой пошлю» [14, с. 261]. Реальный тяжелый труд понимается в отрицательном значении этого слова как категория, с помощью которой можно убить, изжить человека. «В лагере не говорят: «водили на работу» или «ходили на работу», а говорят: «выгнали, выгоняли, гоняли на работу». Так и так говорят все – и начальство, и сами «з/к» [13, с. 480].

В цикле «Воскрешение лиственницы» фигурирует несколько разновидностей труда: физический (забой золотых приисков, работа санитаром, летние разведки в тайге, сбор грибов) и умственный (фельдшер, писание писем на заказ, индивидуальное тайное творчество). Но во всех «Колымских рассказах» есть еще множество видов тяжелой физической работы: лесоповал, работа на заводах, сбор ягод, чистка снега, работа в качестве лошади в упряжке и т. д.

Начальство лагерей относилось к заключенным, как к трудовому скоту. Лошади не выдерживали работы на 60-градусном морозе, а люди выживали, да еще умудрялись делать попытки трудиться на приисках. Добывали золото для государства. Золото на Колыме есть, бесплатные рабы есть в неограниченном количестве. Но количество добытого за все годы существования лагерей колымского золота доказывает безграничность человеческой жестокости: «Государства не хотят терять золото мертвецов. Акты о выбитых золотых зубах составлялись испокон века в учреждениях тюремных, лагерных. Тридцать седьмой год принес следствию и лагерям много людей с золотыми зубами. У тех, что умерли в забоях Колымы – недолго они там прожили, – их золотые зубы, выломанные после смерти, были единственным золотом, которое они дали государству в золотых забоях Колымы. По весу в протезах золота было больше, чем эти люди нарыли, нагребли, накайлили в забоях колымских за недолгую свою жизнь. Как ни гибка наука статистики – эта сторона дела вряд ли исследована» [12, с. 109 – 110]. Бесчеловечно, бессмысленно, но факт – так или иначе, но заключенные приносили пользу экономике государства своей жизнью, либо своей смертью.

Рассказ «Город на горе» из цикла «Воскрешение лиственницы» является примером полного уничтожения человека посредством непосильной работы. Труд становится главным способом пытки или уничтожения. Советским лагерям не нужны были печи или газ, все делал мороз и труд. И человек – уже не человек, он – единица труда. Теперь он ниже по статусу, чем животное, ведь за ним не надо ухаживать и заботиться. «Лагерь стоял на горе, а работы велись внизу, и это доказывало, что нет предела человеческой жестокости. На площадке перед вахтой два надзирателя раскачивали, взяв за руки и за ноги, каждого отказчика и бросали вниз. Арестант ка-

тился метров триста, падал, внизу его встречал боец, и, если отказчик не вставал, не шел под тычками, ударами, его привязывали к волокуше, и лошади тащили отказчика на работу – до забоев было не меньше километра» [12, с. 182]. Данное описание закономерно соотносится с образом адской воронки, поглощающей грешников: труд становится методом пытки, истязания и наказания.

Также на этом самом жестоком прииске находится вахта с надписью: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» – что выглядит издевательством. Это работа, приводящая к смерти: «День за днем я двигался к смерти и ничего не ждал. Все еще я старался вылезти за ворота зоны, выйти на работу. Только не отказ от работы. За три отказа – расстрел. Так было в тридцать восьмом году. А сейчас шел сорок пятый, осень сорок пятого года. Законы были прежние, особенно для спецзона» [12, с. 186]. При этом почти казенная фраза «выйти на работу», подразумевающая собственное желание и выгоду, здесь является демонстрацией власти над заключенными, а для них самих – способом выживания.

Вообще рабочее пространство – пространство золотых приисков – имеет у Шаламова негативную характеристику. Сами забои описываются как воронка ада, куда людей выкидывают как в адскую бездну. И заключенные, и начальники понимали, что их привезли на смерть: «Начальник пришел проверить, хорошо ли мы мокнем, выполняется ли его приказ о пятидесяти восьмой статье, которая никаким активкам не подлежит и которая должна готовиться в рай, в рай, в рай» [12, с. 121]. Там процветала безнаказанность убийства: «Вскоре Полянский умер – упал где-то в забое. Бригадир его ударил кулаком в лицо» [12, с. 125]. Прииски являются единственным чисто отрицательным пространством из всех пространств, описанных В. Шаламовым, где нет ничего, кроме произвола, издевательств и в итоге смерти.

Сам труд в поэтике Шаламова отражает центральное противоречие его произведений, которое сливается в одно целое – это оппозиция живое-мертвое. Все пространства в мире Колымы Варлама Шаламова подчинены этому неразделенному противоречию. И лагерный труд тоже вписывается в эту систему. Сама работа в лагере – заведомая смерть, людей, посылая в забой, посылали на смерть. Но также этот труд – возможность остаться живым, ведь отказ от работы – расстрел.

Самое тяжелое, что работа становится ужасной участью и необходимостью выживания, даже входит в ранг инстинктов, наряду с голодом и желанием тепла. В положении заключенных мысли сводились всего к нескольким, и одной из них была мысль о тяжести труда, о том, где взять на него силы. «Больше, чем мысль о смерти, меня занимала мысль об обеде, о холоде, о тяжести работы – словом, мысль о жизни» [13, с. 443]. – так вспоминает Шаламов. «Я большого роста, а это все время моего заключения было для меня источником всяческих арестантских мук. Мне не хватало пайки, я слабел раньше всех, и раньше других увидел, что физический труд – это проклятие человека. А арестантский, принудительный есть еще и бесконечное, ежедневное унижение» [13, с. 453]. Труд становится не только физической, но и психологической пыткой.

Особым последствием такого труда в лагерях стало калечение себя. Сломать руку или ногу не считалось

аморальным, но если надзиратели ловили на предумышленном калечении, то жестоко карали. В. Шаламов в рассказе «Город на горе» пишет: «Я нашел выход: сломать руку. Я бил коротким ломом по своей левой руке, но ничего, кроме синяков, не получилось. Не то сила у меня была не та, чтоб сломать человеческую руку, не то внутри какой-то караульщик не давал размахнуться как следует» [12, с. 187]. Мы можем заметить, на какой грани должен быть человек, чтобы сознательно и целенаправленно калечить самого себя. Но мы также видим, что политическим доходягам, как герой Шаламова, и этот выход не доступен: и сил нет, и совесть мешает. А болезни от истощения до обморожения были у всех, но они не считались достаточным поводом для освобождения от работы, так как носили всеобщий характер, были постоянным условием жизни заключенных. Только совсем доходящих, живых мертвецов определяли на лечение. «Арестантский труд – бесплатный труд, вдвойне бесплатный – всех больных заставили работать или держали выздоравливающих на «истории болезни». На Колыме очень трудно разоблачить, кто здоров, а кто болен» [13, с. 536]. Болезнь не освобождала от работы никого.

В рассказе «Термометр Гришки Логуна» описан сложный и тяжелый переход от труда физического к труду умственному, когда рука уже как форма отлилась для держания черенка лопаты, а не для пера. Работать умом тяжелее, слова физически скрипят в мозгу.

Начало рассказа демонстрирует степень насилия трудом: «Усталость была такая, что мы сели прямо на снег у дороги, прежде чем идти домой» [12, с. 122]. Героя попросили написать письмо начальству, жалостливое и берущее за душу. Это дало возможность герою посидеть лишние часы в тепле. И он писал «потее и радуясь» физической возможности умственного труда. «Трудно было мне писать, и не только потому, что загрубели руки, что пальцы сгибались по черенку лопаты и кайла и разогнуть их было невероятно трудно. Можно было только обмотать карандаш и перо тряпкой потопице, чтобы имитировать кайловище, черенок лопаты. Когда я догадался это сделать, я был готов выводить буквы. Трудно было писать, потому что мозг загрубел так же, как руки, потому что мозг кровоточил так же, как руки. Нужно было оживить, воскресить слова, которые уже ушли из моей жизни, и, как я считал, навсегда» [12, с. 127]. Происходит имитация реального труда для перехода мозга в режим труда словесного. И чтобы вернуться к умственной деятельности, должно произойти воскрешение слова, которое исчезло из жизни заключенного. Слова воскресают не только на бумаге, но и в душе, как феномен и принадлежность к тому, что свойственно человеку как культурному существу. «Я не мог, не мог вызвать из своего иссушенного лагерем мозга ни одного лишнего слова. Не мог заглушить ненависть. Я не справился с работой, и не потому, что слишком велик был разрыв между волей и Колымой, не потому, что мозг мой устал, изнемог, а потому, что там, где хранились прилагательные восторженные, там не было ничего, кроме ненависти» [12, с. 127]. Герой не справился, и за его попытки воскресить в себе живое слово, он получил лишь побои. Но вся проблема оказалась не просто в памяти и ее воскрешении, способности мыслить, проблема в душевной пустоте, возникающей от физическо-

го изнеможения трудом. В душе не осталось места для чего-то светлого, там все уже заполнено, но другой полнотой – злобой и ненавистью.

Еще одним примером перехода от физического к умственному труду можно считать рассказ «Экзамен», где показана сложность данного процесса: этому мешает и зачерствевшая память, но также и само тело. «Девять лет не разгибалась моя кисть, согнутая навечно по мерке черенка лопаты – и разгибающаяся только с хрустом, только с болью, только в бане, распаренная в теплой воде. Я разогнул пальцы левой ладонью, вставил ручку, обмакнул перо в чернильницу-непроливайку и дрожащею рукой, холодея от пота, написал этот проклятый диктант. Боже мой!» [12, с. 194]. Так герой смог сдать экзамен на фельдшера, но сколько труда пришлось приложить, чтобы руки вспомнили после того труда в забоях, как нужно писать. Его рука приобретает черты самой Колымы. Вечная мерзлота – «согнутая навечно» кисть. Также и мысли, и слова застывали навечно, истребляясь из памяти.

Некоторые интеллигенты, так называемые Иван Иванычи, трудились своими познаниями – тискали романы блатным. Это было и унинительно, и стоило душевных и физических сил воскресить в своей голове сюжеты книг, но это был способ выжить в мире блатных. В цикле «Очерки преступного мира» В. Шаламов целый рассказ посвящает описанию данного труда и так его и называет «Как тискают романы» именно с таким ударением. Вообще в произведениях В. Шаламова блатные описаны крайне негативно, так как они были одним из средств государства для обеспечения нелегкой жизни политическим заключенным. Начальство остерегалось обращаться слишком жестоко с так называемыми друзьями народа, а они пользовались этим и даже в лагерях жили хорошо.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что В. Шаламов создает образ непосильного рабского труда, использующегося в лагере для физического и духовного уничтожения человека. Труд является одним из условий деградации человека, что противоречит известной мысли Ф. Энгельса о том, что труд сделал из обезьяны человека. По В. Шаламову именно труд превратил его обратно в животное, способное думать лишь о еде и отдыхе. Именно в произведениях данного писателя мы видим яркий контраст между утверждениями советской этики и реальными мерами, которые внедряли ее в действительность.

Обратимся к следующему произведению в контексте создания образа труда. У Сергея Довлатова в повести «Зона» описывается только мир блатных в лагере. События разворачиваются уже в середине 1960-х годов, трудовые лагеря уже упразднены, остались только уголовные. Герой Довлатова оказывается по другую сторону колючей проволоки, он – охранник, вохровец, и зeki для него – не товарищи по несчастью, а уголовные элементы. У них нет страха перед охраной или карцером, они довольно фамильярно разговаривают со своими стражами. Для блатных труд и работа – особая категория, для них работать – не по их законам, это противоясственно. Если они трудятся, то только для демонстрации своей силы и физической удачи. Например, во второй новелле «Зоны» «Бригаду сантехников выводили на пустырь рыть канализационную траншею» [3, с. 20], но

работа их была не затруднительна: «Каждое утро подконвойные долбили сухую землю. Затем шли курить. Они курили и беседовали, сидя под навесом» [3, с. 20]. Данная деталь – отдыхали «под навесом» – подчеркивает свободное положение уголовников на зоне. Лагерь становится для них естественным местом жизни. Затем на пустырь садится вертолет – происходит чудо, к эску прилетает друг с воли повидаться. Случилась неожиданная ситуация, не положенная по правилам лагеря, но конвой реагирует на это спокойнее, чем сами заключенные. И то, что работа прекратилась, не смутило никого. Очевидно, что Довлатов фиксирует важнейшее изменение в психологии заключенного и охранника – момент полного равнодушия к процессу труда, к его результатам. Зона уже не разделяет людей на уголовников, политических, конвоиров, она объединяет общим ощущением абсурда и нереальности происходящего. Зона у Довлатова – это не государственная система, а феномен, создаваемый самими людьми без их разделения на социальные, психологические, возрастные категории.

В пятой новелле повести «Зона», которая в самостоятельном напечатанном варианте носит название «Марш одиноких», Сергей Довлатов описывает противостояние главного героя вохровца Бориса Алиханова и вора-рецидивиста Купцова. Происходит столкновение характеров, интересов, принципов и побеждает заключенный. Алиханов хотел заставить вора отказаться от своих законов, которым он верит и верен. Он пытался заставить вора работать на лесоповале, трудиться как все. Пространство лесоповала, рабочее пространство характеризуется у Довлатова не слишком ярко. Но если у Шаламова оно связано с опасностью, болью и страхом, то для уголовников рабочее пространство не связано с такими переживаниями. В произведении Довлатова труд заключенных не играет никакой значительной роли в экономике страны: охранники и сами бы не водили уголовников на работу, но они должны делать это по уставу. Данное ежедневное событие стало формальностью, план выполнять нет необходимости, и заключенные прекрасно понимают эту абсурдную ситуацию. Также для некоторых это позор, они не могут работать, так как им не позволяет воровской закон, как например Купцову, которому не позволяет работать еще и родовая принадлежность, он годится своим происхождением: «А я – потомственный российский вор. Я воровал и буду...» [3, с. 55]. И он жертвует левую руку ради своих правил. Как отец Сергей у Л. Н. Толстого отрезал палец, чтобы избавиться от искушения, так и Купцов отрубает руку, чтобы избавиться от искушения начать работу, когда его принуждает надзиратель. Но также он действует потому, что не может проиграть в этой борьбе с надзирателем, они оба пошли на принцип, но Купцов ради своих принципов готов на большее, нежели Алиханов. Здесь мы также отмечаем тот же сюжет калечения себя для освобождения от труда, что и у других писателей.

В жанре анекдота у С. Довлатова написана однанадцатая новелла про то, как блатаря-наркомана убило куском железа во время работы. Труд убивает человека, уходившего много лет от смерти в разборках, холодных реках, драках и т. д. «Бутырин часто видел смерть, избегал ее десятки раз. Это был потомственный скокарь, наркоман, волынщик и гомосек. Да еще – истерик, опрокидывавший залпом в кабинете следователя банку чер-

нил» [3, с. 110]. Довлатов также вводит такую деталь, которая еще больше умаляет значение данной смерти. Его убивает не сам парогенератор (цельная конструкция), а кусок железа в полторы тонны (неопределенная часть). Эта смерть «наводила тоску» [3, с. 110]. Как итог замполит высылает двоюродной тетке письмо, поражающее лживостью и лицемерием, оно создает откровенно иронический тон, что полностью отменяет трагедию преждевременной смерти: «Ваш сын, Бутырин Григорий Тихонович, уверенно шел к исправлению. Он скончался на трудовом посту...» [3, с. 111].

В пространстве «Зоны» не с кем сравнивать мир блатных, нет никого, кроме них, так как в принципе описывается мир блатных, то и точка для восприятия образа труда становится совершенно другой. В данном мире сложились уже собственные традиции, заключенным надо вести себя определенным образом, таковы правила. Если у В. Шаламова было, над кем брать руководство, строить систему между блатными, политическими, мужиками, то у С. Довлатова противостояние только между охраной и зэками. У В. Шаламова сложнее система социальных взаимодействий – там и охрана, и блатные как еще одна форма наказания. Да и зэки оказываются не все такие уж бездушные звери, как у Шаламова – в те годы настолько условия были ужасны, что восприятие автора стало черно-белым. У С. Довлатова все мягче, отказ Купцова от работы – не подвиг, он просто не может по-другому жить.

Обобщая образ труда в повести С. Довлатова «Зона», мы можем отметить следующее. Как для страны в это время лагеря уже не были актуальны как экономический ресурс (просто тюрьма с принудительными работами, которые никто и не старается выполнить), так и сами люди не для заключенных лагерей не являлись жестким способом контроля их поведения, что доказывается самоуправством уголовников. В постмодернистской повести Довлатова многие вещи абсурдны, также и труд становится никому не нужным методом приобщения тунеядцев к коммунистической системе ценностей, который все-таки охранники обязаны применять в своей практике.

Обратимся к анализу образа труда в романе В. Максимова «Кочевание до смерти». В десятой главе первой части показан эпизод труда на кирпичном заводе. Главный герой романа – Мишаня, убежавший из дома и скитавшийся по стране, попадает в Ашхабад. В данном городе есть только один способ пережить зиму для приезжих гостей – работа на кирпичном заводе. Но и для города эти гости – хороший вариант экономического роста завода, так как «Среди горожан охотников загнаться в этом местном чистилище, видно, было немного» [5, с. 556]. Фактически этот завод ничем не отличается от лагерей (только люди еще без официального срока): сарай и два навеса, спать можно только у печек – там же, где и работаешь, у работников не требуют никаких документов, оплата – еда, которая в один момент собирает всех обитателей завода из всех траншей этого «чистилища». Тяжелые и неблагоприятные условия не

привлекают Мишаню, и вполне закономерно, что он соглашается пойти на дело с ворами – идет грабить вагон, после чего и получает свой срок заключения. Преступная жизнь кажется легче и привлекательнее, чем такой труд: «передо мной словно приоткрылась дверь, за которой мне почудился манящий простор дорог, перемен, событий» [5, с. 560]. Правда, для него переменной стало заключение в лагере.

У В. Максимова есть один эпизод про труд именно в лагере, но и тот сводится к убийству. В рабочем пространстве зэк убивает человека циркулярной пилой. Фактически ситуация труда предоставила удобную возможность неуравновешенному убийце воплотить свои наклонности в жизнь и убить человека за игру: данное действие было выполнено им в уплату карточного проигрыша, и выполнено было с азартом.

Можно говорить о том, что герои воровство и возможность заключения в лагере кажутся легче, нежели невероятно тяжелый труд на кирпичном заводе. И сам этот труд не выглядит таким, который мог бы поднять энтузиазм работника для продвижения коммунизма: нет благоприятных условий, способствующих желанию человека трудиться. Следовательно, причина преступности была не только в людях, но и в условиях, предоставляемых государством.

Для формирования окончательных выводов обратимся к философии труда. «В труде объединяются психика и физиология человека, его интеллект и воля, лишённые для нас всякого единства, пока мы рассматриваем их в простом сосуществовании» [4, с. 467]; по теории трудовой ценности, если «труд действительно является единственным носителем ценности, то тогда ценность в силу этого факта выражала бы самую суть нашей практической натуры, идеальность ее существа нашла бы самое точное выражение, какое только оно может найти во внешней реальности» [4, с. 467]. Согласно философии труда, именно труд, соединяя в себе физическое и духовное, являет миру реальную ценность человеческого существования.

Лагерь перевернул философию труда: лагерный труд для героев лагерной прозы и для реальных людей стал не только физическим их уничтожением, но и психологической пыткой, стал ассоциироваться со смертью; ценность реально созданных экономических объектов исчислялась миллионами трупов; интеллект людей забывался по мере физического истощения организма, также и воля человека ослабевала в условиях ада. Поэтому В. Шаламов так негативно характеризует труд в своих произведениях, также и эпизод о заводе в «Кочевании до смерти» В. Максимова выявляет такое же отношение. У С. Довлатова все уже по-другому: труд является способом заполнить время как заключенных, так и охранников. Но и у него мы наблюдаем тот же абсурд: советская этика и идеология коммунизма на деле превращаются либо в жесткость и истребление не нужных государству людей (В. Шаламов, В. Максимов), либо в пустую формальность обитателей лагеря (С. Довлатов).

Литература

1. Беляев, А. Н. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях / А. Н. Беляев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. – 186 с.
2. Большая энциклопедия русского народа. – Режим доступа: <http://rusinst.ru/articletext.asp?id=4579&rzd=1>

3. Довлатов, С. Зона: (Записки надзирателя) / С. Довлатов // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4-х т.; сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – Т. 2.
4. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. – Т. 2: Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
5. Максимов, В. Е. Кочевание до смерти / В. Е. Максимов // Максимов В. Е. Избранное. – М.: Терра, 1994. – 736 с.
6. Малова, Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Ю. В. Малова. – Саранск, 2003. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/-stanovlenie-i-razvitie-lagernoj-prozy-v-russkoj-literature-xix-xx-vv.html>
7. Немного сухой статистики о ГУЛАГе. – Режим доступа: http://northural.ru/article/istoriya_gulaga/
8. Режим доступа: <http://ariosto.ru/o-trude>
9. Режим доступа: <http://ariosto.ru/o-trude/page/2>
10. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
11. Трудовое воспитание / Словарь по этике; под ред. И. Кона. – 1981. – Режим доступа: <http://www.termes.ru/dictionary/522/word/trudovoe-vospitanie>
12. Шаламов, В. Т. Воскрешение лиственницы / В. Т. Шаламов // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса; сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004.
13. Шаламов, В. Т. [О Колыме] // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4: Автобиографическая проза / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. – 640 с.
14. Шаламов, В. Т. Записные книжки 1954 – 1979 гг. / В. Т. Шаламов // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954 – 1979 гг. / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. – 384 с.

Информация об авторе:

Старикова Людмила Семеновна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 8-951-186-54-35, lyudvig.star@yandex.ru.

Lyudmila S. Starikova – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2013 г.

УДК 811.11-112

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА МАРГАРЕТ ЭТВУД Т. В. Федосова

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT OF TIME IN MARGARET ATWOOD'S WORLDVIEW T. V. Fedosova

В статье рассмотрен концепт «время» в авторской картине мира современной канадской писательницы, представителя постмодернистской манеры письма Маргарет Этвуд; исследуются индивидуально-авторские образные составляющие данного концепта.

The paper is devoted to the analysis of the concept of *time* in the worldview of Margaret Atwood, contemporary Canadian author, a representative of the postmodern literary style; image-bearing individual components of this concept are studied.

Ключевые слова: авторская картина мира, текстовая категория, темпоральная структура, концептуализация времени, образ, фабульное время.

Keywords: author's worldview, text category, temporal structure, conceptualization of time, image, fictional time.

Время является значимым компонентом индивидуальной и национальной картин мира. С позиций лингвокогнитивного подхода сознание творит время, а с точки зрения лингвокультурного подхода культура влияет на осознание времени, поэтому время – это и универсальный и этно-культурный феномен, единица национального и индивидуального сознания [3; 7]. Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Значения, выражаемые в нем, складываются в единую систему взглядов, коллективную философию, которая присуща носителям языка. Будучи

не только национальной составляющей определенного этноса, но и неотъемлемой частью сознания индивида, время осмысливается людьми на разных уровнях: как онтологическая данность, как свойство предметов и как часть мировосприятия. Его перцепция зависит как от окружающего человека мира, так и от индивидуальных характеристик личности, таких как возраст, культурная принадлежность, эмоциональное состояние, темперамент, мыслительные качества и др.

Поскольку концепт относится к ментальной сфере, а мыслительная деятельность не всегда находит адекват-

ное отображение в языке, то в этом отношении весьма важен его анализ в языковой репрезентации отдельной личности [1; 4]. Художественные концепты присущи только авторскому восприятию действительности и несут в себе черты языковой личности ее создателя и в совокупности образуют авторскую концептосферу. Отсюда следует, что изучение языковой репрезентации художественного концепта является необходимым и важным для понимания менталитета данной литературной личности, ее творческой манеры и осознания идейного смысла художественного текста. Это значит, что художественный концепт – это эстетическая и смысловая категория, содержащая в себе универсальный опыт литературной личности, ее мировоззрение, систему ценностей, и способствующая формированию новых художественных смыслов.

Художественный концепт может не только представлять общепринятые законы жизни, но и показывать субъективный авторский опыт переживания действительности. В художественном произведении данный концепт является вербализованной ценностно-значимой ментальной единицей индивидуально-авторской картины мира [2; 5]. Таким образом, художественный концепт – это часть культурного наследия, характеризующая национальную картину мира того народа, к которому принадлежит писатель. В тексте выступают репрезентантами авторской картины мира «повторяющиеся и лейтмотивные слова, текстовые символы, тематические, синонимические, антонимические и ассоциативно-образные ряды, формирующие внутритекстовые и межтекстовые ассоциативные поля» [1, с. 85]. С изменением каких-либо фрагментов картины мира автора как языковой личности, как правило, изменяются и средства ее репрезентации в созданных им текстах. В данной работе мы рассмотрим художественный концепт «время» как элемент индивидуально-авторского образования, средства его репрезентации в творчестве писателя, а также образную составляющую этого концепта. Образный слой, в отличие от этимологического или понятийного слоев, помогает наиболее ярко выразить суть концепта. Анализ языковых реализаций данного концепта в произведениях современной канадской писательницы Маргарет Этвуд позволит судить о его содержании и смысловой наполненности, а также выявить глубинные авторские смыслы ее языковой личности.

Этвуд родилась 18 ноября 1939 в Оттаве. В 1961 году получила степень бакалавра в Торонтском университете, а через год – степень магистра в колледже Рэдклифф в Кембридже (шт. Массачусетс, США). Преподавала в разных университетах Канады. Работа отца, энтомолога по профессии, вынуждала семью Этвуд переезжать в самые глухие, необитаемые районы канадского Севера, что оказало определяющее влияние на творчество будущей писательницы. В 1985 г. вышел из печати самый знаменитый роман Этвуд «Рассказ служанки» (“The Handmaid’s Tale”). Отклики прессы были единодушно восторженными, и книга стала классикой современной литературы. Затрудняясь обозначить ее жанр, ее рассматривали как «фэнтези» на тему будущего, сказку-предостережение, феминистский трактат. Книга, рисуемая кошмарную патриархальную теократию, созданную мужчинами при содействии женщин и лишшающую свободы тех и других, отвечая всем этим

характеристикам, тем не менее, не исчерпывается ими. Роман принес Этвуд вторую премию генерал-губернатора (1986) и был удачно экранизирован в 1990 г.

Писательнице принадлежат также романы «Кошачий глаз» (“Cat’s Eye”, 1988), «Невеста-воровка» (“The Robber Bride”, 1993) и др. В 2000 г. она получила престижную премию «Букер» за роман «Слепой убийца» (“Blind Assassin”) – семейную сагу, в которой присутствуют научно-фантастические черты. Другие ее произведения включают сборники рассказов «Советы туристу в глуши» (“Wilderness Tips”, 1991) и «Славные кости» (“Good Bones”, 1992), а также несколько детских книг и телефильмов. Маргарет Этвуд четыре раза была финалистом Букеровской премии, а также была награждена премией Артура Кларка и дважды – премией Генерал-Губернатора, главной литературной наградой Канады. Многие работы Этвуд были экранизированы. Кроме того, Этвуд – талантливый фотограф и художник-акварелист. Ее рисунки служат своего рода иллюстрациями к ее литературным произведениям, часто она сама придумывает обложки для своих книг.

Художественное творчество Маргарет Этвуд разнотипно как в жанровом (поэзия, эссе, романы), так и в тематическом планах: она затрагивает проблемы, волнующие женщин, поднимает политические вопросы, описывает взаимоотношения человека с самим собой, с другими людьми, с окружающей средой. Ее работы характеризуются стилистическим своеобразием (многочисленные интертексты, символы, аллюзии), а также смысловой сложностью (скрытые подтексты, переплетение сюжетных линий, многоуровневое повествование, хронологические сдвиги и т. д.). Данные черты позволили исследователям включить ее произведения в постмодернистскую парадигму, для которой типичны такие черты, как интертекстуальность, игра смыслов, фрагментарный дискурс, жанровое микширование, множественность интерпретаций, размытость границ между реальным и нереальным и др. Одна из ключевых особенностей творчества Маргарет Этвуд – демократичность. Автор не навязывает читателю свое мировоззрение. Скорее, наоборот, задает бесконечные вопросы: а что вы думаете по этому поводу, а каково ваше мнение на этот счет? В этом заключается постмодернистский принцип читательского сотворчества. В постмодернистской литературе большую роль играют отсылки к разным жанрам, таким, как научная фантастика или детектив. Эта особенность данного направления в литературе также находит свое отражение в творчестве писательницы.

В большинстве ее произведений героем выступает женщина, стремящаяся преодолеть отчуждение общества и найти в нем собственное место. Автор выносит на повестку дня такие насущные женские темы, как страхи, взаимоотношения в семье, отношения с мужчинами, женскую свободу и независимость, образование и социальные вопросы. Женские персонажи ее романов – это личности, остро и эмоционально ощущающие окружающий мир, погруженные во внутреннюю борьбу с собой, носители возрастных и национальных ценностей и символ изменений современного общества.

Не обходит стороной автор и тему времени, которая, так или иначе, проявляется в любом ее произведении. Работа Этвуд "Negotiating with the Dead" характеризует специфику ее понимания времени. Это произведение – своеобразный манифест, она как бы выпускает читателя в свою творческую лабораторию. Размышляя над писательской деятельностью и о том, какое влияние имеет время на нее, она пишет следующее: "a writer on writing": "And as I've said, writing is writing down, and what is written down is a score for voice... The voice moves through time, from one event to another, or from one perception to another, and things change, whether in the mind alone or in the outside world. Events take place, in relation to other events. That's what time is. It's one damn thing after another, and the important word in that sentence is *after*. Narration – storytelling – is the relation of events unfolding through time. You can't hold a mirror up to Nature and have it be a story unless there's a metronome ticking somewhere. As Leon Edel has noted, if it's a novel, there's bound to be a clock in it... And once you've got clocks, you've got death and dead people, because time, as we know, runs on, and then it runs out, and dead people are situated outside of time, whereas living people are still immersed in it" (ND, p. 158 – 159).

Отрывок показывает нам широкий диапазон авторских представлений о времени. Оно концептуализируется через пространство с наличием основополагающего предлога *after*; репрезентировано сквозь призму часов, через признак измерения; как череда сменяющих друг друга событий, т. е. через движущийся предмет; а также как некое вместилище, в которое погружены живущие и из которого ушли мертвые, представленное предлогом *in* и наречием *outside of*. В предисловии к этой же работе писательница подчеркивает, что время – это вместилище, в котором застряли люди: "This is a fitting commentary on how we are all stuck in time, less like flies in amber – nothing so hard and clear – but like mice in molasses." (ND, p. 15). Автор иллюстрирует двойственную природу времени: важность настоящего для людей и невозможность из него выбраться. Эта черта характеризует постмодернистскую трактовку времени. Существуют два времени: одно составлено только из сплетающихся настоящих, а другое постоянно разлагается на растянутое прошлое и будущее. Особенностью нового восприятия времени, характерного для постмодернистской парадигмы, является подавление настоящим двух других членов временной триады. Поглощение настоящим прошлого и будущего возводит его в ранг доминирующей квинтэссенции и делает невозможным выход за его пределы.

В следующем примере предложены характеристики данного концепта и также подчеркивается значение настоящего: "If you can bend space you can bend time also, and if you knew enough and could move faster than light you could travel backward in time..." (CE, p. 3). Время репрезентируется здесь как неподвижная субстанция, сквозь которую можно передвигаться и совершать путешествия. Во времени Этвуд отмечает важность настоящего момента: "There was once – What's this was *once*? Enough of the dead past. Tell me about *now*" (GB, p. 24). По сути, время для человека

очевидно только потому, что люди меняются, и эти перемены происходят либо медленнее, либо быстрее окружающего мира, что дает основание для сравнения. Время никогда не бывает просто временем, это всегда какое-то время относительно человека, отсюда и взгляд на время как на бессмысленную, почти несуществующую категорию.

Негативное отношение писательницы ко времени проявляется, даже когда она дает совет начинающим авторам: "Look behind you. You are not alone. Don't permit yourself to be ambushed. Watch out for the snakes. Watch out for the *Zeitgeist* – it is not always your friend... Advice for the innocent pilgrim, worthy enough, no doubt, but no doubt useless: dangers multiply by the hour, you never step into the same river twice, the vast empty spaces of the blank page appall, and everyone walks into the maze blindfolded" (ND, p. 18). Время представлено в виде злого духа, который не дает побряжек никому, а также через движущийся предмет как вода, река, водный поток, куда не войдешь дважды: "Water does not resist. Water flows. When you plunge your hand into it, all you feel is a caress. Water is not a solid wall, it will not stop you. But water always goes where it wants to go, and nothing in the end can stand against it. Water is patient..." (Pd, p. 43).

Один из самых знаменитых романов Этвуд «Рассказ Служанки» содержит большое количество отсылок к концепту «время». Часы часто становятся символом времени, его хранителем и распорядителем: "Late Victorian, the house is, a family house, built for a large rich family. There's a grandfather clock in the hallway, which doles out time..." (HT, p. 18). "When the bell has finished I descend the stairs, a brief waif in the eye of glass that hangs on the downstairs wall. The clock ticks with its pendulum, keeping time; my feet in their neat red shoes count the way down" (HT, p. 89).

Короткими ретроспективами передаются воспоминания главной героини о любви к потерянным членам семьи, где время становится ценностью, которую можно потерять и вместилищем, которое можно наполнить: "I lie, lapped by the water, beside an open drawer that does not exist, and think about a girl who did not die when she was five; who still does exist, I hope, though not for me. Do I exist for her? Am I a picture somewhere, in the dark at the back of her mind?... Eight, she must be now. I've filled in the time I lost, I know how much there's been. They were right, it's easier, to think of her as dead. I don't have to hope then, or make a wasted effort" (HT, p. 94). В следующем абзаце время также репрезентируется в терминах имущества: "I know I lost time. There must have been needles, pills, something like that. I couldn't have lost that much time without help" (HT, p. 49). Здесь мы видим метафорическое представление данного концепта, который обрастает новыми образными смыслами.

Время становится непостижимой величиной для героини, тем измерением, которое сложно воспринять адекватно в сложившихся условиях. Оно, подобно ловушке, вакууму, пустоте, которое нечем заполнить: "But that's where I am, there's no escaping it. Time is a trap, I'm caught in it. I must forget about my secret name and all ways back. My name is Offred now, and here is

where I live. Live in the present, make the most of it, it's all you've got. Time to take stock" (HT, p. 153).

Для протагониста время тянется мучительно долго. Единственное долгожданное время суток – ночь, когда она может погрузиться в собственные мысли, когда ей никто не запрещает о чем-то думать или мечтать. Именно поэтому из пятнадцати глав книги семь озаглавлены – Night (Ночь). Оффред с нетерпением ждет ночи, потому что ей необходимо поразмышлять над своей жизнью, о том, как быть дальше, о том, что было прекрасного в ее жизни когда-то, о том, что преподнесет будущее. Этот аспект ярко изображен в следующем примере с помощью такого стилистического средства, как анафора, повтор частицы *as* показывает глубину ожидания и чувства главной героини романа: "The night is mine, my own time, to do with as I will, as long as I am quiet. As long as I do not move. As long as I lie still" (HT, p. 47).

Этвуд соединяет время, которое измеряется звоном колокола, и зеркало в следующем отрывке: "The bell that measures time is ringing. Time here is measured by bells, as once in nunneries. As in a nunnery too, there are few mirrors" (HT, p. 18). С помощью зеркала автор показывает другое измерение существования своих героев. Оффред смотрит в зеркало, искажающее ее: "I go up the stairs, my face, distant and white and distorted, framed in the hall mirror, which bulges outward like an eye under pressure" (HT, p. 59).

В романе «Женщина-оракул» ("Lady Oracle") с помощью зеркала автор также описывает жизнь своих персонажей: "My life had a tendency to spread, to get flabby, to scroll and festoon like the frame of a baroque mirror, which came from following the line of least resistance" (LO, p. 7). "When I looked at myself in the mirror, I didn't see what Arthur saw. The outline of my former body still surrounded me, like a mist, like a phantom moon..." (LO, p. 215).

В раскрытии сущности времени важную роль играет образ фотографии: "At the front are my grandparents in their Sunday best with their first car, a Ford, standing proudly outside their white-sided Nova Scotian house. Then there are several aging great aunts, in print dresses, the shadows cast by the sun deepening their eye sockets and frown lines and making little moustaches underneath their noses" (MD, p. 243).

Фотографии, как и часы, становятся хранителями времени: "I remember the pictures of us I had once, me holding her, standard poses, mother and baby, locked in a frame, for safety. Behind my closed eyes I can see myself as I am now, sitting beside an open drawer, or a trunk, in the cellar, where the baby clothes are folded away, a lock of hair, cut when she was two, in an envelope, white blonde" (HT, p. 74).

Описывая прошлое Джоанны, автор показывает двойственные чувства героини к самой себе: "What lies I told him, and it wasn't just in self-defense: already I'd devised an entire spurious past for this shadow on a piece of paper, this woman of no discernible age who stood squinting at the camera, holding a cone of pink spun sugar, her face puffed and empty as a mongoloid idiot's: my own shucked-off body" (LO, p. 91). Далее мы видим неприязнь протагониста к своему прошлому: "Suddenly I was down to the required weight, and I was face to face with the rest of my life. I was now a different person, and it was like being born

fully grown at the age of nineteen: I was the right shape, but I had the wrong past. I'd have to get rid of it entirely and construct a different one for myself, a more agreeable one" (LO, p. 141).

Писательница сравнивает время с водой, которая разрушает личность человека: "Time has not stood still. It has washed over me, washed me away, as if I am nothing more than a woman of sand, left by a careless child too near the water. I have been obliterated for her. I am only a shadow now, far back behind the glib shiny surface of this photograph. A shadow of a shadow, as dead mothers become. You can see it in her eyes: I am not there. But she exists, in her white dress. She grows and lives. Isn't that a good thing? A blessing? Still, I can't bear it, to have been erased like that" (HT, p. 240).

Этвуд мастерски показывает еще одну грань времени – психологическое время персонажей. Время движется, словно замедленная кинолента, из-за нестабильного психологического состояния героини: "They have kept him in darkness. He raises one hand to his cheek, as though to feel if he is still there. All of this happens quickly, but it seems to be slowly" (HT, p. 291).

Следующий отрывок также изображает индивидуальное восприятие времени: "For a long time I wandered aimlessly. It felt like a long time. It didn't feel aimless, however, or not in any carefree way: I was being driven by necessity, by fate, like the characters in the more melodramatic novels I'd read in high school who would rush out into thunderstorms and lurk around on moors. Like them I had to keep moving. I couldn't help it" (MD, p. 87).

Понятие времени напрямую сопряжено с человеческой памятью, что очень ярко демонстрируют следующие отрывки из произведения "Moral Disorder", которое еще не переведено на русский язык, где время представлено как движущийся объект с точки зрения пожилых людей: "Time passes. Now the lilacs are in bloom outside the window, and he can see them, or parts of them. Despite this, he thinks it's October... As far as we can tell he's missing the last four or five years, and several blocks of time before that as well. He's disappointed in me: not because of anything I've done, but because of what I've failed to do. I've failed to remain young. If I could have managed that I could have saved him; then he too could have remained as he was" (MD, p. 229).

"My mother loves happy endings... People she loves – people her own age – a lot of those people have died. Most of them have died. Hardly any of them are left. She wants to know about each death as it happens, but then she won't mention those people again. She's got them safe, inside her head somewhere, in a form she prefers. She's got them back in the layer of time where they belong" (MD, p. 246). Здесь время представлено в виде многослойной структуры и репрезентируется выражениями *blocks of time*, *the layer of time*.

В восприятии главной героини время представляет собой некую дверь, т. е. пространственный предмет: "Now we are at the door. The persistence of material objects is becoming an amazement to me. It's the same door – the one I used to go in through, out through, year after year, in my daily clothing or in various outfits and disguises, not thinking at all that I would one day be standing in front of this very same door with my grey-haired little sister. But all doors used regularly are doors to the afterlife" (MD, p. 55).

Следует отметить, что автор в своих работах затрагивает тему живых и мертвых, приводя позицию умерших по тем или иным вопросам. В книгах "Negotiating with the Dead" и "The Penelopiad", Этвуд описывает потусторонний мир и путешествия в нем: "Now that I am dead I know everything. This is what I wished would happen, but like so many of my wishes it failed to come true. I know only a few factoids that I didn't know before" (Pd, p. 1).

Реальное и нереальное гармонично сочетаются в ее произведениях: "...and then the future swept over us and we were separated. He was in the distance now, across the ocean, on a beach, the wind ruffling his hair, I could hardly see his features. He was moving at an ever-increasing speed away from me, into the land of the dead, the dead past, irretrievable." (LO, p. 134) "Maybe I really did drown, I thought, and this whole thing, the hours on the plane ..., the flat, my trip to Rome for the hair dye, was a kind of joke perpetrated by the afterlife" (LO, p. 309).

Описывая свою собственную жизнь, Маргарет Этвуд тоже выражает сомнения по поводу того, что в ней реальность, а что нет: "Because none of my relatives were people I could actually see, my grandmothers were no more and no less mythological than Little Red Riding Hood's grandmother, and perhaps this had something to do with my eventual writing life – the inability to distinguish between the real and the imagined, or rather the attitude that what we consider real is also imagined: every life lived is also an inner life, a life created" (ND, p. 7). Данное восприятие жизни можно и отнести к восприятию времени: оно и реально и вымышлено, оно и внутри нас и снаружи, оно – создано, как и вся человеческая жизнь.

В целом можно сказать, что концепт время является одним из основополагающих в системе знаний человека о мире, в концептосфере носителя любого языка. Для носителей английского языка характерно особенно бережное отношение к концепту времени, поскольку человек осознает его скоротечность, невозможность остановить или повернуть вспять. Отсюда и отношение представителей западных культур к пунктуальности как к высшей добродетели, ассоциация единиц времени с драгоценными единицами, к которым необходимо относиться

бережно и рационально, а также персонификация времени. Понятие времени тесно переплетается с человеческой памятью: воспоминания возвращают персонажей в прошлые события. Маргарет Этвуд показывает двойственную природу памяти, даже болезнь при всех ее недостатках имеет положительные стороны: болезнь Альцгеймера помогает Лили в жизни, стирая из памяти трагические события Второй Мировой войны и возвращая в счастливые события прошлого. Двойственное отношение к жизни и ко времени проходит через все творчество Этвуд: стирается грань между жизнью и смертью, между реальным и нереальным, а также между прошлым, настоящим и будущим – столь привычной для нас сегментации времени.

Итак, в картине мира Маргарет Этвуд время метафорично и представляет собой емкий комплексный феномен, который концептуализируется через признаки пространства, изменения, движения, важности настоящего момента, ценности и в котором идентифицированы артефактные, натуроморфные и антропоморфные образные признаки. Индивидуально-авторская составляющая лингвокультурного концепта «время» в основном репрезентирована одноименной лексемой, а также такими ключевыми единицами как *night, years, now, moment, death, life, door, water, mirror, clock, photograph, keeper, irrevocability, tunnel, memory*. Данные наглядно-чувственные образы способствуют раскрытию сущности абстрактного понятия времени, что дает представление об авторском мировосприятии и о специфике репрезентации времени в постмодернистской парадигме.

Таким образом, представления автора о времени совпадают с его постмодернистским пониманием, что позволяет говорить о наличии так называемого универсального содержания этого концепта и его индивидуальной актуализации в сознании представителей определенного этноса. Хотя особых национально-специфичных характеристик концепта «время» не выявлено, для Этвуд – это один из ключевых в постижении бытия и один из значимых для ее языковой личности. Рассмотренные образные компоненты концепта позволяют глубже проникнуть в его содержание и более основательно постичь глубинные авторские смыслы.

Литература

1. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1.
2. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Караулов, Ю. Н. Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы) / Ю. Н. Караулов // Вестник МГУ. – 1970. – № 1. – С. 61 – 73. – (Серия: Филология).
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Филол. зап. – Воронеж, 2001. – Вып. 16. – С. 112 – 120.
6. Постовалова, В. И. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / В. И. Постовалова. – М.: Наука, 1988. – 280 с.
7. Evans, V. The Structure of Time: Language, Meaning and Temporal Cognition / V. Evans. – Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. – 286 p.

Цитируемые источники

- Atwood, M. (1982). *Lady Oracle*. Virago Press, London, (LO).
Atwood, M. (2005). *The Penelopiad*. Canongate Books, Edinburgh, (Pd).

- Atwood, M. (1997). *Good Bones*. Virago Press, London, (GB).
 Atwood, M. (2002). *Negotiating with the Dead: a Writer on Writing*. Cambridge, UK, New York, NY: Cambridge University Press, (ND).
 Atwood, M. (1996). *The Handmaid's Tale*. Vintage Books, London, (HT).
 Atwood, M. (2007). *Moral Disorder*. Virago Press. London, (MD).

Информация об авторе:

Федосова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков Горно-Алтайского государственного университета, +7-913-691-20-63, tatyana.fedosova@gmail.com.

Tatiana V. Fedosova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the English Language Department, Gorno-Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 10.01.2014 г.

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО РАСПАДА СЕМЬИ В ПОВЕСТИ Ю. В. БОНДАРЕВА «РОДСТВЕННИКИ» Л. С. Шкурят

THE PROBLEM OF THE FAMILY'S SPIRITUAL DEGRADATION IN YU. V. BONDAREV'S NOVEL "RELATIVES" L. S. Shkurat

На материале повести Ю. В. Бондарева «Родственники» в данной статье анализируется проблема разрушения семейных связей. В ней акцентируется внимание на нравственном выборе героев, на трагических последствиях духовного разобщения отцов и детей, а также раскрывается авторская точка зрения на возможные пути его преодоления.

Based on Yu. V. Bondarev's novel "Relatives", the paper presents an analysis of the problem of destroying family relationships. The paper focuses on the characters' moral choice and tragic consequences of a spiritual gap between generations, and defines the author's opinion on possible ways to overcome the gap.

Ключевые слова: семья, духовное разобщение, нравственный выбор, предательство, жалость, жертвенная любовь.

Keywords: family, spiritual gap, moral choice, treachery, pity, sacrificial love.

Повесть Ю. В. Бондарева «Родственники» имела не совсем благополучную литературную судьбу: она была написана в 1965 году, а напечатана в журнале «Октябрь» только спустя четыре года. Почти одновременно с ней вышел в свет роман «Горячий снег», ставший безусловным достижением в «военной» прозе писателя, и на нем оказалось полностью сосредоточено внимание и читателей, и критиков. Лишь позднее в критике (статьи Д. Чирова [6], Ю. Идашкина [4] и др.) были сделаны первые попытки осмысления идейно-художественного своеобразия этой «незаслуженно забытой» повести Бондарева, но даже в монографиях В. И. Коробова [5], Е. Н. Горбуновой [3], опубликованных в 80-е годы и содержащих общую характеристику жизненного и творческого пути писателя, «Родственникам» отводилось всего несколько страниц.

Обращение в данной статье к анализу повести «Родственники» продиктовано не столько отсутствием литературоведческих работ, в которых было бы представлено ее глубокое и всестороннее рассмотрение, сколько актуальностью ее проблематики для самосознания современного человека и общества. На примере взаимоотношений членов одной семьи в относительно спокойные, мирные 60-е годы XX века Бондарев поднимает и художественно исследует одну из самых «насущных»

для сегодняшнего дня проблему распада семейных связей. В повести «Родственники» автор изображает трагические последствия духовного разобщения отцов и детей и размышляет о возможных путях его преодоления.

Толчок развитию сюжета повести дает противопоставление, заложенное в самом начале произведения. Повесть называется «Родственники», но ее первые страницы наполнены не родственной близостью героев, а атмосферой чуждости и пустоты. Один из главных героев «Родственников», студент-геолог Никита Шапошников, отправляется в Москву к своему дяде, известному ученому-историку, профессору Георгию Лаврентьевичу Грекову, о существовании которого еще недавно он и не подозревал. Никита приезжает в столицу по просьбе недавно умершей матери, Веры Лаврентьевны, чтобы передать Грекову ее предсмертное письмо. Герой просыпается в квартире родственников, видит чужую комнату со старыми выгоревшими на солнце обоями, мебелью и вещами, покрытыми пылью, и вспоминает то, как вчера, приехав с вокзала, он сидел в окружении незнакомых людей. Тяжелые воспоминания Никиты и все увиденное вокруг сливается в его сознании «во что-то однообразно-серое, душное, давящее» [1, с. 400], и он чувствует, «что может заплакать сейчас от пустоты и одиночества» [1, с. 400]. Такую же пустоту и собствен-

ную ненужность герой ощущает и на юбилее Георгия Лаврентьевича, и в разговоре с дядей, который наблюдал за племянником с «выжидательно-ощупывающим» выражением. Никите сложно «видеть принужденное сочувствие, подчеркнутую скорбность» [1, с. 412] людей, которые считаются его родственниками, но с которыми его ничего не связывает, кроме воспоминаний о матери.

Отношения в семье Грековых тоже трудно назвать по-настоящему родственными. Познакомившись на юбилее со старшим сыном Георгия Лаврентьевича Алексеем, Никита пока еще не догадывается о причине, но замечает «нечто неестественное», какое-то непонятное ему напряжение между отцом и сыном, проявляющееся в отдельных движениях, жестах, тревоге в глазах героев. За праздничным столом Алексей оказывается таким же чужим человеком, каким ощущает себя Никита.

После смерти матери Никита чувствует безмерное одиночество. Особенно болезненны для него воспоминания о последних месяцах жизни Веры Лаврентьевны, ее физических и душевных страданиях: «Иногда ночью его [Никиту. – Л. Ш.] будили заглушаемые подушкой стоны за стеной, внятный, но осторожный скрип пружин, шаги, еле уловимое в тишине позвякивание ложечки о пузырек <...>. Никита знал, что у нее не бессонница, а что-то другое, серьезное, потому что мучения ее стали повторяться все чаще, были все длительнее, однако мать, перетерпев приступ, говорила со слабой улыбкой, что хроническую бессонницу современная медицина лечить не научилась» [1, с. 420]. Прощаясь с сыном перед смертью, Вера Лаврентьевна не думает о себе, все ее мысли – о сыне. «Как же ты будешь жить теперь без меня, Никита?» [1, с. 422] – в этом вопросе выражена вся ее материнская любовь и боль за сына, которого ей страшно оставлять одного в этом мире. Так на страницах повести возникает образ русской женщины-матери, нежной, заботливой, любящей. Одновременно с этим мать задаст сыну еще один вопрос, кажущийся Никите довольно странным: Снисходителен ли он к людям? Может ли он прощать? С самоуверенностью молодого человека герой ответит, что у него достаточно крепкие кулаки, и он не даст себя в обиду. Только значительно позже Никита поймет, какой смысл мать вкладывала в свои слова, говоря сыну о снисхождении к людям и умении прощать.

В доме Грековых Никита познакомится с младшим сыном дяди Валерием. Валерий и Никита – почти ровесники, родственники по крови, но они очень разные по характеру, и это различие между ними обнаруживается уже при их первой встрече. Насмешливый, самоуверенный любимец родителей Валерий с какой-то снисходительностью относится к своему чересчур замкнутому и стеснительному двоюродному брату. При всей непохожести характеров героев сближают свойственный им обоим юношеский максимализм и преклонение перед авторитетом старшего брата Алексея, мнение которого Валерий, а позднее и Никита, уважают и ценят очень высоко.

Алексей Греков мудрее и опытнее своих младших братьев не только в силу своего возраста, но и потому, что бесценный жизненный опыт был приобретен им во время войны. Можно сказать, что по своему мироощу-

щению и взглядам на жизнь Алексей напоминает Сергея Вохминцева и Константина Корабельникова, какими они предстают в финале романа Бондарева «Тишина». Сходство легко обнаруживается и в их биографиях: их год «призывался в сорок втором. И сразу – под Сталинград» [1, с. 459], а после фронта им очень хотелось «самостоятельной жизни и независимости» [1, с. 465]. Преемственность этих персонажей несомненна, но вместе с тем в образе Алексея Грекова мы наблюдаем не повторение характеров Вохминцева или Корабельникова, а следующий шаг автора в исследовании характера и поведения своего любимого героя – бывшего фронтовика, живущего в противоречивых условиях мирного времени.

Конфликт между Алексеем и отцом начался давно. «У меня сложные счеты с отцом. И давние» [1, с. 468], – скажет Алексей в откровенном разговоре с Никитой. Как оказалось, эти «счеты» Алексея с отцом напрямую связаны с судьбой Никиты и его матери. От своего двоюродного брата Никита узнает об отношениях Веры Лаврентьевны с Грековым, о трагедии, которую пережила его мать. Никита не помнил мать молодой, знал ее только по фотографии, где она была снята с отцом в форме гимназистки. Когда герой был ребенком, Веру Лаврентьевну репрессировали, и его воспитывала тетка. Впоследствии, после освобождения из лагеря, мать никогда не рассказывала Никите об этих годах в своей жизни, да и он, боясь лишний раз тревожить мать воспоминаниями о пережитом в заключении, не спрашивал ее об этом. Но у героя никогда не возникало сомнений в одном – в ее честности и незаслуженности выдвинутого против нее обвинения. Позже стало известно, что в аресте Веры Лаврентьевны была доля вины ее брата. Попав в ситуацию выбора, он не только не захотел помочь сестре, но и написал объяснительную записку-характеристику, еще более усложнившую ее положение.

Перед нравственным выбором оказываются все герои произведения. Алексей долгие годы не может простить отцу предательство сестры и равнодушие к ее дальнейшей судьбе. Только в последнее время его отношение к отцу немного изменилось и у него появилось чувство, похожее на жалость: «Отца я не люблю, но он всё-таки мой отец. И он болен. А лежачего не бьют. Это за гранью. Да, я жалею и не люблю его. За его трусость. За то, что не выстоял. <...> Вся его бодрость – самозащита и камуфляж. <...> Но что бы ты хотел, брат, – суд над ним, тюрьму? <...> сама жизнь наказала его, когда он лежал с инфарктом» [1, с. 491]. Алексей уверен в том, что отец уже наказан жизнью и никто не имеет права брать на себя высшую функцию вершителя человеческих судеб и судить Георгия Лаврентьевича за его грехи. Он советует Никите успокоиться и хорошо все обдумать, «иначе можно наделать глупостей» [1, с. 491]. Эти мысли и движения души Алексея, его жалость и способность простить человека, совершившего предательство, его наставления брату позволяют нам говорить о том, что в повести «Родственники» Бондарев вплотную приблизился к проблематике нравственно-религиозного характера, которая станет определяющей в романе «Берег» и последующих произведениях писателя. В этом же направлении развивается авторская мысль при изображении характера Веры Лаврентьевны.

После разговора с Алексеем Никита не находит в своей душе определенности и ясности, он не знает, что делать дальше. Герой не может поверить в то, что мать не только нашла в себе силы, чтобы простить брата, но и попросила Грекова позаботиться о сыне. Он попытается убедить себя в том, что перед смертью мать не понимала, что делает, что она от боли находилась в полусознании, поэтому ее фраза в письме: «Прошу, умоляю тебя», – была написана от слабости, от бессилия. Неопытному юноше Никите трудно понять мудрость и глубину поступка матери. На самом деле письмо матери – не факт бессилия Веры Лаврентьевны, а знак ее высочайшей нравственной силы и мужества. Письмо написано ради счастья сына, а в его последних строках сконцентрирована вся сила материнской любви и нежности. Алексей говорит, что он преклоняется перед Верой Лаврентьевной, а профессор Николаев, проходивший с ней по одному делу и хорошо ее знавший, называет мать Никиты святой женщиной. Ее святость – в кротости, в жертвенности и безграничной любви к сыну.

По справедливому замечанию Е. Н. Горбуновой, «повесть насыщена напряженным чувством, вложенным Валерием и Никитой в каждый заданный ими вопрос, безоглядностью их поступков, силой и полнотой самоотдачи первому движению сердца» [3, с. 124]. Действительно, произведение отличается большой эмоциональностью и в динамике сюжета, и в «фаскрывании духовного драматизма центральных персонажей» [3, с. 124]. В полном смятении от нахлынувших на него противоречивых чувств, от чудовищной несправедливости, случившейся с матерью, Никита обвинит Грекова в предательстве сестры. Невольным свидетелем их разговора окажется Валерий. Когда-то Валерий придумал для себя философию жизни. Говоря о существовании в мире добра и зла, честности и подлости, таланта и бездарности, об их борьбе и в то же время способности ужиться друг с другом, Валерий выводит свой закон, в котором называет жизнь «амплитудой маятника». По его мнению, жизнь способна уравнивать эти противоположные явления, и в этом кроется гармония бытия. Эта умозримая идея, придуманная героем, разрушится в тот момент, когда он узнает правду об отце.

Валерий не идеализировал отца, но у него никогда не возникало сомнений в его порядочности: «Мой отец не мог... не мог! <...> Он мог как-нибудь поинтеллигентски увильнуть <...> Но чтобы предать... <...> Это – нет! Это конец света!.. Этого не может быть... Он не мог этого сделать!» [1, с. 501]. Его сомнения полностью развеются после того, как он найдет документы, являющиеся неопровержимым доказательством вины отца. Драматические события, затронувшие судьбы героев, духовно сблизят Валерию и Никиту. Тем трагичнее воспринимается развязка повести. Никита будет уговаривать брата позвонить Алексею и посоветоваться с ним, но Валерий не сможет сдержать своих эмоций. С юношеской решимостью Валерий вместе с Никитой отправится на дачу к Грекову с единственным желанием – посмотреть отцу в глаза. На ночной дороге их автомобиль столкнется с грузовиком, и Валерий погибнет, а Никита в тяжелом состоянии окажется в больнице.

Гибель сына станет для Георгия Лаврентьевича сильнейшим ударом судьбы. Встретившись с ним после

трагедии, Алексей увидит перед собой раздавленного горем старика, в котором не осталось ничего от прежнего, уверенного в себе человека, привыкшего постоянно быть на виду. Впервые в жизни увидев плачущего отца, его «раздавленную, трясущуюся от беззвучных рыданий фигуру», Алексей почувствует «удушливую судорогу в горле, готовый ничего не помнить, готовый простить все в этом объединяющем их порыве горя» [1, с. 530]. В разговоре с сыном Георгий Лаврентьевич в какой-то момент признает свою вину, но уже через мгновение Греков со «злой мукой» обвинит сына в том, что это он, Алексей, восстановил Валерию против отца, не оградил брата от опасности и не смог предотвратить трагедию. Общее горе лишь ненадолго сблизило героев. В финале повести между ними окончательно распадутся глубинные семейные связи, отец и сын так и остаются чужими друг другу людьми.

Анализируя финальные главы произведения, В. И. Коробов пишет: «Греков теряет самое дорогое – детей, свое единственное реальное продолжение на этом свете. Алексея – духовно, Валерию – еще и физически» [5, с. 130], – и делает однозначный вывод: «Нравственное предательство прощения в годах не имеет. И дети, и внуки неизбежно спросят: «Как ты мог?» – и отвернутся, и заплатят презрением и нелюбовью» [5, с. 130]. В этом, по мнению В. И. Коробова, заключается основная мысль писателя, художественно выраженная на страницах повести.

На наш взгляд, авторская точка зрения сложнее столь прямолинейного суждения В. И. Коробова. Заметим, что ни в одном своем произведении Бондарев никогда не задавался целью «вынести суровый приговор» или «развенчать» позицию отрицательного персонажа. Да и все характеры героев, созданные писателем, не следует рассматривать как диаметрально противоположные. В статье «Поиск истины» Бондарев писал: «Литература стала пристрастнее исследовать то, что и должна исследовать, – комплекс поступков или импульсов порою непостижимых человеческих эмоций, анализируя в человеке добро и зло, любовь и ненависть <...>. Эти категории, слава Богу, перестали быть только назывными, заданными для геометрического разделения персонажей на «положительных» и «отрицательных». Возникла иная измерительная категория – человечность» [2, с. 61].

В повести «Родственники» Бондарев изображает трагическую пропасть непонимания кровно родных, но духовно далеких друг от друга людей. Автор подчеркивает, что это трагедия всей семьи, являющаяся общей и для «отцов», и для «детей», а следовательно, преодоление этой «духовной пропасти» возможно лишь совместными усилиями. Ключевую роль в восстановлении родственных связей Бондарев отводит женщине, матери, наделенной способностью самозабвенно любить и прощать. Символично, что повесть завершается словами жены Алексея Дины, обращенными к мужу: «Алеша, родной мой... Он [отец. – Л. Ш.] ведь болен, болен! Он просто кричал от боли! Он совсем старик! Ну помоги, помоги ему, Алеша!» [1, с. 534]. У юной Дины нет большого душевного опыта, какой был у Веры Лаврентьевны, но, видя страдания отца и сына, она «чувствует сердцем», что только шаг навстречу друг другу и искренняя помощь являются единственно правильными

решением в сложившейся ситуации. Бондарев уверен, что только признание собственной вины, покаяние и всепрощающая любовь способны возродить истинные

семейные отношения, основанные на духовном единомыслии близких людей.

Литература

1. Бондарев, Ю. В. Собрание сочинений: в 6 т. / Ю. В. Бондарев. – Т. 3. – М.: Худож. лит., 1985. – 535 с.
2. Бондарев, Ю. В. Собрание сочинений: в 6 т. / Ю. В. Бондарев. – Т. 6. – М.: Худож. лит., 1986. – 413 с.
3. Горбунова, Е. Н. Юрий Бондарев / Е. Н. Горбунова. – М.: Сов. писатель, 1981. – 352 с.
4. Идашкин, Ю. Тенденции развития и критические парадоксы / Ю. Идашкин // Октябрь. – 1970. – № 3. – С. 206 – 215.
5. Коробов, В. И. Юрий Бондарев: страницы жизни, страницы творчества / В. И. Коробов. – М.: Современник, 1984. – 368 с.
6. Чиров, Д. С мыслью о молодом поколении / Д. Чиров // Сибирские огни. – 1970. – № 11. – С. 160 – 167.

Информация об авторе:

Шкурат Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Липецкого государственного педагогического университета, 8-904-695-94-06, sh.lilia.s@yandex.ru.

Lilia S. Shkurat – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Humanitarian Disciplines, Lipetsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 02.12.2013 г.

УДК 81-2 (10.02.04)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «FAMILIE» (по данным воспоминаний российских немцев) Ю. В. Щеголихина

LEXICAL AND SEMANTIC COMPONENTS OF THE CONCEPT «FAMILIE» (according to the memories of Russian Germans) Yu. W. Tschegolikhina

В статье воссоздается лексико-семантическое поле, репрезентирующее концепт FAMILIE. На базе опубликованных текстов потомков российских немцев Сибири выявляются лексико-семантические компоненты этого поля и определяются смысловые отношения между ними.

The paper develops the lexical and semantic field of the concept FAMILIE. On the basis of the published texts of the descendants of Siberia's Russian Germans the lexical and semantic components of this field and their semantic relations are identified.

Ключевые слова: концепт FAMILIE, лексико-семантическое поле, язык немецкого субэтноса.

Keywords: concept FAMILIE, lexica and semantic field, language of German subethnos.

Предметом моделирования в предлагаемой работе является концепт FAMILIE, репрезентированный в языке российских немцев Сибири.

По мнению В. И. Карасика, концепты – это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 24].

Исследование построено на основе анализа корпуса текстов, входящих в состав книги «Помни имя своё» и оформленных в виде жанра воспоминания российских немцев старшего и молодого поколения о своих родственниках [6].

В предлагаемой статье реализуется один из основных подходов в современном языкознании – полевой. Лексико-семантическое поле представляет собой иерархическую структуру взаимосвязанных микрополей с каким-либо общим семантическим стержнем – семантической категорией [4].

Familie на языке данного исследования означает 'семья'. Как известно, семья – это определённый способ общественного устройства, который соблюдает как только что появившиеся законы, так и веками сложившиеся нормы. «Семья составляет лишь первоначальную основу рождения людей, корень каждого рода, затем она неизбежно разрастается многими ветвями, целым древом, как до сих пор это наглядно изображают, когда хотят объяснить происхождение и разветвление того или иного знатного рода» [7, с. 618].

Семью также можно определить как «группу родственников», т. е. объединение на основе родства – «связей между людьми, основанной на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях» [5, с. 572].

При конструировании лексико-семантических составляющих таксономии репрезентантов концепта выстраивается разноуровневая структура, где связи определяются иерархическими отношениями. Таким образом, вводятся понятия высшего, среднего и низшего уровня и обозначаются концепты, принадлежащие к тому или иному уровню.

Э. Рош определяет высший уровень как «суперординатный»; средний уровень как «базовый»; низлежащий уровень как «субординатный». Концепты, расположенные на суперординатном уровне обладают наиболее высокой степенью обобщённости и абстрактности. Базовый уровень является наиболее значимым из трёх, так как выполняет ведущую роль в осмыслении процессов концептуализации. Субординатный уровень включает в себя специфические концепты, требующие анализа их конкретных характеристик [1].

Таксономическая модель концепта – это языковая модель, основанная на концептуальной иерархии, включающая в себя межязыковое разграничение главных характеристик концепта [1].

В качестве суперконцептов для FAMILIE выступают более крупные концепты, репрезентированные семемами ‘народность’, ‘народ’ и ‘нация’, которые можно объединить в одно микрополе.

В сравнении с FAMILIE суперконцепты со значением ‘народность’ и ‘народ’ семантически различаются только в научном дискурсе: «народность – общность людей, исторически сложившаяся в процессе разложения племенных отношений на базе единства языка и территорий и развивающейся жизни и культуры» [2, с. 597]. Народ – это «население той или иной страны» [2, с. 597]. Но даже научный дискурс допускает нейтрализацию этих понятий, в некоторых случаях не разграничивая ‘народность’, ‘народ’ и ‘нацию» [6]. В историко-документальном же дискурсе суперконцепты со значением ‘народность’ и ‘народ’ не дифференцируются.

В приведённых ниже контекстах концепт ‘нация’ проявляется имплицитно и актуализируется лишь посредством производных единиц: *nationale Zugehörigkeit*; *nach seiner Nationalität*.

Der Grund liegt darin, dass die UdSSR sich alle Mühe im 20. Jahrhundert dafür gab, um alles, was mit diesem Volk verbunden war, aus dem Gedächtnis der Menschen und aus unserer Geschichte wegzustreichen, ungeachtet davon, dass die Russlanddeutschen ein unentbehrlicher Bestandteil des russischen Volkes ist / Дело в том, что в XX веке в СССР было сделано всё для того, чтобы уничтожить, вычеркнуть из памяти людей и из нашей истории то, что связано с этим народом, несмотря на то, что российские немцы являются составной и неотъемлемой частью народа российского (семья Крайсман, с. 4). Mein Großvater war Russlanddeutsche. Er starb vor 8 Jahren, aber seine Lebensgeschichte, wo sich alle Heimsuchungen, die seinem Volk zuteil geworden waren, widerspiegeln, ist für jeden Familienangehörigen eine Legende, eine Reliquie ... / Мой дедушка – российский немец. Он ушёл из жизни 8 лет назад, но история его жизни, в которой отразились все тяготы и невзгоды, выпавшие на долю его народа, до сих пор является в нашей семье реликвией, легендой... (семья Бауэр, с. 37). Dank diesen

Ereignissen begann ich plötzlich zu begreifen, dass ich auch ein Deutscher bin, dass das deutsche Volk mein Volk ist / Благодаря всем этим событиям я вдруг стал осознавать, что я тоже немец, что немецкий народ – это мой народ (семья Дитенбир, с. 81). Ihre Erinnerungen und die Erforschung des Materials erregten ein großes Interesse, und ich beschloß das Leben und den Charakter meiner Vorfahren möglichst besser zu erlernen und die Geschichte meines Volkes zu beschreiben / Их воспоминания и исследование материалов вызвали большой интерес, и я решила как можно глубже изучить быт и характер моих предков, описать историю моего народа (семья Якубович, с. 10). Glücklicherweise sind schon die anderen Zeiten, die uns zum Andenken und zur Treue unserem Volk berechtigen / К счастью, наступили иные времена, дающие нам право на память и верность своему народу (семья Брейтмайер, с. 78). Итак, сообщество российских немцев именуется следующим образом: (die) Russlanddeutsche(n); Deutscher; (mein, unser, sein u. m. d.) Volk. Данное сообщество является частью русского (das russische Volk) и немецкого народа (das deutsche Volk). Это связано с тем, что в послевоенное время часть русского народа имела немецкие корни. Тем самым этнические немцы, уже считавшие Советский Союз своей Родиной, причисляют себя к двум народностям. Vladimir Iosifovitsch Gauer ist nach seiner Nationalität ein Deutscher, aber er hält sich selbst für einen Russen / Владимир Иосифович Гауэр – немец по национальности, но считает себя русским (Семья Гауэр, с. 31).

Вторым микрополем концепта FAMILIE является совокупность слов со значением ‘род’, объективирующая суперконцепт РОД.

Род – это «ряд поколений, происходящих от одного предка, а также вообще поколение» [5, с. 549], т. е. «родственники одной степени родства по отношению к общему предку» – «древнему предшественнику по роду, а также соотечественник из прежних поколений» [5, с. 549]. *Die ersten Deutschen, darunter auch meine Ahnen, wurden ins Woronesher Gebiet geschickt. Dann zogen meine Urgroßeltern in einen guten, fruchtbaren, sonnigen Ort, in die Gegend vom Asowmeer, nicht weit von Taganrog um, dort gab es Dörfer, wo die Vorfahren mütterlicherseits und väterlicherseits lebten. Der Urgroßvater baute das Haus, in dem seine große Familie wohnte / Первых немцев, в том числе и моих предков, отправили в Воронежскую область. Затем мои прадеды переехали в хорошее, благодатное, солнечное место – в район Азова, недалеко от Таганрога, там было четыре деревни, где жили предки и по маминой, и по отцовской линии. Прадед построил дом, в котором жила большая семья (семья Адам, с. 7). Ich meine, nächstes Jahr vollenden wir dieses komplexe Familienwerk, verteilen seine Exemplare unter den Kindern, Enkeln, damit unsere nächste Generation schon kannte, woher ihre Vorfahren stammen / Я думаю, на следующий год мы закончим этот комплексный семейный труд, раздадим всем детям, внукам, чтобы наше будущее поколение уже знало, откуда произошли их предки (семья Адам, с. 8). Laut Familien überlieferungen stammt die Familie Dulzon aus Europa / По семейным преданиям, фамильная родословная Дульзонов уходит*

своими корнями в Европу (семья Дульзон, с. 16). **Meine Vorfahren** geraten nach Russland im 18. Jahrhundert, in der Regierungszeit von Katherina der Großen / Мои предки попали в Россию в XVIII веке, во времена Екатерины Великой (там же, с. 11). Ich bin die Vertreterin der fünften Generation dieses Geschlechts nach der direkten Verwandtschaftslinie meiner Mutter / Я являюсь представителем V поколения этого рода по прямой линии моей матери (семья Якубович, с. 15). **Meine Vorfahren** vätterlicherseits haben deutsche Wurzeln / Мои предки по папиной линии имеют немецкие корни (семья Крайсман, с. 23). Und nachdem ich im Geschichteunterricht meinen Stammbaum zusammengestellt hatte, bekam ich einen Wunsch meine Sippengeschichte zu untersuchen, alle Informationen über das Leben meiner lieben Großmutter Frida Heinrichowna Penner zu erfahren / После того, как я на уроке истории составил генеалогическое древо своей семьи, появилось желание исследовать историю своего рода, узнать всё о жизни моей дорогой бабушки Фриды Генриховны Пеннер (там же, с. 81). Mit der Zeit beginne ich über die Wichtigkeit der Dinge nachzudenken, die als Stammbaum bezeichnet sind / Становясь старше, чаще начинаю задумываться над важностью того, что называется родословной (семья Гресс, с. 78). Ich werde jedem Teilchen der Information über meinen Stammbaum froh sein / Буду рада любой крупице, собранной о моей родословной (там же, с. 79).

Выясняется, что род имеет три компонента, которые объединены в одно микрополе: 1) предшествующее поколение (Generation), обозначаемое лексемами Ahnen, Urgroßeltern, Urgroßvater, Vorfahren; 2) поколение (Generation), живущее в настоящее время и обозначаемое лексемами große Familie, Familie и т. д.; 3) будущее, следующее поколение (nächste Generation).

На основании данных контекстов можно сделать вывод: суперконцепт РОД объективируется такими лексемами, как Sippe, Geschlecht, Stammbaum. Последняя содержит образный компонент со значением 'дерево'.

Концепт FAMILIE имеет также разветвлённую субординатную структуру. В основе субординатных концептов лежат два когнитивных классификатора: 'кровное родство' и 'некровное родство'. Слова, обозначающие 'кровное родство' и 'некровное родство', составляют третье микрополе. Муж и жена – единое, социальное значимое целое. Семья, включающая мужа и жену, является главным составляющим общества и в первую очередь, выполняют детопроизводную функцию – и в этом случае муж становится отцом, жена – матерью.

Главенствующая роль в немецких семьях принадлежит мужу – отцу семейства. Die Familie Dulzon hielt sich an dem strengen Willen des Vaters fest / Семья Дульзона держалась на суровой воле отца (семья Дульзон, с. 17).

В связи с историческими событиями 1941 – 1945 гг., семьи российских немцев претерпели изменения и, в отсутствии отца (мужа), главой семейства считали старшего из сыновей. Die Familie Scheffer war groß: sie bestand aus der Mutter und 7 Kindern, das älteste von ihnen war Karl, der als Familienoberhaupt geachtet wurde / Семья Шефферов большая – мать и 7

детей, самый старший Карл, которого почитали как главу семейства (семья Шеффер, с. 53).

Признак Кровного родства концепта FAMILIE обозначается семемами 'мать', 'бабушка', 'прабабушка', 'отец', 'дедушка', 'прадедушка', 'дочь', 'сын', 'внук', 'внучка' ('правнуки'), 'брат', 'сестра', в том числе и двоюродные – 'кузен', 'кузина', 'тётя' ('родная сестра матери или отца'), 'дядя' ('родной брат матери или отца').

1947 heiratete sich mein Vater meine Mutter, Swetlana Michailowna Litosowa / В 1947 году мой отец женился на моей маме (семья Крайсман, с. 24 – 25). **Meine Mutter** – Oksana Anatoljevna traf meinen zukünftigen Vater – Vladimir Antonowitsch Jakubowitsch, als er am Institut für Wassertransport in Nowosibirsk studierte / Моя мама – Оксана Анатольевна – встретила с моим будущим папой – Владимиром Антоновичем Якубовичем, когда он учился в Новосибирском институте водного транспорта (семья Якубович, с. 14). **Mein Vater**, Alexander Alexeewitsch Kreismann, und sein jüngerer Bruder Wladimir blieben in Russland, obwohl die Großmutter einen sehr großen Wunsch hatte, dass jedes ihrer Kinder ihr folgten / Мой папа, Александр Алексеевич Крайсман, и его младший брат Владимир остались в России, хотя бабушка очень хотела, чтобы все её дети последовали за ней (семья Крайсман, с. 26). 1979 wurde ihr Sohn, mein Vater A. V. Biller, an die Tomske Staatliche Hochschule für Architektur und Bauwesen immatrikuliert / В 1979 г. её сын, А. В. Биллер, мой папа, поступает в ТГАСУ (семья Биллер, с. 56). Als sie 18 Jahre alt war, heiratete sie, sie brachte 5 Söhne zur Welt und fuhr nach Kasachstan / В 18 лет вышла замуж, родила 5 сыновей и уехала в Казахстан (семья Минор, с. 13). Ich habe 2 Kinder. Die älteste Tochter Natalja absolvierte Tomske Staatliche Universität für Bauwesen. Der Sohn absolvierte Tomske Polytechnische Universität, er ist Geoökologe von Beruf / У меня двое детей. Старшая дочь Наталья окончила Томский государственный архитектурно-строительный университет. Сын окончил Томский политехнический университет, он геоэколог (семья Адам, с. 9). Schon in Kasachstan wurde die jüngste Tochter des Urgroßvaters Rudolf – Elena geboren / Уже в Казахстане родилась младшая дочь прадеда Рудольфа – Елена (семья Гайль, с. 21). Mein Großvater hatte 3 Kinder: eine Tochter und 3 Söhne / У деда было 4 детей: дочь и 3 сына (семья Райс, с. 46). Ich, seine Tochter, bekam das Diplom mit der Qualifikation „Linguist. Dolmetscher / Übersetzer“ / Я, Елизавета Дульзон, дочь Альфреда Андреевича, получила диплом лингвиста-переводчика (семья Дульзон, с. 18). Mein Vater war ihr Lieblingsenkel / Отец был у неё любимым внуком (семья Крайсман, с. 24). Außerdem habe ich schon 3 Enkelkinder / А ещё у меня уже 3 внуков (семья Адам, с. 9). Der älteste Bruder Albert lebt in Tomsk, er ist Doktor der geologenmineralischen Wissenschaften / Старший брат Альберт живёт в Томске, он кандидат геолого-минералогических наук (семья Адам, с. 9). 1996 wurde mein Bruder Sergej zur Welt gebracht / В 1996 году родился мой брат Сергей (семья Якубович, с. 15). Das Gleiche kann ich über meine ältere Schwester sagen. Sie kann sogar kein Deutsch / То же самое могу сказать про сестру, которая вообще не знает немец-

кий язык (семья Рукс, с. 61). *Sein Vater, seine Mutter, Großmutter, Schwester und sein Bruder* fuhrten dorthin aus Kasachstan weg / В своё время отец, мать, бабушка, брат и сестра уехали туда из Казахстана (семья Адам, с. 65). *Mein Onkel und seine Frau arbeiten, ihr Sohn – mein Vetter Eugen* – möchte das Studium an der Universität im nächsten Jahr beginnen / Мой дядя и его жена работают, их сын – мой двоюродный брат Эйген – в следующем году поступает в университет (семья Бумц, с. 68). *Alle Verwandten, die nach Deutschland wegfahren, passten sich dort ziemlich schnell an, nach kurzer Zeit nach Übersiedlung fanden viele von ihnen die Arbeitsstellen und meine Cousins und Cousinen* – das sind Nastja, Max und Julia – setzen ihre Ausbildung fort / Все родственники, уехавшие в Германию, достаточно быстро там адаптировались, в скором времени после переезда многие нашли работу, а мои двоюродные братья и сёстры – это Настя, Яна, Макс и Юля – продолжают обучение (семья Крайсман, с. 25). *Mein Urgroßvater* väterlicherseits hatte **4 Tanten** (Wanda, Lida, Karlina und Olja) und **3 Onkel** (Rudolf, Karl, Wilhelm) / У моего отца по отцовской стороне было 4 тётки: Ванда, Лиди, Карлина и Оля; 3 дяди: Рудольф, Карл, Вильгельм (семья Визе, с. 52). *Der Großvater Andrej und die Großmutter Raja* erzogen 2 Kinder / Дед Андрей вместе с бабушкой Раей воспитали 2 детей (семья Гайль, с. 21 – 22). *Mein Urgroßvater und meine Urgroßmutter* wohnten im Shitomersker Gebiet, an der Ukraine / Мои прадедушка и прабабушка жили в Житомирской области на Украине (семья Кельм, с. 39). *Zurzeit hat meine Groß-*

mutter 10 Enkelkinder und 4 Urenkelkinder, dabei nimmt die Anzahl der Familienmitglieder ständig zu / В настоящее время у моей бабушки и прабабушки 10 внуков и 4 правнука, и семья постоянно разрастается (семья Кельм, с. 40). *In der Familie des Urgroßvaters Rudolf* gab es in jener Zeit schon **6 Kinder** / В семье прадеда Рудольфа в то время было уже 6 детей (семья Гайль, с. 20). *Als die Revolution begann, wurde der Vater meines Urgroßvaters Johann Johannovitsch entkulakisiert* / Когда началась революция, моего прадеда Ёгана Ёгановича раскулачили (семья Сабельфельд, с. 35).

Некровное родство концепта FAMILIE выражается семейной «неродные дети» и проявляется в изучаемом тексте книги имплицитно. *Nachdem meine Eltern (Konstantin Erwinowitsch und Tatjana Leonardowna) mich und meinen jüngeren Bruder erzogen hatten, adoptierten sie in diesem Sommer einen kleinen Jungen, Maxim, als er 1,3 Jahre alt war* / Мои родители, вырастив меня и моего младшего брата, в этом году из детского дома взяли на воспитание мальчика, когда ему было 1,3 года (семья Кельм, с. 40).

Итак, концепт FAMILIE в немецкой лингвокультуре Сибири имеет сложную иерархическую структуру. С одной стороны, он соотносится с суперконцептами, с другой – субконцептами, объективированными в рассматриваемых контекстах. Идиотническая специфика данного концепта, актуализированная в речи российских немцев Сибири, заключается в одновременной соотнесённости с немецким народом / немецкой нацией и русским народом.

Литература

1. Белау, М. Ю. Глагольная таксономическая модель концепта «самостоятельное перемещение субъекта» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Белау. – Тамбов, 2009. – 20 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57 – 68.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Сов. энцикл., 2012. – 735 с.
6. Помни имя своё / Руководитель проекта А. Н. Баловнева. – Томск, 2008. – 90 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 3. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 795 с.

Информация об авторе:

Щеголихина Юлия Викторовна – аспирант кафедры иностранных языков Энергетического института Томского политехнического университета, 8-906-947-43-94, july.shegolikhina@yandex.ru.

Yulia V. Shchegolikhina – post-graduate student at the Department of Foreign Languages, Energy Institute Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 03.12.2013 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.3

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКИХ
И НЕКЛАССИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ*Е. О. Гаврилов*SOCIALITY PROBLEM IN THE CONTEXT OF CLASSICAL
AND NONCLASSICAL INTERPRETATIONS*E. O. Gavrilov*

В статье показано, что распространенные подходы к изучению общества посредством выделения в нем только одного репрезентативного уровня являются ограниченными. В качестве возможного варианта решения этой проблемы предлагается использовать интегративный подход, реализующий потенциал различных теоретических моделей, ориентированный на рассмотрение любого общественного явления сразу на нескольких уровнях социального.

The paper shows that widespread approaches to studying society by means of allocating only one representative level within it are limited. As a possible the solution to this problem, the author suggests using the integrative approach which realizes the potential of various theoretical models and focuses on consideration of any public phenomenon at several levels of the social at once.

Ключевые слова: социальность, редукционизм, коммуникации, практики, язык, континуум.

Keywords: sociality, reductionism, communications, practitioners, language, continuum.

Эффективность социальных исследований во многом зависит от степени разработанности базовых категорий, которыми пользуются ученые в процессе изучения общественных явлений. Наиболее фундаментальными в этом категориальном ряду являются понятия социальности, общества и т. п. Проблема заключается в том, что несмотря на кажущуюся прозрачность смысла этих дефиниций, несмотря на распространенность этих терминов и в поле естественного языка, и в содержании дискурса специалистов, они оказываются предельно неочевидными и потому требующими своего пересмотра и уточнения. Степень неоднозначности в применении этих речевых операторов настолько высока, что некоторые исследователи призывают отказаться от самого понятия общества и его производных. Такой скепсис мы встречаем у Ф. А. Хайека, который по его собственным словам «дал себе зарок никогда не употреблять слов общество (society) или «социальный» (social)». Он счел нужным сказать об этом специально, «чтобы показать, какой яд таится в нашем языке» [22, с. 188]. По его мнению, слово «общество» «сделалось удобной этикеткой для обозначения фактически любой группы людей, о структуре или же причинах сплочения которой не обязательно что-либо знать» [22, с. 193].

Существует несколько наиболее представительных подходов в трактовке социальности. Дж. Ритцер обозначает их как микроподход, макроподход и интегрированная парадигма [19, с. 415 – 479]. Такого рода терминология – довольно развитая исследовательская традиция (Дж. Ритцер, М. Арчер, Р. Бхаскар, М. Де Ланда, К. Контопулос, Н. Моузелис). Продолжая ее, О. С. Мантуров выделяет следующие теоретические модели: макроредукционизм, микроредукционизм и мезоредукционизм [14, с. 10]. Такое обозначение теоретических подходов позволяет систематизировать существующие

представления об обществе, соотнести их друг с другом в рамках достаточно четко определенной методологической схемы. Соглашаясь использовать в процессе номинирования названных подходов указание на редукцию как метод познания, мы хотели бы избежать обвинений в навешивании ярлыков. Это опасение вызвано тем, что нередко в научном познании редукционизмом называют явное упрощение сложного, сведение целого лишь к частному его проявлению. Но поиск фундаментальных основ в множестве социальных явлений неизбежно приводит исследователей к сознательному упрощению многообразия проявлений социального, выделению в нем в качестве главного одного уровня. Свойства этого уровня распространяются специалистами на некую более или менее широко понимаемую целостность, порядок элементов которой презентуется в качестве социальной реальности, общества и т. п. В таком подходе есть свои плюсы и минусы. Выявить их – наша задача.

Макроредукционизм или макроподход – это подход, связанный с исследованиями, условно говоря, верхнего уровня социальности, то есть с макро-исследованиями (К. Маркс, О. Конт, Э. Дюркгейм, Т. Прасонс и др.). Его представители независимо от того, что они выбирают в качестве субстрата социальности, склонны рассматривать социальные явления как продукт объективных по отношению к индивидам сил. Предшествуя любому субъективному опыту, объективное социальное начало довлеет над индивидом, определяет его мышление и поведение. В рамках этих концепций общество проявляет себя как самостоятельная часть бытия: жестко организованная, имеющая фундаментальное основополагающее организующее начало, обладающее целостностью и стремящееся к стабильности своих форм.

Признание примата макроуровня влечет интерпретацию социальности как качества, проявляющегося в рамках функционирования коллектива или общества в целом, как некой объективной субстанции, детерминирующей поведение индивидов: способ производства, социальная роль, норма и т. п. Такой угол зрения позволяет говорить об обществе как о надиндивидуальной структуре, в которую интегрирован субъект. Он носитель детерминированных обществом программ, жестко задающих диапазон его действий и место в обществе. Социальность здесь – признак, показывающий причастность субъекта к социальному целому, наделяющий его качествами этого целого. Как отмечает Т. Парсонс в рамках социального целого «понятие «части» приобретает абстрактный характер, поистине становится «фикцией»» [18, с. 79].

Своеобразную антитезу макроредукционизму составляют микроредукционистские теории, ориентированные на анализ продуцируемого индивидом социального поведения (М. Вебер, В. Дильтей, Э. Фромм, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Блумер и др.). В них фокус внимания смещается с социального целого на элементарные частицы общества, утверждается значимость в социальных процессах субъективного начала. Для таких субъективистских теорий социальные структуры, это скорее абстракции, чье конкретное содержание не предопределено, а зависит от активности совместно действующих субъектов. Так, например, у М. Вебера все социальные явления и структуры не более чем совокупность социальных действий. Целостность и структурность общества здесь лишены жесткости. Как видно, в рамках данного подхода в значительной степени происходит психологизация социальных явлений, на передний план выходит индивид с его внутренним миром, с его потребностями. Он активно творит условия собственной жизни, так как его поведение не детерминировано обществом. Онтологический характер общества здесь редуцируется к существованию субъекта и таким образом фактически утрачивается. В этой связи такие теории можно рассматривать как микроисследования, исследования нижнего уровня социальности. Их характеристиками становятся субъективизм и релятивизм. Общество здесь – комплекс произвольных взаимодействий, а социальность есть проявление внутренней интенции индивидов на вступление во взаимодействие с другими индивидами, способности их к творческому продуцированию разнообразных форм взаимодействий.

Таким образом, перед нами в полемике макроредукционизма и микроредукционизма одновременно разворачивается столкновение между объективистскими и субъективистскими подходами, чье противостояние уходит корнями в глубокую древность. Признавая за ними определенный эвристический потенциал, следует констатировать и их ограниченность, как следствие неизбежного упрощения и обеднения всего многообразия проявлений социального. Эта односторонность макро- и микроподходов осознавалась и самими представителями данных исследовательских программ. Многие из них пытались такую односторонность по возможности компенсировать. На это обращает внимание Дж. Ритцер, когда констатирует интерес к отдельным людям со стороны тех, кто посвятил себя в целом исследованию макроуровня социальности, и, наоборот, интерес специали-

стов в области микроуровня социальности к крупным общественным структурам. Он пишет: «Справедливо полагать, что Маркса интересует принудительное и отчуждающее влияние капиталистического общества на отдельных работников (и капиталистов). Центральный аспект теории Вебера – проблема трудного положения индивида в железных тисках сложившегося рационального общества. Зиммеля, главным образом, интересовали отношения между объективной (макро-) и субъективной (или индивидуальной, микро-) культурой. Даже Дюркгейм исследовал влияние социальных фактов макроуровня на индивидов и индивидуальное поведение (например, самоубийство)» [19, с. 417]. Тем не менее, интерес к противоположному уровню, в конечном счете, подразумевал его рассмотрение в качестве производного, вторичного начала.

Констатация односторонности классических теорий не означает полного отказа от них, поскольку большинство современных исследователей общества при всем критичном отношении к предшественникам все же опирается на выдвинутые ими идеи. Положения, сформулированные предыдущим поколением специалистов, используются сегодня либо в качестве мировоззренческой основы (часто с приставкой нео-), либо в качестве объекта критики и отправной точки исследований (часто с приставкой пост-). Тем не менее, осуществляются постоянные попытки выработки новой стратегии в выборе средств полного и адекватного описания социальных явлений. И вызваны они не только осознанием ограниченности редукционистских подходов. Следует принять во внимание и тот факт, что ракурс восприятия социальных явлений претерпевает изменения вместе с переменами в самом обществе. Внимание исследователей закономерно акцентируется на том, что актуально сегодня, что накладывает свой отпечаток на рассмотрение общества и интерпретацию предшествующих периодов социального развития.

Совокупность происходящих сейчас социальных сдвигов артикулируется в концепте «информационное общество» (Ф. Машлуп, М. Маклюэн, Д. Белл, Е. Масуда и др.). Становление информационного общества отражает такой этап человеческой истории, для которого характерной чертой, интегративным качеством всех форм социальной деятельности оказывается знание, информация, ее распространение, ее влияние на жизнь людей. Ключевая роль информации ярко проявляет себя в кластерах технологической, социальной, экономической, политической и культурной активности. Все большее значение приобретает многократное ускорение в распространении информации и как следствие резкое усиление социальной мобильности, сокращение времени по преодолению пространства, стремительность в развертывании социальных процессов. Информатизация, по словам Г. М. Маклюэна, порождает «глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему» [11, с. 5, 400]. Информация приобретает характер ценности, источника власти, превращается в разновидность капитала, в связи с чем в отдельных слоях культуры происходит даже фетишизация, мистицизация информации.

Закономерное усиление внимания к процессам циркуляции информации, переоценка ее роли актуа-

лизирует в неклассических социальных исследованиях (Ю. Хабермас, Н. Луман, К.-О. Апель и др.) и в постмодернистских теориях (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар и др.) коммуникативные аспекты общества. Коммуникации придается статус исходной социально-структурирующей силы, акцентируется внимание на таких ее характеристиках как взаимодействие, взаимозависимость, процессуальность. Такой взгляд на общество лишает его структуры жесткости, внутренней центрированности и строгой иерархичности.

Еще одной общей чертой, характерной для многих современных социальных теорий, становится приоритетность взгляда на общественные явления сквозь призму понятий знака, языка, текста, метафоры и пр. По мнению К.-О. Апеля, «язык стал общей проблемой почти всех школ и дисциплин» [1, с. 236]. Как отмечают В. А. Суровцев и В. Н. Сыров, «лингвистический поворот привел к переописанию концептов «язык», «текст», «дискурс», «сюжет» и т. д. в процессе расширения сферы их применения» [20]. Зачастую именно эти концепты представляются в качестве универсальных выразителей, носителей и трансляторов социального. Однако если первоначально происходило отождествление языковых и социальных структур (структурализм), то в дальнейшем их отношение было существенно переосмыслено (постструктурализм, постмодернизм). В версии постмодерна язык и текст вытесняют социальные структуры, лишают их бытийного статуса. В результате, как отмечает Дж. Ритцер, «постмодернистская социальная теория ... выступает отрицанием значительной части, если не всей, социологической теории» [19, с. 561].

Радикальный поворот в трактовке социальных явлений в рамках неклассических социальных теорий и в секторе постмодернистских интеллектуальных вариаций обнаруживает себя, прежде всего, в изменении отношения к самому понятию социальной реальности. Например, в постмодернизме эта категория, а вместе с ней и категории «социальное бытие», «общество» теряют смысл и репрезентативность. Социальная реальность заменяется реальностью «нарративно-дискурсивной», где конституирующая ее коммуникация понимается уже не как свойство или функция социальных отношений, а как «дискурсивно-речевая» практика [17, с. 34 – 35]. Эти методологические трансформации создают теоретические предпосылки к тому, чтобы идею общества как некой целостности, обладающей особыми сущностными характеристиками, полностью дезавуировать. Происходит десубстанционализация и виртуализация общества (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар). Как отмечает Д. В. Иванов, «в эпоху Постмодерн индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее» [8, с. 40]. Не только общество, сама реальность, утрачивает свой онтологический статус, превращаясь в комплекс произвольно толкуемых дискурсов. Симуляция приобретает большую ценность, чем оригинал.

Представителями постмодернизма отрицается центроориентированность и жесткая структурная упорядоченность общества. Раньше в качестве такого центра, по наблюдению Ж. Деррида, могли выступать «эйдос, архэ, телос, энергея, усия (сущность, субстанция, субъект), алетейя, трансцендентальность, сознание или совесть,

Бог, человек и так далее» (цит. по: [5, с. 51]). Сегодня в качестве альтернативы такому центроориентированному взгляду на общество постмодернизм предлагает иной ракурс зрения – сквозь призму категории ризомы (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), постулирующей ацентричность и аструктурность социального. Для постмодернистских учений характерен также антибинаризм, отрицание любой двоичной теоретической схемы, в рамках которой один элемент выступает в качестве доминирующего и системозадающего, а второй в качестве подчиненного объекта реализации творческого импульса первого элемента. Эта идея в свою очередь становится предпосылкой переосмысления характера отношений между обществом и человеком как объективной и субъективной реальностей. При таком подходе говорить об обществе в категориях бытия, целостности, моноструктурности, стабильности, то есть, в конечном счете, как об объективной по отношению к индивиду реальности *sui generis* (своеобразной), второй природе становится затруднительно. Формируется видение общества как виртуальной, хаотичной, фрагментированной реальности, находящейся в состоянии перманентного становления. Сама категория общества воспринимается как конструкт, смысл которой не имеет однозначно определенной корреляции с реальностью. Постулируя ускользающий характер социального, Ж. Бодрийар пишет: «Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность. Она не имеет социологической «реальности»» [2].

Однако вместе с отрицанием онтологичности общества в постмодернизме отрицается и факт бытия социального субъекта как источника социальной активности и творчества. Подвергается сомнению способность человека отдавать отчет в своей деятельности, быть познающим, созидющим началом. Он трактуется в качестве безличного носителя языковых алгоритмов, элемента текста, среды схождения и функционирования дискурсов. В результате субъект лишается собственной сущности, внутренней цельности, определенности (М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева и др.). «Как может человек – вопрошает М. Фуко, – быть той жизнью, чьи сплетения, биения, скрытая сила выходят далеко за пределы того опыта, который ему непосредственно дан? Как может человек быть тем трудом, требованиями и законами которого давят на него как внешнее принуждение? Как может он быть субъектом языка, который образовался за тысячелетия до него и без него, система которого от него ускользает...?» [21, с. 344]. Способность индивида к рациональной и самостоятельной социальной деятельности с точки зрения постмодернизма также отвергается. Активность человека при таком подходе подчиняется импульсам коллективного бессознательного, векторам циркуляции коммуникации и информации, хаотичным комбинациям стилей и контекстов.

Таким образом, во многом под влиянием идей постмодернизма социальная теория лишается четкости своих исходных категорий: субъекта и объекта. Нивелируется их противоположность, подчеркивается их искусственность и условность, расширяется круг значений их интерпретаций. Так, в рамках сетевых теорий в качестве актора начинают осмысливаться и фигурировать в

равной мере и люди и «не-люди» [12]. Происходит десубъективизация, но одновременно и деобъективизация социальных явлений [15]. В результате повышения интереса «к взаимосвязи между действием и структурой» [19, с. 416] микро- и макроредукционизм постепенно утрачивают твердость своих оснований.

Конечно, трудно сказать, в какой степени подобные идеи соответствуют культурным тенденциям предшествующих эпох, но представляется, что жизнь наших предков – их мысли, поступки – как раз выстраивалась вокруг бинарных категорий, так критикуемых постмодернизмом. Да и в XX – начале XXI вв. говорить о непреложности теоретических обобщений постмодернизма не приходится. Альтернативное ему модернистское видение социального по-прежнему сохраняет свой эвристический потенциал. Ситуация такова, что современный исследователь в поиске эффективных методологических оснований изучения социальности полностью игнорировать постмодернистский проект не может, но и целиком его признать – отказывается.

Восприятие постмодернистской критики, желание преодолеть крайности прежних редукционистских методологических моделей сказались на развитии неклассических программ по изучению общества. Основными путями выхода из методологического тупика, как замечает Дж. Ритцер, стали попытки объединить микро- и макро подходы в рамках интегративной теории либо стремление зафиксировать и актуализировать взаимосвязь между полярными научно-исследовательскими программами социального анализа [19, с. 444 – 445]. Еще раньше Р. Мертон, исследуя проблемы соотношения масштабных социальных теорий с задачами эмпирического анализа, пришел к необходимости формирования «теорий среднего уровня» [16, с. 99 – 100]. По его мнению «такого рода теория выходит за рамки различий между микросоциологическими проблемами, что видно из исследования малых групп, и макросоциологическими проблемами, что видно из сравнительного изучения социальной мобильности и официальных организаций и взаимозависимости социальных институтов» [16, с. 99 – 100]. Тенденция к преодолению ограниченности микро- и макроподходов привели к пересмотру отношений социальных явлений различного порядка и способствовали выдвижению новой области социального анализа, наличие которой могло бы показать связь между уровнями социальности или даже их единство.

Новые концептуальные решения породили формирование теорий, представляющих собой попытки тем или иным образом объединить противоположные взгляды на общество. Именно с ними связано появление еще одного подхода к изучению социальных явлений – мезоредукционизма (др.-греч. μέσος – средний). Составляющие его содержание концепции, претендуют на снятие ограничений и противоречий, порожденных объективистским и субъективистским подходами. Именно они декларируют готовность творчески переработать классическое наследие, принимая во внимание позиции постмодернизма, но сохраняя по отношению к ним дистанцию. В этом, безусловно, проявляется желание реабилитировать в том или ином виде представление о социальной реальности, обосновать возможность ее научного познания. В результате

привнесенные постмодернизмом понятия нередко претерпевают корректировку, сближаются с привычными категориями. Так, понятие дискурса начинает использоваться в современных социальных исследованиях в качестве сопоставимого эквивалента идеологии (С. Жижек, М. Пешё), инструмента непредвзятой познавательной деятельности, передачи информации (Ю. Хабермас, М. Л. Макаров). Происходит и реабилитация субъекта в качестве творца социальности (А. Турен), социальной структуры (П. Бурдьё).

Стремление сблизить значения постмодернистских концепций с понятиями классической социальной науки во многом связано с тем, что сам постмодернизм оказался несвободен от тех черт, которые он критиковал, в частности от бинаризма, являющегося по мнению ряда исследователей неизбывным качеством бытия и мышления человека [3]. Правда, в постмодернизме эта бинарность понимается менее однозначно и непреложно чем в модернистском проекте. Кроме того приходится констатировать, что постмодернизм не смог выдвинуть положительной альтернативы классическим теориям, которые оказались в фокусе его критики. Исследования, объединяемые понятием «постмодернизм», не составили того единства, которое бы позволило, говоря словами И. Лакатоса, сформировать «научно-исследовательскую программу» или выражаясь словами Т. Куна «парадигму». Их ценность состоит в том, что они, образно выражаясь, схватили и усилили «дух времени», особый характер переломной эпохи, для которой квинтэссенцией смысла стали категории «кризиса», «надлома», «перехода». В результате экспансии постмодернистских воззрений, классические мировоззренческие ориентации, сохранив в глазах специалистов свое значение, лишились непроницаемости и однозначности, стали предметом новых интеллектуальных комбинаций.

Качественно иной, новый подход при рассмотрении общества в современных социальных теориях, в том числе и ориентированных на выделение мезоуровня, усматривается уже в трансформации тезауруса исследований. Примечательно, что само понятие общества, подразумевающее некую целостность и субстанциональность, все чаще заменяется понятием социального или социальности. Предполагая широкий диапазон значений, оно открывает большие возможности для установления взаимосвязей объективного и субъективного, индивидуального и надындивидуального. Это связано с тем, что коннотации социальности не носят строго фиксированного характера, но при этом концентрируют внимание исследователя как на аспекте взаимодействия индивидов, так и на тех нормативных основаниях, которые образуются в результате этого взаимодействия. Сама социальная структура при этом рассматривается как явление, обладающее имманентным бытию индивидов характером. Иначе говоря, с одной стороны, использование этой категории при одновременном признании ускользающего характера объекта исследования его мозаичности, отсутствия внутренних констант, центрального стержня или основы, позволяет избежать чрезмерной субстанционализации социальных явлений. С другой стороны, ее применение дает возможность зафиксировать некую подвижную матрицу, ре-

гулятивное начало, лежащее в основе того, что принято называть социальным бытием.

Несмотря на распространенность в современных исследованиях понятия «социальность», единого мнения о его значении нет. Диапазон его интерпретаций весьма широк. В ряде случаев это понятие трактуют как взаимообусловленность «индивидуального («атомарного», «ядерного») бытия людей, с одной стороны, и над-индивидуальных структур социальной статистики и социальной динамики, с другой» [6, с. 996 – 997]. В ином контексте социальность, по сути, отождествляется с установкой на жизнь в коллективе, неким стадным инстинктом близкому к животному [10, с. 44 – 46]. Распространено отождествление социальности с социальным опытом (навыком), с присущей ему совокупностью «приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность существовать в обществе и выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп, выступая при этом не в роли суверенной личности, а выразителем интересов данной общности» [7]. В этом случае понятие «социальность» сочетается с понятием «социальная роль», которая может быть истолкована как в объективистском ключе (Т. Парсонс) так и в субъективистском (Дж. Мид). Только в теориях среднего уровня она понимается менее жестко, чем это делается у Т. Парсонса, и менее релятивно, чем у Дж. Мида.

Сам по себе разброс значений социальности, который мы находим в различных исследовательских подходах, свидетельствует о неоднозначности изучаемого явления. Такую нечеткость в трактовке социальности можно рассматривать и как утверждающийся в социальных исследованиях принцип плюрализма. Он позволяет сформулировать в соответствии с конкретными задачами познания собственную модель социальности, либо свободно использовать имеющиеся теории, переходя при необходимости от одной трактовки к другой или даже объединяя их. Принципиально плюралистичный взгляд на вещи, наложивший свой отпечаток и на социально-философские программы исследования социальности, получил распространение во многом благодаря постмодернистским теориям, и был учтен авторами теорий среднего уровня (Ю. Хабермас, Н. Луман, Э. Гидденс, П. Бурдьё и др.). Во всех них делается акцент на компенсации избыточной жесткости объективистских теорий и крайнего волонтаризма субъективизма. Средний уровень социальности мыслится в качестве сферы взаимодействия объективного и субъективного начал, как интегративная промежуточная область, в которой содержание духовного мира человека вступает в сцепление с социальными надындивидуальными формами. Следовательно, в теориях среднего уровня большое внимание уделяется процессуальности социальности, процедурам взаимоперехода субъективного и объективного, микросоциального и макросоциального, механизмам включения индивидов в функционирование коллективов, закономерностям самовоспроизводства социальных структур, сочетаниям индивидуального и надындивидуального.

Само понятие социальной структуры претерпевает изменения, теряя свою одномерность. На смену пониманию общества как конгломерата атомарных явлений или, наоборот, институционализированной системы, где

«институционализация означает некоторый порядок интеграции частного нормативного комплекса в более общий комплекс, управляющий системой в целом на нормативном уровне» (Т. Парсонс) [18, с. 705], приходит взгляд на общество как на сеть (М. Кастельс, Б. Уэлман, М. Грановеттер, Р. Берт и др.). Общество в таком ракурсе видится как система, состоящая из «культурно обоснованных процессов коммуникативных взаимодействий» (цит. по: [12]), где «культура и структура, язык и отношения связей (relational ties) смешаны в социокультурном окружении» [12]. Сеть при этом рассматривается не только как репрезентант социальности, но как адекватное средство описания современного состояния общества. М. Кастельс пишет: «индивидуумы фактически реконструируют модель социального взаимодействия, используя появившиеся технические возможности и имея своей целью создание нового типа общества: сетевого общества» [9, с. 160].

В теориях среднего уровня повествование выстраивается таким образом, что границы противостоящих социальных уровней стираются, а различные компоненты социальности образуют единый континуум. Благодаря этому мезоредукционистские теории в их стремлении избежать крайностей могут рассматриваться в качестве интегративных. Релевантными категориями, центрирующими внимание на связях разноуровневых социальных явлений, становятся понятия коммуникаций (Ю. Хабермас, Н. Луман), дискурсивных интеракций и дискурсивных практик, а также соответствующих им социальных практик (М. Фуко, Э. Гидденс, П. Бурдьё). Так, в интерпретации Э. Гидденса практики выступают как «рекурсивно организованные наборы правил и возможностей» (ресурсов) (цит. по: [19, с. 477]). Он утверждает: «С одной стороны, правила относятся к производству значений, а с другой – к санкционированию способов социального поведения» [4, с. 61]. Как видно, здесь практическое действие, диалектически взаимосвязанное со структурой, смыкается с дискурсом как формой описания и самопрезентации действия. «Дискурсивное выражение правила является его интерпретацией и ... способно само по себе видоизменять форму его проявления», – пишет Э. Гидденс [4, с. 66].

Несмотря на перспективность и распространенность теорий среднего уровня, следует признать, что и они признаются исследователями разновидностью редукционизма, требующего со временем своего преодоления. «Новая методология, – отмечает О. С. Мантуров, – должна неизбежно быть антиредукционистской, ... не сводящей ее к каким-либо проявлениям социального бытия. Неизбежное ускользание социальности позволяет говорить о ней не как о чем-то целом, едином, а как о сети взаимообусловленных существованием друг друга гетерогенных сообществ» [13, с. 26]. В свою очередь Дж. Ритцер, подводя итог своего анализа социальных теорий, отмечает: «в реальности социальный мир не разделен на уровни. Социальную реальность, в сущности, лучше всего рассматривать как огромное множество социальных явлений, вовлеченных в непрерывное взаимодействие и изменение» [19, с. 573]. Однако, на наш взгляд, исследователю при анализе конкретного общественного явления вряд ли полностью удастся избежать акцента на значении какого-то одного аспекта социальности. Сам Дж. Ритцер, анализируя интегративные тео-

рии, отмечает, что их авторы невольно сохраняют тяготение к выделению микро- или макроуровня в качестве базового. Декларирование интереса к исследованию, прежде всего, мезоуровня так же как и в случае с микро- и макроредукционизмом является методологическим упрощением. Вопрос о создании теории способной преодолеть крайности редукционистских подходов остается открытым.

Итак, макроредукционизм, микроредукционизм, да и мезоредукционизм суть лишь варианты редукционизма. Однако сравнивая их между собой, следует признать, что уровень мезоисследований представляется по сравнению с другими более приемлемым, так как отчасти компенсирует их крайности. Мезоредукционистский исследовательский проект может с определенными оговорками рассматриваться в качестве методологической основы изучения социальности. Однако более перспек-

тивным все же видится сочетание всех трех рассмотренных подходов в рамках интегративной познавательной программы. То, что недостатки редукционизма предполагается преодолеть через применение редукционистских подходов, правда, в их конгруэнтном взаимодействии кажется парадоксальным, но представляется весьма возможным. Здесь крайности и недостатки каждого из подходов компенсируются комплексностью в их применении. Именно эта комплексность оказывается отправной точкой одновременного признания идей альтернативных социальных теорий, осуществления поиска точек их соприкосновения. Именно такой плюралистичный подход к изучению социальных явлений, в конечном счете, и способен помочь в преодолении ограниченности используемых в настоящее время теорий социальности.

Литература

1. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель; пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. — М.: Логос, 2001. — 344 с.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства / Ж. Бодрийяр // Центр гуманитарных технологий. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/125>
3. Воробьева, Е. Ю. Бинарность и ее архитипические основания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. / Е. Ю. Воробьева. — Омск, 2005. — 130 с.
4. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
5. Можейко, М. А. Ацентризм / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия: философия XX век; гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2002. — С. 51 — 52.
6. Грицанов, А. А. Социальность / А. А. Грицанов // Всемирная энциклопедия: философия; гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001.
7. Зорин, В. Социальность / В. Зорин // Евразийская мудрость от А до Я, толковый словарь. — Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/470/word/socialnost>
8. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. — 96 с.
9. Кастельс, М. Галактика. Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
10. Круглов, А. Социальность рациональная и «зоологическая» / А. Круглов // Психологос. Энциклопедия практической психологии. — Режим доступа: http://www.psychologos.ru/articles/view/socialnost_racionalnaya_i_zoologicheskaya
11. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. — М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц.: Кучково поле, 2003. — 464 с.
12. Мальцева, Д. В. О современных сетевых теориях в социологии / Д. В. Мальцева, Н. В. Романовский // Социс. — 2011. — № 8. — С. 28 — 37.
13. Мантуров, О. С. Альтернативные модели структурирования социальности / О. С. Мантуров // Известия Уральского государственного университета. — 2011. — № 2(91).
14. Мантуров, О. С. Проблема структуры общества в социальной теории XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / О. С. Мантуров. — Екатеринбург, 2012. — 25 с.
15. Маркова, Л. А. Постмодернизм в науке, религии и философии / Л. А. Маркова // Постмодерн. — Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=1013>
16. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873 с.
17. Никитина, В. В. Постмодернистская трактовка проблемы социальности / В. В. Никитина // Вестник международного славянского университета. — Харьков, 2007. — Т. 10. — № 1.
18. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — Изд. 2-е. — М.: Академический Проект, 2002. — 880 с.
19. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с.
20. Сыров, В. Н. Метафора, нарратив и языковая игра. Еще раз о роли метафоры в научном познании / В. Н. Сыров // Любомудр. — Режим доступа: <http://любомудр.рф/index.php/stati/78-metafora-narrativ-i-yazykovaya-igra-eshche-raz-o-rol-i-metafor-y-v-nauchnom-poznani-i>
21. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб.: А-сэд, 1994. — 407 с.

22. Хайек, Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хайек. – М.: Новости: Catallaxy, 1992. – 304 с.

Информация об авторе:

Гаврилов Евгений Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Новокузнецк), 8-908-959-46-82, Gavrilich@yandex.ru.

Evgeniy O. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Civil and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitary System of Russia, Novokuznetsk.

Статья поступила в редколлегию 19.11.2013 г.

УДК 177.9

КРАХ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ (из культурно-философского контекста конца XIX – начала XX века в России, по материалам сборника о русской интеллигенции «Вехи») С. В. Заруцкая

THE COLLAPSE OF THE INTELLIGENTSIA IDEOLOGY: THE CAUSES OF FAILURE (cultural and philosophical context of the late 19th – early 20th centuries in Russia, based on the book about the Russian intelligentsia «Vehi») S. V. Zarutskaya

Статья анализирует нравственные и этические воззрения интеллигенции конца XIX – начала XX века в России, ее призвание и роль, ошибки мировоззрения. Главным результатом исследования является вывод о том, что неудача интеллигентского дела – это в первую очередь крах идеологии, поэтому это вопрос не политический, а культурно-философский, этический.

The paper examines the moral and ethical views of the Russian intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries: its vocation and role, and errors of outlook. The main result of the study is finding that the failure of the intelligentsia's activities is primarily a failure of ideology, so this issue is not political issue, but cultural philosophical and ethical.

Ключевые слова: интеллигенция, нравственные ценности, социальный эвдемонизм, религия человекобожия.

Keywords: intelligentsia, moral values, social eudemonism, religion of man God.

В конце XIX – начале XX века в России была осуществлена историческая попытка изменить социально-политический порядок всей страны. Говоря о прошлом из свершившегося будущего, мы можем сказать, что, раз после победы большевистской революции, интеллигенция как класс перестала вести свое существование, была уничтожена и морально и физически, то можно полагать, что ее появление и формирование на политической сцене истории, было обусловлено какой-то миссией, какой-то великой целью в обществе. В мировой истории интеллигенции отводится высокая почетная роль. О роли интеллигенции в мире и о тождестве основных целей русских интеллигентов с целями евразийцев говорит Р. Р. Вахитов: «Именно идеи, а не материальные факторы управляют историей, причем идеи не в современном номиналистическом смысле – как произвольные умственные конструкции интеллектуальной элиты, а в платоническом смысле – как эйдосы, умопостигаемые, духовные принципы, организующие жизнь народа во всех ее областях – от быта до политики. В этом смысле интеллигенция есть «духовный предостоятель народа», и ее главная задача – выразить национальную идею, уже растворенную в бытии народа и его культуре, в теоретической форме – в форме идеологии. А в идеократическом государстве интеллигенция вообще при-

звана играть одну из ведущих ролей, представляя собой «мозг» общества и государства» [5, с. 216].

Умы людей конца XIX – начала XX века в России были заняты организацией поиском наикратчайшего пути к осуществлению Царства Божия на Земле. Идея, по сути своей благородна. При этом все необходимые компоненты к этому моменту сложились в уравнение:

- 1) народ, который надо спасать;
- 2) интеллигенция, которая считала себя в ответственности за страдания народа;
- 3) подходящая экономическая теория преобразования общества и политического устройства.

Теория научного социализма как нельзя лучше удовлетворяла эту потребность и вызвала наибольший энтузиазм и подъем в борьбе за идеал человечества XIX века. Идея прогресса, учение Маркса и Энгельса, которая пришла на смену средневековому мировоззрению, обещала привести человечество в социалистический рай. Главная тема эпохи: свобода человечества, высвобождение человека в истории, человеческая эмансипация. Как писал С. Н. Булгаков «социалистическая деятельность Маркса как одного из вождей движения, направленного к защите обездоленных в капиталистическом обществе и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства, свободы по объективным своим целям, казалось бы, должна быть

признана работой для создания царства Божия» [3, с. 271].

Заслугой интеллигенции, безусловно, является стремление подчинить свою жизнь некоему высшему трансцендентному началу, оторваться от земного существования с его бытом и мещанством. По этому поводу С. Л. Франк пишет: «Русская интеллигенция обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь» [7, с. 198].

Процессы, которые происходят в обществе, вне зависимости, сегодня, либо сто лет назад, имеют корни, свое происхождение, свою этимологию. Другими словами, каждое событие имеет свой background, фон. Поэтому для изучения какого-либо события в истории, необходимо анатомизировать это явление. «Я твердо стою на том, — писал Н. А. Бердяев, — что всякий серьезный кризис с социальной и политической своей стороны является лишь поверхностностью, лишь производным, корни же лежат в таинственной глубине бытия, а потому и выход из кризиса связан с перерождением этих глубин» [1, с. 9].

В данной статье мы анализируем основные мысли, которые стали системными для интеллигенции, и не дали ей возможности реализовать царство Божие на Земле.

Под счастьем, как основной целью прогресса и социализма, подразумевается удовлетворение потребностей большего числа людей. Другими словами, обещает сытость. Такая точка зрения обожествляет роль потребности как таковой, и унижает человеческую суть. С одной стороны, рост потребностей и их удовлетворение является прогрессивным, так как освобождает человека от условностей бытового характера. Одновременно с этим возрастает область насыщения, которая подавляет деятельность духа и становится своего рода нравственной болезнью, происходящей уже не из бедности, а из богатства. Социальный эвдемонизм осуждается развитым нравственным сознанием из-за низменности его основного принципа. Как пишет С. Н. Булгаков в своей статье «Основные проблемы теории прогресса»: «Счастье есть естественное стремление человека, но нравственным является лишь то счастье, которое есть попутный и преднамеренный результат нравственной деятельности, служения добру. Если ж поставить знак равенства между добром и удовольствием, то нет того падения и чудовищного порока, которое бы не освещалось этим принципом. Идеалом с этой точки зрения могло бы явиться обращение человечества в животное состояние, как сопровождающееся минимальным количеством страданий» [4, с. 67].

К чему следовало подойти? Как пишет С. Л. Франк, задачами общества являются: «Самоценное развитие внешних и внутренних условий жизни, повышение производительности материальной и духовной, совершенствование политических, социальных и бытовых форм общения, прогресс нравственности, религии, науки, искусства, словом, многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно высшую ступень» [7, с. 198]. Именно такое направление воли, творчество во имя высших объективных ценностей, обусловило бы счастье человека и общества в целом. Соответственно, ошибкой было суживать такое понятие как счастье

простым перераспределением благосостояния. «Ничий не может разбогатеть, если думает о равноправии» [7, с. 181]. Оскар Уайльд в статье «Социализм и душа человека» пишет: «Есть только один класс людей, который еще более своекорыстен, чем богатые, и это — бедные» [6, с. 93]. Известный социолог Эрих Фромм посвятивший множество своих работ теме здорового общества, особо выделяет и разделяет такие категории как «иметь» и «быть». Он пишет, что если ранее дихотомия человеческого существования была разделена вопросом «быть или не быть», то теперь она звучит уже иначе «иметь, или быть». Очевидно, что все больше и больше становится актуальной категория имения с той разницей, что русская интеллигенция рассматривала условия, как перераспределить народные блага для крестьян и рабочих, а современные тенденции направлены на обогащение только самого себя [8].

В XIX веке в России народническое направление пришлось по душе русской интеллигенции, потом распространилось и стало неким знаменем, стало олицетворением или воплощением интеллигентского духа. Интеллигенция, действительно имела на это право, или полагала, что имеет! Ощущение своего мессианства, осознание своего высокого долга возвысило интеллигента в своих собственных глазах. Уверенность в своем мессианстве составляла едва ли не основу психологии народно-демократической разночинной интеллигенции: Чернышевский писал Добролюбову: «Мы с вами, сколько теперь знаю Вас, люди, в которых великодушие, или благородства, или героизма, или чего-то такого гораздо больше, нежели требует натура. Поэтому мы берем на себя роли, которые выше натуральной силы человека. Становимся ангелами, христами» [10].

Противоречие в отношении религии составляет одну из почти неразрешимых проблем русского революционного сознания. Отказ от бога мыслился передовой интеллигенцией XIX века и в начале XX века как героизм, как высокая сознательность передового, просвещенного ума. В то же время евангельская образность, евангельская символика не отпускали от себя интеллигенцию. Исследователь М. А. Чегодаева пишет по этому поводу следующее: «Сопоставление революционной деятельности, и особенно революционного «мученичества», с апостольством и страстями Иисуса возникали вновь и вновь — и в настроениях самих революционеров, и в отношении к ним общества» [9, с. 216].

Кроме этого интеллигент возвышает и субъект своего поклонения. В результате чего возникает религия человекобожия. «Вдохновляясь ею, интеллигенция наша почувствовала себя призванной сыграть роль Провидения относительно своей родины» [2, с. 44]. Героизм самообожения был порожден неосознанным желанием — поставить себя на место Творца и творить историю по собственному замыслу. Религия человекобожия, считает Булгаков, есть шифр к сознанию революционера. Для этой революционной религии характерны глобальность и мания исторического всеисия, аскетическая вседозволенность и святость борца. Но, как указывал Бердяев, революционная святость — безбожная святость. Она есть безбожная претензия достигнуть святости одним человеческим и во имя одного человеческого. На пути этом искажается

образ человека, ибо образ человека – образ и подобие Божье. По мнению Булгакова, героизм человекобожия – ложно понятый героизм. Он источник распада и обеднения личности. Превратив себя в единственного носителя добра и справедливости, революционер берет на плечи непосильную ношу; став заложником безумной идеи, он «героически» лишает землю престола Божия. Смысл жизни герой видит в искоренении зла. Но зло понимается не метафизически, не как наказание, не как результат греховности всего рода людского, а как итог политического несовершенства. Человекобог открывает путь человекозверю. Искушение всех сопровождается истреблением части. Ратуя за всеобщее равенство, спаситель человечества, по сути, отрицает равенство, так как возводит себя в ранг «право имеющего». Но когда человек предстает как создатель ценностей, то они теряют для него свой объективный характер и приобретают утилитарный характер. Отсюда неизбежно вытекает тезис: сколько людей, столько может быть и богов, и тот бог будет прав, у кого больше оснований.

Так отвергнув религиозную мораль, интеллигент-революционер отверг и саму мораль, заменив ее революционным морализмом. Личность оказывается перед жестким выбором: либо служить революции, т. е. «добр», либо быть ее противником. Такой интеллигентский морализм сужает сознание, человек перестает видеть смысл в идеалах красоты, эстетическое восприятие действительности сводится к минимуму. Несмотря на поиск научной обоснованности, революционное сознание антинаучно в широком смысле. Тому подтверждение – отсутствие интереса к отечественным философам и писателям с мировым именем, равнодушие к чистому, «непартийному» знанию. Узость мировоззрения и полная уверенность в своей правоте создают особую форму ханжества. Самоцензура и одержимость мученичеством заставляют требовать того же от окружающих. Революционер любит не реального человека со всеми его слабостями и недостатками, а человека должного. В этом причина подозрительности, вплоть до ненависти к негерою, не-революционеру. Можно сказать, что социальным преобразованиям начала века для их успешного завершения не хватало просто работоспособных и обязательных людей. Таких людей способно рождать общество, взявшее в качестве эталона христианские ценности. Настоящий герой всегда труженик, его отличают искренность, терпимость, сосредоточенность. Эти качества были отнюдь не преобладающими у героя-революционера. Наоборот, преобладали преувеличенное чувство своих прав, экзальтированность, авантюризм, нетерпимость. Революционный героизм не требовал глубокой работы ума. Достаточно было принять подходящую программу социальных преобразований и героическим рывком подготовить себя к подвигу во имя нее. Нужно признать, что герою не откажешь в наличии сильной воли, обеспечивающей концентрацию усилий для достижения цели. Но воля не равнозначна совести, волевой – не значит нравственный.

Булгаков ищет альтернативу интеллигенту-революционеру и находит ее в типе христианского подвижника, который имеет противоположный интеллигентскому духовный фундамент, принимает иной критерий нравственно-религиозной самопроверки. «Здесь-то и обнаруживается решающее значение того или иного

высшего критерия, идеала для личности: дается ли этот критерий самопроверки образом совершенной Божественной личности, воплотившейся во Христе, или же самообожествившемся человеком в той или иной его земной ограниченной оболочке (человечество, народ, пролетариат, сверхчеловек), т. е. в конце концов, своим же собственным «я», но ставшим пред самим собой в героическую позу» [4, с. 55]. Если герой заиклен сам на себе, то подвижник, подчеркивает Булгаков, верит в божественный промысел, перед которым он смиряется подвигом веры. Для него главное – борьба с греховными сторонами своего «Я», аскеза духа, самоконтроль. Можно добавить: подвижнику присущи чувство меры, выдержка, рассудительность, во взаимоотношениях с людьми – простота и открытость, милосердие и духовный такт. Именно подвижники останавливали всеобщее огрубление и одичание. Их героизм был национальным и вселенским одновременно. Подвижник не был пассивен в плане «внешнего устройства», но действовал по принципу: донеси сначала свой крест, а уж затем указывай путь другим. В отличие от секуляризованного героизма, христианское подвижничество есть требование, предъявляемое к самому себе. Булгаков пишет по этому поводу: «Задача героизма – внешнее спасение человечества (точнее будущей части его) своими силами, по своему плану, «во имя свое», герой – тот, кто в наибольшей степени осуществляет свою идею, хотя бы ломая ради нее жизнь, это – человекобог. Задача христианского подвижничества – превратить свою жизнь в незримое самоотречение, послушание, исполнять свой труд со всем напряжением, самодисциплиной, самообладанием... Христианский святой – тот, кто в наибольшей мере свою личную волю и всю свою эмпирическую личность непрерывным и неослабным подвигом преобразовал до возможно полного проникновения волю Божией» [4, с. 60].

Булгаков пытается «дегероизировать» сознание, остановить эксперимент практического воплощения религии человекобожия. В качестве альтернативы он предлагает забытое, но не потерявшее ценности христианское подвижничество. Оно формирует качества, дефицит которых испытывали и испытывают радикальные реформаторы. Это, прежде всего, ответственность и дисциплинированность, искренность и терпимость, непричинение зла ближнему и послушание. Открытость Богу делает подвижника открытым для людей, способным к коммуникации. Он ведет поиск божественного центра человеческой души, ищет смысл жизни в вечности, признает ограниченность человека, его неспособность дать ответ на последние вопросы своего бытия. Отсюда – смирение и ощущение метафизического страха перед глубинами человеческой души. Любая эпоха продуцирует своих героев, призванных гуманизировать общество и вести его вперед. Героизм как повышенное осознание личностью своего призвания существовал и будет существовать. Вопрос в том, что лежит в основе того или иного героизма.

Соответственно, при глубоком изучении нравственной этимологии таких понятий как «героизм», «религия человекобожия», «социальный эвдемонизм» становится очевидным, что для поднятия общественного бытия на новый уровень, начинать работу следует с себя, своей ответственности, личного усовершенствования.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – М., 1998.
2. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество: (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
3. Булгаков, С. Н. К. Маркс как религиозный тип / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. – Т. II: Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – 751 с.
4. Булгаков, С. Н. Основные проблемы теории прогресса / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. – Т. II: Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – 751 с.
5. Вахитов, Р. Р. Евразийцы и «Вехи» (о либеральном истоке классического евразийства) / Р. Р. Вахитов // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. – М.: Наука. – 2007. – 426 с.
6. Уайльд, О. Социализм и душа человека / О. Уайльд. – М.: Дилетант. – 1907. – Режим доступа: <http://read24.ru/read/oskar-uayld-dusha-cheloveka-pri-sotsializme/1.html#anch>
7. Франк, С. Л. Этика нигилизма / С. Л. Франк // «Вехи»: сб. ст. о русской интеллигенции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
8. Фромм, Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 604 с.
9. Чегодаева, М. А. «Вехи», «Околоуховская» полемика и искусство XIX века / М. А. Чегодаева // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. – М.: Наука, 2007. – 426 с.
10. Письмо Н. Г. Чернышевского Н. А. Добролюбову от 11 августа 1857 г.

Информация об авторе:

Заруцкая Светлана Валериевна – преподаватель иностранного языка МБОУ «Гимназия № 1», соискатель кафедры философии КемГУ, 8-961-716-09-99, intellect-center@rambler.ru.

Svetlana V. Zarutskaya – post-graduate student at Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.10.2013 г.

УДК 111.1

ЕДИНСТВО РАЗУМА И БЫТИЯ (из опыта преподавания философии)

Н. И. Лобанова

UNITY OF MIND AND BEING (from the experience of teaching Philosophy)

N. I. Lobanova

Данная статья основана на опыте преподавания философии студентам Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, тематика статьи выросла из проблем, обсуждавшихся на лекциях и семинарах. Автор исследует проблему взаимосвязи разума и бытия, ставится вопрос о том, каким образом человек приобретает доопытное знание о мире как о едином целом, сделан акцент на гносеологическом аспекте проблемы тождества мышления и бытия, то есть объектом вопрошания становится сам способ, которым мы узнаем о том, что мышление тождественно бытию; объектом исследования становится также само понятие «мир»: из чего оно складывается и как соотносится с понятием «бытия».

The paper is based on the experience of teaching Philosophy to students of V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, the topic of the paper emerging from the problems discussed in lectures and seminars. The author investigates the problem of correlation of mind and being; the question of how a person acquires a priori knowledge about the world as a whole is raised; the gnoseological aspect of the problem of the identity of thinking and being is emphasized. Thus, the object of the study is the way we know that thinking is identical with existence; the very notion of «peace» becomes the object of research as well: what it is and how it corresponds to the concept of «being».

Ключевые слова: разум, мышление, бытие, целостность, мир.

Keywords: mind, thinking, being, integrity, world.

Чем человеческий взгляд на мир, специфически человеческое отношение к миру отличается от животного? Хорошей иллюстрацией и одновременно ответом на поставленный вопрос может послужить «Сказка о жабе и розе» В. Гаршина. В моем кратком пересказе сказка звучит так: Жил-был сад. А в этом саду жила жаба. Но

не она была хозяйкою сада – сад, как, впрочем, и дом, принадлежал мальчику, который часто любил наблюдать за той особой, таинственной и самостоятельной жизнью, которой жил сад. Стояла уже осень, то есть самая неподходящая пора для цветения, но именно в это время мальчик заметил завязывающийся на розовом

кусте бутон. Сидя у окна, выходявшего прямоком в ту часть сада, где рос розовый куст, мальчик ждал, он надеялся, что успеет увидеть как набухает, крепнет и, наконец, распускается розовый бутон. Успеть нужно было непременно, потому что мальчик знал, что он болен чахоткой и вскоре умрет. Наконец роза распустилась, хотя правильнее было бы сказать расцвела, потому что она распустилась сразу и вся, как будто, собрав все свои силы, готовилась к тому, чтобы распускаться не постепенно, а сразу и всей, удивляя умирающий сад сконцентрировавшейся в ней полнотой и расцветом жизни. Роза не могла не понравиться. Но тем, кому она понравилась был не только мальчик, но и жаба, которая жила в саду (мы совсем было про нее забыли, а между тем именно с этого мы и начали свой рассказ). Так вот, жабе роза понравилась так, что та захотела ее съесть, отчего стала карабкаться по розовому кусту вверх, и съела бы непременно, если бы ее не сорвала сестра мальчика, чтобы отнести в его комнату, так как сам он уже не вставал с постели. Но дело даже не в этом, а в том, что жабе роза понравилась так, что она захотела ее съесть – мальчику же роза понравилась так, что в момент приближения смерти, он неожиданно понял, что живет, живет всей той полнотой жизни, которую дает испытать созерцание живой красоты, поэтому он больше не боялся умереть и не жалел о мире и саде, который он оставляет, о непрожитых им годах. Или вспомним встречу Маленького Принца с Лисом, когда, увидев впервые Лиса, он воскликнул: «Какой ты красивый!» После того, как мальчик испытал очарование розы, а Маленький Принц – обаяние Лиса – вряд ли после этого они могли бы подумать о том, какая шуба получится из этой лисицы или какое вкусное будет варенье, сваренное из лепестков роз из собственного сада. Если я посмотрел на мир, на часть мира, с точки зрения смысла и красоты, я уже не могу думать о том, как мне этот предмет использовать и можно ли его съесть. Здесь мои человеческие биологические, инстинктивные потребности умолкают. А когда я начинаю об этом думать, то обнаруживаю, что мои биологические инстинкты вступают в неосознаваемое противоречие с моим *человеческим* отношением к миру. В своей суетливой повседневной жизни – которую мы выстраиваем прямо по социал-дарвинизму, когда законы борьбы за существование, принцип выживания сильнейшего, действующие в животном стаде, автоматически переносим на человеческое общество – мы не осознаем того противоречия, в который вступают смысл и красота, осуществляемые нашим актом мышления, с требованием пользы и выгоды для неперменного удовлетворения диктата своих биологических потребностей – мы с этим свыклись. Мы с этим примирились. Мы сочетаем не сочетаемое, и не замечаем, как биологические инстинкты запускают процессы, несовместимые с жизнью моего сознания, с моим сугубо человеческим (иным, не животным) отношением к миру. «Не можете служить богу и маммоне». Одновременно писать и зачеркивать, создавать и уничтожать, созерцать и заедать, творить и использовать – не об этом ли, к слову сказать, теория Вернадского об эволюции ноосферы – то есть сферы нашего сознания, разума – кульминационной точкой развития которой – то есть в итоге нас самих как разумных существ – должно быть достижение автотрофности, то есть того состояния, когда я никого не ем.

А живу, как и все живое в будущем, за счет солнечной энергии. Известен основополагающий принцип буддизма: «Живое не должно есть живое», не должно причинять другому, такому же, как и я сам, страдание, отсюда требование: не есть мяса. Но Вернадский идет дальше и спрашивает нас: а почему мы решили, что можно есть растения?

О, конечно, его вопрос вызван вовсе не пантеизмом и не гилозоизмом, когда во всем живом, начиная с камней и растений и заканчивая животными и нами самими, мы видим душу. Вовсе нет. Его вопрос, как, впрочем, и сам принцип автотрофности, вызван не этим, а осознанием мучительного противоречия, невозможности продвигаться дальше по пути самопознания и самоосознания (следуя по которому мы открываем себя самих для самих себя: какие мы есть по-человечески, как люди, и в чем наше подлинное и единственное отличие от животных) и продолжать спокойно существовать в том же качестве, как и прежде: невозможно осознавать смысл, созерцать красоту и гармонию бытия всего существующего, чувствовать себя причастным ей (и от этого – всему миру) – и в то же время поедать и использовать то, чем только что восхищался. Уже Л. Н. Толстой обратил на это внимание, когда в «Войне и мире» князь Андрей Болконский с едким негодованием рассказывает о той барыньке, что выйдя во двор, не может смотреть как забивают телянка и падает в обморок от жалости, а после за обедом с апетитом уплетает сделанную из этого телянка отбивную. Человек, размышляет Вернадский, подчинил себе всю природу, весь мир, добрался до звезд и других галактик, но единственное, что осталось непокоренным – есть он сам, его биологическая сущность. Первая ступень эволюции, считал Вернадский, была связана с эволюцией и развитием биосферы, живой природы, она завершилось, наступает вторая ступень эволюции – это эволюция ноосферы: расширение границ разума и сознания, в которые человек должен вместить, наконец, самого себя, полностью, как он есть, в том единстве и гармонии разума (сознания) и тела, о котором издревле спорили и говорили философы и поэты. Один из самых первых и самых ярких экспериментов подобного рода задолго до Вернадского провел Диоген, тот самый, который летом жил в бочке, а зимой просил милостыню у статуи, тот самый, о котором Платон сказал, что Диоген – это «спятивший Сократ», и это нужно считать комплиментом. Идя как-то раз по полю и наблюдая за мышью, которая, в каких бы условиях не жила, всегда остается самой собой, Диоген задумался о том, а почему только человек из всех живых существ так зависим от условий своего существования? Почему мышь, самое презренное из всех живых существ, и та, всегда остается мышью, где бы ни была и в какие бы передраги не попадала – и только человек способен менять убеждения, принципы, характер, лицо, поведение, самого себя в зависимости от удобства, комфорта и безопасности своего биологического выживания? Неужели человек по природе настолько слаб и несвободен, что даже мышь сильнее его (так как верна своей животной природе, человек же, называясь человеком, не имеет часто ничего общего с той человеческой природой, которая, судя по его имени *homo sapiens*,

должна его определять)? Не может так быть. Человек, который способен сказать: «Я сам. Я могу» – свободен. И Диоген решился на эксперимент. Он задумал стать одновременно и испытателем и испытуемым и проверить, насколько человек лучше мыши (помните, как Карлсон пытался доказать Малышу, что он лучше собаки?) – насколько он способен, сведя к минимуму удовлетворение потребностей выживания – быть самим собой, то есть не кем иным, как – человеком. И у него получилось.

Но, вернемся к тому, с чего мы начали: чем человеческий взгляд на мир отличается от животного отношения к миру? Отвечая на этот вопрос, мы сказали: смыслом и красотой, способностью созерцать, в то время как животное сам предмет не видит, не замечает, а только использует. Способность созерцать красоту, улавливать смысл существующего предполагает способность видеть предмет целиком, созерцать единство мира.

Тогда встает другой вопрос: а откуда мы знаем о единстве мира? Ведь то, что мы знаем о нем, сомнения не вызывает; наше отношение к миру, его восприятие как осмысленного целостного единства складывается задолго до того, как мы можем это осознать. Это такого же рода очевидность, как знание о том, что у нас есть совесть и разум. Можно исследовать психику, сделать трепанацию черепа, чтобы исследовать мозг, но ни совесть, ни разум мы там (так) не обнаружим, они не обнаруживаются с помощью высоких технологий и лабораторных исследований. Они обнаруживаются с помощью того, что греки называли шестым чувством, «которое есть у богов, философов и животных», некоего метафизического чутья. Так мы узнаем и о единстве мира. Ведь видим мы не сам мир (попробуйте показать на него пальцем, куда бы вы ни ткнули, попадете не в сам мир, а в конкретный предмет) – предметы, его населяющие. Причем далеко не о всех предметах нашего мира мы имеем представление, а лишь о тех, что становятся объектами нашего опыта. Так откуда мы выводим единство мира? Разве из суммы предметов? Но вся сумма предметов, даже если бы мы все смогли их сосчитать и перечислить все равно в итоге не дали бы понятия о единстве и цельности мира; сумма – это куча-мала, нагромождение предметов друг на друга, перечисление которых ничего кроме убеждения в том, что в мире столько-то обезьян, столько-то столов, столько-то людей и т. п. – не дает. Но дело в том, что мы и посчитать их не сможем, общую сумму сложить, из которой мы могли бы вывести заключение о единстве и связности мира. Попробуйте прибавить 2 обезьяны + 3 книги + 2 человека + 4 лягушки + 2 тюрьмы + 5 яблок + ... = ? Сколько в итоге получится, а главное *чего*? Как обозначить то, сумму (чисел, количество) чего мы получили в итоге? Как сложить две обезьяны и три книги, чтобы в итоге получить не среднее арифметическое, а целостное единство мира? Суммирование, сложение столь разнородных вещей невозможно по законам элементарной математической логики: вспомним школьные задачки для начальных классов, где ученикам предлагалось решить следующую задачу: найти сумму из двух слагаемых: одно яблоко плюс три яблока, сколько будет яблок в итоге? (а не 1 яблоко плюс 3 груши,

сколько будет чего в итоге?). Констатация, перечисление фактов наличия того или иного предмета в мире ничего не говорит нам о связях и смыслах, связующих отдельные объекты в единый мир.

Парадокс в том, что мы не получаем (не выводим) единство мира из суммы всех существующих вещей, а подходим ко всему многообразию предметов как к миру, то есть к некоему единому и цельному образу. Если бы этого изначально данного опыта единства не было бы, то мы не могли бы даже поставить вопрос о смысле не только мира, но и своей жизни, и тех предметов, которые его наполняют, ибо когда мы ставим вопрос о смысле чего-нибудь, мы хотим понять: какую роль, какое значение (значимость), какое место имеет человек, вещь, предмет во всем этом едином многообразии (разнообразии) бытия? Причем вопрос о смысле моей жизни, решенный положительно, автоматически наделяет смыслом и устанавливает связи между всеми вещами, пусть даже не имеющими ко мне непосредственного отношения, но включенными, как и я, в этот мир. Не случайно, в моменты отчаянья, когда то, ради чего человек жил, не оправдывает себя, оказывается напрасным – сомнению и переоценке подвергается весь мир, самые обыденные, привычные действия и предметы кажутся пустыми и бессмысленными, а сам мир – абсурдным. Попробуйте разбросать игрушки по комнате, а потом задать вопрос: какой смысл имеет весь этот беспорядок, вся эта куча-мала и предметы, в нее попавшие (ибо предметы не составляют кучу-малу, а попадают в нее, как в черную дыру)? – и вы поймете, как абсурдно звучит этот вопрос по отношению к предметам, которые даже не бессвязны, а между которыми разорваны, нарушены все связи, так что мы не можем в таком состоянии воспринимать их цельными не только в совокупности, но и каждый в отдельности.

Статья называется «Целостность разума и бытия», почему же говорим мы, большей частью, не о бытии, а о мире? Существительное «бытие», образованное Парменидом от глагола «быть» обозначает нечто, чему трудно подыскать название, поскольку бытие существует вопреки всем правилам нашего наглядного, предметного языка, в то время как «мир» настраивает наше отношение к сущему как к чему-то уютному, обжитому, родному. Если попросить нарисовать, как мы представляем себе мир, то большинство нарисует земной шар. А если вспомнить, как Парменид описывал бытие: «бытие неподвижно, неизменно сферично», то фактически оно совпадает с описанием мира, как мы его себе представляем. Замещение «бытия» «миром» здесь не случайно, потому что через мир мы идем к бытию.

Но беспокоит другое: как такое специфически человеческое отношение (восприятие) к миру – бытию складывается, откуда у человека до всякого сознательного опыта общения с миром, восприятие мира как связанного цельного единства, собранности (дорасудочный, априорный опыт бытия)?

В. В. Библихин писал: «Рассудку знание целого заранее уже каким-то образом дано. Муравей не видит трещину в стволе дерева как трещину, потому что у него нет опережающего опыта целого. Муравей не видит половину погибшего *муравья* как половину

муравья, для него это вещь, подлежащая манипулированию, как любая другая, потому что у него нет опыта самого себя и себе подобного как целого. В этом смысле говорится, что у муравья нет разума. Разум в первую очередь – это опыт целого, на древнем языке философии – опыт непостижимого единства. Единство – источник разума. Человек называется *хомо сапиенс*, потому что он существо, способное к разуму, и тем самым прежде всего – прикасающееся к опыту целого, к опыту всего, к опыту мира. Только человек имеет вокруг себя мир – потому что предполагает своим ранним опытом целого, неуловимым, но неуловимо присутствующим – целое всего, мир» [1, с. 29].

Особо примечательна первая фраза В. В. Библихина: «Рассудку знание целого заранее уже *каким-то образом* («Разрядка моя» – Н. Л.) дано». Вопрос только в том: *каким*?

Как связано формирование такого бытийного, человеческого мышления с тем фактом, что человек не может реализоваться (исполниться, состояться, сбыться) как человек в природных, вне-общественных условиях? Животное учиться использовать предмет, а человек – строить с ним отношения. Отношение – это первое, с чем сталкивается ребенок, попадая в мир. Трогая, пробуя на зуб окружающие его вещи, он интересуется не самими предметами, а связями между ними (тем, как они связаны с ним и друг с другом). Или же, узнавая, что такое отношение, участь выстраивать их, человек начинает понимать, что помимо предметного, физического плана, существует иной режим бытия – тот, в котором вещи обретаются (переходят) в пространстве смысла, а не пользы, ведь отношения устанавливаются только с тем, что подлежит не использованию, а осмысливанию. Тогда (так) предметы и вещи из фактической наличности становятся миром.

А как складывается восприятие мира у «маугли»? Что это – генетическая особенность человеческого разума или его потенция, которая реализуется только в рамках (посредством) общества и культуры? Неужели в человеке нет ничего, что могло бы реализоваться (осуществиться) до и вне зависимости от общества и человек-«маугли» обязан проживать судьбу человекоподобного, животного существа? В. Гумбольдт [2, с. 77 – 78] считал, что язык мог бы быть изобретен, даже если бы человек был один-одинешенек на этой планете, даже находясь в условиях природной изоля-

ции и одиночества человек мог бы породить человеческий членораздельный звук, каждый отдельный человек обладает для этого всеми необходимыми силами и возможностями. Почему же в таком случае ни один из найденных человеков-«маугли» не подтвердил догадку Гумбольдта: повадками он был похож на животных, среди которых он жил, а в его действиях и звуках не было ничего человеческого? Авторитет великого мыслителя и опытного языковеда, много путешествовавшего, изучавшего языки и жизнь современных ему «первобытных» народов удерживает нас от того, чтобы объяснить это простой ошибкой выдающегося человека. Наверняка, у него были основания так считать, но вот как раз об этих-то основаниях он и молчит, а именно они нас и интересуют.

Разумеется, ограничиваясь рамками данной статьи, нельзя решить этот вопрос, но можно его задать и обозначить проблемы этим вопросом выявляемые, а это и значит философствовать, в исконном смысле этого слова, пролагать свой путь к истине – от вопроса к вопросу.

Возвращаясь к теме нашей работы, необходимо отметить, что проблемой становится даже не сама по себе целостность разума и бытия, а тот способ, которым мы узнаем об этом; гносеологический аспект проблемы: как я узнаю о тождестве мышления и бытия? Но тут же гносеологический акцент переходит в онтологический, трансформируясь в вопрос: каким образом до всякого сознательного (рефлексивного) опыта, я становлюсь причастным в своем существовании этому единству разума и бытия?

Обсуждение такой древней (или, как сказал бы М. Хайдеггер, «изначальной») проблемы как единство разума и бытия не есть дань историко-философской традиции и т. п., напротив, она является одной из наиболее актуальных и потому подлежащих тщательному обсуждению проблем, поскольку выявляет те условия и принципы существования *homo sapiens*, которые служат формированию в человекоподобном существе человеческих качеств, человеческого взгляда и отношения к миру, поэтому вопрос о цельности разума и бытия – это вопрос о том, каким образом (на каком основании) я являюсь человеком, а не обезьяной?

Вопрос этот, заданный Парменидом несколько тысяч лет тому назад, требует *своего* ответа от каждого из нас, а значит – диалог продолжается...

Литература

1. Библихин, В. В. Внутренняя форма слова / В. В. Библихин. – СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
2. Гумбольдт, В. О различении строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

Информация об авторе:

Лобанова Нина Исааковна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 8-963-260-61-33, nanakrasnoyarsk@yandex.ru.

Nina I. Lobanova – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Sociology, V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 15.11.2013 г.

КУЗБАССКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ (аналитический обзор)

В. П. Щенников

KUZBASS PHILOSOPHICAL READINGS AS A SCIENTIFIC PROJECT (analytical review)

V. P. Shchennikov

В статье анализируются материалы реализуемого в Кузбассе научного проекта «Кузбасские философские чтения». Рассматривается история возникновения профессиональной философии в Кузбассе, роль кафедр философии высших учебных заведений в этом процессе. Основное содержание статьи посвящено возникновению и реализации научного проекта «Кузбасские философские чтения». Показаны причины возникновения научного проекта. В хронологическом аспекте дан анализ всех семи прошедших философских чтений. Показан социальный и научный контекст определения темы каждого чтения. Проанализирован контингент участников, его количественное и качественное изменение. Определен вклад участников проекта в анализ и разрешение социальных проблем, стоящих перед современным российским обществом.

The paper analyzes the materials implemented in the Kuzbass scientific project «Kuzbass philosophical readings». The history of emergence of professional philosophy in Kuzbass is discussed, so is the role of Departments of Philosophy at higher educational institutions in this process. The paper focuses mainly on the emergence and implementation of the scientific project «Kuzbass Philosophical Readings». The reasons of its emergence are shown. A chronological analysis of all the past seven Readings is provided. The social and scientific context for defining the topic of each of the Readings is shown. The author analyses the contingent of the participants, its quantitative and qualitative changes. The contribution of the project's participants to the analysis and resolution of the social problems facing the modern Russian society is defined.

Ключевые слова: философия, философские чтения, научный проект, обзор.

Keywords: philosophy, philosophical readings, research project overview.

Возникновению научных проектов предшествуют, как правило, некоторые события исторического генезиса. В Кузбассе возникновения философии и философствования было связано с процессом становления и развития системы высшего образования. Кафедры философии высших учебных заведений стали теми точками, где зарождалась и развивалась профессиональная философия. С середины 70-х годов усиливается научная активность кафедр философии кемеровских вузов. Обычным делом становится проведения научных конференций регионального уровня, издание материалов этих конференций, а также выпуск сборников научных статей. Ведущую роль в этом процессе играют кафедры философии КемГУ и КузПИ, хотя не отметить роль философов других вузов г. Кемерово было бы не учтиво. Философы медицинского института, института пищевой промышленности, института культуры принимали самое активное участие в формировании кузбасского философского пространства.

Знаковым для кузбасской философии стали 90-е годы. На кафедрах философии кузбасских вузов появляются первые доктора философских наук, и, как следствие, открывается аспирантура по философским специальностям. Это знаковое событие в философской истории Кузбасса. Философия Кузбасса совершает постепенный переход от состояния любительства к стадии профессионализма. Выпускники кемеровских философских аспирантур успешно защищают кандидатские диссертации в диссертационных советах Новосибирска, Томска, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, подтверждая тем самым высокое качество своей подготовки.

«Взрывные» для кузбасской философии 90-е годы определили изменения места кузбасской философии в философском сообществе современной России. Перед

лидерами кузбасской философии встал вопрос – каким образом организационно оформить и закрепить новое качество нашего философского пространства, и без ложной скромности – как утвердиться в российском философском сообществе? И в ответ на вопрос был найден в форме научного проекта – «Кузбасские философские чтения». Авторы проекта представляли содержания проекта как систему постоянных научно – практических конференций, посвященных анализу актуальных процессов, происходящих как в российском обществе, так и в мировом сообществе.

Первые «Кузбасские философские чтения» состоялись 5 – 6 октября 2000 г. в стенах КемГУ. Организаторы проекта решили не связывать и себя, и всех участников, конкретной проблематикой. Было важно «засветиться», обозначить факт самого существования проекта, не оттолкнуть желающих участвовать узостью проблематики. И организаторы не ошиблись участвовать в чтении изъявили желания философы из 16 городов России (Кемерово, Новокузнецк, Екатеринбург, Северск, Томск, Барнаул, Юрга, Новосибирск, Рязань, Междуреченск, Тюмень, Владивосток, Омск, Саратов). Общее количество участников составило невообразимую для организаторов цифру – 119 человек. Здесь же возникла проблема расселения участников, но эта проблема скорее радовала, чем огорчала.

Понятно, что большинство участников первых чтений – кемеровчане, что организаторами было расценено как явления, положительное с точки зрения миссии чтений. Но был и еще один плюс – в чтениях приняли участия философы из традиционных философских центров России – Перми, Екатеринбурга, Томска, Новосибирска, Тюмени, Саратова, Омска, Владивостока, Рязани.

Организационно первые чтения были разделены на 7 секций. С одной стороны – это секции с традиционной философской проблематикой – социальная философия, философия истории, онтология и теория познания, история философии. С другой – секция, не традиционные для философских конференций – философия экономики, философия образования, философия права. Тем самым организаторы расширили поле философского участия, привлекая представителей частных наук к философским исследованиям.

Сборник материалов чтений открывался статьей губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева «Проблема политического лидерства». В это время А. Г. Тулеев работал над докторской диссертацией и в статье нашли отражение некоторые философские идеи, позднее вошедшие в содержание докторской диссертации. Автор излагал основные характеристики политического лидерства – профессионализм, упорядоченность, функции, властность и т. д. Автор данной статьи имел возможность ознакомиться с докторской диссертацией А. Г. Тулеева и может утверждать, что изложенные в материалах чтений идеи статьи являются значимой философской основой диссертационного исследования губернатора.

В материалах первых чтений имели возможность высказаться философствующие «не философы». Свою точку зрения на интеграцию науки излагал крупнейший физик России, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики КемГУ А. С. Поплавной. В секции «Философия образования» изложили свои взгляды доктор педагогических наук, профессор Н. Касаткина – заведующая кафедрой педагогики. Украсил материалы конференции раздел «Философия экономики». Статья профессора, доктора экономических наук Ю. А. Журавского, статьи тогда еще доцентов, а ныне профессоров М. В. Курбатовой, С. Н. Левина были актуальны как в 2000 году, так актуальны и сегодня.

Но особое умиление при воспоминании первых чтений вызывает воспоминание о «вундеркиндах». Когда оргкомитет объявил о сборе материалов «Первых кузбасских философских чтений», на пороге кафедры философии КемГУ появились юная леди и юный джентльмен с материалами в руках. На вопрос организаторов о их социальном статусе они ответили, что являются студентами первого курса юридического факультета КемГУ. Студентов, конечно, ждали. Но первый курс? Короче говоря, студентов решили не обнадеживать, но материалы взяли посмотреть. Оказалось – нормально, материалы включили в сборник. Оба этих дарования – ныне кандидат юридических наук Н. В. Анциферов и кандидат юридических наук А. В. Красикова. Они с отличием окончили юридический факультет КемГУ, защитили диссертации, а ныне успешно работают и преподают в г. Москве. Публикации в сборнике первых чтений были их первыми научными публикациями.

«Вторые кузбасские чтения» состоялись 15 – 16 мая 2002 г. и были посвящены теме «Образы толерантного мышления». В это время проблема толерантности была вообще новой для российской философии и кузбасские философские чтения были первой российской научной конференцией, посвященной этой проблеме. Интерес к проблеме были настолько велик, что материалы были

изданы в двух частях. Количество докладов составило 145. Работа велась в 8 секциях: «Философско-антропологические основания толерантности», «Социокультурный процесс и исторические детерминанты», «Проблемы экономической толерантности», «Педагогические проблемы общения», «Правовые аспекты толерантного сознания», «Межнациональные отношения: конфликты и диалог», «Толерантность и проблемы языка», «Естественнонаучный аспект толерантности». В отличие от первых чтений, во вторых принял участие иностранец. С докладом выступил Л. Е. Эйхельберг (Дюссельдорф). Тема выступления – «Российские немцы в Германии: проблемы адаптации».

Практически все участники первых чтений приняли участие и во вторых чтениях. При этом они привлекли к участию во вторых чтениях своих коллег, что заметно увеличило количество участников. Причину такой стабильности организаторы чтений видят в том, что оргкомитет очень ответственно относится к публикации материалов чтений. Материалы всех чтений издавались еще до начала самой конференции и в день приезда все участники получали их на руки. Эта традиция сохранилась и по сей день.

Сложность анализа проблемы толерантности в 2002 г. виделась организаторам чтений в том, что в советской и постсоветской философии эта проблема как проблема философии отсутствовала. Когда в 1993 г. на Всемирном философском конгрессе в Москве его председатель господин Агацци объявил толерантность темой следующей философской пятилетки, участники конгресса были крайне удивлены. Большинство участников конгресса были, естественно, российские философы, а для них сам-то термин «толерантность» был загадкой. После окончания московского философского конгресса работа над данной проблемой началась на кафедре философии КемГУ. Первым в этом направлении было диссертационное исследование аспиранта кафедры философии КемГУ В. М. Золотухина под руководством доктора философских наук, профессора В. П. Щенникова. Через два года исследований диссертант положил на стол своего научного руководителя «научный труд» объемом в 500(!) страниц. Обладая жертвенной работоспособностью, аспирант за 2 года изучил все достигаемые источники по проблеме, систематизировал их и попытался изложить их в наукообразной форме. Позднее этот материал из 500 страниц уменьшился до 150, превратился в кандидатскую диссертацию на тему: «Генезис и актуализация понятия «терпимость» в европейской философской традиции», которая и была успешно защищена в диссертационном Совете УрГУ. Примерно в это же время кафедра философии КемГУ выпускает сборник научных статей под говорящим названием «Толерантность». Ретроспективный анализ показал, что это был первый в России сборник научных статей по данной проблеме, а диссертация В. М. Золотухина – первой диссертацией в России по проблеме толерантности. Кстати будет сказано, что через несколько лет после защиты кандидатской диссертации, В. М. Золотухин успешно защитил и докторскую диссертацию по проблеме толерантности.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что к 2002 г. кафедра философии КемГУ была готова к проведению философских чтений по толерантности. Пробле-

ма виделась в том, смогут ли представители нефилософского знания адаптироваться к использованию категории «толерантность», использовать ее в своих исследованиях. Оказалось – легко. Выступления на чтениях представителей других наук показали, что категория «толерантность» обладает удивительной гибкостью и адаптивностью, например в секции «Проблемы экономической толерантности» прозвучали доклады по темам: «Формирование цивилизационного рынка и экономическая толерантность» (Н. А. Баранова), «Экономическая толерантность в аспекте оценки ресурсного потенциала» (В. И. Разумов). Секция «Социокультурный процесс и исторические детерминанты» была отмечена характерными докладами: «Христианство: ресурсы толерантности» (С. С. Аванесов), «Толерантность как принцип постклассической науки» (Н. В. Буковская), «О культурных основаниях толерантности» (Н. Л. Быстрых), «Толерантность как элемент технологии разрешения конфликтных ситуаций» (Э. Н. Вольфсон). В секции «Педагогические проблемы общения» отмечу выступления «Педагогика толерантности в структуре медицинского образования» (Е. А. Андриянова), «Толерантное взаимодействие и коммуникационная толерантность старшеклассников» (М. И. Губанова).

Казалось, что будет вопрос с адаптацией категории «толерантность» в секции «Естественно-научный аспект толерантности». Однако предложенные выступления и тезисы этих выступлений показали обратное. Приведем некоторый перечень выступлений: «Толерантность в системе «природа – человек» (М. И. Баумгартэн), «Толерантность и системный метод познания» (П. В. Векленко), «Априорно – корпоративные источники толерантности в науке» (П. Л. Зайцев) и т. д. Авторы своими выступлениями развеяли сомнения организаторов.

«Третьи Кузбасские философские чтения» прошли в КемГУ 27 – 28 мая 2004 г. Тему чтения организаторы обозначили как «Социальная агрессивность». Проблема агрессивности давно «просилась» к философскому анализу. Поставленная и достаточно глубоко разработанная в рамках этологии нобелевским лауреатом К. Лоренцом, в отечественной философии она оставалась за пределами исследовательского поля. Между тем сложившаяся к этому времени в российском обществе психологическая, политическая, межэтническая ситуации делали философский анализ проблемы актуальным и необходимым. Не затихающие в обществе конфликты требовали своего объяснения, в том числе на метафизическом уровне. Избрав темой чтений проблему социальной агрессивности, организаторы сохранили верность принципу анализа актуальных и крайне острых социальных проблем. Особенностью третьих чтений было то, что они были проведены в рамках реализации гранта Министерства образования Российской Федерации «Агрессивность и толерантность» и гранта РФФИ № 04-06-85001-г на проведение «Третьих Кузбасских философских чтений». Но главным достижением третьих философских чтений – активное в них участие иностранных специалистов. Количество иностранных ученых оказалось таково, что организаторы сочли возможным выделить их в отдельную секцию. В третьих, чтениях принял участие уже участвовавший в чтениях Е. Эйхельберг (Германия) с докладом на тему «Проблема преступности среди молодых переселенцев из стран бывшего союза в Германии и

ее отражения в СМИ». Доклад на тему «Социальная агрессия против человеческого процветания» представил профессор Ален С. Лэюг (Манила, Филиппины). Профессор У. Ф. Харт (США, Чикаго) представил доклад «Конфликт методов» натурального вывода» и «деревьев» в логике и его разрешения». Особо следует отметить тот факт, что участие профессора У. Харта переросло в длительные и стабильные отношения с кемеровскими философами. Для нас крайне актуальным оказался доклад монгольского ученого С. Хаш – Эрдэнэ на тему «Философия образования в социально-конфликтном обществе» (на примере управления образования в Монголии). В докладе монгольского ученого достаточно ясно прослеживалось то, что происходило общего на тот период в образовании Монголии и России. В монгольских проблемах образования явно прослеживались проблемы российские.

Всего на чтениях было представлено 139 выступлений. Большинство из них, естественно, россияне. К числу городов, ученые из которых принимали участие, ранее прибавились Воронеж, Москва, Волгоград, Ростов-на-Дону, Курган, Владимир. Большое количество участников определило и количество рабочих секций – их было определено в количестве 10: «Антропологические истоки социальной агрессивности», «Социальные конфликты», «Право и агрессивность», «Психология агрессивного поведения», «Культура и агрессия», «Проблема религиозной терпимости», «Рыночная экономика: пределы состязательности и агрессивности», «Агрессивность, толерантность, язык», «История философии об агрессии и история агрессии», «Международная секция». В известном смысле третьи чтения стали определенным продолжением чтений вторых, посвященных проблемам толерантности. Это определялось как соположенностью исследовательских проблем, так и стабильным составом участников.

Кузбасские философские чтения из традиционной научной конференции начали превращаться в виртуальный исследовательский центр со стабильным составом участников и определенным исследовательским направлением (актуальные социальные проблемы). Доклады многих участников были продолжением их выступлений на предшествующих чтениях. В этом отношении были наиболее характерны доклады В. М. Золотухина. «Соотношения агрессии и толерантности», Г. М. Заболотной «От нетерпимости к толерантности и доверию».

«Четвертые кузбасские философские чтения» проходили в КемГУ 25 – 26 мая 2006 г. Организаторы обозначили тему чтений как «Анализ феномена терроризма». На чтении было представлено 124 доклада, работа была организована в 10 секциях: «Культурно-антропологические истоки социального насилия и террора». Терроризм: история и современность», «Этнопрофессиональный терроризм», «Политический терроризм», «Государственный экстремизм США: причины, состояния, последствия», «Терроризм и культура», Политико-юридические аспекты терроризма», «Терроризм и экономика». Организаторы видели задачу чтений в том, чтобы провести глубокий и широкий анализ понятийного ряда, описывающего явление терроризма. Не секрет, что даже сам термин «терроризм» не до конца определен. Разные авторы вкладывают в него самый различ-

ный смысл. Одни определяют «терроризм» как сугубо негативное, разрушительное явление. Другие видят в нем некую форму борьбы за социальную справедливость, для третьих – это борьба бедных стран против диктата богатых.

С крайне интересным докладом на чтениях выступил докторант Сорбонны Ж. Блетон (University of Paris 3-la Sorbonne Nouvelle, Paris, France). Докладчик попытался показать, что террористический акт на Дубровке во многом протекал под воздействием и существенном влиянии средств массовой информации.

В процессе чтений выявилось, этот терроризм вовсе не «простенькое» явление. Оказалось, что для анализа проблемы терроризма вполне обоснованным является привлечение не только политологов (как это традиционно считалось), но психологов, экономистов, социологов, лингвистов, юристов, этнографов. Для некоторых участников чтений проблема терроризма стала в дальнейшем предметом пристального научного внимания. Например, профессор В. И. Красиков, выступивший на чтениях с докладом «Структуры социальной агрессивности и экстремизма», в дальнейшем выпустил монографию по данной проблеме.

Следует отметить, что тема чтений оказалась столь интересна, что резко расширила географию участников «Кузбасских философских чтений». К числу «традиционных» участников к чтениям примкнули ученые из Находки, Парижа, Уфы, Улан-Удэ, Белгорода, Анжеро-Судженска, Сыктывкара, Волгодонска, Лесного. Расширение географии участников научных форумов явление крайне позитивное. Новые ученые несут новые идеи, новые подходы. Очевидно, например, что француз Ж. Блеттон привнес совершенно новое понимание роли СМИ в совершаемых террористических актах. Если традиционно у нас в стране считалось, что СМИ всего лишь отражают террористические события, то Ж. Блеттон показал, что они еще оказывают влияние на процесс их протекания. Причем не всегда положительным образом.

Научно-позитивной была разработка таких, как ранее казалось, экзотических понятий как «химический терроризм» (Л. Г. Овчарова, А. М. Степанова), «биологический терроризм» (Л. М. Табакаева). При этом авторы не просто вводили достаточно новые понятия, но дали их определения и интерпретации. Интересней организаторам показалось выступление А. В. Тараканова «Существует ли терроризм?» Докладчик показал, что в настоящее время происходит сращивание понятий «терроризм» и «уголовное преступление», «терроризм» и «война». Он обосновано утверждает, что сегодня не существует ни единственной революции, восстания, борьбы за национальное освобождение или партизанской войны против режима, которые не объявлялись бы властью терроризмом. Исследователь же П. Г. Кабаков выделил, как нам кажется, достаточно существенную черту терроризма – «нападение на невинных мирных граждан».

«Пятые кузбасские чтения» проходили в КемГУ 29 – 30 мая 2008 г. по теме «Образ русского человека в философской и социальной мысли». Финансирование чтений осуществлялось за счет гранда РГНФ (грант № 08-03-03405-г/р дополнительного конкурса 2008 «Образ России в современном мире»). Проблематика конференции стало раскрытие

многогранного и неоднозначного образа русского человека в философской и социальной мысли. Работа чтений осуществлялась в 9 секциях: «Образ русского человека в глобализующемся мире», «Политическая мысль о России и русских», «Юридические нормы, общечеловеческие ценности и российские реалии», «Столкновения цивилизаций или межцивилизационный, межконфессиональный диалог?», «Культурная самобытность и научная идентичность», «Новые духовные движения в России и на Западе», «Глобализация и проблемы экономики: российской и мировой», «Экологический кризис и экологическое сознание: Россия и Запад, Интернет, новые коммуникации и образ России». Всего в 5 Кузбасских чтениях приняло участие 90 ученых из России, Германии и Монголии. Разнонаправленность секций не увело участников от основной проблемы. В результате работы секций выяснилось, что проблема русского человека – проблема комплексная. Различные ракурсы рассмотрения проблемы проясняют ситуацию, делают ее несколько более понятной. Научный анализ проблемы, проведенный во время чтений, позволил несколько уменьшить ее мистичность, усомниться в «загадочности» русской души. Многим участникам чтений удалось показать, что особенности русского менталитета определены экономическими, политическими, культурными детерминантами. Уже это позволило предпринятый анализ считать не бесполезным.

«Шестые кузбасские философские чтения» проходили в КемГУ 27 – 28 мая 2010 г. Начавшейся в 2008 г. мировой экономической кризис определил тему чтений – «Кризис как фундаментальное понятие науки». Участники чтений попытались дать самый всесторонний анализ проблемы. Понятно, что нет кризиса вообще, а существуют кризисы в экономике, политике, культуре и науке. Но при этом в различных кризисах присутствует нечто общее. Анализ этого общего, философского содержания, были посвящены «Шестые кузбасские чтения». Конечно, многие участники чтений предпочли анализировать конкретные формы и виды кризисов. Но этот анализ, как правило, опирался на серьезную философско-методологическую базу. В этом смысле наиболее характерным были выступления постоянного участника чтений В. Д. Жукова на темы «Кризис в России и вариации их осознания» и «Русская социальная революция как кризис». Организаторы отметили как крайне интересное выступление Е. Р. Степановой «Социально-философская значимость кризиса». Достаточно глубоким было выступление В. С. Гершгорина на тему «О философском и научном статусе понятия кризиса».

«Седьмое кузбасское философское чтение» проходили в КемГУ 28 – 29 июня 2012 г. и были посвящены 300-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо. Чтения показали многосторонность творчества философа. Во многих выступлениях прозвучала мысль о том, что творчество Руссо исследуется довольно однобоко, очень мало внимание уделяется исследованию литературного творчества, педагогического наследия.

Литература

1. Первые Кузбасские философские чтения: материалы Всерос. науч. конф., 5 – 6 октября 2000 года. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 250 с.
2. Вторые кузбасские философские чтения: материалы Всерос. науч. конф., 15 – 16 мая 2002 года. – Кемерово: ИНТ, 2002. – 362 с.
3. Социальная агрессивность. Третьи Кузбасские философские чтения: мат. Междунар. конф., 27 – 28 мая 2004 года. – Кемерово, 2004. – 430 с.
4. Анализ феномена терроризма. Четвертые кузбасские философские чтения: мат. Междунар. конф., 25 – 26 мая 2006 года. – Кемерово, 2006. – 230 с.
5. Образ русского человека в философской и социальной мысли. Пятые Кузбасские философские чтения: мат. Российской научной конференции с международным участием, 29 – 30 мая 2008 года. – Кемерово: Глобус-пресс, 2008. – 204 с.
6. Шестые кузбасские философские чтения: мат. Российской науч. конф., 27 – 28 мая 2010 года. – Кемерово, 2010. – 127 с.
7. Седьмые кузбасские философские чтения: мат. Российской науч. конф., 28 – 29 июня 2012 года. – Кемерово, 2012. – 52 с.

Информация об авторе:

Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии КемГУ, 8-960-930-75-01, olga_n@kemsu.ru.

Vladimir P. Shchennikov – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 13.11.2013 г.

ЭКОНОМИКА

УДК 331.556.4

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Х. А. Данько, В. В. Халиуллина

MIGRATORY OF ATTRACTIVENESS OF KEMEROVO REGION

Kh. A. Danko, V. V. Khaliulina

В статье характеризуется современное состояние рынка труда Кемеровской области, рассматриваются проблемы миграции населения. Приводятся статистические данные, отражающие основные тенденции в сфере занятости населения, положение с безработицей и напряженностью на рынке труда, анализируется занятость трудовых мигрантов в Кемеровской области по видам деятельности. Цель статьи – раскрыть особенности миграционной привлекательности региона. Подчеркиваются угрозы нерациональной структуры миграционных потоков, рассматриваются меры повышения эффективности государственного контроля и надзора за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации на территории Кемеровской области. Авторами выработаны конкретные предложения по совершенствованию управления миграционными процессами в данном регионе, затрагивающие деятельность Департамента труда и занятости населения, УФМС РФ по Кемеровской области, средств массовой информации, медицинских учреждений. Выводы и предложения авторов могут быть полезны при изучении проблем миграции в других регионах.

The paper characterizes the current state of the labour market of Kemerovo region, revealing the peculiarities of migratory attractiveness of the region. Statistical data reflecting the major trends in employment, the unemployment situation and tensions in the labour market and the employment of migrant workers in Kemerovo region is analyzed, each sphere of migrants' work considered separately. The purpose of the paper is to reveal the peculiarities of migratory attractiveness of the region. Threats of the irrational structure of migration tides have been underlined, the measures of effective state control for supervising the enforcement of immigration laws of the Russian Federation in Kemerovo region have been considered. The authors developed concrete proposals to improve the management of migration processes in Kemerovo region, affecting the activities of the Department of Labour and Employment, the Federal Migration Service of the Russian Federation in Kemerovo region, the media and medical institutions. The authors' conclusions and proposals may be useful in the study of migration in other regions.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная привлекательность, иностранная рабочая сила, рынок труда, человеческие ресурсы.

Keywords: migratory processes, migratory attractiveness, foreign labour, labour market, human resources.

Миграционные потоки в современном мире оказывают все большее влияние на демографическую, социально-экономическую и политическую ситуацию в государстве. Превращение человеческих ресурсов в ключевой источник социально-экономического развития регионов, стран, усиливает значимость изучения миграционных проблем.

Среди ученых, активно занимающихся в последнее время проблемами миграции населения, можно выделить Т. Антоненко, С. Метелёва, А. Лукьянец, Ю. Алексенцеву, М. Крощенко, С. Рязанцева, М. Ткаченко, О. Рыбаковского, С. Мартыненко, П. Шендлера, Е. Щербакову. Фундаментальный вклад в исследования миграционных процессов внесли В. И. Переведенцев, В. В. Покшишевский, Т. И. Заславская, Б. С. Хорев, Л. Л. Рыбаковский. В своих работах они обсуждают проблемы трудовой миграции, отмечают, что миграция может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на развитие рыночных отношений в стране.

Преимущества использования иностранной рабочей силы связаны прежде всего с тем, что в результате притока трудовых мигрантов усиливается ресурсный потенциал экономического роста, улучшается сбалансированность рынка труда, обеспечивается стабильное функционирование многих секторов экономики таких, как строительство, транспорт, торговля, сфера услуг, коммунальное хозяйство. Большое значение имеет использование иностранной рабочей силы для кадровой поддержки отраслей, отличающихся высокой сезонностью и невысокой оплатой труда. Однако нельзя оставлять без внимания опасности и угрозы, с которыми может столкнуться страна, регион, если экономическое развитие будет ориентироваться на бесконтрольное использование иностранной рабочей силы. К этим угрозам относится нерациональная структура миграционных потоков. Количество и качество прибывающих в Российскую Федерацию мигрантов не соответствует потребностям инновационного развития экономики. В

условиях безвизового въезда в Россию мигрантов из стран СНГ происходит масштабное наполнение рынка труда неквалифицированной рабочей силой, что приводит к снижению качества трудового потенциала. Опасности и угрозы сопряжены с большими объемами нелегальной миграции и латентной занятости мигрантов. Применение в больших масштабах нелегальной, дешевой и бесправной иностранной рабочей силы подрывает рыночные механизмы экономики, снижает социальные стандарты занятости, уровень оплаты труда и темпы модернизации в целом ряде отраслей.

Что касается миграционной привлекательности различных регионов России, то ситуация здесь разная. Однако общим является то, что возможность привлечения трудовых ресурсов из других регионов Российской Федерации на сегодняшний день крайне ограничена в силу демографических причин. Решение демографической проблемы и тесно связанные с ней проблемы рынка труда в Кемеровской области, как и в целом в стране, возможны при реализации миграционной политики, направленной на интеграцию мигрантов в российский социум. Для этого, на наш взгляд, необходимо создать эффективные механизмы организации процесса переселения, обустройства и адаптации на территории вселения. С этой точки зрения рассмотрим миграционную привлекательность данного региона.

Перспективы демографического и социально-экономического развития Кемеровской области во многом зависят от формирования миграционных процессов, управление которыми на современном этапе относится к одному из стратегических направлений социально-экономической политики региона.

В последние годы в Кемеровской области наблюдается сокращение численности населения (на начало 2008 г. – 2823,5 тыс. человек, 2009 г. – 2821,8 тыс., 2010 г. – 2820,6 тыс., 2011 г. – 2761,2 тыс., 2012 г. – 2750,8 тыс., 2013 г. – 2742,6 тыс. [1], июль 2013 г. – 2742,4 тыс. [3]). Данная тенденция отражена на рис. 1.

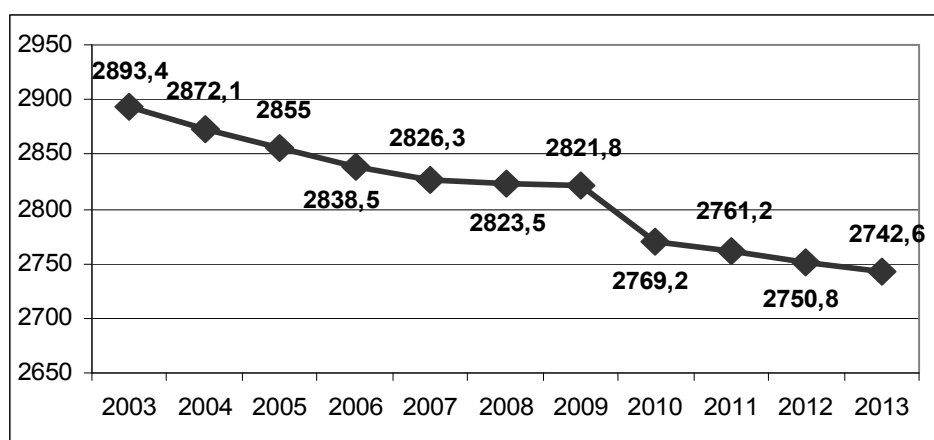

Рис. 1. Динамика численности населения Кемеровской области за период с 2003 по 2013 гг. (тыс. чел.)

Наряду с абсолютным уменьшением численности населения области, сохраняется процесс старения общества. Отмечается постепенное снижение численности населения трудоспособного возраста, в ближайшей перспективе этот процесс будет нарастать. Одновременно растет число лиц, достигших пенсионного возраста, так как из рабочих возрастов начинают выходить поколения, родившиеся в 50-е и 60-е годы. Такое изменение возрастной структуры населения усиливает дефицит рабочей силы на рынке труда.

Анализ ситуации на рынке труда Кемеровской области показывает, что последствия финансового кризиса в Кемеровской области были выражены сильнее, чем в других регионах Российской Федерации. Только в течение 2009 года численность экономически активного населения области уменьшилась по сравнению с 2008 годом на 1,4 %, тогда как в целом по России – лишь на 0,1 %. Данной динамике способствовал стремительный рост числа безработных, которые не имели занятия, но активно его искали и в соответствии с определением Международной организации труда классифицировались как безработные. В Кемеровской области прирост их численности составил 44 % (до 142 тыс. человек), в России – треть.

В качестве антикризисных и посткризисных мер по регулированию сложившейся ситуации был выработан комплекс мероприятий, своевременная реализация которых при взаимодействии органов государственной власти области, органов местного самоуправления, работодателей привела к стабилизации рынка труда в 2012 году. В этот период ситуация характеризуется следующим образом. Уровень регистрируемой безработицы – 1,6 % (25,8 тыс. человек) к численности экономически активного населения. Уровень трудоустройства граждан, ищущих работу, в 2012 г. составил 41,9 %, безработных граждан – 38,3 % (в 2011 г. 42,6 % и 42,2 % соответственно). Служба занятости населения наряду с трудоустройством на постоянные рабочие места принимает также участие в организации временных рабочих мест. Временная занятость позволяет гражданам в условиях безработицы сохранить профессиональные навыки, приобрести опыт и стаж работы по специальности.

По данным Росстата (на основе материалов обследования населения по проблемам занятости) в Кемеровской области уровень общей безработицы в среднем за октябрь 2013 года составлял 5,5 % экономически активного населения [2]. Данный показатель выше общероссийского уровня на 0,2 пункта и ниже среднего значения по Сибирскому федеральному округу (далее СФО) на 1,5 процентного пункта. Среди двенадцати регионов, входящих в состав СФО, Кемеровская область занимает второе место от наименьшего показателя в округе. Минимальный уровень в Красноярском крае – 5,4 %, максимальный в Республике Тыва – 18,7 %.

Что касается уровня регистрируемой безработицы, то на 30.11.2013 г. она осталась на том же уровне – 1,6 % экономически активного населения. Коэффициент напряженности (на 30.11.2013 г.) – 1,0 человек на 1 заявленную в органы службы занятости вакансию (год назад – 0,8 человек). При этом минимальный коэффициент в городах Кемерово и Новокузнецке – 0,3 – 0,4 человека на вакансию, максимальный в Тяжинском районе – 33 человека на вакансию [2].

Состав безработных (по причинам обращения в службу занятости населения), стабильный: более половины (53 %) – граждане, уволенные с предыдущего места по собственному желанию; 12 % – выбывшие в связи с сокращением штата или ликвидацией организации; 5 % – впервые ищут работу. В возрастной структуре безработных, как и прежде, преобладают граждане старше 30 лет, в т. ч. в предпенсионном возрасте – 2,1 тыс. человек (9 %), доля молодежи – 25 %. Профессиональным образованием располагают 13,3 тыс. безработных (58 %).

На 30.11.2013 г. в банке вакансий службы занятости населения было заявлено работодателями 27,4 тыс. мест, что на 5,9 тыс. мест меньше, чем год назад. Пятая часть вакансий – потребность в замещении рабочих мест и должностей в сфере здравоохранения, образования, государственного управления, предоставления коммунальных и социальных услуг. В таблице, приведенной ниже, подробно представлены данные по количеству вакансий в процентном соотношении в зависимости от вида экономической деятельности (рис. 2).

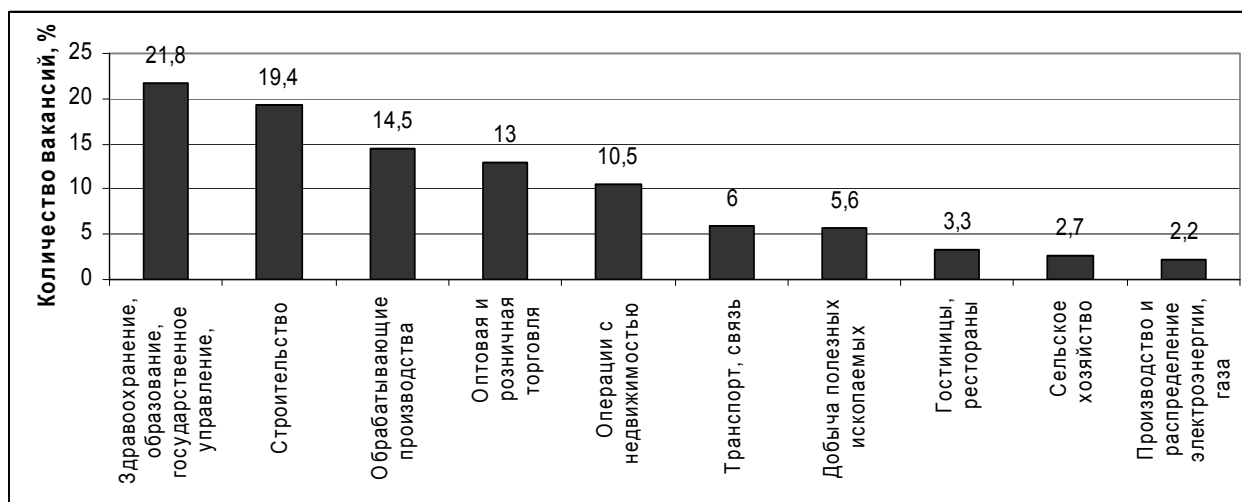

Рис. 2. Вакансии по видам экономической деятельности, %

Заявленная в службу занятости потребность в работниках представлена преимущественно рабочими профессиями – 73,2 % в банке вакансий [2]. Что касается численности занятых, то она уменьшилась по сравнению с показателем годичной давности на 1,7 % (сентябрь 2013 года). При этом значительное сокращение численности работающих наблюдается в производстве машин и оборудования (на 30 %), электрооборудования, электронного и оптического оборудования (на 19 %), сельском и лесном хозяйстве (на 11 %), производстве транспортных средств и оборудования (на 7 %), прочих неметаллических минеральных продуктов (на 5,7 %), строительстве (на 5 %). Наряду с этим, характерно увеличение численности занятых в производстве кокса и нефтепродуктов на 14 %, в металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий – на 6 %, в организациях, занимающихся финансовой деятельностью – на 9 %, на химическом производстве – на 4 %.

Следует отметить, что сохраняется диспропорция между территориальными структурами спроса на рабочую силу и ее предложением. По состоянию на конец ноября 2013 года в двух крупнейших городах Кемерово и Новокузнецк заявлено 67 % областного банка вакансий (год назад – 62 %). При этом доля претендующих на трудоустройство кемеровчан и новокузнецчан в общем предложении свободной рабочей силы составляет 27 %. Для сравнения, удельный вес жителей муниципальных районов, ищущих работу, как и год назад составляет 40 % областного предложения, в районах же заявлено лишь 10 % банка вакансий в целом по области (как и годом ранее).

Как видно из проведенного анализа, позитивно развивающаяся экономика Кемеровской области постоянно нуждается в работниках различной квалификации. Однако демографическая ситуация, характеризующаяся сокращением численности населения области, а также ситуация, складывающаяся на региональном рынке труда, подтверждают заключение специалистов о том, что дефицит квалифицированных кадров в Кемеровской области будет наблюдаться, по крайней мере, еще в ближайшие несколько лет, и работодатели по-прежнему будут испытывать трудности в поиске достойных кандидатов для замещения вакантных рабочих мест.

В условиях дефицита рабочей силы и невозможности его полной компенсации за счет внутренней миграции и естественного прироста населения существует объективная необходимость в восполнении трудовых ресурсов за счет иностранных граждан. Так, в 2009 году по разрешениям Управления Федеральной миграционной службы по Кемеровской области трудовую деятельность в Кемеровской области осуществляли 17876 иностранных работников; в 2010 году – 11407, в 2011 году – 11401, в 2012 году – 12010. Наибольшее число иностранных работников прибывает из стран постсоветского пространства (2011 год – 69,6 %). Кемеровская область привлекательна для представителей целого ряда стран СНГ (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения и др.).

Численность иностранных граждан, труд которых использовался в экономике Кемеровской области в 2012 г., в среднем составляет 0,6 % численности заня-

того в экономике населения. Наибольшее количество иностранных работников привлекается в строительство, обрабатывающую промышленность, а также оптовую и розничную торговлю (рис. 3).

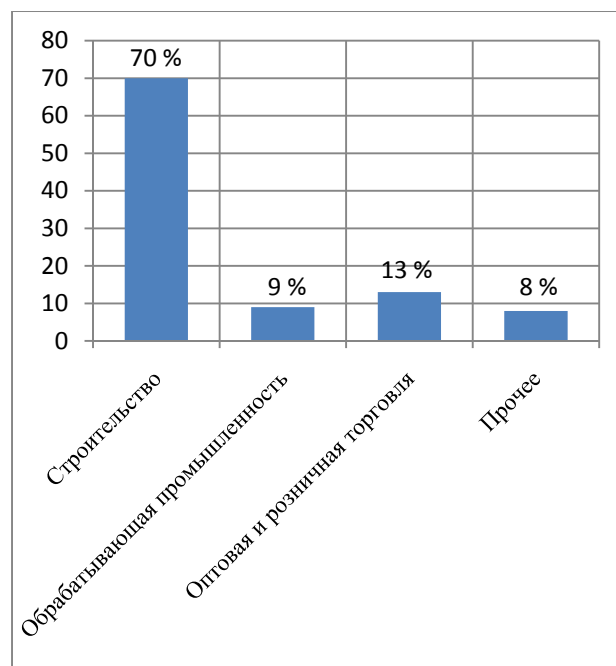

Рис. 3. Занятость трудовых мигрантов в Кемеровской области по видам деятельности, %

Наряду с созданием дополнительных возможностей по привлечению иностранных работников уделяется внимание активизации контроля за соблюдением миграционного законодательства, в рамках которого принимаются необходимые меры и по предотвращению формирования условий для протестных, криминальных и иных асоциальных проявлений, как со стороны трудовых мигрантов, так и в отношении них.

При разработке таких мер, следует принимать во внимание также проблемы интеграции мигрантов и способы их решения, например, в европейских странах. Так, были волнения, уличные бои (в районах проживания мигрантов), вызванные гибелью представителя сообщества мигрантов из-за конфликта с полицией в Париже (осень 2005 г., ноябрь 2007 г.), волнения в Брюсселе (2006 г.), недавние события в Москве (Бирюлево). Аналогичные события периодически происходят в Швеции. В основе столкновений мигрантов с представителями власти – прежде всего, социальная составляющая. Большая часть мигрантов включена в экономику теневого сектора, доля безработных среди них существенно (в два-три раза) выше уровня безработицы среди местного населения. Обострение межэтнических и экономических проблем создает серьезную угрозу стабильности любого общества.

В целях обеспечения правопорядка в миграционной сфере, повышения эффективности государственного контроля и надзора за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации на территории Кемеровской области в 2012 г. проводились крупные совместные с другими органами государственной власти оперативно-профилактические мероприятия. В рамках данных (более 42 тыс.) мероприя-

тий, было проверено около 48 тыс. различных объектов, выявлено более 20 тыс. нарушений миграционного законодательства, наложены штрафы на сумму свыше 61 млн рублей, взыскано более 50 млн рублей. Проводилась работа и по недопущению (закрытию) въезда в Российскую Федерацию, а также по административному выдворению и депортации за пределы Российской Федерации иностранных граждан, незаконно находящихся на территории области (выдворено более 350 незаконно находящихся на территории области иностранных граждан).

В течение 2012 года осуществлялся также мониторинг криминогенной ситуации в области. Общее количество совершенных иностранными гражданами преступлений в 2012 г. возросло на 26 % по сравнению с 2011 годом. Доля совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства преступлений в 2012 году составила 0,8 % от общего числа расследованных (2011 год – 0,6 %). Наибольшее число преступлений совершено на территориях городов Новокузнецка – 80 (2011 год – 80) и Кемерово – 60 (2011 год – 27).

Деятельность УФМС России по Кемеровской области направлена на обеспечение возможности использования миграционного потенциала в социально-экономическом развитии Кемеровской области, что предполагает работу не только в части организации миграционного потока и контроля соблюдения мигрантами установленных правил, но и в части социальной адаптации мигрантов. УФМС России по Кемеровской области в рамках своей компетенции использует весь комплекс мер не только по недопущению осложнения межнациональной обстановки, но и по созданию условий для изучения русского языка, основ миграционного законодательства, а также культурных традиций и норм поведения, принятых в российском обществе. Особое внимание уделяется тем гражданам, которые оформляют разрешения на вре-

менное проживание, так как эти граждане стремятся не только временно поработать в России, но и в перспективе стать ее гражданами.

Миграционный прирост населения Кемеровской области снизился с 9818 человек (2007 г.) до 537 человек в 2010 году. И хотя миграционная убыль населения (2804 человека) впервые была зафиксирована в 2011 году, в 2012 г. она уже составляла – 4522 человек [1]. Данные на июль 2013 года представлены на рис. 4. Необходимо отметить, что уезжать из Кемеровской области в другие регионы России стало больше граждан, чем приезжать уже с 2008 года. Однако до 2011 года миграционная убыль в пределах России компенсировалась международной миграцией. Анализ миграции населения Кемеровской области за 2012 год показывает, что из общего числа граждан, выехавших за пределы области, более половины выехали в регионы Сибирского федерального округа. В первую очередь, это Новосибирская область (35 %) и Томская область (28 %).

Однако и приезжают в Кемеровскую область больше всего из соседних сибирских регионов – 64 % всех прибывших из других регионов Российской Федерации. С 2012 года клиенты государственной службы занятости населения могут получить государственную услугу по содействию безработным гражданам в переезде и безработным гражданам и членам их семей в переселении в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости.

Государственная услуга по выдаче заключений о привлечении и об использовании иностранных работников предоставляется Департаментом труда и занятости населения Кемеровской области в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Так, по состоянию на 01.12.2013 г. в рамках утвержденной квоты Департаментом подготовлено 117 заключений о целесообразности привлечения 2272 иностранных работника.

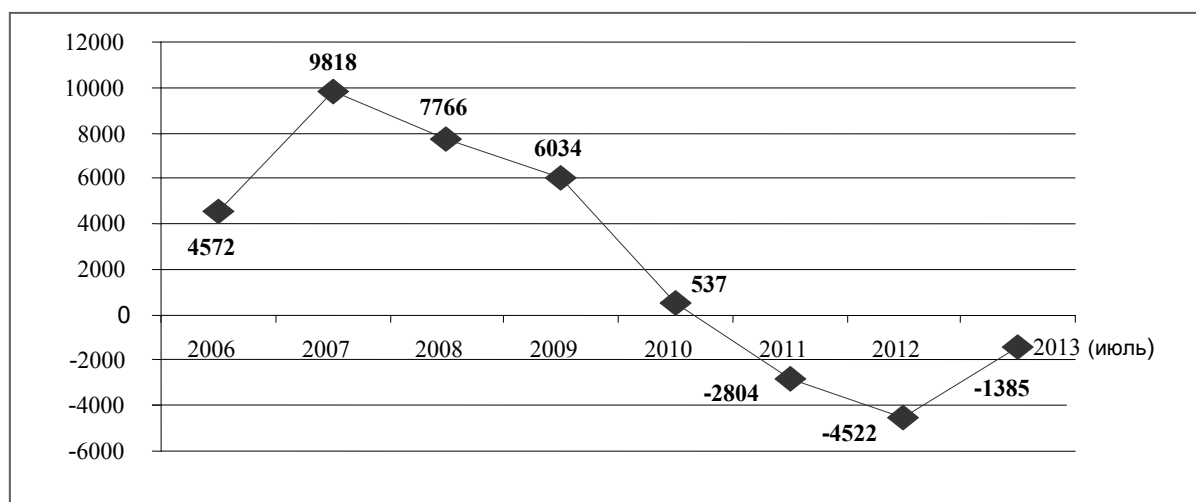

Рис. 4. Миграционный прирост (убыль) населения (чел.) в период с 2006 г. по июль 2013 г.

Для Кемеровской области, как региона, в котором в последние годы отмечается одновременно естественная и миграционная убыль населения, в качестве цели управления миграцией целесообразно ставить необходимость сокращения миграционного оттока и

привлечения мигрантов на постоянное место жительства. Основными задачами для достижения поставленной цели должно быть развитие социальной инфраструктуры, привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест. Оптимальной формой принятия

и реализации мер в сфере управления миграцией является разработка комплексной миграционной программы на региональном уровне, которая может включать в себя управление всех основных направлений регулирования миграционных процессов.

Для совершенствования управления миграционными процессами в Кемеровской области необходимы, на взгляд авторов, следующие мероприятия.

1. Департаменту труда и занятости населения Кемеровской области:

- качественно оценивать потребность экономики региона в иностранной рабочей силе (на основе расчёта баланса трудовых ресурсов; расчёта и анализа показателей миграционного движения населения);

- совершенствовать межрегиональное сотрудничество в сфере миграции (подписание соглашений о временной трудовой миграции с регионами РФ с избытком трудовых ресурсов).

2. УФМС РФ по Кемеровской области: проводить работы по противодействию нелегальной миграции (увеличение размера штрафов для руководителей, использующих труд мигрантов незаконно).

3. Средствам массовой информации: активно воздействовать на общественное мнение с целью искоренения негативного стереотипа восприятия иммигрантов и создания в обществе настроения толерантности по отношению к иностранным работникам.

4. Медицинским учреждениям Кемеровской области:

- проводить медицинские освидетельствования мигрантов;

- проводить предупредительные меры по недопущению распространения мигрантами инфекционных заболеваний среди населения в регионе.

5. Внести изменения в законодательство:

- разработать программы привлечения иностранных студентов и аспирантов в вузы из стран ближнего и дальнего зарубежья (разработка для этой категории ми-

грантов специальных студенческих виз; создание механизма, при котором был бы возможен переход из иностранных учебных заведений в вузы Кемеровской области без потери курса; разработка нормативных актов, предоставляющих право получения гражданства иммигрантам, имеющим учёную степень);

- развивать инфраструктуру трудовой миграции (поощрение создания рекрутинговых агентств, которые могут обеспечить легальный наем на работу трудовых мигрантов);

- организовывать бесплатные курсы русского языка и основ законодательства РФ, Кемеровской области при учебных заведениях для мигрантов. На данный момент, курсы по изучению русского языка и основ законодательства РФ проходят на платной основе в учебных заведениях Новосибирска, Нарьян-Мара, Владивостока;

- организовывать работу специализированных образовательных учреждений для детей мигрантов, в которых они изучали бы русский язык, культуру;

- решить проблему «резиновых домов», когда по одному и тому же адресу на небольшой площади зарегистрировано от 20 до 50 и более человек по заявлениям собственников жилья, но, как правило, по адресам не проживают. Для решения данной проблемы необходимо на законодательном уровне рассмотреть вопрос об установлении минимума жилплощади, на которой человек может проживать, должностных лиц и собственников жилья, злоупотребляющих своим имущественным правом, привлекать к уголовной ответственности;

- повысить миграционную привлекательность Кемеровской области (увеличение доли привлекаемых мигрантов из стран Европы, создание специальных программ для инвесторов, готовых вкладывать средства в экономику области).

Реализация данных мер, на наш взгляд, будет способствовать улучшению процесса управления миграционными процессами в Кемеровской области.

Литература

1. Адресная целевая программа «Оказание содействия добровольному переселению в Кемеровскую область соотечественников, проживающих за рубежом» на 2013 – 2015 годы. – Режим доступа: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home/devyatnostdepart/program/ndpereselenie.aspx>

2. Информация о положении на рынке труда в Кемеровской области на 01.09.2013 г. – Режим доступа: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home.aspx>.

3. Кемеровостат: Население. Общие итоги миграции в Кемеровской области за январь – июль 2013 года. – Режим доступа: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/resources/

Информация об авторах:

Данько Христина Анатольевна – магистрант кафедры менеджмента КемГУ, 8-909-516-23-90, dankkhr@rambler.ru.

Khristina A. Danko – Master's Degree student at the Department of Management, Kemerovo State University.

Халиулина Валентина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента КемГУ, 8-906-931-92-30, gulia710@mail.ru.

Valentina V. Khaliulina – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Management, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 09.01.2014 г.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ И МОНОГОРОДЕ ЮРГА

А. Б. Ефременков, В. А. Трифонов

PROBLEMS OF IMPLEMENTING SOCIO-ECONOMIC POLICY IN THE REGION AND IN THE MONOTOWN OF YURGA

A. B. Efremenkov, V. A. Trifonov

В статье рассматриваются состояние и перспективы реализации социально-экономической политики Кемеровской области и монопромышленного города Юрги. Определена основа развития моногорода – поддержка экономического роста, эффективное муниципальное управление, рост производительности труда и повышение инвестиционной привлекательности города.

The article discusses the status and prospects of implementating the socio-economic policy of the monoindustrial town of Yurga. The framework for monotown development has been defined as follows: support of economic growth, efficient municipal management, productivity growth and increase in the investment attractiveness of the town.

Ключевые слова: монопрофильный город, социально-экономическая политика, бюджет, муниципальное управление, производительность труда, инвестиционная привлекательность, занятость, добавленная стоимость.

Keywords: monotown, socio-economic policy, budget, municipal management, productivity, investment attraction, employment, value added.

Год назад обществу была представлена стратегия преобразований, обозначены ориентиры, которые необходимо достигнуть к 2018 году, намечены конкретные действия, которые нужно предпринять для того, чтобы достичь этих показателей, а значит, сделать жизнь людей лучше, а экономику – эффективнее.

Достичь этих целей удастся за счёт более эффективного государственного, муниципального управления, роста производительности труда и инвестиционной активности в экономике. Рассмотрим, как эти цели решаются в монопрофильном городе Юрга Кемеровской области.

Проблемность монопрофильных городов и поселков городского типа (далее – моногородов) заключается прежде всего в том, что их настоящее и будущее полностью зависит от состояния и перспектив развития градообразующего предприятия, от политики собственника предприятия в отношении своего бизнеса, с одной стороны, и с другой – от политики, которую проводит государство в отношении моногородов. Местная муниципальная власть не имеет официальных рычагов влияния на судьбу градообразующего предприятия. Градообразующие промышленные предприятия моногородов мало вкладывали средств в развитие производства. Основные фонды устарели морально, значительно износились физически.

В глобальном мире невозможно конкурировать, владея технологиями вчерашнего дня. В этом смысле вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО) станет большим испытанием для России. Конкуренция на внутреннем рынке значительно усилится. Для того, чтобы ее выдержать, необходимо использование современных технологий. Последнее направление сыграет важную роль в формировании мощного импульса роста городской экономики, поскольку внедрение новых технологий обеспечит повышение эффективности производства.

Для внедрения новых технологий необходимы инвестиции. При этом главным инвестором являются

сами производственные предприятия, на долю которых приходится почти две трети всего объема инвестиций. Но финансовые возможности предприятий весьма ограничены. Объем амортизационных отчислений не превышает 3 % объема основных фондов. Выйти на устойчивый экономический рост возможно только при условии прироста инвестиций на уровне не ниже 20 % в год [1].

Безусловно, политика поддержки экономического роста, стимулирования инвестиционной и инновационной активности потребует существенного повышения роли государства, региональной и местной власти за счет: повышения эффективности использования муниципального имущества; диверсификации экономики; поиска новых торговых партнеров; повышения эффективности муниципальных предприятий; увеличения производства товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью; создания инновационной продукции. Приведем статистику основных показателей развития экономики Российской Федерации, Кемеровской области и города Юрги в сравнении (таблицы 1, 2, 3).

С 2001 по 2007 год экономика страны развивалась высокими темпами, но в 2012 г. в экономике РФ, Кемеровской области и города Юрги наблюдался спад темпов роста по ключевым показателям. Не были задействованы более глубокие факторы, такие как: повышение деловой активности, защита прав собственности, укрепление доверия к государству со стороны бизнеса и к бизнесу со стороны общества.

Необходима модернизация экономики, принятие комплекса мер по созданию рынка интеллектуальной собственности.

Кроме того, нужно создать механизмы, превращающие знания и изобретения в коммерчески успешные продукты, обеспечивающие продвижение инновационных разработок от начального этапа до внедрения. Элементы такой системы в России есть. По оценкам специалистов, из всех бюджетных расходов,

направляемых на инновации, более 40 % получает образование, то есть фаза генерации знаний. Еще примерно треть (33 %) идет на жилищно-коммунальное

хозяйство, социальную политику и управление. А на поддержку коммерциализации – только 1 %.

Таблица 1

**Основные показатели развития экономики РФ в 2011 – 2012 гг. (в %)
к соответствующему периоду предыдущего года**

<i>Основные показатели развития экономики в Российской Федерации</i>	<i>2011 год</i>	<i>2012 год *</i>
ВВП	4,3	3,5
Индекс потребительских цен, на конец периода, за период	6,1	7,0
Индекс промышленного производства	4,7	3,6
Индекс производства продукции сельского хозяйства	22,1	-4,4
Инвестиции в основной капитал, %	8,3	5,5
Ввод в действие жилых домов	6,6	6,3
Реальные располагаемые денежные доходы населения	0,8	3,0
Реальная заработная плата	2,8	9,1
Оборот розничной торговли	7,0	6,1
Объем платных услуг населению	3,0	3,6
Экспорт товаров, млрд долл. США	522,0	534,2
Импорт товаров, млрд долл. США	323,8	342,7
Средняя цена за нефть Urals, долл. США/баррель	109,3	109,0

Примечание: * – оценка Минэкономразвития России.

Таблица 2

Основные показатели развития экономики Кемеровской области в 2011 – 2012 гг.

<i>Основные показатели развития экономики Кемеровской области</i>	<i>2012 г.</i>	<i>в % к 2011 г.</i>
Индекс промышленного производства		98,1
Работы, выполненные по виду деятельности «Строительство», млрд рублей	114,1	101,1
Ввод в действие жилых домов за счет всех источников финансирования, тыс. м ² общей площади	1086,4	100,3
Продукция сельского хозяйства, млрд рублей	37,9	84,5
Оборот розничной торговли, млрд рублей	311,5	102,1
Оборот оптовой торговли, млрд рублей	564,6	93,5
Оборот общественного питания, млрд рублей	13,5	108,4
Объем платных услуг населению, млрд рублей	79,6	100,1
Индекс потребительских цен		105,8
Среднедушевые денежные доходы населения, рублей	18136	108,8
Реальные располагаемые денежные доходы населения		101,3

Таблица 3

Основные показатели развития экономики моногорода Юрги в 2011 – 2012 гг.

<i>№ п/п</i>	<i>Основные показатели развития экономики моногорода Юрги</i>	<i>2011 год</i>	<i>2012 год</i>
1	Среднегодовая численность населения, чел.	81315	81285
2	Численность населения, занятого в экономике, чел.	38400	38200
3	Численность работников градообразующих предприятий, чел.	5727	5661
4	Доля работающих на градообразующих предприятиях в общей численности населения, занятого в экономике, %	14,9	14,8
5	Доля работающих на предприятиях прочих (непрофильных) отраслей в общей численности населения, занятого в экономике, %	85,1	85,2
6	Численность работников малых предприятий, чел.	4605	4608
7	Доля работающих на малых предприятиях в общей численности населения, занятого в экономике, %	12	12,1
8	Число официально зарегистрированных безработных, чел.	1265	998
9	Уровень зарегистрированной безработицы, %	2,4	2,1

Продолжение таблицы 3

10	Среднемесячная заработная плата работников крупных и средних предприятий, руб-лей	16407	19066
11	Реальная среднемесячная заработная плата работников крупных и средних предприятий, %	108.1	109.8
12	Индекс промышленного производства, %	122.9	103.2
13	Индекс промышленного производства моно отрасли, %	90.9	133.4
14	Доля градообразующих предприятий в общем объеме отгруженной продукции, %	51.2	51.5
15	Доля малых предприятий в общем объеме отгруженной продукции, %	29.5	30
16	Общий объем налоговых поступлений от реализации инвестиционных проектов в муниципальный бюджет, млн руб.	85	89
17	Объем привлеченных внебюджетных инвестиций по реализуемым инвестиционным проектам, млн руб.	3894.6	1471.75

Структура расходов местных бюджетов РФ в 2012 году представлена на диаграмме, по состоянию на 01.01.2013 г.

По отношению к 2011 году структура основных расходов местных бюджетов 2012 года изменилась. Выросла их доля на образование (+3,8 п.п.), на управление (+0,5 п.п.), на культуру (+0,2 п.п.), на социальную политику (+0,1 п.п.) при снижении доли расходов на здравоохранение (-4,6 п.п.) и на ЖКХ (-3,7 процентных пункта).

В этой связи особого внимания заслуживает проект создания инновационного центра «Сколково». Он предполагает формирование модели, обеспечивающей создание, производство и коммерциализацию инноваций. Этот опыт можно и нужно будет тиражировать, в т. ч. – в рамках уже существующих научных и технологических центров.

Так, в 2007 году в г. Юрга при Юргинском технологическом институте Национального исследовательского Томского политехнического университета (ЮТИ НИ ТПУ) был создан бизнес-инкубатор ООО «Бизнес-инкубатор «Юрга – Технология – Инновация» для обеспечения занятости студентов, реализации инновационных научных проектов, поддержки начинающих предпринимателей путем предоставления услуг, необходимых для становления их бизнеса. В целях содействия созданию новых предприятий и поддержки существующих, а также содействия взаи-

мовегодному сотрудничеству промышленных предприятий и городской администрации, для улучшения инвестиционного климата в городе созданы и осуществляют свою деятельность Муниципальный фонд поддержки промышленности и предпринимательства, Совет по инвестиционной деятельности, Совет по поддержке и развитию предпринимательства [2].

Основа развития ЮТИ НИ ТПУ – связь с предприятиями. 2013 год для университета был очень плодотворным в плане удачных совместных проектов с крупными российскими и западными корпорациями. Удалось привлечь к сотрудничеству ряд солидных компаний, которые согласны не только покупать разработки, но и готовы вкладывать деньги в развитие университета, участвовать в создании новых образовательных программ. Такое сотрудничество осуществляется как с давними партнёрами, такими как ОАО «Газпром», так и с новыми, взаимодействие с которыми начато в последнее время.

Одним из таких является передовая российская компания «Р-Фарм», которая на современном уровне занимается фармакологией и биоинженерией. В настоящее время в университете создан образовательный центр для подготовки специалистов для данной компании. Более того, в рамках этого проекта была разработана уникальная программа подготовки магистров.

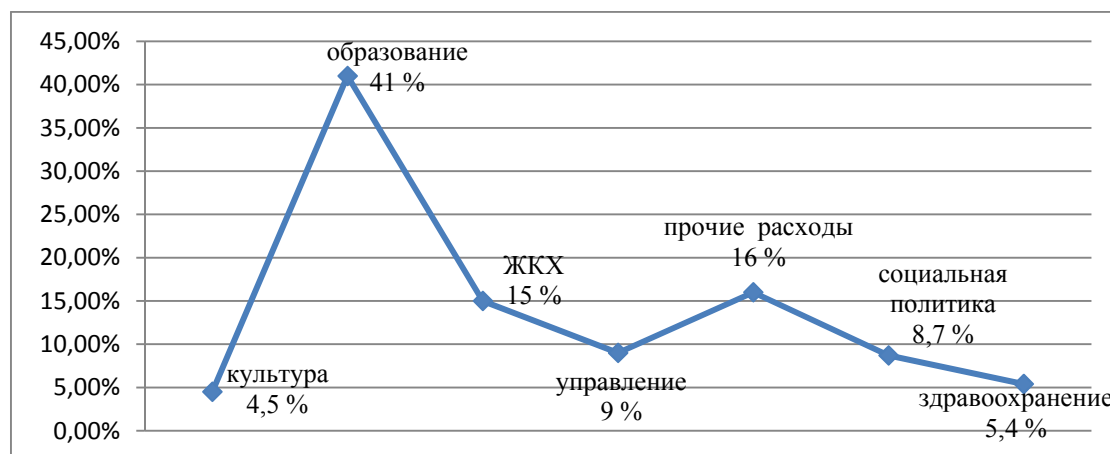

Диаграмма. *Расходы местных бюджетов РФ в 2012 году, %*

Аналогичное соглашение университет подписал с компанией «СИБУР холдинг», финансирующей создание международной лаборатории, которой сейчас руководит бельгийский специалист. Совместными усилиями с СИБУРом организован специальный образовательный центр. Подписан трёхсторонний договор с компанией «Росатом». Согласно этому документу, Росатом обязуется финансировать научно-образовательный центр при университете по подготовке специалистов для зарубежных компаний-партнёров. В частности, первым этапом станет подготовка специалистов из Вьетнама.

Планируется создание образовательно-отраслевого кластера по подготовке рабочих и специалистов среднего звена, а также инженерных кадров на основе предприятий ОАО «Газпром» и научно-образовательного комплекса Томской области.

Необходимо отметить, что мировой финансово-экономический кризис особенно обострил имеющиеся проблемы в моногороде Юрга, которые являются характерными и типичными и для других моногородов РФ: разрыв производственных связей, износ оборудования, тесная связь инфраструктуры города с работой градообразующего предприятия и т. д. Серьезные проблемы возникли в промышленности и финансовой сфере. Обострилась проблема взаимных платежей. Эти проблемы являются малоисследованными, отсутствуют методология и инструментарий их решения, вследствие чего, снижается эффективность функционирования монопрофильных городов.

Несмотря на все трудности последующих лет, городу удалось не только сохранить промышленный, интеллектуальный потенциал, но и развить сеть учреждений образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты. Построено и реконструировано много жизненно важных городских объектов: строительство моста, ремонт железнодорожного вокзала, реконструкция панельных домов серии 1-335 ПК.

Основой этих позитивных изменений является развитие реального сектора экономики города, в котором необратимое движение приобрела модернизация, основанная на привлечении инвестиций и создание новых производств. В период с 2000 по 2012 год объем промышленного производства вырос в 2 раза; инвестиции и средняя заработная плата выросли в 10 раз; доля юргинцев с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась более чем в 2 раза; ежегодно в городе создается порядка 500 – 600 новых рабочих мест.

По сравнению с соответствующим периодом прошлого года индекс промышленного производства по полному кругу организаций-производителей по городу за 2012 год составил 103,2 %, в том числе на крупных и средних предприятиях – 103,5 % [3].

За 2012 год на выполнение мероприятий Комплексной программы социально-экономического развития Юргинского городского округа направлено 4001,45 млн рублей, в том числе из федерального бюджета – 221,1 млн руб.; из областного бюджета – 281,4 млн руб.; из местного бюджета – 1840,75 млн руб.; из внебюджетных источников – 1658,2 млн руб.

Прирост инвестиций в основной капитал в 2012 г. составил 6,5 % (13,6 млрд рублей), объем товарообо-

рота достиг 7,7 млрд рублей. Средняя заработная плата увеличилась на 17 % и составила 19065 рублей [4].

Машиностроение занимает доминирующее положение в структуре экономики города Юрги: доля отгруженной продукции и услуг промышленного характера машиностроения в общем объеме продукции по городу составляет более 50 %; промышленное производство обеспечивает более 5 тыс. рабочих мест, или порядка 20 % от числа занятых в экономике; более 20 % инвестиций в основной капитал осуществляется в машиностроении, что подтверждает его значительный инвестиционный потенциал среди других отраслей и сфер экономики. Эти показатели позволяют отнести город Юрга к монопрофильному муниципальному образованию [5].

Системообразующее предприятие города – ООО «Юргинский машиностроительный завод» – реализует программу своего перспективного развития, в которой определено два основных направления:

- освоение производства новых видов техники на имеющихся производственных площадях и расширение номенклатуры выпускаемой продукции;
- техническое перевооружение, реконструкция действующего производства. Улучшение качества выпускаемой продукции, уменьшение сроков производства, увеличение объемов товарной продукции.

Имея ресурс производственных мощностей и позиционируя себя как единый хозяйственный комплекс, обладающий потенциалом роста и портфелем перспективных инвестиционных проектов, ООО «Юргинский машиностроительный завод» ориентирован на внутреннюю диверсификацию производства.

2012 год можно назвать рекордным. Выпущено товарной продукции на сумму более 5 млрд рублей – увеличение на 23 % по сравнению с 2011 годом. В 2013 году удалось выпустить товарной продукции на сумму 5,9 млрд рублей и повысить средний уровень заработной платы.

18 февраля 2013 года ОАО «Научно-производственная корпорация (НПК) «Уралвагонзавод» и группа предприятий во главе с ООО «Угольная компания «Заречная» объявили о создании совместного предприятия – «Русская промышленная корпорация». В создаваемое совместное предприятие предполагается включить отдельные активы корпорации «Уралвагонзавод» и доли в предприятиях ООО «Угольная компания «Заречная», ООО «Юргинский машиностроительный завод», «Esser» (Германия), транспортная компания «Ю-транс», Балтийский угольный терминал (г. Вентспилс) [6].

Одна из главных целей Юрмаша – повышение конкурентоспособности традиционной продукции за счет снижения издержек и обеспечения совместного выхода на рынки машиностроительной продукции с новыми изделиями: Индия, Латинская Америка, африканские страны. Во-вторых, это дополнительные заказы, инвестиции и получение заявок на изготовление оборонной продукции.

Юргинский ферросплавный завод получит развитие. Ферросплавные печи в Юрге – мощные и производительные (60 тонн ферросилиция в сутки, что на четверть выше новокузнецких аналогов). Новые печи включают в себя энергосберегающие технологии, ко-

которые позволяют снизить удельный расход электроэнергии на 20 %, что необходимо в условиях энергодефицита и роста тарифов. Особенно важно, что оборудование новых печей соответствует самым жестким мировым экологическим стандартам. Система газоочистки обеспечивает практически стопроцентное улавливание и очистку печных газов, исключает их выбросы в атмосферу и в производственные помещения. В 2012 году предприятием реализован инвестиционный проект по строительству ЛЭП на 110 кВ общей протяженностью 17 км, что дает возможность строительства второй очереди Юргинского ферросплавного завода в среднесрочной перспективе. В целом на организацию ферросплавного производства в Юрге с 2004 по 2011 год вложено около 3 млрд рублей инвестиций.

В 2012 году актуализирована и законодательно оформлена программа социально-экономического развития Юргинского городского округа до 2025 года, составной частью которой является комплексный план модернизации города как монопрофильного образования. Комплексный инвестиционный план был рассмотрен на самых разных уровнях власти, начиная с представительных органов городского и областного уровней и заканчивая Министерством регионального развития. Положительная характеристика разработанного проекта позволяет надеяться на поступление инвестиций [5].

1. Строительство коллектора – стоимость проекта 132,7 млн рублей. Реализация данного проекта решит вопрос сброса хозяйственно-бытовых стоков всех промышленных предприятий, лечебных, образовательных учреждений и жилых домов, расположенных в этой части города, что будет способствовать улучшению экологической обстановки.

2. Строительство участка дороги по проспекту Победы стоимостью 179 млн рублей позволит осуществить вынос транзитных грузовых потоков за пределы жилой застройки и разгрузить центральные магистрали города.

3. Строительство газовой котельной позволит приступить к застройке нового микрорайона. Стоимость проекта – 553 млн руб.

Администрация города Юрги сделала заявку в Министерство экономического развития на строительство вышеперечисленных инфраструктурных проектов. Общая сумма ожидаемых бюджетных инвестиций – 822 млн рублей.

В 2014 году в Юрге начнется строительство фармацевтического завода в рамках комплексного плана развития моногорода. Его будет возводить ООО «Фарм Групп», имеющее сеть аптек на территории нашей области. Капитальные вложения в реализацию проекта оцениваются в 12 млн евро, из них 45 % средств уйдет на закупку современного оборудования по производству инфузионных растворов (физраствор) в полимерных пакетах. Новое предприятие сможет выпускать до 15 млн пакетов в год, планируется создать 150 рабочих мест. Для строительства завода потребуются создание новой инфраструктуры. Поэтому в рамках программы развития моногорода Юрге планируется выделить около 1,1 млрд рублей, которые пойдут на строительство новой газовой котельной и коллектора.

Позитивные изменения, представленные в таблице 5, продолжают в сфере занятости населения. Численность безработных с 2010 года постоянно уменьшалась. Уровень безработицы в 2012 году составил 2,2 %.

Таким образом, актуализированная версия комплексного инвестиционного плана модернизации моногорода должна продолжить процесс достижения основной стратегической цели: снижение зависимости экономики города от градообразующего предприятия и обеспечение устойчивого развития города Юрги в ближайшем будущем. При этом основным условием повышения темпов развития городской экономики, должно стать технологическое перевооружение производства и повышение производительности труда.

Таблица 5

Основные показатели социально-экономического развития в 2010 – 2012 гг. и планов на 2013 – 2015 годы Юргинского городского округа

Показатели	Ед. измерения	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
		факт			оценка	прогноз	
Численность трудовых ресурсов	тыс. чел.	55,465	53,168	52,694	52,454	52,202	52,2
Численность занятых в экономике (среднегодовая) – всего	тыс. чел.	37,52	38,4	38,2	38	37,8	37,6
Учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от производства	тыс. чел.	4,188	4,191	4,2	4,1	4,1	4,2
Уровень зарегистрированной безработицы	%	2,5	2,4	2,2	2,1	2,1	2,1
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости	тыс. чел.	1,348	1,265	1,193	1,12	1,1	1,1
Численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в расчете на одну заявленную вакансию	человек	7,6	7,5	4,2	4,1	4	4
Фонд заработной платы работников	млн руб.	4211,7	4841,8	5590	6421,5	7421,6	8651,6
Выплаты социального характера – всего	млн руб.	34,7	50,9	56	60,1	63,4	66,6

В моногороде Юрга имеются все предпосылки для формирования кластера строительной индустрии, создания благоприятных условий для притока инвестиций и развития обрабатывающих производств. В соответствии с Законом Кемеровской области от 08.07.2010 г. № 87-ОЗ «О зонах экономического благоприятствования» в декабре 2010 года в Юргинском городском округе организована зона экономического благоприятствования промышленно-производственного типа «Юрга».

Участниками зоны являются два предприятия, основное из которых ООО «Завод ТехноНИКОЛЬ-Сибирь». Предприятием создано более 230 новых рабочих мест. Освоено производство экструзионного пенополистирола, рулонных кровельных материалов [4].

Закон Кемеровской области «О налоговых льготах субъектам инвестиционной, инновационной и производственной деятельности, управляющим организациям технопарков, резидентам технопарков» устанавливает дополнительным категориям налогоплательщиков – участникам (ЗЭБ) следующие налоговые льготы [7]:

- 1) по налогу на имущество организаций – 100 % освобождение от уплаты налога;
- 2) по налогу на прибыль организаций – ставка налога, подлежащего зачислению в областной бюджет, снижается с 18 до 13,5 процентов;
- 3) для тех, кто находится на упрощенной системе налогообложения, снизится налог в три раза – с 15 до 5 %.

Участникам (ЗЭБ), кроме льгот, предоставляемых на областном уровне, представлена возможность получать административное содействие со стороны МБУ «Управляющая компания «Синергия», которая помогает решать все вопросы, связанные с обслуживанием бизнеса и взаимодействием его с органами власти.

Таким образом, особые экономические зоны нужны для привлечения масштабных инвестиций в экономику. Схема проста: муниципалитет определяет площадки, обеспечивает их инфраструктурой и дает льготы под конкретные проекты. Как показывает зарубежный опыт, для того чтобы особая экономическая зона заработала на полную мощность, нужно как минимум 10 – 15 лет. С момента создания зоны в городе прошло чуть больше двух лет (создана в декабре 2010 года – Распоряжение коллегии администрации Кемеровской области от 02.12.2010 г. № 1027-р). Однако эффект уже есть. Он проявляется даже в том, что муниципалитет тратит на зону все меньше, а вложения резидентов растут. Только ООО «Завод ТехноНИКОЛЬ-Сибирь» инвестировал в перевооружение производства кровельных и теплоизоляционных материалов более 2 млрд рублей.

Рассмотрим городское жилищное строительство как фактор повышения качества жизни населения. Показатель – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя является одним из основных в перечне показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в соответствии с указом Президента РФ от 14.10.2012 г. № 1384 [8]. Для того, чтобы удовлетво-

рить существующий спрос населения на жилье, нужно строить много, качественно и недорого. Объемы жилищного строительства за последнее десятилетие значительно возросли. Так, если в 1999 году в строй было введено 10,3 тыс. кв. м. жилья, то в 2012 году – почти в 3 раза больше – 30 тыс. кв. м. и уже 5 лет эта планка не снижается. 12 лет назад на одного жителя приходилось 19,6 кв. м., в 2012 г. – 21,5 кв. м.

Новое жилье должно быть доступным. Чтобы купить квартиру у некоторых застройщиков, нужно при средней зарплате работать 100 лет [9]. Поэтому важно снижать цены квадратного метра за счет снижения стоимости самого строительства: материалов, технологий. Нужно активно привлекать материнский капитал, т. к. теперь по закону эти средства можно направлять на покупку и на строительство жилья, в том числе индивидуальных жилых домов.

Материнский капитал составил в 2012 году 387 тыс. рублей на одну семью. С 1 января 2013 года решением Правительства РФ размер материнского капитала повышается до 408 тыс. 960 рублей, плюс областной материнский капитал – 130 тыс. рублей на строительство или покупку жилья каждой семье, в которой родился третий и последующий ребенок. С 1 апреля 2014 года также будет проиндексирован материнский капитал и социальные пенсии. Таким образом, материнский капитал получается почти 540 тыс. рублей на жилье.

Отдельное направление – повышение качества оказания услуг в сфере ЖКХ. Всего за последние три года в Юрге капитально отремонтировано более 80 многоквартирных жилых домов, что дало возможность улучшить условия проживания десяти тысяч граждан.

Задача органов местного самоуправления заключается в том, чтобы обеспечить жильем всех нуждающихся ветеранов Великой Отечественной войны. В настоящее время жильем уже обеспечено 69 ветеранов войны, в том числе новым – 22 человека.

Успешно решается одна из острых проблем – переселение людей из ветхого и аварийного жилья. Только за 2 года (2010 – 2012 годы) в Юрге на эти цели поступило около 160 млн рублей. Снесено 25 аварийных домов, переселено около 160 семей.

Для дальнейшего развития города в перспективных планах на 2013 – 2015 годы стоят следующие задачи: сохранение объемов жилищного строительства, строительство дорог и сетей для новых микрорайонов, строительство социальных объектов – детский сад на 110 мест с бассейном. Приоритетным направлением будет малоэтажное жилищное строительство. Сегодня на его долю приходится более 80 % вводимого жилья.

За последние 5 лет в дорожную инфраструктуру города вложено в общей сложности более 540 млн руб. В результате удалось привести в порядок 1/3 часть дорог общего пользования.

С 01.01.2014 г. согласно законодательству Российской Федерации планируется создание муниципальных дорожных фондов, а также утверждение Порядка формирования и использования бюджетных ассигнований муниципального дорожного фонда; установление дифференцированных нормативов отчис-

лений в местные бюджеты от акцизов на нефтепродукты [10].

Залогом успешного развития города и региона является модернизация муниципального образования. Для этого разработаны направления совершенствования местного самоуправления в моногородах РФ, сформированные на основе практического опыта функционирования моногорода Юрга:

1) принять законодательный акт об обязательном информировании органов местного самоуправления (с указанием сроков и ответственности) о текущей и перспективной деятельности градообразующих предприятий для осуществления, при необходимости, антикризисных мер;

2) законодательно предусмотреть увеличение доходной базы бюджетов моногородов с целью ее достаточности для реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

3) разработать методические рекомендации по оценке профессиональной деятельности муниципальных служащих органов местного самоуправления моногородов и эффективности их деятельности;

4) в целях поддержки развития малого и среднего предпринимательства и его инфраструктуры как одного из основных направлений по преодолению безработицы в моногородах в условиях кризисной ситуации:

– принять нормативно-правовые акты о снижении налоговой нагрузки на субъекты малого предпринимательства, занимающиеся производством и реализацией товаров собственного производства;

– рассмотреть вопрос об освобождении от уплаты налогов начинающих предпринимателей в течение первого года с даты регистрации;

5) продолжить практику реализации – создания временных рабочих мест (включая общественные работы); опережающего обучения новым профессиям, востребованным рынком; создания условий для переезда к местам предстоящей работы (в другой город, район, регион); содействия при открытии собственного дела;

6) принять меры по обеспечению органов самоуправления моногородов статистической информацией для проведения своевременного и качественного мониторинга социально-экономического положения и осуществления прогнозирования социально-экономической ситуации;

7) разработать государственную экономическую и промышленную политику, с выделением раздела градообразующих предприятий моногородов, ориентированную на поддержку отечественных товаропроизводителей;

8) обеспечить размещение государственных заказов на выпускаемую предприятиями моногородов продукцию государственной значимости и своевременные расчеты из федерального бюджета за поставленную по госзаказу продукцию.

Реализация мероприятий, которые отражены в настоящей статье и заявлены администрацией города Юрга в Министерство экономического развития на реализацию Комплексного инвестиционного плана модернизации моногорода Юрга позволят обеспечить устойчивое развитие города в ближайшем будущем.

Литература

1. Глазьев, С. Ю. Почему мы самые богатые, а живем так бедно? Вопросы и ответы / С. Ю. Глазьев. – М.: ТЕРРА – Книжный куб, 2003. – 304 с.
2. Трифонов, В. А. Формирование организационной структуры промышленно-инновационных кластеров: факторы и принципы их формирования (на примере монопромышленного г. Юрга) / В. А. Трифонов, В. О. Федорович // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2012. – № 4. – С. 219 – 227.
3. Социально-экономическое развитие г. Юрга за 2012 год. – Режим доступа: http://www.adm.yrg.kuzbass-net/page_190.html
4. Бюджетное послание Главы города // Резонанс-Ю, 19.12.12. – Режим доступа: www.rezonans-yu.ru
5. Сухарева, Е. Перспективы развития Юрги на 2013 – 2020 годы / Е. Сухарева // Резонанс-Ю, 05.06.13. – Режим доступа: www.rezonans-yu.ru
6. Поприцак, Л. Основная задача – максимальная загрузка предприятия / Л. Поприцак // Юрга. – № 7, 01.05.13.
7. Курсом модернизации к благополучию людей. Бюджетное послание Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева Совету народных депутатов Кемеровской области 17 ноября 2010 года / А. Тулеев, С. Ващенко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. – 128 с.
8. Указ Президента РФ от 14.10.2012 г. № 1384 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских и муниципальных районов».
9. Тулеев, А. Юбилейный бюджет реальных дел (2013 – 2015) / А. Тулеев, С. Ващенко // Информационно-издательский отдел Кемеровского ГСХИ. – 2012. – 130 с.
10. Решение коллегии Главного финансового управления Кемеровской области, 25.04.13. – Режим доступа: www.ofukem.ru/content/view/1597/2
11. Мониторинг местных бюджетов за 2012 год. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/reforms/local-government/monitoring>

Информация об авторах:

Ефременков Андрей Борисович – кандидат технических наук, доцент, директор Юргинского технологического института (филиала) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(38451) 6-26-83, abe73@rambler.ru.

Andrey B. Efremenkov – Candidate of Technical Science, Associate Professor, Director of Yurga Technological Institute (branch) of National Research Tomsk Polytechnic University.

Трифонов Владимир Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(38451)6-44-32, v.trifonov@rambler.ru.

Vladimir A. Trifonov – Candidate of Economic, Assistant Professor at the Department of Economics and Automated Control Systems, Yurga Technological Institute (branch) of National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 12.12.2013 г.

УДК 338.467

ТЕХНОЛОГИИ ОЦЕНИВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ: ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

Ю. В. Малахова, В. В. Хохлова

QUALIFICATIONS ASSESSMENT TECHNOLOGIES: A VIEW ON THE PROBLEM

Yu. V. Malakhova, V. V. Khokholova

Объектом исследования в данной статье выступают технологии оценивания компетенций, открывающие возможности повышения эффективности труда и составляющие основу для сбора информации о персонале организации. В качестве предмета анализа выведены различные виды технологий оценивания компетенций специалистов.

The object of analysis in the paper is AssessmentCentres (technologies) which open possibilities of raising work efficiency and which make a base for collecting information about an organization's personnel. The paper focuses on different types of specialists' qualifications assessment technologies.

Ключевые слова: технологии оценивания, компетенция, компетентность, ключевые квалификации, инновационный процесс, профессиональное образование.

Keywords: Assessment Centers, competence, key qualifications, innovating process, professional education.

Современная ситуация развития экономики, рынка и сферы услуг предъявляет новые требования к специалисту. Знаний в сфере своей специальности сегодня совершенно недостаточно, чтобы быть успешным в профессии. Они должны расширяться до более ёмких понятий – «карьерная компетенция», «стандартная компетенция», «ключевые компетенции», «ключевые квалификации» и т. д. Терминологический разброс осложняет понимание этих социально-экономических феноменов – «компетенция», «квалификация» – однако бесспорно одно: это значительный плюс к образованию, способствующий профессиональному росту и открывающий дверь к достойному месту работы.

Наша цель в настоящей работе – расставить точки над “Т” и внести некоторую ясность в понятие компетенций, а также установить эффективность некоторых технологий их оценивания.

Life isn't about finding yourself. Life is about creating yourself (Жизнь состоит не в том, чтобы найти себя. Жизнь состоит в том, что создать себя), сказал великий Джордж Бернард Шоу. Мы сами создаём свой успех и сами выстраиваем нашу карьеру. Счастлив тот, кто имеет помощников в этом непростом деле. Чем выше наша компетенция, тем скорее, несмотря ни на что, мы достигнем желаемых вершин.

Компетентность (от лат. *competens* – «соответствующий, способный») понимается нами как *способность генерировать огромное количество речевых, социальных, мнемонических, интеллектуальных действий и несколько разновидностей каждого из них как результат присущего человеку понимания правил, из которых эти действия образуются и преобразуются в другие действия, имеющие тот же смысл; осведомлённость, авторитетность в определённых вопросах; уровень способности конкретного лица действовать в рамках компетенции*. Компетентность как своеобразный аккумулятор знаний, умений, навыков, способностей, декорированный особенностями темперамента, позволяет человеку быть успешным в определённом виде деятельности, включая в себя, помимо общей совокупности знаний, ещё и знание возможных последствий конкретного способа воздействия, уровень умения и опыт практического использования знаний.

Компетенцию же в самом общем виде можно определить как способность ориентироваться в реалиях. Это «круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом; круг полномочий, область подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов, явлений» [5]. Она детерминирована соответствующей моделью поведения. Здесь также не

обходится без терминологических сложностей: компетенцию понимают как «информированность», «ответственность», «набор характеристик, необходимых для выполнения какой-либо профессиональной деятельности». Её «сортируют» по разным принципам: стандартные, ключевые, ведущие, карьерные, познавательные (принятие решений, планирование, системное, перспективное мышление), связанные с осуществлением деятельности (настойчивость, достижительность, мотивация, целеориентация), коммуникативные (влияние, мотивация подчинённых, способность работать в команде) компетенции. В образовательном процессе в компетенцию вложен новый контент – стремление к повышению уровня знаний, составление индивидуальных и типовых планов обучения и т. д. В теории управления персоналом компетенция «раскладывается» на поведенческие индикаторы – способности и умения, проявляемые во взаимодействии. Выделяются:

- интеллектуальные способности;
- системность мышления, его динамичность и гибкость (главное – второстепенное, разноплановость, одновременность в решении проблем);
- умение работать в проектом режиме (создание оргструктур, эффективных в конкретных ситуациях, реализация стратегий, оценка результата);
- руководство группой (распределение задач и ответственность, поддержание делового духа, варьирование стиля руководства в зависимости от реалий);
- презентационные навыки и ведение переговоров;
- стрессоустойчивость;
- мотивированность;
- достижительность;
- тяга к самообразованию;
- лояльность к работодателю.

Для описания требований к конкретной должности создаётся модель компетенций – набор ключевых качеств, необходимых сотруднику для занятия этой должности, в которой анализируется содержание деятельности и выделяются факторы успеха. Корпоративная модель компетенций содержит требования к поведению персонала для реализации стоящих перед компанией задач – по ней отбирается кадровый резерв.

В ФГОС компетенция – «комплексная характеристика способности выпускников демонстрировать и применять полученные в результате освоения образовательной программы знания, умения, интеллектуальные и практические навыки, личностные качества в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности» [7].

Факторами профессиональной компетентности считаются:

- мотивация и способность включаться в деятельность высокого уровня;
- готовность включаться в субъективно значимые действия, например, стремиться повлиять на происходящее в организации;
- готовность и способность создавать климат поддержки и поощрения новаторов;
- адекватное понимание функционирования организации и общества в целом, адекватное восприятие

собственной роли и роли других в организации и обществе;

- адекватное представление о феноменах управления: риске, эффективности, лидерстве, инициативности, ответственности, подотчётности, коммуникации, равенстве, участии, благосостоянии и демократии [6].

Поскольку компетенция концентрирует в себе набор факторов, необходимых сотруднику для оптимизации трудовой деятельности: знания, навыки, умения, личностные и деловые качества – она выступает единицей оценки эффективности труда. Компетенции структурируют по типам:

- *корпоративные*: деловые и личностные качества, обязательные для каждого сотрудника вне зависимости от должности;
- *позиционные*: деловые и личностные качества, позволяющие занимать данную должность;
- *технические*: специальные (профессиональные) познания в сфере деятельности; сюда не включаются личностные качества.

С типологией *стандартные* (способность к решению типовых задач); *ключевые* (способность решать инновационные задачи); *ведущие* (способность создавать новые виды профессиональной деятельности) трудно согласиться, поскольку компетенции, названные «ключевыми» и «ведущими», есть не что иное, как инновационная и креативная деятельности, а к «ключевым» западные специалисты относят Soft Skills (мягкие способности) или Key Qualifications (англ., Schlüsselqualifikationen – нем.) – ключевые квалификации, давая им несколько иное, чем в русском варианте, смысловое наполнение. Изменившиеся условия труда и его организация, технология и социальная структура занятости сильно изменили спрос на «ключевые квалификации». Этот термин обозначает дополнительные функциональные, социально-нормативные свойства личности, профессионально-достаточные свойства широкого применения, базовые, над-профессиональные свойства человека. Речь о возможностях оптимальной инновационной деятельности в профессиональной сфере. Наряду с деловой и технологической компетенцией, специалисту, особенно на руководящей должности, необходимы и некоторые личностные характеристики: насколько открыт для идей, как обходится с коллегами, способен ли передать им свои знания и умения. С этих позиций *ключевые квалификации* определим как *деятельностно-семантический инструментарий, который обеспечивает эмоционально комфортное взаимодействие в социокультурном пространстве*. Корень «ключ» в этом термине обозначает возможность для обладателя открыть дверь к достойному месту работы и строить успешную профессиональную карьеру. Гибкие, применимые в разнообразных социокультурных интеракциях личностные свойства – обязательный багаж каждого субъекта взаимодействия для возможно менее проблемной и адекватной интеграции в реальную технико-экономическую и социокультурную ситуацию.

При оценке качества высшего и среднего профессионального образования следует ориентироваться на общую компетентность выпускника. В фокусе внимания – конкурентоспособность, готовность и умение

успешно встраиваться в организационные структуры, эффективность и востребованность на рынке труда. Такой подход означает сдвиг от сугубо академических норм оценки образования – ЗУН – к социокультурной и экономической грамотности выпускника, к эффективной деятельности в условиях глобального рынка.

Значение компетенций и компетентности персонала и фирмы в целом настолько велико, что на поиск, отбор и оценку «нужных голов» компании готовы тратить деньги, сопоставимые с несколькими месячными окладами кандидата – до 40 % его годового оклада. Расходы компенсируются результатом при найме «правильного» специалиста и избеганием рисков «неправильного» выбора. Рынок оценки персонала стремительно растёт. Стоимость оценочных мероприятий в новых консалтинговых компаниях от 400 до 10000 \$ за «голову». Независимые консультанты на этом рынке оценивают свои услуги в 50 – 200000 \$. Компании и сами привлекают квалифицированных специалистов, закупают новейшие технологии.

В настоящее время разработан и апробирован достаточно широкий спектр технологий оценивания компетенций персонала. Вопрос лишь в том, как найти наиболее эффективные, оптимальные по цене и качеству. «Разложение» компетенций на поведенческие индикаторы придаёт прозрачность процессу оценивания. Эти индикаторы наблюдаются и оцениваются при реализации как отдельных техник оценивания, так и целого их пакета. Задача профессионального образования – ознакомить будущих специалистов с этими технологиями.

«Анализ документов». Самый простой и естественный метод оценки: изучение резюме, письменных рекомендаций, документов об образовании. В ходе интервью оценивают достоверность представленных данных (образование, квалификация, опыт работы, обязанности, функции, достижения), затем получают письменное согласие кандидата на проверку представленной им информации.

«Проверка рекомендаций». Продолжение оценки резюме на достоверность – звонок на прежнюю работу кандидата для проверки фактической информации – должности, обязанностей, достижений.

«Биографическое интервью». Структурированная беседа для сбора информации о кандидате, начиная с детства: основные события жизни и его взаимодействие с людьми, отражающее особенности характера, ключевые события (мотивы и интересы), успехи и неудачи (стремления, ресурсы, возможности).

«Личностные опросники». Позволяют оценить личностные качества и компетенции большого количества претендентов. Недостаток: информация о характере, стандартах поведения не имеет отношения к результатам будущей деятельности.

«Тесты способностей». Оценка эффективности претендента в определённой деятельности: анализ числовой, вербальной, технической информации, скорость реакции, внимание к деталям. Достоинства: быстрота (10 минут), множество претендентов, количественные результаты. Надёжность – в выборе тестов.

«Профессиональные тесты». Разрабатываются экспертами, профильными специалистами, руководи-

телями компаний под конкретную должность для проверки ключевых знаний, умений, навыков.

«Интервью по компетенциям». Структурированная беседа для получения от специалиста детального описания производственных реалий: вопросы подстраиваются под набор компетенций.

«360 градусов». Получение данных о человеке и его качествах от социального окружения: руководителей, коллег, смежников, подчинённых, клиентов, друзей и близких. Недостаток: трудоёмкость; затраты на программное обеспечение при автоматизированной системе оценки.

«Доклад на заданную тему и выбор лучшего доклада». Оцениваются системность, динамичность и гибкость мышления, презентационные навыки, мотивация к достижениям и готовность к самообразованию. Каждый участник, приготовив сообщение (10 мин.), выступает перед группой (3 мин.) и отвечает на вопросы (2 мин.). По окончании выбирают (5 мин.) лучший доклад. Критерии отбора задают участники (попутно можно оценить руководство группой, работу в проекте и стрессоустойчивость).

«Групповая дискуссия». Наиболее эффективная и универсальная техника (30 – 40 мин.) – оценке открыты практически все карьерные компетенции. Тему задаёт тьютор-фасилитатор (помощник, «облегчитель», но не модератор) – он не подталкивает, не влияет на процесс, но создаёт равные условия для проявления компетенций каждого.

«Стрессовое интервью». Разновидность «шокового интервью». Проводится двумя экспертами (они в роли «добротного» и «злого» полицейского) и сотрудником компании. Длится не более 30 минут. Выявляет стрессоустойчивость, достижительность, лояльность к компании, коммуникабельность и искусство самопрезентации. Собеседование с адресатом оценивания проводится в достаточно жёсткой форме с провокационными вопросами, проблемными ситуациями, максимально приближёнными к реальным для компании. Пример: поиск выхода из сложной ситуации. «Вы приехали в другой город готовить к пуску новую линию птицефабрики. Едва приступив к работе, Вы получаете звонок из дома с сообщением о болезни супруги и просьбой о помощи. Ваши действия?»

«Организационный тест». Работа в течение 1-го часа (ограничение во времени – дополнительный стрессовый фактор) с большим объёмом неструктурированной информации (записки, сообщения, схемы поставок, маршрутные листы, накладные и т. п.). Задача – разрешение «временных конфликтов» с совпадением по времени разных дел, принятие управленческих решений, оптимальное использование ресурсов. Оценивается диагностическая квалификация, интеллектуальный и организационный блоки карьерных компетенций, готовность к управлению и стиль мышления. Технология требует значительных интеллектуальных усилий и энергетических затрат. Целесообразно применять после «разогревающего» краткого отборочного теста (50 разноплановых заданий за 15 минут). Заведомая избыточность заданий и ограниченность во времени способствуют адекватной оценке выбора оптимальной стратегии, системности и динамичности мышления, стрессоустойчивости.

«Профильные бизнес-кейсы». Типичная рабочая ситуация – задача со многими неизвестными: информацией для изучения и принятия решения, способами взаимодействия с вовлечёнными в процесс, подбором иных нужных участников процесса (будущих коллег, например). Точность типизации ситуации и профессионализм экспертов определяют надёжность прогноза.

«Слалом». Техника оценки деловых качеств по решению мини-кейсов – ситуационных задач, характерных для практики компании. Каждая из двух групп участников составляет кейсы, фасилитатор их оценивает, добавляет ситуацию от топ-менеджеров компании. Ситуации предъявляются каждому члену другой группы: на анализ и ответ – 1 минута. Наряду с оценкой карьерных компетенций (системности, динамичности, гибкости мышления, достижительности, стрессоустойчивости) происходит знакомство с реальной проблематикой компании, её корпоративной культурой, соотнесение с ней своих установок, ценностей, мотивов и целей.

«Аттестация». Как официальный метод – только для госслужащих, для компаний – скорее, как привычная метафора. Оценка реальных достижений персонала, в отдельных случаях – дополнительных параметров. В доброжелательной атмосфере обсуждаются результаты, перспективные планы, прогнозируются возможные препятствия и пути их преодоления, намечаются векторы профессионального развития. По результатам вероятно внесение корректив в мотивацию сотрудника.

По завершении операции оценивания открывается возможность проведения кадрового аудита – специального анализа кадрового состояния организации. Кадровый аудит – достаточно свежее понятие в теории управления персоналом. Оно структурируется следующими элементами:

- оценка уровня профессиональной обеспеченности компании – сколько и какие специалисты трудятся на различных уровнях и направлениях деятельности;
- оценка степени готовности компании к изменениям;
- информация о разновидностях реализуемых внутри персонала типов организационной культуры, принятой в компании;
- прогнозирование вектора развития компании и оценка степени реализованности намеченных целей;
- разработка рекомендаций по традиционным кадровым программам: набор, обучение, развитие персонала, стимулирование труда, планирование карьеры и т. п.

Полученные результаты конкретизируют место компании в данный период времени на кривой её развития и показывают горизонты её возможностей.

Усложнение интеракций в информационном обществе потребовало новых оценочных процедур и технологий. На арену вышли Assessment Centers (в переводе с англ. – «центры оценки»). Английское слово «Assessment» означает: оценка, определение ценности, стоимости имущества. Такая технология оценки была создана сотрудниками приёмной комиссии Адмиралтейства Великобритании в 1942 году, взявшими на вооружение разработки германской армии, применявшиеся при подборе офицеров. В 1944 году метод стал

применяться Службой стратегических исследований США, а затем и ЦРУ для отбора и оценки агентов секретных служб. В 1950 году американская телефонная компания AT&T стала использовать Assessment Center для подбора руководителей подразделений и коммерческих работников.

Сегодня Assessment Center – технология оценки профессиональных качеств людей, основанная на моделировании ключевых моментов их деятельности, один из самых точных методов групповой оценки кандидатов на вакантную должность, сотрудников для составления программ развития профессиональных навыков, включения в кадровый резерв и повышения в должности. Это совокупность бизнес-кейсов для оценки не отдельных компетенций, а их набора, ключевого для данной группы должностей или компании в целом. Технология Assessment Center эффективна, когда заранее определён шаблон желаемого поведения, следования определённым схемам. При прецедентном подходе к оценке персонала за 100 % берётся уровень компетенций лучшего сотрудника на основе мнений сотрудников, руководителя или статистических данных. Использование стандартных требований в оценке кадров основано на базовых психологических характеристиках любой компетенции. Совпадение или расхождение со стандартом будет содержательной оценкой персонала. Применяются специальные задания, их выбор определяется целями оценки (отбор кандидатов, потребность в обучении, развитие персонала, кадровый резерв) и характером оцениваемой деятельности (производство, проекты, продажи). В фокусе – конкретная активность: презентация, публичное выступление, выполнение проекта в составе группы, работа с документами, решение тестовых заданий, ответы интервьюеру, участие в дискуссии, ролевых, имитационных играх и т. п. Безусловное преимущество Assessment Center – высокая точность оценки коммуникативных и деловых навыков, управленческого потенциала, оптимальность прогнозности полученных результатов, поскольку в центре внимания реальное поведение в ситуациях, максимально приближенных к деловым. Assessment Center, и это нужно особо отметить, не является чем-то материальным, например, как бизнес-центр или фитнес-центр, это серия процедур, технология. Во время его проведения моделируется процесс реальной действительности, поэтому люди демонстрируют поведение, близкое к реальному, проявляя имеющиеся личностные и профессиональные качества. Степень выраженности качеств оценивается специалистами по детально разработанным критериям, полученным в результате анализа деятельности, затем делается заключение о степени пригодности человека к данной работе, о необходимости дополнительного обучения по нужным направлениям или индивидуальных консультаций, о готовности к продвижению по службе. Количество участников Assessment Center не должно превышать 12 человек, а продолжительность процедур – 2-х дней. Для реализации проекта оценки персонала по технологии Assessment Center нужно:

- разработать модель компетенций, специфичную для данной структуры;
- отобрать и обучить группу оценщиков;

- подготовить задания для оценки компетенций и систему критериев оценки;
- реализовать технологию оценки – «Assessment Center»;
- после обработки полученных данных сформулировать рекомендации.

Основные этапы Assessment Center: «Деловая игра». Совокупность заданий по модели рабочей ситуации на определённый сюжет. Этика взаимодействия – уважение и внимание к участникам, соблюдение регламента. Роль эксперта – наблюдение и фиксация данных. – «Интервью»: беседа эксперта с участником о его работе и трудовой биографии. – «Согласование оценок»: процедура выставления интегральной оценки участнику по компетенциям и общее мнение о нём экспертов. – «Обратная связь»: обозначение плюсов и минусов участника, рекомендации по его развитию в устной или письменной форме.

Технология Assessment Center сосредоточила в себе множество позитивных факторов: комплексность, реалистичность, прогностичность, независимость, объективность, достоверность, системность, сопоставимость результатов. Поскольку любая оценочная процедура потенциально конфликтна, результаты Assessment Center максимально объективны и убедительны как для сотрудников, так и для менеджмента.

Разновидностью Assessment Center можно считать Assessment and Development Center, в основе проведения которого заложены несколько идей:

- приложение серьёзных усилий к процессу развития людей в отдельно взятых сферах меняет этих людей;
- люди всегда достаточно мотивированы к своему развитию и предпримут необходимые действия для реализации своих планов;
- определённые действия развивают соответствующие навыки;
- процесс самопознания человека подлежит развитию и совершенствованию, поскольку выявляет его потребности в развитии.

В мире бизнеса успешны компании, персонал которых генерирует новые идеи и подходы. Актуален инновационный потенциал как персонала, так и их самих. Инновационный процесс структурируется тремя элементами: оптимизация + моделирование + технологии – и является основой развития компании. Её успешность определяет инновативность её персонала. Инноваторы

открыты всему новому, однако отличаются яркой самостоятельностью и независимостью, не всегда удачно вписываясь в нормы взаимодействия. Бизнес в них крайне нуждается, тратя колоссальные суммы на поиск креативных специалистов, генераторов неординарных идей и разрабатывая программы по развитию и удержанию корпоративных талантов (Talent Pool). Традиционный инструментарий оценки не выявляет инноваторов и не позволяет измерить их потенциал. Для этого предложен *Strategic Assessment Centre* как технология прогностической оценки персонала, позволяющая управлять процессом перехода от этапа «интервенции» нового к этапу его «интеграции», при котором планируются организационные изменения и тщательно модерируется этап «организационного хаоса». Это формат стратегической игры, где группе задаётся проблемная ситуация, подлежащая её анализу, формулированию гипотезы относительно причин возникновения проблемы и разрешению с предложением новых идей. В режиме условного времени моделируется имитационное изменение, проигрываются вероятные сценарии развития компании. В задачи фасилитатора входит стимулирование креативности: помочь увидеть тенденции развития компании, т. е. смоделировать варианты будущего, спрогнозировать замену старых технологий и потребность в новых компетенциях персонала. *Strategic Assessment Centre* реализуется на основе принципов *диалогичности, проактивности* (инициация, планирование, подготовка изменений), *комплексности, инновационности, рефлексивности, корпоративности* (эффективного группового взаимодействия). Участники не только оценивают компетенции, но и анализируют миссию, стратегию управления, бизнес-процессы и позиционирование компании на рынке.

Для оценки общих, деловых, профессиональных, общекультурных компетенций также применяются методики анкетирования, наблюдения на местах, «оценка по КРП (ключевые показатели эффективности)», «360 градусов плюс», метод «репертуарных решёток», шкала Дембо-Рубинштейн, функциональные модули в системе E-Learning и другие.

Детальное знакомство с описанными технологиями оценивания компетенций специалиста и свободное владение ими необходимо для выпускников управленческих специальностей.

Литература

1. Базаров, Т. Технология Assessment Centre / Т. Базаров // Менеджер по персоналу. – 2008. – № 2.
2. Келли, Дж. Психология личности: теория личных конструктов / Дж. Келли. – СПб., 2000.
3. Малахова, Ю. В. Образование в информационном обществе: социологический аспект: дис. ... канд. социол. наук / Ю. В. Малахова. – Н. Новгород, 2002. – 178 с.
4. Могилёвкин, Е. Современные технологии оценки карьерной компетенции: статья / Е. Могилёвкин, А. Бажин. – Владивосток, 2007.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Ю. Н. Шведова. – М.: Азъ, 1992.
6. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие, реализация / Дж. Равен. – М.: Когито-Центр, 2002.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования // Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
8. Хохлова, В. В. Социокультурное взаимодействие субъектов образовательного пространства в информационном обществе: дис. ... д-ра социол. наук / В. В. Хохлова, ВВАГС. – 2003. – 403 с.

Информация об авторах:

Малахова Юлия Витальевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института пищевых технологий и дизайна, 8-920-258-06-58, juliya_m@inbox.ru.

Yulia V. Malakhova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of the Humanities and Social and Economical Disciplines, Nizhny Novgorod Institute of Food Technology and Design.

Хохлова Валентина Васильевна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью, маркетинг и коммуникации» Нижегородского государственного политехнического университета им. Р. Е. Алексеева, 8-910-396-49-75, valentina_49@inbox.ru.

Valentina V. Khokhlova – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Public Relations, Marketing and Communications, Nizhny Novgorod State Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 22.10.2013 г.

УДК 336.14.332

**ОЦЕНКА БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Ю. С. Наседкин

**ESTIMATION OF BUDGET SUFFICIENCY OF THE REGION'S MUNICIPAL FORMATIONS:
PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Yu. S. Nasedkin

В статье представлена оценка бюджетной обеспеченности муниципальных образований региона. В качестве объекта исследования выбраны муниципальные образования Кемеровской области. Выявлены проблемы оказывающие влияние на бюджетную обеспеченность муниципальных образований за счет собственных доходов. Предложены возможные решения, которые, на взгляд автора, позволят значительно повысить уровень бюджетной обеспеченности муниципальных образований собственными доходами.

The paper provides the estimation of budget sufficiency of the region's municipal formations. The municipalities of Kemerovo region are the object of the research. Problems affecting the budget sufficiency of municipal formations at the expense of own income were identified and possible solutions are proposed, which, in the author's opinion, will significantly increase the level of budget sufficiency of municipal formations' own revenues.

Ключевые слова: бюджетная обеспеченность, муниципальные образования, местное самоуправление, муниципальная экономика, доходный потенциал.

Keywords: fiscal capacity, municipalities, local government, municipal economy, income potential.

Местное самоуправление является основой демократического строя и фундаментом народовластия. Это уровень власти, наиболее приближенный к населению и ответственный перед ним. Процесс формирования и развития местного самоуправления в Российской Федерации идет с определенными трудностями, и в некоторой степени, с недопониманием важности этого института власти как со стороны населения, так и со стороны органов государственной власти, в части обеспечения решения вопросов местного значения. Вопросы местного значения находятся в компетенции органов местного самоуправления и напрямую зависят от состояния муниципальных бюджетов.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развития сильной, независимой, финансово самостоятельной власти на местах» [1].

В связи с этим, значимость и безотлагательность решения вопросов формирования бюджетов муниципальных образований, их укрепления приобретают особую направленность в развитии местного самоуправле-

ния. В настоящий период времени существующие подходы к формированию бюджетов муниципальных образований определяются следующими обстоятельствами:

1. В условиях переходной экономики России решающее значение в региональной политике приобретает поиск новых возможностей функционирования наряду с субъектами Российской Федерации муниципальных образований.

2. Целенаправленное развитие экономики муниципальных образований должно соответствовать целям российской и региональной экономики, но с учетом интересов местного населения и конкретных территорий.

3. Преобразование экономики муниципальных образований является сложным социально-экономическим процессом, охватывающим деятельность совокупности экономических субъектов.

Управление экономическим развитием муниципальных образований объективно предполагает создание механизмов формирования местных бюджетов с учетом экономических и социальных целей, и достаточности финансовых ресурсов для решения вопросов местного значения.

В то же время, местные бюджеты отдельно взятых муниципальных образований дефицитны, но имеется возможность консолидации экономических и финансовых ресурсов при нормативно-правовой поддержке федерального и регионального уровней власти.

Такие задачи, как выработка экономической политики муниципальных образований в области выявления резервов увеличения бюджетной обеспеченности, консолидация усилий по их интеграции, развитие малого предпринимательства требуют большего внимания и отражения в научных исследованиях. Поэтому вопросы совершенствования формирования бюджетов муниципальных образований являются весьма актуальными в настоящий период времени.

Местные (муниципальные) финансы – это совокупность финансовых средств, которыми располагает орган местного самоуправления для решения возложенных на них задач [2, с. 31].

В состав муниципальных финансов входят средства местного бюджета, внебюджетные фонды, финансовые ресурсы муниципальных предприятий и учреждений, ссуды, займы, средства от продажи муниципальной собственности, ценные бумаги и т. д.

В Европейской Хартии о местном самоуправлении изложены принципы самостоятельности и достаточности местных бюджетов [3]:

- достаточность собственных финансовых средств и их соразмерность предоставленным полномочиям;
- свобода распоряжения этими средствами при осуществлении своих функций;
- поступления хотя бы части финансовых средств местного самоуправления за счет местных налогов и сборов;
- защита более слабых органов местного самоуправления за счет процедур финансового выравнивания;
- предоставление субсидий не должно идти в ущерб выбора политики органов местного самоуправления.

Одним из звеньев муниципальных финансов являются средства хозяйственных обществ, к которым следует отнести:

- финансовые ресурсы предприятий, находящихся в муниципальной собственности;
- финансовые ресурсы не муниципальных предприятий и других хозяйственных обществ, используемых ими для финансирования строительства и содержания социально-культурных и жилищно-коммунальных объектов на территории муниципального образования.

В Российской Федерации большинство этих принципов не соблюдаются. Для подтверждения данного вывода рассмотрим практику формирования бюджетов муниципальных образований Кемеровской области.

В соответствии с законом Кемеровской области «О статусе и границах муниципальных образований» сформировано всего 223 муниципальных образования, в том числе 16 городских округов, 18 муниципальных районов, 167 муниципальных образований сельских поселений.

Концептуально важным в законе является образование на территории области городских округов и муниципальных районов на основе существовавших муниципальных образований в целях сохранения преемственности организации местного самоуправления. При осу-

ществлении нового территориального деления проводилась своего рода ревизия того, что было на этот момент в населенных пунктах, с целью избежать чрезмерного дробления органов местного самоуправления [4, с. 252].

Реализация положений Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определила создание соответствующей структуры муниципальных образований, нижним уровнем которой является сельское поселение. Целесообразно вспомнить, что оптимальность развития любой системы (и в том числе муниципальных образований) достигается только при взаимном соответствии содержания и формы. На наш взгляд, в настоящий период, в Российской Федерации есть форма, которая наполняется новым содержанием, испытывая при этом серьезные трудности.

Формирование системы муниципальных образований разного уровня должно способствовать улучшению управления муниципальными образованиями, организации и развития производства на их территориях, соответствующую систему расселения, повышению уровня благосостояния сельских территорий. Вместе с тем, муниципальные образования, получив широкие права и возможности для самостоятельного хозяйствования и развития, столкнулись с проблемами отсутствия современных технологий социально-экономического развития и недостаточностью финансовых средств для решения закрепленных за ними полномочий.

В условиях становления местного самоуправления, одним из ключевых вопросов становится совершенствование механизма финансового обеспечения для решения вопросов местного значения и исполнения переданных им государственных полномочий. Муниципальные образования будут оправдывать свое предназначение и иметь возможность развития в случае, если их экономическая основа будет способна обеспечить: воспроизводственные процессы, обусловленные общественным территориальным разделением труда; воспроизводственные процессы, удовлетворяющие разнообразные потребности населения поселений, их нужды и интересы [5, с. 40].

В экономическом плане муниципальные образования рассматриваются как территориальные образования, в пределах которых формируется и функционирует муниципальная экономика.

Признаки муниципальной экономики заключаются в решении вопросов местного значения, сочетании экономической эффективности и социальной ответственности перед населением, функционирование в границах сельского поселения различных субъектов, необходимость реализации общественных благ в условиях функционирования рыночных отношений. Следует отметить и тот факт, что с точки зрения получения обратной связи участие населения в местном самоуправлении, а именно конкретные формы и процедурные моменты, прописанные в законодательных актах, проще апробировать в муниципальных образованиях сельских поселений, где население немногочисленно и проживает компактно.

Доходный потенциал местных бюджетов Кемеровской области в большей степени состоит из безвозмездных поступлений других бюджетов бюджетной системы РФ. Удельный вес безвозмездных поступлений от вы-

шестоящих бюджетов (межбюджетные трансферты) в общих доходах бюджетов муниципальных образований области в среднем составляют: для городских округов – 62 – 65 %; муниципальных районов в пределах 80 %; сельских поселений – 46 – 55 % (таблица 1) [6].

Если анализировать бюджетную обеспеченность в разрезе муниципальных образований городских округов и муниципальных районов, то можно констатировать их неравномерность (таблица 2) [6].

Из таблицы 2 видно, что уровень обеспеченности муниципальных образований городских округов выгля-

дит более предпочтительно, чем муниципальных районов. Связано это с тем, что муниципальные районы ограничены в размерах налогооблагаемой базы. Как известно, законодательно закрепленный земельный налог за муниципальными районами не в полной мере работает на него, в связи с тем, что практически все земли находятся в муниципальных образованиях сельских поселений. А следовательно и земельный налог принадлежит им. Налог же на имущество физических лиц составляет незначительную долю в налоговых доходах.

Таблица 1

Уровень дотационности бюджетов муниципальных образований Кемеровской области за 2009 – 2012 гг., млн руб.

Годы	Показатели	Типы муниципальных образований		
		городские округа	муниципальные районы	сельские и городские поселения
2009	Доходы, всего	58050,4	16574,9	3429,9
	Безвозмездные поступления	37643,5	13227,3	1791,5
	Уровень дотационности, %	65	80	52
2010	Доходы, всего	63839,3	19193,3	4834,1
	Безвозмездные поступления	40588,3	15172,7	2676,3
	Уровень дотационности, %	64	79	55
2011	Доходы, всего	70929,5	21886,9	5493,6
	Безвозмездные поступления	46195,5	17324,6	2987,3
	Уровень дотационности, %	65,2	79,2	53,4
2012	Доходы, всего	66301,6	22184,9	5311,9
	Безвозмездные поступления	41553,7	17487,6	2469,5
	Уровень дотационности, %	62,7	78,8	46,4

Таблица 2

Уровень обеспеченности муниципальных образований Кемеровской области собственными доходами за 2012 год, млн руб.

№ п/п.	Городские округа				Муниципальные районы			
		доходы, всего	в т. ч. собственные	% обеспеченности		доходы, всего	в т. ч. собственные	% обеспеченности
1	Анжеро-Судженский	2809,3	500,9	17,8	Беловский	1276,6	573,9	44,9
2	Беловский	3872,1	1293,9	33,4	Гурьевский	1545,9	359,3	23,2
3	Березовский	1467,8	370,4	25,2	Ижморский	626,2	60,8	9,7
4	Калтанский	909,2	209,6	23,0	Кемеровский	2331,0	684,9	29,4
5	Кемеровский	16609,8	6160,6	37,1	Крапивинский	1279,8	132,5	10,4
6	Киселевский	3022,6	1219,6	40,3	Мариинский	1942,2	339,1	17,5
7	Ленинск-Кузнецкий	3018,2	841,1	27,9	Ленинск-Кузнецкий	911,4	215,2	23,6
8	Междуреченский	4334,3	2001,6	46,2	Новокузнецкий	3142,8	1650,5	52,5
9	Мысковский	2010,5	674,5	33,5	Прокопьевский	2685,7	1255,4	46,7
10	Новокузнецкий	17256,0	5792,5	33,6	Промышленновский	1588,1	250,0	15,7
11	Осинниковский	1786,5	299,4	16,7	Таштагольский	2458,9	472,8	19,2
12	Прокопьевский	4960,3	1300,3	26,2	Тисульский	1068,9	184,3	17,2
13	Полысаевский	999,2	289,1	28,9	Гопкинский	1586,7	250,1	15,8
14	Тайгинский	712,1	151,3	21,2	Гяжинский	1537,8	114,3	7,4
15	Юргинский	2080,9	575,6	27,7	Чебулинский	603,6	68,9	11,4
16	Краснобродский	462,9	266,1	57,5	Юргинский	797,6	88,5	11,1
17					Яйский	889,9	101,3	11,4
18					Яшкинский	1223,7	145,1	
	Итого:	66311,7	21946,5	33,1	Итого:	27495,8	6947,0	25,3

Кроме того, муниципальные районы в большей степени имели неналоговые платежи от аренды земель, которую арендовали угольные предприятия. За последние годы угольные предприятия интенсивно выкупали земельные участки под развитие производства. По существующему положению, арендная плата за использование земельных участков на порядок выше земельного налога, так как она устанавливалась исходя из кадастровой оценки земли – нижний предел арендной платы. Верхний предел законодательством

не ограничен. За счет этого, муниципальные районы могли позволить устанавливать ставки арендных платежей выше ставки земельного налога.

На основании данных таблицы 2 методом группировки проведена классификация муниципальных районов и городских округов по уровню бюджетной обеспеченности бюджетов муниципальных образований Кемеровской области собственными доходами (таблица 3).

Таблица 3

Классификация муниципальных образований по уровню обеспеченности бюджетов собственными доходами за 2012 г.

<i>Уровень собственной доходности</i>	<i>Муниципальные образования</i>	
	<i>городские округа</i>	<i>муниципальные районы</i>
50 % и более	Краснобродский (57,5 %)	Новокузнецкий (52,5 %)
40 – 50 %	Киселевский (40,3 %) Междуреченский (46,2 %)	Беловский (44,9 %) Прокопьевский (46,7 %)
30 – 40 %	Беловский (33,4 %) Кемеровский (37,1 %) Мысковский (33,5 %) Новокузнецкий (33,6 %)	
15 – 30 %	Анжеро-Судженский (17,8 %) Березовский (25,2 %) Калтанский (23 %) Ленинск-Кузнецкий (27,9 %) Осинниковский (16,7 %) Прокопьевский (26,2 %) Полысаевский (28,9 %) Тайгинский (21,2 %) Юргинский (27,7 %)	Топкинский (15,8 %) Тисульский (17,2 %) Таштагольский (19,2 %) Промышленновский (15,2 %) Ленинск-Кузнецкий (23,6 %) Мариинский (17,5 %) Кемеровский (29,4 %) Гурьевский (23,2 %)
5 – 15 %		Яшкинский (11,9 %) Крапивинский (10,4 %) Яйский (11,4 %) Тяжинский (7,4 %) Юргинский (11,1 %) Ижморский (9,7 %) Чебулинский (11,4 %)

Анализируя обеспеченность местных бюджетов собственными доходами, можно сделать вывод, что подавляющее большинство их (70,6 %) имеют обеспеченность менее 30 %. Согласно статистическим данным за 2012 год среди городских округов имеют превышение доходной части над расходами: Краснобродский, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченский, Мысковский. Остальные имеют дефицит бюджетов. Среди муниципальных районов только Прокопьевский район имеет профицитный бюджет.

В тоже время, местное самоуправление в большей части экономически маломощно, чтобы реально влиять на положение дел на местах. Постоянная нехватка средств становится самой большой проблемой при реализации конституционного принципа независимости местного самоуправления от органов государственной власти [7, с. 37].

Такое положение дел негативно сказывается на эффективности деятельности муниципальных образований в части осуществления закрепленных за ними

полномочий по решению вопросов местного значения, что, в свою очередь, порождает сдержанное отношение населения к этому важному институту власти.

Предлагаем предпринять следующие меры для решения существующих проблем:

1. На наш взгляд, необходимо более активно развивать муниципальную экономику. Муниципальная экономика зависит от решения вопросов местного значения, связанных с непосредственным обеспечением его жизнедеятельности, и во вторую очередь, должна строиться на сочетании экономического интереса, экономической эффективности и социальной ответственности.

В связи с этим, особое значение приобретает развитие малого предпринимательства как наиболее гибкое и быстро адаптируемое к изменяющейся внешней и внутренней среде. Тем более, что в Кемеровской области принят ряд законов, которые направлены на поддержку и развитие этого сектора экономики.

С 1 января 2009 года в Кузбассе для субъектов малого предпринимательства в 3 раза была снижена ставка налога по упрощенной системе налогообложения (с 15 до 5 процентов). Действующим предприятиям выдавались льготные займы до 2 млн рублей сроком на 2 года под 5 процентов годовых. Для начинающих предпринимателей из областного бюджета предоставлялись безвозмездные гранты до 500 тысяч рублей для новых предприятий. Начинающим предпринимателям выдавались льготные займы в размере 1 млн рублей сроком на 3 года под 5 процентов годовых с отсрочкой платежа на год. Важной мерой поддержки малого предпринимательства в 2009 – 2011 гг. исполнительная власть региона определила выделение квот (до 20 процентов) субъектам малого предпринимательства на размещение государственных заказов для внутренних нужд области [8, с. 6].

Благодаря этому в 2012 году количество малых предприятий выросло до 33539 единиц, численность работающих превысила 190,0 тысяч человек. За 2009 – 2012 годы реализованы 1200 проектов начинающих предпринимателей, которые получили гранты на сумму 350,0 млн рублей.

2. Создание агломераций муниципальных образований. Местные бюджеты, как было отмечено выше, муниципальных образований дефицитны, но имеется реальная возможность консолидации экономических ресурсов совокупности муниципальных образований при финансовой и нормативно-правовой поддержке федерального уровня власти и субъекта Российской Федерации.

Следует отметить, что процессы агломерирования в регионе имеют место и носят неформальный характер. По мнению З. З. Маллагалиевой и В. А. Шабашева – это еще один комплекс задач, влияющих на экономическое развитие региона, связанный со стихийно существующими агломерационными связями городов, которые могут позитивно и негативно сказываться на реализации регионом экономической политики и соответственно определять экономическое развитие как городов, их агломерации, так и региона [9, с. 177].

И хотя законодательство, регулирующее создание агломераций муниципальных образований в настоящий период отсутствует, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 – ФЗ позволяет осуществлять преобразования муниципальных образований.

Преобразованием муниципальных образований является объединение муниципальных образований, а также разделение муниципальных образований (ст. 13 п. 2) закона. Преобразование муниципальных образований осуществляется на основе законов субъектов Российской Федерации по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъекта Российской Федерации, федеральных органов государственной власти в соответствии с законом № 131 – ФЗ.

Объединение двух и более муниципальных образований, не влекущих за собой изменения границ иных муниципальных образований, осуществляется с учетом мнения населения, выраженного представи-

тельными органами поселений каждого из объединяемых муниципальных образований. При этом существует возможность лишить городской округ статуса в связи с наделением его новым статусом городского поселения (с. 13. п. 7), включив его в состав муниципального района.

Таким образом, существующее законодательство предусматривает возможность придать процессам агломерации законодательную основу.

Формирование агломераций муниципальных образований позволит в некоторой степени устранить существующие противоречия в деятельности органов местного самоуправления; стать одной из форм регулирования бюджетных отношений; создать более самостоятельные по экономическому и финансовому потенциалу муниципальные образования; использовать их как основу совершенствования местного самоуправления [10, с. 146].

3. Выявление резервов пополнения бюджетов муниципальных образований. Существующая методика выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований не мотивирует последние к увеличению собственных доходов. Дотации на бюджетную обеспеченность гарантируют муниципальным образованиям доходные и расходные обязательства муниципалитетов по минимальным потребностям и не направлены на развитие последних.

Вместе с тем, у многих муниципальных образований Кемеровской области не все объекты, подлежащие налогообложению, включены в налоговый процесс. Как известно, за муниципальными образованиями законодательно закреплены два налога: земельный налог и налог на имущество физических лиц. Для того, чтобы выявить насколько муниципальные образования используют свой налоговый потенциал, в октябре 2009 года Губернатором Кемеровской области было принято решение о создании областной комиссии по выявлению на территории региона объектов недвижимости, построенных, но не зарегистрированных в установленном законодательством порядке [11].

Для увеличения доходов местных бюджетов за счет налогообложения неучтенных земельных участков, недвижимого имущества, транспортных средств и т. д. в администрации Кемеровской области был создан комитет по легализации объектов налогообложения [12].

Результаты деятельности комитета по легализации объектов налогообложения показывают, что в муниципальных образованиях региона не весь налоговый потенциал задействован в налоговый процесс (таблица 4).

За три последних года и одиннадцать месяцев текущего 2013 года, как видно из таблицы 4, было выявлено и задействовано в налоговый процесс: 46575 земельных участка; 18655 объектов капитального строительства, включая жилье; предприятий бизнеса (юридические лица и индивидуальные предприниматели) – 42694; квартир сдаваемых в наем без соответствующего оформления – 2340; в областной и местные бюджеты поступило дополнительно 680,0 млн руб., в том числе в местные бюджеты – 503 млн руб., или 74 % от общей суммы до начисленных средств.

Подводя итог выше изложенному, следует отметить, что функционирование муниципальных образований в настоящий период времени зависит не только от объективных обстоятельств (несовершенство законодательства, регулирующего деятельность муници-

пальных образований; высокое неравенство бюджетной обеспеченности), но и от реализации принципов местного самоуправления за счет более эффективного использования имеющегося налогового потенциала.

Таблица 4

**Выявленные и поставленные на налоговый учет объекты налогообложения
в Кемеровской области за 2010 – 2013 гг.***

№ п/п	Показатели	Годы				Всего
		2010 г.	2011 г.	2012 г.	на 01.12.2013 г.	
1.	Земельные участки, шт.	28248	6378	5531	6418	46575
2.	Объекты капитального строительства, включая жилые строения, шт.	4636	6757	3891	3371	18655
3.	Предприятий бизнеса (юридические лица и индивидуальные предприниматели), шт.	1861	782	959	667	4269
4.	Иные объекты налогообложения (гаражи, садовые участки и др.), шт.	8542	835	842	-	10219
5.	Квартиры, сдаваемые в наем, шт.	632	594	347	767	2 340
6.	Расчетная сумма доначисленных средств местный и областной бюджеты, млн руб.	166,9	50,3	257,4	155,4	680,0

* Источник: Данные Департамента экономического развития администрации Кемеровской области.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. – 2013. – 13 декабря. – № 281(6257).
2. Бабун, Р. В. Управление муниципальной экономикой: пособие для муниципальных служащих / Р. В. Бабун, З. З. Муллагалеева. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 1999. – 150 с.
3. Европейская Хартия местного самоуправления (СТРАСБУРГ, 15.10.85) / Ратифицирована Российской Федерацией: ФЗ от 11.04.1998 г. – № 53 – ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540485>
4. Косинский, П. Д. Реформа местного самоуправления: опыт, проблемы, перспективы развития / П. Д. Косинский, О. А. Абраменко // Вестник КемГУ. – 2013. – № 1(53).
5. Чупрякова, А. Г. Особенности устойчивого развития сельских территорий промышленного региона / А. Г. Чупрякова, П. Д. Косинский // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 22(302).
6. Муниципальные образования Кузбасса: стат. сб. / Кемеровостат. – Кемерово, 2013. – 185 с.
7. Косинский, П. Д. Продовольственная самообеспеченность региона как основа качества жизни населения: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / П. Д. Косинский. – Кемерово, 2007. – 50 с.
8. Косинский, П. Д. Управление посткризисным развитием региона / П. Д. Косинский // Региональная экономика: вопросы теории и практики. – 2012. – № 19(250).
9. Муллагалеева, З. З. Теоретико-методологические основы экономической политики городов, образующих агломерацию (на примере городов Юга Кемеровской области): монография / З. З. Муллагалеева, В. А. Шабашев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 324 с.
10. Косинский, П. Д. Совершенствование местного самоуправления на основе агломераций муниципальных образований: региональный аспект / П. Д. Косинский, В. В. Меркурьев // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1(45)
11. Распоряжение губернатора Кемеровской области от 08.10.2009 г. № 159-рг.
12. Распоряжение губернатора Кемеровской области от 26.01.2010 г. № 16-гк.

Информация об авторе:

Наседкин Юрий Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения, предпринимательства и права КемГУ.

Yury S. Nasedkin – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Taxation, Business and Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2013 г.

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ МОНОПРОФИЛЬНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. В. Рощина, Н. А. Дятлова

METHODS OF DETERMINING SUSTAINABLE SOCIAL SECURITY OF LABOUR RELATIONS AT THE CITY-FORMING ENTERPRISE OF A SINGLE-INDUSTRY MUNICIPALITY

I. V. Roshchina, N. A. Dyatlova

Рассмотрены особенности влияния социально-трудовых отношений на устойчивую безопасность моногорода и градообразующего предприятия. Предложена методика, являющаяся эффективным инструментом для оценки уровня устойчивой безопасности. Представлены основные блоки методики и их составляющие. Выявлены основные отличительные особенности и возможности методики.

The paper addresses the features of the influence of social and labour relations on the stable security of the mono-town and the city-forming enterprise. The proposed method is an effective tool for ensuring sustainable security. The basic blocks of the methodology and their components are presented; its basic features and capabilities are identified.

Ключевые слова: устойчивая безопасность, монопрофильное муниципальное образование, градообразующее предприятие, социально-трудовые отношения.

Keywords: sustainable security, single-industry municipality, city-forming enterprise, social and labour relations.

В настоящее время существует недостаток методологической базы для оценки устойчивой безопасности социально-трудовых отношений в монопрофильных муниципальных образованиях [1]. В то время как социально-экономическое развитие всего моногорода находится в большой зависимости от устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия. В связи с этим, необходим расширенный анализ условий устойчивости и безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования, изучение индикаторов, позволяющих оценить уровень их устойчивого развития, а также инструментов обеспечения устойчивого развития социально-трудовых отношений на долгосрочную перспективу и анализ возможных результатов от их использования.

Для того, чтобы разработать эффективный механизм обеспечения устойчивой безопасности градообразующего предприятия, необходима методика оценки уровня устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия, а также оценки уровня устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильных муниципальных образований и прогнозирования последствий реализации стратегических программ социально-экономического развития. Это позволит повысить эффективность управления на микро- и мезо-уровнях в условиях ограниченных ресурсов и прежде всего трудовых ресурсов.

Предлагаемая авторами методика преимущественно ориентирована на изучение социально-трудовых отношений. Ведь если не выстроить сбалансированные отношения с малым бизнесом и градообразующим предприятием в интересах монопрофильного муниципального образования, то это может привести к конфликту интересов всех сторон, и, как следствие, к поляризации общества, дестабилизации и социальной напряженности. Поэтому социально-трудовые

отношения имеют первостепенное значение для обеспечения устойчивого развития как градообразующего предприятия, так и всего монопрофильного муниципального образования [4].

Новизна разработанной методики состоит: во-первых, в синтезе методов микро- и мезоуровня и применения присущих им социально-экономических категорий к анализу социально-экономического положения градообразующего предприятия (или градообразующих предприятий) монопрофильных муниципальных образований; во-вторых, в использовании аналитической и методологической интерпретации таких понятий как устойчивая безопасность градообразующего предприятия/монопрофильных муниципальных образований и устойчивая безопасность социально-трудовых отношений; в-третьих, в возможности проведения как экспресс-диагностики, так и развёрнутого анализа деятельности моногородов (на территории, которого расположено градообразующее предприятие), в т. ч. и прогнозирования их деятельности. Кроме того, данная методика является гибкой, т. к. учитывает особенности монопрофильных территорий (на территории, которого расположено одно или несколько градообразующих предприятий).

Вся методика показывает эффективность различных направлений социально-экономической политики как градообразующего предприятия, так и в целом монопрофильного муниципального образования, а также позволяет расставить акценты на: диверсификации социально-экономического развития, миграционной политики, охране и безопасности труда, уровне жизни населения, социальном партнерстве и ответственности и т. д. Несоответствие направлений политики и целей устойчивой безопасности может привести к появлению социальной напряженности, нестабильности. Таким образом, методика позволяет выявлять различные угрозы и своевременно реагировать на них для обеспечения баланса. В результате чего, система управления становится более гибкой и эффективной,

что дает возможность реально оценивать управление на разных уровнях.

При этом для каждого градообразующего предприятия/монопрофильного муниципального образования в целом, исходя из присущей специфики, должен быть определен уровень устойчивой безопасно-

сти (высокий, средний или низкий), который отражает степень диверсифицированности экономики и рынка труда, риски социальной напряженности, нестабильности в обществе, уровень развития социального партнерства и социальной ответственности.

Рис. Методика оценки уровня устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильных муниципальных образований

Примечание: * – при проведении рекомендуется использовать методический подход, применяемый при проведении ежегодного мониторинга состояния моногородов Министерством регионального развития РФ [3];

** – при проведении рекомендуется использовать Индикаторы устойчивого развития Томской области [2].

Структура методики оценки устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования (рис.).

1. Аналитический блок включает в себя группы показателей, с помощью которых оценивается уровень устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования. В основе методики заложены одновременно и принцип универсальности, и, в то же время, принцип уникальности.

Это достигается за счет следующих подразделов аналитического блока:

1.1 Экспресс-диагностика, включающая в себя ключевые показатели, по которым определяется общий уровень устойчивой безопасности.

1.2 Развернутый анализ предполагает детализированную оценку по каждому направлению, оценивающему уровень устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия.

2. Прогнозный блок предусматривает возможности прогнозирования с учетом специфики конкретного монопрофильного муниципального образования (на территории которого расположено градообразующее предприятие). Позволяет проводить анализ на непротиворечивость наметившихся тенденций социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования и реализуемых стратегических документов на данной территории.

3. Целевой анализ предполагает проведение верификации стратегических документов монопрофильных муниципальных образований на предмет их соответствия целям устойчивой безопасности социально-трудовых отношений.

Таким образом, можно выделить несколько этапов анализа. Первым этапом аналитического блока явля-

ется общая характеристика социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования. При этом для анализа предложено использовать методический подход ежегодного мониторинга состояния моногородов Министерства регионального развития РФ и Индикаторы устойчивого развития Томской области. За основу выбраны данные методики, так как используемые в них показатели применимы для анализа монопрофильной территории.

Для того чтобы полнее учесть специфику монопрофильных муниципальных образований, необходимо использовать наряду с показателями из вышеуказанных методик также дополнительные показатели (таблица 1).

Таблица 1

Дополнительные показатели, оценивающие социально-экономическое развитие монопрофильного муниципального образования

<i>Наименование показателя</i>	<i>Характеристика показателя</i>
Интегральный коэффициент эластичности показателей монопрофильного муниципального образования	<p>Характеризует зависимость изменения социально-экономического развития моногорода от изменения состояния градообразующего предприятия.</p> <p>Рассчитывается как среднегеометрическое значение отдельных показателей эластичности: объема промышленного производства, занятости, средней заработной платы, бюджетобеспеченности, инвестиций.</p> <p>Отдельные показатели эластичности рассчитываются по формуле:</p> $\varepsilon = (\Delta Y / \Delta X)(X / Y),$ <p>где ε – эластичность; X – показатель, характеризующий градообразующее предприятие; Y – показатель, характеризующий монопрофильное муниципальное образование.</p> <p>Показатели эластичности показывают, на сколько процентов изменятся соответствующие показатели развития моногорода при изменении соответствующих показателей развития градообразующего предприятия на 1 %.</p> <p>Если коэффициент эластичности по модулю меньше единицы, то это свидетельствует о неэластичности изменения исследуемых показателей моногорода от изменения показателей градообразующего предприятия.</p> <p>Если коэффициент эластичности больше 1, то это говорит о том, что показатели монопрофильного муниципального образования эластичны по отношению к показателям градообразующего предприятия, так как каждый процент изменения показателя градообразующего предприятия приводит к еще большему изменению показателя монопрофильного муниципального образования.</p>
Уровень диверсификации экономики	<p>Модифицированный индекс Херфиндаля-Хиршмана</p> <p>Данный индекс традиционно применяется на микроуровне для измерения уровня концентрации предприятия на рынках и в отраслях.</p> <p>С учетом выявленной специфики монопрофильных муниципальных образований этот индекс применим для оценки изменения уровня диверсификации моногородов. Рассчитывается по формуле:</p> $H = 1 - \sum_{i=1}^n p_i^2,$ <p>где i – сегменты (отрасли), которые представлены в моногороде, p_i – удельный вес i-й отрасли в валовом муниципальном продукте.</p> <p>Значение индекса, равное и стремящееся к 0, указывает на моноотраслевую направленность экономики.</p> <p>Если значение индекса стремится к 1, тогда муниципальное образование направлено на диверсификацию экономики.</p>
Состояние градообразующей отрасли в целом	<p>Характеризует уровень развития градообразующей отрасли.</p> <p>Определяется на основе индекса промышленного производства в отрасли, который рассчитывается как отношение текущего объема производства (в денежном выражении) к объему промышленного производства в предыдущем году.</p>

Примечание: составлено авторами.

Анализ общей характеристики социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования целесообразно проводить на ежегодной основе.

Вторым этапом является анализ устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования на основе экспресс-диагностики (таблица 2), которую следует проводить два раза в год. Экспресс-диагностика состоит из следующих разделов:

1. Безопасность сферы социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования. В этом раз-

деле анализируются социально-трудовые отношения в рамках градообразующего предприятия.

2. Устойчивое развитие сферы социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования. Данный раздел позволяет оценить состояние социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании в целом.

3. Устойчивая безопасность сферы социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования. В данном разделе оценивается уровень развития социального партнерства и социальной ответственности в монопрофильном муниципальном образовании.

Таблица 2

Ключевые показатели экспресс-диагностики

	<i>Наименование подсистем</i>	<i>Ключевой показатель</i>	<i>Характеристика показателя</i>
1. Безопасность социально-трудовых отношений	1.1. Социальная подсистема	Доля экономически активного населения, занятого на градообразующем предприятии	Характеризует уровень монопрофильности экономики. Рассчитывается как процентное отношение занятых на градообразующем предприятии к общей численности экономически активного населения моногорода, %
	1.2. Техническая подсистема	Доля объема инвестиций в модернизацию производства и развитие человеческого капитала градообразующим предприятием	Рассчитывается как отношение инвестиций градообразующего предприятия к общему объему инвестиций по всему моногороду
	1.3. Институциональная подсистема	Эффективность деятельности градообразующего предприятия (рентабельность по валовой прибыли)	Рассчитывается как отношение валовой прибыли градообразующего предприятия к выручке
2. Устойчивое развитие социально-трудовых отношений	2.1. Социальная подсистема	Уровень зарегистрированной безработицы	Процентное отношение официально зарегистрированных безработных к сумме занятых в экономике и официально зарегистрированных безработных, %
	2.2. Техническая подсистема	Уровень высококвалифицированного труда	Доля высококвалифицированных работников в общей численности экономически активного населения
	2.3. Институциональная подсистема	Мероприятия органов местного самоуправления в области занятости	Исполнение местным бюджетом государственной программы, направленной на содействие занятости, %
3. Устойчивая безопасность социально-трудовых отношений	3.1. Социальная подсистема	Уровень развития социального партнерства	Процентное соотношение работников, осуществляющих трудовую деятельность в рамках договорных отношений по социальному партнерству и общего количества работников, занятых на предприятиях моногорода
	3.2. Техническая подсистема	Общие расходы и инвестиции градообразующего предприятия на охрану окружающей среды	Рассчитывается как отношение инвестиций и расходов градообразующего предприятия в области экологии к общему объему инвестиций по всему моногороду
	3.3. Институциональная подсистема	Планирование и реализация мер по стимулированию социальной активности органами местного самоуправления	Данный показатель важен для оценки уровня влияния администрации моногорода на развитие социальной ответственности. Определяется как исполнение местным бюджетом программ стимулирования развития социально-ответственного предпринимательства и институтов гражданского общества, %

Примечание: составлено авторами.

При этом каждый раздел включает анализ по следующим подсистемам:

А. Социальная подсистема.

Б. Техническая подсистема.

В. Институциональная подсистема.

Целью экспресс-диагностики является выявление проблемных зон на основе ключевых показателей. При этом, исходя из полученного интегрального по-

казателя, выявляется уровень устойчивой безопасности социально-трудовых отношений: низкий, средний или высокий.

Первый и второй этапы являются «типовыми», т. е. присутствуют при анализе любого монопрофильного муниципального образования.

Обозначив возникшие или наметившиеся проблемы монопрофильного муниципального образования в экспресс-диагностике, возможно перейти к третьему этапу – проведению развёрнутого анализа его «болевых» точек, учитывающего специфику конкретного монопрофильного муниципального образования. Таким образом, если выявлены проблемы в какой-либо подсистеме (или подсистемах) при проведении экспресс-диагностики, то в развёрнутом анализе можно ограничиться анализом только этой подсистемы (или подсистем).

Реализация третьего этапа позволяет в каждом конкретном случае получать методику, адаптированную к конкретным условиям и состоящую в результате из разных блоков и соответствующих им показателей. Работает принцип «конструктора». Методика «подстраивается» под каждое монопрофильное муниципальное образование, позволяя точнее выявить существующие проблемы и тенденции. Это делает методику гибкой и позволяет получать результат быстро и эффективно.

Четвертый этап подразумевает проведение прогнозирования по ключевым показателям экспресс-диагностики и целевого анализа (анализ соответствия стратегическим документам монопрофильного муниципального образования).

С помощью прогнозного блока обеспечивается оценка устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильных муниципальных образований на перспективу на основе построения активного прогноза, который основывается на комплексном под-

ходе с учетом анализа и прогноза внешних воздействий, способных оказать влияние на развитие территории.

С помощью целевого анализа возможно оценить интеграцию целей социально-экономического развития монопрофильного муниципального развития и критериев обеспечения устойчивой безопасности территории (в т. ч. устойчивой безопасности социально-трудовых отношений).

Таким образом, методика оценки устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильных муниципальных образований позволяет:

1. Проводить экспресс-диагностику устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования на основе ключевых показателей.
2. Выявлять с учётом уровня безопасности проблемные зоны, требующие приоритетного внимания.
3. Проводить развёрнутый анализ «болевых» подсистем и элементов проблемных зон.
4. Разрабатывать адресно-ориентированные мероприятия и вносить своевременные коррективы в существующие программные документы моногорода.
5. Осуществлять мониторинг и прогнозирование устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующих предприятий и монопрофильных муниципальных образований.
6. Оценивать наличие внутренних ресурсов для повышения устойчивой безопасности.

Все это позволяет применять рассмотренную методику как эффективный инструмент оценки устойчивой безопасности в монопрофильном муниципальном образовании.

Литература

1. Дятлова, Н. А. Методическая база для оценки устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильных муниципальных образований / Н. А. Дятлова // Сборник материалов XXXII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономических наук». – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2013. – С. 131 – 136.
2. Индикаторы устойчивого развития Томской области. – Вып. 2 / под ред. В. М. Кресса. – Томск: Печатная мануфактура, 2004. – 46 с.
3. Материалы Министерства регионального развития РФ. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/> (дата обращения: 07.12.2012).
4. Рощина, И. В. Устойчивое развитие и устойчивая безопасность монопрофильных муниципальных образований / И. В. Рощина, Н. А. Дятлова, Г. С. Рощина // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4(20). – С. 54 – 63.

Информация об авторах:

Рощина Ирина Викторовна – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и налогообложения Томского государственного университета.

Irina V. Roshchina – Doctor of Economics, Professor at the Department of World Economy and Taxation, Tomsk State University.

Дятлова Наталья Александровна – соискатель кафедры мировой экономики и налогообложения Томского государственного университета, 8-913-286-91-94, dyatlova.na@mail.ru.

Natalia A. Dyatlova – post-graduate student at the Department of World Economy and Taxation, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2013 г.

УДК 331.105.24

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ РЫНКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Т. Л. Смирнова

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO THE TRANSFORMATION OF LABOUR MARKET

T. L. Smirnova

Исследуются социально-экономические процессы изменения структуры спроса и предложения на рынке рабочей силы. Проводится анализ региональных тенденций развития рынка рабочей силы в России для оценки качества рабочих мест и территориальной концентрации профессионально-квалифицированных групп работников. Представлены теоретико-методологические критерии выбора понятия «рынок рабочей силы».

The paper is devoted to analysis of social-economic processes at the labour market, transformation structures of demand and supply of work skills. The regional trends of labour market are shown to assess the quality of jobs and territorial concentration of professionally-qualified groups of workers in Russia. The theoretical and methodological selection criteria for choosing the concept of «labor market» are provided.

Ключевые слова: квалифицированные специалисты, территория, рынок рабочей силы, государственная политика, инновации, индекс.

Keywords: qualified specialists, territory, labour market, state policy, innovation, index.

Рынок рабочей силы является ключевым элементом в системе макрорынков в национальной экономике, сложным механизмом с элементами саморегуляции и государственного корректирования структуры спроса и предложения профессионально-квалификационных групп, заработной платы работников, институциональной среды. Рынок рабочей силы развивается под воздействием технологических, экономических, социальных, демографических, психологических и других факторов. Рынок рабочей силы может рассматриваться как сложившаяся система общественных, социально-экономических, формальных и неформальных отношений, обеспечивающих качественный процесс воспроизводства экономически активного населения и эффективного его использования в секторах национальной экономики. Специфику структуры развития рынка рабочей силы определяют ключевые предпосылки такие, как: дифференциация форм собственности, юридическая свобода работника, новые направления профессионального, межфирменного, межстранового разделения труда, повышение степени открытости национальной экономики. Способность к изменению экономической системы является одним из ключевых свойств, обеспечивающим развитие рынка рабочей силы.

Рынок рабочей силы функционирует как целостная система, где формируются социально-экономические отношения обмена между индивидами (наемными работниками), владеющими рабочей силой и работодателями, имеющими в собственности средства производства и рабочие места. Наемные работники, затрачивая свои физические, умственные, профессиональные способности при производстве товаров и услуг, получают вознаграждение в форме заработной платы. К. Маркс рассматривал рабочую силу работника как товар особого рода, формирующего специфический рынок [2]. Рынок рабочей силы в широком смысле слова может пониматься как сложившаяся система общественных, социально-экономических, формальных и неформальных отношений, обеспечи-

вающих качественный процесс воспроизводства экономически активного населения и эффективного его использования в секторах национальной экономики [1]. В узком смысле рынок рабочей силы представляет собой комплекс социально-экономических отношений, реализующихся через механизм взаимодействия работника и работодателя, завершающихся наймом работника и заключением одного из видов контракта на определенных условиях.

Понятия «рынок рабочей силы», «рынок труда», «рынок трудовых услуг» отличаются друг от друга методологическими подходами в исследовании, не меняя практический аспект социально-экономических отношений работника и работодателя. Наиболее полным теоретическим представлением адекватного исторического отражения эволюции социально-экономических отношений работника и работодателя, разделяемого автором подхода, является понятие «рынок рабочей силы». Это подтверждается следующими аргументами: усиливается принцип глобальности, актуализации локальной культуры и менталитета работника, системности, историчности, реальности (таблица 1). Такой подход уделяет особое внимание социально-экономическим взаимоотношениям работника и работодателя в процессе трансакции на рынке рабочей силы, их мотивам индивидуального экономического поведения, профессионально-квалификационным компетенциям, факторам инновационной активности и оппортунистического поведения.

Автор придерживается точки зрения, что социально-экономические отношения работника и работодателя раскрываются более точно понятием «рынок рабочей силы», показывая через институт найма предконтрактные и переговорные отношения работника и работодателя, саму трансакцию, процессы аллокации работников, поэтому является более точным понятием для структуризации слабо формализованных процессов. Рынок труда фиксирует ограниченный спектр социально-экономических отношений

работника и работодателя в процессе производства по принципу «труд – заработная плата», отражает развитие исторических исследовательских традиций с периода функционирования рынка «разовых работ» при слабо сформированных институтах найма. Если попытаться проследить эволюцию сложившихся подходов, то можно заметить, что на рынке рабочей силы наемный работник и работодатель выступают субъек-

тами социально-экономических отношений по поводу использования работником своей рабочей силы для выполнения предлагаемой работодателем работы, работник играет роль продавца, а работодатель – покупателя. Эти субъекты экономической деятельности характеризуются дифференцированным объемом прав, имеют разные по степени влияния друг на друга переговорные позиции.

Таблица 1

Аргументы в пользу выбора понятия «рынок рабочей силы»

<i>Аргумент (целеполагание)</i>	<i>Аргументация</i>	<i>Предметная область исследования</i>
Сетевая организация производства и глобализация социально-экономических отношений	Дифференциация рисков распределения доходов наемных работников и работодателей влияет на обострение социального конфликта	Дифференциация уровня заработной платы профессионально-квалификационных групп. Рентный характер доходов работников и работодателей в результате создания и использования объектов интеллектуальной собственности
Монополия со стороны работника или работодателя (технологическая, естественная, другие виды) порождает жесткость социально-экономических отношений и конкуренции	Неоднородная структура рабочих мест формирует специфический институт найма работника и политики заработной платы, приводит к монополизации социально-экономических отношений	Устойчивость структуры рабочих мест. Уровень профессиональных компетенций работника. Экстерналии, вызванные доминирующей позицией работника или работодателя на рынке
Системность и полисубъектность регулирования многоуровневых социально-экономических отношений (государство – фирма – работник)	Государственное регулирование социально-экономических отношений дополняется корпоративной культурой и многосторонними моделями социального партнерства на уровне фирмы	Мобильность работника на внешнем и внутрикорпоративном рынке рабочих мест фирмы. Социальные гарантии, технологии социальной вовлеченности и профессиональной адаптации работника
Историчность развития социально-экономических отношений	Рынок рабов сменился взаимодействующими рынками наемных работников и рабочих мест. Институциональные ограничения работника влияют на слабость переговорной позиции при заключении трудового контракта	Доминирование заработной платы в структуре доходов. Высокая степень зависимости от заработной платы работника и его семьи
Реальность, локальность культурной ориентации социально-экономических отношений	На рынке работник предлагает не труд, а свои реальные профессиональные способности, институциональным индикатором которых выступает уровень профессионального образования и квалификации работника	Когнитивная рациональность работника, ориентированная на использование знаний, ценностей, норм, культуры. Когнитивные компетенции как универсальное ядро профессиональных сложных компетенций работника

Разработанный индекс трансформации структуры рынка рабочей силы характеризует структурные сдвиги спроса и предложения профессионально-квалификационных групп в условиях инновационно-технологического развития секторов экономики. Этот индекс оценивает формирующиеся структурные тенденции на основе индикаторов, раскрывающих закономерности экономического поведения работодателя и работника, принимающих долгосрочные решения и распределяющих инвестиционные ресурсы для получения желаемого уровня образования и создания качественных рабочих мест [4]. Цель разработки индекса – предложить инструмент анализа и понимания тенденций развития социально-экономических отношений между работником и работодателем на рынке рабочей силы с учетом поведенческих аспектов принятия экономических решений. Индекс включает прямые

и косвенные показатели, отражающие качество структуры рабочих мест, сбалансированность предложения профессионально квалификационных групп, уровень использования профессиональных компетенций работников в секторах экономики страны. Данный индекс позволяет оценить текущую ситуацию на рынке рабочей силы при анализе разных параметров взаимодействия спроса и предложения профессионально-квалификационных групп и прогнозировать долгосрочные тенденции развития структуры рынка рабочей силы.

Концепция разработки индекса строится на рыночной силе ролевой позиции работника и работодателя. Для работодателей этот индекс может использоваться в определении уровня привлекательности рабочих мест и возможности мотивации и удержания новых работников с учетом уровня активности и кон-

курентоспособности секторов экономики. Работникам этот индекс помогает избежать чрезмерной конкуренции профессионально-квалификационных групп в секторах экономики и сформировать оптимальный уровень предложения с учетом альтернативной заработной платы, отслеживать динамику уровня заработной платы.

Органы власти, используя этот индекс, могут проводить мониторинг спроса и предложения профессионально-квалификационных групп, оценить эффективность структурных сдвигов и готовность рынка рабочей силы к изменению уровня инновационно-технологического развития секторов экономики, определить приоритеты корректировки структурных сдвигов в долгосрочном периоде времени. В целом, этот показатель раскрывает аспекты системного подхода разных направлений исследования рынка рабочей силы через позицию работника и работодателя, характеризует прямые и косвенные показатели развития структуры спроса и предложения на рынке рабочей силы. Требования, предъявляемые к показателям рынка рабочей силы при включении в обобщающий индикатор, следующие: репрезентативность; открытость публикации и периодическое обновление; прямое или косвенное влияние на рынок рабочей силы; возможность интерпретации и сравнения в данной области.

Интерпретация данного индекса предполагает оценку состояния рынка рабочей силы как регрессивное, стабильное и прогрессивное развитие. Тенденции изменения этого индекса характеризуют роль рынка рабочей силы в инновационно-технологическом развитии страны как тормоза структурных изменений, нейтральность к модернизации экономики, так и драйвера позитивных структурных сдвигов. Индекс рынка рабочей силы может определяться как коэффициент большей или меньшей единицы. Для исключения влияния сезонных факторов и других эффектов региональных тенденций развития входящие показатели субиндексов нормируются по отношению к среднему значению в России.

Анализ структуры рынка рабочей силы проводится с позиций работодателя на основе следующих показателей: инновационная активность, создание инновационных технологий предприятиями, заявки работодателей в центр занятости, уровень номинальной заработной платы. Структура предложения профессионально-квалификационных групп анализируется на основе следующих показателей: удельный вес безработных с высшим образованием, средний возраст безработного, длительность поиска работы, регистрируемый уровень безработицы. Результаты группировки показателей и формирования субиндексов трансформации структуры рынка рабочей силы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели, формирующие индекс трансформации структуры рынка рабочей силы

<i>Индекс трансформации структуры рынка рабочей силы (STIL)</i>	
<i>работодатели</i>	<i>работники</i>
Субиндекс «Качество рабочих мест»	Субиндекс «Эффективность использования профессиональных компетенций работников»
Созданные новые передовые технологии	Удельный вес безработных с высшим образованием в общей структуре
Инновационная активность	Средний возраст безработного
Уровень номинальной заработной платы	Длительность поиска работы
Число заявок работодателей на одного безработного по данным в центрах занятости населения	Регистрируемый уровень безработицы

Результаты расчета значений индекса трансформации структуры рынка рабочей силы по агрегированным статистическим данным федеральных округов РФ за 2011 г. представлены в таблице 3. Более качественные рабочие места с позиции инновационно-технологического развития секторов экономики страны размещены в Центральном, Северо-Западном, Уральском федеральных округах в результате программных действий региональных и федеральных органов власти, а наименее качественные рабочие места находятся в Дальневосточном федеральном округе из-за сдерживания темпов развития инфраструктуры региона. Недостаточно качественных рабочих мест для ускоренного инновационно-технологического развития секторов экономики территорий создано в Дальневосточном и Южном федеральных округах страны. Низким уровнем эффективности использования профессиональных компетенций работников выделяются Северо-Кавказский и Дальнево-

сточный федеральные округа. По итоговому значению индекса трансформации структуры рынка рабочей силы в России определено, что в Центральном, Северо-Кавказском, Уральском федеральных округах уровень динамики изменения структуры рабочих мест, профессиональных групп работников наибольший в результате региональных и федеральных программ поддержки инновационно-технологического развития предприятий.

Направления государственной социально-экономической политики стабилизации численности экономически активного населения позволяют смягчить структурные сдвиги спроса и предложения профессиональных групп на рынке рабочей силы, стимулировать модернизацию реального сектора экономики и предотвратить замедление темпов экономического роста. Развитие рынка жилья, социальная политика в области поддержки семьи снижают влияние демогра-

фического фактора на сокращение численности экономически активного населения в регионах страны.

Целевые государственные программы по снижению уровня смертности детей обеспечивают омоложение возрастной структуры предложения рабочей силы в долгосрочном периоде времени. Устойчивый рост численности старших возрастных групп в структуре экономически активного населения приводит к трансформации структуры занятости и модернизации

сферы социальных услуг, разработке направлений адаптации работников к технологическим и социальным изменениям производства. Активизация экономической мобильности женщин в трудоспособном возрасте для участия в социально-экономическом развитии России приводит к расширению предложения на рынке рабочей силы и изменению гендерной структуры.

Таблица 3

Индексы трансформации структуры рынка рабочей силы в федеральных округах РФ 2011 г. [3]

Субиндексы	Индексы трансформации структуры рынка рабочей силы							
	Цен ФО	С-З ФО	Юж ФО	С-К ФО	Пр ФО	Ур ФО	Сиб ФО	Д-В ФО
Качество рабочих мест	0,296	0,155	0,010	0,044	0,132	0,158	0,101	0,006
Эффективность использования профессиональных компетенций работников	0,846	0,630	0,769	4,894	0,727	0,641	0,365	1,064
STIL	0,250	0,098	0,008	0,214	0,096	0,102	0,037	0,006

Долгосрочная стратегия инновационного развития России нацелена на стимулирование конкурентной среды высокотехнологичного бизнеса, развитие самозанятости экономически активного населения в этом секторе экономики, совершенствование законодательных норм защиты интеллектуальной собственности, создание эффективных механизмов институционального взаимодействия бизнеса и государства. Формы стимулирования инновационной деятельности и развития рынка рабочей силы в модели социально-экономической политики направлены на повышение эффективности использования инноваций, создание глобальных технологических цепочек, снижение барьеров для входа на инновационный рынок, повышение качества подготовки специалистов с навыками инновационного менеджмента, расширение молодежного предпринимательства.

Развитие регионов с моделью рынка рабочей силы «адаптивная рыночная модель» обеспечивает активизация направлений социально-экономической политики диверсификации инновационно-технологической инфраструктуры, координация институтов поддержки инновационных проектов бизнеса, программно-целевая и кластерная политика, структурного прогнозирования изменения динамики рабочих мест, институциональной поддержки молодежного предпринимательства, развития международного научно-технического сотрудничества предприятий, увеличения экспорта наукоемкой продукции. Стимулирование регионального взаимодействия малого и среднего бизнеса, органов власти и госкорпораций повышает эффективность координации участия исследователей, инноваторов и предпринимателей в территориальных бизнес-проектах на основе интеграции образовательной и инновационной инфраструктуры.

«Адаптивная зарегулированная модель» рынка рабочей силы в регионах требует реализации комплексной социально-экономической политики, включающей эффективное администрирование при взаимодействии с бизнесом, страхование финансовых рисков, сокращение производств с вредными и опасными условиями труда,

поддержку конкурентной среды развития малого бизнеса и самозанятости, внедрение стратегии диверсификации образовательных программ переподготовки специалистов, квотирование рабочих мест для молодых специалистов в государственном секторе экономики, усиление контроля миграционных процессов.

Подведем итоги формирования теоретико-методологического подхода к оценке трансформации структуры рынка рабочей силы в России:

1. Разработан методологический подход к оценке степени ригидности структуры рынка рабочей силы на основе ключевых признаков и соответствующих им индикаторов экономического развития. Определены группы регионов с «адаптивной рыночной моделью» (Центральный, Сибирский федеральные округа) и «адаптивной зарегулированной моделью» (Северо-Кавказский, Приволжский федеральные округа) рынка рабочей силы.

2. Предложенный индекс структурной трансформации рынка рабочей силы (STIL), включающий субиндексы: качество рабочих мест и эффективность использования профессиональных компетенций работников, позволяет группировать российские регионы по уровню структурной трансформации рынка рабочей силы. Определено, что наибольшую привлекательность, как для работников, так и работодателей имеет структура рынка рабочей силы Центрального федерального округа по сравнению с другими регионами.

3. Направления государственной политики, такие как: корректировка структурных сдвигов рынка рабочей силы в России, административное, социально-экономическое и организационно-технологическое, позволяют компенсировать риски сокращения численности экономически активного населения в стране по отдельным профессионально-квалификационным группам; снизить уровень противоречий между наемным работником и работодателем, обеспечивающие переход к интенсивной модели воспроизводственных процессов в национальной экономике.

Литература

1. Макаров, В. Л. Рынок рабочей силы в условиях перехода к экономике инноваций / В. Л. Макаров // Человек и труд. – 2006. – № 5. – С. 46 – 51.
2. Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль. Наемный труд и капитал / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1990. – 109 с.
3. Росстат. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.10.2013).
4. How do European firms adjust their labour costs when nominal wages are rigid? / J. Babecky [et al.] // Labour economics. – 2012. – Vol. 19 (5). – P. 792 – 801.

Информация об авторе:

Смирнова Татьяна Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики факультета технологий управления Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», 8-913-800-83-90, CTL2002@mail.ru

Tatiana L. Smirnova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics, Faculty of Management Technologies, Seversk Technological Institute – branch of National Research Nuclear University MEPhI.

Статья поступила в редколлегию 29.11.2013 г.

УДК 338

ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК ФОРМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В. А. Трифонов

PRIVATIZATION AS A FORM OF TRANSFORMATION OF STATE PROPERTY IN THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA

V. A. Trifonov

В статье даются краткие итоги приватизации с 1992 г. Показано ее влияние на социально-экономическое развитие общества, исходя из задач, стоявших перед приватизацией в Российской Федерации. Обосновывается необходимость более взвешенного, продуманного и комплексного подхода при ее проведении в условиях современной российской экономики.

The objective of the paper is acquainting the civil community with the results of the privatization and its impact on the social and economic development of the society, as well as the tasks of privatization in the Russian Federation. A necessity to apply a more considered, weighted and complex approach to privatization in conditions of modern Russian economy is justified.

Ключевые слова: приватизация, собственность, экономическая политика, прогнозный план приватизации, федеральный бюджет, экономический рост.

Keywords: privatization, property, economic policy, predictive plan of privatization, federal budget, economic growth.

Приватизация, появившись в инструментарии экономической политики России чуть более двух десятилетий назад, смогла за этот короткий период не только стать одним из ключевых явлений в современной российской экономике, но и создать развитую нормативную базу на стыке гражданского, административного и финансового права, занявшую особое место в отечественной экономической системе [1].

Задачи, которые стояли перед приватизацией в Российской Федерации, существенно отличались от приватизационных кампаний, проводимых на Западе. Приватизация в России стала одним из способов разгосударствления экономики и перехода к созданию рыночной экономики.

Решив эту задачу, государство переходит к использованию приватизации в целях проведения структурных реформ, сокращения бюджетного дефицита, поиска оптимальных форм управления публичной собственностью.

Под разгосударствлением следует понимать процесс упразднения государственного монополизма, формирования многоукладной смешанной экономики, освобождения государства от функций прямого хозяйственного управления. Таким образом, разгосударствление означает, с одной стороны, переход от командно-административных к экономическим методам руководства, а с другой – изменение форм и содержания отношений собственности. В свою очередь, разгосударствление отношений собственности можно

свести к трем основным взаимосвязанным аспектам; во-первых, к созданию многообразных типов хозяйств; во-вторых, к преобразованию хозяйств, остающихся в государственном ведении, освобождение их от административно-командного диктата; в-третьих, к приватизации, то есть передача в распоряжение коллективов и отдельных граждан части государственной собственности.

Следовательно, приватизацию следует рассматривать как одну из форм разгосударствления. Однако разгосударствление возможно и без приватизации. В этом случае происходит не смена собственника, а процесс децентрализации в пределах государственного управления собственностью.

Очевидно, что в 2000-е годы законодательство о приватизации из-за смены целевых и концептуальных установок стало существенным образом отличаться от законодательства 1990-х годов. Приватизация 1990-х была не просто грабительской, но и кровавой. Криминальный беспредел был во многом связан с массовым захватом общенародной собственности, устроенным для прикрытия передачи ее лучшей части в руки «нужных» людей [2, с. 10].

Приватизация 1993 – 1998 гг. дала государству лишь 6,9 млрд долл., а всего за два десятилетия от начала приватизации бюджет России получил 17,3 млрд долл.! Ни одно другое государство с переходной экономикой столь малой доли ВВП (0,25 %) от приватизации не получало [3].

В таблице 1 приведены данные по доходам консолидированного бюджета от приватизации. По ним легко периодизировать приватизацию в России [4].

Такая приватизация привела к негативной деформации институциональной структуры общества, вызвавшей в ослаблении государственных структур власти, коррупции, сырьевой направленности развития экономики, усилению имущественного расслоения в обществе и т. д.

Главный документ, определивший содержание и порядок первого этапа приватизации, – Программа приватизации 1992 г. Программа массовой приватизации прошла через парламент и была успешно завершена к середине 1994 г. Ход приватизации представлен данными таблицы 2.

Таблица 1

Доходы консолидированного бюджета РФ от приватизации

<i>Год</i>	<i>Фактическое поступление, млрд руб.</i>	<i>Среднегодовой курс, руб./дол</i>	<i>Фактическое поступление, млрд дол.</i>	<i>ВВП в текущих ценах, млрд руб.</i>	<i>% к ВВП</i>	<i>Доходы консолидированного бюджета РФ</i>	<i>% к доходам консолидированного бюджета</i>
1992	0,06	0,28	0,21	19,01	0,32	5,3	1,13
1993	0,45	0,9	0,50	171,5	0,26	49,5	0,91
1994	1,1	2,2	0,50	610,8	0,18	172,4	0,64
1995	3,8	4,6	0,83	1429	0,27	437	0,87
1996	3,2	5,1	0,63	2008	0,16	559	0,57
1997	26,2	5,8	4,52	2343	1,12	712	3,68
1998	17,5	10,1	1,73	2630	0,67	687	2,55
1999	12,2	24,9	0,49	4823	0,25	1214	1,00
2000	41,6	28,2	1,48	7306	0,57	2098	1,98
2001	16,8	29,2	0,58	8944	0,19	2684	0,63
2002	22,9	31,4	0,73	10819	0,21	3619	0,63
2003	121,2	30,7	3,95	13208	0,92	4139	2,93
2004	102,0	28,8	3,54	17027	0,60	5430	1,88
2005	54,6	28,3	1,93	21610	0,10	8580	0,64
2006	22,3	27,2	0,82	26917	0,08	10626	0,21
2007	21,6	25,6	0,84	33248	0,06	13368	0,16
2008	18,3	24,9	0,73	41277	0,03	16004	0,11
2009	12,9	31,7	0,41	38786	0,03	13600	0,09
2010	26,1	30,4	0,86	44939	0,06	15716	0,17
2011	298,0	30,5	9,77	50389	0,59	17520	1,70
2012	276,0	30,7	8,99	55950	0,49	19025	1,45
2013	309,0	31,0	9,97	61920	0,50	20538	1,50

Динамика изменения формы собственности по Российской Федерации (1992 – 1994 гг.)

<i>Годы и месяцы</i>	<i>Число государственных предприятий</i>	<i>Подано заявок</i>	<i>Приватизировано предприятий</i>	<i>Выполнение плана (отношение числа приватизированных предприятий к числу предприятий, подлежащих приватизации)</i>
1992				
IV	139040	18366	5023	0,036
V	147098	24735	5243	0,036
VI	184339	38843	5855	0,032
VII	197543	46783	7698	0,039
VIII	221189	56167	12015	0,054
IX	215040	66432	22214	0,113
X	216075	76909	24578	0,114
XI	215865	85673	31366	0,145
XII	215473	91549	33843	0,157
1993				
I	204998	102330	46815	0,228
II	199112	108015	54243	0,272
III	197572	113187	58226	0,295
IV	195089	115343	62436	0,320
V	194002	117334	65961	0,492
VI	197065	117952	68387	0,347
VII	193469	120672	71791	0,371
VIII	188785	118141	77878	0,412
IX	180837	120991	77810	0,430
X	176881	124175	81272	0,459
XI	171770	124726	83993	0,489
XII	165787	125938	86964	0,524
1994				
I	155638	125514	88814	0,570

Источник: Второй год экономических реформ в России. Уроки для Польши и Восточной Европы / Фонд Фридриха Эберта и Центр социально-экономических исследований (CASE). Варшава, 1994.

В итоге первого этапа приватизации примерно 2/3 ВВП стало производиться в негосударственном секторе экономики (частные предприятия и предприятия с государственным участием). Преобразование поначалу было достаточно формальным, но государство избавилось от опеки над приватизированными предприятиями.

Исследования, данными которых мы располагаем, показывают сдвиги по владению акциями в пользу аутсайдеров, сокращение доли работников и государства. Так, по данным Т. Г. Долгопятовой, приведенным в таблице 3, доля инсайдеров сократилась с 49,8 % в 1995 г. до 40,1 % в 1998 г., трудового коллектива – на 10,9 % за эти годы, государства (федеральные, региональные и муниципальные органы) – с 9,7 до 8,4 %.

В середине 1994 г. чековая приватизация завершилась. Но государственная собственность с учетом пакетов акций, принадлежавших государству в приватизированных предприятиях, составляла еще по меньшей мере треть всех активов, значительную часть которых следовало продать. Наступил новый этап, получивший название денежной приватизации. Его

главная задача не скорость, а выручка от продажи госимущества, пополнение бюджета.

После этого денежный этап приватизации никакими серьезными событиями не выделялся. Во всяком случае, удалось найти данные о том, что с 1997 по 2000 гг. доля частного сектора в российской экономике выросла, скажем, с 2/3 до 3/4 ВВП [4].

Положительные результаты приватизации связаны, главным образом, с системной трансформацией экономического строя России, в том числе с устранением монополии госсобственности в стране и формированием основы многоукладной экономики. Важным результатом является также то, что приватизационные программы реализованы в целом без социальных потрясений, с обеспечением минимально необходимых предпосылок для включения субъектов развивающегося отечественного рынка в мировые хозяйственные связи. Как обобщающий итог приватизации можно привести следующий факт: в настоящее время уже до 70 % ВВП России создается негосударственным сектором экономики.

Структура акционерного капитала в разрезе групп акционеров по сопоставимому кругу АО

Группы акционеров	Доли в акционерном капитале, %	
	1995 г.	1998 г.
Инсайдеры	49,8	40,1
В том числе: трудовой коллектив, администрация	42,0 7,8	31,1 9,0
Аутсайдеры	40,5	51,5
В том числе: иностранные инвесторы,	1,8	3,7
российские банки,	1,6	1,3
российские инвестиционные компании и фонды,	9,0	11,8
промышленные предприятия,	12,0	13,9
физические лица,	13,5	18,6
другие	2,6	2,2
Государство	9,7	8,4
В том числе: федеральные органы,	5,1	4,6
региональные и муниципальные органы	4,6	3,8

Источник: Долгопятава Т. Г. Формирование моделей корпоративного контроля в российской промышленности // Инвестиционный климат и перспективы экономического роста в России. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – Кн. 2. – С. 76 – 89.

О появлении тенденции улучшения функционирования приватизированных предприятий по сравнению с неприватизированными говорят некоторые показатели. В частности, по выборочным обследованиям, существенно возрос в сфере услуг удельный показатель эффективности, то есть объем выручки с 1 кв. м площади (коэффициент использования площади); в ряде отраслей добывающей промышленности увеличилась извлекаемость сырья.

Очевидно, что эффективность работы любой компании связана не столько с видами собственности, сколько с компетентностью управления, и с условиями макросреды, в которой она функционирует. До настоящего времени все еще нет принципиальных различий в результатах деятельности большинства государственных и частных акционерных предприятий, поскольку отсутствует реальная ответственность менеджмента за результаты деятельности и в тех, и в других. Среда, в которой действуют оба типа предприятий, также меняется очень медленно и остается далеко не идеальной.

Современная приватизация – это, конечно, не кампания по разгосударствлению экономики 1990-х гг. ни по своим масштабам, ни по тому количеству «темных пятен», которая оставила в новейшей истории страны приватизация «первой волны». Однако и сейчас масштабы приватизации остаются весьма значительными, что требует для ее успешной реализации и нормативно-правовой базы, и эффективного государственного и общественного контроля за ходом приватизационной кампании и ее результатами [6, с. 3].

На следующие три года кабинет министров ставит очень амбициозные задачи – из относящихся к реестру федеральной собственности более 2 тысяч, а точнее 2337 акционерных обществ, предполагается к приватизации более 1,2 тысячи, в том числе 765 – это переходящий остаток из прежней программы приватизации, 436 – это новые объекты. Из 1,8 тысячи фе-

деральных государственных унитарных предприятий на продажу хотят выставить 638 [7].

В списке компаний, намеченных к приватизации на ближайших нескольких лет, находятся: РЖД, «Объединенная зерновая компания», «Роснефть», нефтяная инфраструктура, морские порты и терминалы, «Федеральная сетевая компания», «Совкомфлот», «РусГидро», «Уралвагонзавод», «ВТБ», «Сбербанк». Тем самым обосновывается эффективность частного владения. Доходы от приватизации по замыслу правительства должны превысить 300 млрд рублей (в 2012 году).

Для ряда компаний («Объединенная зерновая компания», «Международный аэропорт Шереметьево», «Акционерная компания «АЛРОСА», «Ростелеком», «Аэропорт Внуково», «Международный аэропорт Внуково») возможно использование специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»). Из плана приватизации исключены «Росагролизинг» и «Россельхозбанк» [7].

Минэкономразвития не считает целесообразным спешить с выходом из капитала «РусГидро». Раньше планировалось, что это произойдет к 2016 году. В обновленном плане предусмотрено снижение государственной доли с нынешних 67 процентов до 50 + одна акция. Учитывая, что компания публичная, на сегодняшний день она сильно недооценена, и требуются усилия менеджмента для того, чтобы вернуть капитализацию на уровень 40 миллиардов долларов.

Рассматривался вариант с полным выходом государства из капитала «Аэрофлота». Теперь же предлагается всего лишь сократить участие государства до 25 процентов + 1 акция. «Аэрофлот» – успешная публичная компания, чьи акции котируются на рынке, эффективный менеджмент которой при продаже акций до 25 процентов для государства станет хорошей финансовой инвестицией на долгосрочный период.

25 процентов + 1 акцию государство собирается сохранить и в капитале «Совкомфлота». Сейчас ему

принадлежат все 100 процентов. При этом пока из-за ситуации на рынке, продажа пакета вряд ли состоится раньше 2014 года, хотя планировалось, что это произойдет уже в текущем году. Зато сделку по продаже 7 процентов акций "АЛРОСА" (сегодня доля государства составляет 50,9 процента) планируется закрыть до конца 2013 года.

Далеко не все предприятия оказались готовы к тому, чтобы попасть в план приватизации на ближайшие три года. Министерство экономического развития предлагает отодвинуть продажу активов "Объединенной авиастроительной корпорации" (ОАК) и "Объединенной судостроительной корпорации" (ОСК) до 2024 года.

На взгляд директора Института экономики РАН Р. Гринберга, приватизация государственных долей в ключевых для страны компаниях, представляющих нефтедобывающий, электроэнергетический, телекоммуникационный и другие жизненно важные сектора экономики, носит идеологический характер и явно преждевременна в нынешних условиях мировой финансовой смуты и высокой волатильности стоимости акций российских компаний. Она, скорее всего, обернется миллиардными потерями для государственного бюджета в снижении уровня экономической безопасности страны.

Эти предприятия и без того значительно недооценены по сравнению с зарубежными компаниями. Поэтому продажа государственных активов сегодня может состояться только по заниженной цене. И дело не только в том, что в результате такой «приватизации» государственный бюджет получит значительно меньше средств, чем могло быть получено в случае продажи активов в условиях улучшения мировой экономической конъюнктуры. Нет никакой гарантии, что смена собственников увеличит эффективность функционирования приватизируемых предприятий. Исключительно высок риск того, что приватизируемые активы будут скуплены инвесторами с чисто спекулятивными интересами, ставящими своей целью максимизацию прибыли или перепродажу акций в краткосрочной перспективе, что может негативно сказаться на развитии приватизируемых предприятий и экономики страны в целом [8].

Литература

1. Скворцов, О. Ю. Приватизационное право: учебное пособие / О. Ю. Скворцов. – М., 1999. – 272 с.
2. Делягин, М. Компенсационный налог – единственная альтернатива гражданской войне / М. Делягин // Московская правда. – № 3. – 2013. – 11 января.
3. Ясин, Е. Г. Лекция 7. Приватизация / Е. Г. Ясин. – Режим доступа: <http://rushkolnik.ru/docs/261/index-1235465.html>
4. Ясин, Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: курс лекций / Е. Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 437 с.
5. Михайлов, А. Ю. Приватизация в России: мифы и реальность / А. Ю. Михайлов // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. – 2011. – № 6.
6. Козырин, Н. А. Приватизация в России: правовое измерение / А. Н. Козырин // Реформы и право. – 2012. – № 2.
7. Стенограммы выступлений. Совет народных депутатов Кемеровской области. Кабинет министров рассмотрел трехлетнюю программу приватизации (дата обращения: 26 – 27.06.2013).
8. Медведев подписал план приватизации на 2014 – 2016 гг. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/29498>
9. Позиция члена-корреспондента Института экономики РАН Р. С. Гринберг: «Приватизация государственных долей в ключевых для страны компаниях преждевременна». – Режим доступа: <http://tatarstan.spravedlivo.ru>

Как известно, приватизация осуществляется в том числе с целью пополнения казны. Но так ли уж государство нуждается в деньгах? По данным Минфина, в 2011 г. фактические доходы федерального бюджета составили 11366 млрд руб., расходы – 10935 млрд руб., то есть по итогам прошлого года был зафиксирован профицит в 431 млрд руб.! Неужели в условиях бюджетной достаточности нужно проводить ускоренную приватизацию, да ещё любой ценой? К тому же доходы от приватизации никогда не были бюджетообразующими. Так, по подсчётам НИИ системного анализа, в 1995 – 2002 гг. доходы от приватизации составляли от 0,3 до 5,2 % доходов федерального бюджета. Кабинет министров обсудил прогнозный план по приватизации в 2014 – 2016 годах. Федеральный бюджет за три года должен получить более 1 триллиона рублей [6].

Наравне с пополнением федерального бюджета, что особенно актуально сейчас на волне снижения темпов экономического роста, Правительство РФ всегда ставило задачу активного выхода государства из экономики как стимула для ее развития через частную предпринимательскую инициативу и подъем инвестиционного климата. Желание получить максимальный доход от реализации государственных активов нередко становится аргументом для того, чтобы отложить продажу акций той или иной компании.

Вывод напрашивается однозначный: порядок формирования прогнозного плана (программы) приватизации не добавил ясности в процедуры обоснования необходимости приватизации тех или иных активов и практически не оставляет шансов на исключение предприятия из проекта плана приватизации. При этом требуется доказывать не то, зачем нужно приватизировать, а то, почему следует оставить предприятие в государственной собственности. Спешка с приватизацией может привести к ситуации, когда активы достанутся не тому, кто способен ими наиболее эффективно управлять, кто способен за них заплатить наиболее высокую цену, а тому, кто имеет особую энергию лоббизма отдельных ведомств и отдельных должностных лиц.

Информация об авторе:

Трифонов Владимир Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(384-51)6-44-32, v.trifonov@rambler.ru.

Vladimir A. Trifonov – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics and Automated Control Systems, Yurga Technological Institute (branch) of National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 25.11.2013 г.

УДК 314.88

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ И ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С. И. Шорохов

THE FORECAST OF THE SIZE AND AGE STRUCTURE OF THE ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION OF ALTAI TERRITORY AND KEMEROVO REGION

S. I. Shorokhov

В статье представлен прогноз численности и возрастно-половой структуры экономически активного населения Кемеровской области и Алтайского края на 2015 и 2020 годы. Проанализирована динамика, произведено сравнение со среднероссийскими показателями. Определена величина миграционного притока, способного компенсировать рост дефицита трудовых ресурсов. Прогноз осуществлён методом передвижки возрастов, реализованном в матричном виде.

The paper presents a forecast of the number and age structure of the economically active population of Altai Kray and Kemerovo region for 2015 and 2020. The dynamics is analyzed and a comparison with the Russian national averages is made. The magnitude of migration inflow which is able to offset for the growth of labour shortages is determined. The forecast is made by the method of ages moving, realized in a matrix form.

Ключевые слова: половозрастная структура, экономически активное население, миграционный приток.

Keywords: sex and age structure, economically active population, migration inflow.

В настоящее время в России остро стоит проблема нехватки трудовых ресурсов, обостряемая структурными дисбалансами на рынке труда. Существующие перспективные оценки совокупного спроса на труд, основывающиеся на различных прогнозных вариантах развития экономики, предсказывают рост спроса на него, а демографические тренды указывают на депопуляцию. Старение возрастной структуры и снижение доли населения трудоспособных возрастов приводит к тому, что снижение численности экономического населения происходит с большей силой.

Растущий спрос на труд, сопровождаемый демографическими изменениями, грозящими значительным сокращением его предложения, предопределяет необходимость поиска мер, способных нейтрализовать это противоречие. Для минимизации ущерба, наносимого хозяйственной системе, возможно применение ряда следующих основных мер [3, с.15].

1. Переход к интенсивному типу производства, подразумевающему более эффективное использование ресурсов и позволяющему благодаря повышению производительности труда ликвидировать или смягчить последствия сокращения ресурса труда.

2. Увеличение фонда рабочего времени путём повышения пенсионного возраста, улучшения здоровья, увеличения длительности рабочего времени.

3. Повышение сальдо миграционного обмена с другими странами.

Среди перечисленных мер, по признанию специалистов, практически реализуемой является международная трудовая иммиграция [3, с. 16 – 19]. Возможности внутренней миграции для устранения дисбалансов на рынке труда почти исчерпаны. Помимо внутренней миграции, количественные и структурные диспропорции предложения и спроса на рынке труда могут быть сокращены за счёт высокой территориальной мобильности населения. Однако подобный рецепт пригоден для стран с развитым рынком труда. В России территориальная мобильность населения низка, так как довольно затруднителен переезд на новое место жительства, либо маятниковая миграция в регионы и города с более значительным предложением рабочих мест [7].

В изданиях Росстата имеются прогнозы, сделанные для регионов России по численности населения в трудоспособном возрасте. Эти прогнозы сделаны по укрупнённым возрастным группировкам: моложе трудоспособного возраста, трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста. Прогнозы половозрастной структуры с разделением на одно- или пятилетние возрастные группы нам обнаружить не удалось. Также имеются расчёты относительно будущих миграционных потоков. Все прогнозы выполнены по трём вариантам: среднему, высокому и низкому [2]. Однако отсутствуют прогнозы по численности населения по одной или пятилетним возрастным группам и прогнозы относительно численности экономически активного насе-

ния. На основании среднего варианта этого прогноза, в 2010 году сотрудниками Института международных исследований семьи (ИМИС) осуществлён прогноз численности экономически активного населения для России, в целом, вплоть до 2030 года. В соответствии со

средним сценарием этого прогноза, при сохранении уровня экономически активного населения страны на уровне средних показателей за 2006 – 2008 годы, численность экономического населения будет сокращаться темпами, приведёнными в таблице 1.

Таблица 1

Прогноз численности экономически активного населения России, согласно расчётам ИМИС [2]

<i>Год</i>	<i>2010</i>	<i>2015</i>	<i>2020</i>	<i>2025</i>	<i>2030</i>
Экономически активное население (млн чел.)	76,2	76,0	73,9	72,1	70,6

Из приведённых данных следует, что в Российской Федерации в период с 2010 года по 2015 год численность экономически активного населения сократится на 0,26 %; в период с 2015 года по 2020 год – на 2,76 %; а в целом, с 2010 года по 2020 год сокращение составит 3,02 %.

Не только численность экономически активного населения является ключевым фактором экономического роста. Важна и его возрастная структура. Старение населения ускоряет сокращение трудовой силы – всё больше и больше людей уходит на пенсию, что приводит к сокращению ресурса труда. Кроме того, растёт средний возраст трудящихся, что также усиливает негативные эффекты. Понимание взаимосвязи возраста работника и производительности труда имеет большое значение в ряде областей экономических исследований. Существует ряд исследований (в основном, зарубежных авторов), которые посвящены изучению этого вопроса [4; 5]. Учитывая, что пожилые люди являются менее продуктивными, старение трудоспособного населения может привести к снижению темпов экономического роста. Упомянутые факты требуют внимательного отношения к возможным изменениям в количественном и качественном составе рабочей силы. В данном случае под качественным составом рабочей силы мы понимаем возрастную структуру трудящихся.

Прогнозы численности экономически активного населения для всей России (а именно такой прогноз осуществлён сотрудниками ИМИС) и прогнозы для отдельных типов регионов могут давать различную динамику изменения этой численности. Средние данные по России заслоняют индивидуальность половозрастной структуры, во многом определяемую условиями хозяйствования и проживания в регионе. Лучшим вариантом прогноза являлся бы прогноз для каждого отдельного региона. Практическими препятствиями этому являются:

- трудоёмкость расчётов;
- недостаточная доступность данных о половозрастной структуре населения по одно- или пятилетним группам для каждого региона в отдельности.

Нам представляется, что данные препятствия в некоторой степени можно преодолеть. Сходство условий хозяйствования и проживания в отдельных регионах способно приводить и к сходным воздействиям на демографические процессы и структуры. Прав-

да, при этом не следует ожидать очень высокой степени совпадений, поскольку помимо социально-экономических имеется множество иных воздействующих факторов. В приводимом ниже исследовании мы исходили из того, что Кемеровская область является одним из регионов – лидеров роста российской экономики, с развитыми секторами добывающих и обрабатывающих производств, а Алтайский край, напротив, является представителем прямо противоположной группы регионов. Процессы воспроизводства трудовых ресурсов, происходящие в этих регионах, во многом типичны для иных регионов соответствующих групп. Поэтому дальнейшие цели нашего исследования мы сформулировали следующим образом:

- дать краткосрочный прогноз (на 5 и на 10 лет) численности и возрастно-полового состава экономически активного населения Кемеровской области и Алтайского края;
- на основе прогноза оценить масштаб угрозы со стороны демографических факторов экономическому развитию Кемеровской области и схожим ей регионам, а также Алтайскому краю и схожим ему регионам;
- оценить возможность компенсации растущего дефицита и старения трудовых ресурсов миграционным притоком.

Прогноз был осуществлён методом передвижки возрастов, реализованном в матричном виде (когортно-компонентного анализа), на основании данных о половозрастной структуре экономически активного населения Кемеровской области и Алтайского края, исходя из предположения, что экономическая активность мужчин и женщин в этих регионах останется на наивысшем уровне за последние годы.

Руководствуясь данными о возрастных коэффициентах рождаемости (таблица 2), данными о половозрастной структуре населения Кемеровской области и Алтайского края, мы получили расчётные данные для построения матричных моделей воспроизводства населения в этих регионах (соответственно, таблица 3 и 4).

Расчётные данные для построения матричной модели воспроизводства населения Кемеровской области приведены в таблице 3. В возрастной группе 10÷14 лет вероятность рождения не нулевая, так как часть девочек этой группы в течение пятилетнего периода достигнет детородного возраста.

Таблица 2

Возрастные коэффициенты рождаемости (родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет) [1]

Возраст (лет)	15 – 19	20 – 24	25 – 29	30 – 34	35 – 39	40 – 44	45 – 49
Коэффициент рождаемости	30,3	90,3	93,7	63,8	27,8	5,2	0,2

Таблица 3

Расчётные данные для построения матричной модели воспроизводства населения Кемеровской области

Возрастная группа (лет)	Численность мужчин	Численность женщин	Доля вероятности рождения и дожития до следующего возраста мальчиков женщинами возрастной группы	Доля вероятности рождения и дожития до следующего возраста девочек женщинами возрастной группы	Коэффициент пере-движки для мужчин	Коэффициент пере-движки для женщин
0÷4	87489	83333			0,98897	0,99136
5÷9	73427	69680			0,999606	0,999697
10÷14	66431	63895			0,998169	0,998739
15÷19	85833	81895	0,301036	0,301192	0,997943	0,998636
20÷24	121531	121635	0,458509	0,459308	0,993633	0,997046
25÷29	123218	129527	0,391641	0,393112	0,986775	0,996002
30÷34	109997	113299	0,22741	0,228543	0,977121	0,993429
35÷39	97183	102356	0,082064	0,082376	0,966474	0,990453
40÷44	80178	85733	0,013481	0,013494	0,962317	0,988062
45÷49	101184	114922	0,0005	0,0005	0,95218	0,984429
50÷54	106426	128907			0,934817	0,978977
55÷59	87889	115562			0,907238	0,969555
60÷64	54719	80040			0,873028	0,9542
65÷69	29493	51380			0,822489	0,934643
70÷74	37179	74030			0,777673	0,906734
75+	38529	104649			-	-
Итого:	1300706	1520843				

В таблице 4 приведены расчётные данные для построения матричной модели воспроизводства населения Алтайского края.

После того, как были получены численности возрастно-половых групп в 2015 и 2020 годах, стало возможным определить численность экономически активного населения. Результаты расчётов для Кемеровской области представлены в таблице 5, а Алтайского края – в таблице 6.

Согласно сделанному прогнозу, общая численность экономически активного населения Кемеровской области может сократиться в 2015 году, по сравнению с 2010 годом, на 25075 человек (1,8 %), а в 2020 году, по сравнению с 2015 годом, ещё на 10739 человек (0,8 %). Общее сокращение экономически активного населения региона за период 2010 – 2020 годы составит 35814 человек (около 2,5 %). Сокращение ресурса труда произойдёт, преимущественно за счёт резкого снижения численности мужчин. При этом заметно постареет возрастная структура и в мужской, и в женской группах. В первые пять про-

гнозных лет сокращение численности мужской группы составит 1,9 % (13570 человек), в последующие пять лет – ещё 0,7 % (5013 человек). Таким образом, за десять предстоящих лет, прогнозируемое сокращение численности экономически активного мужского населения Кемеровской области составит 2,6 %.

Одновременно анализ статистических данных приводит к выводу, что при сохраняющемся существующим сальдо миграционного обмена миграционные потоки прибывающей рабочей силы окажут компенсирующее воздействие и смогут скорректировать снижение численности экономически активного населения до относительной величины 0,2 % в период с 2011 по 2020 год. Сокращение довольно невелико, но следует учитывать всё более и более регрессивную структуру половозрастной пирамиды, а также рассогласованность с требованиями рынка труда образовательной и квалификационной структуры въезжающих мигрантов.

Таблица 4

Расчётные данные для построения матричной модели воспроизводства населения Алтайского края

<i>Возрастная группа (лет)</i>	<i>Численность мужчин</i>	<i>Численность женщин</i>	<i>Доля вероятности рождения и дожития до следующего возраста мальчиков женщинами возрастной группы</i>	<i>Доля вероятности рождения и дожития до следующего возраста девочек женщинами возрастной группы</i>	<i>Коэффициент передвзроски для мужчин</i>	<i>Коэффициент передвзроски для женщин</i>
0÷4	72021	67901			0,98897	0,99136
5÷9	65217	62256			0,999606	0,999697
10÷14	57187	54533			0,998169	0,998739
15÷19	70141	69464	0,301036	0,301192	0,997943	0,998636
20÷24	107117	105784	0,458509	0,459308	0,993633	0,997046
25÷29	108744	113685	0,391641	0,393112	0,986775	0,996002
30÷34	94516	96991	0,22741	0,228543	0,977121	0,993429
35÷39	85253	89131	0,082064	0,082376	0,966474	0,990453
40÷44	69416	75056	0,013481	0,013494	0,962317	0,988062
45÷49	89413	99696	0,0005	0,0005	0,95218	0,984429
50÷54	100923	117507			0,934817	0,978977
55÷59	80325	100329			0,907238	0,969555
60÷64	52628	72252			0,873028	0,9542
65÷69	26489	45241			0,822489	0,934643
70÷74	35921	69750			0,777673	0,906734

Таблица 5

Численность экономически активного населения Кемеровской области
в различных возрастно-половых группах в 2010 – 2020 гг.

<i>Возрастная группа</i>	<i>2010 год</i>		<i>2015 год</i>		<i>2020 год</i>	
	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>
15÷19	61542	49874	40386	38862	52529	42368
20÷24	87137	74075	61415	49805	40303	38809
25÷29	88347	78881	86582	73856	61024	49658
30÷34	78867	68999	87178	78566	85437	73561
35÷39	69680	62334	77063	68545	85183	78050
40÷44	57487	52211	67343	61739	74479	67890
45÷49	72548	69987	55320	51587	64806	61002
50÷54	76307	78504	69079	68897	52675	50784
55÷59	63016	70377	71332	76853	64576	67449
60÷64	39233	48744	57170	68234	64716	74513
65÷69	21146	31290	34251	46511	49911	65109
70÷72	15994	27050	10435	17546	16902	26082
Итого:	731304	712326	717554	701001	712541	695275

**Численность экономически активного населения Алтайского края
в различных возрастно-половых группах в 2010 – 2020 гг.**

Возрастная группа	2010 год		2015 год		2020 год	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15÷19	51273	42234	41726	33114	47566	37792
20÷24	78302	64316	51167	42176	41640	33068
25÷29	79491	69120	77803	64126	50841	42051
30÷34	69091	58970	78439	68843	76774	63869
35÷39	62319	54191	67510	58582	76645	68391
40÷44	50743	45634	60229	53674	65246	58023
45÷49	65360	60615	48830	45088	57959	53033
50÷54	73774	71444	62235	59670	46495	44387
55÷59	58717	61000	68965	69941	58178	58416
60÷64	38471	43929	53270	59142	62567	67812
65÷69	19363	27506	33585	41916	46506	56433
70÷72	15754	25444	6369	10283	11049	15670
Итого:	662658	624403	643759	596272	630417	583275

При существующей структуре рабочих мест и существующей производительности труда необходимо увеличение сальдо миграционного обмена в ближайшие 10 лет, как минимум на эту величину (0,2 %). В реальности увеличение миграционного сальдо должно быть большим, так как прибывающая из ближнего зарубежья рабочая сила далеко не всегда соответствует спросу на специальности и уровень квалификации на региональном рынке труда.

Гораздо более существенным выводом из проведённых нами расчётов является вывод о том, что происходит заметное увеличение доли экономически активного населения в возрастах старше 55 лет, что является серьёзной угрозой экономическому росту. Учитывая промышленно-сырьевую специализацию и высокую долю физического труда в Кемеровской области, старение экономически активного населения может стать демографическим фактором, тормозящим экономическое развитие.

Что касается экономически активного населения Алтайского края, то в нём также будет происходить снижение численности и мужчин, и женщин, сопровождающееся сдвигом половозрастной структуры в сторону старших возрастов. Общая численность экономически активного населения края может сократиться в 2015 году, по сравнению с 2010 годом, на 47030 человек (3,7 %), а в 2020 году, по сравнению с 2015 годом, ещё на 26339 человек (2,2 %). Общее же сокращение экономически активного коренного населения за период 2010 – 2020 годы составит 73369 человек (свыше 5,7 %). Возрастная структура мужской и женской групп стареет. При этом динамика половозрастной структуры экономически активного населения Алтайского края имеет свои особенности, отличающие её от аналогичной динамики в Кемеровской области. Общая численность ресурса труда сокращается преимущественно за счёт сокращения численности женщин. В период 2010 – 2015 годы численность мужской группы экономически активного населения предстоит сократиться на 18899 человек (2,9 %), а в

последующие пять лет – ещё на 13342 человека (2,1 %). Таким образом, за десять предстоящих лет прогнозируемое сокращение в Алтайском крае составит 32241 человек (4,9 %). Для женской группы аналогичные данные будут следующими. В период 2010 – 2015 годы численности женской части экономически активного населения сократится на 28131 человека (4,5 %), а в последующие пять лет – ещё на 12997 человека (2,2 %). Общее же сокращение численности экономически активных женщин в Алтайском крае за предстоящие 10 лет составит 41128 человек (6,6 %). Таким образом, в общем снижении численности ресурса труда Алтайского края несколько больший вклад вносит снижение численности женщин, но это не выглядит фактом, облегчающим неблагоприятную ситуацию по двум основным причинам.

1. Само по себе очень велико предстоящее сокращение численности экономически активного населения, как в целом, так и отдельно в мужской и женской группах.

2. Резкое сокращение численности и старение возрастной структуры женского населения приведёт к снижению потенциала естественного воспроизводства, что, в свою очередь, заложит предпосылки для дальнейшей, ещё более выраженной депопуляции.

В итоге, за предстоящие 10 лет численность экономически активного населения Алтайского края сократится на 73369 человек. Одновременно миграция, при сохранении сложившихся к настоящему времени тенденций, не только не сможет компенсировать естественную убыль экономически активного населения, но, напротив, усугубит негативные тенденции (таблица 7).

Из таблицы 7 следует, что за 5 лет, в период с 2005-го по 2011-й годы убыль численности населения Алтайского края за счёт миграционного оттока составила 35513 человек. Если исходить из средних значений показателей возрастной структуры мигрантов, согласно которым иммигранты в трудоспособных возрастах составляют 74 % – 76 % в общей численности миграци-

онного потока, и из показателя доли экономически активного населения – 66,6 % для Алтайского края, то следует вывод, что за счёт миграции численность эко-

номически активного населения в крае за 7 лет сократилась примерно на 26990 человек.

Таблица 7

Миграционные потоки в Алтайском крае в 2005 – 2011 годах [6]

<i>Поток / год</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>Итого</i>
Прибыло	50503	48570	48103	43906	43028	44655	74544	353309
Выбыло	56905	55738	53894	48852	44222	48942	80269	388822
Сальдо миграций	-6402	-7168	-5791	-4946	-1194	-4287	-5725	-35513

За 10 лет подобное сокращение составит 38,6 тысяч человек. Если подобные миграционные тенденции сохранятся, то они в предстоящий период с 2011 по 2020 годы доведут снижение численности экономически активного населения до величины почти 110 тысяч человек. Относительно уровня 2010 года, это будет означать сокращение примерно на 8,5 %. Подобное сокращение ресурса труда является очень значительным и не может пройти безболезненно для региональной экономической системы, нацеленной на рост и развитие. Ещё одним дополнительным существенным фактором риска является следующий. Выбывающая из регионального экономического кругооборота рабочая сила по своему профессиональному и квалификационному составу является более соответствующей требованиям регионального рынка труда, чем прибывающая. Поэтому, рассчитанный показатель сокращения численности экономически активного населения на относительную величину 8,5 % не совсем в полной мере отражает будущий дефицит ресурса труда в хозяйственной системе Алтайского края. Следует вывод, что для компенсации стремительно сокращающегося ресурса труда в регионе, помимо мер, стимулирующих миграционный приток и снижающих миграционный отток, необходимы мероприятия, нацеленные на увязку профессиональной и квалификационной структуры иммигрантов с потребностями регионального рынка труда.

Полученные нами результаты значительно отличаются от результатов всех вариантов прогноза Института международных исследований, осуществлённого для России в целом. Прогнозные значения сокращения численности (по расчётам сотрудников ИМИС) таковы [1, с. 16 – 17]:

- для среднего сценария: сокращение численности экономически активного населения, с учётом корректирующего воздействия миграций, в период с 2011 по 2015 годы – на 0,3 %; в период с 2011 по 2020 годы – на 3,0 %.

- для низкого сценария: сокращение численности экономически активного населения, с учётом корректирующего воздействия миграций, в период с 2011 по 2015 годы – на 1,4 %; в период с 2011 по 2020 годы – на 5,1 %.

Результаты, на наш взгляд, отличаются по ряду причин:

1. В прогноз ИМИС, изначально базирующийся на среднем варианте прогноза Росстата, заложена гипотеза о том, что миграционный прирост в стране за весь прогнозируемый интервал с 2011 до 2030 года

составит 7,3 млн человек. Изучение среднего варианта прогноза Росстата позволяет прийти к выводу, что он сделан в предположении об ежегодно растущем сальдо миграционного обмена с последующей его стабилизацией на достаточно высоком уровне. Одновременно, данные существующей ныне динамики миграционного прироста (таблица 5) показывают, что для Кемеровской области подобной устойчивой тенденции роста сальдо миграций не наблюдается, а в Алтайском крае имеет место устойчивая убыль населения за счёт иммиграции. Поэтому, на наш взгляд, заложенные в средний вариант прогноза Росстата показатели миграционного прироста несколько оптимистичны. Но не только это является причиной различий прогнозных темпов изменения численности экономически активного населения (прогноз ИМИС на основе прогноза Росстата и наш прогноз).

2. Самой существенной причиной расхождения результатов является, на наш взгляд, то, что прогноз ИМИС сделан по численности экономически активного населения Российской Федерации в целом. Это заложено индивидуальность демографических процессов, присущих тому или иному типу регионов. Социально-экономические условия и характерные особенности хозяйственной жизни в той или иной степени отражаются в демографических показателях. «Развитые добывающие и обрабатывающие» регионы (группа № 1, согласно нашей классификации) и регионы «с относительно невысокими долями добывающих и обрабатывающих производств» (группа № 4, согласно нашей классификации), являются полярно противоположными по условиям и уровням экономического роста и развития. Это, в определённой мере, и предопределяет различные демографические тренды и, как следствие, различные меры по ликвидации негативных последствий, ими вызываемыми. Мы полагаем, что осуществлённый нами прогноз численности экономически активного населения регионов, относящихся к различным группам, даст представление о масштабах задач, стоящих перед всеми регионами этих групп.

Общим выводом, касающимся миграций, для двух регионов, относящихся к различным группам – Кемеровской области и Алтайского края, является вывод, что существующее в настоящее время миграционное сальдо не компенсирует дефицита трудовых ресурсов, вызванного существующей регрессивной структурой половозрастной пирамиды. Различие в том, что в данных субъектах Российской Федерации влияние миграций на численность экономически активного населения принципиально различно. Если для Кемеровской области существующие миграционные потоки

вносят существенный положительный вклад в восстановление ресурса труда и корректируют его убывание до относительно небольшой величины, то в Алтайском крае ситуация прямо противоположная. Миграционные потоки не только не компенсируют сокращение ресурса труда, но и вносят свой значительный негативный вклад в этот процесс.

Таким образом, процессы, как естественного, так и механического воспроизводства общей численности населения, а, следовательно, и численности экономически активного населения совершенно различны в рассмотренных нами двух регионах, принадлежащих разным группам. Из этого вытекает, что меры, нацеленные на пополнение ресурса труда в этих регионах должны отличаться.

Относительно проведения региональной миграционной политики, могут быть даны следующие рекомендации.

В Кемеровской области необходимо постепенное повышение миграционного сальдо со стабилизацией его на достаточно высоком уровне. В качестве ориентира может быть рекомендована величина около 11 тысяч человек в год. Именно такая численность предусмотрена в нормативном прогнозе Росстата. Сальдо такой величины должно компенсировать естественную убыль экономически активного населения и постепенный его прирост, в соответствии с темпами экономического роста региона. При проведении миграционной политики необходимо осуществлять меры, стимулирующие приток иммигрантов молодых и средних трудоспособных возрастов.

Алтайский край нуждается в усилении миграционной политики. За предстоящие 10 лет необходимо компенсировать снижение численности экономического населения, выражающееся относительной величиной 5,7 %, только за счёт естественной убыли населения. На наш взгляд, меры, нацеленные на разворот миграционного потока, будут основными при решении этой задачи, но далеко не единственными. В настоящее время миграционный отток усиливает убыль экономически активно-

го населения, происходящую за счёт превышения смертности над рождаемостью. Поскольку в регионе большое отрицательное миграционное сальдо, прежде всего нужны меры по снижению величины миграционного оттока экономически активного населения – необходимо проводить экономическую политику, направленную на закрепление рабочей силы. Подобная политика поможет сохранить рабочую силу, более «встроенную» в структуру имеющихся рабочих мест, чем прибывающая рабочая сила, следовательно, несколько сократит масштабы задач. Эта мера, учитывая величину сальдо миграционного обмена, является весьма насущной. Количественные рекомендации по увеличению интенсивности миграционного притока напрямую связаны с успехом политики по закреплению рабочей силы. Поэтому, в качестве количественного ориентира можно указать следующую минимальную величину – 73,5 тысячи человек (5,7 % от численности экономически активного населения в 2010 году). Именно такой в ближайшие 10 лет должна быть численность экономически активного населения, сохранённого в крае в результате сокращения миграционного оттока и привлечённого в регион в результате активизации миграционной политики. Так же, как и в Кемеровской области, старение экономически активного населения диктует необходимость приоритетного привлечения иммигрантов молодых и средних трудоспособных возрастов.

Разумеется, для регионов группы № 1 («развитые добывающие и обрабатывающие») и группы № 4 («с относительно невысокими долями добывающих и обрабатывающих производств»), близких, соответственно, к Кемеровской области и Алтайскому краю по условиям жизни и результатам экономической деятельности, приведённые выше количественные рекомендации не могут быть повторены абсолютно точно. Несмотря на это, на наш взгляд, можно говорить, что масштабы активизации и основные направления миграционной политики в регионах соответствующих групп аналогичны указанным для Кемеровской области и Алтайского края.

Литература

1. Демографический ежегодник России: статистический сборник. – М.: Росстат. 2010.
2. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Статистический бюллетень – М.: Росстат. 2009.
3. Вишневский, А. Г. Экономические последствия демографических изменений в России / А. Г. Вишневский, М. Б. Денисенко, С. А. Васин. – Режим доступа: <http://www.csr-rspp.ru/files/research.pdf>. 2010
4. Laitner J. Technological Progress and Worker Productivity at Different Ages / J. Laitner, D. Stoliarov // The 7th Annual Conference of Retirement Research Consortium «Towards a Secure Retirement System» // Washington. – 2005. – 11 – 12 August.
5. Skirbekk Vegard. Age and Individual Productivity // Max-Planck-Institut für demografische Forschung, 2003. – Режим доступа: <http://www.demogr.mpg.de>
6. Общие итоги миграции населения края. – Режим доступа: <http://ak.gks.ru/DocLib1/Население/nas9.htm>
7. Социальный атлас российских регионов / Тематические обзоры. Региональные рынки труда. – Режим доступа: http://atlas.socpol.ru/overviews/labor_market/index.shtml

Информация об авторе:

Шорохов Сергей Иванович – старший преподаватель, соискатель кафедры экономической теории КемГУ, +7-905-906-91-03, shsi@yandex.ru.

Sergey I. Shorokhov – Senior Lecturer, post-graduate student at Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2014 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343.85

ТРАКТОВКИ АСОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ И ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. Ф. Лелюх, Л. В. Чванова

TREATMENT OF ASOCIAL DEVIANANT AND DELINQUENT ACTIVITIES: HISTORICAL ASPECT

V. F. Lelyukh, L. V. Chvanova

*«Мы должны не только копить мудрость,
но и извлекать из нее пользу».*

Цицерон

Статья посвящена отдельным трактовкам асоциальной девиантности, делинквентности различными классическими школами. Раскрывается исторический аспект, приводятся различные точки зрения. Рассматриваются детерминанты преступности.

The paper is dedicated to the treatment of asocial deviant and delinquent activities by different classical schools. The historical aspect and different points of view are revealed. The determinants of criminality are examined.

Ключевые слова: девиантность, делинквентность, биологические факторы, конформизм, аномия, ретритизм, ритуализм, антропологическая школа, личность преступника.

Keywords: deviant activity, delinquency, biological factors, conformism, anomia, retritizm, ritualizm, anthropological school, personality of criminal.

Проблемы делинквентности – преступности (как крайней формы асоциальной девиантности) всегда привлекали внимание ученых. Криминологи и философы, медики и психологи, педагоги и биологи рассматривали и оценивали различные виды социальной девиантности: преступность, пьянство, алкоголизм, проституцию, наркоманию, самоубийства и т. п. (прим. авторов: *девиантное поведение, девиантность* (лат. *Deviatio* – отклонение) – это:

1) *поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям;*

2) *социальное явление, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям.*

В первом значении – как индивидуальный акт – девиантное поведение изучается преимущественно криминологией, психологией, педагогикой и другими поведенческими науками. Во втором значении – как элемент социального бытия – девиантность служит предметом социологии и социальной психологии. Криминологи и социологи установили тенденцию: человек тем больше усваивает образцы деструктивного девиантного поведения, чем чаще с ними сталкивается и чем моложе его возраст).

Девиантность и делинквентность – две формы асоциальной девиантности, т. е. негативного (отрицательного) отклонения от нормативного поведения. Но асоциальная девиантность – относительная и мало-значительная форма отклонения, а делинквентность –

абсолютная и значительная форма, преследуемая государством с помощью норм действующего уголовного законодательства (делинквент – преступник). Самоубийство, т. е. свободное и намеренное прекращение своей жизни, – это девиация, которая нашим государством не преследуется, так как в России нет уголовной ответственности за суицид, умышленное же лишение жизни другого человека – преступление, предусмотренное 105 статьей Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года.

Следует сказать, что самой восприимчивой к делинквентности группой является *молодежь*. Девиантное поведение (девиантность) и социальный контроль занимают особое место в структуре социологических и криминологических знаний как специальные теории. Это во многом объясняется необходимостью познания и анализа самых темных сторон поведения и правосознания людей, проявляющих асоциальную направленность личности, которая, как правило, реализуется в форме делинквентности.

При кажущейся ясности понятие *делинквентность (преступность)* в действительности отражает сложное социальное явление и относится к числу наиболее спорных и в социологии, и в криминологии – науке о преступности. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее естественных границ (в отличие от алкоголизма, наркотизма или же самоубийств) и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: общественной опасности и предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступления без указания о том в законе). Однако первый критерий весьма расплывчат. Соответственно второму критерию понятие преступ-

ности носит конвенциональный (прим. авторов: «*конвенциональный характер*» – *соответствующий договору (условный, существующий в силу традиции)*)).

Под преступностью (делинквентностью) нами понимается *относительно распространенное, исторически изменчивое, негативное социальное явление, разновидность (одна из форм) деструктивной девиантности, достигшей степени общественной опасности, определяемой законодателем в уголовном законе*.

Ученый конца XIX – начала XX века Г. Тард так объяснял психологию социальной девиации. Он сводил все многообразие факторов к адаптированности личности и ее стремлению к выживанию. Г. Тард, характеризуя те или иные социальные явления, в том числе преступность, исходил из разработанной им *теории подражания*. «Всякие сходства социального происхождения, замеченные в мире общественном, представляют прямые или косвенные следствия подражания во всевозможных его видах: подражания-обычаи или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания сознательного», – писал Тард [11, с. 96].

По убеждению Г. Тарда, какова бы ни была организация общества, *подражание всюду следует одному закону*: оно распространяется *от высшего к низшему*, действует изнутри наружу. В преступнике Г. Тард видит прежде всего профессиональный тип, который находит себе объяснение, главным образом, в общих законах подражания и приспособления. *Человек не рождается преступником, а становится им*. Сначала он поддается заразной силе примера, а затем приспосабливается к новому положению, которое создается для него фактом совершенного преступления. «*Податливая глина наших природных качеств лишь материал, форма которого отливается по социальному образцу*» [12, с. 97]. Г. Тард замечает, что, если некогда преступления распространялись от высших классов к низшим, то теперь можно видеть, как *преступность распространяется от больших городов в деревни, от столиц к провинции*, и как столицы и большие города притягивают к себе всех выброшенных за борт общественной жизни и деревенских, и провинциальных негодяев, которые, по его мнению, стремятся туда с целью цивилизоваться на свой лад. Преступление, по выражению Г. Тарда, *хоть и особого рода явление, но все-таки социальное*.

Итак, не отрицая социального происхождения преступности, как одного из проявлений социальной девиации, Г. Тард объясняет общественную жизнь в целом и ее процессы действием простых *психических механизмов*, главным из которых является *подражание* [12, с. 98].

Социальные отклонения, их проблематика – только часть многообразного комплекса социальных явлений, исследованных в марксизме. К. Маркс, анализируя дебаты Рейнского ландтага по поводу закона о краже леса, «в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы» отстаивал концепцию общинного права бедняков. В худшем случае, отмечает К. Маркс, эти действия можно трактовать как про-

ступок, нарушающий полицейские постановления, но никак не в качестве преступления [5]. Заслуживает также внимания трактовка К. Марксом вопроса о профилактике преступлений. Проведенный им анализ дебатов доказал, что «правил балом» на Рейнском ландтаге не «мудрый законодатель», а частнособственнический интерес, разорявший с беспощадной жестокостью крестьян и ремесленников.

В работе «Капитал» К. Маркс приводит убийственную характеристику принципов буржуазной морали того времени: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии *достаточная прибыль*, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 % и капитал согласен на всякое применение. При 20 % – он становится оживленным, при 50 % – положительно готов сломать себе голову, при 100 % – он попирает ногами все человеческие законы, при 300 % – нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, *хотя бы под страхом виселицы*» [5, с. 764]. Моральные принципы буржуазного общества XIX века конгруэнтны современной морали российских топ-менеджеров, где стали культивироваться такие принципы, как «человек человеку – волк», «падающего – подтолкни», «каждый за себя – один Бог за всех». Частная собственность, отчаянная конкуренция, рейдерство, борьба «за место под солнцем» – логическое продолжение реализации подобных норм поведения в определенных стратах современного российского общества.

Приведенные примеры лишний раз доказали справедливость утверждений основателей марксизма в социологии, что социальные отклонения при капитализме объективно обусловлены общественными отношениями, как и сами социальные нормы.

В парсонский период развития социологии Роберт Мертон – ученик известного американского ученого Толкотта Парсонса, выдвинул свою версию девиантного поведения и дал классификацию девиантных поступков. На наш взгляд, ее можно считать одной из самых удачных: *девиация происходит в результате разрыва между социально одобряемыми целями и средствами их достижения*. По Роберту Мертону *девиантность* выступает как особое нравственно-психологическое *индивидуальное и общественное состояние*, которое характеризуется *разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов*. Основная причина *аномии* – противоречие между господствующими индивидуалистическими целями и нормами (стремлением к богатству, власти, успеху, выступающим в качестве установок и мотивов личности), существующими институтами, а также санкционированными средствами достижения индивидуальных целей. Внешние давления практически лишают большинство американцев всякой возможности реализовать поставленные цели законными путями. Это противоречие лежит в основе преступности, поскольку преступление – бунт индивидуалиста против оков законов и установленных государством правил, апатии и разочарования в жизни.

Роберт Мертон классифицирует основные ответные реакции на воздействие аномии, т. е. принятие

или отрицание людьми целей общества, социально одобряемых способов их достижения, выделяя при этом *пять состояний*:

– конформизм (тотальное подчинение) – это согласие с целями общества и законными средствами их достижения, не deviantное поведение;

– инновация – предполагается согласие с целями общества, но отрицаются привычные для общества способы их достижения;

– ритуализм – предполагается отрицание целей общества, но согласие (иногда доведенное до абсурда) на использование социально одобряемых средств;

– ретритизм – наблюдается обращение к прошлому и отрицание существующих социально одобряемых целей и средств;

– бунт – полное отрицанием социально одобряемых целей и средств, но в отличие от ретритизма бунт приводит к формированию новых целей и средств. На основе бунта развивается новая идеология, которая создает новые цели и средства [6].

Концепция Р. Мертон рассматривает конформизм и девиацию как «две чаши одних весов», а не как отдельные категории. И вместе с тем, в ней сделан упор на то, что девиация не является продуктом абсолютно негативного отношения к общепринятым стандартам, как предполагают многие.

Представители западной классической школы в социологии и юриспруденции отражали безраздельное господство *теории свободной воли*, согласно которой человек имеет не обусловленное внешним влиянием и обстоятельствами моральное сознание и *обладает свободной волей к совершению доброго или злого*. Классическая школа изучала преступление как самостоятельное явление, отвлеченное от деятеля, *независимое от свойств и особенностей* натуры преступника.

В противоположность представителям классического направления Западной Европы, многие из русских ученых (В. Спасович, Б. Кистяковский, Н. Сергеевский, Э. Немировский и др.) стояли на позициях детерминизма. Они не отрицали необходимости изучения закономерностей развития преступности, стремились эмпирическим путем выявить причины преступности. Особое внимание уделялось ими изучению статистических материалов. В. Спасович выступал в печати с критическими обзорами ежегодных «Сводов статистических сведений по делам уголовным», сотрудничал в этом с социологическим журналом «Вестник Европы». Такая же позиция прослеживается в работах Н. Таганцева [10]. «Напрасно было бы утверждать, что выводы статистики не колеблют принципа свободной воли... Предполагая разнообразность явлений социальной жизни вообще, мы тем самым *неминуемо предполагаем законообразность отдельного факта*, – писал Н. Таганцев. – А все эти соображения приводят к тому заключению, что все действия человека, с какими имеет дело уголовное право, не произвольны, а подчинены *общему закону личности...*» [10, с. 161].

Антропологическая школа начала свое существование с работы Чезаре Ломброзо «О преступном че-

ловеке» [4]. Представители этой школы рассматривали преступление как естественноисторическое явление, *продукт физической и психической организации человека*. Согласно утверждению этой школы, *если субъект наделен известными дефектами в своей организации, то он тем самым побуждается встать на путь преступлений*. Отсюда понятие «*прирожденного преступника*», как человека, преступность которого обуславливается его дефективным физическим состоянием. Была выдвинута точка зрения, что *преступление имеет своей причиной антропологический фактор: предрасположение индивида к преступлению*.

В России к данному направлению следует отнести работу Н. Неклюдова «Уголовно-статистические этюды» (1865 г.). Он, пытаясь установить природу преступности на примере таких стран, как Франция, Англия, Бельгия и др., *игнорирует не только социально-экономическую природу преступлений, но не учитывает также политических, юридических, хозяйственных, культурных различий государств*. *Возраст – вот основная, по его мнению, причина преступности*. Возраст с одинаковой силой действует на всех людей, независимо от того, где они живут и к какой социальной группе принадлежат. Корни преступности Р. Неклюдов видел *в индивидуальных возрастных свойствах преступников*.

Среди ученых-антропологов наиболее характерными для данной школы являются выводы В. Чижа, который *отрицал влияние социальной среды на преступность*. Он отрицал связь между материальным положением людей и преступностью, *его не интересовал социальный состав преступников*. По его мнению, *всякий человек, в зависимости от своих способностей, занимает в жизни определенное положение, на которое претендовал по желанию*. Личностными свойствами обусловлена для человека возможность разместиться на ступени той лестницы, вершина которой для него притягательна (прим. авторов: *Наиболее четко его взгляды сформулированы в докладе на торжественном собрании общества русских врачей памяти Н. И. Пирогова. «Преступный человек перед судом врачебной науки» (Петербург, 1894 г.)*).

Среди пропагандистов взглядов Чезаре Ломброзо следует назвать П. Тарновскую, доказывающую с помощью статистики, *что женщины-преступницы и проститутки анатомически отличаются от честных женщин*. Однако, приводя биографические и другие данные исследуемых ею убийц, воровок, проституток, она невольно опровергает точку зрения антропологов, показывает, что обследованные женщины стали преступницами не в силу врожденных свойств, а из-за нестерпимых условий существования. Но в целом она отмечает вырождение, физический и нравственный дегенератизм у преступников [13].

Близких позиций придерживался Д. Дриль, он призывал оказывать государственную помощь трудящимся, особенно детям, попавшим в тяжелые жизненные обстоятельства. Строил проекты освобождения общества от «язв» существования, критиковал за эти «язвы» власть. По словам Д. Дриля, в антрополо-

гическом учении его привлекало то, что оно, отказавшись от априорных методов исследования, сделало личность преступника, его индивидуальность объектом исследования с помощью точных методов естествознания [3].

Представители социологических школ считали, что в преступности решающую роль играют социальные факторы. Согласно учению социологов, преступность находит себе место среди других явлений социальной жизни.

Социологическое направление в изучении преступности появляется в России в конце 60-х – начале 70-х годов XIX столетия. Среди первых ученых, исследовавших причины преступности, был профессор Московского университета М. Духовской. Его многочисленные исследования с использованием статистических материалов позволили сделать вывод, что преступление не является результатом только свободы воли человека, оно порождается рядом известных постоянных факторов. «Главная причина преступлений, – пишет М. Духовской, – общественный строй. Дурное политическое устройство страны, дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание и целая масса других условий – вот те причины, благодаря которым совершается большинство преступлений» [1, с. 123]. Он дополнил высказывания Платона, сделанные им свыше 2000 лет назад.

В работах И. Фойницкого и Е. Тарновского раскрываются сущностные черты девиантности. В работе «Влияние времени года на распределение преступности» И. Фойницкий предлагает изучать преступность, а потом решать вопрос об устранении ее причин [16]. По И. Фойницкому преступление определяется как совместное действие совокупности внешних и внутренних условий.

Е. Тарновский акцентирует внимание на влияние внешних условий на преступления. Он продолжил разработку теории факторов. «Преступление, – писал он, – может быть рассматриваемо как определенное патологическое состояние индивида, развитие которого в значительной мере обуславливается характером окружающей физической и социальной среды» [14, с. 63]. Е. Тарновский признает значение биологического фактора преступности, но считает, что этот фактор зависит от общественных условий [15].

Труды С. Гогеля акцентируют внимание читателя на роли общества, а не государственного аппарата, в борьбе с делинквентными проявлениями и их причинами, с одной стороны, и представление преступника не в качестве объекта воздействия, а в качестве субъекта, самоопределяющейся личности, – с другой стороны. Исследуя тенденции нового исторического периода, он отмечал, что в прежние времена «преступника казнили, калечили так, что он становился более неспособным ни к какой деятельности: ни дурной, ни хорошей». Автор пишет: «Теперь задача другая, теперь надо обеззараживать и возвращать назад в ряды нормального общества» [2, с. 172]. Он считал, что начало XX в. ознаменовано вымиранием репрессии и заменой ее общественными мерами. На общество ложится вина за причины преступлений и, следовательно, в его руках должна быть сосредоточена борьба

с преступностью. Вот почему, позитивно оценивая возможности применения такого прогрессивного в то время вида уголовного наказания, как условное осуждение, он был убежден, что «при назначении этой меры будущее всецело зависит от усмотрения и воли самого осужденного. По словам данного автора, в этом случае «милость оказывает себе сам преступник...» [2, с. 254]. С. Гогель отмечал, что преступник – «слабейший представитель общества, его надо не угнетать и позорить, а, наоборот, еще нужно облегчать жизненное его плавание, с которым он и без того справиться не может» [2, с. 253]. История показала, что гуманистические взгляды российских ученых прошлого века оказались не востребованными большинством отечественных политиков – все это в дальнейшем привело к кровавым репрессиям.

В науке уголовного права социологическая школа, пришедшая вслед за антропологической, изменила объект и предметную область исследований, сами методы исследований, а также направления собственного развития уголовной социологии [12, с. 8 – 9]. Рассматривая систему науки уголовного права конца XIX – начала XX вв. эта школа включала:

- 1) уголовную социологию (криминологию), состоящую из криминальной социологии, криминальной биологии (или криминальной антропологии из двух отделов – соматологии и психологии);
- 2) уголовную политику (изучение превентивной и регрессивной функций государства);
- 3) уголовную догматику, изучающую юридикотехническую регламентацию преступлений и наказания.

Сторонники социологической школы в уголовном праве взяли за основу детерминистские объяснения преступлений, изучение роли социальной среды и процессов социализации в определении состояния преступности, типа преступлений и личности преступника.

Утвердившийся в XIX в. логический дедуктивный метод позволял анализировать, конструировать и систематизировать не сами факты жизни, а «догматический», отвлеченный материал. Оперировали «юридическими фактами»: регламентированными отношениями, нормализованными понятиями, безотносительно к реальным явлениям, отношениям. Формально-логические конструкции и сам дедуктивный логический метод не позволяли углубиться в причины преступлений, раскрыть действительные социальные корни преступности.

Социология позволяла применять выборочный метод, изучать массовидные явления, используя статистическое наблюдение. Уже антропологическая школа в юриспруденции вынуждена была продвигаться к познанию социальных фактов, используя позитивистский метод – систематическое статистическое наблюдение, изучение реальных явлений.

Социологическая школа, опираясь на концепцию детерминизма, не отрицала роль дедуктивных приемов, необходимых для обобщения. Однако только на опыте и наблюдениях позитивистам не удавалось вскрыть природу явления, показать его внутреннюю противоречивость, взаимозависимость во взаимодей-

ствии с другими явлениями в процессе собственного развития. Позитивный метод в этом отношении был невосполнимо ограниченным методом. Последствием этого были эклектизм, фрагментарность, хотя сторонники данного метода признавали, что преступление – социальное явление.

Основными требованиями к методу сторонники социологической школы считали его соответствие природе тех явлений, которые познаются, и возможность охватить, исследовать круг явлений, которые в итоге можно было бы объяснить в рамках единого подхода и принципа.

Социологический подход в юриспруденции формировался на основе использования диалектического метода, предусматривающего в объяснении обусловленность явлений социально-экономическими факторами и опирающегося на признание внутренней противоречивости самих явлений и процессов.

Другой разновидностью социологического подхода была психологизация явлений правосознания, правовых отношений и поведения людей.

Попытки рассмотреть возможности диалектического метода в уголовной социологии мы находим в работе Х. Чарыхова. Используя материалы из публикаций таких известных ученых, как М. Гернет, П. Лафарг, Ф. Лист, К. Маркс, Н. Таганцев, Г. Тард, Е. Тарновский, И. Фойницкий, М. Чадов, М. Чубинский, И. Янжул и др., Х. Чарыхов показывает, что преступность как социальное явление может быть описана и объяснена на основе социологического подхода и диалектического способа познания.

Он предлагает более широко трактовать социальные факторы, по сравнению с известной тогда «теорией факторов», включающей физические влияния на человека в среде его обитания. Как приверженец марксизма, автор делает акцент на общественной приспособляемости человека в борьбе за существование и роли способов производства, производственных отношений в обеспечении этой общественной приспособляемости.

Диалектический способ изучения преступности предполагает учет комплекса общественных и индивидуальных условий существования и развития человека.

Представители мировой социологической школы (Ф. Лист, Г. Тард и др.) обращали внимание на *индивидуальные факторы* преступности («происхождение, воспитание, образование, возраст, пол, семейное положение, физические и психические свойства преступника») и на *социальные факторы*, к которым относили «расу и религию, город и деревню, профессию, алкоголь, проституцию, экономическое и социальное положение». В противовес этим утверждениям Х. Чарыхов обширным эмпирическим материалом доказывает, что не раса или религия и не генетическая наследственность толкают людей на путь преступлений, а социальная обстановка.

Социологический концептуальный подход позволял увидеть скрытые пружины движения преступности, ее рассредоточения на территориях и различных уровнях социальных связей. Именно социальным ха-

рактером и экономической обусловленностью преступности сторонники социологической школы объясняют *специфику городской и сельской преступности*, типы преступлений.

Агрессивная экономическая среда, несносные жилищные условия, отсутствие источников для существования делают человека неприспособленным и неспособным к правовым формам взаимодействия с обществом. Эти первичные причины порождают алкоголизм, проституцию и другие асоциальные пороки, отягощающие преступное поведение.

Однако не следует трактовать социологический подход как полное отрицание логического метода и роли индивидуально-личностных или формально-типологических характеристик преступников.

Социология предлагала как приоритетное направление борьбу с предпосылками, которые обуславливали и причину данного явления, и его специфику, сферу распространения. Не менее важными признавались *проблемы социальной гигиены, профилактики правонарушений*.

Наряду с решением общих проблем конкретными задачами признавались наказания тех, кто совершил преступления, поскольку функция правосудия в обществе – обеспечить личную безопасность людей, оградить их интересы от посягательства со стороны незаконнопопавших граждан, восстановить справедливость.

Ежедневной практике приходится считаться не с преступностью, не с явлениями, а с самим преступником, со всем разнообразием особенностей его личности. «Проникаясь сознанием «коллективной вины» в преступлении субъекта, – пишет Х. Чарыхов, – правосудие все же обязано оградить интересы потерпевших. Последнее обстоятельство и приводит нас к неизбежной организации паллиативно-компромиссной системы борьбы. В интересах же этой борьбы является особенно важным... больше уделять внимания личности преступника, на голову которого целиком рушится вся тяжесть общественной вины. Последнее же требует различения преступников по типичным признакам их личности, которые и дают классификации, предлагаемые сторонниками социологической школы» [19, с. 145 – 146].

В работе Х. Чарыхова основное внимание уделяется *проблемам эффективности уголовной политики*. Х. Чарыхов выделяет «ближайшую» и «конечную» политику. Ближайшая политика имеет дело с последствиями; конечная, напротив, устраняет причины правонарушений.

Такой подход актуален, он разрабатывается и в современной литературе. Принципы конечной уголовной политики Х. Чарыхова вызывают аналогии с программами профилактического воздействия на преступность (1960 – 1980-е гг.). Ближайшая уголовная политика рассматривается Х. Чарыховым как компромиссная. Он признает необходимость максимального использования возможностей «конечной», т. е. радикальной, социально-политической борьбы с преступностью. Автор выделяет также проблему неприспособленности (в современной терминологии – со-

циальной дезадаптации) в качестве важнейшей причины преступного поведения. «Чем лучше и обеспеченнее благосостояние индивида, тем лучше он организован для борьбы за существование и, следовательно, приспособлен к социальной жизни. В сфере общественного взаимодействия возникает столкновение интересов общества с интересами неприспособленного субъекта. В этом случае появляются уголовно-правовые отношения», – утверждает Х. Чарыхов [19, с. 116].

Таким образом, Х. Чарыхов определяет *преступление как неприспособленные действия человека в борьбе за существование*. В русле этого представления предлагаются и методы социального контроля. По мнению Х. Чарыхова, борьба с причинами правонарушений есть борьба с низким уровнем жизни и культуры, с алкоголизмом, пауперизацией, а также с неуравновешенностью и грубостью.

М. Чубинский предлагает разработку многих традиционных проблем социального управления, контроля над правонарушениями [20]. Автор считает необходимым активнее использовать данные социологии, антропологии и криминологии для разработки комплексных мер контроля над уровнем преступности. По мнению М. Чубинского, уголовное право как научная дисциплина часто игнорирует реальную, социальную сторону проявлений преступности, ограничиваясь их формальной, юридической стороной. М. Чубинский считал карательные методы воздействия лишь верхушкой айсберга, решение проблемы правонарушений он предлагал начинать с постановки общих задач. Например, признавал важным проработать вопрос о том, *в каких случаях вообще уместен государственный запрет*, что именно следует рекомендовать законодателю *при установлении демаркационной линии между преступным и неправомерным*. Игнорирование этой проблемы приводит к дисбалансу, когда интенсивное применение наказания лишь увеличивает тенденцию к преступлениям.

М. Чубинский указывал на *утопичность цели полного уничтожения преступности*, но в то же время уменьшение ее уровня считал вполне решаемой задачей. В качестве основного метода контроля над противоправным поведением предлагалось воздействие на криминогенные факторы, построенное на всестороннем систематическом их изучении.

В первые годы после октябрьского переворота 1917 г. продолжали научную и педагогическую деятельность многие представители отечественной науки. Работа А. Жижиленко (Преступность и ее факторы. – Пг., 1922) построена на выявлении причин, делающих традиционные методы контроля над преступностью малоэффективными. Автор предлагает такую последовательность действий в отношении криминогенных факторов: выяснение корней антисоциальных явлений; нейтрализацию причин таких явлений; установление противодействия извне делинквентному поведению; устранение из правовой системы таких норм, которые, вместо того чтобы искоренять стимулы к совершению преступлений, создают их; ослабление опеки над личностью; сведение к минимуму различных оков и стеснений, оправдываемых

интересами государства; наведение порядка в тюрьме, разумная организация отбывания наказания; попечение над лицами, освободившимися из пенитенциарных учреждений (прим. авторов: *пенитенциарный* – (лат. – «раскаяние») – *связанный с тюремной системой, относящийся к уголовному наказанию*).

Тема исправительных пенитенциарных учреждений поднимается в работе Б. Кистяковского [21], который анализирует постановку *общественного контроля*, реализацию идей попечения над правонарушителями, практическую деятельность специализированных обществ, созданных после принятия в 1866 году закона «Об основании исправительных заведений для преступных детей». Общий вывод Б. Кистяковского из анализа теоретических и практических аспектов исправительного воздействия на несовершеннолетних преступников: правильно устроенная система исправления малолетних без правильно организованной системы покровительства по выходе должна быть признана неудачной полумерой.

Проблема наказания за совершаемые противоправные действия, его эффективность и влияние на судьбу людей в дальнейшем были в центре внимания ученых, практиков, общественных деятелей конца XIX – начала XX вв. «Наказующие себя должны раньше исправить, чем наказывать других; они должны, так сказать, свою собственную совесть отправить в пенитенциарное заведение прежде, чем брать себе право подвергать других насильно разным лишениям в целях исправления», – писал А. Гольденвейзер [2, с. 117].

Дополняя друг друга, исследователи подготовили почву для дальнейшего развития и применения теории девиации в практике изучения и регулирования девиантного поведения, в том числе – осужденных, преступников (делинквентов).

Государство воздействует на сознание большинства правопослушных граждан и удовлетворяет соответствующую потребность посредством методов повышения правовой культуры, но для формирования социального заряда лиц с девиантным поведением, содержащихся в местах лишения свободы, в рамках осуществления именно государственной функции, аналогичная задача решается посредством организации и функционирования пенитенциарной системы.

Объяснение общественного и политического внимания к уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системе и ее учреждениям следует искать в природе этой системы, востребованной при любом политическом режиме и в ее социальном назначении. Общество заинтересовано в профессионально компетентном осуществлении контроля над социальными девиациями и своевременной ревизии их, классификации на допустимые и недопустимые, соответствующие законам и социальным нормам общественной жизни и не соответствующие.

Пенитенциарная система обеспечивает выраженное в судебном порядке отношение общества к социально не одобряемому поведению и принуждение к прекращению преступного (делинквентного) поведения.

Любое государство, в том числе и российское, преимущественно базируется или должно базироваться на принципе «социальности» выполняемых им функций.

Социальность в данном случае следует понимать как ориентацию любой деятельности, осуществляемой в рамках государственной власти, реализующей множество общественных потребностей конкретного гражданина и социума в целом. В уголовно-правовой сфере потребности общества однозначны и определены конкретно. Они сводятся к желанию жить и работать в государстве с низким уровнем преступности, внутренне осознанному и общественно-необходимому требованию: реализовать принцип неотвратимости наказания преступников.

Позиция Мишеля Фуко в отношении государства как субъекта, ответственного за снижение уровня делинквентности в обществе, представляет наибольший интерес [17]. Он видит в тюрьме образ общества, которое все в большей мере озабочено надзором и наказанием. Тюрьма подчинена той же абсолютной власти, которая удушает в обществе всякие попытки к позитивным действиям. В заключенных люди видят только нарушителей порядка, тех, кто должен быть исключен.

«Тюрьма подобна строгой казарме, школе без полаганий, мрачной мастерской; в определенных рамках она качественно отличается от них. Это двойное обоснование – юридическо-экономическое и технико-дисциплинарное – делает тюрьму самой адекватной и цивилизованной формой наказания», – пишет Мишель Фуко [17, с. 340].

Становление теории происходило через доказательство того, что социальная девиация детерминирована (прим. авторов: *Детерминация преступности – процесс определения всеобщей взаимосвязи, взаимодействия всех объектов, вещей, явлений между уровнем преступности и явлениями окружающего мира*), а это, в свою очередь, приводило к необходимости поиска причин этого явления. Несмотря на широкий спектр мнений о причинности социальной девиации и в особенности ее крайнего проявления – преступно-

сти, доминирующей была точка зрения о важности социальных факторов.

Современная криминология (прим. авторов: «криминология» – от лат. «*crimen*» – преступление, «*logos*» – учение – наука о преступлении, в широком смысле – о преступности) называет *основные* как более характерные *детерминанты* (причины и условия) преступности как систему негативных экономических, политических, демографических, психологических, социальных, правовых, организационных явлений и процессов, которые порождают и способствуют развитию асоциальной девиантности в ее крайне отрицательном проявлении – делинквентности.

В контексте настоящей статьи необходимо обратить внимание и на инакомыслие как одну из детерминант в тоталитарных государствах. В правовых государствах разрешено все, кроме запрещенного, в тоталитарных – запрещено все кроме разрешенного.

Государство, законодатель должны проявлять терпимость к инакомыслию, люди между собой – уважение к жизни, достоинству личности, свободе и независимости другого. Инакомыслие и только оно может способствовать появлению конструктивных, неординарных, оперативных решений и тем самым обеспечить представительство бесконечного множества интересов людей: социально-политических, хозяйственных, религиозных, философских и др. [8].

Русские ученые В. Соловьев, Л. Петражицкий, Б. Чичерин, П. Новгородцев, Б. Кистяковский и др. утверждали: *если в законах нет общечеловеческих ценностей, которые только и делают закон всеобщим и необходимым, нет ничего постоянного и передаваемого из поколения в поколение, то их можно менять, как угодно – вплоть до полного беззакония*.

«Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы, то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и борьбу и которое всегда почиталось просвещенными людьми», – писал П. И. Новгородцев [7, с. 215]. Вместе со своими единомышленниками он выступал против распространения в России правового нигилизма.

Литература

1. Временник Демидовского юридического лица. – Кн. 4. – Ярославль, 1873.
2. Гольденвейзер, М. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление / М. Гольденвейзер. – СПб, 1901. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [пер. с фр.] / М. Фуко; ред. И. Борисова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
3. Дриль, Д. Малолетние преступники / Д. Дриль. – М., 1888. – Т. 11. – С. 71 – 82.
4. Ломброзо, Ч. Преступление / Ч. Ломброзо; пер. Г. Н. Гордона. – СПб, 1900.
5. Маркс, К. Оправдание мозельского корреспондента / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 187 – 217.
6. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социс. – 1992. – № 3. – С. 104 – 114 (начало в № 2 за 1992 г., с. 118 – 125; окончание в № 4 за 1992 г., с. 91 – 97; Это глава из его книги «Социальная теория и социальная структура»). – N. Y. – L., 1968.
7. Новгородцев, П. Идея права в философии В. С. Соловьева / П. Новгородцев. – М., 1901.
8. Новгородцев, П. Очерки философии права / П. Новгородцев. – СПб, 1900; Новгородцев, П. Мораль и познание / П. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – Кн. 64. – М., 1902; Новгородцев, П. Об общественном идеале / П. Новгородцев. – М., 1917; Новгородцев, П. Психологическая теория права и философия естественного

- права / П. Новгородцев // Юридический вестник. – 1913. – Т. 3; Кистяковский, Б. Социальные науки и право / Б. Кистяковский. – М., 1916; Кистяковский, Б. Сущность государственной власти / Б. Кистяковский. – Ярославль, 1913.
9. Соловьев, В. Оправдание добра / В. Соловьев. – СПб, 1897; Новгородцев, П. Очерки философии права / П. Новгородцев. – СПб, 1900.
10. Таганцев, Н. Русское уголовное право: часть общая / Н. Таганцев. – СПб, 1902; см. также: Таганцев, Н. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений по этому вопросу / Н. Таганцев. – СПб, 1871; Кистяковский, Б. Сущность государственной власти / Б. Кистяковский. – Ярославль, 1913; Сергеевский, Н. Наказание в уголовном праве XVII в. / Н. Сергеевский. – СПб., 1887; Немировский, Э. Задачи по уголовному праву / Э. Немировский. – Одесса, 1910; Немировский, Э. Отношение приговора к обвинению / Э. Немировский. – Одесса, 1906; Гернет, М. Н. Социальный фактор преступности / М. Н. Гернет. – М.: Университетская тип., 1905. – 203 с. – (2-е изд. – 1906. – 210 с.).
11. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – СПб, 1892.; См. также: Болдырев, Н. Подражание как социологическое понятие / Н. Болдырев // Вестник психологии. – 1907. – Вып. 5. – С. 183 – 195.
12. Тард, Г. Преступник и преступление / Г. Тард; пер. Е. В. Выставкиной; под ред. М. Н. Гернета. – М., 1906. – XX. – 324 с. – М., 1906.
13. Тарновская, П. Новые работы по криминальной антропологии: доклад на секции русского общества охранения народного здоровья (27 декабря 1891 г.) / П. Тарновская. – СПб., 1892.
14. Тарновский, Е. Изменение преступности в различных общественных группах / Е. Тарновский // Юридический вестник. – 1889. – № 5.
15. Тарновский, Е. Преступность малолетних в Западной Европе / Е. Тарновская. – СПб, 1899; Тарновский, Е. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности в России / Е. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 8.
16. Фойницкий, И. Влияние времен года на распределение преступности / И. Фойницкий // Судебный журнал. – 1873. – № 1 – 2.
17. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [пер. с фр.] / М. Фуко; ред. И. Борисова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
18. Kressel, N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror / N. Kressel // Plenum Press. – 1996.
19. Чарыхов, Х. М. Учение о факторах преступности: социологическая школа в науке уголовного права / Х. М. Чарыхов. – М., 1910.
20. Чубинский, М. П. Курс уголовной политики / М. П. Чубинский. – СПб., 1912.
21. Кистяковский, Б. А. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений / Б. А. Кистяковский. – Киев, 1878.

Информация об авторах:

Лелюх Владимир Федорович – доктор социологических наук, профессор по кафедре специальных юридических дисциплин, профессор кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ, 8-903-071-67-75.

Vladimir F. Lelyukh – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Kemerovo Institute (branch) of the Russian State University of Trade and Economics.

Чванова Любовь Владимировна – заместитель начальника территориального управления Заводского района администрации города Кемерово, заместитель председателя комиссии города Кемерово по делам несовершеннолетних и защите их прав по Заводскому району, Почётный работник общего образования Российской Федерации, 8-903-941-07-44.

Lyubov V. Chvanova – Deputy Head of Territorial Administration of Zavodskiy district of Kemerovo City, Deputy Chairperson of the Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights in Zavodskiy district of Kemerovo City, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2014 г.

УДК 34.03

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ ЧЕЛОВЕКА СРЕДУ

Т. Б. Невзоров

LEGAL CONSEQUENCES OF NON-ANTHROPOGENIC IMPACT ON THE ENVIRONMENT

T. B. Nevzorov

Целью настоящей публикации является первичное определение правовых границ проблемы. Предлагается признавать введение чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения основными правовыми последствиями негативного не антропогенного воздействия на окружающую человека среду.

The paper aims at primarily defining the legal boundaries of this problem. The author proposes to recognize the introduction of emergency situation and state of emergency as the main legal consequences of negative non-anthropogenic impact on the environment.

Ключевые слова: не антропогенное воздействие, правовые последствия, чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение.

Keywords: non-anthropogenic impact, legal consequences, emergency situation, state of emergency.

Статья 42 Конституции РФ закрепляет право каждого человека на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [1]. Однако экологическое правонарушение не единственная угроза здоровью и жизни человека.

«В последнее десятилетие количество опасных природных явлений и крупных техногенных катастроф на территории Российской Федерации ежегодно растёт, при этом количество чрезвычайных ситуаций и погибших в них людей на протяжении последних лет неуклонно снижается. Это говорит о высокой эффективности предупредительных мероприятий и мероприятий по ликвидации чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем риски природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, возникающие в процессе глобального изменения климата, хозяйственной деятельности или в результате крупных техногенных аварий и катастроф, несут значительную угрозу для населения и объектов экономики страны. Особенно актуален вопрос обеспечения безопасности жизнедеятельности населения от угроз природного и техногенного характера при реализации новых крупных экономических и инфраструктурных проектов». Так определяется проблема для целей развития системы экологической безопасности в Федеральной целевой программе «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 555 с последующими изменениями [6].

В понятийный аппарат указанной проблемы Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» включены следующие необходимые для её понимания определения.

Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб

здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Предупреждение чрезвычайных ситуаций – это комплекс мероприятий, проводимых заблаговременно и направленных на максимально возможное уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций, а также на сохранение здоровья людей, снижение размеров ущерба окружающей среде и материальных потерь в случае их возникновения.

Ликвидация чрезвычайных ситуаций – это аварийно-спасательные и другие неотложные работы, проводимые при возникновении чрезвычайных ситуаций и направленные на спасение жизни и сохранение здоровья людей, снижение размеров ущерба окружающей среде и материальных потерь, а также на локализацию зон чрезвычайных ситуаций, прекращение действия характерных для них опасных факторов [3].

Не антропогенное воздействие – события и явления природного или неопределяемого характера, повлекшие нежелательные последствия для человека, его здоровья и имущества, природной и культурной среды, хозяйственных комплексов, государственных институтов, выражающиеся в полном или частичном уничтожении, утрате полезных свойств, разрушении устойчивых логистических систем, порядка государственного управления и самоуправления населения.

Источники не антропогенного воздействия – это явления окружающей природной среды.

Стихийные бедствия: землетрясения, извержения вулканов, сели, оползни, наводнения, засуха, цунами, ураганы, смерчи, пожары, аномальные морозы, повышение температуры, превышения норм выпадения осадков прочее.

Соляные и иные космические воздействия: магнитные бури, излучения различной природы, проникновение космических объектов (метеориты, болиды и проч.).

Изменение состояния суши (почва, недра, ландшафты) – это провалы, оползни, обвалы земной поверхности, появление вредных веществ в почве сверх

предельно допустимых концентраций не техногенного характера, деградация почв, опустынивание, засоление, заболачивание и проч.

Изменения состава и свойств атмосферы, то есть – значительные климатические изменения, разрушение озонового слоя, превышение предельно допустимых концентраций вредных примесей в атмосфере в результате процессов не антропогенного характера, температурные инверсии естественного характера. Глобальное изменение климата.

Изменение состояния гидросферы – нехватка питьевой воды, истощение водных ресурсов, загрязнение водных ресурсов, переполнение объектов гидротехнической инфраструктуры в результате естественных процессов.

Изменение состояния биосферы – исчезновение видов животных, растений, массовая гибель животных, резкое изменение способности биосферы к воспроизводству ресурсов.

Техногенные и иные антропогенные факторы, усиливающие негативное не антропогенное воздействие: дефекты возведения и износ конструкций сооружений, ошибки в эксплуатации промышленных и иных хозяйственных сооружений.

Объекты не антропогенного воздействия – это окружающая природная среда, окружающая человека техногенная среда (населённые пункты, промышленные и иные хозяйственные комплексы, прочие), здоровье населения и каждого человека.

При наличии указанных выше факторов объектами возникающих правоотношений становятся и экологические права граждан, поскольку их наличие связано не только с негативным не антропогенным и антропогенным воздействием на окружающую среду, но и с соблюдением или несоблюдением законодательства, принятием нелегитимных, опасных или потенциально опасных, экологически необоснованных управленческих решений или нормативных правовых актов, с ненадлежащим исполнением государством и его должностными лицами функций по осуществлению экологического надзора и контроля, неисполнением функций по предупреждению и защите населения от негативного воздействия природного и техногенного характера.

Основным правовым последствием негативного воздействия следует считать введение чрезвычайной ситуации, которое активирует в свою очередь механизм реализации прав граждан Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

К ним относятся **право:**

- на защиту жизни, здоровья и личного имущества в случае возникновения чрезвычайных ситуаций;
- в соответствии с планами ликвидации чрезвычайных ситуаций использовать средства коллективной и индивидуальной защиты и другое имущество органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, предназначенное для защиты населения от чрезвычайных ситуаций;
- быть информированными о риске, которому они могут подвергнуться в определенных местах пре-

бывания на территории страны, и о мерах необходимой безопасности;

- обращаться лично, а также направлять в государственные органы и органы местного самоуправления индивидуальные и коллективные обращения по вопросам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе обеспечения безопасности людей на водных объектах;

- участвовать в установленном порядке в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

- на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций;

- на медицинское обслуживание, компенсации и социальные гарантии за проживание и работу в зонах чрезвычайных ситуаций;

- на получение компенсаций и социальных гарантий за ущерб, причиненный их здоровью при выполнении обязанностей в ходе ликвидации чрезвычайных ситуаций;

- на пенсионное обеспечение в случае потери трудоспособности в связи с увечьем или заболеванием, полученным при выполнении обязанностей по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в порядке, установленном для работников, инвалидность которых наступила вследствие трудового увечья;

- на пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца, погибшего или умершего от увечья или заболевания, полученного при выполнении обязанностей по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в порядке, установленном для семей граждан, погибших или умерших от увечья, полученного при выполнении гражданского долга по спасению человеческой жизни, охране собственности и правопорядка [3].

Порядок и условия, виды и размеры компенсаций и социальных гарантий, предоставляемых гражданам, устанавливаются законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

В особых случаях законодательством предусматривается и регулируется применение крайней меры правового реагирования на негативные воздействия путем введения режима чрезвычайного положения. Следует принимать во внимание тот факт, что в виду естественных причин, и на основании нормативно-правового регулирования, режим чрезвычайного положения допускает отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей (№ 3-ФКЗ 30.05.2001 г. Федеральный Конституционный Закон «О чрезвычайном положении» ч. 1 ст. 1). Закон определяет данные события, как чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нане-

сение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ [2].

К мерам, ограничивающим права и свободы субъектов права статья 13 Закона [2] относит:

- временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений;
- введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий;
- привлечение государственного материального резерва, мобилизация ресурсов организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменение режима их работы, переориентация указанных организаций на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иные необходимые в условиях чрезвычайного положения изменения производственно-хозяйственной деятельности;
- отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей государственных организаций в связи с ненадлежащим исполнением указанными руководителями своих обязанностей и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей;
- отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими мер, предусмотренных настоящим Федеральным конституционным законом, и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей;
- в исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ, мобилизация трудоспособного населения и привлечение транспортных средств граждан для проведения указанных работ при обязательном соблюдении требований охраны труда.

Определяя круг субъектов возникающих правоотношений, помимо Президента, Федерального Собрания, Правительства в первую очередь следует выделить силы и средства наблюдения и контроля в составе формирований, подразделений, служб, учреждений и предприятий федеральных органов исполнительной власти. К ним законодательство [5] относит структуры, осуществляющие:

- наблюдение и контроль за обстановкой на потенциально опасных объектах и прилегающих к ним территориях;
- социально-гигиенический мониторинг;
- медико-биологическую оценку воздействия на организм человека особо опасных факторов физической и химической природы;
- государственный мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды;
- государственный мониторинг атмосферного воздуха;

- государственный мониторинг водных объектов;
- государственный мониторинг радиационной обстановки;
- государственный лесопатологический мониторинг;
- государственный мониторинг состояния недр;
- сейсмический мониторинг;
- мониторинг вулканической активности;
- мониторинг медленных геодинамических процессов в земной коре и деформации земной поверхности;
- мониторинг пожарной опасности в лесах и лесных пожарах;
- федеральный государственный экологический надзор;
- карантинный фитосанитарный мониторинг;
- контроль за санитарно-эпидемиологической обстановкой;
- санитарно-карантинный контроль;
- контроль за химической, биологической и гидрометеорологической обстановкой;
- контроль в сфере ветеринарии и карантина растений;
- контроль за качеством и безопасностью зерна, крупы, комбикормов и компонентов для их производства;
- контроль за водными биологическими ресурсами и средой их обитания.

Непременнно необходимо всегда не только представлять, но и иметь перед собой весь перечень направлений деятельности государства, которые направлены на предотвращение или ликвидацию тех событий, которые уже определены и признаны опасными для населения. В приведенном выше перечне перечислены все виды угроз, известные и признанные таковыми. Но, рассматривая следующий перечень, мы предполагаем и иные угрозы.

Федеральные органы исполнительной власти посредством территориальных органов или непосредственно, осуществляют в пределах своей компетенции защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного характера, включая:

- тушение пожаров, в том числе лесных пожаров;
- организацию и осуществление медико-санитарного обеспечения при ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- предотвращение негативного воздействия вод и ликвидацию его последствий;
- организацию и проведение работ по активному воздействию на метеорологические и другие геофизические процессы;
- авиационно-космический поиск и спасание;
- обеспечение безопасности гидротехнических сооружений;
- обеспечение транспортной безопасности;
- организацию и проведение работ по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов;
- обеспечение общественной безопасности при чрезвычайных ситуациях;

- осуществление мероприятий по ликвидации аварий на объектах топливно-энергетического комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, сетей электросвязи;

- защиту населения от инфекционных и паразитарных болезней, в том числе общих для человека и животных;

- предотвращение распространения и ликвидацию очагов заразных и иных болезней животных, вредителей растений, возбудителей болезней растений, а также растений (сорняков) карантинного значения;

- осуществление мероприятий по предотвращению и ликвидации последствий радиационных аварий.

Постановлением Правительства РФ от 21.05.2007 г. № 304 [7] они подразделяются в зависимости от числа жертв, потерпевших и причиненного вреда на чрезвычайную ситуацию:

а) локального характера, в результате которой территория, на которой сложилась чрезвычайная ситуация и нарушены условия жизнедеятельности людей (далее – зона чрезвычайной ситуации), не выходит за пределы территории объекта, при этом количество людей, погибших или получивших ущерб здоровью (далее – количество пострадавших), составляет не более 10 человек либо размер ущерба окружающей природной среде и материальных потерь (далее – размер материального ущерба) составляет не более 100 тыс. рублей;

б) муниципального характера, в результате которой зона чрезвычайной ситуации не выходит за пределы территории одного поселения или внутригородской территории города федерального значения, при этом количество пострадавших составляет не более 50 человек либо размер материального ущерба составляет не более 5 млн рублей, а также данная чрезвычайная ситуация не может быть отнесена к чрезвычайной ситуации локального характера;

в) межмуниципального характера, в результате которой зона чрезвычайной ситуации затрагивает территорию двух и более поселений, внутригородских территорий города федерального значения или межселенную территорию, при этом количество пострадавших составляет не более 50 человек либо размер материального ущерба составляет не более 5 млн рублей;

г) регионального характера, в результате которой зона чрезвычайной ситуации не выходит за пределы территории одного субъекта РФ, при этом количество пострадавших составляет свыше 50 человек, но не более 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 5 млн рублей, но не более 500 млн рублей;

д) межрегионального характера, в результате которой зона чрезвычайной ситуации затрагивает территорию двух и более субъектов РФ, при этом количество пострадавших составляет свыше 50 человек, но не более 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 5 млн рублей, но не более 500 млн рублей;

е) федерального характера, в результате которой количество пострадавших составляет свыше 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 500 млн рублей.

Однако, приведённая классификация не отвечает в достаточной мере объёму ущербов, вреда и других материальных и нравственных утрат, и соответственно не создаёт правовых условий для определения достаточно полного объёма правовых последствий и возмещения потерь, возникших в результате негативного воздействия на окружающую человека среду. И, безусловно, это только лишь способ законодательного распределения ответственности бюджетов, направляемых на возмещение материального ущерба. Достаточно цинично, но оправдано с точки зрения демократического федерализма, подтверждаемого вышеприведённой ссылкой на ст.18 Закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [3].

Возвращаясь к статье 13 Закона «О чрезвычайном положении» [2] необходимо отметить, что предусмотренные ограничения в свою очередь влекут необходимость применения дополнительных компенсаторных мер в смысле восстановления нарушенных прав граждан.

Нередко выдвигается тезис о самостоятельности законодательства, регулирующего введение чрезвычайного положения и чрезвычайной ситуации. Считаем, что эти состояния следует определять как основные правовые последствия критического негативного не антропогенного воздействия на окружающую человека среду. И обозначенная проблема должна рассматриваться в системе экологического права.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (12 декабря 1993 г.). – Режим доступа: <http://az-design.ru/Projects/-AZLibrCD/Law/Constn/KRF93/krf042.shtml>
2. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ (в ред. от 07.03.2005 г. № 1-ФКЗ).
3. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г. № 404-ФЗ).
4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2014 г.).
5. Постановление Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1007 «О силах и средствах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».
6. Постановление Правительства РФ от 4 октября 2013 г. № 875 «О внесении изменений в Федеральную целевую программу «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техно-

генного характера в Российской Федерации до 2015 года». – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/07/26/-katastrofy-site-dok.html>; <http://www.rg.ru/2013/10/10/katastrofy-site-dok.html>

7. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 (ред. от 17.05.2011 г.) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Информация об авторе:

Невзоров Тимур Борисович – доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, 8-906-937-07-25, timur101@bk.ru.

Timur B. Nevzorov – Assistant Professor at the Department of Labor, Ecological and Civil Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2014 г.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Н. А. Юркевич

TO THE QUESTION OF THE SUBJECT OF JUDICIAL CONTROL IMPLEMENTATION

N. A. Yurkevich

В статье рассматриваются сущность судебного контроля, особенности реализации данного института в стадии назначения судебного. Обосновывается вывод об ошибочности возложения на одного субъекта функций правосудия и судебного контроля. На основе анализа позиций ряда видных ученых-процессуалистов и зарубежного законодательства, предлагается введение института следственного судьи для осуществления судебного контроля.

The paper focuses on the essence of judicial control and the feature of its realization at the stage of judicial appointment. The author proves the wrong of assigning the functions of justice and judicial control to one subject. Basing on the analysis of the views of a number of prominent scientists in the field of criminal trial and the foreign legislation, introduction of the institution of the investigative judge for implementation of judicial control is suggested.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции, правосудие, судебный контроль, полномочия судьи, следственный судья.

Keywords: criminal procedure functions, justice, judicial control, powers of the judge, investigative judge.

К одним из положительных результатов реализации Судебной реформы в РФ можно отнести внедрение в уголовный процесс России института судебного контроля. «В русле установок Концепции судебной реформы», – отмечает профессор В. А. Азаров, – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ввел в отечественное судопроизводство полномасштабный институт судебного контроля, что явилось весомой гарантией охраны прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. Вместе с тем указанное обстоятельство не привело к окончательному разрешению вопросов, связанных с реализацией судом одноименной функции. Одной из острых проблем, выявившихся в ходе применения данного института, оказалось его невысокая, по мнению многих ученых и практиков, эффективность» [1]. Трудно не согласиться с выводом Н. Н. Ковтуна и Е. Н. Суловой в том, «...что оперативный судебный контроль, задуманный в Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991 г.) и (в основных своих положениях) нормативно воплощенный в жизнь в УПК РФ (2001 г.), в силу целого ряда субъективных и организационных моментов деятельности суда так и не стал надежной процессуальной гарантией интересов, прав и свобод личности, в которой так нуждаются участники уголовного судопроизводства и российское общество в целом» [6].

Причины невысокой эффективности судебного контроля обозначил в своей статье видный ученый-процессуалист И. Л. Петрухин. «Высокая удовлетворимость ходатайств прокуроров и следователей, – отмечал он, – не признак больших успехов прокуратуры и органов расследования, а свидетельство низкой эффективности судебного контроля за расследованием преступлений. Причин здесь несколько. Во-первых, высокая служебная нагрузка судей районного звена (например, в Басманном суде – до 200 уголовных дел в среднем на судью в год). Во-вторых, возложение одной и той же функции на следователя, прокурора и судью (судья надеется, что прокурор, давая согласие на проведение процессуального действия, делает это добросовестно, профессионально и не допускает ошибок)» [11, с. 4].

Помимо низкой эффективности, совмещение в одном лице полномочий суда по отправлению правосудия и судебного контроля за досудебным производством неизбежно влечет ещё одну опасность – формирование у судьи предварительного убеждения по вопросу о виновности обвиняемого – проблемы, которая послужила основным мотивом реформы стадии предания суду. Подобное совмещение у одного субъекта различных судебных функций вызывает обоснованную критику в теории уголовного процесса. К примеру, Л. М. Володина справедливо обращает внимание на то, что «не всегда

возможно в случае участия судьи в принятии решения на стадии предварительного расследования обеспечить объективность исследования обстоятельств дела в последующем, в ходе судебного разбирательства. Особенно остро встает этот вопрос для судов российской «глубинки», действующих нередко в составе одного районного судьи» [3, с. 68]. «Судебная система, – образно подмечает А. В. Смирнов, – которая одной рукой закрывает за обвиняемым дверь арестантской камеры, а другой подписывает ему оправдательный приговор, рискует оказаться в положении гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая «сама себя высекала» [14, с. 52].

Недопустимость такого совмещения полномочий была очевидна на момент принятия УПК РФ, и потому решение судьей вопроса о заключении обвиняемого под стражу согласно ст. 63 УПК РФ (в её первоначальной редакции) признавалось основанием для его отвода, но затем, в угоду практическим соображениям и, исходя из своеобразия административно-территориального деления России, Федеральным законом от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ эта норма была исключена. По мнению А. Г. Халиулина, «...будет целесообразен возврат к ранее существовавшему запрету на рассмотрение уголовного дела по существу судьей, который ранее применял к обвиняемому в досудебном производстве меру пресечения, продлял сроки содержания под стражей, давал разрешение на обыск, прослушивание телефонных переговоров и другие ограничения конституционных прав» [17, с. 94]. Аналогичное предложение высказывает Е. Н. Осипков, который считает необходимым дополнить ст. 63 УПК частью 4: «Судья, принимавший участие в предварительном слушании по факту исключения доказательств, а также решения вопроса о ранее избранной мере пресечения в виде заключения под стражу, не может участвовать при рассмотрении дела в судебном заседании, за исключением случаев коллегиального рассмотрения дела. ...Предлагается, как один из вариантов, данные полномочия на этапе подготовки дела к судебному заседанию отнести исключительно к ведению мировых судей. Идеальной же видится форма, в которой указанные полномочия могут быть отнесены к ведению новой процессуальной единицы» [10, с. 10].

Полагаем, что последнее предложение Е. Н. Осипкова является собой наиболее правильный вариант решения данной проблемы. На нежелательность совмещения у судьи различных по своей природе функций обращают внимание многие ученые-процессуалисты. Как отмечает А. В. Смирнов, в публичном процессе требования размежевания процессуальных функций сверхактуальны, поэтому судебный контроль не может быть непосредственно продолжен правосудием, ибо он превращает состязательность в розыск. Судей как минимум должно быть двое: один для предварительного следствия и предания суду, другой – для осуществления правосудия [14, с. 52]. «Принципиально, – отмечают Н. Н. Ковтун и Е. Н. Суслова, – и то, что "косметические" поправки в закон ничего не изменят в этом вопросе, поскольку вопрос о независимом и эффективном следственном судье ("судье за арестами...") надо решать на основе кардинально иных нормативных и организационных моментов осуществления этого вида судебной деятельности» [6].

Вопрос о том, какому органу следует поручить осуществление судебного контроля, разными учеными решается по-разному. По мнению М. К. Свиридова, эту деятельность следует возложить на конституционные (уставные) суды, при этом в качестве аргумента указывалось на то, судебный контроль на досудебном производстве не соответствует назначению уголовного процесса, поскольку природа применяемых при этом норм другая. В частности, нормы, формирующие процедуру деятельности в рамках судебного контроля, – конституционные, а, следовательно, наиболее приемлемые для данного феномена – в конституционном процессе [13, с. 5]. Говоря о необходимости передачи судебного контроля специальным судебным органам, М. Е. Пучковская апеллирует к зарубежному опыту. «Во многих западных странах, – отмечает М. Е. Пучковская, – функция контроля за законностью деятельности органов предварительного следствия возложена на суды, вернее скажем так – на специальный судебный орган, который не осуществляет впоследствии правосудие по уголовному делу. Во Франции – это Обвинительная камера, в Германии – Общественная камера, в Италии – Следственная камера» [12, с. 85].

Заслуживает внимания и предложение, высказанное Н. Г. Муратовой, которая обосновывает необходимость введения в уголовное судопроизводство России фигуры следственного судьи, наделив его контрольными судебными функциями за ограничением или стеснением конституционных прав и свобод личности при производстве дознания, предварительного следствия и оперативно-розыскной деятельности, а также проведения следственным судьей предварительных слушаний в условиях закрытого состязательного судебного разбирательства по основаниям, указанным в пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ. Таким образом, Н. Г. Муратова предлагает передать следственному судье полномочия по осуществлению оперативного контроля за досудебным производством и частично – полномочия по преданию суду [8, с. 4]. Подобное предложение высказано В. В. Николюком и Ю. В. Деришевым, которые выступают за создание специального судебного органа при судебном ведомстве – следственного судьи для организации судебного контроля за производством предварительного расследования прокурором, органами дознания и предварительного следствия [9, с. 170]. За целесообразность создания института специализированных органов судебной власти – федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому принимали решения на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу, высказывается и И. Ф. Демидов [4, с. 24].

Важно отметить, что потребность в создании новой фигуры для осуществления судебного контроля признается и руководством судебной системы России. Так, В. М. Лебедев считает, что судебный контроль за расследованием может быть обеспечен и путем поручения этой функции следственному судье [7, с. 71].

На наш взгляд, более привлекательной представляется позиция О. А. Картохиной, которая предлагает «ввести должность следственного судьи, правомочного принимать решения в ходе предварительного расследования об избрании мер пресечения и иных мер принуж-

дения, а также о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и отнесенные Законом к компетенции суда. А также наделить такого судью полномочиями по подготовке к судебному разбирательству, в том числе по проведению предварительного слушания» [5, с. 78].

Соглашаясь с идеей создания специального субъекта для осуществления судебного контроля (при этом у нас не вызывает возражения предлагаемое в литературе название должности – «судебный следователь»), считаем, что оптимальной моделью для определения полномочий такого субъекта могла быть Обвинительная камера во Франции, которая по УПК Франции 1958 г. являлась Следственным судом второй инстанции в составе Апелляционного суда. При разрешении вопросов о предании обвиняемого суду по материалам, переданным прокурором, Обвинительная камера устанавливает, собраны ли против обвиняемого достаточные улики. При этом она может во всех случаях по ходатайству Генерального прокурора, или одной из сторон, или по своей инициативе распорядиться о проведении дополнительных следственных действий, которые она считает полезными. Обвинительная камера также проверяет законность процессуальных действий по делам, переданным на ее рассмотрение. Если Обвинительная камера найдет основание для признания недействительности процессуального акта, она объявляет его недействительным с последующим изъятием из дела. Важно отметить, что Обвинительная камера вправе распорядиться о предъявлении обвинения лицам, которые не были привлечены к уголовной ответственности. Напротив, если же Обвинительная камера приходит к выводу, что совершенное деяние не содержит ни состава преступления, ни проступка, ни нарушения, или если не существует достаточных улик против обвиняемого, она объявляет о прекращении уголовного преследования.

Немаловажным является то, что решение вопроса о предании суду было не единственной функцией Обви-

нительной камеры. Глава II Уголовно-процессуального кодекса Франции называлась «Об Обвинительной камере как следственном суде второй инстанции», поэтому она имела полномочия по выдаче мандата на задержание, утверждала постановление следственного судьи о заключении под стражу и рассматривала апелляции на эти решения. А в соответствии с разделом третьим этой главы Обвинительная камера осуществляла контроль за деятельностью должностных лиц полиции и могла передавать материалы в отношении этих лиц Генеральному прокурору.

Как видно, этот судебный орган имел полномочия по осуществлению судебного контроля, практически полностью совпадающие с полномочиями суда, предусмотренными ст. 29 УПК РФ. Привлекательным для нас здесь представляется подход, при котором функции судебного контроля и правосудия отделены друг от друга, поскольку соответственно судебный контроль возлагался на Обвинительную камеру, а правосудие на СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ, РАЗРЕШАЮЩИЕ ДЕЛО ПО СУЩЕСТВУ, предусмотренные Книгой второй УПК Франции [16].

Назвать этот орган можно было бы, к примеру, «Апелляционный следственный суд», а судьи этого суда могли бы занимать должности «следственного судьи». Сосредоточив различные направления судебного контроля в одном органе, отделенном от судов, отправляющих правосудие, с одной стороны, мы получим орган, который не будет отвлекаться на решение иных вопросов, что сделает его деятельность эффективной, с другой – повысим гарантии осуществления правосудия, ибо исключим ситуации, когда один и тот же судья сначала положительно решает вопросы, связанные с производством следственных действий на предварительном следствии, потом – о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на предварительном слушании, а затем рассматривает дело в отношении этого же обвиняемого по существу.

Литература

1. Азаров, В. А. Феномен судебного контроля: заметки на полях трех диссертаций / В. А. Азаров // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 2. КонсультантПлюс.
2. Быков, В. М. Судебный контроль за предварительным следствием / В. М. Быков // Уголовный процесс. – 2007. – № 1. – С. 35 – 38.
3. Володина, Л. М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / Л. М. Володина. – Екатеринбург, 1999.
4. Демидов, И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса / И. Ф. Демидов // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: материалы конференции. – М.; Тюмень, 1995.
5. Картохина, О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Картохина. – СПб., 2003.
6. Ковтун, Н. Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н. Н. Ковтун, Е. Н. Суслова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. КонсультантПлюс.
7. Лебедев, В. М. Судебная власть в современной России / В. М. Лебедев. – СПб., 2001.
8. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Г. Муратова. – Екатеринбург, 2004.
9. Николюк, В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / В. В. Николюк, Ю. В. Деришев. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.
10. Осипков, Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Осипков. – Оренбург, 2007.
11. Петрухин, И. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью / И. Петрухин // Уголовное право, 2007. – № 2.

12. Пучковская, М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук / М. Е. Пучковская. – Красноярск, 2003.
13. Свиридов, М. К. Соотношение функций разрешения дел и судебного контроля в деятельности суда / М. К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2001.
14. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб.: Наука: Альфа, 2000.
15. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / А. И. Давыдова [и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года с изменениями и дополнениями на 1 января 1966 года. – М.: Прогресс, 1967.
17. Халиулин, А. Г. Заключение под стражу: законность и необходимость / А. Г. Халиулин // Уголовный процесс. – 2008. – № 7.

Информация об авторе:

Юркевич Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-903-943-92-82, urkevich@kemsu.ru.

Nicolay A. Yurkevich – Candidate of L, Assistant Professor at the Department Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28.10.2013 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащение научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры и рекомендации научного руководителя.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
 Телефон: (3842) 58-13-01
 Факс: (3842) 58-38-85
 Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
 Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 17.02.2014 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 25.03.2014 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 33,25. Уч.- изд. л. – 30,84.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано ООО "Печатный двор Кузбасса". 650055, Кемерово, ул. Мичурина, 56.